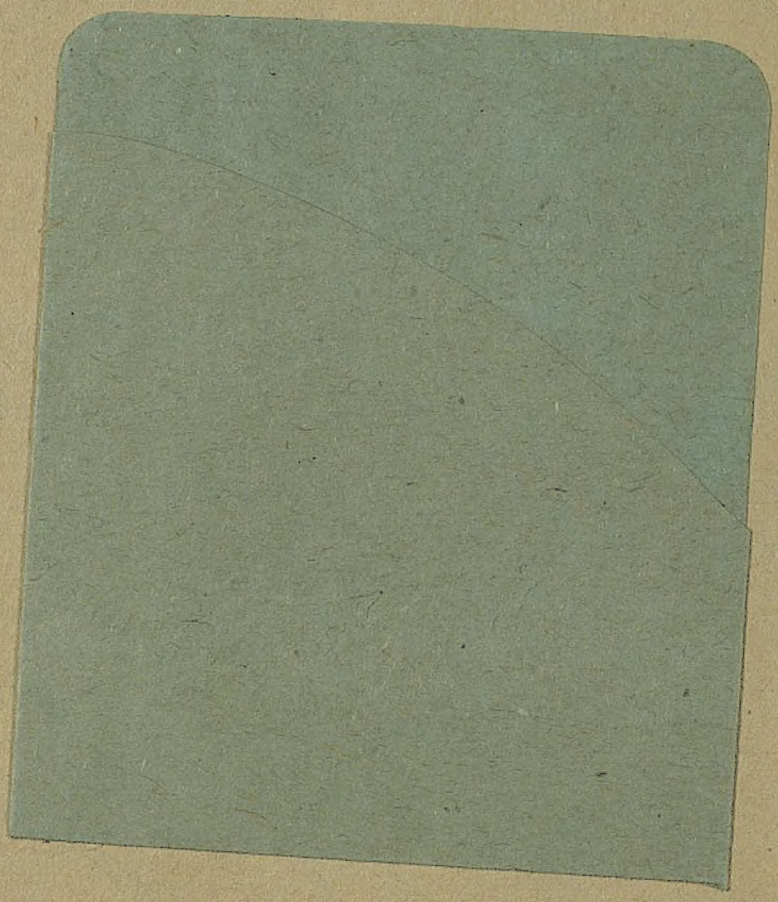
Б59
419



559 419

КУРСЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.

Приватъ-Доцента
Императорскаго Московскаго Университета и
Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая
П. И. Числова.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 185093

МОСКВА—1914.

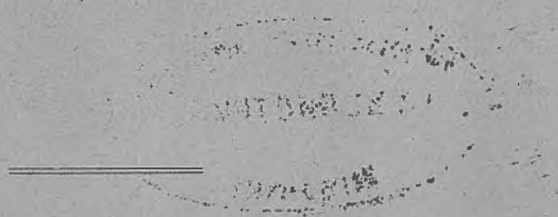
0.3.
932В.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Исторический

Изъ Ученыхъ Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Лицея въ память Цесаревича Николая за 1914 г.

Настоящая книга, представляющая собою Курсъ исторіи русскаго права, предназначена служить для начинающихъ пособіемъ къ самостоятельному изученію названной науки, указывать тотъ путь, по которому имъ необходимо идти для лучшаго усвоенія ея содержанія. Оправданіемъ рѣшимости автора выпустить въ свѣтъ этотъ Курсъ является весьма понятное желаніе дать въ руки своимъ слушателямъ руководство, вполнѣ соотвѣтствующее его взглядамъ на объемъ и содержаніе преподаваемой имъ науки.

Насколько предлагаемый Курсъ отвѣчаетъ научнымъ требованіямъ, авторъ предоставляетъ судить спеціалистамъ; но если его скромный трудъ облегчитъ приступающимъ къ изученію исторіи русскаго права работу усвоенія обширнаго и сложнаго содержанія нашей науки, онъ будетъ считать свою цѣль достигнутой.



ВВЕДЕНІЕ.

Опредѣленіе науки исторіи русскаго права; ея задача. Исторія русскаго права—*наука, изучающая постепенный ходъ развитія юридическихъ нормъ и институтовъ въ жизни русскаго народа.* Задача исторіи права состоитъ въ изслѣдованіи: 1) *формъ*, въ которыхъ проявлялись нормы и институты отечественнаго права въ различныя эпохи, и 2) *сущности* этихъ нормъ и институтовъ, съ цѣлью систематическаго изображенія, на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, того процесса, какимъ сложился современный юридическій порядокъ.

Внѣшняя и внутренняя исторія права; предметъ, значеніе и взаимное отношеніе той и другой. Двоякая задача исторіи права приводитъ къ раздѣленію ея на 2 части: 1) *исторію формъ права*, или *источниковъ*, и 2) *исторію нормъ и институтовъ*. Первая носитъ названіе *исторіи внѣшней*, вторая—*исторіи внутренней.*

Прежде, чѣмъ указать предметъ изслѣдованія упомянутыхъ частей науки, необходимо дать опредѣленіе источника права и института права.

1) *Источниками права* называются тѣ его *формы, которыя придаютъ обязательную силу нормѣ*, сообщаютъ ей юридическій характеръ. Съ этой точки зрѣнія *законъ*, „какъ право писанное“, будь то отдѣльный законодательный актъ, или цѣлый памятникъ, напр., Судебники обоихъ Іоанновъ, есть источникъ тѣхъ нормъ, которыя въ немъ содержатся и, благодаря ему, получаютъ обязательную силу. Но и „право неписанное“—*обычай*, должно быть признано источникомъ права, такъ какъ онъ представляетъ рядъ правилъ, имѣющихъ характеръ обязательности въ народномъ сознаніи и въ глазахъ общественной власти. Обычай, напр., кровавой и кровной мести, встрѣчающійся на зарѣ исторіи, какъ русскаго, такъ и другихъ народовъ, не имѣя санкціи никакого внѣшняго авторитета, считался, тѣмъ не менѣе, священнымъ

правовымъ институтомъ. Исполненіе акта мести являлось не правомочіемъ, а юридическою обязанностью, нарушеніе которой было связано съ невыгодными послѣдствіями для нарушителя.

2) Подъ *институтомъ права* разумѣется *совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ одно какое-нибудь отношеніе частнаго или публичнаго права*; напр., правила, регулирующія отношенія брачныя составляютъ институтъ брака; нормы, опредѣляющія организацію государственной власти—институтъ верховной власти и т. п.

Источники права составляютъ предметъ внѣшней исторіи. Она занимается научной разработкой памятниковъ обычнаго права и законодательства въ цѣломъ ихъ составѣ, начиная съ древнѣйшихъ и оканчивая новѣйшими, изслѣдуя: причины, поводы и цѣль изданія каждаго памятника; исторію составленія; источники, вліявшіе на содержаніе памятника; его систему; вопросъ о подлинности; связь его съ предшествующими и послѣдующими памятниками; значеніе его въ цѣлой системѣ современнаго ему законодательства [1]). Что касается содержанія памятника, то оно излагается во внѣшней исторіи постольку, поскольку необходимо дать общее понятіе о памятникѣ; всестороннее изученіе содержанія—дѣло внутренней исторіи.

Предметомъ внутренней исторіи является изученіе самыхъ нормъ и институтовъ права, составляющихъ содержаніе памятниковъ. Она объясняетъ происхожденіе и постепенное развитіе юридическихъ нормъ и институтовъ, устанавливаетъ преемственную связь между ними, раскрываетъ причинную зависимость однѣхъ формъ отъ другихъ, указываетъ на отношеніе институтовъ прошлаго къ институтамъ послѣдующихъ эпохъ. При этомъ, надо замѣтить, что изучая правовые институты, какъ одинъ изъ факторовъ соціальной жизни даннаго народа въ данное время, внутренняя исторія не можетъ ограничиться односторонимъ ихъ изученіемъ, такъ какъ право стоитъ въ тѣсной связи съ другими явленіями общественной жизни, какъ-то религіозными, этическими, политическими, экономическими. Всѣ эти явленія, обусловливающія право и сами нерѣдко обусловливаемыя правомъ, должны найти себѣ мѣсто во внутренней исторіи, такъ какъ только тогда можно будетъ возсоздать живыя формы правовой жизни народа въ опредѣленныя эпохи, уразумѣть его правосознаніе.

Далѣе, внутренняя исторія, при построеніи системы права, особенно, права древняго, не можетъ ограничиться изученіемъ

[1]) См. *Леонтовича.*—Исторія рус. пр. Одесса, 1869, стр. 6; срв. *Латкина.*—Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, Спб. 1890, ст. 1—2.

исключительно памятниковъ права: древность бѣдна такими памятниками, такъ какъ форма писаннаго права — продуктъ болѣе поздняго времени. Поэтому, при изложеніи внутренней исторіи, приходится прибѣгать къ инымъ матеріаламъ, въ которыхъ встрѣчаются указанія на дѣйствовавшее въ извѣстное время право. Къ такимъ вспомогательнымъ для исторіи права матеріаламъ относятся: 1) юридическіе акты оффиціальнаго (судные списки, правыя грамоты и др.) и частнаго (купчія, мѣновыя, духовныя грамоты и пр.) происхожденія, 2) лѣтописи и хронографы; 3) памятники устной (былины, пѣсни, поговорки, пословицы) и письменной словесности; 4) записки и письма современниковъ; 5) сказанія иностранцевъ; 6) вещественные памятники, или археологическія данныя.

Однако памятники права останутся основнымъ источникомъ, изъ котораго внутренняя исторія должна постоянно черпать необходимый матеріалъ. Отсюда ясно значеніе внѣшней исторіи и отношеніе ея къ исторіи внутренней. Всестороннее изученіе послѣдней невозможно безъ основательнаго знакомства съ источниками права и безъ научной критической оцѣнки ихъ по формѣ и содержанію, т. е. безъ предварительнаго изученія исторіи внѣшней. Поэтому, внѣшняя исторія, т. е. разработка источниковъ, должна предшествовать исторіи внутренней, что мы и встрѣчаемъ въ большинствѣ курсовъ исторіи права, какъ русскихъ, такъ, въ особенности, иностранныхъ ученыхъ. Но научное значеніе внѣшней исторіи не исчерпывается указаннымъ отношеніемъ къ исторіи внутренней. Изученіе внѣшней исторіи важно само по себѣ.

Дѣло въ томъ, что внутренняя исторія права, изучая исторію правовыхъ институтовъ, излагаетъ ихъ по отдѣльнымъ отраслямъ права, какъ то: права государственнаго, уголовнаго, процессуальнаго, гражданскаго. Но историческое изученіе институтовъ можетъ входить по частямъ также въ изслѣдованія и курсы юридическихъ дисциплинъ, имѣющихъ своимъ предметомъ догматическое изученіе указанныхъ отраслей права; самые памятники права не входятъ въ кругъ изслѣдованій этихъ дисциплинъ. Наука гражданскаго права, напр., только беретъ изъ памятниковъ необходимый историческій матеріалъ, не останавливаясь вовсе на ихъ изученіи. *Спеціальное изученіе памятниковъ*, составляетъ, такимъ образомъ, *основной*, *собственный*, такъ сказать, *предметъ исторіи права*, тогда какъ изученіе институтовъ самостоятельнымъ объектомъ нашей науки не является. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что задача исторіи права должна сводиться къ исторіи внѣшней, или исторіи источниковъ, но на послѣднюю должно быть об-

ращено особое вниманіе, и изложеніе ея отдѣлено отъ исторіи внутреннеї, при изученіи которой исторія права соприкасается съ другими юридическими дисциплинами, отличаясь отъ *этихъ дисциплинъ* не предметомъ, а лишь методологическими пріемами изслѣдованія.

Дѣленіе исторіи русскаго права на періоды; краткая характеристика каждаго. Исторію русскаго права принято дѣлить на періоды съ цѣлью выясненія характерныхъ особенностей правовыхъ началъ, лежавшихъ въ основѣ опредѣленныхъ промежутковъ исторической жизни русскаго народа. Такихъ періодовъ различаютъ три: 1) *удѣльно-вѣчевой* (именуемый также княжескимъ, земскимъ, земско-вѣчевымъ) отъ IX до XIII в. включительно; 2) *московскій* (точнѣе московско-литовскій) отъ XIV до XVII вѣка включительно; 3) *петербургскій* (иначе императорскій) съ XVIII вѣка.

Характерной особенностью удѣльно-вѣчевого періода въ сферѣ *внѣшней исторіи права* является господство юридическаго обычая, при слабой, зачаточной дѣятельности законодательной власти. Законъ, какъ продуктъ этой дѣятельности, по своему содержанію представляетъ, за немногими исключеніями, письменную формулировку и санкцію обычнаго права. Въ области исторіи внутренней и, въ частности, *въ правѣ государственномъ*, періодъ этотъ характеризуется господствомъ частно-правовыхъ началъ. Отношенія между органами государственной власти: княземъ, его дружиннымъ совѣтомъ и земщиной въ лицѣ вѣча опредѣлялись „рядомъ“, т. е. договоромъ. Договоромъ опредѣлялись отношенія отдѣльныхъ классовъ русскаго общества какъ между собою, такъ и къ власти. Договорное начало лежало также и въ основѣ *права процессуальнаго*: вызовъ на судъ, судебный поединокъ и сводъ, какъ особыя формы процесса, исполненіе судебныхъ рѣшеній стояли въ зависимости отъ добровольнаго соглашенія сторонъ. Частно-правовыя начала проникали и въ *право уголовное*: преступленій въ нашемъ смыслѣ не было; всякое правонарушеніе разсматривалось, какъ частная обида, за которую слѣдовало не наказаніе, а месть, отместка. И только немногія дѣянія, особенно опасныя для общественнаго мира, подлежали общественному возмездію, наказанію.

Отличительная черта періода московскаго въ области *внѣшней исторіи* заключается въ постепенномъ вытѣсненіи обычнаго права закономъ. Въ началѣ періода замѣчается еще совмѣстное и равносильное дѣйствіе обоихъ источниковъ, но въ концѣ его законъ освобождается отъ вліянія обычая и низводитъ его на

степень вспомогательной формы права. Въ *государственномъ правѣ* частно-правовыя начала постепенно замѣняются началами публично-правовыми. Договорныя отношенія между князьями и земщиной исчезаютъ, такъ какъ исчезаетъ органъ выраженія воли послѣдней—вѣче. Отношенія князей удѣльныхъ и московскаго, при развивающемся единодержавіи послѣдняго, изъ договорныхъ превращаются въ служилыя. Вмѣсто свободныхъ отношеній общественныхъ элементовъ къ власти слагается система государственныхъ тяглъ: вольные служилые люди закрѣпощаются въ тягло служебное; свободное сельское населеніе прикрѣпляется къ землѣ и вмѣстѣ съ населеніемъ посадскимъ закрѣпощается въ тягло податное. Въ *правѣ процессуальномъ* наряду съ старинною формою процесса, „судомъ", покоившемся на договорномъ отношеніи сторонъ, развивается государственная форма, „сыскъ" для уголовныхъ преступленій, инціативу преслѣдованія которыхъ береть на себя государство. Это обстоятельство указываетъ, въ свою очередь, на существенныя измѣненія въ *правѣ уголовномъ*. Частно-правовое воззрѣніе на преступленіе, какъ на частную обиду, уступаетъ мѣсто государственному взгляду на него, какъ на „лихое дѣло", опасное для общества. Благодаря такому взгляду, понятіе преступленія пріобрѣтаетъ постепенно формальный характеръ, и кругъ дѣяній, считающихся преступными, постепенно расширяется. Этимъ же взглядомъ обусловливается и система суровыхъ наказаній, неизвѣстныхъ первому періоду.

Петербургскій періодъ характеризуется въ сферѣ *внѣшней исторіи права* полнымъ господствомъ закона: обычай допускается только тогда, когда на данное отношеніе нѣтъ законодательной нормы или когда дѣйствіе его въ опредѣленномъ случаѣ разрѣшается закономъ. Въ *государственномъ правѣ* и въ общественныхъ отношеніяхъ происходятъ коренныя реформы на началахъ, заимствованныхъ извнѣ и чуждыхъ духу московскаго права. Впервые формулируются закономъ существо и организація государственной власти, которая становится абсолютной и усвоиваетъ принципы западно-европейскаго полицейскаго государства. Общественные элементы открѣпощаются постепенно отъ государственнаго тягла: дворяне освобождаются отъ обязательной службы, сохраняя всѣ свои права и, такимъ образомъ, создается сословіе дворянское; посадскіе получаютъ особую организацію по образцу европейскаго средняго сословія; крѣпостная зависимость крестьянъ, перешедшая со времени освобожденія дворянъ изъ крѣпости землѣ въ крѣпость лицу, отмѣняется, и создается изъ крѣпостныхъ сословіе свободныхъ сельскихъ обывателей.

Въ *процессуальномъ правѣ* неоднократная смѣна суда и сыска приводитъ къ полному отдѣленію гражданскаго судопроизводства отъ уголовнаго процесса, въ который вводится состязательное начало. Въ *правѣ уголовномъ* понятіе преступленія окончательно пріобрѣтаетъ формальный характеръ, но система суровыхъ наказаній постепенно отмѣняется.

Характеризуя указанные три періода исторіи русскаго права, мы не коснулись права гражданскаго. Это потому, что въ теченіе первыхъ двухъ періодовъ не замѣчается въ частно-правовыхъ институтахъ рѣзкихъ особенностей, позволяющихъ отличить одинъ періодъ отъ другого. Измѣненія государственныхъ и общественныхъ отношеній не отразились на гражданскомъ правѣ, которое регулировалось, по преимуществу, обычаемъ, развивавшемся въ этой сферѣ вмѣстѣ съ развитіемъ экономическихъ условій жизни. Законодательство рѣдко бралось за регламентацію частно-правовыхъ отношеній, главнымъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти отношенія соприкасались съ интересами государственными, какъ, напр., отношенія по вотчинному и помѣстному землевладѣнію. И только въ петербургскій періодъ нашей исторіи, при исключительномъ господствѣ закона, гражданское законодательство вноситъ измѣненія въ институтъ права наслѣдственнаго и начинаетъ регламентировать отношенія брачнаго права, опредѣлявшіяся раньше законами церковными.

Литература исторіи русскаго права въ связи съ краткимъ очеркомъ научной ея обработки. Во введеніи къ каждой наукѣ принято давать свѣдѣнія объ ея литературѣ съ цѣлью не только указать начинающимъ пособія для самостоятельныхъ занятій, но и познакомить ихъ съ именами дѣятелей, содѣйствовавшихъ своими учеными трудами развитію науки.

По отношенію къ исторіи русскаго права, впрочемъ, подробное указаніе литературы излишне, такъ какъ въ настоящее время имѣются библіографическіе указатели, изданные: 1) проф. **Загоскинымъ** подъ названіемъ: „*Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература* (Казань 1890 г.). и 2) проф. **Леонтовичемъ** подъ заглавіемъ: „*Исторія русскаго права*“ (Варшава 1902).

Поэтому, оставляя въ сторонѣ монографіи, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, мы ограничимся только указаніемъ *пособій общаго характера и курсовъ*, представляющихъ систематическое изложеніе исторіи русскаго права. Но такъ какъ систематическое изложеніе нашей науки стало возможнымъ лишь послѣ

предварительнаго собранія и изученія памятниковъ права, то прежде всего отмѣтимъ труды въ этомъ направленіи.

1) *Источники права.* Первымъ собирателемъ и истолкователемъ памятниковъ права былъ историкъ XVIII вѣка *Татищевъ*. Въ 1737 году онъ нашелъ *Судебникъ Іоанна Грознаго* и, снабдивъ примѣчаніями, представилъ Академіи Наукъ. Въ 1738 году онъ открылъ въ т. назыв. Новгородскомъ Лѣтописцѣ *Русскую Правду*, списалъ ее, и также отдалъ въ Академію, гдѣ пролежавъ до 1786 года, она была издана Академіей Наукъ въ I т. Продолженій къ Древней Россійской Вивліоѳикѣ. Въ 1768 году былъ изданъ Судебникъ съ примѣчаніями Татищева проф. *Миллеромъ*, оказавшемъ, въ свою очередь, неоцѣнимыя услуги русской исторіи и исторіи русскаго права собраніемъ громаднаго (до 900 №№) историческаго матеріала, хранящагося въ такъ назыв. „портфеляхъ Миллера“ въ Академіи Наукъ и въ Москов. Архивѣ Иност. Дѣлъ.

Немаловажны также заслуги дѣятелей екатерининскаго времени: *Елагина*, *гр. Мусина-Пушкина* и *Ген.-Майора Болтина*, издавшихъ *Русскую Правду* въ 1792 г. и, затѣмъ, въ исправленномъ видѣ въ 1799 г. съ примѣчаніями Болтина.

Но усиленною дѣятельностью по собиранію, выясненію и научному изданію историческаго и историко-юридическаго матеріала отмѣчена первая четверть XIX ст. Толчокъ этой дѣятельности далъ знаменитый *гр. Румянцевъ*, по почину котораго была учреждена въ 1811 г. при Архивѣ Иност. Дѣлъ „Комиссія для печатанія государст. грамотъ и договоровъ“. Въ 1813 г. вышелъ I томъ „*Собранія Государ. Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Гос. Коллегіи Иност. Дѣлъ*“, подъ редакціей знатока древнихъ рукописей, *Бантышъ-Каменскаго*; остальные 3 тома вышли подъ редакціей другого замѣчательнаго сотрудника гр. Румянцева—*Малиновскаго*: второй въ 1819; 3-й въ 1822 и 4-й— въ 1828 г. Значительно позже былъ изданъ 5 томъ и на немъ изданіе прекратилось. Чтобы понять всю важность этого драгоцѣннаго „Собранія“ для нашей науки, достаточно указать, что въ немъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующіе памятники: 1) договорныя междукняжескія грамоты; 2) духовныя княжескія грамоты; 3) грамоты жалованныя и таможенныя; 4) ханскіе ярлыки; 5) акты земскихъ соборовъ XVI и XVII в.; 6) ограничительная на царство запись Василія Шуйскаго; 7) акты, относящіеся до избранія Царя Алексѣя Михаиловича на престолъ польско-литовскаго государства и др.

Въ Комиссіи для печатанія госуд. грамотъ и договоровъ наряду съ Бантышъ-Каменскимъ и Малиновскимъ принимали

дѣятельное участіе извѣстные археисты: *Калайдовичъ* и *Строевъ*, много потрудившіеся надъ собраніемъ, описаніемъ и научнымъ изданіемъ громаднаго рукописнаго матеріала.

Въ первую свою научную экспедицію, организованную въ 1817 г. по почину и на средства гр. Румянцева, Калайдовичъ и Строевъ нашли въ Волоколамскомъ монастырѣ *Судебникъ Іоанна III*, извѣстный до того времени лишь въ латинскомъ переводѣ бар. Герберштейна, и издали его въ 1819 году вмѣстѣ съ Судебникомъ Грознаго подъ заглавіемъ: „Законы Вел. Кн. Іоанна Васильевича и внука его, Царя Іоанна Васильевича". По почину Строева въ 1828 году при Академіи Наукъ была учреждена *Археографическая Экспедиція*, во главѣ которой поставленъ Строевъ. Задачей экспедиціи было систематическое описаніе всего историческаго матеріала въ провинціи, главнымъ образомъ, въ духовныхъ библіотекахъ.

Въ концѣ 1834 г. была образована *Археографическая Комиссія* съ временною цѣлью разбора и печатанія добытаго Строевымъ въ теченіе $5^1/_2$ лѣтъ огромнаго количества актовъ, но затѣмъ, Комиссія стала постоянной и существуетъ до нашихъ дней.

Въ 1836 году Комиссія издала въ 4 т. акты, найденные Строевымъ, съ своими дополненіями подъ заглавіемъ. *Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археографическою Экспедиціей Императорской Академіи Наукъ*". Съ тѣхъ поръ Археогр. Ком. выпустила въ свѣтъ болѣе сорока (нерѣдко многотомныхъ) изданій, изъ которыхъ для исторіи права важны:

а) *Акты юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства*, 1838 г.

б) *Акты историческіе* въ 5 т., 1841—1842 г.

в) *Дополненія къ актамъ историческимъ*, въ XII т., 1846—1869 г.

г) *Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи* въ 5 т., 1846—1853.

д) *Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи* въ 14 т., 1861—1889 г.

е) *Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи* въ 3 т., 1857—1884 г.

ж) *Писцовыя книги Новгородскія и Пжорскія XVII вѣка* 1861 г.

Въ 1826 году было образовано *Второе* Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи для производства кодификаціонныхъ работъ. Отдѣленіе подъ руководствомъ знаменитаго гр. Сперанскаго напечатало въ 1830 г. „*Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи*" въ 46 т., заключающихъ въ себѣ законы, правительственные акты и нѣкоторыя судебныя рѣшенія за время

отъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича 1649 г. до 12 декабря 1825 г. Изданіе этого замѣчательнаго Сборника должно считать эпохой, съ которой начинается изученіе новѣйшей исторіи русскаго права. Одновременно съ Первымъ Полнымъ Собраніемъ было напечатано 8 томовъ *Второго Полнаго Собранія*, разросшагося впослѣдствіи до 55 т., содержащихъ въ себѣ законы и правительственные акты съ 12 дек. 1825 г. до 1 марта 1881 г. *Кодификаціонное Отдѣленіе Государственной Канцеляріи*, въ которое было преобразовано Второе Отдѣленіе, продолжаетъ печатать *Третье Полное Собраніе*, доведенное до 25-го тома. Сперанскій предполагалъ наряду съ Полнымъ Собраніемъ издать и „Собраніе Законовъ древнихъ“ отъ начала государства до 1649 г.; но эта мысль не осуществилась; изданіе источниковъ древняго права выпало на долю частныхъ лицъ, главнымъ образомъ, ученыхъ изслѣдователей.

Такъ, въ 1844 г. проф. *Тобинъ* издалъ „*Собраніе критически обработанныхъ источниковъ исторіи русскаго права*“ [1]), въ которомъ помѣщены Русская Правда и договоры съ нѣмцами, а въ 1846 г.— „*Древнѣйшія русскія судебныя грамоты*“ [2]), а, именно: Двинскую и Бѣлозерскую грамоту и Судебники.

Въ этомъ же 1846 г. извѣстный изслѣдователь Русской Правды, *Калачевъ*, издаетъ „*Текстъ Русской Правды* по четыремъ спискамъ разныхъ редакцій и „*Сводный текстъ Русской Правды*“ въ своемъ капитальномъ трудѣ, являющемся до нашихъ дней однимъ изъ основныхъ въ дѣлѣ изученія Русской Правды: *Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды.*

Въ 1847 г. проф. *Мурзакевичъ* издаетъ впервые въ полной редакціи одинъ изъ важнѣйшихъ послѣ Русской Правды памятниковъ: „*Псковскую Судную Грамоту*“, найденную имъ въ библіотекѣ кн. Воронцова.

Въ 1888 г. издается *Гинцбургомъ* текстъ „*Новгородской и Псковской Судныхъ Грамотъ*“ съ краткимъ объяснительнымъ словаремъ.

Въ 1904 г. проф. *Сергѣевичъ* предпринимаетъ новое изданіе Русской Правды подъ заглавіемъ: „*Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ*“. При изложеніи внѣшней и внутренней исторіи мы будемъ цитировать нумерацію и текстъ статей по этому изданію.

Московскимъ Археологическимъ Институтомъ подъ редакціей *Маркса* издаются фототипическимъ способомъ: въ 1910 году

---

[1]) Tobien. — Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechts. Dorp.

[2]) — Die ältesten Gerichtsordnungen Russlands.

„*Русская Правда*“ по древнѣйшему Синодальному списку, а въ 1912 г. „*Договоръ Олега 911*“ къ тысячелѣтію этого памятника съ приложеніемъ текста договоровъ Игоря и Святослава и разсказа лѣтописи о предшествовавшихъ этимъ договорамъ походахъ Русскихъ на Византію по Ипатьевскому списку.

Такъ какъ многія изъ указанныхъ изданій недоступны, а для цѣлей учебныхъ важно имѣть источники подъ руками, то является потребность въ переизданіи памятниковъ права. Такой потребности удовлетворяютъ *сборники и хрестоматіи.*

Въ 1893 году появляется сборникъ *Сѣверскаго* — „*Памятники древняго русскаго законодательства*“.

Въ 1900 г. проф. *Грибовскій* издастъ „Сборникъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ XVIII ст.

Съ 1909 г. издаются подъ редакціей проф. Ключевскаго и Любавскаго и пр.-доцен. Бахрушина, Готье, Кизеветтера и Яковлева отдѣльные сборники подъ общимъ названіемъ: „Памятники Русской Исторіи“. До сихъ поръ вышли слѣдующіе сборники:

а) „*Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ*“ подъ ред. Бахрушина 1909 г.

б) „*Памятники исторіи Вел. Новгорода*“ подъ ред. Бахрушина 1909 г.

в) „*Акты, относящіяся къ Исторіи Земскихъ Соборовъ*“ подъ ред. Готье 1909 г.

г) „*Памятники исторіи Смутнаго времени*“ подъ ред. Готье 1909 г.

д) *Основные законодательные акты, касающіеся государ. учрежденій въ Россіи XVIII и первой четверти XIX в.* подъ ред. Кизеветтера 1909 г.

е) „*Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вѣкъ*“ подъ ред. Вормса, Готье, Кизеветтера и Яковлева 1910 г.

Въ 1910 г. Историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета издалъ *Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича 1649 г.* и сборники: а) „*Памятники законодательства Петра Великаго*“ подъ ред. Богословскаго 1910 и b) *Намѣстничьи, губныя и земскія уставныя грамоты Московскаго Государства*“ подъ ред. прив.-доц. Яковлева 1910 г.

Изъ хрестоматій укажемъ на:

а) „*Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ въ исторіи древняго русскаго права*“ Утина и Лазаревскаго 1858 г., представляющее библіографическую рѣдкость;

б) *Хрестоматію* Аристова; Варш. 1870 г.;

в) *Хрестоматію по исторіи русскаго права проф. Владимірскаго-Буданова* въ трехъ выпускахъ, изъ которыхъ въ первомъ (6 изд. 1908 г.) помѣщены важнѣйшіе памятники съ X по XIV в.: во второмъ (4 изд. 1903) — съ XIV по XVI в., и въ третьемъ (3 изд. 1908) — исключительно указанныя книги приказовъ. Текстъ памятниковъ сопровождается примѣчаніями, сопоставленіями и указаніемъ на литературу каждаго памятника.

2) *Пособія общаго характера и курсы исторіи русскаго права.* Научная разработка и систематическое изложеніе исторіи русскаго права начинается въ 20 годахъ XIX в. съ появленіемъ сочиненій профессоровъ Дерптскаго Университета: *Эверса* — „*Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи*“ [1]) и *Рейца*—„*Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ*“ [2]). Первое сочиненіе посвящено исторіи права отъ основанія русскаго государства до Ярослава; второе дастъ полный систематическій обзоръ исторіи русскаго права съ X в. до Соборнаго Уложенія 1649 г. и стоитъ подъ вліяніемъ выводовъ Эверса, положившаго начало *родовой теоріи* нашего общественнаго быта, научно обоснованной и точно формулированной впослѣдствіи представителями т. называемой *юридической школы* историковъ: профессорами *Соловьевымъ* и *Кавелинымъ*. Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ, что весь историческій процессъ у насъ сводится къ постепенному разложенію родового быта, которымъ жили наши предки въ теченіе всего удѣльно-вѣчевого періода и переходу его въ бытъ государственный, окончательно водворенный реформами Петра Великаго. По своимъ взглядамъ Эверсъ и Рейцъ являлись типичными представителями такъ назыв. *нѣмецкаго направленія*, начало которому въ русской исторіографіи было положено еще въ XVIII в. иностранцами-академиками Байеромъ и Шлецеромъ. Считая восточныхъ славянъ стоявшими въ половинѣ IX вѣка на низкой степени культуры и приписывая большое цивилизующее значеніе германскому элементу въ лицѣ пришедшихъ къ намъ варяжскихъ князей, ученые нѣмецкаго направленія отказывали русскимъ въ самобытномъ развитіи ихъ политической и юридической жизни, объясняя всѣ факты послѣдней заимствованіемъ германскихъ порядковъ, обычаевъ и законовъ.

Эверсъ и Рейцъ занимались, главнымъ образомъ, внутренней исторіей русскаго права. Первыя попытки систематическаго изло-

---

[1]) Эверсъ.—Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwickelung 1826. Пер. Платонова 1835.

[2]) Рейцъ. — Versuch über die geschichtliche Ausbildung der Russischen Staats-und Rechtsverfassung 1829. Пер. Морошкина 1836 г.

женія внѣшней исторіи относятся къ сороковымъ годамъ прошлаго ст. и принадлежатъ: основателю научнаго правовѣдѣнія въ Россіи, проф. *Неволину* и проф. *Рождественскому*. Во второмъ томѣ своей „*Энциклопедія Законовѣдѣнія*“ (1840) Неволинъ далъ очень краткое „*Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства*“ отъ договоровъ съ Греками до Свода Законовъ Россійской Имперіи. Ему же принадлежитъ и первый опытъ изложенія исторіи нашего гражданскаго права, подъ заглавіемъ: „*Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ*“ въ 3-хъ томахъ, — трудъ, не утратившій значенія и до нашего времени.

Курсъ внѣшней исторіи проф. Рождественскаго: *Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства*“ (1848) представляетъ собою полное и стройное изложеніе исторіи памятниковъ нашего права. Внѣшняя исторія стала впослѣдствіи входить, какъ составная часть, въ курсы исторіи русскаго права, о которыхъ будетъ сказано ниже. Но въ 90 годахъ прошлаго вѣка мы снова встрѣчаемся съ опытами отдѣльнаго изложенія внѣшней исторіи. Таковы курсы профессоровъ *Латкина* и *Ясинскаго*, вышедшіе подъ одинаковымъ заглавіемъ: „*Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права*“; причемъ, „Лекціи“ Латкина (1890) посвящены внѣшней исторіи Московскаго Государства и Россійской Имперіи, а „Лекціи“ Ясинскаго (1898) — Исторіи источниковъ права перваго (земскаго) періода.

Значительное накопленіе историко-юридическаго матеріала, съ одной стороны, и учрежденіе въ университетахъ по уставу 1863 года самостоятельной кафедры нашей науки, съ другой, вызывали потребность въ болѣе или менѣе полныхъ руководствахъ. Первою широко задуманною попыткою въ этомъ направленіи является курсъ проф. *Леонтовича* „*Исторія русскаго права*“ (1869) г., остановившійся, однако, на первомъ выпускѣ, въ которомъ дается обширное введеніе и очеркъ обычнаго права славянъ вообще и русскихъ, въ особенности, до призванія князей. Въ этомъ курсѣ, какъ и въ другихъ трудахъ, проф. Леонтовичъ по своимъ взглядамъ примыкаетъ къ сторонникамъ такъ называемаго *сравнительно-славянскаго направленія*, требовавшаго изученія исторіи русскаго права въ связи съ исторіей права другихъ славянскихъ народовъ. Это направленіе было отголоскомъ мнѣній, сложившихся среди историковъ славянской школы, настаивавшей на самобытномъ развитіи нашей общественной и юридической жизни и на славянскомъ происхожденіи варяго-руссовъ. Родоначальникомъ этой школы въ XVIII вѣкѣ былъ Ломоносовъ, къ которому примкнули потомъ московскіе славянофилы въ лицѣ Аксакова, Кирѣевскаго,

Бѣляева и др. Выступивъ противъ мнѣній ученыхъ нѣмецкаго направленія, славянофилы, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстали и противъ теоріи родового быта, противопоставивъ свою теорію *быта общиннаго*. Сущность этой теоріи заключается въ томъ, что родовой бытъ уже въ началѣ нашего историческаго бытія находился въ періодѣ разложенія и общинное устройство, начиная съ семьи, была основною, характерною и жизненною особенностью древнѣйшаго быта русскаго народа. Теоріей общиннаго быта проникнуты „*Лекціи по исторіи русскаго законодательства*“ проф. *Бѣляева*. (1879; втор. изд.—1888).

Въ эту теорію была внесена упомянутымъ выше проф. Леонтовичемъ поправка, носящая характеръ примирительнаго направленія между теоріями родового и общиннаго быта. Историко-сравнительное изученіе хорватскаго и русскаго права привело проф. Леонтовича къ мысли дать болѣе точное опредѣленіе древней славянской общины. Эта община, по его мнѣнію, походитъ на существующую по нынѣ у юго-западныхъ славянъ „задругу“, въ основѣ которой лежатъ не только родовыя, кровныя, но территоріальныя и экономическія отношенія. Свою *теорію заоружно-общиннаго быта* проф. Леонтовичъ развилъ въ сочиненіяхъ: „*О значеніи верви сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ*“ (1867 г.) и „*задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи*“ (1874 г.).

Разсмотрѣнныя общія пособія касаются, большею частью, исторіи нашего древняго права. Съ попыткою дать систематическое изложеніе исторіи права московскаго періода выступилъ проф. *Загоскинъ* въ своей *Исторіи права Московскаго государства*“ (1877—1879), которая остановилась на 1 выпускѣ 2 тома.

Почти одновременно съ упомянутымъ трудомъ пр. Загоскина вышла въ свѣтъ „*Исторія русскаго права проф. Самоквасова* (два выпуска 1878 — 1884), посвященная уясненію доисторическаго быта древнихъ славянъ при помощи археологическаго метода. Впослѣдствіи проф. Самоквасовымъ были изданы „*Изслѣдованія по исторіи русскаго права* 2 т. 1896) и „*Исторія русскаго права* (лекціи 1906 г.).

Въ 1883 г. появилось первое изданіе курса лекцій проф. *Сергѣевича*: „*Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права*“— полное систематическое изложеніе какъ внѣшней, такъ и внутренней исторіи нашего права съ X по XIX в. включительно. Въ 1894 г. проф. Сергѣевичъ переиздалъ этотъ трудъ подъ заглавіемъ: „*Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права*, куда не вошли ни новая исторія, ни тѣ вопросы, которые обработаны въ другомъ

Государственная публичная БИБЛІОТЕКА

его сочиненій: „*Русскія юридическія древности*“ въ трехъ томахъ (1890—1896).

Другимъ полнымъ систематическимъ учебнымъ пособіемъ является „*Обзоръ исторіи русскаго права*“, изданный въ 1886 г. *проф. Владимірскимъ-Будановымъ* (послѣднее 6-ое изд. 1909 г.). „Обзоръ“ обнимаетъ исторію: 1) права государственнаго въ связи съ исторіей источниковъ, 2) права уголовнаго, 3) права гражданскаго и 4) процесса, по всѣмъ тремъ періодамъ.

Послѣ указаннаго „Обзора“ проф. Владимірскаго-Буданова сочиненій, излагающихъ исторію русскаго права въ полномъ объемѣ не появлялось; но въ разное время издавались курсы, посвященные нѣкоторымъ отдѣламъ науки. Такъ, въ 1892 г. проф. *Мрочекъ-Дроздовскій* издаетъ лекціи подъ заглавіемъ „*Исторія русскаго права*“ въ двухъ выпускахъ, изъ которыхъ первый посвященъ исторіи источниковъ, второй—исторіи права государственнаго за 2 первые періода.

Въ 1899 г. проф. Латкинъ выпустилъ въ свѣтъ „*Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи*“, а *проф. Загоскинъ*—первый томъ своей широко задуманной въ 12 томахъ „*Исторіи права русскаго народа*“, но на этомъ томѣ, представляющемъ обширное введеніе въ нашу науку, работа и остановилась.

Въ 1905 г. проф. *Филипповъ* напечаталъ „*Исторію русскаго права. Конспектъ лекцій*“, вышедшій въ 1907 г. вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „*Учебникъ исторіи русскаго права. Пособіе къ лекціямъ*“. (Послѣднее 5 изд. 1914 г.). Учебникъ посвященъ исторіи государственнаго права въ связи съ источниками.

Въ 1906 г. проф. *Дьяконовъ* издалъ нѣкоторые отдѣлы своего курса подъ названіемъ: „*Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси*“. Здѣсь излагаются исторія источниковъ и институтовъ государственнаго права первыхъ двухъ періодовъ. (Изд. 2-ое—1908).

Въ 1906 г. проф. *Загоскинымъ* былъ изданъ первый томъ „*Курса исторіи русскаго права*“, въ которомъ помѣщены введеніе и исторія источниковъ удѣльно-вѣчевого періода.

ЧАСТЬ I.

ИСТОРІЯ ИСТОЧНИКОВЪ ПРАВА.

ОТДѢЛЪ 1.

Удѣльно-вѣчевой періодъ.

Обычное право.

Опредѣленіе обычнаго права. Въ первобытную эпоху жизни всякаго народа самымъ раннимъ и долгое время единственнымъ источникомъ права является *право обычное*, подъ которымъ разумѣется совокупность *юридическихъ нормъ, постоянно и однообразно примѣняемыхъ во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ общества въ силу согласнаго убѣжденія въ обязательности этихъ нормъ*. Изъ этого опредѣленія вытекаютъ слѣдующіе характерные признаки обычнаго права:

1) обычное право—совокупность *юридическихъ правилъ, опредѣляющихъ отношенія между членами общества*, чѣмъ они и отличаются отъ простыхъ обычаевъ, или обыкновеній;

2) основаніемъ *обязательности* обычнаго права служитъ *согласное убѣжденіе* въ необходимости его для регулированія отношеній; санкціи со стороны внѣшняго авторитета обычай не имѣетъ;

3) *постоянное и однообразное примѣненіе* обычнаго права въ аналогичныхъ случаяхъ, какъ внѣшнее выраженіе согласнаго убѣжденія въ его обязательности.

Термины, обозначавшіе у насъ понятіе обычая. На страницахъ нашихъ лѣтописей и въ памятникахъ права встрѣчаются разные термины для обозначенія обычая. Такъ, описывая бытъ славянскихъ племенъ на Руси, лѣтописецъ говоритъ: „имяху *обычаи* свои, и *законъ* отецъ своихъ, и *преданья*—кождо свой *нравъ*".

Въ договорѣ Олега съ Греками 911 года о присягѣ Руссовъ говорится: „мы же кляхомся... по *закону* и по *покону* языка нашего". Въ предисловіи Псковской Судной Грамоты указано, что грамота „выписана", между прочимъ, „и изъ приписковъ псковскихъ *пошлинъ*". Приступая къ составленію Судебника, Іоаннъ Грозный испросилъ благословеніе у митрополита и освященнаго Собора „Судебникъ исправити по *старинѣ*". Итакъ „*обычай*", „*законъ*", „*преданье*", „*нравъ*" (норовъ), „*поконъ*", „*пошлина*", (т. е. то, что пошло издавна) „*старина*"—вотъ термины, которые могутъ навести изслѣдователя на мысль о разныхъ формахъ объективнаго права, дѣйствовавшаго въ древности. Но не будемъ искать точности въ выраженіяхъ и переносить современныя понятія на времена прошедшія: всѣ выраженія, не исключая слова „законъ", на языкѣ того времени были тождественны и означали „*обычай*". И только съ принятіемъ христіанства и съ переводомъ памятниковъ византійскаго законодательства на славянскій языкъ, слово „законъ" стало употребляться въ теперешнемъ смыслѣ: этимъ словомъ обозначались постановленія византійскихъ императоровъ—*νόμοι*.

Отличительныя особенности обычнаго права. Обычное право каждаго народа, особенно народа, стоящаго на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія, отличается партикуляризмомъ и консерватизмомъ. Тоже замѣчаемъ и у славянскихъ племенъ, населявшихъ восточную равнину Европы на зарѣ нашей исторіи.

При несомнѣнной общности основныхъ началъ обычнаго права нашихъ предковъ съ обычаями не только другихъ славянскихъ племенъ, но и народовъ чуждыхъ имъ по происхожденію, общности, поражающей иногда сходствомъ и даже тождествомъ обычаевъ, послѣдніе обладаютъ, тѣмъ не менѣе, своеобразными чертами, своими національными особенностями.

Приведенныя выше слова лѣтописца: „имяху... каждо свой нравъ..." свидѣтельствуютъ о той *розни*, *партикуляризмѣ*, который свойственъ былъ обычному праву славянскихъ племенъ на Руси и обусловливался различіемъ географическихъ, климатическихъ, общественныхъ и экономическихъ условій ихъ жизни. Этотъ партикуляризмъ не осталя безъ вліянія и на послѣдующее право: имъ объясняется различіе въ законодательныхъ памятникахъ Новгорода, Пскова, Москвы и другихъ русскихъ земель XIII—XV столѣтій. Законы этихъ земель, воспринимавшіе въ большинствѣ случаевъ институты обычнаго права данной мѣстности и дававшіе имъ санцію, не могли не отражать на себѣ старой розни обычаевъ, память о которой сохраняется до сихъ поръ

въ нашей народной пословицѣ: „что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай".

Партикуляризмомъ обычнаго права обусловливалась и другая его особенность: *консерватизмъ*. Взглядъ, что у каждаго народа существуетъ *свое* національное право, приводилъ къ убѣжденію, что это право составляетъ прирожденное достояніе, пріобрѣтенное отъ предковъ, за которое надо держаться и сохранять, какъ старину, пошлину. Къ этому надо прибавить, что въ сознаніи древнихъ понятія религіозныя, нравственныя, правовыя гармонически сливались. При языческомъ культѣ предковъ, преданіе отцовъ, хранившее обычное право предковъ, имѣло значеніе религіознаго закона. Эти преданія переходили изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, свято хранились въ народной памяти и неизмѣнно соблюдались. Нарушить обычай или измѣнить его считалось беззаконіемъ; наоборотъ, поступать по старинѣ равносильно поступать по праву.

Средства познанія обычнаго права. Такъ какъ образованіе обычнаго права вообще не можетъ быть подмѣчено, а начало древнихъ обычаевъ кроется во мракѣ доисторическаго времени, то вопросъ о происхожденіи послѣднихъ не составляетъ предмета историческаго изслѣдованія. Для исторіи права важно знакомство съ тѣми средствами, при помощи которыхъ можно узнать о наличности обычая и раскрыть систему обычнаго права въ ту или другую эпоху жизни народа. Такими средствами познанія обычнаго права служатъ: 1) юридическіе символы; 2) юридическія формулы, пословицы и поговорки, 3) сборники права и памятники законодательства; 4) современные народные юридическіе обычаи.

1) *Юридическіе символы* — это *опредѣленныя внѣшнія дѣйствія, свидѣтельствовавшія въ древности о правомѣрности даннаго отношенія*. Такъ, напр. въ сферѣ брачныхъ отношеній *разуваніе* женою мужа—символъ власти мужа надъ женой; *обрученіе кольцами* или принятіе супругами пищи и питья изъ одного сосуда—(confareatio) символъ общенія жизни супруговъ; въ области вещныхъ правоотношеній *обрядъ передачи дерна*—символъ передачи земли въ собственность; въ обязательственныхъ отношеніяхъ—*рукобитье* (по рукамъ)—символъ заключенія договора и т. п. Путемъ символовъ народы, стоящіе на первыхъ ступеняхъ развитія, выражаютъ свои понятія о правѣ, стремятся облечь эти понятія въ доступную пониманію всѣхъ форму. Служа средствомъ познанія началъ древнѣйшаго права, юридическіе символы, вмѣстѣ съ тѣмъ, раскрываютъ намъ непознаваемыя инымъ путемъ черты древняго народнаго быта.

2) *Юридическія формулы, пословицы и поговорки—это краткія изреченія, выражающія народныя понятія о правѣ* и представляющія собою попытку формулировать въ словѣ нормы обычнаго права. Сравнительно съ символами формулы—болѣе развитой способъ выраженія обычнаго права. Въ примѣненіи своемъ въ жизни юридическія формулы соединяются иногда съ символами, обусловливая тѣмъ *формализмъ* древняго права. Несомнѣнные слѣды юридическихъ формулъ встрѣчаются въ древнѣйшемъ нашемъ памятникѣ, Русской Правдѣ. Напр., въ процессѣ по поводу процентнаго займа Правда предписываетъ выигравшему дѣло вслѣдствіе непредставленія на судъ свидѣтеля противникомъ обратиться къ нему съ слѣдующими словами: „провинovался еси (проигралъ дѣло), яже еси послуха (свидѣтеля) не ставилъ“. У русскихъ до настоящаго времени сохранилось много пословицъ и поговорокъ, образовавшихся въ глубокой древности. Приведу нѣсколько такихъ пословицъ, относящихся къ разнымъ отраслямъ права. „На чемъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ (обязательность для пригородовъ вѣчевыхъ рѣшеній старшаго города). „Что намѣтитъ дьякъ, тому и быть такъ“ (значеніе дьяковъ). „Вольному воля, а ходячему путь“ (о правѣ крестьянскаго перехода). „Мужъ женѣ отецъ, жена мужу вѣнецъ“. „Цареному коню въ зубы не глядятъ“. „Повинную голову и мечъ не сѣчетъ“ (ненаказуемость преступника въ случаѣ признанія). „Въ полѣ двѣ воли, кому Богъ поможетъ“ (о судебныхъ поединкахъ). „Такъ то оно такъ, да свѣдущіе люди скажутъ какъ“ (значеніе заключеній свѣдущихъ людей на судѣ).

Сборники права и законодательные памятники являются самымъ важнымъ средствомъ познанія обычнаго права, такъ какъ нормы послѣдняго содержатся въ нихъ въ чистомъ видѣ. Сборниковъ права обычнаго, въ родѣ французскихъ les Coutumiers XIII ст., у насъ не имѣется, но такіе памятники, какъ Русская Правда, Псковская Судная Грамота и др. хранятъ въ себѣ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, начала нашего древняго обычнаго права.

4) *Современные народные юридическіе обычаи.* Обычное право отличается, какъ было сказано, большимъ консерватизмомъ. Этимъ объясняется, что нѣкоторые очень древніе обычаи не потеряли силы до нашихъ дней, другіе же сохранились въ видѣ *переживаній* въ различныхъ народныхъ обрядахъ. Отсюда, изученіе современнаго обычнаго права можетъ пролить свѣтъ на такіе древніе обычаи, о которыхъ или не имѣется никакихъ свѣдѣній въ другихъ источникахъ, или имѣющіяся свѣдѣнія оказываются недостаточными.

Судьба обычнаго права. Не смотря на консерватизмъ, въ силу котораго нѣкоторые обычаи отличались большою живучестью и были восприняты въ чистомъ видѣ или съ нѣкоторыми измѣненіями послѣдующимъ законодательствомъ, обычное право должно было постепенно уступить мѣсто этому послѣднему, пріобрѣсти значеніе вспомогательной формы права. Да это и понятно. Способное регулировать несложныя отношенія въ незначительныхъ территоріальныхъ союзахъ, каковыми были у насъ волости и удѣлы, обычное право становилось недостаточнымъ, какъ только началось объединеніе этихъ удѣловъ подъ властью московскихъ князей и потребовалось уничтожить мѣстный партикуляризмъ. Но московское правительство, сознавая то значеніе, какимъ пользовалось обычное право въ глазахъ народа, долгое время не посягало на народные обычаи, а тамъ, гдѣ неизбѣжно было ввести новые порядки, проводило ихъ въ жизнь со ссылкою на старину и пошлину. Мы видѣли, что Іоаннъ Грозный, приступая къ составленію Судебника, который отступаетъ отъ началъ Русской Правды, хранившей древніе наши обычаи, обѣщаетъ „исправить Судебникъ по старинѣ“, и тѣмъ стремится придать этому законодательному акту большій авторитетъ.

И только въ концѣ XVII вѣка законъ получаетъ преимущественное значеніе передъ обычаемъ, а въ XVIII сфера примѣненія послѣдняго ограничивается немногими отношеніями и законъ становится единственною формою объективнаго права.

Якушкинъ.—„Обычное право. Матеріалы для библіографіи обычнаго права“ (4 вып. 1875—1909). *Леонтовичъ.*—„Старый земскій обычай“ (Въ Трудахъ VI Археол. Съѣзда 1889 г. стр. 127—135).

Договоры Русскихъ съ Греками.

Количество договоровъ; время и поводъ заключенія. — Начальная лѣтопись содержитъ свѣдѣнія о четырехъ договорахъ Руссовъ съ Греками. Первые два заключены вел. княз. Олегомъ съ императ. Львомъ, Александромъ и Константиномъ въ 907 и 911 г.г. Третій договоръ состоялся между вел. княз. Игоремъ и императ. Романомъ Лакапиномъ при его соправителяхъ Константинѣ Багрянородномъ и Стефанѣ въ 945 г., а четвертый—между вел. княземъ Святославомъ съ императ. Іоанномъ Цимисхіемъ въ 971 году.

Поводъ къ заключенію всѣхъ договоровъ—одинъ: установленіе мира, котораго желали Греки не только послѣ побѣдоноснаго похода Олега на Византію въ 907 г., но и послѣ неудач-

ныхъ походовъ Игоря и Святослава. Надо замѣтить, что Игорь, разбитый греками въ 941 г., предпринялъ новый походъ противъ нихъ въ 944 г.; Греки, не допустивъ столкновенія, предложили ему миръ.

Соотношеніе между договорами. — Договоръ 907 года дошелъ до насъ въ лѣтописномъ пересказѣ: текстъ его не сохранился, да и не могъ сохраниться, такъ какъ договоръ, по всей вѣроятности, былъ словеснымъ, на что имѣется намекъ въ слѣдующихъ словахъ вступленія къ договору 911 г.: „Наша свѣтлость ..... многажды право судихомъ, по точію *простословесень*, и писаніемъ и клятвою ..... такую любовь ..... утвердити .....“. На составленіе договора въ словесной формѣ указываетъ и самое содержаніе договора, не требовавшее по простотѣ записи и сводившееся къ обязательству грековъ: 1) уплатить единовременную дань въ размѣрѣ 12 гривенъ на „ключъ“, т. е. на каждую пару уключинъ въ ладьѣ; 2) платить „уклады“, т. е. ежегодную дань прежде всего на Кіевъ, иначе Олегу, а затѣмъ, на Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь и на прочіе города, „по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Олегомъ суще“; 3) давать „хлѣбное“ (кормъ) всѣмъ прибывающимъ въ Византію русскимъ, а „гостямъ“ (купцамъ) мѣсячное содержаніе въ теченіе полугода, состоявшее изъ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей; уѣзжающихъ же русскихъ снабжать съѣстными припасами, якорями, канатами и парусами въ потребномъ количествѣ; 4) предоставить русскимъ право безпошлинной торговли и мытья въ баняхъ. Съ своей стороны Греки предложили нѣкоторыя ограничительныя условія: 1) русскіе, прибывающіе въ Византію не для торговли, мѣсячины не получаютъ; 2) князь обязуется запретить людямъ своимъ, приходящимъ въ Византію, „творить пакости въ селахъ и въ странѣ нашей“; 3) приходящіе въ Константинополь русскіе обязуются жить въ предмѣстьѣ св. Мамы (Мамонта), подвергаться поименной переписи для полученія мѣсячины и входить въ городъ только одними воротами безъ оружія въ сопровожденіи царскаго чиновника и въ количествѣ не болѣе 50 человѣкъ.

Указанныя условія чисто политическаго характера оказались, конечно, недостаточными установить правильныя отношенія между руссами и греками, необходимы были болѣе подробныя правила и, притомъ, характера юридическаго. Поэтому, черезъ 4 года „посла Олегъ“, говоритъ лѣтопись, „мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью“. Заключенный этимъ посольствомъ въ письменной формѣ договоръ съ Греками 911 года, является, такимъ образомъ, дополненіемъ къ договору 907 г.

Договоры Олега дѣйствовали до 945. Въ 34-хъ лѣтній промежутокъ времени нѣкоторыя статьи могли быть нарушены и, кромѣ того, греки могли убѣдиться въ стѣснительности нѣкоторыхъ условій, принятыхъ ими въ 911 году. Поэтому, воспользовавшись неудачнымъ походомъ Игоря, Греки въ договорѣ 945 г. постарались измѣнить, дополнить и ограничить, не къ пользѣ русскихъ, постановленія договоровъ 907 и 911 г., которые съ появленіемъ новаго договора утратили свою силу.

Если разсмотрѣнные договоры находятся въ связи между собою, то договоръ Святослава 971 г. ничего общаго съ ними не имѣетъ. Самый краткій изъ всѣхъ договоръ этотъ содержитъ обязательство Святослава не воевать съ Греками, не нападать на Корсунь и на Болгаръ и помогать Грекамъ противъ ихъ враговъ. Какъ неимѣющій никакого историко-юридическаго значенія, договоръ 971 г. не подлежитъ дальнѣйшему разсмотрѣнію: мы остановимся на изученіи внѣшней исторіи только договоровъ Олега и Игоря.

Порядокъ заключенія договоровъ. — Для заключенія договора 907 года Олегъ, оставаясь подъ стѣнами Царьграда, послалъ своихъ мужей, предложившихъ Грекамъ условія мира. Греки, принявъ эти условія, въ свою очередь предложили свои, на что согласился Олегъ. Затѣмъ цари приняли присягу и привели къ присягѣ Олега и его мужей „по закону русскому“.

Заключеніе договора 911 г. было поручено Олегомъ 14 посламъ, которые прибывъ въ Византію заявили грекамъ, что они являются представителями не только велик. князя, но и „всѣхъ, яже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ“. Послѣ переговоровъ, происходившихъ между русскими послами и греками, договоръ былъ написанъ на двухъ хартіяхъ; изъ нихъ одинъ экземпляръ оставался у грековъ, а другой былъ врученъ русскимъ посламъ. Ратификація договора заключалась въ подписи и присягѣ императоровъ и пословъ „не переступати отъ установленныхъ главъ мира и любви“.

Процедура заключенія договора 945 года была иной. Цари греческіе отправили къ Игорю своихъ пословъ для предварительныхъ переговоровъ. Отпуская послѣ переговоровъ византійскихъ пословъ изъ Кіева, Игорь отправилъ съ ними въ Византію своихъ мужей. Здѣсь императоръ Романъ въ присутствіи бояръ своихъ и сановниковъ заключилъ съ русскими послами договоръ, который былъ написанъ на хартіи и съ нея снята копія. Въ посольствѣ Игоря находились „слы“, т. е. послы и „гостье“ (купцы).

Изъ пословъ одинъ былъ представителемъ вел. князя, остальные—отъ всея княжья и отъ всѣхъ людій Русскія земли", въ томъ числѣ отъ женщинъ: отъ в. к. Ольги, отъ жены Улѣбовой и отъ какой-то Преславы. Всѣхъ пословъ было 26, купцовъ, являвшихся, по всей вѣроятности, выборными городовъ,—29 человѣкъ. По написаніи договора, ратификація состояла въ подписи одного экземпляра, предназначавшагося для русскихъ, византійскими императорами—а другого, оставшагося у грековъ—русскими послами и гостями. Въ подтвержденіе договора императоры и представители Руссовъ приняли присягу, причемъ, руссы—христіане присягали въ соборномъ храмѣ (т. е. въ св. Софіи), „предлежащимъ честнымъ крестомъ" и своею кіевскою церковью во имя св. Иліи, руссы же—язычники присягали отъ лица Игоря, „отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людій отъ страны Русскія" надъ сложеннымъ и обнаженнымъ оружіемъ. Но присяга пословъ не считалась окончательной ратификаціей договора; греки потребовали присяги Игоря и его „мужей". Съ этой цѣлью съ посольствомъ Игоря, получившимъ экземпляръ договора, подписанный императорами, были отправлены послы греческіе для приведенія Игоря къ присягѣ, которая была принята имъ и его мужами: руссами-язычниками—въ присутствіи греческихъ пословъ на холмѣ, гдѣ находился идолъ Перуна, надъ сложеннымъ на землѣ оружіемъ и золотомъ, а руссами-христіанами — въ церкви св. Иліи.

Приведенныя свидѣтельства лѣтописи и договоровъ важны въ историко-политическомъ отношеніи. Изъ нихъ мы узнаемъ, что договоры заключались не только великими князьями, но и отъ имени какихъ-то князей-подручниковъ ихъ. Подъ этими князьями разумѣются племенные русскіе князья, которые, признавъ власть кіевскаго князя, сохранили самостоятельность, почему и принимали участіе чрезъ своихъ представителей въ выработкѣ условій мирнаго соглашенія съ греками. Въ этомъ же дѣлѣ участвовали и „бояре"; это ближайшіе совѣтники князей, члены старшей княжеской дружины. Наконецъ, договоръ 945 г. заключается также и отъ имени „всѣхъ людій русскія земли"—первое историческое свидѣтельство объ участіи на ряду съ князьями всего населенія въ лицѣ, конечно, вѣча въ важномъ международномъ актѣ—заключеніи договора черезъ своихъ уполномоченныхъ.

Далѣе въ договорѣ 945 года, какъ было указано выше, упоминаются послы отъ женщинъ. Изъ этого оффиціальнаго указанія мы заключаемъ, что женщины въ тогдашнемъ русскомъ об-

ществѣ занимали самостоятельное не только общественное, но и политическое положеніе.

Форма, языкъ, система договоровъ. Форма договоровъ несомнѣнно греческая; оба договора 911 и 945 г. состоятъ изъ вступленія, главной части и заключенія. Во вступленіи перечисляются послы, заключавшіе договоры и выражается клятвенное обѣщаніе соблюдать ихъ; главная часть содержитъ договорные пункты по различнымъ вопросамъ, въ заключеніи же указывается, что договоры изготовлены „на двою харатью“, т. е. на двухъ пергаментныхъ листахъ, дается снова обѣщаніе въ соблюденіи договоровъ, и упоминается о ратификаціи ихъ.

Изслѣдователи предполагаютъ, что первоначально договоры были написаны на греческомъ языкѣ и, затѣмъ, переведены на языкъ русскій; причемъ, переводъ сдѣланъ довольно неискусно, чѣмъ и объясняются неправильное согласованіе словъ, неясность нѣкоторыхъ терминовъ и выраженій и другія погрѣшности въ текстѣ. Впрочемъ, указанные дефекты не препятствуютъ пониманію общаго смысла договорныхъ условій.

Что касается системы, то по отношенію къ договору 911 г. она можетъ считаться выдержанной. Такъ за статьей, относящейся къ процессуальному праву, идетъ рядъ постановленій права уголовнаго, а, затѣмъ, слѣдуютъ статьи, опредѣляющія публичныя международныя отношенія русскихъ и грековъ. Не то—договоръ 945 г.: въ немъ система не выдержана; объясняется это тѣмъ, что въ договоръ 945 г. включались постановленія изъ договоровъ 907 и 911 г. Прежде идутъ опредѣленія международныхъ отношеній, взятыя изъ договора 907 г., а затѣмъ помѣщены въ измѣненномъ порядкѣ и видѣ постановленія договора 911 г., причемъ, международно-правовыя опредѣленія перемѣшаны съ постановленіями другихъ отдѣловъ права.

Съ внѣшней стороны тексты договоровъ въ лѣтописи не раздѣлены на главы или статьи. Такое раздѣленіе съ нумераціей сдѣлано учеными издателями договоровъ. Въ хрестоматіи пр. Владимірскаго-Буданова договоръ Олега раздѣленъ на 15, а договоръ Игоря на 16 ст., включая сюда вступленіе и заключеніе.

Содержаніе договоровъ. Остановимся на краткомъ изложеніи содержанія договоровъ съ греками въ цѣляхъ общаго внѣшняго знакомства съ этими памятниками права. Ихъ содержаніе обыкновенно раздѣляютъ на двѣ части: на постановленія частнаго международнаго права и на постановленія публичнаго международнаго права.

Къ частному международному праву относятся постановленія по *судопроизводству, уголовному и гражданскому праву.*

По *судопроизводству* встрѣчаются: въ Олеговомъ договорѣ (ст. 3) постановленіе о доказаніи на судѣ правонарушеній вообще и въ обоихъ договорахъ—о самоуправствѣ (Ол. 7; Иг. 5 и 12).

Къ статьямъ по *уголовному праву* относятся: 1) постановленія объ убійствѣ, причемъ, убійца подлежитъ смерти; если же онъ скроется, то его имущество поступаетъ ближнему убитаго (Ол. 4; Иг. 13), и 2) объ обидѣ дѣйствіемъ, именно, объ ударахъ какимъ либо орудіемъ, за что слѣдуетъ пеня въ 5 литръ серебра; если виновный ихъ не имѣетъ, то берется у него все, не исключая платья, въ которомъ ходитъ и требуется присяга, по договору 911 г. въ томъ, что онъ не имѣетъ никого, кто бы ему помогъ, а по дог. 945, что у него больше никакого имущества нѣтъ.

3) о кражѣ, за которую полагается возвращеніе вещи и, сверхъ того, по договору 911 г. вознагражденіе въ размѣрѣ тройной цѣны, а по дог. 945—въ размѣрѣ обыкновенной цѣны украденнаго (Ол. 6; Иг. 6).

Къ постановленіямъ *по гражданскому праву* принадлежатъ статьи о защитѣ рабовладѣнія и о наслѣдствѣ.

1) Въ случаѣ пропажи русскаго раба въ Греціи, по дог. Олега, рабовладѣльцу предоставляется право обыска въ домѣ подозрѣваемаго и домохозяинъ не можетъ сопротивляться. Если же рабъ нашелся безъ обыска, то онъ отдается хозяину только тогда, если самъ признается въ принадлежности истцу. По дог. Игоря, показанія раба не требуется и, если пропавшій не будетъ найденъ, то послѣ присяги хозяинъ получаетъ рыночную его цѣну: двѣ паволоки, т. е. шелковыя ткани (Ол. 12; Иг. 4).

2) Постановленіе о наслѣдствѣ находится только въ Олеговомъ дог. и касается Руссовъ, состоявшихъ на службѣ у императора. При открытіи наслѣдства безъ завѣщанія, имущество пересылается въ Русь родственникамъ; если же остается завѣщаніе въ пользу Русса, находящагося въ Греціи, то ему и передается завѣщанное (ст. 13).

Къ *публичному международному праву* относятся опредѣленія договоровъ: 1) о пребываніи руссовъ въ Византіи; 2) о помощи при кораблекрушеніи; 3) о выкупѣ плѣнниковъ; 4) о военной службѣ русскихъ у грековъ и о военной помощи; 5) о выдачѣ преступниковъ.

1) Мы видѣли, какъ былъ рѣшенъ вопросъ о *пребываніи Русскихъ въ Византіи* въ договорѣ 907 г. (стр. 24). Договоръ 911 г., служа дополненіемъ къ соглашенію 907 г., этого вопроса

не касается. Снова даются по этому поводу опредѣленія въ дог. 945 г. съ существенными измѣненіями не въ пользу русскихъ. Такъ, русскіе лишаются права безпошлинной торговли въ Константинополѣ; имъ запрещается зимовать въ предмѣстьѣ св. Мамы и въ области дѣпровскаго устья: въ Бѣлобережьѣ и на островѣ св. Елферія. Императорскій чиновникъ, сопровождавшій русскихъ въ городъ, получаетъ право суда въ спорахъ между русскими и греками. Наконецъ, устанавливается ограниченіе въ правѣ покупки „паволокъ“, т. е. шелковыхъ тканей: каждый купецъ можетъ купить ткани не болѣе, какъ на 50 золотниковъ и обязанъ предъявить купленныя „цареву мужу“ для наложенія клейма.

Прибывавшіе въ Византію Руссы, въ удостовѣреніе мирныхъ цѣлей прибытія, имѣли при себѣ княжескія „печати“: послы—золотыя, купцы—серебреныя. По свидѣтельству договора 945 г. великій князь замѣнилъ въ это время печати удостовѣрительною грамотой, въ которой прописывалось количество посланныхъ кораблей. Если такой грамоты у пріѣзжихъ не оказывалось, они подлежали задержанію, о чемъ давалось знать князю. Въ случаѣ сопротивленія при арестѣ, задерживаемый могъ быть безнаказанно убитъ. (Д. Иг., ст. 2).

2) *О помощи при кораблекрушеніи* говорятъ оба договора; причемъ договоръ 911 года предписываетъ русскимъ охрану греческаго судна, выброшеннаго на берегъ бурею и доставку его въ Грецію: требуетъ, въ случаѣ задержки судна въ пути по причинѣ противнаго вѣтра или посадки на мель, помощь его экипажу и проводы на родину или въ Русь, смотря по тому, какія берега будутъ ближе отъ мѣста аваріи; запрещаетъ подъ угрозой уголовной отвѣтственности всякія насилія надъ людьми: убійство, нанесеніе побоевъ и ограбленіе.

Договоръ 945 г. устанавливаетъ только отвѣтственность за насиліе, не упоминая о помощи со стороны русскихъ греческимъ кораблямъ. Это послѣднее обстоятельство наводитъ проф. Сокольскаго на мысль, что во времена Игоря значеніе руссовъ на Черномъ морѣ пало, тогда какъ во времена Олега они являлись хозяевами на немъ. Паденіе господства здѣсь русскихъ объясняется „появленіемъ на югѣ Россіи дикихъ и воинственныхъ печенѣговъ“ (Д. Ол., ст. 8; Д. Иг. 9).

3) Оба договора возлагаютъ на договаривающихся обоюдную обязанность *выкупа плѣнныхъ*. По договору Олега плѣнный, захваченный одною изъ договаривающихся сторонъ, возвращается на родину, причемъ, полагается выкупъ въ размѣрѣ рыночной цѣны раба. Плѣнные, захваченные другими народами и приводи-

мые на русскіе и греческіе рынки для продажи, выкупаются по 20 золотниковъ каждый. По договору Игоря условія выкупа менѣе выгодны для русскихъ, чѣмъ для грековъ. Выкупная цѣна греческихъ плѣнныхъ зависитъ отъ возраста и пола послѣднихъ. Такъ, плѣнный юноша или дѣвица выкупаются за 10, „средовичъ“ т. е. мужчина среднихъ лѣтъ—за 8, и ребенокъ или старикъ—за 5 золотниковъ. Выкупная цѣна русскихъ плѣнныхъ опредѣлена безъ различія пола и возраста въ одинаковомъ размѣрѣ—за 10 золотниковъ въ томъ случаѣ, если плѣнный былъ захваченъ. Если же плѣнный русскій былъ купленъ грекомъ, то уплачивается сумма, равная покупной цѣнѣ (Д. Ол. 9 и 11; Д. Иг. 7).

4) *О военной службѣ* русскихъ у грековъ говоритъ лишь договоръ 911 г., разрѣшая русскимъ, во время войны грековъ, вступать въ войска въ качествѣ добровольцевъ и оставаться на службѣ по своему усмотрѣнію. Договоръ Игоря такого постановленія не знаетъ; онъ содержитъ опредѣленіе *о военной помощи* грекамъ со стороны русскихъ, именно: русскій великій князь обязуется выставлять греческому императору войско въ количествѣ, по требованію послѣдняго; наоборотъ, греки принимаютъ на себя такое обязательство только въ томъ случаѣ, если князь русскій гарантируетъ неприкосновенность Херсонской страны, которую онъ обязанъ, вдобавокъ, защищать отъ нападеній Черныхъ Болгаръ (Д. Ол. ст. 10; д. Иг. ст. 5, 8 и 11).

5) Въ Олеговомъ договорѣ имѣется постановленіе *о выдачѣ русскихъ преступниковъ*. Русскій преступникъ, проживающій въ Греціи, долженъ быть, по требованію русскихъ, задержанъ и противъ воли высланъ въ Русь. Такого постановленія въ Игоревомъ договорѣ не встрѣчается (Д. Ол. ст. 14).

Значеніе договоровъ. Пока въ историко-юридической критикѣ господствовало мнѣніе, высказанное впервые Шлецеромъ, о неподлинности договоровъ съ греками: вопросъ объ ихъ значеніи въ исторіи нашего права не могъ быть поставленъ. Но трудами Карамзина, Круга, Эверса, Лавровскаго и друг. недоумѣнія устранены и подлинность договоровъ въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію и не требуетъ новыхъ доказательствъ, а потому вопросъ о значеніи ихъ пріобрѣтаетъ большой интересъ.

Вопросъ этотъ сводится, въ существѣ, къ другому: содержатъ ли въ себѣ договоры постановленія русскаго права въ чистомъ видѣ, такъ что на нихъ можно строить систему этого права языческой эпохи, или же постановленія эти затемнены примѣсью византійскихъ началъ. Что касается опредѣленій, регулирующихъ разсмотрѣнныя нами международныя отношенія русскихъ съ гре-

ками, то нельзя не признать вмѣстѣ съ проф. Сокольскимъ сильнаго вліянія грековъ на воззрѣнія нашихъ предковъ въ этой области; переходя же въ сферу уголовнаго, процессуальнаго и наслѣдственнаго права, мы видимъ лишь незначительные слѣды такого вліянія. Объясняется это тѣмъ, что руссамъ, стоявшимъ на первыхъ ступеняхъ праворазвитія, трудно было отказаться отъ своихъ воззрѣній на право, за которое они стойко держались, какъ за священное преданіе отцовъ, между тѣмъ греки, какъ народъ культурный, могли поступиться нѣкоторыми своими нормами и признать постановленія русскаго права, чтобы достигнуть мирныхъ отношеній съ народомъ, сильно ихъ безпокоившимъ. И только тѣ обычаи русскихъ, которые стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ правосозерцаніемъ грековъ, подпадали подъ вліяніе нормъ византійскаго права. Отсюда договоры получаютъ значеніе весьма существеннаго источника нашего познанія объ обычномъ правѣ славянъ въ первый вѣкъ ихъ историческаго бытія: этими договорами открывается вполнѣ достовѣрная исторія нашего права.

Если византійское вліяніе оставило мало слѣдовъ въ договорахъ съ греками, то съ принятіемъ христіанства воздѣйствіе римско-византійскаго права на наше не только церковное, но и свѣтское законодательство оказывается значительнымъ. Дѣйствующимъ правомъ, на ряду съ русскими обычаями, становятся византійскіе источники, къ разсмотрѣнію которыхъ и переходимъ.

Лавровскій.—„О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками“, Спб. 1853. *Сокольскій.*—О договорахъ Олега и Игоря, Кіевс. Ун. Изв. 1870 г. *Дмитріу.*—„Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками“, Визант. Врем. 1895 г. т. II. *Лонгиновъ.*—Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ, Одесса 1904 г. *Мулюкинъ.*—Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками, Ж. Мин. Юс., 1906 г. сент. *Барацъ.*—Критико-сравнительный анализъ договоровъ Россіи съ Византіей, Кіевъ 1910 г.

Византійское право.

Причины перенесенія на Русь сборниковъ византійскаго права. Принятіе христіанства обращаетъ Русь въ одну изъ многочисленныхъ епархій константинопольскаго патріархата и вводитъ въ наше общество новый элементъ — духовенство, поставляемое въ лицѣ митрополитовъ патріархомъ въ первое время изъ представителей

греческаго клира. Митрополиты-греки были обязаны, конечно, руководиться въ вопросахъ церковнаго устройства и управленія на Руси, тѣми же правилами, какія дѣйствовали въ церкви греческой. Отсюда источники византійскаго церковнаго права неизбѣжно должны были появиться на Руси и получить практическое примѣненіе. Но перенесеніе къ намъ указанныхъ источниковъ вызывалось и другой причиной: русское обычное право настолько противорѣчило христіанской морали, что во многихъ отношеніяхъ требовало измѣненія въ духѣ тѣхъ началъ, на которыхъ покоилось византійское право и которыя со всею точностью развитого правосознанія, унаслѣдованнаго отъ эпохи расцвѣта классической римской юриспруденціи, были формулированы въ памятникахъ византійскаго законодательства. Такими памятниками являлись прежде всего Номоканоны, получившіе у насъ названіе Кормчихъ книгъ, а затѣмъ другіе сборники оффиціальнаго и частнаго происхожденія.

Номоканоны: ихъ происхожденіе. Подобно всякому обществу, христіанская церковь съ самаго начала своего образованія имѣла свое право, содержавшееся въ апостольскихъ правилахъ, постановленіяхъ помѣстныхъ соборовъ и каноническихъ правилахъ и отвѣтахъ св. Отцовъ. Со времени признанія Константиномъ В. христіанской религіи господствующей въ Римской Имперіи къ этимъ нормамъ прибавляются постановленія вселенскихъ, слѣдующихъ за ними помѣстныхъ соборовъ и законы византійскихъ императоровъ по дѣламъ церковнымъ. Обиліе юридическаго матеріала вызывало потребность въ сборникахъ церковнаго права, которые начали появляться съ половины V вѣка и заключали въ себѣ постановленія церковной власти, такъ называемые, каноны, въ хронологическомъ порядкѣ. Въ VI вѣкѣ наряду съ хронологическими составляются и систематическіе сборники каноновъ. Такой сборникъ былъ составленъ константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Схоластикомъ въ 50-ти титулахъ. Вскорѣ появился другой, принадлежавшій неизвѣстному составителю и называвшійся „канонической синтагмой“ въ XIV титулахъ.

Законы византійскихъ императоровъ по дѣламъ церковнымъ не были систематизированы и только въ VI вѣкѣ, съ изданіемъ Corpus juris Civilis Юстиніана, стало возможнымъ приступить къ составленію сборниковъ такихъ законовъ (*νόμος*), что и было исполнено также Іоанномъ Схоластикомъ, составившимъ сборникъ въ 87 главъ изъ новеллъ Юстиніана. Неизвѣстный составитель „синтагмы“, въ свою очередь, собралъ постановленія свѣтской власти по дѣламъ церковнымъ въ трехъ частяхъ, сдѣлавъ извле-

ленія: 1) изъ кодекса, 2) изъ дигестъ и институцій и 3) изъ новеллъ, подъ названіемъ collectio tripartita.

Такъ какъ въ указанныхъ каноническихъ сборникахъ и собраніяхъ постановленій свѣтской власти нерѣдко встрѣчались опредѣленія по однимъ и тѣмъ же вопросамъ, напр., о бракѣ, наслѣдствѣ и др., то сказывалась потребность въ особомъ видѣ сборниковъ, гдѣ были бы изложены параллельно какъ *νόμοι*, такъ и *κανόνες*. Этой потребности удовлетворили два *номоканона*, изъ которыхъ первый, составленный тѣмъ же Іоанномъ Схоластикомъ, представлялъ собою соединеніе каноническаго сборника въ 50 титулахъ съ собраніемъ новеллъ Юстиніана въ 87 гл. и извѣстенъ подъ названіемъ номоканона въ 50 титулахъ, или Іоанна Схоластика, а второй образовался изъ соединенія канонической синтагмы съ collectio tripartita и получилъ названіе номоканона въ XIV титулахъ. Этотъ номоканонъ имѣлъ преимущественное употребленіе въ греческой церкви и легъ въ основу третьяго номоканона, изданнаго въ IX вѣкѣ знаменитымъ патріархомъ Фотіемъ.

Кормчія книги. Съ принятіемъ христіанства всѣ указанные виды Номоканоновъ перешли къ намъ, получивъ названіе „Закону—правило“, или „Кормчія книги“. Послѣднее названіе, по объясненію пр. Голубинскаго, произошло слѣдущимъ образомъ: „буквальный славянскій переводъ греческаго слова *Νομοκανών* есть законоправило; слово правило было понято у насъ въ смыслѣ „прави́ло“, что значитъ *руль*, по славянски *корма*, откуда и явилось названіе: „Кормчая книга“. До конца 60 годовъ прошлаго ст. ученые думали, что эти Номоканоны, или Кормчія были у насъ въ обращеніи сперва на греческомъ языкѣ и что только во второй половинѣ XIII вѣка митрополитомъ Кирилломъ II былъ пріобрѣтенъ изъ Болгаріи и введенъ во всеобщее употребленіе греческій Номокаконъ въ славянскомъ переводѣ. Но съ появленіемъ въ 1869 году труда проф. А. С. Павлова подъ заглавіемъ: „Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ“, господствовавшее въ литературѣ мнѣніе должно считаться оставленнымъ. Пр. Павловъ неопровержимо доказалъ существованіе у насъ уже въ XI и XII ст. греческаго Номоканона въ славянскомъ переводѣ, какъ общими соображеніями, такъ и прямыми свидѣтельствами. Первыя состоятъ въ томъ, что не только епархіальные архіереи, которые уже впервые вѣка христіанства на Руси поставлялись изъ русскихъ по преимуществу, но и сами митрополиты—греки—для управленія церковью нуждались въ *славянскомъ переводѣ* Номоканона. Вторыя, т. е. прямыя свидѣтельства, дошли до насъ отъ XVI столѣтія и находятся въ сочиненіяхъ ученика знаменитаго

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ... РОССУРЫ

Максима Грека, монаха Зиновія, видѣвшаго и читавшаго два списка славянской Кормчей, изъ которыхъ одинъ по его словамъ написанъ былъ въ Новгородѣ при князѣ Ярославѣ, а другой— при сынѣ Ярославовѣ—Изяславѣ. Далѣе проф. Павловъ доказалъ, что Русская Церковь въ первые два съ половиною вѣка своего существованія имѣла въ славянскомъ переводѣ тѣ же самые Номоканоны, какіе употреблялись тогда и въ Греческой Церкви, именно, Номоканонъ Іоанна Схоластика и Номоканонъ въ XIV титулахъ. Номоканонъ Схоластика переведенъ на славянскій языкъ въ эпоху обращенія моравовъ и болгаръ въ христіанство и долженъ былъ сдѣлаться извѣстнымъ на Руси съ момента принятія ею христіанства, а Номоканонъ въ XIV титулахъ до-фотіевой редакціи, былъ переведенъ, вѣроятно, въ Россіи при Ярославѣ, получилъ у насъ преимущественное употребленіе и еще до временъ митрополита Кирилла II снабженъ былъ русскими дополнительными статьями. Кириллъ II получилъ изъ Болгаріи сербскій переводъ Номоканона патріарха Фотія въ сокращенной редакціи, или такъ называемый *синопсисъ съ толкованіями* извѣстнѣйшаго канониста XII вѣка *Аристина*. Эта сербская Кормчая послужила протипомъ для двухъ списковъ Кормчихъ, изъ которыхъ одинъ по мѣсту своего первоначальнаго нахожденія извѣстенъ подъ именемъ софійскаго, другой—рязанскаго. По своему составу софійскій списокъ представляетъ соединеніе двухъ видовъ Кормчихъ: Кормчей въ XIV титулахъ и Кормчей, полученной митрополитомъ Кирилломъ; кромѣ того, въ немъ находятся постановленія чисто русскаго происхожденія, напр.: статьи изъ церковнаго устава Владиміра Св., Русской Правды, постановленій церковныхъ соборовъ, церковнаго устава Новгородскаго князя Святослава и т. п. Рязанскій же списокъ былъ буквальной копіей съ синопсиса патріарха Фотія, полученнаго Кирилломъ изъ Болгаріи, и статей русскаго происхожденія въ немъ не встрѣчается. Оба означенныхъ списка появляются у насъ въ послѣдней четверти XIII вѣка, но софійскій списокъ получаетъ болѣе широкое распространеніе и удерживаетъ первенство въ церковномъ употребленіи вплоть до изданія печатной Кормчей при патріархѣ Никонѣ въ 1653 году. Какъ въ софійскомъ, такъ и въ рязанскомъ спискахъ Кормчей помѣщены оффиціальныя сборники свѣтскаго византійскаго законодательства, именно: 1) Эклога Льва Исавра и Константина Копронима и 2) Прохиронъ Василія Македонянина.

Эклога Льва Исавра и Константина Копронима, императоровъ иконоборцевъ, составлена около 740 года подъ названіемъ *Ἐκλογὴ τῶν νόμων* (избраніе законовъ). Мотивы и цѣль изданія Эклоги объ-

яснены въ предисловіи такъ: „законоположенія прежнихъ царей содержатся во многихъ книгахъ и заключающійся въ нихъ разумъ для однихъ трудно постижимъ, а для другихъ совсѣмъ недоступенъ. По сему мы сочли полезнымъ, чтобы въ одной этой книгѣ были изложены рѣшенія относительно чаще всего встрѣчающихся дѣлъ болѣе ясно и кратко, частью сообразно съ тѣмъ, что содержится въ иныхъ книгахъ благоприличнаго, частью сообразно съ тѣмъ, что мы сами вновь постановили“ [1]).

Эклога занимаетъ въ себѣ 18 титуловъ, изъ которыхъ 16 первыхъ относятся къ гражданскому праву (о бракѣ и приданомъ, о дареніи, о наслѣдованіи по завѣщанію и безъ завѣщанія, объ опекѣ и попечительствѣ, объ отпускѣ рабовъ на волю, объ обязательствахъ, о свидѣтеляхъ и о peculium castrense vel quasi castrense); въ 17 содержится уголовное право, а 18 посвященъ вопросу о раздѣлѣ военной добычи.

Эклога во многихъ отношеніяхъ носитъ реформаторскій характеръ. Такъ, въ семейственномъ правѣ она отмѣняетъ конкубинатъ, дозволяетъ браки между лицами разныхъ вѣроисповѣданій, требуетъ согласія матери на бракъ дѣтей, ограничиваетъ случаи развода, вводитъ существенныя измѣненія въ право наслѣдственное (родители наслѣдуютъ прежде боковыхъ родственниковъ, по смерти мужа всѣ права его переходятъ къ женѣ); въ уголовномъ правѣ проводитъ систему тѣлесныхъ и даже членовредительныхъ наказаній, замѣняя иногда ими смертную казнь, назначавшуюся прежними законами.

Славянскій переводъ Эклоги, находящійся въ Кормчихъ, нѣсколько отступаетъ отъ греческаго подлинника, что объясняется, по всей вѣроятности, самостоятельною передѣлкою переводчиковъ, приспособлявшихъ постановленія Эклоги къ понятіямъ новообращенныхъ славянъ вообще, и русскихъ въ частности. Эклога помѣщена въ 49 главѣ печатной Кормчей подъ заглавіемъ: „Леона царя премудраго и Константина, вѣрною царю, главизны о совѣщаніи обрученія и о иныхъ различныхъ винахъ“.

Прохиронъ Василія Македонянина или „ручная книга законовъ“ (*О πρόχειρος νόμος*, или просто *Πρόχειρον*, т. е. руководство законовъ) издана около 878 г. въ отмѣну Эклоги. Поводы къ изданію объяснены въ предисловіи: „Нѣкоторые скажутъ: такъ какъ наши предки оставили намъ нѣчто подобное, то почему бы не успокоиться на этомъ сокращеніи и зачѣмъ было прибѣгать намъ ко

---

[1]) *Сергѣевичъ*—Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. СПБ. 1910 г., ст. 41.

второму извлеченію (*ἐκλογὴ τῶν νόμων*)?... Слѣдуетъ знать, что это такъ называемое руководство содержало не столько извлеченія, сколько извращенія добрыхъ законоположеній, допущенное намѣренно собирателемъ... Посему еще нашими предшественниками это прежнее руководство, хотя и не вполнѣ [1]), было отвергнуто". Такъ какъ Эклога во многомъ отступала отъ законодательства Юстиніана, то Прохиронъ, отмѣняя ее, возвращался собственно къ началамъ Юстиніанова права, и только уголовное законодательство было изложено имъ по Эклогѣ. Прохиронъ дѣйствовалъ до паденія Византіи, но на ряду съ нимъ сохраняла силу и отмѣненная имъ Эклога.

Греческій подлинникъ Прохирона раздѣленъ на 40 титуловъ, изъ которыхъ 38 посвящены гражданскому праву: о бракѣ и приданомъ, объ обязательствахъ, о наслѣдованіи, о частныхъ и публичныхъ постройкахъ; въ 39 титулѣ изложено уголовное право, а въ 40-мъ о раздѣлѣ военной добычи.

Полный славянскій переводъ Прохирона находится въ сербской Кормчей, полученной Митр. Кирилломъ изъ Болгаріи. Въ печатной Кормчей Прохиронъ составляетъ 48 главу подъ названіемъ: „Закона градского главы различны въ четыредесятихъ гранѣхъ".

Законъ судный людемъ. Кромѣ разсмотрѣнныхъ двухъ сборниковъ византійскаго права оффиціальнаго греческаго происхожденія, въ Кормчихъ, представляющихъ собою переводъ Номоканона въ 50 титулахъ, въ лѣтописяхъ и въ частныхъ сборникахъ, называвшихся „Мѣрилами Праведными", встрѣчается памятникъ извѣстный подъ именемъ „Закона суднаго людемъ", или „Судебника царя Константина", неправильно приписываемый Константину Великому. Сборникъ этотъ является древнѣйшимъ памятникомъ болгарскаго права, изданнымъ, по мнѣнію послѣдняго по времени изслѣдователя, проф. Флоринскаго, болгарскимъ царемъ Симеономъ (888—927) въ концѣ IX или въ началѣ X вѣка.

Извѣстны двѣ редакціи Закона суднаго: краткая и пространная. Краткая редакція, находящаяся въ Кормчихъ состоитъ изъ 32 главъ; пространная, обращавшаяся въ двухъ изводахъ, находится въ лѣтописяхъ и „Мѣрилахъ Праведныхъ" и состоитъ изъ 80 главъ. Краткая редакція, несомнѣнно, древнѣйшая, появилась въ Болгаріи; пространная могла возникнуть на Руси, причемъ второй изводъ пространной редакціи древнѣе перваго.

---

[1]) *Сергѣевичъ*.—Лекціи стр. 42.

Источниками Закона Суднаго Людемъ служили Эклога и другіе памятники. Такъ статьи пространной редакціи, дополняющія краткую, взяты изъ Законовъ Моисеевыхъ, а вся краткая редакція, за исключеніемъ первыхъ двухъ статей, заимствованныхъ изъ Кодексовъ Ѳеодосія и Юстиніана и Правилъ Апостольскихъ и Василія Вел., основана на Эклогѣ. Отношеніе къ источнику вполнѣ свободное: въ однихъ случаяхъ составители переводили статьи Эклоги дословно, въ другихъ вносили существенныя измѣненія и передѣлывали греческій текстъ. Характеръ этихъ измѣненій таковъ, что даетъ возможность, по мнѣнію проф. Флоринскаго [1]), „признать Законъ Судный Людемъ не простой компиляціей изъ Эклоги, а *болгарскимъ сборникомъ законовъ*, основанныхъ на византійскомъ правѣ и нерѣдко весьма измѣненныхъ въ сравненіи съ ихъ византійскимъ первоисточникомъ". По содержанію краткая редакція Закона Суднаго представляетъ переработку уголовныхъ законовъ Эклоги, помѣщенныхъ въ 17 титулѣ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ статей, взятыхъ изъ другихъ титуловъ.

Судный законъ имѣлъ несомнѣнно широкое примѣненіе на Руси; объ этомъ можно судить потому, что въ нѣкоторыхъ Кормчихъ и лѣтописяхъ, статьи Суднаго Закона излагаются иногда вслѣдъ за статьями Русской Правды, иногда въ перемежку съ ними. Судный Законъ перешелъ и въ печатную Кормчую, гдѣ онъ помѣщенъ въ 46 главѣ подъ заглавіемъ: „Законъ Судный людемъ царя Константина Великаго".

Книги законныя. На ряду съ упомянутыми выше сборниками византійскаго права, помѣщенными въ нашихъ Кормчихъ, извѣстенъ еще одинъ памятникъ, невходившій ни въ рукописныя Кормчія, ни въ Кормчую печатную. Онъ сохранился въ отдѣльныхъ спискахъ XV и XVI в. подъ заглавіемъ: „*Книги законныя, ими-же годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ*". Въ своемъ критическомъ изданіи этого памятника подъ названіемъ: „Книга законная, содержащая въ древне-русскомъ переводѣ византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные брачные и судебные", проф. Павловъ высказываетъ мнѣніе, что „Книги" появились у насъ въ концѣ XII или въ началѣ XIII в. и представляютъ собою славянскую компиляцію византійскихъ законовъ, сдѣланную неизвѣстнымъ авторомъ русскаго происхожденія, говорившимъ языкомъ Русской Правды, начальной лѣтописи и др. памятниковъ нашей письменности того времени. Это послѣднее

---

[1]) *Флоринскій.*—Древнѣйшій памятникъ Болгарскаго права. Сбор. статей по ист. пр., посвящ. М. Ф. Влад.-Будан. Кіевъ, 1904, ст. 427.

обстоятельство придаетъ важное значеніе книгамъ законнымъ: при сравненіи ихъ съ греческимъ подлинникомъ можно составить вѣрное понятіе о многихъ юридическихъ терминахъ той эпохи.

Книги законныя состоятъ изъ предисловія и 4 частей. Въ предисловіи указывается цѣль сборника: онъ долженъ служить руководствомъ „къ праведному суду по заповѣди Христа Спасителя: не судите на лица, но праведный судъ судите".

Первая часть носитъ заглавіе: „*Законы земледѣльніи отъ Оустиніановыхъ книгъ о земледѣльцѣхъ*, представляя собою переводъ „Земледѣльческаго Устава", составленнаго при императорахъ—иконоборцахъ. Въ ней помѣщены постановленія: о поземельномъ владѣніи, о наймѣ земледѣльцевъ, о мѣнѣ поземельными участками, о незаконномъ завладѣніи и межевыхъ спорахъ, о кражѣ орудій и др.

Вторая часть подъ заглавіемъ: „*Законъ о казняхъ*" содержитъ уголовные законы, замѣнившіе соотвѣтствующія статьи Закона Суднаго. Эта часть устанавливаетъ наказанія за преступленія противъ вѣры и государства, противъ нравственности, противъ жизни, здоровья, чести, свободы и имущества частныхъ лицъ. Эта часть составляетъ переводы уголовныхъ законовъ Прохирона.

Третья часть подъ названіемъ: „*О раздѣленіи бракомъ* говоритъ о поводахъ къ разводу и о незаконныхъ бракахъ. Она заимствована изъ Прохирона.

Четвертая часть: „*Главы о послухахъ*", развивая и измѣняя статьи Суднаго закона, представляетъ переводъ соотвѣтствующихъ постановленій Прохирона съ дополненіемъ изъ Эклоги о свидѣтеляхъ.

Книги законныя имѣли большее примѣненіе на практикѣ, чѣмъ законъ Судный, который во многихъ своихъ постановленіяхъ ими отмѣнялся. Объясняется это тѣмъ, что постановленія книгъ законныхъ формулированы понятнѣе, изложены языкомъ, на которомъ, какъ было упомянуто, говорили въ то время, и что подборъ опредѣленій изъ источниковъ византійскихъ падалъ на наиболѣе пригодныя, приспособленныя, притомъ, къ русскому быту и понятіямъ.

Вліяніе византійскаго права на русское. Кормчая и другіе разсмотрѣнные византійскіе юридическіе сборники становятся у насъ источниками дѣйствующаго права. Церковные уставы русскихъ князей, какъ увидимъ ниже, предоставляютъ суду церкви массу дѣлъ безъ указанія, какъ ихъ рѣшать. Духовенство при рѣшеніи этихъ дѣлъ, естественно, должно было примѣнять тѣ постано-

вленія, которыя заключались въ извѣстныхъ ему сборникахъ византійскаго законодательства: основывать свои рѣшенія на языческомъ обычномъ правѣ, далеко отстоявшемъ отъ началъ христіанской морали, оно не могло; къ тому же, многія отношенія, подлежавшія по Номоканону и свѣтскимъ византійскимъ законамъ суду церкви, обычному русскому праву были неизвѣстны.

Но помимо непосредственнаго примѣненія на практикѣ, византійское право становится источникомъ многихъ законодательныхъ опредѣленій. Не говоря уже о законодательствѣ церковномъ, гдѣ многія отношенія опредѣляются на основаніи законовъ византійскихъ, послѣдніе вліяютъ и на нѣкоторыя постановленія законодательства свѣтскаго. Опредѣленіе церковныхъ дѣлъ и „церковныхъ людей“ въ церковномъ ус. св. Владиміра состоялось, по словамъ князя, на основаніи Номоканона: „растворивше греческій Номоканонъ и обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжъ князю судити..... далъ есми тѣ суды церквамъ Божьимъ“... На Номоканонъ ссылается церковный уставъ Новгородскаго князя Всеволода, заканчивающійся такими словами: „а то все приказахъ епископу управливати, а смотря въ Манаканонъ“ (Номоканонъ). Новгородская Судная грамота предписываетъ владыкѣ: „судити свой судъ, судъ святительски, по святыхъ отецъ правилу, по Манаканону“. Указанія на Номоканонъ, какъ на дѣйствующій источникъ права на Руси встрѣчается и въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ, изъ которыхъ видно, что не только духовные суды судили по Номоканону, но и свѣтская власть примѣняла въ своихъ рѣшеніяхъ „правила Манакапунныя“. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ несомнѣнно, что основной византійскій Сборникъ, Номоканонъ, въ церковной практикѣ имѣлъ широкое примѣненіе.

При изученіи же Русской Правды и памятниковъ московскаго періода мы увидимъ, что свѣтскіе византійскіе сборники, особенно Эклога, или „Главизны царей Леона и Константина“, и Прохиронъ, или „Градской законъ“ служили источникомъ нѣкоторыхъ опредѣленій этихъ памятниковъ.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ текстѣ и подстрочныхъ примѣчаніяхъ, см. *Розенкампфъ*—„Обозрѣніе Кормчей“, 2-е изд. 1839 г. *Неволинъ*.—„О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго“ и „О собраніяхъ и ученомъ обработываніи церковныхъ законовъ въ Греціи и въ Россіи“. Полное соб. соч., т. VI. *Калачевъ*. „О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права“. 1850 г. *Дювернуа*.—„Источники права и судъ въ древней Россіи“, 1869 г. *Васильевскій*.—Законодательство иконоборцевъ, Ж. М. Н. Пр. 1878 №№ 10 и 11. *Бенешевичъ*.—„Древнеславянская Кормчая XIV тит. безъ толкованій, 1901—1907 г.

Церковные уставы.

Количество церковныхъ уставовъ: ихъ дѣленіе на общіе и мѣстные. До насъ дошли шесть памятниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ церковныхъ уставовъ: 1) Уставъ о десятинѣ и церковныхъ судахъ Владиміра св., 2) Уставъ о церковныхъ судахъ, приписываемый вел. кн. Ярославу, 3) Уставъ „о церковныхъ судѣхъ, и о людехъ, и о мѣрилѣхъ торговыхъ", данный новгород. княземъ Всеволодомъ—Гавріиломъ около 1136 г.; 4) Уставная грамота, данная тѣмъ же княземъ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ около 1135 г.; 5) Церковный уставъ, новгор. князя Святослава 1137 г., и 6) Уставныя грамоты смоленскаго князя Ростислава и епископа Мануила, данныя епископіи смоленской въ 1150 г.

Изъ этихъ уставовъ первые два считаются общими, причемъ, Уставъ Владиміра Св. послужилъ основаніемъ всѣмъ другимъ указаннымъ уставамъ, имѣющимъ значеніе уставовъ мѣстныхъ. Такъ какъ послѣдніе повторяютъ постановленія ус. Владиміра съ небольшими дополненіями и измѣненіями, то на нихъ мы останавливаться не будемъ и обратимся къ изученію общихъ церковныхъ уставовъ. Тѣ же особенности, которыя встрѣчаются въ уставахъ мѣстныхъ, будутъ отмѣчены при изложеніи внутренней исторіи права.

Уставъ Владиміра Св. о десятинѣ и о церковныхъ судахъ; редакція списковъ, подлинность и содержаніе устава. Уставъ Вел. кн. Владиміра Св. дошелъ до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, помѣщенныхъ въ Кормчихъ книгахъ, въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ. Древнѣйшій изъ этихъ списковъ находится въ новгородской Кормчей (синодальной) послѣдней четверти XIV в.; остальные встрѣчаются въ памятникахъ XV, XVI и даже XVII в. Списки очень различны между собою по изложенію и объему содержанія; ихъ дѣлятъ на двѣ редакціи: краткую и пространную, но какая изъ этихъ редакцій является древнѣйшей, въ научной литературѣ до сихъ поръ не рѣшено окончательно.

Не рѣшенъ еще окончательно даже вопросъ о подлинности устава, т. е. о томъ, дѣйствительно ли послѣдній былъ данъ св. Владиміромъ основанной имъ Церкви. Нѣкоторые изъ изслѣдователей считаютъ уставъ подложнымъ, другіе не сомнѣваются въ его подлинности, третьи, не рѣшаясь пріурочить ни одной изъ дошедшихъ до насъ редакцій устава къ эпохѣ Владиміра Св., полагаютъ, что въ немъ содержится нѣчто древнее, современное Владиміру Св. и, вѣроятно, принадлежащее этому князю.

Противники подлинности, начиная съ Карамзина, приводятъ многочисленные доводы, изъ которыхъ самымъ существеннымъ нужно признать указаніе на хронологическую несообразность, встрѣчающуюся во вступленіи къ уставу. По справедливому замѣчанію проф. Загоскина [1]), „это возраженіе имѣетъ настолько серьезный характеръ, что разъ мы сочтемъ его устраненнымъ, всѣ остальныя сомнѣнія потеряютъ свою остроту". Во вступленіи говорится, между прочимъ, что Владиміръ принялъ крещеніе: „отъ греческаго царя Константина и отъ Фотія, патріарха Царигородскаго и пріяхъ отъ него перваго митрополита Кіеву"... Изъ этихъ словъ вытекаетъ, что Владиміръ будто бы принялъ крещеніе отъ патріарха Фотія, виновника раздѣленія восточной и западной церкви, и взялъ у него перваго митрополита, между тѣмъ какъ Фотій жилъ за 80 лѣтъ до Владиміра. Получается недопустимая въ законѣ несообразность.

Защитники подлинности доказываютъ, что цитированное мѣсто устава не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Не только въ спискахъ устава пространной редакціи, но и въ другихъ памятникахъ, какъ напр., въ Воскрес. лѣтописи, въ Степенной книгѣ и др. употребляются такія же выраженія: „взя у Фотія перваго митрополита" или „епископа Фотія патріарха", „Фотіевы епископы" и т. п. Въ то время имя Фотія стало нарицательнымъ и приведенныя выраженія указывали, что греческіе епископы, вслѣдъ за Фотіемъ, признавали независимость восточной церкви отъ власти римскихъ папъ. Отсюда выраженія: „взять епископа Фотія", „принять крещеніе отъ Фотія", „Фотіевъ епископъ" указывали на единеніе съ православною восточною церковью, самостоятельность которой была установлена указаннымъ патріархомъ. Отсюда слова вступленія къ уставу означаютъ, что Владиміръ Св., принявъ крещеніе, вступилъ въ лоно православной греческой церкви. Подчеркнуть это обстоятельство во вступленіи къ уставу Владиміръ Св. могъ, по совѣту митрополита, считать необходимымъ, что говоритъ скорѣе въ пользу подлинности, чѣмъ подложности устава.

Не останавливаясь на другихъ менѣе существенныхъ возраженіяхъ противъ подлинности устава, можно признать, что не только нѣтъ основаній считать уставъ подложнымъ, но возможно пріурочивать его къ эпохѣ Владиміра Св. Проф. Загоскинъ дѣлаетъ даже попытку опредѣлить время составленія устава. По свидѣтельству лѣтописи, въ 996 г. закончилось сооруженіе въ Кіевѣ храма во имя Прес. Богородицы, и Владиміръ, совершивъ въ немъ

[1]) Загоскинъ.—„Курсъ исторіи русск. права".—Казань 1906 г. стр. 241.

моленіе, далъ обѣтъ: „даю церкви сей святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть"; затѣмъ, Владиміръ прибавляетъ лѣтописецъ: *„положи, написавъ клятву, въ церкви сей рекъ: аще кто посудитъ, да будетъ проклятъ"*. Сравнивая это лѣтописное свидѣтельство съ уставомъ, гдѣ находится постановленіе о десятинѣ и приведенное заклятіе, проф. Загоскинъ не только пріурочиваетъ къ 996 году изданіе устава, но и склоненъ „предположить въ клятвѣ, которую Вел. князь, *„написавъ"*, положилъ въ новомъ храмѣ,—указаніе, именно, на интересующій насъ памятникъ".

Итакъ, уставъ исходилъ отъ Владиміра Св. и былъ изданъ въ концѣ X вѣка. Что же касается редакцій разсматриваемаго памятника, то, несомнѣнно, ни одна изъ нихъ не представляетъ собою устава во всей цѣлости и въ томъ подлинномъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Владиміра Св. Однако, пространную редакцію, находящуюся въ памятникѣ XIII вѣка, надо считать, какъ вполнѣ правильно доказалъ Митр. Макарій [1]), древнѣйшей и ближайшей къ подлиннику. По этой редакціи мы и изложимъ содержаніе устава.

Уставъ дѣлится на три части: вступленіе, установительную часть и заключеніе.

Во вступленіи говорится: 1) о крещеніи Руси и о первой русской митрополіи, 2) о построеніи въ Кіевѣ церкви во имя Прес. Богородицы и объ установленіи на ея содержаніе десятиннаго сбора со всѣхъ княжескихъ доходовъ, откуда и названіе этой церкви Десятинной; 3) о рѣшеніи князя предоставить, по Номоканону, опредѣленныя дѣла суду митрополита и всѣхъ епископовъ русской земли съ увѣщаніемъ потомковъ не вмѣшиваться въ духовные суды и 4) о присутствіи духовныхъ судей въ судахъ свѣтскихъ „десятинъ дѣля", т. е. для надзора за правильнымъ поступленіемъ десятины съ судныхъ доходовъ.

Установительная часть содержитъ въ себѣ: 1) перечень *дѣлъ*, по которымъ *всѣ граждане* подлежатъ церковному суду, 2) перечень „людей церковныхъ т. е. лицъ и учрежденій", подсудныхъ церкви *по всѣмъ дѣламъ* и 3) постановленіе объ отдачѣ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ вѣдѣнію церкви.

Къ дѣламъ, подсуднымъ церковному суду, относятся: 1) *дѣла брачныя*, какъ то: разводъ (роспустъ), споры по рядным записямъ о приданомъ („смильное" (мило = приданое) „заставанье" (застава-зарядъ, неустойка), похищеніе женихомъ невѣсты (умыканіе), браки

[1]) *Митр. Макарій*—Исторія Рус. Церкви. См. 1889 г., т. I ст. 163—164.

въ недозволенныхъ степеняхъ родства (племени) или свойства (сватовьство); 2) *дѣла семейныя и о наслѣдствѣ*, каковы: ссоры между супругами объ имуществѣ; оскорбленіе дѣтьми родителей; тяжбы родственниковъ о наслѣдствѣ; 3) *преступленія противъ вѣры и церкви*: о чародѣйствѣ, изготовленіи ядовъ („зелійничество"), о церковной татьбѣ (краже), ограбленіи мертвыхъ, о совершеніи языческихъ моленныхъ обрядовъ, объ осквернеиіи храмовъ: 4) *дѣла объ особыхъ оскорбленіяхъ словами или дѣйствіемъ*; 5) *преступленія противъ нравственности.*

Лица и учрежденія, подсудныя церковному суду по всѣмъ дѣламъ, суть слѣдующія: священно — и церковнослужители и дѣти, живущія при нихъ; лица, получившія чудесное исцѣленіе („прощеники"); лѣкаря („лѣчцы"); рабы, отпущенные на волю по духовной („задушные люди"); паломники; вдовы, получающія отъ церкви содержаніе; увѣчные („слѣпецъ", „хромецъ"): лица, сложившія съ себя иноческій санъ („а кто порты черническія сверженъ"); „прикладни" (изгои, т. е. люди, приложенные, приписанные къ церкви [1]); монастыри, больницы и странноприимные дома.

Заключеніе устава состоитъ изъ заклятія, обращеннаго княземъ къ нарушителямъ правъ церкви, опредѣленныхъ уставомъ.

Уставъ о церковныхъ судахъ, приписываемый Вел. Кн. Ярославу; его списки, вопросъ о подлинности и содержаніе.

Подобно уставу Владиміра св., уставъ, приписываемый сыну его. Ярославу, дошелъ до насъ въ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій находится въ Кормчей Соловецкаго монастыря 1493 г. Списки эти дѣлятъ на двѣ редакціи: западно-русскую и восточно-русскую. Къ спискамъ первой редакціи относится „свитокъ правъ вел. кн. Ярослава", представленный кіевскимъ митрополитомъ Іосифомъ Вел. кн. литов. Александру въ 1499 г. для подтвержденія правъ Кіевской церкви. Свитокъ этотъ почти всѣми изслѣдователями признается подложнымъ; что же касается списковъ восточно-русской редакціи, то ни одинъ изъ нихъ не можетъ считаться близкимъ къ оригиналу Ярославова устава, Да былъ

---

[1]) Въ уставѣ новгор. князя Всеволода 1136 г., перечисляющаго церковныхъ людей словами устава св. Владиміра, слово „прикладень" замѣнено словомъ „*изгои*" *трои: поповъ сынъ, грамотѣ не умѣетъ, холопъ исъ холопьства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ, аще князь осиротѣетъ*". Митр. Макарій дѣлаетъ выводъ, что прикладни и изгои одно и тоже, т. е. люди приложенные, приписанные къ церкви" (Ис. рус. церкви. Т. II ст. 157).

ли такой оригиналъ, т. е. можетъ ли памятникъ, которому присвоено имя Вел. князя Ярослава, быть приписанъ законодательной дѣятельности этого князя?

Подлинность устава подвергается сильнымъ сомнѣніямъ въ литературѣ, начиная съ Карамзина, причемъ, число его защитниковъ, сравнительно съ числомъ сторонниковъ подлинности Владимирова устава, меньше, и доказательства ихъ слабѣе. Не останавливаясь на отдѣльныхъ возраженіяхъ противъ подлинности Ярославова устава, замѣтимъ, что въ немъ встрѣчаются неологизмы, противорѣчія и несообразности, при наличности которыхъ памятникъ не можетъ быть признанъ подлиннымъ.

Если мы сравнимъ постановленія разсматриваемаго устава съ извѣстными намъ сборниками византійскаго права, то не трудно будетъ усмотрѣть, что онъ представляетъ собою компиляцію изъ Прохирона, или „Градскаго закона“ (о разводѣ), изъ Эклоги, или „Главизнъ царя Леона“, и закона Суднаго людемъ, произведенную неизвѣстнымъ авторомъ. Если же мы примемъ во вниманіе, что первая ссылка на уставъ встрѣчается въ грамотѣ В. кн. Василія Дмитріевича митр. Кипріану, относящейся къ концу XIV или началу XV в., то можемъ отнести составленіе разсматриваемой компиляціи къ этому, именно, времени. Для приданія же своей работѣ необходимаго авторитета, неизвѣстный авторъ предпослалъ ей вступленіе, въ которомъ приписалъ составленіе памятника Вел. кн. Ярославу, а въ концѣ прибавилъ заклятіе по образцу Владимірова устава.

Итакъ, памятникъ, извѣстный подъ именемъ „Устава В. кн. Ярослава Володиміровича о церковныхъ судахъ представляетъ собою *компиляцію изъ сборниковъ византійскаго права, составленную неизвѣстнымъ авторомъ не раньше конца XIV вѣка и приписываемую имъ Вел. кн. Ярославу.*

Этимъ и объясняется, почему списки Ярославова устава, занесеные лишь въ немногія Кормчія книги, были распространены менѣе, чѣмъ списки церковнаго устава св. Владиміра, и почему ни Стоглавый Соборъ 1551 г., ни Соборъ 1667 г. не упоминаютъ объ изучаемомъ памятникѣ, тогда какъ оба подтверждаютъ уставъ Владиміра св.

Послѣ сказаннаго ясно, что сближать уставъ, приписываемый Ярославу, съ уставомъ Владиміра свят., считая первый дополненіемъ второго, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, не представляется возможнымъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что такъ назыв. Ярославовъ уставъ не имѣетъ значенія для исторіи права. По справедливому замѣчанію проф. Сергѣевича: „кѣмъ бы

онъ ни былъ составленъ, во всякомъ случаѣ онъ содержитъ практику какихъ то судовъ, вѣроятно, епископскихъ. Хотя эту практику мы и не можемъ пріурочить къ опредѣленному мѣсту и времени, но указаніями ея нельзя не пользоваться для исторіи права въ до-московской Руси“ [1])

Переходя къ краткому изложенію содержанія устава, замѣтимъ, что, сравнительно съ уставомъ Владиміра Св., въ немъ отсутствуютъ постановленія о назначеніи десятины, о надзорѣ за мѣрами и вѣсами, о преступленіяхъ противъ вѣры и церкви, о „людяхъ церковныхъ“, за то имѣются постановленія о такихъ преступленіяхъ, которыя неизвѣстны уставу Владиміра.

Уставъ Ярослава дѣлится на тѣ же три части, какъ и уставъ Владимировъ.

Во вступленіи говорится о томъ, что Вел. князь Ярославъ по завѣту отца своего и по совѣту съ митропол. Иларіономъ даровалъ, согласно Номоканону, митрополитамъ и епископамъ судъ по извѣстнаго рода дѣламъ.

Въ установительной части помѣщены постановленія: 1) *о преступленіяхъ, подлежащихъ церковному суду*, 2) *о дѣлахъ брачныхъ*.

Постановленія о преступленіяхъ, подлежащихъ церковному суду, различаютъ правонарушенія церковно-гражданскія отъ исключительно церковныхъ. Въ наказаніяхъ за первыя участвуетъ свѣтская власть: „а князь казнитъ“, церковной же власти принадлежатъ лишь денежные штрафы.

Къ церковно-гражданскимъ правонарушеніямъ отнесены: похищеніе и изнасилованіе дѣвицы, квалифицированное насиліе надъ дѣвицей (толока), прелюбодѣяніе мужа отъ жены, кровосмѣшеніе съ сестрой, оскорбленіе женщинъ и дѣвицъ словомъ или дѣйствіемъ, остриженіе головы и бороды, побои, наносимые родителямъ, нѣкоторые виды кражи и поджогъ.

Исключительно церковными правонарушеніями, т. е. такими, за которыя налагались епитеміи и шли штрафы въ пользу епископа считались: 1) нѣкоторые виды прелюбодѣянія мірянъ (съ кумой, съ снохой, съ мачехой) и всѣ случаи прелюбодѣянія священно—и церковно-служителей, ихъ женъ и монашествующихъ, 2) принужденіе дѣтей къ браку со стороны родителей, 3) сложеніе иноческаго сана, 4) пьянство священниковъ и монаховъ.

Изъ дѣлъ брачныхъ суду церковному подлежали: 1) *незаконные браки*, куда относятся: двоебрачіе и браки въ недозволенныхъ

---

[1]) *Сергѣевичъ*.—Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права Спб. 1883 г., стр. 160.

степеняхъ родства: 2) *разводъ*, законными поводами къ которому считались: а) утайка женою отъ мужа слышаннаго ею отъ постороннихъ лицъ замысла на жизнь князя; б) прелюбодѣяніе жены; в) замыселъ жены противъ мужа; г) утайка отъ мужа замысла на его жизнь; д) отлучка жены изъ дома мужа и проведеніе ночей внѣ своего дома безъ разрѣшенія мужа; е) посѣщеніе женою народныхъ игрищъ днемъ или ночью безъ разрѣшенія мужа; ж) утайка женою отъ мужа слышаннаго отъ постороннихъ замысла по обворованію церкви; з) покража женою для другихъ имущества мужа и помощь, оказанная ею постороннимъ къ его обворованію. Разводъ самовольный, т. е. по взаимному согласію супруговъ, равно какъ разводъ безъ всякой вины со стороны жены считался незаконнымъ. Не дозволялся также разводъ подъ предлогомъ лихой болѣзни, слѣпоты или долгой болѣзни.

Въ заключительной части устава помѣщено заклятіе опредѣляющее „судъ и казнь по закону“ и проклятіе всякому (какъ потомкамъ князя, такъ и боярамъ), кто „вступится въ суды митрополичи“.

Значеніе церковныхъ уставовъ. Разсмотрѣнные церковные уставы, независимо отъ вопроса о ихъ подлинности, имѣютъ весьма важное значеніе въ ряду источниковъ исторіи русскаго права удѣльно-вѣчевой эпохи: они знакомятъ насъ съ отношеніями государства къ церкви, съ правами и обязанностями духовенства, съ областью дѣлъ и лицъ, подлежавшихъ вѣдѣнію и суду церкви, съ древнѣйшими языческими обычаями и съ тѣми сторонами юридическаго быта, о которыхъ въ другихъ памятникахъ или не встрѣчается никакихъ извѣстій, или встрѣчающіяся свѣдѣнія оказываются недостаточными.

Кромѣ указанныхъ выше сочиненій *Неволина*, *Митр. Макарія*, *проф. Суворова*, см. еще: *Митр. Евгеній*.—Описаніе Кіево-Софійскаго собора 1825 г. *Голубинскій*.—Ист. рус. церкви, т. I изд. 1901 г. *Павловъ*.—Курсъ церковнаго права, изд. проф. Громогласовымъ.

Русская правда.

Понятіе о Русской правдѣ.—Древнѣйшимъ и важнѣйшимъ источникомъ общерусскаго права удѣльно-вѣчевого періода, дѣйствовавшимъ одинаково во всѣхъ областяхъ русской земли, является *Русская Правда*. Подъ этимъ именемъ разумѣются три сборника, составленные въ XI—XIII в.в. изъ обычнаго права, кня-

жескихъ уставовъ и отчасти византійскихъ источниковъ. Первый изъ этихъ сборниковъ представляетъ собою, какъ увидимъ ниже *грамоту, данную Ярославомъ Мудрымъ Новгородцамъ въ 1016 году*; два другихъ сборника составлены частными лицами, причемъ, второй, извѣстный подъ именемъ *Правды Ярославичей*, появился при сыновьяхъ Ярослава въ дополненіе и развитіе *Ярославовой Правды*, а третій подъ названіемъ *Правды Пространной* сложился въ окончательномъ видѣ не позже начала XIII вѣка и представляетъ собою попытку кодификаціи всего права Кіевской Руси.

Списки Русской Правды, ихъ классификація и дѣленіе на статьи. Русская Правда дошла до насъ во множествѣ списковъ, находящихся въ Кормчихъ книгахъ, въ лѣтописяхъ, въ сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Мѣрилъ Праведныхъ и въ другихъ книгахъ самаго разнообразнаго содержанія. До настоящаго времени открыты 53 списка, но изъ нихъ напечатаны полностью не всѣ. Изъ напечатанныхъ укажу въ порядкѣ *древности написанія* тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ списки найдены, слѣдующіе:

1) *Списокъ Синодальный* подъ заглавіемъ: „Судъ Ярославль Володимирица. Правда роусьская", найденъ въ новгородской Кормчей книгѣ *послѣдней четверти XIII вѣка*, хранящейся въ московской Синодальной библіотекѣ. *Это древнѣйшій списокъ Правды по написанію.* Онъ напечатанъ въ I томѣ Русскихъ Достопамятностей въ 1815 г. и проф. Мрочекъ-Дроздовскимъ въ его изслѣдованіяхъ о Русской Правдѣ в. II. 1885 г.

2) *Списокъ Троицкій*, озаглавленный: „Судъ Ярославль Володимѣричь. Правда Русьская", помѣщенъ въ „Мѣрилѣ Праведномъ" *конца XIV в.*, принадлежащемъ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры. Напечатанъ Калачевымъ въ его изданіи „Русской Правды по четыремъ спискамъ" 1847 г. (см. стр. 13) и проф. Сергѣевичемъ въ его „Русской Правдѣ" въ четырехъ редакціяхъ 1904 г. (см. стр. 13).

3) *Списокъ Археографической коммиссіи* съ заголовкомъ: „а се есть Правда рускаа" находится въ сборникѣ *половины XV вѣка* самаго разнообразнаго содержанія и напечатанъ Археографической коммиссіей въ приложеніи къ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку, а также проф. Сергѣевичемъ въ указанномъ выше изданіи.

4) *Списокъ Карамзинскій*, съ обширнымъ заглавіемъ: „Оуставъ Великаго Князя Ярослава Володимерича о судѣхъ. Соудъ о душегубствѣ. Правда роусская", помѣщенъ въ новгородской лѣтописи *XV вѣка* и напечатанъ Калачевымъ въ упомянутомъ изданіи 1847 г. и Владимірскимъ-Будановымъ въ I вып. его хрестоматіи.

5) *Списокъ Академическій*, подъ заглавіемъ „Правда роская“ открытъ въ новгородской лѣтописи *конца XV вѣка*, принадлежащей Академіи Наукъ. Напечатанъ впервые Шлецеромъ, а затѣмъ Калачевымъ въ его изданіи 1847 г. и Влад.-Будановымъ въ вып. I его хрестоматіи.

6) *Списокъ Татищевскій*, о которомъ сказано выше (см. стр. 11).

7) *Списокъ кн. Оболенскаго*, озаглавленный: Судъ Ярославль, указъ: „Правда Русская“, найденъ въ Кормчей *второй половины XVII вѣка* и напечатанъ Калачевымъ въ его изданіи 1847 г. и Сергѣевичемъ въ 1904 г.

Для всесторонняго изученія Правды необходимо было классифицировать найденные списки, что и было впервые исполнено проф. Тобишымъ (см. стр. 13). Онъ раздѣлилъ всѣ извѣстные ему (въ количествѣ 8) списки Правды на двѣ фамиліи *по различію объема, или количества статей, входившихъ въ каждый списокъ, ихъ содержанія и расположенія*. Первую фамилію составляютъ списки *краткой редакціи*, найденные въ древнихъ новгородскихъ лѣтописяхъ. Сюда относятся указанные выше списки *Археографической комиссіи половины XV вѣка* и *Академическій конца этого вѣка*. Вторую фамилію образуютъ всѣ остальные списки *пространной редакціи*, изъ которыхъ древнѣйшимъ является списокъ *Синодальный послѣдней четверти XIII вѣка*, болѣе исправнымъ—*Троицкій конца XIV вѣка* и *болѣе полнымъ—Карамзинскій XV ст.* Впослѣдствіи къ двумъ основнымъ фамиліямъ была присоединена проф. Сергѣевичемъ еще третья, списки которой, неизвѣстные Тобину, представляютъ *редакцію сокращенную изъ пространной*. Къ ней относится *списокъ кн. Оболенскаго второй половины XVII вѣка*.

Нѣкоторые изъ напечатанныхъ списковъ Правды раздѣлены издателями на статьи съ нумераціей. Въ подлинныхъ рукописяхъ такого дѣленія нѣтъ; тамъ статьи отдѣляются одна отъ другой иногда заголовками, но большею частью, заглавными буквами, писанными киноварью (красной краской). Первый опытъ дѣленія на статьи съ нумераціей былъ предложенъ еще Татищевымъ (см. стр. 11), раздѣлившимъ найденный имъ списокъ краткой редакціи на 35 ст. Его примѣру послѣдовалъ Калачевъ, раздѣлившій списокъ Академическій на 43 ст., списокъ Троицкій на 115, списокъ Карамзинскій на 135 и списокъ кн. Оболенскаго на 55 ст. Это дѣленіе удерживается въ нашей литературѣ до послѣдняго времени. Но въ 1904 г. проф. Сергѣевичъ предпринялъ новое дѣленіе и въ своемъ изданіи „Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ“, дѣлитъ списокъ Археографической комиссіи на двѣ части, изъ которыхъ въ каждой различаетъ по 25 ст., списокъ Троицкій

на 159 и списокъ кн. Оболенскаго на 68 ст. Это изданіе и принятое пр. Сергѣевичемъ дѣленіе списковъ на статьи, по замѣчанію другого изслѣдователя Русской Правды, проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, должно быть „признано, за безспорно лучшее“ [1]). Въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ было сказано выше (см. стр. 13) мы будемъ цитировать статьи по этому изданію.

Составъ редакцій Русской правды, время составленія каждой изъ нихъ. Изъ указанныхъ трехъ редакцій Правды: краткой, пространной и сокращенной изъ пространной имѣютъ научное значеніе только первыя двѣ. На анализѣ состава ихъ мы и остановимся. Въ спискахъ краткой редакціи, представляющихъ собою какъ-бы одно цѣлое, почти всѣ изслѣдователи различаютъ не одинъ, а два сборника. Первыя 25 ст. списка Археогр. комиссіи (17 ст. Акад.) содержатъ въ себѣ болѣе глубокіе слѣды древнѣйшаго права и относятся всѣми къ эпохѣ Вел. Кн. Ярослава. Слѣдующія 25 ст. списка Археогр. ком. (26 остальн. ст. сп. Акад.) составляютъ другой сборникъ болѣе поздняго происхожденія, а именно: не позже послѣдней четверти XI вѣка, т. е. времени сыновей Ярослава: Изяслава, Всеволода и Святослава. Такимъ образомъ, въ составъ списковъ краткой редакціи входятъ *двѣ правды*: *Правда Ярослава* и *Правда времени Ярославичей*, служащая дополненіемъ первой.

Списки пространной редакціи заключаютъ въ себѣ третій сборникъ болѣе поздняго происхожденія. Составленіе этого сборника, получившаго въ литературѣ названіе *Пространной Правды*, можетъ быть отнесено къ первой четверти XII вѣка въ той его части, которая оканчивается уставомъ Владиміра Мономаха о процентахъ (Спис. Тронц. 70 (51)). Остальныя статьи представляютъ собою рядъ приписокъ и дополненій, производившихся постепенно въ теченіе всего XII в., такъ что въ окончательномъ видѣ *Правда пространная* появилась не ранѣе XIII в.

Итакъ, подъ именемъ Русской Правды, какъ сказано выше (стр. 47), надо разумѣть три разновременныхъ сборника: Правду Ярослава, Правду времени Ярославичей и Пространную Правду XIII вѣка.

Происхожденіе Русской Правды. По вопросу о происхожденіи Правды въ литературѣ до настоящаго времени нѣтъ единодушнаго рѣшенія. Одни изслѣдователи считаютъ Правду оффиціальнымъ памятникомъ нашего древняго права, т. е. приписываютъ

---

[1]) *Мрочекъ-Дроздовскій*.—Новое изданіе Русской Правды, Учен. Зап. Им. М. Ун. 1905 г. и отдѣльно.

составленіе ея нашимъ князьямъ, причемъ, нѣкоторые изъ нихъ думаютъ, что Правда во всѣхъ редакціяхъ отъ начала и до конца является плодомъ законодательной дѣятельности Ярослава, нѣкоторые же полагаютъ, что Ярославу принадлежитъ лишь часть Правды, а остальныя части изданы его сыновьями и внукомъ Владиміромъ Мономахомъ. Другіе изслѣдователи (и ихъ большинство) отрицаютъ оффиціальное происхожденіе Правды, доказывая, что она дѣло рукъ частныхъ составителей. Мнѣ кажется, истина лежитъ по серединѣ. Какъ сторонники, такъ и противники оффиціальнаго происхожденія рѣшаютъ вопросъ суммарно, не принимая во вниманіе, что передъ нами не одна Русская Правда, а, какъ мы видѣли, три разновременныхъ сборника: Правда Ярослава, Правда времени Ярославичей и Пространная Правда. Для правильнаго рѣшенія вопроса необходимо остановиться на происхожденіи каждаго изъ этихъ сборниковъ.

Что касается *Правды Ярослава*, то относительно принадлежности ея этому князю, на мой взглядъ, не можетъ быть двухъ мнѣній. Въ томъ спискѣ новгородской лѣтописи XV вѣка, гдѣ открыта была Правда Татищевымъ, мы имѣемъ указаніе, что послѣдняя была дана Ярославомъ. Подъ 1016 г. лѣтописецъ помѣщаетъ извѣстіе, что послѣ войны Ярослава со Святополкомъ, „Ярославъ иде Кыеву и сѣде на столѣ отца своего Володимира, нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердамъ по гривнѣ, а новъгородцемъ по 10 всѣмъ; и отпусти я домовь вся, и давъ имъ *правду* и уставъ списавъ, тако рекше имъ: по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, тако-же держите [1]).

Итакъ, Ярославъ даетъ новгородцамъ Правду. Что такое Правда? и какой поводъ вызвалъ потребность въ ея дарованіи новгородцамъ? Слово Правда имѣла въ древнемъ нашемъ языкѣ различное значеніе. Прежде всего это слово употреблялось для обозначенія *справедливости*: „судити въ правду“ (по справедливости). Далѣе слово „Правда“ означало *судъ*: „дати правду“ (дать

---

[1]) Не во всѣхъ спискахъ новгородской лѣтописи имѣются приведенныя выше слова. Въ древнѣйшемъ, напр., такъ называемомъ Синодальномъ Спискѣ XIII в. ихъ нѣтъ. Это даетъ поводъ изслѣдователямъ заподозрить подлинность извѣстія. Но въ этомъ спискѣ нѣтъ также и Русской Правды. Что же? и Правду краткой редакціи заподозрить въ подлинности? Затѣмъ, какими практическими соображеніями могъ руководиться лѣтописецъ XV вѣка для созданія „легенды о происхожденіи Ярославовой Правды“? Никакими. Не проще ли объяснить отсутствіе извѣстія въ спискѣ XIII вѣка тѣмъ, что лѣтописецъ не располагалъ оригиналомъ, въ которомъ было занесено указанное извѣстіе и текстъ Правды краткой редакціи, а у лѣтописца XV вѣка такой оригиналъ былъ подъ руками.

судъ);—*судебныя доказательства*, въ частности свидѣтельскія показанія: „дати имъ правду желѣзо (назначить въ качествѣ судебнаго доказательства испытаніе желѣзомъ.—Рус. Пр.) „на правду холопу не вылазити“ (рабъ не можетъ быть свидѣтелемъ.—Рус. Пр.). Наконецъ, слово это выражало понятіе *права въ смыслѣ объективномъ*, т. е. въ значеніи правовыхъ, главнымъ образомъ, судебныхъ нормъ, какъ обычнаго права, такъ и законодательныхъ, какъ въ отдѣльности, такъ и въ видѣ сборниковъ: „Старая Правда“, (старое обычное право, пошлина) судить, взирая въ „Правду“ (Иск. Суд. Грам.), „Русская Правда“, „Правда уставлена русской земли“, „Правда Ярослава“ и т. д. Ярославъ, слѣдовательно, далъ новгородцамъ Правду въ смыслѣ судебной грамоты, судебнаго устава (эти выраженія въ устахъ лѣтописца тождественны).

Ярославу необходимо было дать такую судную грамоту Новгородцамъ въ виду постоянаго стремленія народа къ непосредственному княжескому суду. „Ярославъ уходитъ изъ Новгорода“, говоритъ проф. Мрочекъ-Дроздовскій [1]), „но даетъ новгородцамъ сводъ рѣшеній по главнѣйшимъ правовымъ вопросамъ, разсмотрѣніе которыхъ входитъ въ кругъ вѣдомства мѣстнаго суда; такой сводъ рѣшеній безусловно связываетъ судейскій произволъ и предохраняетъ общество отъ неправосудія, а, безъ сомнѣнія, недовѣріе общества къ правосудію княжихъ мужей и исключительное довѣріе къ справедливости самого князя и было побужденіемъ стремиться къ непосредственному княжескому суду. Оставляя новгородцамъ *правду*, Ярославъ какъ бы заочно остается новгородскимъ княземъ-судьей“.

Если это обстоятельство послужило ближайшимъ поводомъ появленія перваго свода общерусскаго обычнаго права, *санкціонированнаго властью*, то *причиной изданія* Правды являлась, несомнѣнно, потребность, достаточно уже назрѣвшая въ началѣ XI вѣка, *твердо установить юридическій обычай тогдашней Руси, и охранить его отъ иноземнаго вліянія* въ виду рецензіи византійскаго права и несоотвѣтствія послѣдняго съ правомъ русскимъ, что вызывало много недоразумѣній въ судахъ и недовольство въ обществѣ [2]).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ выводъ: *древнѣйшій сборникъ Русской Правды представляетъ собою судебный уставъ, данный Ярославомъ Мудрымъ* новгородцамъ въ 1016 г.

---

[1]) *Мрачекъ-Дроздовскій.*—Исторія Русск. Права, М. 1892 г. стр. 252—254.

[2]) Ibid ст. 253.

Вопросъ о происхожденіи другого сборника, *Правды времени Ярославичей*, требуетъ иного рѣшенія. Правду эту нельзя считать законодательнымъ актомъ сыновей Ярослава, не смотря на заголовокъ: „*Правда установлена Русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ и т. д.*, нельзя потому, что въ ней помѣщены не одни постановленія перваго съѣзда Ярославичей; въ ней находимъ также уставъ одного только Изяслава „яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили дорогобужцы“ (ст. 52-ая 2-ой редак.; Акад. 21); въ ней встрѣчаемъ уставы Ярослава, опредѣляющіе „поконъ вирный“, т. е. пошлины вирнику, или лицу, собиравшему штрафы за убійство въ пользу князя (ст. 24; Акад. 42), и урокъ мостѣникомъ“, т. е. плату за устройство и ремонтъ мостовъ (ст. 24; Акад. 43). Несомнѣнно, мы имѣемъ передъ собою сводъ разныхъ и разновременныхъ постановленій, который не могъ быть составленъ Ярославичами на съѣздѣ. Самый способъ изложенія съ приведеннымъ выше заголовкомъ историческаго характера, со ссылкой на уставъ Изяслава, съ указаніями, въ родѣ слѣдующихъ: „а се поконъ вирный“; то ти урокъ Ярославль“; „а се урокъ мостѣникомъ“, говоритъ ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ законодательнымъ актомъ, а со сборникомъ, принадлежащимъ постороннему составителю, который предпринялъ дополненіе Правды накопившимся, послѣ изданія Ярославовой Правды, матеріаломъ не раньше изгнанія Изяслава изъ Кіева т. е. 1068 г. Кто былъ составитель: частное ли лицо, составившее этотъ сводъ по личному побужденію, или лицо оффиціальное, которому поручено было Ярославичами дополнить Правду Ярослава послѣдующими постановленіями, этотъ вопросъ, думается, навсегда останется открытымъ.

Итакъ, второй сборникъ есть *Правда времени Ярославичей, составленная* не позже послѣдней четверти XI вѣка *въ дополненіе первой изъ разновременныхъ постановленій.*

Что касается третьяго сборника, *Правды Пространной*, то законодательное происхожденіе ея не можетъ быть принято совершенно. Судя по Троицкому списку, всѣми изслѣдователями признаваемому самымъ близкимъ къ недошедшему до насъ оригиналу Правды спискомъ пространной редакціи, мы видимъ, что составитель включаетъ въ сборникъ статьи отмѣненныя и ставитъ ихъ рядомъ съ отмѣнившими. Напр., 1 ст.: „Аже убіетъ мужъ мужа, то мстити брату брата и т. д.“ выписывается изъ 1 ст. Ярослава, а затѣмъ во 2-ой (4) заявляется, что Ярославичи на 2-мъ съѣздѣ своемъ: „отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати“. Законодатель въ своемъ сводѣ отмѣненныхъ

статьей не помѣстилъ бы, какъ равно не помѣстилъ бы и историческихъ введеній. Далѣе законодатель, предпринявъ новое изданіе Правды, быть можетъ, и сохранилъ бы за ней это названіе, но не приписалъ бы ее Ярославу, не назвалъ бы: „Судъ Ярославль Володимѣричъ“ и не дѣлалъ бы въ текстѣ указаній на происхожденіе тѣхъ или другихъ постановленій, какъ напр., „а се поклони вирніи были при Ярославѣ“, или „уставъ Володимѣрь Всеволодича“. Текстъ Правды Пространной, вышедшій изъ рукъ законодателя-князя носилъ бы такой же характеръ, какой свойственъ Правдѣ Ярослава. Несомнѣнно, Пространная Правда дѣло частнаго составителя. Но не вся Правда въ полномъ объемѣ принадлежитъ ему одному. Работая надъ кодификаціей юридическаго матеріала, онъ имѣлъ подъ руками Правду Ярослава, Правду временъ Ярославичей со всѣми позднѣйшими дополненіями и уставъ Владимира Мономаха. Этотъ матеріалъ онъ располагаетъ довольно систематично, раздѣляя свой сборникъ на двѣ части. Въ первой, которой онъ даетъ заглавіе: „Судъ Ярославль Володимиричь. Правда русьская„ онъ располагаетъ матеріалъ по системѣ Правды Ярослава съ присоединеніемъ соотвѣтствующихъ постановленій сперва изъ Правды Ярославичей, а затѣмъ послѣдующихъ дополненій; вторую часть подъ заглавіемъ: „Уставъ Володимѣрь Всеволодича“ посвящаетъ уставу этого князя о процентахъ и о торговой несостоятельности. Этимъ уставомъ, а, можетъ быть, слѣдующими за нимъ статьями о закупѣ въ виду ихъ систематичности онъ заканчиваетъ свой сборникъ, время составленія котораго, какъ сказано выше, можно отнести къ первой четверти XII вѣка. Всѣ остальныя статьи— приписки самаго разнообразнаго содержанія безъ всякой системы. Эти приписки могли быть сдѣланы частью самимъ составителемъ, частью другими лицами. Послѣднимъ должно приписать включеніе въ сборникъ всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя не имѣютъ однопредметныхъ въ первыхъ двухъ Правдахъ. Эти приписки идутъ до начала XIII вѣка, когда даютъ себя чувствовать порядки, начавшіе слагаться съ половины XII ст. въ сѣверо-восточной Руси, куда перешелъ центръ политической жизни. Здѣсь князья становятся законодателями „на всей своей волѣ“, а не выразителями лишь народныхъ обычаевъ, и приписывать къ Правдѣ грамоты и уставы этихъ князей, существенно отступающихъ отъ началъ Правды, отъ которыхъ къ XV вѣку не осталось почти и слѣдовъ, не было возможности. Кодификація этого сборника должна была остановиться: 1) потому, что Русская Правда Пространной редакціи сказала все, что могла сказать Русская земля, подъ именемъ которой въ то время разумѣлась Русь Приднѣпров-

ская, Кіевская, а 2) потому, что къ упомянутымъ порядкамъ, слагавшимся въ сѣверо-восточной Руси, прибавилось тяжелое лихолѣтье татарскаго погрома.

Такимъ образомъ, третій сборникъ извѣстный подъ именемъ „*Пространной Правды*“ есть результатъ кодификаціи всего права Кіевской Руси, совершенной частными составителями въ теченіе XII вѣка.

Источники Русской Правды. Первымъ и главнымъ источникомъ Правды было *обычное право*. Оно отразилось на нашемъ памятникѣ, главнымъ образомъ, черезъ судебныя рѣшенія. Такъ какъ князь былъ обязанъ судить *по праву*, т. е. по обычаямъ народнымъ, то въ своихъ рѣшеніяхъ онъ былъ выразителемъ взглядовъ общества на право или неправо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но обычаи могли быть занесены въ Правду и непосредственно, какъ напр.: ст. 1 о кровной мести за убійство; установленіе выкупа преступника; рядъ постановленій „о сводѣ“, или о сведеніи съ себя подозрѣнія въ краженѣ вещи лицомъ, у котораго найдена украденная вещь, на другого; постановленіе объ отысканіи вора „по слѣду“: „гнати слѣдъ“ и т. п.

Вторымъ не менѣе важнымъ источникомъ Правды служили *княжескіе уставы*. Въ Правдѣ мы встрѣчаемъ совершенно точныя указанія на такіе уставы. Такъ имѣемъ указаніе: 1) на уставъ Ярослава объ убійствѣ холопа за оскорбленіе свободнаго мужа и объ отмѣнѣ этого устава его сыновьями: „Ярославъ былъ уставилъ убити и (его), но сынове его, по отци, уставиша на куны“; 2) на „урокъ Ярославль о поконахъ вирныхъ“; 3) на уставъ Ярославичей объ отмѣнѣ мести и о введеніи системы композицій, т. е. денежнаго выкупа преступника; 4) на уставъ Изяслава о двойной вирѣ за убійство конюшаго; 5) на уставъ Владиміра Мономаха о процентахъ и торговой несостоятельности. Но въ Правду, вѣроятно, вошли и другіе уставы князей, не названныхъ въ ней. Таковы статьи о закупѣ, „уроци судебные“, „уроци ротшии“, „урокъ мостниковъ“ и др.

Третьимъ источникомъ Правды было *византійское право*. На Правду, несомнѣнно, оказали вліяніе нѣкоторыя постановленія сборниковъ свѣтскаго византійскаго законодательства: Эклоги, Прохирона и закона Суднаго Людемъ. Вліяніе это сказалось, главнымъ образомъ, на Пространной Правдѣ, но и въ Правдѣ Ярославичей имѣется статья, заимствованная изъ закона Суднаго Людемъ пространной редакціи, гдѣ находимъ постановленіе изъ законовъ Моисеевыхъ объ убійствѣ вора, котораго связали и продержали до свѣта. Въ Правдѣ пространной поста-

новленія о числѣ свидѣтелей, объ отвѣтственности хозяина за преступленіе своего холопа, о наслѣдствѣ и объ опекѣ, о холопствѣ, о незаконномъ пользованіи чужимъ конемъ заимствованы изъ византійскаго законодательства въ переработанномъ, конечно, видѣ.

Система и содержаніе Правды Ярослава. Переходя къ изложенію системы Правды, надо имѣть въ виду, что не только такіе древніе памятники, какими являются изучаемые сборники Правды, но и памятники позднѣйшихъ эпохъ даже до Уложенія царя Алексѣя Михайловича включительно не отличаются особою систематичностью, а иногда страдаютъ даже отсутствіемъ какой бы то ни было системы. Поэтому, говорить вообще о системѣ древнихъ памятниковъ приходится относительно.

Имѣя въ виду эту оговорку, мы можемъ признать за древнѣйшею Правдой *систематическій сборникъ*, постановленія котораго расположены въ попредметномъ порядкѣ. Ярославова Правда (пер. 25 ст. спис. Арх. Ком.; 17 Акад.) прежде всего содержитъ рядъ статей о правонарушеніяхъ, совершаемыхъ свободнымъ, а затѣмъ статью объ обидѣ дѣйствіемъ, нанесенной холопомъ свободному. Въ ряду правонарушеній, совершаемыхъ свободными, на первомъ мѣстѣ стоитъ убійство, затѣмъ идутъ обиды дѣйствіемъ и обиды имущественныя (нарушенія права собственности). Въ отдѣлѣ объ обидахъ дѣйствіемъ прежде всего говорится о побояхъ, а затѣмъ о членовредительныхъ ударахъ. Въ постановленіяхъ объ обидѣ имущественной предусмотрѣны: укрывательство бѣглаго холопа и недозволенное пользованіе чужимъ конемъ.

Что касается содержанія Ярославовой Правды, то въ общемъ она представляетъ собою сборникъ уголовнаго права по преимуществу; здѣсь помѣщены статьи уголовнаго характера и отчасти процессуальныя; статей, относящихся къ праву гражданскому, не встрѣчается.

Въ частности, въ I отдѣлѣ о правонарушеніяхъ, совершенныхъ свободными, помѣщены постановленія:

1) *Объ убійствѣ и о кровавой мести* со стороны членовъ семьи и ближайшихъ родственниковъ убитаго, при отсутствіи которыхъ полагается 40 гривенъ „за голову“ (ст. 1—3);

2) *Объ обидахъ дѣйствіемъ*, именно:

а) о „кровавыхъ и синихъ ранахъ“ и о способахъ доказательства побоевъ при отсутствіи „знаменія“ (ст. 4—6);

б) объ ударахъ батогомъ, жердью, рукою, чашею или рогомъ, тупою стороною меча (ст. 7);

в) объ ударѣ необнаженнымъ мечемъ (ст. 8);

г) о нанесеніи членовредительныхъ ударовъ (отнятіе руки, ноги, пальца), о поврежденіи усовъ и бороды (ст. 9—11);

д) объ обнаженіи меча съ намѣреніемъ ударить (ст. 12);

е) о толчкахъ (ст. 13—14);

3) *объ обидахъ имущественныхъ;* сюда относятся постановленія:

а) объ укрывательствѣ бѣглаго раба (ст. 15);

б) о недозволенномъ пользованіи чужимъ конемъ (ст. 16);

в) о способахъ возвращенія вещей изъ чужихъ рукъ и о взысканіи по займу (ст. 17—21).

II Отдѣлъ объ обидѣ дѣйствіемъ, нанесенной холопомъ свободному, состоитъ изъ одного этого постановленія (ст. 22—23).

III отдѣлъ — дополнительный состоитъ изъ постановленія о порчѣ чужихъ вещей (копья, щита, одежды).

Система и содержаніе Правды времени Ярославичей. Если Правда Ярослава представляетъ собою систематическій сборникъ, то Правда времени Ярославичей является сборникомъ хронологическимъ. Въ ней помѣщены постановленія не въ предметномъ порядкѣ, а въ порядкѣ времени ихъ записи. Отсюда однопредметныя постановленія не соединены, а размѣщены по разнымъ статьямъ; постановленіе, напр., о ненаказуемости убійства огнищанина-вора (ст. 3) и о ненаказуемости вора вообще (ст. 17); статья о кражѣ крупнаго скота (ст. 12) и о кражѣ мелкаго (ст. 22).

По содержанію Правда времени Ярославичей служитъ дополненіемъ первой Правды и также, какъ та, заключаетъ въ себѣ уголовныя и процессуальныя постановленія. Здѣсь мы находимъ цѣлый рядъ статей объ убійствѣ, побояхъ, ранахъ и объ особой личной обидѣ, прежде непредусмотрѣнной, именно: о „мученіи“, т. е. истязаніяхъ. Но большее количество постановленій (болѣе половины) удѣлено обидѣ имущественной: кражѣ, истребленію чужихъ вещей посредствомъ поджога, порчѣ межевыхъ знаковъ. Въ концѣ Правды приписаны два устава: „урокъ Ярославль о поконахъ вирныхъ“ и „урокъ мостниковъ“.

Система и содержаніе Правды пространной. Пространная Правда въ той части, которая представляетъ собою сводъ первыхъ двухъ разсмотрѣнныхъ выше Правдъ съ послѣдующими дополненіями, можетъ быть названа систематическимъ сборникомъ; остальная же часть этой Правды, гдѣ помѣщены разновременныя приписки, не имѣетъ никакой системы, за исключеніемъ статей, въ которыхъ сгруппированы подъ вліяніемъ византійскихъ сборниковъ постановленія о холопствѣ, о наслѣдствѣ и опекѣ и др.

Въ первой части пространной Правды сперва идутъ постановленія объ обидахъ личныхъ, а именно: объ убійствѣ, побояхъ, ранахъ и членовредительныхъ ударахъ, затѣмъ, статьи объ обидахъ имущественныхъ. Заканчивается эта часть постановленіями, относящимися къ гражданскому праву.

Разсмотримъ вкратцѣ содержаніе указанныхъ отдѣловъ.

I Отдѣлъ объ обидахъ личныхъ открывается статьями:

а) объ убійствѣ. Здѣсь приводится отмѣненное постановленіе о кровной мести изъ Правды Ярослава (ст. 1—3) и указывается, что сыновья его замѣнили месть выкупомъ (4). Далѣе подробно излагается отвѣтственность общины (верви), за убійство, отвѣтственность, состоящая въ платежѣ „дикой виры“, т. е. общей (общинной) виры (штрафа князю за убійство) (ст. 5 — 17 и 20). Заканчиваются статьи объ убійствѣ постановленіемъ о „поклепной вирѣ“, т. е. объ искахъ объ убійствѣ и судебныхъ доказательствахъ, какъ въ этихъ искахъ, такъ вообще въ искахъ „во всѣхъ тяжахъ“ (18—19, 21—24).

За статьями объ убійствѣ слѣдуютъ постановленія:

б) объ ударахъ (необнаженнымъ мечемъ, батогомъ, чашею или рогомъ, тупою стороною меча, (ст. 25—28);

в) о членовредительныхъ ударахъ (съ отнятіемъ руки, ноги, глаза, носа), которые приравниваются къ преступленіямъ противъ жизни, и за нихъ полагается полувирье (ст. 29—30);

г) о кровавыхъ и синихъ ранахъ (31—33);

д) объ ударѣ мечемъ безъ смертельнаго или со смертельнымъ исходомъ (ст. 34—35);

е) о толчкахъ (36—37).

II Въ отдѣлѣ объ обидахъ имущественныхъ помѣщены постановленія:

а) объ укрывательствѣ бѣглаго холопа (ст. 38);

б) о недозволенномъ пользованіи чужимъ конемъ (39);

в) о сводѣ по дѣламъ о кражѣ имущества (ст. 40—41 и 44), прерываемое 2 статьями:

г) о конокрадствѣ, за что полагалось „потокъ и разграбленіе“, т. е. изгнаніе и конфискація имущества (ст. 42);

д) о ворѣ домашнемъ (43);

е) о судебныхъ доказательствахъ въ искахъ; о покупкѣ краденаго (45—46);

ж) о сводѣ по дѣламъ о кражѣ холоповъ (47—48);

з) о ненаказуемости убійства вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія (ст. 49—51);

и) о разныхъ видахъ кражи, совершенной свободными людьми (ст. 52—56) и холопомъ (57).

III Отдѣлъ третій, посвященный гражданскому праву, содержитъ постановленія:

а) о займѣ простомъ (58—59) и купеческомъ (ст. 60);

б) о поклажѣ (61);

в) о процентахъ (62—64) съ присоединеніемъ Устава Владиміра Мономаха о томъ же предметѣ и о торговой несостоятельности (ст. 65—70);

г) о закупничествѣ, т. е. о договорѣ личнаго найма, связаннаго съ договоромъ займа, обезпеченнымъ свободой должника (ст. 80—86).

Во второй части, открывающейся ст. 87 (Троиц. 58), помѣщены постановленія самаго разнообразнаго содержанія. Изъ нихъ обратимъ вниманіе на наиболѣе важныя:

а) объ оскорбленіи дѣйствіемъ свободнаго мужа холопомъ (87—88);

б) о порчѣ бортныхъ (пчелиныхъ) знаковъ (96—98, 100);

в) о недопущеніи холоповъ на судъ въ качествѣ свидѣтелей (111);

г) объ убійствѣ женщины, за что полагается полувирье;

д) о наслѣдованіи безъ завѣщанія и съ завѣщаніемъ и объ опекѣ (ст. 117—126 и 128—138);

е) о холопствѣ (142—155).

Изъ представленнаго краткаго внѣшняго обзора содержанія Пространной Правды видно, что оно полнѣе и разнообразнѣе содержанія обѣихъ прежнихъ Правдъ. Въ Правдѣ Пространной повторены съ значительными дополненіями всѣ постановленія обоихъ сборниковъ по уголовному и процессульному праву и включены неизвѣстныя прежнимъ Правдамъ многочисленныя постановленія по праву гражданскому.

Значеніе Русской Правды. Русская Правда имѣла практическое значеніе, имѣетъ она важное значеніе и для науки.

Что Правда Ярослава, какъ оффиціальный сборникъ, примѣнялся въ судахъ того времени, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе. По извѣстному намъ свидѣтельству лѣтописи по ней должны были „ходить“, т. е. судиться новгородцы. Но Правда эта примѣнялась и въ Кіевѣ, на это указываетъ ея названіе: Русская Правда, или еще яснѣе заголовокъ Правды времени Ярославичей: „Правда уставлена Русской земли“, а мы знаемъ что подъ русской землей въ то время разумѣлась по преимуществу Русь Кіевская. Правда Ярослава была извѣстна и во Псковѣ. Псковская лѣтопись

говоря о смерти Ярослава, замѣчаетъ, что „преставися князь Ярославъ, иже Правду устави, судебникъ, т. е. такой сборникъ которымъ должны пользоваться въ своей практикѣ судьи. Мы увидимъ, что въ Псковской Суд. Грамотѣ сохранились нѣкоторыя начала Правды.

На „Княжую Правду“, наконецъ, ссылаются и грамоты Литовскихъ князей. По этой грамотѣ судились жители тѣхъ русскихъ областей, которыя подпали подъ власть Литвы. Разительное сходство Русской Правды, въ особенности Правды Ярослава, или „Княжой Правды“ съ литовско-русскимъ правомъ въ регулированіи весьма многихъ отношеній, наводитъ проф. Максимейко даже на мысль, что „родина Русской Правды находится на территоріи Литовско-Русскаго Государства, что Русская Правда, заключая въ своей основѣ обще-русскія начала права, въ то-же время примыкаетъ къ спеціальной его вѣтви, имеино— къ литовско-русскому праву“ [1]). Такое же значеніе имѣла и Правда времени Ярославичей, несмотря на свое частное происхожденіе. Дополняя Правду Ярослава приписками самаго разнообразнаго содержанія, она не только подтверждаетъ практическое значеніе послѣдней, но и ясно указываетъ, что самыя приписки возникли въ судебной практикѣ. Итакъ, Правда краткой редакціи, включающая въ себѣ Правду Ярослава, этотъ первый сборникъ общерусскаго права, и послѣдующія къ нему дополненія времени Ярославичей, имѣла широкое примѣненіе во всѣхъ русскихъ областяхъ до первой четверти XII, когда сказалась необходимость въ кодификаціи, результатомъ которой было появленіе Пространной Правды. Нечего и говорить, что этотъ первый опытъ кодификаціи права удѣльно-вѣчевого періода предпринятъ былъ съ цѣлью практической: дать въ руки судьямъ сборникъ, руководствуясь которымъ они могли бы „судить въ правду“. Пусть этотъ сборникъ дѣло рукъ частныхъ составителей, но онъ удовлетворялъ насущную потребность въ подходящихъ ко времени постановленіяхъ и получилъ, конечно, широкое примѣненіе въ судебной практикѣ.

Если таково было практическое значеніе Русской Правды въ свое время, то не менѣе важно значеніе этого памятника для науки. Прежде всего Русская Правда вмѣстѣ съ договорами съ Греками проливаетъ свѣтъ на многія явленія нашего юридическаго быта древней, дохристіанской эпохи. Затѣмъ, Правда,

---

[1]) Максимейко: „Русская Правда и литовско-русское право. — Сборн. статей по исторіи права, посвященный Владимір.-Буданову. Кіевъ, 1904 г. стр. 384.

сказавъ все, что могла сказать Русь удѣльно-вѣчевого періода, служитъ не только важнѣйшимъ, но нерѣдко единственнымъ источникомъ нашего познанія права этого періода. Но этого мало. Три сборника Правды, появившихся въ разное время, при сравненіи ихъ между собою, даютъ возможность прослѣдить постепенное движеніе и развитіе многихъ институтовъ древне-русскаго права,

Кромѣ указанныхъ изданій и сочиненій о Русской Правдѣ во введеніи (стр. 13) и въ подстроч. прим., см. еще: *Калачевъ.*— Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, 1847 г. *Дювернуа.* — Источники права и судъ въ древней Россіи, 1869 г. *Мрочекъ-Дроздовскій.* — Изслѣдованія о Русской Правдѣ 2 вып. (1885 г.). *Сергѣевичъ.*—Русская Правда и ея списки, Ж. М. Н. Пр. 1899 № 1. *Бѣляевъ, П. И.*—Источники древне-русскихъ законодательныхъ памятниковъ. Ж. М. Юс. 1900 г. *Филипповъ.*—Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимости по leges barbarorum. Сборникъ, посвящ. Влад.-Буданову. Кіевъ 1904. *Ясинскій.* — Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права. — Ibid. стр. 430. *Goetz.* — Das russische Recht. 4 тома 1910—1913. *Указатель* литературы Рус. Правды въ I вып. Хрис. Владим.-Буданова.

Договоры Русскихъ съ нѣмцами.

Количествс договоровъ и важнѣйшіе изъ нихъ. Отъ конца XII до конца XIV вѣка сохранилось до 30 договоровъ, заключенныхъ Русскими съ Готландомъ, Ганзейскими городами, съ Даніей и Швеціей. Изъ нихъ большее количество (до 13) приходится на Новгородъ, 6 — на Смоленскъ; 4 — на Полоцкихъ и Витебскихъ князей; 4 на князей Галицкихъ и Волынскихъ и 3 — на князей Литовскихъ. Изъ этихъ договоровъ имѣютъ важное значеніе для исторіи русскаго права только 3: 1) два *Новгородскихъ*, изъ которыхъ *договорная* грамота съ нѣмцами 1195 года является древнѣйшей, а *договоръ 1270 года съ нѣмецкими городами и Готландомъ*— полнѣйшимъ; и 2) одинъ *Смоленскій*, заключенный княземъ *Мстиславомъ Давидовичемъ съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами въ 1229 году.*

Общая причина заключенія договоровъ. Удобное положеніе Новгорода на великомъ водномъ пути (р. Волховъ—Ладожское озеро,— р. Нева—Финскій заливъ), Витебской, Полоцкой и отчасти Смоленской (черезъ волокъ) земель на водномъ пути: (Рижскій заливъ— р. Западная Двина) соединяло съ ними все Балтійское побережье и дѣлало, въ особенности, изъ Новгорода издавна центральный

пунктъ не только для непосредственной торговли русскихъ сперва съ прибалтійскимъ славянствомъ, а затѣмъ съ нѣмцами, но и для транзитной торговли Запада съ народами азіатскими. Въ половинѣ XII вѣка завязываются оживленныя торговыя сношенія Новгорода и Смоленска въ важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ Балтики, городомъ Визби на Готландѣ, гдѣ имѣли своихъ представителей и нѣмецкіе торговые города: Любекъ, Бременъ и др., въ половинѣ XIII вѣка образовавшіе знаменитый Ганзейскій союзъ, или просто Ганзу (что значитъ корпорація). Въ XIII же вѣкѣ возникаютъ торговыя сношенія Смоленска, Полоцка и Витебска съ Ригою и орденомъ меченосцевъ. При постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ купцовъ различныхъ національностей, между ними легко могли возникать споры и столкновенія, которыя, при общемъ недружелюбіи людей того времени къ иностранцамъ, нерѣдко вели къ международной враждѣ. Для предупрежденія послѣдней, а также для установленія болѣе точныхъ и опредѣленныхъ, чѣмъ обычное право, нормъ, регулирующихъ торговыя отношенія купцовъ между собою, заключались договоры, облекавшіеся въ письменную форму. Эта общая причина заключенія договоровъ русскихъ съ нѣмцами особенно подчеркнута въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 года, гдѣ сказано: „что совершается во времени, то и исчезаетъ съ нимъ: но совершенное передъ добрыми людьми и *записанное въ грамоту* дѣлается общеизвѣстнымъ и тѣмъ, кто послѣ въ живыхъ останется..... Чтобы *упрочить миръ*, угодить князю, всѣмъ Рижанамъ, всему „латинскому языку“ (т. е. католикамъ) и всѣмъ посѣщающимъ Балтійское море, рѣшено написать правду“, т. е. договорную грамоту.

Послѣ этого замѣчанія объ общей причинѣ заключенія договоровъ съ нѣмцами, обратимся къ изученію трехъ указанныхъ выше договорныхъ грамотъ.

Договорная грамота Новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г. *Поводъ и время заключенія договора.* Подъ 1188 годомъ лѣтопись разсказываетъ, что между новгородцами и нѣмцами на Готландѣ произошло побоище, вслѣдствіе чего были прерваны торговыя сношенія. Перерывъ мирныхъ торговыхъ сношеній тяжело отзывался на обѣихъ сторонахъ, почему необходимо было скорѣе уладить дѣло; миръ былъ заключенъ и написана договорная грамота. Грамота эта дошла до насъ не въ подлинникѣ, а въ копіи, въ формѣ приписки къ договору Александра-Невскаго 1263 года и не имѣетъ даты, которая не можетъ быть установлена точно; предположительно время составленія грамоты относятъ къ 1195 г.

Надо замѣтить, что договоръ этотъ не первый изъ новгородскихъ договоровъ. Въ предисловіи къ нему говорится, что онъ есть подтвержденіе стараго мира; но этотъ древнѣйшій договоръ до насъ не дошелъ. Изучаемая договорная грамота вмѣстѣ съ договоромъ 1263 найдена въ рижскомъ городскомъ архивѣ и напечатана Археогр. комиссіей въ 1857 г. въ изданіи подъ заглавіемъ „Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII—XIV вѣкѣ“; затѣмъ она нѣсколько разъ перепечатывалась, между прочимъ, и проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ 1 вып. христоматіи, гдѣ договорная грамота раздѣлена на 15 ст.

Система и содержаніе договора. Договоръ раздѣляется на двѣ части: вступленіе и главную часть. Во вступленіи указываются лица, заключившія договоръ. Со стороны новгородцевъ въ заключеніи договора участвовали: князь Ярославъ Владимировичъ, посадникъ Миронка, тысяцкій Яковъ и всѣ новгородцы, а со стороны нѣмцевъ и жителей Готланда посолъ ихъ Арбудъ.

Главная часть, содержитъ самыя условія, относящіяся, за исключеніемъ двухъ статей, къ праву уголовному и процессу по „тяжамъ“. (по нашей терминологіи—по дѣламъ гражданскимъ) причемъ, принимая во вниманіе сказанное выше о системѣ древнихъ памятниковъ (стр. 55), можно признать что послѣдняя выдержана, если не во всемъ памятникѣ, то въ значительной его части, а именно: за постановленіемъ международнаго характера идутъ статьи объ убійствѣ, о лишеніи свободы, объ оскорбленіяхъ дѣйствіемъ и рядъ постановленій о судебныхъ доказательствахъ въ гражданскихъ тяжбахъ. Этими статьями правильность системы нарушается: дальнѣйшія постановленія– разнаго содержанія (о лоцманахъ, о заключеніи въ тюрьму, о насиліи надъ рабой и объ убійствѣ духовныхъ лицъ).

Обращаясь къ содержанію договорной грамоты остановимся сперва на постановленіяхъ уголовнаго характера. Прежде всего, предусматривается убійство пословъ на территоріи другой договаривающейся стороны и убійство купцовъ и священниковъ; затѣмъ, запрещается неосновательный арестъ. Далѣе слѣдуетъ рядъ постановленій объ ударахъ оружіемъ и о толчкахъ, причемъ, штрафы соотвѣтствуютъ штрафамъ Русской Правды: предусматриваются удары, нанесенные замужней и дѣвицѣ, а также особый видъ оскорбленія дѣйствіемъ, а именно: сорваніе повязки съ головы чужой жены или дѣвицы, вслѣдствіе чего она „явится простоволоса“, что считалось „соромомъ“ т.-е. срамомъ. Наконецъ, преслѣдуется изнасилованіе рабы, причемъ за покушеніе назна-

частся вознагражденіе ей за обиду, а при совершеніи этого преступленія она становится свободной.

Въ постановленіяхъ по гражданскому процессу говорится о жребіи и присягѣ, какъ судебныхъ доказательствахъ, и запрещается сажать за долги „въ погребъ“, т.-е. въ тюрьму нѣмцевъ въ Новгородѣ, а новгородцевъ въ „нѣмчѣхъ“.

Къ постановленіямъ международнаго характера относятся постановленія: 1) о безпрепятственномъ плаваніи новгородцевъ на Готландъ, а нѣмцевъ въ Новгородскую землю, причемъ, за проводъ лодки въ Новгородъ и обратно нѣмцы должны платить „кормнику“, т.-е. лоцману;

2) о необходимости подтвержденія мирнаго договора каждымъ послѣдующимъ княземъ.

Договоръ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ 1270 г. *Поводъ и время заключенія договора.* Поводомъ къ заключенію договора 1270 года, по замѣчанію проф. Андреевскаго, посвятившаго спеціальное изслѣдованіе этому памятнику, послужили: 1) желаніе ганзейцевъ получить отъ Новгорода такія же привилегіи, какими они пользовались въ другихъ европейскихъ странахъ, 2) стремленіе нѣмецкихъ купцовъ обезопасить плаваніе по водному пути Невою, Ладожскимъ озеромъ и Волховымъ отъ частыхъ нападеній шведовъ съ одной стороны, и усилившихся разбоевъ въ Новгородской области съ другой, и 3) потребность въ болѣе точныхъ и устойчивыхъ опредѣленіяхъ торговыхъ и иныхъ отношеній иноземныхъ купцовъ къ новгородцамъ.

Разсматриваемый договоръ дошелъ до насъ не на русскомъ языкѣ, а въ переводѣ на нижне-нѣмецкій безъ указанія времени составленія. Изслѣдователи, главнымъ образомъ, проф. Андреевскій изъ указанія лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи договора, и изъ сличенія разныхъ лѣтописныхъ извѣстій, относятъ его составленіе къ 1270 г.

Памятникъ этотъ былъ найденъ въ Любекскомъ городскомъ архивѣ и впервые напечатанъ въ русскомъ переводѣ проф. Тобинымъ (ст. 13), а затѣмъ Андреевскимъ, раздѣлившимъ его на 26 статей.

Форма и содержаніе договора. Договоръ состоитъ изъ 2-хъ частей: вступленія и самаго договора. Во вступленіи говорится о лицахъ, заключавшихъ договоръ. Со стороны Новгорода это были: князь Ярославъ Ярославовичъ, посадникъ Павелъ, тысяцкій Ратиборъ, старосты и „всѣ новгородцы“, а со стороны нѣмцевъ: послы Вулленпудъ, Добрике и Куринге.

Главная часть, заключая постановленія о торговыхъ отношеніяхъ и статьи по уголовному праву и гражданскому процессу, полнѣе другихъ новгородскихъ договоровъ съ нѣмцами.

Статьи, касающіяся *торговыхъ сношеній и производства торговли*, заключаютъ постановленія: 1) о пути по Невѣ между Котлингомъ (островомъ Котлинымъ) отъ Готланда до Новгорода и обратно;

2) о платѣ лоцманамъ за доставленіе судна по Волхову къ нѣмецкому и готландскому дворамъ;

3) о безпрепятственномъ передвиженіи нѣмцевъ по новгородской территоріи во время войны Новгорода съ сосѣдними странами;

4) о помощи при кораблекрушеніяхъ;

5) о пошлинахъ съ приходящихъ судовъ;

6) о неприкосновенности нѣмецкаго и готскаго дворовъ и объ отвѣтственности: за порчу ограды, за краяжу хранящихся во дворѣ товаровъ и т. д.;

7) о льготахъ по торговлѣ въ пользу пріѣзжихъ купцовъ;

8) о вѣсахъ и гиряхъ.

Что касается постановленій *по уголовному праву и процессу*, то они во многомъ повторяютъ извѣстныя намъ постановленія договора 1195 г. Новостью являются требованія: 1) въ случаѣ ссоры между новгородцами и нѣмцами производить судъ на дворѣ церкви св. Іоанна Предтечи при Новгородскомъ посадникѣ, тысяцкихъ и купцахъ, и 2) вызывать на судъ за долги черезъ пристава тысяцкаго, а не черезъ бирічей, т.-е. вѣчевыхъ приставовъ, иначе споры по займу подсудны тысяцкому.

Договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г.

Причина, цѣль и порядокъ заключенія договора. Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ договоровъ Смоленска съ нѣмцами и, притомъ, важнѣйшій изъ числа этихъ памятниковъ по богатству содержанія и по значенію, какое онъ имѣлъ на практикѣ и имѣетъ для исторіи права удѣльно-вѣчевой эпохи, былъ заключенъ смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1229 г., и извѣстенъ въ наукѣ подъ именемъ „Мстиславовой Правды“. Но являясь древнѣйшимъ, договоръ этотъ не первый изъ смоленскихъ договоровъ съ нѣмцами; есть извѣстіе, что въ концѣ XII или въ началѣ XIII в. былъ заключенъ договоръ смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Романовичемъ, до насъ не дошедшій. Это показываетъ, что отношенія между смольнянами и нѣмцами, начавшіяся въ половинѣ XII вѣка, прерывались и требовалось всту-

нать въ договоры для установленія мира. Послѣ такого перерыва, послѣдовавшаго вскорѣ за основаніемъ Риги и ордена меченосцевъ и длившагося до смерти основателя ордена, епископа Альберта, и былъ заключенъ разсматриваемый договоръ. Причина этого перерыва крылась въ политикѣ Альберта, который началъ при помощи нѣмецкихъ купцовъ обращать въ католичество русскихъ, что вызывало, конечно, протестъ со стороны князей и портило мирныя отношенія, столь необходимыя въ торговыхъ интересахъ. Поэтому, вскорѣ послѣ смерти епископа Альберта, послѣдовавшей въ 1229 г., смоленскій князь Мстиславъ Давидовичъ, желая установить миръ съ Ригою и Готландомъ, посылаетъ туда своего „лучшаго попа Еремѣя и умна мужа Пантелѣя". Послѣ переговоровъ въ Ригѣ, русскіе послы отправились на Готландъ, гдѣ текстъ договора былъ редактированъ двумя лицами, изъ которыхъ одинъ—рыцарь духовнаго ордена, Раульфъ изъ Касселя, былъ представителемъ со стороны нѣмцевъ, а другой—Тумашъ Смольянинъ, представителемъ со стороны русскихъ. Таково происхожденіе такъ называемой „готской редакціи" договора. Вернувшись въ Ригу, гдѣ къ этому времени былъ избранъ на мѣсто умершаго Альберта новый епископъ Николай, русскіе послы представили готскую редакцію договора, въ которой были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія. Такъ была составлена „рижская редакція" договора, который былъ утвержденъ со стороны русскихъ княземъ Мстиславомъ, представителемъ не только Смоленской, но также Полоцкой и Витебской земель,—со стороны же нѣмцевъ рижскимъ епископомъ Николаемъ, пробстомъ Іоанномъ и магистромъ ордена Фолькоуномъ въ присутствіи представителей купечества острова Готланда и городовъ: Любека, Жата, Мюнстера, Грюнинга, Дортмина, Бремена и Риги.

До насъ дошли 7 списковъ этого договора, изъ которыхъ одинъ впервые напечатанъ Карамзинымъ, а всѣ—въ первомъ приложеніи къ Русско-ливонскимъ актамъ, изданнымъ въ 1868 г. Въ Хрестоматіи Владимірскаго-Буданова помѣщена готская редакція договора съ раздѣленіемъ его на 44 ст.

Система и содержаніе договора. Договоръ дѣлится на 3 части: вступленіе, главную часть и заключеніе.

Во вступленіи указываются мотивы составленія грамоты, приведенные выше (стр. 61), лица, посланныя княземъ въ Ригу, и излагается порядокъ составленія договора.

Главная часть содержитъ постановленія, касающіяся, главнымъ образомъ, международныхъ и торговыхъ отношеній, а так-

же статьи по уголовному, гражданскому и процессуальному праву. Всѣ постановленія расположены безъ опредѣленной системы.

I. Къ постановленіямъ, опредѣляющимъ международныя отношенія относятся:

1) объ обоюдной свободѣ торговли на территоріи договаривающихся сторонъ (25);

2) о непринужденіи русскихъ и нѣмецкихъ гостей (пріѣзжихъ купцовъ) къ участію въ военныхъ походахъ (31);

3) о безпошлинномъ проѣздѣ отъ Готланда до Смоленска (34).

4) о безпрепятственномъ проходѣ по р. Двинѣ отъ верховьевъ до устья для всѣхъ занимающихся торговлей;

5) о помощи при кораблекрушеніяхъ.

II. Статьи, касающіяся торговли содержатъ опредѣленія:

1) о безволокитной перевозкѣ по русской территоріи товаровъ, принадлежащихъ нѣмцамъ (23);

2) объ обоюдной отвѣтственности за гибель товара при перевозкѣ;

3) о перевозкѣ гостей;

4) о вѣсахъ и мѣрахъ;

5) о налогахъ на товары, а именно; вѣсчемъ и помѣрщомъ.

6) о разныхъ взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ русскихъ и нѣмцевъ.

III. Къ постановленіямъ уголовнаго характера относятся статьи:

1) объ убійствѣ свободнаго человѣка и холопа (1—2);

2) о членовредительныхъ ударахъ (ст. 3);

3) объ ударахъ кровавыхъ и синихъ (ст. 4);

4) о пораненіяхъ (5—7).

Всѣ эти постановленія взяты изъ Русской Правды съ сохраненіемъ размѣра штрафовъ. Далѣе слѣдуютъ преступленія противъ нравственности, неизвѣстныя до того времени свѣтскому законодательству, а именно: прелюбодѣяніе, которое сравнивается по штрафу съ убійствомъ свободнаго человѣка, и изнасилованіе свободной женщины и рабы (ст. 17—19).

Къ новымъ же статьямъ относится постановленіе о самовольномъ лишеніи свободы (ст. 20).

IV. Къ гражданскому праву относятся постановленія объ обязательствахъ, и въ частности, о договорахъ купли-продажи и займа (8—12).

V. Къ постановленіямъ процессуальнымъ принадлежатъ статьи:

1) о подсудности (ст. 28 и 33);

2) объ арестѣ по дѣламъ уголовнымъ;

3) о порядкѣ взысканія долговъ;

4) о судебныхъ доказательствахъ, гдѣ встрѣчается между прочимъ, постановленіе о судебныхъ поединкахъ, „полѣ", неизвѣстное Русской Правдѣ (ст. 13—16);

5) о судебныхъ рѣшеніяхъ.

Въ заключительныхъ статьяхъ договора содержатся: 1) постановленіе о пространствѣ дѣйствія договора, 2) дата, 3) перечень представителей, присутствовавшихъ при заключеніи договора и 4) осужденіе тѣмъ, кто нарушитъ договоръ: „который роусинъ, или латынескыи (католикъ) противу сее Правды молвитъ (скажетъ), того почести (считать) за лихии моужь".

Значеніе договоровъ съ нѣмцами. Нечего говорить о практическомъ значеніи договоровъ: они, несомнѣнно, имѣли широкое примѣненіе на территоріяхъ вступавшихъ въ договоры сторонъ.

Вопросъ сводится къ тому, имѣютъ ли договоры съ нѣмцами значеніе источника русскаго права, содержится ли въ нихъ послѣднее въ чистомъ видѣ, или оно подверглось измѣненіямъ подъ вліяніемъ права нѣмецкаго. По мнѣнію проф. Ясинскаго [1]), „право договоровъ съ нѣмцами, т. е. юридическія нормы, содержащіяся въ нихъ, почти тождественно съ русскимъ обычнымъ правомъ того времени".

Это мнѣніе проф. Ясинскій обосновываетъ тѣмъ положеніемъ, что 1) русскіе стойко оберегали нормы своего обычнаго права и нелегко уступали требованіямъ нѣмцевъ и ихъ праву, а 2) что у народовъ, стоящихъ на одной или близкой ступени развитія, правовыя нормы не представляютъ существенныхъ отличій; русскіе же и нѣмцы XII и XIII вв. стояли въ культурномъ отношеніи почти на одномъ уровнѣ".

Съ приведеннымъ мнѣніемъ пр. Ясинскаго нельзя не согласиться, такъ какъ русскіе нашихъ сѣверо-западныхъ областей, издавна вовлеченные въ широкій торговый оборотъ, встрѣчавшіеся съ людьми различныхъ національностей, должны были, несомнѣнно, стоять въ то время на относительно высокомъ культурномъ уровнѣ, не уступая въ этомъ отношеніи нѣмцамъ и шведамъ.

Итакъ, договоры съ нѣмцами болѣе, чѣмъ договоры съ греками, могутъ быть признаны источниками *русскаго* права. Заключая въ себѣ постановленія, близкія по содержанію къ Русской Правдѣ, договоры съ нѣмцами пріобрѣтаютъ важное историко-юридическое значеніе въ качествѣ памятниковъ, свидѣтельству-

[1]) Ясинскій.—Лекціи по внѣшней исторіи рус. пр. Кіевъ. 1892 г. стр. 73.

ющихъ о попыткахъ примѣненія началъ русскаго права, выраженныхъ въ Русской Правдѣ, къ международнымъ отношеніямъ [1]). Для внутренней же исторіи права договоры важны тѣмъ, что, восполняютъ пробѣлы Русской Правды весьма существенными опредѣленіями, позволяющими составить себѣ болѣе точное и полное понятіе о правовыхъ институтахъ удѣльно-вѣчевой эпохи.

Славянскій.—„Историческое обозрѣніе торговыхъ отношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ“ СПБ. 1847 г. *Андреевскій.*—О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ“ СПБ. 1845 г. *Срезневскій.*—Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ нѣмцами. Изд. Ак. Н. т. VI, 1857 г. *Бережковъ.*—О торговлѣ Руси съ Ганзою до конца XV в. СПБ. 1879 г.

Вѣчевыя судныя грамоты.

Общія замѣчанія о вѣчевыхъ судныхъ грамотахъ. До насъ дошли двѣ вѣчевыхъ судныхъ грамоты: Псковская и Новгородская; послѣдняя въ отрывкѣ. Эти грамоты представляютъ собою первый опытъ оффиціальной, законодательной кодификаціи, произведенной на вѣчѣ Пскова и Новгорода. Оба указанныхъ памятника, по времени составленія относящіеся ко второй половинѣ XV вѣка, выходятъ за предѣлы удѣльно-вѣчевого періода, но по содержанію примыкаютъ къ памятникамъ этого періода, главнымъ образомъ, къ Русской Правдѣ, служа дополненіемъ и продолженіемъ послѣдней. Однако не слѣдуетъ думать, что съ изданіемъ вѣчевыхъ судныхъ грамотъ, дѣйствіе Русской Правды прекратилось. Послѣдняя сохраняла значеніе общерусскаго уложенія во всѣхъ частяхъ, неотмѣненныхъ вѣчевыми грамотами. Такъ, напр., о врахъ въ разсматриваемыхъ грамотахъ не упоминается, изъ чего можно заключить, что виръ въ Новгородѣ и Псковѣ въ эпоху дѣйствія ихъ не существовало. Однако, изъ договора Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV (1470—1471) видно, что виры продолжали существовать: „а тіуну твоему въ Торжку“, говоритъ эта грамота, „судити судъ съ новгородскимъ посадникомъ; *и виры и полевое по новгородскому суду*“, который, конечно, руководился въ этомъ случаѣ постановленіями Правды.

Послѣ изложенныхъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ изученію этихъ замѣчательныхъ памятниковъ вѣчевого законодательства и ими закончимъ обзоръ источниковъ русскаго права перваго періода.

[1]) См. *Загоскинъ.*—Курсъ исторіи русс. права. Казань 1906 г. стр. 324.

Псковская судная грамота. *Время и поводъ составленія.* Псковская грамота, открытая проф. Мурзакевичемъ (стр. 13) не имѣетъ заглавія, а начинается слѣдующими словами: „Ся грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, и изъ княжъ Константиновы грамоты, и изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ, по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5-ти соборовъ... всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто 6095 (т. е. 1397)". Но этотъ годъ, очевидно, показанъ невѣрно, такъ какъ въ 1397 году во Псковѣ было не 5, а только 4 собора, подъ которыми разумѣлись церковныя общины, объединявшія духовенство нѣсколькихъ церквей и имѣвшія свою организацію въ лицѣ старость, избираемыхъ изъ духовныхъ и изъ свѣтскихъ лицъ. Появленіе пятаго собора относится къ 1462 году. Съ другой стороны выписки изъ Княжъ Константиновой грамоты въ 1397 году не могли имѣть мѣста, такъ какъ единственный псковскій князь, Константинъ Дмитріевичъ, княжилъ въ періодъ 1407—1414 г. По мнѣнію Мурзакевича и проф. Энгельмана, въ буквенное изображеніе даты по старому лѣтосчисленію—6905 вкралась ошибка: пропущена буква „о"= 70, и дату слѣдуетъ читать 1467. Въ пользу этого мнѣнія проф. Энгельманъ приводитъ еще слѣдующее соображеніе. Въ 1467 году прибылъ во Псковъ князь Шуйскій, котораго назначилъ вел. кн. московскій Іоаннъ III псковскимъ намѣстникомъ. Это обстоятельство послужило, несомнѣнно, ближайшимъ поводомъ кодификаціи на вѣчѣ всего псковскаго права съ цѣлью отстоять уставы мѣстныхъ князей и „пошлины", т. е. свое обычное право отъ воздѣйствія на нихъ московскихъ порядковъ.

Источники грамоты. Въ приведенномъ выше предисловіи грамоты указаны источники; это—„великаго князя Александрова грамота", „княжъ Константинова грамота" и „всѣ приписки псковскихъ пошлинъ".

Относительно перваго источника, т. е. устава великаго князя Александра возникаетъ вопросъ: о какомъ изъ двухъ Александровъ, княжившихъ во Псковѣ, идетъ рѣчь: объ Александрѣ Невскомъ, или объ Александрѣ Михаиловичѣ Тверскомъ?

Калачевъ высказалъ мнѣніе, которое раздѣляется большинствомъ историковъ права, что грамота принадлежитъ Александру Невскому. Но противъ этого мнѣнія привелъ весьма существенные доводы проф. Никитскій. Считая вслѣдъ за проф. Мурзакевичемъ упоминаемую въ предисловіи грамоту принадлежащей Александру Тверскому, проф. Никитскій указываетъ, что въ 1475 г. псковичи, жалуясь на новаго намѣстника, поступавшаго не по псковской старинѣ, представили свои грамоты Іоанну III, который, разсмо-

трѣвъ эти грамоты, возвратилъ ихъ со словами: „*что деи грамоты не самыхъ князей великихъ*“. Въ числѣ представленныхъ грамотъ, вѣроятно, была, если не самая Александрова грамота, то Псковская судная грамота, ссылающаяся на великаго князя Александрову грамоту. И тѣмъ не менѣе ни одна изъ представленныхъ грамотъ не признана Іоанномъ III великокняжескою. Это косвенный намекъ на то, что разсматриваемая грамота не принадлежитъ Александру Невскому, котораго московское правительство всегда именовало великимъ княземъ, тогда какъ Александра Тверскаго, заклятаго врага Ивана Калиты, великимъ княземъ не считало. Къ этому надо прибавить, что Александръ Невскій былъ новгородскимъ княземъ. Въ битвѣ съ нѣмцами подъ Псковомъ, онъ защищалъ его, какъ новгородскій пригородъ. Побѣда должна была усилить власть Новгорода надъ Псковомъ и не могла являться поводомъ къ дарованію Пскову грамоты съ самостоятельными княземъ и посадникомъ. Наоборотъ, княженіе во Псковѣ Александра Тверского, призваннаго Новгородцами изъ Литвы, было временемъ борьбы псковичей съ новгородцами за политическую независимость. Поэтому, княженіе Александра Тверского во Псковѣ было удобнымъ моментомъ для выработки мѣстной грамоты. Александръ Тверской княжилъ во Псковѣ съ 1327 по 1337 г. съ двухлѣтнимъ перерывомъ, а потому возникновеніе Александровой грамоты нужно относить не ко второй половинѣ XIII, а къ первой половинѣ XIV вѣка [1]).

Итакъ, первымъ источникомъ псковской грамоты служили уставы князей Александра Михайловича Тверского и Константина Дмитріевича.

Вторымъ и самымъ главнымъ источникомъ грамоты были „псковскія пошлины“, т. е. нормы обычнаго права, которыя приписывались въ дополненіе и измѣненіе княжескихъ грамотъ. Приписка эта производилась, конечно, постепенно, по мѣрѣ надобности, по мѣрѣ того, какъ тотъ или другой случай вызывалъ въ судебной практикѣ рѣшеніе, основанное на обычномъ правѣ.

Было бы не только интересно, но и важно выдѣлить указанные въ предисловіи источники, но сдѣлать это невозможно: ни сама Псковская грамота, ни другіе памятники не заключаютъ въ себѣ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ достовѣрностью рѣшить, какія постановленія памятника составляютъ Александрову грамоту, какія — Константинову, какія являются „приписками пошлинъ“. Нельзя также выяснить, какъ относились составители грамоты къ матеріалу: выписывали-ли они грамоты

[1]) Срав. Дьяконова, Очерки общ. и госуд. строя, ст. 55—56.

съ приписками цѣликомъ и буквально, или дѣлали выборки, и въ какомъ порядкѣ пользовались источниками. Словомъ, вопросъ объ исторіи составленія памятника долженъ остаться открытымъ и никакія догадки въ этомъ отношеніи не могутъ имѣть силы удостовѣренія. Относительно изучаемаго памятника можно сказать только то, что онъ представляетъ собою не систематическій, а хронологическій сборникъ.

Содержаніе грамоты весьма богато и разнообразно. Преимущественное вниманіе она удѣляетъ процессу, т. е. судоустройству и судопроизводству, затѣмъ постановленіямъ по праву гражданскому: статьи по праву уголовному занимаютъ послѣднее мѣсто. „Такой составъ грамоты", замѣчаетъ проф. Филипповъ [1]), „весьма характеренъ. Основная цѣль, съ которою была предпринята кодификація „псковскихъ пошлинъ", состояла въ закрѣпленіи de jure тѣхъ чертъ гражданской самобытности „господина Пскова", которыя создавались вѣками. Но это закрѣпленіе всего болѣе обезпечивалось собраніемъ воедино нормъ *права процессуальнаго* и *права гражданскаго*, въ которыхъ своеобразіе народной жизни вольнаго города отразилось всего явственнѣе".

Обращаясь къ краткому обзору содержанія, остановимся прежде всего на постановленіяхъ *о судоустройствѣ*. Сюда относятся правила:

1) о судѣ князя и посадника;

2) о судѣ намѣстника новгородскаго владыки (судъ церковный);

3) о судѣ пригородныхъ намѣстниковъ, погородскихъ посадниковъ и старостъ;

4) о судѣ братчинъ, т. е. общественныхъ мірскихъ въ складчину пировъ. Міръ избиралъ изъ своей среды *пирового старосту*, которому вмѣстѣ съ членами братчины (пивцами) предоставлялось право суда по дѣламъ о личныхъ обидахъ, возникшихъ на пиру;

5) о судебныхъ чиновникахъ (приставахъ, писцахъ, дьякахъ, межникахъ; (межевщикахъ);

6) о судебномъ представительствѣ;

7) объ отношеніяхъ сторонъ и пособниковъ (судеб. представителей) къ суду.

Къ постановленіямъ *о судопроизводствѣ* относятся правила:

1) о вызовѣ въ судъ и о взаимныхъ отношеніяхъ сторонъ при вызовѣ;

---

[1]) Филипповъ. Учебникъ ист. рус. пр., 1914 г., стр. 123—124.

2) о судебныхъ доказательствахъ, въ частности: а) о судебномъ поединкѣ, или полѣ, о которомъ въ Русской Правдѣ, какъ было указано выше, не говорится; б) о свидѣтельскихъ показаніяхъ; в) о письменныхъ актахъ, какъ формальныхъ, хранившихся въ ларѣ Св. Троицы, т. е. въ Псковскомъ Св. Троицкомъ Соборѣ, такъ и домашнихъ, такъ называемыхъ „доскахъ"; г) о присягѣ; д) о поличномъ;

3) о судебныхъ рѣшеніяхъ, ихъ формѣ, силѣ и исполненіи;

4) о прекращеніи дѣлъ миромъ;

5) о судебныхъ пошлинахъ.

II Постановленія *гражданскаго права* касаются *вещныхъ, обязательственныхъ* и *наслѣдственныхъ правоотношеній.*

Въ отдѣлѣ *вещнаго права* говорится:

1) о фактическомъ владѣніи и его защитѣ;

2) о правѣ собственности, пріобрѣтаемомъ куплею, находкою, давностью, о которой впервые упоминается въ Псковской грамотѣ и для которой требовалось безспорное владѣніе въ теченіе 4 или 5 лѣтъ;

3) объ общей собственности, а именно: о семейномъ совладѣніи и о сябренномъ владѣніи, пріобрѣтенномъ на товарищескихъ началахъ;

Къ *обязательственному праву* относятся постановленія:

1) объ обязательствахъ изъ договоровъ имущественныхъ (даренія, мѣны, купли-продажи, заёма, ссуды, найма (въ частности изорничества и подсусѣдничества), поклажи;

2) объ обязательствахъ изъ договоровъ личныхъ, т. е. о личномъ наймѣ разныхъ видовъ.

Въ отдѣлѣ *наслѣдственнаго* права помѣщены постановленія:

1) о наслѣдованіи по завѣщанію;

2) о наслѣдованіи по закону;

3) о наслѣдованіи между супругами;

III Постановленія *уголовнаго права* касаются:

1) преступленій противъ жизни, здоровья и чести частныхъ лицъ: убійства, (головщины), побоевъ (боя), вырыванія бороды;

2) преступленій противъ имущественныхъ правъ (разбой, находъ, грабежъ и татьба, т. е. кража простая и квалифицированная (къ которой относились: кромская татьба (т. е. на „Крому"— въ псковскомъ Кремлѣ), конокрадство и кража въ 3-й разъ, караемыя смертной казнью); поджогъ;

3) преступленія государственныя, изъ которыхъ впервые указываетъ Псковская грамота на „перевѣтъ", т. е. государственную измѣну, наказуемую смертной казнью.

Значеніе грамоты, какъ перваго законодательнаго сборника, явившагося въ результатѣ офиціальной кодификаціи, громадно. Воспринявъ всѣ начала древне-русскаго обычнаго права, какъ они выразились въ Русской Правдѣ, представляя собою продолженіе и дополненіе этого замѣчательнаго памятника удѣльно-вѣчевого періода, Псковская судная грамота послужила источникомъ, какъ увидимъ ниже, законодательныхъ сборниковъ Московской Руси — Судебниковъ обоихъ Іоанновъ, заимствовавшихъ изъ нея много постановленій процессуальнаго и уголовнаго права.

Для исторіи же русскаго права Псковская Судная Грамота имѣетъ важное значеніе въ качествѣ памятника, богатствомъ своего содержанія свидѣтельствующаго о томъ, какъ развивались и измѣнялись правовыя воззрѣнія и общія начала нашего права подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій.

Новгородская Судная Грамота. *Время и поводъ составленія*. Открытая Карамзинымъ въ рукописномъ сборникѣ Двинскихъ Грамотъ, Новгородская судная грамота дошла до насъ въ отрывкѣ, состоящемъ изъ 42 ст. (по дѣленію Владимірскаго-Буданова: 1 вып. Хрест.).

Въ предисловіи грамоты говорится: „Доложа господы Великихъ князей, великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и сына его, великаго князя Ивана Ивановича всеа Руси, и по благословенію нареченнаго на архіепископство Великого Новгорода и Пскова священноинока Ѳеофила, се покончаша посадники Ноугородскіе и тысятцкіе Ноугородскіе, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь Великій Новгородъ на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ“. Изъ этихъ словъ видно, кто участвовалъ на вѣчѣ, на которомъ былъ кодифицированъ этотъ сводъ мѣстныхъ узаконеній; но когда происходило это вѣче неизвѣстно. До насъ дошелъ договоръ Новгорода съ Іоанномъ III 1471 года, въ которомъ имѣется такое обязательство: „а что грамота докончалная въ Новгородѣ промежь себя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати великихъ князей“, т. е., что имѣющаяся „докончальная“ Новгородская судная грамота должна быть переписана на имя князей Московскихъ. И мы видимъ, что предисловіе грамоты ихъ именами и начинается. Слѣдовательно, эта „докончальная“ судная грамота была переписана въ 1471 году на имя Московскихъ великихъ князей. Но когда же она составлена? Этотъ вопросъ рѣшается предположительно. Грамота эта названа въ приведенномъ мѣстѣ „докончальной“ промежь себя о судѣ, т. е. договорной между всѣми жителями Новгорода. Слѣ-

довательно, она явилась въ результатѣ какого-то междоусобнаго столкновенія новгородцевъ. Такая междоусобица дѣйствительно засвидѣтельствована мѣстною лѣтописью и относится къ 1456 г. Этотъ годъ проф. Бѣляевъ и принимаетъ предположительно за дату первоначальнаго составленія Новгородской грамоты.

Содержаніе грамоты. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о порядкѣ составленія, ни объ источникахъ Новгородской грамоты. Впрочемъ, изъ частаго повторенія въ текстѣ словъ: „по старинѣ“ можно заключить, что главнымъ источникомъ грамоты служило мѣстное обычное право. Сохранившійся отрывокъ, обрывающійся на полусловѣ, посвященъ весь постановленіямъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ.

Постановленія о судоустройствѣ содержатся въ статьяхъ:

1) о судѣ святительскомъ, т. е. церковномъ;

2) о судѣ посадника;

3) о судѣ великокняжескаго намѣстника, или его тіуна;

4) о судѣ тысяцкаго;

5) о судѣ докладчиковъ, къ которымъ восходили дѣла изъ судовъ первой степени по *докладу самихъ судей*;

6) о судныхъ мужахъ, избранныхъ сторонами;

7) о приставахъ;

8) объ обязанностяхъ и отвѣтственности судей;

9) объ отношеніи тяжущихся къ суду;

Къ постановленіямъ о судопроизводствѣ относятся статьи:

1) о единствѣ иска по предмету и истцу;

2) о присягѣ всякаго тяжущагося „на грамотѣ“ передъ началомъ тяжбы;

3) о вызовѣ отвѣтчика и о срокахъ явки къ суду;

4) о свидѣтеляхъ;

5) о судебномъ рѣшеніи и его исполненіи;

7) о продолжительности судебнаго разбирательства въ цѣляхъ предупрежденія волокиты.

7) о поземельныхъ тяжбахъ.

Калачевъ. — Псковская Судная Грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 г. Москвит. 1848 г. *Энгельманъ.*—Систематическое изложеніе гражд. законовъ, содержащихся въ Пс. Суд. Гр. 1855 г. *Устряловъ.*—Изслѣдованіе Пс. Суд. Г-ты, 1855 г. *Пановъ.*—Изслѣдованіе о Новгород. суд. грам. 1471 г. въ отношеніи къ судопроизводству, преимущественно, гражданскому, 1857. *Дювернуа*, цитир. соч. (стр. 60). *Никитскій.* — Очеркъ внутренней исторіи Пскова 1873. *Мрочекъ-Дроздовскій.*—Главнѣйшіе памятники русскаго права эпохи мѣстныхъ законовъ. Юрид. Вѣст. 1884 г. № 4 и 5.

ОТДѢЛЪ II.

Московскій періодъ.

Грамоты Московскаго государства.

Общія замѣчанія о грамотахъ; ихъ виды. Русская Правда и Псковская судная грамота, представляя собою опыты: первая—частной, вторая оффиціальной кодификаціи права, имѣли, какъ мы видѣли, въ числѣ своихъ источниковъ, между прочимъ, княжескіе уставы. Эти уставы за немногими исключеніями (стр. 54) издавались устно. Въ московскій періодъ, наоборотъ, уставы эти издаются чаще въ письменной формѣ, получая названіе „грамотъ", а со второй половины XVI вѣка—„указовъ" и „приговоровъ". По содержанію своему грамоты не заключали общихъ нормъ права, которыя въ глазахъ московскихъ государей должны имѣть санкцію „пошлины", „старины"; эти грамоты носили характеръ отдѣльныхъ, частныхъ распоряженій, изъ которыхъ только путемъ практики могли создаться общія нормы. По пространству дѣйствія грамоты имѣли исключительно мѣстное значеніе, такъ какъ сила ихъ распространялась только на опредѣленныя мѣстности. Обычное право этихъ мѣстностей, проникнутое, какъ было сказано, партикуляризмомъ (стр. 20) не осталось безъ вліянія на грамоты. Поскольку эти мѣстные обычаи отличаются отъ общерусскаго обычнаго права, выразившагося въ Русской Правдѣ, постольку и грамоты вносятъ измѣненія въ постановленія этого памятника, отступаютъ отъ началъ Правды. Открывается эпоха такъ называемыхъ мѣстныхъ законовъ, которая продолжается отъ конца XIII столѣтія до времени изданія второго судебника, т.-е. до половины XVI в.

За этотъ промежутокъ времени дошло до насъ обширное количество грамотъ самого разнообразнаго содержанія; часть ихъ напечатана, но большая ихъ часть остается въ архивахъ и ждетъ изслѣдователей.

По содержанію различаютъ грамоты уставныя, жалованныя, духовныя, договорныя, таможенныя. Мы остановимся на первыхъ двухъ видахъ

Уставныя грамоты, понятіе и виды ихъ. Подъ *уставною грамотою* разумѣлся въ то время *учредительный актъ*, опредѣлявшій мѣстное управленіе той или иной области.

Уставныя грамоты проф. Загоскинымъ, посвятившимъ ихъ изученію спеціальное изслѣдованіе, раздѣляются на двѣ группы: 1) грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія и 2) грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія.

1) *Уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія*, иначе называемыя *намѣстничьими*, регулируютъ отношенія областныхъ правителей—намѣстниковъ и волостелей—къ населенію управляемыхъ ими уѣзда или волости.

Цѣлью изданія намѣстничьихъ уставныхъ грамотъ было ограждение мѣстнаго населенія отъ произвола и злоупотребленій указанныхъ правителей.

По формѣ всѣмъ намѣстничьимъ грамотамъ присущи слѣдующія три части: вступленіе, установительная часть и заключеніе.

Вступленіе содержитъ указаніе лица, дающаго грамоту и населенія, жалуемаго ею, а также изложеніе причинъ и поводовъ выдачи грамоты.

Установительная часть состоитъ изъ опредѣленій: 1) объ организаціи мѣстнаго управленія и способа содержанія населеніемъ должностныхъ лицъ; 2) о размѣрахъ сборовъ и пошлинъ, взимаемыхъ намѣстниками, волостелями и ихъ людьми при отправленіи ими различныхъ функцій по управленію и суду; 3) объ участіи земскихъ выборныхъ въ судѣ; 4) о торговлѣ, промышленности и пр., 5) объ отвѣтственности должностныхъ лицъ за притѣсненіе населенія вопреки постановленіямъ уставной грамоты.

Заключеніе содержитъ обозначеніе мѣста и времени выдачи грамоты, а также утвержденіе ея надлежащими подписями.

Отъ конца XIV до второй половины XV в. до насъ дошло 16 уставныхъ грамотъ намѣстничьяго управленія [1]; изъ нихъ наиболѣе древними и важными въ качествѣ источниковъ Судебника 1497 г. являются Двинская 1397 г. и Бѣлозерская 1488 г.

а) *Двинская уставная грамота, поводъ составленія и содержаніе.* Эта грамота дана Двинской землѣ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ въ 1397 году. Двинская земля, или такъ наз. Заволчье, принадлежала Новгороду, но жители ея, недовольные новгородскимъ правительствомъ, приняли къ

[1]) Всѣ дошедшія до насъ уставныя грамоты напечатаны проф. Яковлевымъ (стр. 14).

себѣ Московскаго намѣстника и передались, такимъ образомъ, Москвѣ. Грамота дѣйствовала нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ Новгородцы въ томъ же году снова присоединили Двинскую землю къ Новгороду.

Содержаніе грамоты заключается въ постановленіяхъ уголовнаго и процессуальнаго права и о торговыхъ пошлинахъ.

Къ постановленіямъ уголовнаго права относятся статьи:

1) объ убійствѣ и уплатѣ намѣстнику виры общиной въ случаѣ неотысканія убійцы;

2) объ уплатѣ намѣстнику по искамъ о кровавыхъ и синихъ ранахъ;

3) объ оскорбленіяхъ словомъ, о судѣ въ этомъ случаѣ „по отечеству“ и объ уплатѣ „безчестья“; эти постановленія неизвѣстны прежнимъ памятникамъ;

4) о дракахъ на міру и о подсудности этихъ дѣлъ намѣстнику;

5) о порчѣ и нарушеніи межей;

6) о неумышленномъ убійствѣ холопа или рабы хозяиномъ;

7) о татьбѣ или кражѣ: причемъ, впервые устанавливается понятіе рецидива, или повторенія преступленія: за вторую кражу полагается конфискація всего имущества, а за третью—смертная казнь, впервые вводимая Двинской грамотой; кромѣ того, требуется всякаго вора клеймить, чего также не знаютъ прежніе памятники.

Къ постановленіямъ процессуальнаго права относятся статьи:

1) О судебныхъ пошлинахъ въ пользу намѣстника;

2) о вызовныхъ пошлинахъ, съ которыми соединялась плата „желѣзнаго“, т.-е. пошлины за задержаніе въ оковахъ отвѣтчика при отсутствіи за него поручителей въ явкѣ на судъ;

3) о выдачѣ „безсудной правой грамоты“ на отвѣтчика, неявившагося на судъ (заочное рѣшеніе);

4) о пошлинахъ съ судныхъ грамотъ въ пользу намѣстника и дьяковъ;

5) о подсудности Двинянъ исключительно намѣстнику, а въ чужой землѣ по дѣламъ о кражѣ—великому князю;

6) объ отвѣтственности намѣстника.

Въ статьяхъ о торговыхъ пошлинахъ устанавливается:

1) размѣръ этихъ пошлинъ съ каждой лодьи въ пользу намѣстника и его людей;

2) освобожденіе отъ уплаты всякихъ торговыхъ пошлинъ двинскихъ купцовъ въ предѣлахъ Московскаго государства.

Изъ представленнаго содержанія грамоты видно, что по своимъ постановленіямъ, въ особенности, уголовнаго характера, она близка къ Русской Правдѣ съ тѣми отличіями, которыя свойственны мѣстному праву Двинской земли.

б) *Бѣлозерская уставная грамота* издана въ 1488 году великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ III.

Бѣлозерская область болѣе, чѣмъ за столѣтіе, вошла въ составъ Московскаго великаго княжества и, переходя отъ одного князя къ другому, была уступлена по духовному завѣщанію Верейскаго князя Михаила Андреевича въ 1482 г. Великому князю Іоанну III. Такимъ образомъ, Бѣлозерская область была московскимъ удѣломъ и грамота воспроизводила московскіе порядки, служа образцомъ для подобныхъ грамотъ даннаго времени. Если Двинская грамота напоминаетъ Русскую Правду, то грамота Бѣлозерская по своему содержанію близка къ Судебнику 1497 г., однимъ изъ источниковъ котораго она и является.

Содержаніе грамоты заключается въ точномъ опредѣленіи доходовъ намѣстниковъ, ихъ тіуновъ и доводчиковъ (приставовъ); даже статьи юридическаго содержанія введены въ грамоту подъ вліяніемъ этого основного направленія послѣдней. Доходы областныхъ правителей и ихъ людей слагались изъ кормовъ, пошлинъ и пеней.

Кормы суть содержаніе намѣстниковъ, тіуновъ и доводчиковъ мѣстными жителями. Кормы были единовременный и годовые. Единовременный кормъ, называемый „*взъѣзжимъ*“, представлялъ собою почетное подношеніе намѣстнику при его въѣздѣ въ область въ размѣрѣ по усмотрѣнію жителей.

Годовые кормы въ видѣ опредѣленной суммы кормовыхъ денегъ доставлялись населеніемъ въ опредѣленные сроки и шли намѣстникамъ, ихъ тіунамъ и доводчикамъ. Сроки уплаты кормовъ установлены на Рождество Христово и на Петровъ день; отсюда названіе годовыхъ кормовъ *рождественскимъ* и *петровскимъ*.

Пошлины взимались отъ суда, торговли и браковъ. Судебныя пошлины шли въ пользу намѣстника, тіуна и доводчика, а торговыя—въ видѣ такъ назыв. „явки“, т.-е. поголовнаго сбора съ каждаго изъ пріѣзжихъ купцовъ, взимались особыми „пошлинниками“ только на намѣстника. Пошлины отъ браковъ называвшіеся „*вѣнечными*“ поступали намѣстнику и назывались: „*свадебнымъ за убрусъ*“, если вступавшіе въ бракъ были жителями одной и той же волости или стана, и „*выводной куницей*“, если невѣсту выводили въ иную волость или въ другой станъ.

Пени или за преступленія и проступки, постановленія о которыхъ въ общемъ почти одинаковы съ извѣстными намъ постановленіями Двинской грамоты.

2) *Уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія* могутъ быть раздѣлены на два вида: а) *губныя грамоты*, которыя передавали уголовную юстицію по нѣкоторымъ преступленіямъ *губнымъ* установленіямъ, состоявшимъ изъ *выборныхъ земскихъ* органовъ, и б) *земскія грамоты*, въ собственномъ смыслѣ, устанавливавшія въ опредѣленной мѣстности, взамѣнъ правительственныхъ, особые выборные отъ земщины органы въ лицѣ излюбленныхъ старостъ, сотскихъ и пятидесятскихъ для завѣдыванія всѣми мѣстными дѣлами.

а) *Губныя грамоты*. Съ умноженіемъ разбоевъ въ областяхъ, при безсиліи намѣстниковъ и волостелей бороться съ ними, населеніе этихъ областей обращается къ правительству съ просьбой дозволить имъ: „промежь себя лихихъ людей, разбойниковъ, обыскивать и казнить смертью“.

Въ отвѣтъ на эту просьбу съ 30-хъ годовъ XVI вѣка издаются грамоты, учреждающія въ волостяхъ „губы“, т.-е. особые округа, вѣдавшіе „татей и разбойниковъ“ черезъ выборныхъ губныхъ головъ, старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей, „цѣловальниковъ“, (т.-е. принявшихъ присягу). Отсюда эти грамоты и получили въ литературѣ названіе *губныхъ*. Этими грамотами, такимъ образомъ, предоставлялось земщинѣ, независимо отъ правительственныхъ органовъ, право предупрежденія преступленій и уголовная юстиція сперва только надъ разбойниками, а затѣмъ и надъ татями (ворами), убійцами, поджигателями и др. съ отвѣтственностью передъ центральнымъ правительствомъ.

Содержаніе губныхъ грамотъ состоитъ въ постановленіяхъ: 1) о производствѣ выборовъ губныхъ властей; 2) объ ихъ обязанностяхъ и отвѣтственности; 3) о порядкѣ сыска „лихихъ людей“, разбойниковъ; 4) объ условіяхъ, при наличности которыхъ можно подвергать преступниковъ смертной казни; 5) о нѣкоторыхъ полицейскихъ функціяхъ губныхъ органовъ.

До насъ дошло отъ второй четверти до конца XVI вѣка 12 губныхъ грамотъ, изъ которыхъ древнѣйшей является *Бѣлозерская губная грамота*, данная всѣмъ бѣлозерцамъ въ отвѣтъ на ихъ челобитье Іоанномъ Грознымъ въ 1539 г.

Губныя грамоты замѣчательны тѣмъ, что ими впервые создается особая форма процесса по дѣламъ уголовнымъ—„*сыскъ*“, или слѣдственный процессъ въ отличіи отъ „*суда*“, или процесса состязательнаго.

б) *Земскія грамоты.* Іоаннъ Грозный по челобитьямъ населенія указомъ 1556 г. рѣшаетъ въ качествѣ общей мѣры: „намѣстниковъ, волостелей и доводчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставить“ и реформировать мѣстное управленіе на началахъ самоуправленія, „учинивъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ старость излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити“. Назначеніе уставныхъ земскихъ грамотъ и состоитъ въ опредѣленіи всѣхъ сторонъ новаго мѣстнаго управленія, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ были даны ранѣе изданія упомянутаго общаго указа, въ качествѣ исключенія изъ общихъ правилъ мѣстнаго управленія.

Содержаніе земскихъ грамотъ состоитъ въ изложеніи организаціи областного самоуправленія, именно, порядка выборовъ излюбленныхъ головъ, старостъ, земскихъ дьяковъ, лучшихъ людей, или цѣловальниковъ, ихъ обязанностей и отвѣтственности; въ опредѣленіи предметовъ вѣдомства выборныхъ властей и *оброка* въ пользу центральнаго правительства взамѣнъ прежняго „намѣстничьяго и тіунскаго корма“. Сверхъ того, въ грамотахъ встрѣчаются опредѣленія, относящіяся до уголовнаго, гражданскаго и процессуальнаго права.

До насъ дошло отъ половины XV до второй четверти XVII вѣка 13 земскихъ уставныхъ грамотъ; важнѣйшими изъ нихъ являются: Важская грамота 1552 и Двинская 1556 г.

Жалованныя грамоты, понятіе и виды ихъ. Жалованными грамотами назывались *такія частныя узаконенія, которыми давались какія-либо льготы или милости верховною властью отдѣльнымъ лицамъ, какъ физическимъ, такъ и юридическимъ.* Если уставныя грамоты представляли собою *мѣстные законы*, то грамоты жалованныя являлись *привилегіями.* Съ усиленіемъ власти московскихъ государей увеличивается количество жалованныхъ грамотъ и достигаетъ громадной цифры: изданныхъ насчитывается свыше 250; большая масса остается неизданною. По содержанію жалованныя грамоты крайне разнообразны. По классификаціи проф. Владимірскаго-Буданова, къ жалованнымъ грамотамъ относятся три вида, различающіяся по предметамъ пожалованія: жалованныя въ тѣсномъ смыслѣ, льготныя и охранительныя.

Жалованными въ тѣсномъ смыслѣ, или *вотчинными*, назывались тѣ, которыми даруются частнымъ лицамъ, чаще же монастырямъ, церквамъ и духовнымъ властямъ земли, воды и разныя угодья. Иногда съ пожалованіемъ земли соединялись льготы людей, населяющихъ ее; такія грамоты можно назвать *вотчинно-льготными*; по своему значенію онѣ сливались съ грамотами льготными.

Льготныя грамоты, или *иммунитеты* содержатъ въ себѣ изъятія: 1) отъ податей, 2) отъ суда, 3) отъ суда и податей вмѣстѣ. Первыя назывались „*обѣльными*“, вторыя—„*несудимыми*“, третьи—„*тарханными*“ грамотами.

а) *Обѣльныя грамоты* предоставляли разныя податныя льготы. Такъ, землевладѣлецъ или община получали право сами собирать всѣ подати съ населенія имѣнія или общины съ обязанностью доставки собраннаго въ Москву лично, а не черезъ сборщиковъ, которымъ запрещался въѣздъ въ имѣніе или общину. Далѣе, землевладѣлецъ или община облагались однимъ общимъ *оброкомъ* опредѣленнаго размѣра взамѣнъ прежде лежавшихъ на нихъ разныхъ податей и повинностей. Наконецъ, землевладѣлецъ или община освобождались отъ нѣкоторыхъ или всѣхъ податей на опредѣленный срокъ. Тѣ лица, которыя обязаны были платить подати назывались „черными людьми“, неплатившіе—„бѣломѣстцами“; освободить отъ податей обозначалось техническимъ терминомъ „обѣлить“, отсюда и названіе грамотъ „обѣльными“.

б) *Несудимыя грамоты* освобождали, обыкновенно, пожалованныхъ лицъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей и дѣлали ихъ подсудными самому князю, а людей, живущихъ на землѣ пожалованнаго лица, подчиняли суду землевладѣльца: впрочемъ, дѣла о разбоѣ, убійствѣ и татьбѣ съ поличнымъ исключались изъ подсудности пожалованнаго несудимою грамотою лица.

в) *Тарханныя грамоты*, или просто *тарханы* предоставляли одновременно и льготы податныя, и изъятія отъ общей подсудности. Такія грамоты представляли собою разнообразныя сочетанія податныхъ и судебныхъ льготъ.

Разсмотрѣнные виды льготныхъ грамотъ, подобно всѣмъ вообще грамотамъ, при перемѣнѣ государя, выдавшаго ее, для сохраненія обязательной силы нуждались въ подтвержденіи, или, какъ тогда говорилось, въ переписке грамоты на имя преемника. Это обстоятельство имѣло важное послѣдствіе: прочность дарованныхъ иммунитетовъ ничѣмъ не гарантировалась; каждый новый князь могъ отнять привилегію, или ее урѣзать. И мы видимъ, что характеръ льготныхъ грамотъ по мѣрѣ приближенія ко второй половинѣ XVI вѣка постоянно измѣняется въ сторону предоставленія все меньшихъ и меньшихъ льготъ. А затѣмъ и законъ возстаетъ противъ привилегій. Такъ, Судебникъ 1550 г. запрещаетъ выдачу тарханъ и предписываетъ отобрать всѣ прежнія подобныя грамоты; духовный соборъ 1584 г. подтвердилъ это постановленіе Судебника.

Охранительныя, или заповѣдныя жалованныя грамоты выдавались по челобитьямъ частныхъ лицъ относительно *охраны* принадлежащихъ имъ правъ отъ нарушеній. Такія охранительныя грамоты сопровождались всегда угрозой опредѣленной кары правонарушителямъ, или „заповѣдью“, откуда и названіе ихъ *заповѣдными*.

Этими грамотами охранялись не только имущественныя права, но и права личныя; въ послѣднемъ случаѣ грамоты эти получали названіе „опасныхъ“. Уложеніе, напр., устанавливаетъ выдачу опасныхъ грамотъ съ заповѣдью въ 5—7 тысячъ рублей противъ лицъ, „похваляющихся смертнымъ убойствомъ“ просящаго выдать такую грамоту. Конечно, защита правъ судомъ по закону могла быть предпринята потерпѣвшими и безъ охранительныхъ грамотъ; но на практикѣ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, такая защита была нерѣдко затруднительна; охранительная грамота предоставляла средства внѣсудебной защиты правъ.

Ерлыковъ. — Сличенный текстъ губныхъ грамотъ XVI и XVII вѣковъ, 1847 г. *Высоцкій.* — Уставныя, судныя и губныя грамоты, сохранившіяся отъ древняго періода Россіи до Уложенія. СПБ., 1860 г. *Горбуновъ.* — Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ въ XIII, XIV и XV в.; Ар. ис. и юр. св. Калачева 1860—1861 г. *Загоскинъ.*—Уставныя грамоты XIV—XVI вѣковъ, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, Каз., 1875—79 г. *Мейчикъ.*—Грамоты и другіе акты XIV и XV в. Моск. Арх. М. Юс.; Опис. д. 1884 г., т. IV. *Шумаковъ.* — Губныя и земскія грамоты Московскаго Государства; М., 1895 г. *Павловъ-Сильванскій.* — Иммунитеты въ удѣльной Руси; 1900 г. *Его-же.* — Феодализмъ въ древней Руси, 1907 г. *Шахматовъ.* Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в.; СПБ. 1903 г.

—

Судебникъ великаго князя Іоанна III 1497 г.

Причины и цѣль изданія Судебника. Москва, представлявшая собою въ тяжелые годы татарскаго нашествія небольшой удѣлъ, неимѣвшій никакого значенія среди другихъ удѣловъ, съ теченіемъ времени дѣлается средоточіемъ политической жизни Руси. Московскіе князья, начиная съ перваго великаго князя Даніила Александровича, постоянно и неуклонно стремятся къ объединенію отдѣльныхъ русскихъ княжествъ подъ своею властью. Этотъ процессъ объединенія въ княженіе Іоанна III почти заканчивается; такъ какъ съ паденіемъ при этомъ князѣ Великаго Новгорода и Твери независимыми остаются лишь Псковъ и нѣсколько неболь-

ихъ удѣловъ, а что касается Рязани, то хотя формально она не была еще присоединена къ Москвѣ, но фактически находилась уже въ полной отъ нея зависимости. Москва, такимъ образомъ, въ княженіе Іоанна становится почти единодержавнымъ государствомъ, чему въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ и уничтоженіе великимъ княземъ московскимъ татарскаго ига. Объединеніе различныхъ русскихъ областей, имѣвшихъ различное законодательство, вызывало необходимость въ объединеніи и этого послѣдняго, иначе централизація не была бы полной. Русская Правда, имѣвшая силу и значеніе въ нѣкоторыхъ русскихъ областяхъ, Псковская и Новгородская Судныя грамоты, примѣнявшіяся въ нашихъ народоправствахъ и, наконецъ, масса разныхъ мѣстныхъ грамотъ, издававшихся самими московскими князьями, изъ которыхъ особенно важными, какъ сказано, являлись уставныя грамоты: Двинская 1397 г., и Бѣлозерская 1488 года, представляли собою значительную нестроту въ области законодательства, управленія и суда. Необходимо было вмѣсто всѣхъ законодательныхъ актовъ издать одинъ общій законодательный сборникъ, дѣйствіе котораго было бы обязательнымъ на всемъ пространствѣ объединеннаго московскаго государства. Такимъ образомъ, необходимость завершить централизацію путемъ объединенія законодательства и неразрывно связанная съ этимъ потребность въ кодификаціи послѣдняго являлись основными причинами изданія новаго сборника — Судебника, получившаго въ историко-юридической литературѣ названіе Судебника Великокняжескаго.

Изданіемъ же такого общерусскаго законодательнаго сборника достигалась, по вѣрному замѣчанію проф. Бѣляева, очень важная цѣль, состоявшая въ томъ, чтобы сообщить всѣмъ судамъ объединеннаго московскаго государства опредѣленную и однообразную форму и подчинить ихъ центральному суду. Поэтому, дѣленіе суда на разные виды, установленные Судебникомъ, по примѣру прежнихъ законодательныхъ памятниковъ, получаетъ иное значеніе, чѣмъ прежде: эти разные суды не стоятъ каждый особнякомъ, а составляютъ „высшія и низшія инстанціи одного и того же суда, изъ коихъ послѣднія подчинены первымъ, а первыя, или высшія верховному суду великаго князя“. На ряду съ этою цѣлью изданіемъ Судебника преслѣдовалась еще и другая, не менѣе важная, задача: путемъ точнаго опредѣленія судныхъ и иныхъ пошлинъ устранить лихоимство на судѣ и обезпечить правосудіе. Насколько Судебникъ считалъ необходимымъ бороться съ указаннымъ зломъ, видно изъ того, что, не довольствуясь отдѣльными запрещеніями взяточничества, обра-

щенными къ судьямъ и лицамъ, состоявшимъ при судахъ, по тому или иному поводу (ст. 1, 29, 33, 34, 36, 38), онъ снова даетъ въ концѣ общее предписаніе о безпосульности суда, съ требованіемъ довести послѣднее до свѣдѣнія всѣхъ гражданъ (ст. 67).

Свѣдѣнія о составленіи Судебника. Свѣдѣній о составленіи Великокняжескаго Судебника до насъ дошло очень мало. Изъ лѣтописныхъ извѣстій мы узнаемъ, что составленіе его было поручено Іоанномъ III дьяку Владиміру Гусеву, а изъ предисловія къ самому памятнику выясняется, что „*лѣта 7006 мѣсяца сентемврія, уложилъ князь великій Иванъ Васильевичь всея Руси, съ дѣтми своими и съ бояры о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ*“, т. е. что въ сентябрѣ 1497 года по нашему лѣтосчисленію (по прежнему-же въ 1498 г.,—годъ начинался тогда съ сентября) состоялось утвержденіе Великимъ Княземъ Іоанномъ III и Боярской Думой составленнаго сборника, получившаго названіе Судебника въ виду того, что главное содержаніе его представляютъ постановленія „*о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ*“.

Кромѣ указанныхъ свѣдѣній, болѣе никакихъ извѣстій о происхожденіи разсматриваемаго памятника не имѣется; поэтому, вопросы о ходѣ законодательныхъ работъ, о продолжительности составленія Судебника, о лицахъ, принимавшихъ участіе въ трудахъ дьяка Гусева и т. п. должны остаться открытыми. Мало того. Самъ Судебникъ, не смотря на то, что должно бы было сохраниться много его рукописей, несомнѣнно, разосланныхъ своевременно во всѣ города и волости московскаго государства, долгое время считался утраченнымъ и содержаніе его было извѣстно по тѣмъ лишь отрывкамъ, которые помѣщены на латинскомъ языкѣ въ извѣстномъ сочиненіи австрійскаго посла при московскомъ дворѣ барона Герберштейна: „Rerum Moscovitarum commentarii“. И только въ 1817 году Калайдовичемъ и Строевымъ была розыскана, наконецъ, одна рукопись Судебника Іоанна III, относящаяся къ началу XVI столѣтія (стр. 12).

Источники Судебника 1497 г. Источниками Судебника 1497 г. служили: уставныя грамоты, Псковская Судная Грамота и отчасти Русская Правда.

а) *Уставныя грамоты.* Основнымъ источникомъ Судебника 1497 г. являлись извѣстныя намъ уставныя грамоты: Двинская 1397 и Бѣлозерская 1488 г.г. Эти грамоты, опредѣлявшія порядокъ мѣстнаго областного управленія содержали въ себѣ, какъ мы видѣли, постановленія, главнымъ образомъ, о сборахъ и пошлинахъ, взимавшихся должностными лицами области — намѣстниками, волостелями и ихъ людьми — при отправленіи ими своихъ слу-

жебныхъ обязанностей. Цѣль этихъ постановленій состояла въ стремленіи московскаго правительства оградить областныхъ жителей отъ произвола и злоупотребленій со стороны всѣхъ указанныхъ должностныхъ лицъ. Судебникъ, преслѣдуя взяточничество на судѣ, также стремится къ точному опредѣленію размѣра судныхъ и иныхъ пошлинъ, шедшихъ въ пользу судей и другихъ лицъ, состоявшихъ при судѣ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Судебникъ вполнѣ сходится по духу съ уставными грамотами, почему и заимствуетъ соотвѣтствующія опредѣленія изъ этихъ послѣднихъ. Правда, заимствованія эти проявляются съ значительными измѣненіями, что служитъ слѣдствіемъ дальнѣйшаго праворазвитія, но самый способъ установленія судебныхъ пошлинъ и сборовъ, именно, распредѣленіе формъ и стадій процесса для опредѣленія этихъ сборовъ и пошлинъ, несомнѣнно, имѣетъ своимъ основаніемъ тѣ нормы, которыя встрѣчаются въ уставныхъ грамотахъ.

При этомъ, составители не только смотрѣли на грамоты, какъ на источникъ, но и считали возможнымъ, при опредѣленіи пошлинъ въ пользу областныхъ правителей, оставить эти грамоты въ силѣ и дѣйствіи на ряду съ вновь изданнымъ Судебникомъ.

Обращаясь къ постановленіямъ грамотъ процессуальнаго и уголовнаго права, мы также можемъ отмѣтить вліяніе ихъ на Судебники. Такъ, въ 38 ст. Судебника предписывается, чтобы на судѣ областныхъ правителей присутствовали представители отъ народа: „а на судѣ у нихъ быти дворьскому, *и старостѣ, и лучшимъ людемъ*“. Это предписаніе представляетъ собою дословное повтореніе слѣдующей ст. Бѣлозерской грамоты: *а намѣстникамъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ сотскова* (сотскихъ, все равно что старость), *и безъ добрыхъ людей не судити суда* (ст. 21). Далѣе, ст. 8 Судебника о татьбѣ, разбоѣ и душегубствѣ представляетъ дальнѣйшее развитіе соотвѣтствующей 10 ст. Бѣлозерской грамоты; ст. 62 Судебника о порчѣ межъ заимствована съ добавленіями изъ соотвѣтствующихъ 4 ст. Двинской и 18 ст. Бѣлозерской грамотъ.

б) *Псковская Судная Грамота*. Вторымъ источникомъ Судебника 1497 года служила Псковская Судная Грамота. Изъ нея были заимствованы постановленія, большею частью, процессуальнаго и отчасти уголовнаго права; богатое же содержаніе грамоты по гражданскому праву совершенно почти не вошло въ Судебникъ, если не считать: 1) постановленія о давности владѣнія землей, заимствованнаго съ соотвѣтствующими измѣненіями примѣнительно къ особенностямъ землевладѣнія въ Московскомъ Государствѣ (Суд. ст. 63; Иск. суд. Гр. ст. 9), и 2) постановленія о

послѣдствіяхъ нарушенія договора личнаго найма (Суд. ст. 54, Пск. Суд. Гр. ст. 40).

Что касается процессуальныхъ статей Псковской Суд. Грамоты, заимствованныхъ Судебникомъ, то онѣ содержатъ постановленія: 1) о безпосульности суда, 2) о полѣ, или судебномъ поединкѣ; 3) послушествѣ, или свидѣтеляхъ; 4) объ искахъ чужеземцевъ, и 5) о подсудности церковныхъ людей. Нѣкоторыя изъ этихъ постановленій заимствуются почти дословно, нѣкоторыя же съ значительными измѣненіями.

Изъ уголовныхъ постановленій Грамоты Судебникомъ заимствованы съ значительными измѣненіями, свидѣтельствующими о дальнѣйшемъ развитіи уголовнаго права, статьи о преступленіяхъ, караемыхъ смертною казнью (Пск. Суд. Гр. ст. 7; Суд. ст. 9), о рецедивѣ татьбы, или кражи (Пск. Суд. Гр. 8, Суд. ст. 10 и 11) и о покупкѣ краденаго (Пск. Суд. Гр. ст. 46 и 47; Суд. ст. 46 и 47). Для сравненія возьмемъ статьи о рецидивѣ татьбы. Въ Псковской Судной Грамотѣ статья эта изложена слѣдующимъ образомъ: „Чтобы и на посадѣ покрадется, ино двожды е пожаловати, а изличивъ казнити по его винѣ; и въ третій рядъ изличивъ, живота ему не дати“... Такимъ образомъ, первый рецидивъ кражи не карается смертною казнью, второй же рецидивъ наказуется послѣднею (ст. 8). Въ этомъ отношеніи Псковская Грамота не отступаетъ отъ началъ принятыхъ въ уставныхъ грамотахъ; напротивъ, заимствуетъ изъ нихъ, именно, изъ Двинской уставной Грамоты, гдѣ постановлено:... „а татя впервые продати противу полличнаго, а въ другіе уличатъ продадутъ его не жалуя, а уличатъ въ третье, ино повѣсити“... (ст. 5). Въ Судебникѣ замѣчаемъ развитіе этихъ постановленій и отступленіе отъ изложенныхъ началъ: „а котораго татя“, узаконяетъ Судебникъ, „поймаютъ съ какою татбою ибуди впервые, опрочѣ церковные татбы (святотатство) и головные (кражи холоповъ), а въ иной татбѣ въ прежней довода на него не будетъ, ино его казнити торговою казнію, бити кнутьемъ, да истцево на немъ доправя, да судіе его продати“... (ст. 10). „А поймаютъ татя вдругые съ татбою, ино его казнити смертною казнію“... (Ст. 11). Здѣсь уже за вторую кражу полагается смертная казнь.

в) *Русская Правда*. Третьимъ источникомъ Судебника была Русская Правда. Но вліяніе ея очень незначительно: московское законодательство отступаетъ, какъ было сказано, отъ многихъ началъ Правды и это отступленіе болѣе всего замѣтно въ Судебникѣ. Изъ многочисленныхъ постановленій Правды, заимствовано Судебникомъ не болѣе 2-хъ статей, да и то съ измѣненіями,

именно: статьи о торговой несостоятельности (55) и о способахъ установленія холопства (ст. 66).

Система Судебника 1497 года. По внѣшнему своему виду Судебникъ раздѣленъ на статьи, отдѣленныя другъ отъ друга, большею частью, особыми заголовками, отчасти же знаками препинанія и очевидною разницею содержанія. Что касается нумераціи статей, то въ подлинной рукописи ея не имѣется; впервые такая нумерація придана готовымъ 68-ми статьямъ Судебника для удобства пользованія ими проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его Христоматіи. Заголовки, встрѣчающіеся въ 36-ти статьяхъ, писаны въ рукописи киноварью; въ нихъ нельзя не видѣть стремленія составителей раздѣлить Судебникъ на особые отдѣлы, или титулы, а эти послѣдніе подѣлить на отдѣльныя статьи.

Обращаясь къ системѣ Судебника, надо замѣтить, что главнымъ основаніемъ ея послужило различіе между центральнымъ судомъ на Москвѣ и судомъ областнымъ, порученнымъ намѣстникамъ и волостелямъ. Все содержаніе Судебника и разбивается въ зависимости отъ этого на 2 отдѣла, а такъ какъ двѣ послѣднія статьи (67 и 68), несомнѣнно, дополнительныя, касающіяся обоихъ указанныхъ видовъ суда, то въ Судебникѣ можно различать три отдѣла, изъ которыхъ первый касается центральнаго суда и простирается до 37 статьи, озаглавленной: „*Указъ намѣстникомъ о судѣ городскыми*“; второй содержитъ постановленія о судѣ областномъ и идетъ отъ 37 до 66 статьи включительно; третій отдѣлъ, состоящій изъ двухъ статей, 67—„о посулѣхъ и послушествѣ“, и 68—„о полевыхъ пошлинахъ“, какъ сказано выше, дополнительный.

Принявъ въ основаніе системы Судебника различіе видовъ суда, составители главное вниманіе обратили на процессуальное право и не сумѣли выдѣлить вопросы права матеріальнаго (уголовнаго и гражданскаго) въ особые отдѣлы, а включили ихъ въ указанные 2 отдѣла, причемъ постановленія, относящіяся до уголовнаго права, соединили со статьями процессуальными перваго отдѣла о судѣ центральномъ, а постановленія права гражданскаго перемѣшали съ статьями, касающимися процесса, во второмъ отдѣлѣ о судѣ областномъ.

Судебникъ царя Іоанна IV Грознаго 1550 г.

Причины и поводы изданія Судебника. Изданіемъ Судебника 1497 года законодательная дѣятельность не могла прекратиться. Съ одной стороны Великокняжескій Судебникъ не только не далъ отвѣта на всѣ запросы юридической жизни московскаго государства, но и не использовалъ даже тѣхъ постановленій, которыя отвѣчали на эти запросы и были помѣщены въ уставныхъ грамотахъ и въ сборникахъ вѣчевого законодательства, въ особенности, въ Псковской Судной Грамотѣ, гдѣ довольно полно разработано гражданское право, совершенно почти не воспринятое, какъ мы видѣли выше, Судебникомъ. Съ другой стороны жизнь выдвигала новыя отношенія, требовавшія законодательнаго опредѣленія, которыя и давались государями въ видѣ отдѣльныхъ указовъ, уставныхъ и иныхъ грамотъ. Указанныя обстоятельства, т.-е. неполнота и недостатки Судебника 1497 г. представлявшаго собою первую и во многомъ несовершенную попытку общерусскаго уложенія, и обиліе законодательнаго матеріала, появившагося послѣ его изданія въ дополненіе и развитіе его опредѣленій, являлись причинами возникновенія настоятельной потребности въ новой кодификаціонной работѣ, въ созданіи на основаніи Судебника Іоанна III и послѣдующаго законодательства новаго сборника. До насъ дошло извѣстіе, что сынъ Іоанна III, Василій III составилъ Судебникъ, дополнивъ Судебникъ отца новыми постановленіями. Но этотъ „Судебникъ Василія Ивановича“ до сихъ поръ не найденъ. Поэтому, такимъ новымъ сборникомъ надо считать изданный черезъ 50 съ небольшимъ лѣтъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1550 году Судебникъ, получившій въ историко-юридической литературѣ въ отличіе отъ Великокняжескаго наименованіе Судебника Царскаго.

Ближайшимъ поводомъ къ законодательной работѣ, результатомъ которой было изданіе Судебника, послужили извѣстныя народныя волненія 1547 года въ Москвѣ, на фактической сторонѣ которыхъ останавливаться не будемъ. Пережитыя событія въ связи съ назиданіями знаменитаго Сильвестра совершенно измѣнили настроеніе Іоанна: онъ рѣшилъ начать новую жизнь и приступилъ къ обновленію государства, обративъ вниманіе прежде всего на законодательство. Объ этомъ мы узнаемъ изъ его словъ, сказанныхъ въ рѣчи на Стоглавомъ Соборѣ 1551 года: „...Господь наказывалъ меня“, говорилъ, между прочимъ, царь, „то пото-

помъ, то моромъ, и все я не каялся; наконецъ, Богъ наслалъ великіе пожары, и вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои, смирился духъ мой, умилился я и позналъ свои согрѣшенія; выпросивъ прощенье у духовенства, далъ прощенье князьямъ и боярамъ... Тогда же испросилъ у васъ (т.-е. у митрополита и у всего священнаго собора) благословеніе Судебникъ исправить по старинѣ".

Цѣль изданія Судебника 1550 г. въ общемъ такая же, какая преслѣдовалась при изданіи Судебника 1497 г.: съ одной стороны, путемъ кодификаціи наличнаго законодательнаго матеріала внести, въ особенности, въ сферу мѣстнаго управленія и суда необходимое не только въ юридическомъ, но и въ политическомъ отношеніи, единство закона; съ другой же — точнымъ опредѣленіемъ пошлинъ и сборовъ предотвратить лихоимство судей и лицъ, состоявшихъ при судахъ. Но преслѣдуя одинаковыя съ Великокняжескимъ Судебникомъ задачи, новый Судебникъ служитъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ остальномъ, дальнѣйшимъ развитіемъ послѣдняго, выраженіемъ и осуществленіемъ высказанныхъ въ немъ идей. Такъ, если Судебникъ 1497 г. въ своемъ приложеніи былъ стѣсненъ мѣстными законами и, по мысли законодателя, долженъ былъ служить какъ бы восполненіемъ недостатка этихъ мѣстныхъ законовъ: то Судебникъ 1550 года, развивая эту мысль, стремится сгладить всѣ мѣстныя особенности, равно какъ и уничтожить всѣ личныя пожалованія отмѣной тарханныхъ грамотъ. Если, далѣе, Великокняжескій Судебникъ считалъ достаточнымъ для прекращенія взяточничества установленіе лишь размѣра пошлинъ и сборовъ, шедшихъ въ пользу должностныхъ лицъ, да обращеніе къ гражданамъ съ предписаніемъ не давать имъ взятокъ: то Царскій Судебникъ, воспринимая всѣ постановленія о размѣрѣ указанныхъ пошлинъ и сборовъ и также запрещая взяточничество, находитъ эти постановленія недостаточными для борьбы съ тѣми злоупотребленіями правителей и судей, которыя въ періодъ боярскаго самовластія, за малолѣтствомъ Царя, достигли обширныхъ размѣровъ. Искоренить это зло Судебникъ 1550 года считалъ возможнымъ лишь мѣрами карательными, почему, въ дополненіе постановленій о взиманіи пошлинъ и сборовъ за отправленіе правосудія въ точно установленномъ размѣрѣ, грозитъ опредѣленнымъ наказаніемъ за нарушеніе этихъ постановленій. Напр., запрещая судьямъ, подобно Судебнику Іоанна III, дружить, мстить, брать посулы и устанавливая размѣръ пошлинъ, новый Судебникъ этимъ не ограничивается, а дополняетъ постановленіе опредѣленіемъ соот-

вѣтствующаго наказанія за его нарушеніе: „а который бояринъ, или окольничей, или дворецкой, или казначей, или дьякъ въ судѣ посулъ возметъ и обвинитъ кого не по суду, а обыщется то вправду: *и на томъ бояринѣ, или на окольничемъ... взяти исцовъ искъ, а пошлины на царя и великаго князя, и въздъ, и правда, и пересудъ... взяти втрое, а въ пенѣ, что государь укажетъ*“ (3). Или, установивъ размѣръ пошлинъ (8), прибавляетъ, „*а возметъ бояринъ, или дворецкой, или казначей, или дьякъ, или подъячей, или недѣльщикъ на комъ что лишенъ, и на томъ взяти втрое*“.

Свѣдѣнія о составленіи Судебника. Относительно исторіи составленія Царскаго Судебника мы располагаемъ еще меньшими свѣдѣніями, чѣмъ относительно Судебника 1497 г.; намъ неизвѣстно даже, кому было поручено составленіе этого замѣчательнаго памятника. Изъ предисловія къ послѣднему мы узнаемъ только, что „лѣта 7058 (т.-е. 1550) мѣсяца іюня въ (1, 18, 19—въ различныхъ спискахъ—разныя даты) день, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, съ своею братьею и съ бояры, сесь Судебникъ уложилъ ..“ Но окончательную санкцію памятникъ получилъ лишь въ 1551 г., какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ упомянутой выше рѣчи Царя на Стоглавомъ Соборѣ: „Преосвященный Макарій, митрополитъ всея Русіи, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ! *въ предыдущее лѣто* билъ есми вамъ челомъ и съ боляры своими о своемъ согрѣшеніи, а боляры также и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили... Да благословился есми у Васъ *тогда же Судебникъ исправить по старинѣ и утвердити*, чтобы былъ судъ праведенъ всякія дѣла непоколебимо во вѣки. И по вашему благословенію *Судебникъ исправилъ* и великія заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и брежно, судъ бы былъ праведенъ и безпосульно во всякихъ дѣлахъ. *Прочтите и разсудите*, чтобы было дѣло наше по Бозѣ въ родъ и родъ и по вашему благословенію неподвижно; *аще достойно сіе дѣло на Св. Соборѣ утвердивъ... подписати* на Судебникѣ и на Уставной Грамотѣ“...

Въ литературѣ, впрочемъ, высказано предположеніе проф. Латкинымъ о томъ, что къ участію въ составленіи разсматриваемаго памятника были приглашены выборные земскаго собора 1550 года, который былъ созванъ Царемъ и на которомъ, судя по только-что приведеннымъ словамъ изъ его рѣчи на Стоглавомъ Соборѣ, Царь принесъ покаяніе „въ своихъ согрѣшеніяхъ“. Болѣе намъ ничего неизвѣстно объ этомъ Соборѣ, но, „разсматривая его“, говоритъ проф. Латкинъ, „невольно рождается вопросъ, неужели же выборные съѣхались въ Москву только для того,

чтобъ выслушать рѣчь Царя и затѣмъ снова разъѣхаться по домамъ? Весьма вѣроятно, что выборные совѣщались съ Царемъ и съ лицами, подъ вліяніемъ которыхъ находился въ то время Иванъ IV (Сильвестромъ, Адашевымъ и др.), и что всѣ послѣдующія реформы, въ томъ числѣ и изданіе Судебника, были результатомъ этихъ совѣщаній. Такимъ образомъ, нужно думать, что первый земскій соборъ не заключался только въ томъ, что выборные съѣхались для выслушанія царской рѣчи и затѣмъ, ничего не сдѣлавъ, возвратились по домамъ. Напротивъ, a priori можно рѣшить, что результатомъ этой рѣчи были совмѣстныя работы выборныхъ съ Царемъ и съ боярами по упорядоченію государства и по урегулированію отношеній между правительствомъ и народомъ. Навѣрное со стороны выборныхъ были поданы челобитныя, навѣрное они лично высказали Царю свои нужды и средства для ихъ удовлетворенія. Безъ этого не стоило бы и созывать соборъ... Изъ того, что не осталось никакихъ свидѣтельствъ о дѣятельности Собора 1550 г., еще не слѣдуетъ, что онъ отличался отъ другихъ соборовъ, бывшихъ послѣ него. По всей вѣроятности, на немъ такъ же, какъ и впослѣдствіи, представители народа работали вмѣстѣ съ представителями правительства надъ дѣломъ земскаго строенія и умиротворенія государства. Вѣроятность подобной гипотезы значительно увеличивается фактомъ наступленія всевозможныхъ реформъ, имѣвшихъ мѣсто непосредственно вслѣдъ за созваніемъ земскаго собора 1550 г., среди которыхъ на первомъ мѣстѣ было изданіе Судебника, состоявшееся даже въ этомъ году". (См. Латкина: Лекціи по внѣшней исторіи рус. пр. Стр. 54 и 55).

Съ высказаннымъ предположеніемъ проф. Латкина можно было бы согласиться,—если бы самый фактъ существованія Собора 1550 г. не подвергался сомнѣнію. Такъ, проф. Платоновъ полагаетъ, что въ 1550 г. никакого собора не было и что первый достовѣрный земскій соборъ—это соборъ 1566 г. (Проф. Платоновъ—Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ, М. 1905 г.) А если этотъ основной вопросъ не выясненъ, нельзя говорить и объ участіи выборныхъ въ составленіи Судебника [1]).

Печатныя изданія Судебника 1550 г. Одна изъ рукописей Судебника 1550 г. была найдена, какъ сказано (см. стр. 11), въ 1737 году Татищевымъ у одного частнаго лица. Въ виду изящества найденнаго экземпляра Татищевъ принялъ его за экземпляръ, принадлежащій Дому Романовыхъ, и „яко вещь дивную" поднесъ

[1]) Ср. Филиппова.—Учебникъ рус. пр. 1914 г. Стр. 279—280.

Имп. Аннѣ Іоанновнѣ. Затѣмъ, добывъ еще нѣсколько списковъ Судебника, Татищевъ занялся ихъ сличеніемъ, разработкой, собраніемъ дополнительныхъ статей, которыя присоединилъ въ количествѣ 73 къ 100 статьямъ Судебника, и снабдилъ весь этотъ матеріалъ многочисленными примѣчаніями. Свою рукопись въ такомъ видѣ онъ представилъ Императорской академіи Наукъ; но здѣсь она пролежала неизданною по неизвѣстной причинѣ до 1768 года, когда впервые Судебникъ появился въ печати вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими памятниками. Но первое его изданіе, предпринятое переводчикомъ Академіи Наукъ, Башиловымъ, подъ заглавіемъ: „Судебникъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича. Законы изъ Юстиніановыхъ книгъ, Указы дополнительные къ Судебнику и таможенный уставъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича“, было напечатано не по Татищевской рукописи. Эта послѣдняя появилась въ томъ же году въ Москвѣ уже послѣ Башиловскаго изданія и напечатана историкомъ Миллеромъ подъ заглавіемъ: „Судебникъ Государя и Великаго Князя Іоанна Васильевича и нѣкоторые сего государя и близкихъ его преемниковъ указы“. Второе изданіе этого Судебника въ Татищевской обработкѣ напечатано Новиковымъ въ 1786 г. Изъ другихъ изданій Судебника 1550 года укажемъ, какъ на болѣе выдающіяся, на слѣдующія: 1) „Сводный Судебникъ, учиненный по указу его величества Государа Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича...“ Это изданіе замѣчательно тѣмъ, что дополнительные указы, помѣщенные въ указанныхъ выше изданіяхъ послѣ текста Судебника, здѣсь слѣдуютъ непосредственно за тѣми статьями, къ которымъ они относятся по своему содержанію. Изданіе это предпринято при Сенатѣ и вышло въ 1774 году.

2) „Судебникъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича“, изданный въ 1841 году Археографическою Экспедиціею въ Актахъ Историческихъ. Самое тщательное изданіе, сдѣланное по 19-ти различнымъ спискамъ.

3) „Судебникъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича 1550 г.“, перепечатанный съ только-что упомянутаго изданія проф. Владимірскимъ-Будановымъ во второмъ выпускѣ его „Христоматіи по Исторіи Русскаго Права“ и снабженный какъ многочисленными поясненіями самого издателя, такъ и нѣкоторыми примѣчаніями Татищева, приводимыми по Миллеровскому изданію 1786 г.

Источники Царскаго Судебника. Судебникъ 1550 года, представляя собою дальнѣйшее развитіе Судебника Великокняжескаго, пользуется тѣми же источниками, которые лежатъ въ основаніи

послѣдняго. Уставныя и судныя грамоты, Псковская Судная Грамота, и Русская Правда также вліяютъ на постановленія разсматриваемаго памятника, какъ онѣ вліяли на Судебникъ Іоанна III. Но это вліяніе не является непосредственнымъ, постановленія указанныхъ источниковъ заимствуются чрезъ посредство тѣхъ опредѣленій Судебника 1497 г., которыя содержатъ въ себѣ начала, воспринятыя имъ изъ этихъ источниковъ и, притомъ, заимствуются настолько, насколько они отразились на этомъ Судебникѣ. Непосредственными же источниками служили, несомнѣнно, тѣ памятники, которые въ видѣ уставныхъ и губныхъ грамотъ явились плодомъ законодательной дѣятельности въ промежутокъ времени отъ 1497 до 1550 года. Но основнымъ источникомъ, цѣликомъ вошедшимъ въ изучаемый памятникъ, былъ, конечно, самъ Судебникъ 1497 г.; поэтому намъ и необходимо остановиться здѣсь на вопросѣ объ отношеніи къ нему новаго Судебника.

Съ внѣшней стороны Судебникъ 1550 г. представляетъ новое дополненное и отчасти измѣненное изданіе Судебника Великокняжескаго, вслѣдствіе чего по объему онъ несравненно больше послѣдняго. Это увеличеніе объема новаго сборника приходится, большею частью, на долю тѣхъ постановленій, которыя въ старомъ Судебникѣ были редактированы въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Мысли, едва затронутыя или высказанныя мимоходомъ, получаютъ здѣсь точную формулировку для устраненія всякихъ недоразумѣній на практикѣ. Такъ напр., Судебникъ Іоанна III даетъ такое неопредѣленное постановленіе: „а которого *обвинитъ бояринъ не по суду* и грамоту правую на него съ дьякомъ дастъ, ино та грамота не въ грамоту, а взятое отдати назадъ: а боярину и дьяку въ томъ пени нѣтъ; а истцемъ судъ съ головы“ (19). Новый Судебникъ устраняетъ эту неопредѣленность точнымъ разграниченіемъ причинъ неправаго суда и постановляетъ: „а который бояринъ,.. *просудится, а обвинитъ кого не по суду безъ хитрости*, или списокъ подпишетъ, или грамоту дастъ, а обыщется то вправду: и боярину... въ томъ пени нѣтъ, а истцемъ судъ съ головы, а взятое отдати назадъ“ (2). „А которой бояринъ... *въ судѣ посулъ возметъ и обвинитъ кого не по суду*, а обыщется то вправду: и на томъ бояринѣ... взяти истцевъ искъ, а пошлины на царя... взяти втрое, а въ пенѣ, что государь укажетъ“.

Съ внутренней стороны, со стороны тѣхъ началъ процессуальнаго и матеріальнаго права (гражданскаго и уголовнаго), которыя проводятся въ старомъ Судебникѣ, Судебникъ 1550 года является, какъ сказано выше, дальнѣйшимъ его развитіемъ. Начала эти

остаются здѣсь неприкосновенными, но они лучше выясняются, получаютъ болѣе точное опредѣленіе. Такъ, въ сферѣ суда, напр., настаивая на ряду съ Судебникомъ 1497 года на идеѣ правосудія, Судебникъ Царскій доводитъ его мысль о достиженіи безпосульности суда и его доступности для всѣхъ путемъ установленія точнаго размѣра пошлинъ и запрещенія отказа въ правосудіи лицамъ, которыхъ „пригоже управити“, до конечныхъ послѣдствій. Судебникъ 1550 г. не только опредѣляетъ размѣръ судебныхъ и иныхъ пошлинъ, не только запрещаетъ отказывать въ правосудіи, какъ это дѣлаетъ Судебникъ Великокняжескій, но и установляетъ, уголовную и гражданскую отвѣтственность судей и лицъ, состоящихъ при судахъ, виновныхъ въ лихоимствѣ или въ отказѣ въ правосудіи.

Въ области гражданскаго права, по отношенію къ такому важному, напр., институту, какъ холопство, Царскій Судебникъ, стремясь согласно съ Судебникомъ Великокняжескимъ къ возможно полному огражденію неприкосновенности личной свободы, относится строже послѣдняго къ способамъ установленія холопства, исправляя нѣкоторыя его неточности. Такъ, Судебникъ 1497 года, допускалъ установленіе холопства по сельскому ключу безъ доклада, Судебникъ 1550 года требуетъ непремѣнно доклада для обращенія сельскаго ключника въ холопа, равно какъ полной и докладной грамоты для установленія холопства надъ тіуномъ.

Стремясь, далѣе, на ряду съ Судебникомъ 1497 года къ регламентаціи отношеній сторонъ въ договорѣ личнаго найма, Судебникъ 1550 г. не ограничивается защитою интересовъ одного только хозяина, какъ это дѣлаетъ первый, но вноситъ большую опредѣленность въ регламентацію указанныхъ отношеній, гарантируя также и права наймита при нарушеніи договора хозяиномъ. „А наймитъ у государя (хозяина) не дослужитъ урока своего“, постановляетъ Судебникъ 1550 г., повторяя дословно соотвѣтствующую (54) статью стараго Судебника, „да пойдетъ прочь, и онъ найма лишенъ“; далѣе же прибавляетъ: „а который государь наймиту не захочетъ дати найму, и уличитъ его въ томъ наймитъ, и на томъ доправити наемъ вдвое“ (83).

Наконецъ, въ сферѣ права уголовнаго, обосновывая наказуемость преступленій, подобно Судебнику 1497 года, не свойствомъ самаго дѣянія, а свойствомъ злой воли преступника, „вѣдомою его лихостью“, Судебникъ Царскій обращаетъ однако вниманіе и на существо преступленія, различая преступленія имущественныя (татьбу, мошенничество) отъ тѣхъ, въ которыхъ объектомъ является человѣческая личность. А въ сферѣ этихъ послѣднихъ, т. е. пре-

ступленій, направленныхъ противъ личности, Судебникъ 1550 года проводитъ различіе между преступленіями, подлежащими уголовному наказанію, и проступками, влекущими лишь имущественное возмездіе въ пользу потерпѣвшаго, такъ называемое „безчестье". Отсюда дополненіе Судебника 1497 года опредѣленіемъ таксы этого безчестья (ст. 26).

Изъ приведеннаго сопоставленія обоихъ Судебниковъ видно, что новый законодательный сборникъ выгодно отличается отъ стараго Судебника большею глубиною юридическаго анализа, большею точностью своихъ опредѣленій, стремленіемъ устранить всякую неопредѣленность послѣднихъ, неопредѣленность, столь опасную при примѣненіи закона на практикѣ. Если же мы прибавимъ къ этому, что и по системѣ своей Царскій Судебникъ совершеннѣе, какъ сейчасъ увидимъ, Судебника Великокняжескаго: то, поймемъ, что въ періодъ времени въ 50 съ небольшимъ лѣтъ законодательство въ своемъ развитіи сдѣлало значительный шагъ впередъ, перейдя отъ простой попытки намѣтить и высказать извѣстныя правовыя идеи къ полному ихъ обоснованію, къ точной формулировкѣ тѣхъ началъ, которыя легли краеугольнымъ камнемъ въ основу знаменитаго Соборнаго Уложенія Царя Алексѣя Михайловича 1649 года, получивъ здѣсь въ силу дальнѣйшаго органическаго развитія права окончательное свое выраженіе.

§ 6) Система Царскаго Судебника. Съ внѣшней стороны Судебникъ раздѣленъ на 100 статей названныхъ главами, которыя имѣютъ послѣдовательную нумерацію. Въ отличіе отъ Судебника 1497 года при статьяхъ въ новомъ Судебникѣ заголовковъ совсѣмъ почти не имѣется, за исключеніемъ четырехъ особенно важныхъ а именно, при 76: „а о холопствѣ судъ", открывающей цѣлый рядъ постановленій (76—81) объ этомъ институтѣ; при 84 „а о земляхъ судъ"; при 85—„а о вотчинахъ судъ" и, наконецъ, при 100—„о судѣ съ удѣльными князи".

Что касается системы Царскаго Судебника, то въ основу дѣленія всего содержанія на отдѣлы составители приняли иное начало, чѣмъ то, которое мы видѣли въ Судебникѣ 1497 г. Тамъ содержаніе разбивалось на отдѣлы въ зависимости отъ дѣленія суда на виды: здѣсь въ основаніе системы положено не различіе видовъ суда, а различіе между процессуальными и матеріальными постановленіями. Такое дѣленіе имѣетъ несомнѣнное преимущество, такъ какъ исключаетъ необходимость излишнихъ повтореній, что являлось неизбѣжнымъ при прежней системѣ, устраняетъ неточности редакціи и не допускаетъ смѣшенія одного отдѣла съ другимъ.

Въ зависимости отъ указаннаго основанія все содержаніе Судебника раздѣляется на три отдѣла, изъ которыхъ первый посвященъ опредѣленіямъ, касающимся судоустройства и судопроизводства, второй содержитъ постановленія по гражданскому праву и третій, какъ и въ прежнемъ Судебникѣ, является дополнительнымъ.

Первый отдѣлъ процессуальныхъ постановленій, заключающій первыя 75 статей, подраздѣляется, въ свою очередь, на два раздѣла и въ основаніе этого дѣленія принимается тоже начало различія видовъ суда, какъ и въ прежнемъ Судебникѣ; при этомъ, на долю перваго раздѣла о судѣ центральномъ приходится 61 ст., а съ 62 до 75 включительно идетъ раздѣлъ второй о судѣ областномъ. Сверхъ этого, подобно Судебнику 1497 г., статьи, относящіяся къ уголовному праву, излагаются здѣсь въ связи съ статьями, касающимися процесса. Это конечно, большой недостатокъ: уголовныя постановленія должны бы быть выдѣлены и составлять особый отдѣлъ; стремленіе къ этому у составителей, повидимому, было, такъ какъ они всѣ статьи о судѣ по уголовнымъ дѣламъ, помѣщенныя въ прежнемъ Судебникѣ между статьями процессуальными, изложили непосредственно одну за другой въ концѣ перваго раздѣла о судѣ центральномъ, съ 52 до 61 ст., а затѣмъ, повторяя промахъ стараго Судебника, съ 62 ст. обратились снова къ изложенію процессуальныхъ постановленій, составивъ изъ нихъ второй раздѣлъ о судѣ областномъ.

Второй отдѣлъ гражданскихъ постановленій открывается 76 ст., озаглавленной: „а о холопствѣ судъ“, и простирается до 96 ст. включительно, содержа въ себѣ болѣе полное изложеніе опредѣленій по гражданскому праву, чѣмъ Судебникъ Іоанна III.

Третій отдѣлъ—дополнительный—включаетъ въ себѣ четыре статьи отъ 97 до 100, изъ которыхъ только одна 99 заимствуется изъ соотвѣтствующей 67 ст. третьяго дополнительнаго отдѣла Судебника Великокняжескаго, а три представляютъ совершенно новыя постановленія.

Оболенскій кн.—Уголовные законы царя и вел. кн. Іоанна IV Васильевича. СПБ. 1841 г., *Калачевъ.*—О судебникѣ Царя Іоанна Васильевича. Юр. записки Рѣдкина, Т. I, М. 1841 г. *Мейчикъ.*—Судныя дѣла XV ст. и ихъ значеніе для Судебника Іоанна III. Юрид. Вѣс. 1883 г. кн. 2.

Соборное уложеніе Царя Алексѣя Михайловича 1649 г.

Движеніе законодательства послѣ Судебника 1550 г. Подобно тому, какъ изданіемъ Великокняжескаго Судебника законодательная дѣятельность не прекратилась, и въ восполненіе пробѣловъ этого сборника появлялись различныя узаконенія вплоть до изданія Царскаго Судебника, такъ не прекратилась законодательная дѣятельность и изданіемъ этого послѣдняго. Вслѣдъ за Судебникомъ 1550 года начинается дальнѣйшее движеніе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ по самымъ различнымъ вопросамъ общественной и юридической жизни Московскаго государства. Эти отдѣльныя узаконенія, получившія въ историко-юридической литературѣ наименованіе *дополнительныхъ къ Судебнику 1550 года указовъ* и составившія содержаніе Указныхъ Книгъ разныхъ Приказовъ издаются непрерывно въ теченіе цѣлаго столѣтія: отъ 1550 до 1649 г., т. е. со времени составленія Царскаго Судебника вплоть до новой кодификаціи законодательства при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Впрочемъ, въ 1900 г. былъ найденъ г. Богоявленскимъ въ Московск. Архивѣ М. Иност. Д., въ такъ наз. Мазуринскомъ собраніи рукописей новый Судебникъ, получившій въ наукѣ названіе „Судебника царя Ѳеодора Іоанновича 1589 г.“ Открытіе указаннаго памятника, казалось, давало возможность утверждать, что кодификація разрозненнаго законодательнаго матеріала указныхъ книгъ приказовъ была предпринята вновь около 40 лѣтъ послѣ изданія Царскаго Судебника и за 60 лѣтъ до Соборнаго Уложенія. Однако изслѣдованія ученыхъ [1]) показали, что Судебникъ не имѣлъ оффиціальнаго значенія, не задавался цѣлью собрать воедино дополнительные указы къ Царскому Судебнику, не примѣнялся на практикѣ и не служилъ источникомъ Соборнаго Уложенія. Судебникъ Царя Ѳеодора представляетъ собою сборникъ обычнаго права сѣверной Руси, составленный частнымъ лицомъ по собственному почину. Такимъ образомъ, для исторіи развитія московскаго законодательства указанный памятникъ не

---

[1]) *Богоявленскій.*—„Судебникъ Царя Ѳеодора Іоанновича 1589 г.“ съ предисловіемъ пр. Ключевскаго. М. 1900. *Владимірск.—Буданов.* Судебникъ 1589 г.—Его значеніе и источники. Кіевъ, 1902 *Богословскій.* „Къ вопросу о Судебникѣ 1589 г. Ж. М. Н. Пр., 1905, № 12.

имѣетъ значенія, и дополнительные указы къ Судебнику 1550 оставались безъ всякой систематизаціи до Соборнаго Уложенія.

Не останавливаясь на разсмотрѣніи этихъ дополнительныхъ къ Судебнику Указовъ, такъ какъ о нихъ будетъ сказано ниже, перейдемъ къ внѣшней исторіи послѣдняго законодательнаго сборника Московской Руси—Соборнаго Уложенія.

Причины и поводы изданія Уложенія. Историческія причины, вызвавшія въ половинѣ XVII в. изданіе Уложенія, могутъ считаться достаточно выясненными въ настоящее время наукою [1]). Онѣ коренились въ политическихъ, экономическихъ и, главнымъ образомъ, юридическихъ условіяхъ быта.

Въ началѣ того вѣка, середина котораго ознаменована изданіемъ Соборнаго Уложенія, для Россіи наступилъ періодъ тяжкихъ испытаній, поколебавшихъ до основанія ея государственный строй. Прекращеніе династіи Рюриковичей и наступившее затѣмъ вскорѣ смутное время уничтожили созданное многовѣковыми тяжелыми усиліями московскихъ князей и русскаго народа государственное единство. И хотя съ избраніемъ на царство въ 1613 году династіи Романовыхъ въ лицѣ Царя Михаила Ѳеодоровича государственное единство формально возстановилось, но этого было еще недостаточно для водворенія полнаго спокойствія: надлежало утвердить сознаніе въ народѣ о наличности законной власти, что, конечно, могло быть достигнуто лишь законодательнымъ путемъ, посредствомъ обновленія законодательства, сообщенія ему санкціи со стороны вновь народившейся власти. Но если состояніе государственнаго строя того времени требовало законодательныхъ работъ, то съ еще большею силою вызывало ихъ необходимость положеніе, въ которомъ находилось государственное управленіе. Смутное время, повергнувъ Россію въ анархію, лишивъ ее власти и закона, невыгодно отозвалось и въ области администраціи, гдѣ продажность, произволъ и всевозможныя притѣсненія со стороны правителей, составлявшіе издавна корень зла, усилились, благодаря отсутствію власти, а, слѣдовательно, и контроля, до невѣроятныхъ размѣровъ. О крайнемъ разстройствѣ въ сферѣ администраціи мы узнаемъ изъ сказокъ (мнѣній) выборныхъ на Соборѣ 1642 года, такъ наз. Азовскомъ. Выборные изъ городовыхъ дворянъ, напр., заявляютъ между прочимъ, въ своей

[1]) См. Морошкина *„Рѣчь объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи“*. М. 1839 г. Соловьева *„Исторія Россіи“*, Загоскина *„Рѣчь объ Уложеніи“*. Казань 1879 г. Мейчика *„Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 года“*. Сбор. Арх. Ин., 1880, III.

сказкѣ: *„разорены мы, холопы твои, пуще Турскихъ и Крымскихъ басурмановъ и отъ неправдъ, и отъ неправедныхъ судовъ“*. Но не одно смутное время давало широкій просторъ произволу администраціи, самая организація приказной службы много способствовала развитію притѣсненій со стороны органовъ управленія. Система эта замѣнила собою другую, практиковавшуюся при намѣстничьемъ и волостельскомъ управленіи и состоявшую въ томъ, что размѣръ доходовъ этихъ областныхъ правителей точно опредѣлялся уставною грамотою, какъ напр., мы это видимъ въ Бѣлозерской Уставной Грамотѣ. Съ введеніемъ воеводъ это точное опредѣленіе корма прекратилось и тѣмъ дана была возможность воеводамъ эксплоатировать населеніе по своему усмотрѣнію, такъ какъ правительство не могло, какъ прежде, опираясь на грамоту, сказать: *а черезъ сю грамоту кто что на нихъ* (т. е. на жителяхъ) *возметъ, или чимъ изобидитъ, быти тому отъ меня, отъ великаго князя, въ казнѣ*“, не могло потому, что такой грамоты не существовало. Отсюда полная возможность недобросовѣстнымъ людямъ, попадавшимъ въ воеводы, притѣснять народъ. Необходимо было положить конецъ своеволію органовъ управленія, искоренить взяточничество мѣрами карательными, и *Уложеніе*, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, *обращаетъ на этотъ предметъ самое серьезное вниманіе*.

Къ полной распятанности важнѣйшихъ основъ государственной жизни, присоединились тяжелыя экономическія условія. Достаточно указать на то страшное истощеніе матеріальныхъ силъ народа, о которомъ говорятъ всѣ дошедшіе до насъ историческіе документы отъ первой половины XVII вѣка. Безпрерывныя войны, ведшіяся царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для искорененія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, требовали огромныхъ издержекъ со стороны государства. Земскіе соборы, стоявшіе постоянно около Михаила, въ теченіе первыхъ лѣтъ его царствованія не отказывали въ матеріальныхъ жертвахъ. Проф. Загоскинъ въ своей „Рѣчи объ Уложеніи“ приводитъ примѣръ почти невѣроятной жертвы со стороны русской земщины на пользу государства: въ краткій промежутокъ времени съ 1613 по 1619 годъ земскій соборъ дважды постановлялъ сборъ пятой деньги, т. е. 20% со всѣхъ имуществъ, что за оба раза составило жертвованіе земщиною въ 40%. Подобные жертвы ложились тяжелымъ гнетомъ на низшіе податные классы общества, въ лицѣ посадскихъ-городскихъ и уѣздныхъ-волостныхъ черныхъ общинъ, такъ какъ на нихъ исключительно падала податная повинность. Въ противоположность имъ, духовенство, служилые люди, т. е. лица, отбы-

вавшіе военную повинность, и, наконецъ, гости, т. е. купцы, и торговцы двухъ высшихъ разрядовъ—гостинной и суконной сотенъ – освобождались отъ государственнаго финансоваго тягла, были, по выраженію того времени, бѣломѣстцами. Податная тягость посадскихъ и уѣздныхъ общинъ усиливалась, кромѣ изъятія перечисленныхъ лицъ отъ податной повинности, еще и тѣмъ, что въ допетровской Руси единицею податного обложенія было не отдѣльное лицо, какъ это устанавливается при Петрѣ, а община, члены которой были связаны круговою порукою и сами разверстывали между собою „по животамъ и промысламъ“, какъ тогда говорилось, причитавшуюся со всей общины сумму податей. При такой системѣ обложенія отдѣльныя лица массами уклонялись отъ платежа податей, „избывали тягла“, выходя произвольно изъ общинъ. Само собой понятно, что за выходомъ изъ общины ея членовъ податная тягость оставшихся увеличивалась, такъ какъ прежнюю сумму налоговъ приходилось платить меньшему количеству членовъ, почему доля каждаго отдѣльнаго члена становилась больше.

Въ свою очередь и крестьяне, въ концѣ XVI вѣка прикрѣпленные къ землямъ, на которыхъ сидѣли, изнуренные работами и всевозможными платежами, бѣжали массами отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, въ особенности, мелкихъ и охотно селились на земляхъ сильныхъ людей. Указанная подвижность крестьянъ тяжело отзывалась на положеніи служилаго класса, а существованіе такъ называемыхъ „урочныхъ лѣтъ“ (до 1640 г.—5 лѣтъ, послѣ 1640—десяти, съ 1648 года—пятнадцати лѣтъ), по истеченіи которыхъ вотчинникъ или помѣщикъ, неуспѣвшій въ этотъ срокъ розыскать своего бѣглаго крестьянина, уже терялъ право требовать его возвращенія, еще болѣе вліяло на разстройство внутренняго быта служилыхъ и на отбываніе ими служилой повинности. Въ первую половину XVII вѣка правительству постоянно подавались челобитья и со стороны общинъ о прекращеніи свободнаго выхода, и отъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ: и та, и другая просьба имѣли своею конечною цѣлью остановить подвижность населенія, которая приняла такіе обширные размѣры, что стала угрожать полнымъ разстройствомъ народному и государственному хозяйству. *Необходимы были новыя общія мѣры и общій пересмотръ законовъ о переходѣ съ однихъ земель на другія.*

Но кромѣ экономическихъ условій времени вызывали необходимость полнаго пересмотра законодательства, главнымъ образомъ, условія юридическія. Правосудіе въ Московскомъ государ-

ствѣ находилось вообще въ крайне печальномъ положеніи, помимо указанной выше продажности судей, просто въ силу дѣйствовавшихъ тогда порядковъ судопроизводства. Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ послѣдняго была извѣстная московская волокита. Всѣ сколько-нибудь цѣнныя дѣла разрѣшались не на мѣстѣ, а въ Москвѣ, въ приказахъ; между тѣмъ при тогдашнемъ состояніи путей сообщенія поѣздка въ Москву изъ отдаленной мѣстности сопряжена была съ большою тратою времени и денегъ, медленное же теченіе дѣлъ въ приказахъ, вызывавшее продолжительное пребываніе въ столицѣ, дѣлало суды для большинства жителей Московскаго государства почти недоступными. А это обстоятельство влекло за собой весьма печальныя послѣдствія, служа благопріятнымъ условіемъ для развитія немалаго беззаконія, произвола и самоуправства со стороны сильныхъ и порождая неуваженія и недовѣріе къ суду.

Впрочемъ, не одна московская волокита невыгодно отзывалась на состояніи правосудія; отправленіе его сильно затруднялось вслѣдствіе того хаоса, который царилъ въ самомъ законодательствѣ, что давало широкій просторъ произволу судей и дьяковъ. Дѣйствующимъ правомъ въ то время былъ Судебникъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича IV, изданный въ 1550 году. Но этотъ кодексъ за столѣтній періодъ потерялъ почти всякую жизненную силу, такъ какъ въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ онъ пересталъ дѣйствовать за отмѣною ихъ, въ другихъ же подвергся весьма значительнымъ перемѣнамъ и дополненіямъ. Эти перемѣны и дополненія совершались путемъ изданія отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ въ видѣ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, получившихъ, какъ сказано выше, названіе дополнительныхъ указовъ къ Судебнику. Для записыванія этихъ дополнительныхъ узаконеній еще въ царствованіе Іоанна Грознаго были заведены во всѣхъ приказахъ особыя книги, называвшіяся указными. Книгъ этихъ годъ отъ года накоплялось болѣе и болѣе, а такъ какъ всѣ узаконенія записывались въ нихъ въ хронологическомъ, а не систематическомъ, попредметномъ порядкѣ, то пользованіе ими съ теченіемъ времени становилось все затруднительнѣе. Не только частныя лица, но даже лица должностныя и само правительство часто сомнѣвались въ существованіи того или иного закона. *Такое положеніе вещей вызывало настоятельную потребность соединить всѣ частныя разновременныя и противорѣчивыя узаконенія въ одно общее уложеніе* и уже не въ хронологическомъ, а систематическомъ порядкѣ, объединивъ и измѣнивъ всю эту систему въ духѣ времени, въ духѣ тѣхъ требованій, которыя въ

данное время были предъявлены общественною и частною жизнью.

Итакъ, расшатанность государственнаго строя, произволъ въ области администраціи, своеволіе сильныхъ, угнетеніе слабыхъ, тяжелыя экономическія условія, печальное состояніе правосудія, полный хаосъ законодательства—вотъ тѣ главныя причины, которыя требовали уже въ началѣ XVII ст. кодификаціонныхъ работъ. Но въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича нечего было и думать о пересмотрѣ стараго законодательства и объ изданіи новаго законодательнаго сборника, такъ какъ на первой очереди стояла важнѣйшая задача—доставить внѣшнюю и внутреннюю безопасность государству. Только послѣ осуществленія этой задачи и можно было приступить къ мирной кодификаціонной дѣятельности, но на водвореніе спокойствія и упроченіе безопасности государства потребовалось цѣлое царствованіе и дѣятельность законодательная выпала на долю сына и преемника Михаила—Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, который безповоротно рѣшилъ приступить къ кодификаціоннымъ работамъ въ 1648 году.

Спрашивается, почему такое рѣшеніе падаетъ на этотъ, именно, годъ, по счету третій въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Лѣтомъ этого года произошли серьезные безпорядки на Москвѣ, подробно описанные посломъ герцога шлезвигъ-гольштинскаго Олеаріемъ. Не останавливаясь на фактической сторонѣ московскаго мятежа, замѣтимъ, что послѣдній послужилъ ближайшимъ поводомъ къ возстановленію гражданскаго порядка, къ обузданію своеволія органовъ администраціи путемъ точнаго опредѣленія правъ и обязанностей каждаго, словомъ къ реформамъ, изъ которыхъ важнѣйшей было изданіе новаго законодательнаго сборника.

Цѣль изданія Уложенія. Основная цѣль, съ которой было предпринято составленіе Уложенія, объяснена въ предисловіи къ нему: чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, *отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была* во всякихъ дѣлѣхъ *всѣмъ ровна*".

Для вѣрнаго объясненія приведенной выше цитаты, а съ тѣмъ вмѣстѣ и основной цѣли изданія Уложенія, необходимо остановиться на значеніи слова „ровный", часто принимаемаго изслѣдователями безразлично съ словомъ „равный", въ качествѣ синонима слову „одинаковый". „Ровный" въ прямомъ смыслѣ означаетъ „гладкій", „плоскій" и противополагается слову „шероховатый"; очевидно, что слово „одинаковый", являющееся, дѣйствительно тождественнымъ съ понятіемъ равный, не можетъ служить

синонимомъ слову „ровный“. Это послѣднее въ переносномъ своемъ значеніи еще въ наше время употребляется, а тѣмъ болѣе въ эпоху изданія Уложенія употреблялось, въ качествѣ синонима понятіямъ „нелицепріятный“, „безпристрастный“. А если это такъ, то приведенныя слова Уложенія говорятъ не о юридическомъ равенствѣ, такъ какъ Уложеніе судитъ лицъ разныхъ чиновъ, какъ увидимъ, различно, а о томъ, что судъ долженъ быть *справедливъ, нелицепріятенъ*, не взирая на то, большой или малый человѣкъ взываетъ къ правосудію. Несправедливость же и лицепріятіе являлись тогда послѣдствіемъ неномѣрнаго лихоимства, которое было, какъ мы уже видѣли, истиннымъ бичемъ для народа, особенно для людей простыхъ, небогатыхъ, не имѣвшихъ возможности подкупить судей посулами (взятками). Выставляя требованіе „суда ровнаго“, т. е. правдиваго, Уложеніе этимъ самымъ требуетъ „суда безпосульнаго“, не высказывая только этого прямо. Такимъ образомъ, основная цѣль Уложенія не новая, она высказывалась уже въ Судебникахъ обоихъ Іоанновъ.

Исторія составленія и изданія Уложенія. *Коммиссія кн. Одоевскаго и Земскій Соборъ.* Въ началѣ предисловія къ Уложенію говорится, что 16 іюля Царь по совѣщанію съ своей Боярской Думой въ полномъ составѣ, рѣшилъ приступить къ кодификаціоннымъ работамъ, указавъ немедленно начать собираніе и выясненіе законодательнаго матеріала для будущаго сборника на основаніи перечисленныхъ въ указѣ источниковъ, на изученіи которыхъ мы остановимся ниже. Этотъ трудъ былъ возложенъ на особую коммиссію, состоявшую изъ кн. Прозоровскаго, кн. Волконскаго и дьяковъ: Леонтьева и Грибоѣдова подъ предсѣдательствомъ кн. Никиты Ивановича Одоевскаго.

Одновременно съ учрежденіемъ указанной коммиссіи Царь повелѣлъ, также по совѣщанію съ Боярской Думой, выбрать изъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства представителей на земскій соборъ для участія въ „великомъ Государевомъ и земскомъ дѣлѣ“ изданія новаго Уложенія. Выборные должны были собраться къ 1-му сентября новаго, 1649 года (годъ начинался тогда съ 1-го сентября).

Какую же роль были призваны играть въ дѣлѣ составленія Уложенія упоминаемые въ началѣ предисловія: 1) коммиссія кн. Одоевскаго „съ товарищи“ и 2) представители созваннаго земскаго собора? Вопросъ этотъ является крайне существеннымъ для исторіи составленія памятника.

Остановимся прежде всего на выясненіи сущности той работы, которая была поручена кодификаціонной коммиссіи кн.

Одоевскаго, такъ какъ отъ вѣрнаго пониманія дѣятельности послѣдней зависитъ правильность взгляда на значеніе земскаго собора.

Понять роль названной коммиссіи не представляется затруднительнымъ, такъ какъ въ предисловіи къ Уложенію ясно указанъ характеръ работъ, поручавшихся Царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ кн. Одоевскому „съ товарищи". Они должны были *выписать* „пристойныя" статьи изъ правилъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, „*собрать*" всѣ царскіе указы и боярскіе приговоры и „*справить*", т. е. *сопоставить, сличить* эти указы и приговоры съ Судебниками, „*написать*" и „*изложить*" новыя статьи, иначе, подготовить къ разрѣшенію земскимъ соборомъ тѣ вопросы, которые прежнимъ законодательствомъ предусмотрѣны не были, а между тѣмъ, требовали законодательнаго разрѣшенія, наконецъ, сдѣлавъ все это, „*въ докладъ написати*", т. е. приготовить для доклада Царю и земскому собору. Очевидно, что порученныя работы носятъ характеръ подготовительныхъ дѣйствій.

„Въ предисловіи говорится лишь о предварительной обработкѣ всего законодательнаго матеріала и о составленіи проекта сборника, въ смыслѣ расположенія собраннаго и обработаннаго матеріала въ извѣстной системѣ, въ извѣстномъ порядкѣ, безъ всякой претензіи", по справедливому замѣчанію проф. Загоскина, „на законченность выполненной работы". Составленіе Уложенія въ окончательной редакціи составляло, какъ сейчасъ увидимъ, задачу земскаго собора. Конечно, коммиссія кн. Одоевскаго принимала въ немъ самое дѣятельное участіе, но работы ея въ этомъ направленіи не были самостоятельными. Такимъ образомъ, на коммиссію кн. Одоевскаго можно смотрѣть какъ на учрежденіе, созданное для подготовленія проекта Уложенія, а не для сочиненія вполнѣ законченнаго кодекса.

Что-же касается значенія земскаго собора въ дѣлѣ составленія Уложенія, то изъ данныхъ предисловія этого памятника, равно какъ изъ нѣкоторыхъ историческихъ документовъ, изданныхъ пр. Латкинымъ [1]), мы можемъ установить не только фактъ активнаго участія выборныхъ въ обсужденіи и утвержденіи Уло-

[1]) *Латкинъ.*—Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: 1) память князю Хилкову 16 сент. 1649 г. о выдачѣ денежнаго жалованья выборнымъ; 2) память дьяку Силину 17 янв. 1649 г. о придачѣ къ денежному жалованью выборнымъ изъ Одоева, и 3) извѣстіе изъ столбца Москов. стола Разряднаго прик. о придачѣ къ жалованью выборнымъ изъ разныхъ городовъ.

женія, но и степень этого участія въ дѣлѣ составленія проекта памятника совмѣстно съ коммиссіей кн. Одоевскаго.

Изъ этихъ документовъ видно, что выборные „*были въ приказѣ съ бояры: со кн. Н. И. Одоевскимъ съ товарищи*“. „Быти въ приказѣ“—техническое выраженіе того времени, означающее: участвовать въ занятіяхъ тѣмъ, что данному лицу или лицамъ было приказано, а мы знаемъ, что кн. Н. И. Одоевскому „съ товарищи“ было приказано составить проектъ Уложенія. Участниковъ въ составленіи проекта, по этимъ документамъ, было 72 человѣка, но, конечно, ихъ участвовало больше, такъ какъ, очевидно, не всѣ акты, подобные приведеннымъ, дошли до насъ. Какъ бы то ни было для нашей цѣли достаточно извѣстія объ участіи 72 человѣкъ, что составляетъ болѣе 20% общаго количества выборныхъ, которыхъ было до 339 человѣкъ, а если сопоставить данное число участниковъ съ общимъ количествомъ выборныхъ изъ того класса, къ которому принадлежали эти 72 человѣка, то окажется, что участниковъ въ коммиссіи изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ было до 50% (всѣхъ—до 150).

Далѣе, приведенные документы свидѣтельствуютъ, что всѣмъ участникамъ въ работахъ коммиссіи дано было жалованье при самомъ началѣ дѣяній собора (16 сентября), а въ концѣ соборной сессіи (17 января) нѣкоторымъ изъ нихъ дана еще придача; послѣдняя, можно думать, послѣдовала въ качествѣ награды за особые труды, которые вложили въ дѣло составленія Уложенія награжденные, причемъ, конечно, труды эти не могли быть кратковременными а продолжались все время соборной сессіи.

Итакъ, отдѣльные выборные были членами кодификаціонной коммиссіи съ самаго начала соборной сессіи и въ этомъ качествѣ участвовали въ составленіи окончательной редакціи проекта, нѣкоторыя ст. этого проекта подлежали уложенію всего собора, всѣ члены послѣдняго, далѣе, слушали чтеніе сборника въ окончательной редакціи и, наконецъ, санкціонировали его своею подписью, какъ это видно изъ предисловія.

Порядокъ законодательныхъ работъ. Вслѣдъ за изданіемъ указа 16 іюля начались работы коммиссіи кн. Н. И. Одоевскаго. Работы эти состояли въ собираніи и сличеніи законодательнаго матеріала и расположеніи его въ опредѣленной, начертанной коммиссіей системѣ. Эти подготовительные труды осуществлялись исключительно членами коммиссіи, но насколько проявилось участіе каждаго изъ нихъ въ общемъ дѣлѣ, неизвѣстно. Неизвѣстно также, за полнымъ отсутствіемъ дѣлопроизводства по составленію памятника, были ли эти подготовительныя работы по собп-

ранію и систематизаціи матеріала закончены къ 1 сентября, или коммиссія успѣла въ эти полтора мѣсяца собрать только часть подходящихъ, „пристойныхъ“ законодательныхъ опредѣленій. Съ 1 сентября характеръ работъ кодификаціонной коммиссіи измѣняется. Съ этого момента открывается сессія Земскаго Собора и выборные, главнымъ образомъ, изъ служилаго класса, вступаютъ въ коммиссію въ качествѣ участниковъ въ дѣлѣ окончательнаго составленія проекта памятника. Подготовленный матеріалъ просматривается, встрѣчающіеся при этомъ вопросы подвергаются обсужденію, редакція будущихъ статей Улож. намѣчается и дѣло восходитъ, по мѣрѣ накопленія готоваго матеріала, на докладъ Царю и Боярской Думѣ.

Выслушавъ докладъ, Царь, конечно, рѣшалъ всѣ находящіеся вопросы вмѣстѣ съ Боярской Думой (т. е. обыкновеннымъ порядкомъ, тогда практиковавшимся); но рѣшенія эти не были еще окончательными; иначе говоря, докладъ проекта не имѣлъ своимъ послѣдствіемъ уложенія статей памятника въ окончательной редакціи. Докладчики, записавъ рѣшеніе, сообщали его выборнымъ и, если послѣдніе, по обсужденіи этого рѣшенія, находили его недостаточнымъ, они облекали свое мнѣніе въ форму челобитной, т. е. ходатайства, которое и докладывалось Царю. Царь его разсматривалъ, измѣнялъ иногда предыдущее рѣшеніе въ духѣ ходатайства, и новое опредѣленіе получало уже окончательную редакцію; словомъ, Царь съ Боярской Думой принималъ участіе въ обсужденіи законопроекта, а не сообщалъ ему по первому же докладу своей санкціи. Это съ полной достовѣрностью подтверждается дошедшими до насъ челобитными: двумя—отъ 30 октября и одной—25 ноября. Всѣ эти челобитныя находятся въ тѣсной связи между собой. Первыя двѣ по содержанію аналогичны, но поданы только отъ различныхъ классовъ общества: одна—отъ служилыхъ людей, другая—отъ торговыхъ и посадскихъ людей. Въ этихъ челобитныхъ выборные высказываютъ жалобы на появленіе и размноженіе въ окрестностяхъ Москвы частновладѣльческихъ слободъ, заселенныхъ крестьянами и ремесленниками, которые, избывая государева тягла, занимались торговлей и тѣмъ отбивали у торговыхъ и посадскихъ людей ихъ промыслы и причиняли большіе убытки. Ходатайства оканчиваются просьбой уничтожить указанное явленіе. Эти челобитныя докладывались 13 ноября кн. Одоевскимъ „съ товарищи“ Царю и Боярской Думѣ, и вопросъ былъ рѣшенъ, хотя и въ духѣ ходатайствъ выборныхъ, но съ одной существенной оговоркой, которая парализовала силу всего рѣшенія. Это первое рѣшеніе

мы узнаемъ не изъ Уложенія, а изъ указа Сыскному Пр
Царь, не дожидаясь окончательной санкціи и вступленія
обязательную силу вновь составляемаго кодекса, далъ назва
указъ, конечно, въ виду важности вопроса, затрогивавшаг
только интересы челобитчиковъ, но и казны, и предписы
произвести сыскъ и отписку въ тягло на „его, Государя", ка
московскихъ, такъ и иногородныхъ частновладѣльческихъ слобод
со всѣми людьми живущими въ нихъ, *начиная съ 1613 года*. Это
предписаніе, несомнѣнно, и представляетъ собою первое рѣшеніе,
послѣдовавшее по докладу на ходатайства выборныхъ. Вслѣдствіе
оговорки: „*начиная съ 1613 года*", рѣшеніе это вызвало новое
челобитье отъ 25 ноября, въ которомъ „всякихъ чиновъ выборные
люди" просили Государя объ отпискѣ въ тягло слободъ и жи-
вущихъ въ нихъ людей „*безъ лѣтъ и безъ сыску, гдѣ кто нынѣ
живетъ*..., чтобъ впредь слободамъ со крестьяны, и съ бобыли, и
съ закладчики, съ торговыми и ремесленными людьми.... *всѣмъ
быть его государевымъ, а ничьимъ инымъ*....." Просьба была принята
во вниманіе, послѣдовало новое рѣшеніе въ окончательной ре-
дакціи и ни въ одной ст. XIX глав. Ул. указанной выше оговорки
не встрѣчается.

Если разсматривавшійся вопросъ являлся очень важнымъ,
касался интересовъ всего государства или всѣхъ классовъ об-
щества, описанный выше порядокъ обсужденія и уложенія статей
проекта измѣнялся: обсужденный выборнымя вмѣстѣ съ редак-
ціонной комиссіей вопросъ восходилъ на докладъ Царю и Думѣ,
но рѣшеніе давалось не прежде, какъ или по совмѣстному совѣ-
щанію Царя съ Патріархомъ, Освященнымъ Соборомъ, Боярской
Думой и всѣми выборными, т. е. слѣдовательно, по обсужденію
даннаго вопроса Земскимъ Соборомъ въ полномъ составѣ, или
же по совмѣстному совѣщанію Царя съ Думой и только частью
выборныхъ, какъ это было принято при обсужденіи вопросовъ по
челобитьямъ.

Итакъ; съ 1 сентября началось обсужденіе и уложеніе
памятника въ окончательной редакціи. До 3 октября, т. е. мѣсяцъ,
соборъ былъ занятъ этимъ дѣломъ исключительно, а съ 3 октября
къ нему присоединилось еще чтеніе и слушаніе Уложенія со-
боромъ во второй, окончательной редакціи, которое шло одно-
временно съ дальнѣйшимъ обсужденіемъ проекта, но отдѣльно
отъ него. Какая часть проекта была окончательно готова къ 3
октября и какъ шло чтеніе уложенныхъ опредѣленій: по системѣ
ли, принятой въ памятникѣ, или въ иномъ порядкѣ, вопросы
эти за неимѣніемъ данныхъ, должны остаться пока открытыми.

Слушаніе проекта соборомъ, подобно обсужденію большинства дѣленій памятника, происходило въ раздѣленномъ составѣ: ищенный Соборъ, бояре, окольничьи и думные люди слушали подъ предсѣдательствомъ самого Царя, а выборные „всякихъ овъ люди", т. е. стольники, дворяне московскіе, жильцы, родовые дворяне, дѣти боярскіе (разные разряды служилаго класса), гости, гостинная и суконная сотня (москов. купцы 3-хъ разрядовъ) и посадскіе люди, — подъ предсѣдательствомъ кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова, засѣдая, при этомъ, въ Отвѣтной Палатѣ, что видно изъ предисловія.

Какъ дальнѣйшее обсужденіе проекта, такъ и слушаніе окончательной его редакціи продолжалось до конца января, въ послѣднихъ числахъ котораго, не позже 29, наступилъ послѣдній актъ дѣяній земскаго собора — закрѣпленіе уложеннаго столбца, изготовлявшагося, по мѣрѣ чтенія проекта, подписями членовъ собора. Всѣхъ подписей до 315, а всѣхъ членовъ собора насчитывается до 339. Подписи находятся на оборотной сторонѣ уложеннаго столбца.

Свѣдѣнія объ уложенномъ столбцѣ. Подлинный уложенный столбецъ, по свѣдѣніямъ извѣстнаго нашего историка, И. Е. Забѣлина, заимствованнымъ имъ изъ дѣла Архива Оружейной Палаты за 1767 г. „о сдѣланіи на Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича серебряннаго ковчега", былъ найденъ въ этой послѣдней исправлявшимъ въ то время должность генералъ-прокурора Сената, княземъ Вяземскимъ.

Въ 1767 г., по случаю учрежденія въ Москвѣ комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія, Импер. Екатерина II пожелала видѣть подлинникъ Соборнаго Уложенія съ цѣлью узнать, кто именно закрѣпилъ его своимъ рукоприкладствомъ, а, слѣдовательно, кто входилъ въ составъ земскаго собора 1649 г. Представить этотъ подлинникъ Императрицѣ было поручено кн. Вяземскому. Послѣ долгихъ поисковъ въ Сенатскомъ и Разрядномъ Архивахъ, въ Синодальной типографіи и даже подъ престоломъ въ Успенскомъ Соборѣ, гдѣ, обыкновенно, хранились важнѣйшіе государственные документы, кн. Вяземскій обратился въ Оружейную Палату, какъ древнехранилище, съ требованіемъ извѣстія о подлинникѣ Уложенія. Здѣсь онъ былъ найденъ въ помѣщеніи древняго Приказа Большой Казны.

По своему внѣшнему виду уложенный столбецъ представляетъ ленту длиною до 434 аршинъ. Лента составлена изъ 959 столбцовъ, т. е. отдѣльныхъ листковъ, склесненныхъ между собою. Склейки скрѣплены какъ на лицевой, т. е. гдѣ помѣщенъ текстъ

Уложенія, такъ и на оборотной сторонахъ подписями дьяковъ. На оборотѣ же листковъ слѣдуетъ рукоприкладство членовъ собора одно за другимъ, большею частью, складъ за складомъ, непрерывно по каждому листку (за исключеніемъ, впрочемъ, пяти) съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы всѣ листки подлинника были закрѣплены Земскимъ Соборомъ.

Самый текстъ Уложенія писанъ четкою, мѣстами даже красивой скорописью. Въ текстѣ попадаются поправки, приписки и вставки, число которыхъ, судя по описи поправокъ, найденной слушателями Археолог. Инст., можно насчитать до 111. На поляхъ столбца противъ нѣкоторыхъ ст. помѣщены указанія на источники, изъ которыхъ онѣ заимствованы, указанія, неизвѣстно кѣмъ сдѣланныя; число ихъ доходитъ до 177, причемъ: о Моисеевѣ законѣ упомянуто 2 раза; о Градскихъ законахъ—24 раза; о Судебникѣ—12; о прежнихъ указахъ и уложеніяхъ — 65; о Литовскомъ Статутѣ — 56; о Стоглавѣ — 2 раза; кромѣ того, противъ 17 статей находятся помѣты: „вновь“, „вновь пополнено“, „вновь написано“. Сверхъ этихъ указаній, еще имѣются три помѣты, неизвѣстно кому принадлежащія, но писанныя не той рукой, какой указанія на источники. Эти помѣты слѣдующія: „попомнить“, „поговорить съ бояры“, „поговорить о той ст. съ бояры“.

Надо замѣтить, что ко всѣмъ этимъ указаніямъ и помѣтамъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью. Помѣты эти, съ одной стороны, далеко не при всѣхъ стат. приводятъ ссылки на заимствованія изъ того или другого источника, а съ другой, какъ это не странно, даютъ невѣрныя свѣдѣнія; слѣдовательно, пользованіе ими возможно только послѣ провѣрки ихъ другими данными.

Печатаніе Уложенія и его обнародованіе. Въ предисловіи къ Уложенію послѣ свѣдѣнія объ указѣ Государя относительно скрѣпленія уложеннаго списка подписью членовъ собора, говорится: *„а закрѣпя то Уложенье руками, указалъ Государь списати въ книгу и закрѣпить тое книгу Дьякамъ Гаврилу Левонтьеву да Ѳеодору Грибоѣдову; и съ тое книги, для утвержденія на Москвѣ во всѣ приказы и въ городы напечатать многія книги и всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію*“. Изъ этого мѣста предисловія видно, что по указу Царя Уложеніе должно было быть напечатано для руководства въ приказахъ на Москвѣ и въ городахъ при рѣшеніи дѣлъ. Даннымъ указомъ сдѣланъ у насъ починъ въ дѣлѣ обнародованія законовъ путемъ офиціальнаго ихъ печатанія и разсылки по присутственнымъ мѣстамъ печатныхъ экземпляровъ. До Уложенія же законы не печатались, а переписывались и об-

народованіе происходило путемъ прочтенія новаго закона на площадяхъ.

Независимо отъ этого указа, *7 апрѣля 1649 года* состоялся особый указъ о напечатаніи Улож. Къ 20 мая того же года Уложеніе было напечатано въ количествѣ 1200 экземпляровъ и къ половинѣ августа все изданіе было уже распродано. Вѣроятно, въ виду спроса, 26 августа, данъ царскій указъ о печатаніи второго изданія. Это второе изданіе въ количествѣ также 1200 экземпляровъ окончено печатаніемъ 21 декабря 1650 года.

Такимъ образомъ, въ концѣ мая или въ первыхъ числахъ іюня 1649 года Уложенія, какъ обнародованное, вступило въ дѣйствіе во всѣхъ своихъ частяхъ, но отдѣльныя его опредѣленія получили обязательную силу гораздо ранѣе этого времени, т. е. до обнародованія всего памятника въ цѣломъ путемъ разсылки ихъ въ видѣ царскихъ грамотъ въ приказы и города. Такимъ порядкомъ совершилось вступленіе въ обязательную силу XIX главы Улож. „о посадскихъ людѣхъ“. До насъ дошли 2 наказныя памяти, разосланныя *въ февралѣ* по городамъ и представляющія буквальную выписку постановленій данной главы.

Кромѣ указанныхъ двухъ изданій 1649 и 1650 г.г., Уложеніе было издано еще 15 разъ въ теченіе XVIII и XIX в. Слѣдуетъ упомянуть, что изучаемый памятникъ переведенъ на разные иностранные языки. Такъ, баронъ Мейерберъ перевелъ его въ 1663 г. на латинскій языкъ въ своемъ сочиненіи: „Iter in Moscoviam“; въ 1683 г. оно было переведено на французскій, а въ XVIII вѣкѣ на нѣмецкій и датскій языки.

Источники Уложенія. 1) *Кормчая Книга.* Въ предисловіи къ Улож. первымъ источникомъ, изъ котораго должны были быть выписаны „пристойныя ст. къ государевымъ и земскимъ дѣламъ“ помѣчены *„правила Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ и градскіе законы греческихъ царей“*, т. е. знакомая намъ Кормчая книга (стр. 33).

Мы видѣли что Кормчая съ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси становится дѣйствующимъ сборникомъ по дѣламъ церковнымъ и оказываетъ вліяніе на содержаніе многихъ постановленій чисто свѣтскаго законодательства, почему въ эпоху изданія Уложенія можетъ считаться уже не чужеземнымъ, новымъ источникомъ права, а своимъ, издавна извѣстнымъ, подъ воздѣйствіемъ котораго сложилось много юридическихъ понятій. Но не смотря, однако, на такое значеніе Кормчей въ системѣ нашего древняго права, не смотря даже на то, что Кормчая оффиціально признана источникомъ Улож. самимъ памятникомъ, вліяніе ея на поста-

новленія послѣдняго ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи нельзя признать значительнымъ.

Въ Уложеніи только около 40 ст., размѣщенныхъ въ разныхъ главахъ, заимствованы изъ этого источника; при этомъ, надо замѣтить, что изъ первой части Кормчей, т. е. изъ постановленій чисто каноническихъ, заимствовано только 5 статей (о богохульникахъ, о неразлученіи супруговъ, о процентахъ, о клятвопреступленіи и о непочтеніи къ родителямъ), остальныя вошли въ Уложеніе изъ свѣтскихъ постановленій византійскихъ императоровъ и, притомъ, по преимуществу изъ Прохирона Василія Македонянина. По содержанію большинство заимствованныхъ статей относится къ праву уголовному и только незначительная ихъ часть—къ праву гражданскому, къ послѣднему принадлежатъ: постановленія объ отвѣтственности за цѣлость вещи, взятой въ ссуду, наемъ, работу; запрещеніе процентовъ по долговымъ обязательствамъ; постановленіе о наслѣдованіи глухонѣмыми.

Въ качественномъ отношеніи вліяніе Кормчей въ указанныхъ 40 статьяхъ отражается, главнымъ образомъ, на понятіяхъ преступленія и гражданскаго правонарушенія, на системѣ же наказаній и взысканій проявляется въ слабой степени, такъ какъ Уложеніе въ выборѣ ихъ руководствуется своими соображеніями, замѣняя, смягчая или усиливая наказанія по своему усмотрѣнію. Такъ, за богохульство по Моисееву закону назначается смертная казнь чрезъ побіеніе камнями; Уложеніе, заимствуя изъ этого закона понятіе преступленія и видоизмѣняя это понятіе подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, замѣняетъ наказаніе—сожженіемъ преступника (Гл. I, ст. 1); въ ст. 4 XXII главы, гдѣ назначается наказаніе за непочтеніе къ родителямъ, Ул. смягчаетъ его, постановляя: „такихъ забывателей закона христіанскаго за отца и матерь бити кнутомъ“, тогда какъ въ Моисеевѣ законѣ непочтительныя дѣти наказуются смертною казнью. Въ ст. 13 той же главы, говорящей о заводчикахъ смуть въ людяхъ и заимствованной изъ Прохирона Василія Македонянина, наказаніе усиливается: въ Прохиронѣ назначено битье палками и изгнаніе, въ Уложеніи—смертная казнь.

Такое отношеніе Уложенія къ Кормчей дастъ намъ возможность считать уложеніе памятникомъ системы суровыхъ наказаній фактомъ, зависящимъ не отъ Кормчей непосредственно. Въ этомъ уложеніи извѣстная доля вліянія принадлежитъ, какъ Литовскому Статуту, который былъ однимъ изъ основныхъ источниковъ Уложенія, такъ, въ особенности, уголовной практикѣ того времени. На практикѣ многіе виды наказаній были въ ходу еще до изда-

нія Уложенія, которое лишь санкціонировало то, что появилось раньше его и вошло въ употребленіе, при этомъ Улож. не слѣдовало рабски указаніямъ практики, въ чемъ мы убѣждаемся изъ того, что оно не узаконяетъ такихъ видовъ казни, какъ посаженіе на колъ, утопленіе, четвертованіе, примѣнявшихся въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только въ XVII, но въ XVI и даже XV в. Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе на практикѣ и усвоеніе законодательными памятниками до Уложенія уголовныхъ наказаній является результатомъ вліянія византійскаго права чрезъ посредство Кормчей, но вліяніе это начинается задолго до Улож., и карательная система, перенесенная, такъ сказать, съ византійской на русскую почву, прививается здѣсь и въ дальнѣйшемъ развивается самостоятельно, принимая мало-по-малу тотъ характеръ устрашенія и возмездія, съ которымъ встрѣчаемся въ Уложеніи. На практикѣ уже въ XIII вѣкѣ становится извѣстнымъ одинъ изъ видовъ смертной казни—сожженіе, а въ концѣ XIV вѣка смертная казнь чрезъ повѣшеніе впервые санкціонируется закономъ, именно: Уставная Двинская Грамота, какъ мы видѣли (стр. 76) назначаетъ смертную казнь въ одномъ только случаѣ—за кражу, совершенную въ третій разъ. Въ законодательномъ памятникѣ второй половины XV в., Псковской Судной Грамотѣ, смертная казнь безъ указанія ея вида назначается за святотатство, конокрадство, поджогъ, кражу въ третій разъ и государств. измѣну. Въ Судебникахъ 1497 и 1550 г. карательная система получаетъ еще большее развитіе и по видамъ наказаній (появляется битье кнутомъ и пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ), и по количеству случаевъ ихъ примѣненія. Такъ, смертная казнь вводится во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ преступленіе совершается „вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ“, хотя бы преступленіе это при иныхъ обстоятельствахъ каралось только имущественными наказаніями. Въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа мы встрѣчаемся, кромѣ того, и съ членовредительными наказаніями (отсѣченіе рукъ). На практикѣ же въ XV и XVI вѣкѣ примѣняются утопленіе, посаженіе на колъ, четвертованіе, о чемъ сказано выше, а изъ членовредительныхъ—урѣзаніе ушей, носа. Изъ этого краткаго обзора развитія карательной системы видно, что послѣдняя въ теченіе почти трехъ вѣковъ слагается постепенно и ко времени изданія Уложенія получаетъ такія твердыя основанія, съ которыми послѣднему пришлось считаться помимо непосредственнаго заимствованія изъ разсматриваемаго источника.

Итакъ, заимствованіе нѣкоторыхъ статей изъ Кормчей несомнѣнно было, но вліяніе ея въ общемъ должно быть признано слабымъ.

2. Судебники, дополнительные къ нимъ указы и боярскіе приговоры. Вторымъ источникомъ Уложенія предисловіе называетъ указы и боярскіе приговоры, которые должны были быть сопоставлены съ Судебниками обоихъ Іоанновъ. Этотъ источникъ самый обильный: на основаніи Судебниковъ и дополнительныхъ къ нему узаконеній уложено до половины всѣхъ статей памятныхъ. Но изъ нихъ только 45 составлены на основаніи Судебника, остальныя заимствованы изъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, находящихся, по большей части, въ указныхъ книгахъ приказовъ. Предвидя дальнѣйшее развитіе законодательства, Судебникъ 1550 г. въ 98 ст. предписывалъ, чтобы всякій вновь изданный указъ приписывался къ нему. Съ цѣлью такой приписки были заведены, какъ сказано выше, во всѣхъ приказахъ книги, куда и заносились въ хронологическомъ порядкѣ дополнительные указы по предметамъ вѣдомства того или иного приказа. Изъ такихъ указныхъ книгъ до насъ дошли слѣдующія:

1) *Указная книга судныхъ дѣлъ*, названная пр. Влад.-Будановымъ въ его Хрестоматіи (в. 3) *указной книгой вѣдомства казначеевъ* на томъ основаніи, что при Іоаннѣ Грозномъ, когда приказы начали организовываться, судныя дѣла составляли компетенцію казначеевъ, и только впослѣдствіи перешли въ вѣдомство судныхъ приказовъ. Содержаніе этой книги касается гражданскаго права и процесса.

2) *Указная книга Холопьяго приказа*, въ которой содержатся указы объ установленіи и прекращеніи холопства, о юридическомъ положеніи холоповъ и о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, указы, изданные при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Борисѣ Годуновѣ и Василіи Шуйскомъ.

3) *Указная книга Земскаго приказа*, гдѣ помѣщены указы полицейскаго и финансоваго характера, обязательные въ предѣлахъ города Москвы, которою управлялъ Земскій приказъ.

4) *Указная книга Помѣстнаго Приказа*, гдѣ находятся указы о помѣстьяхъ и вотчинахъ, изданные при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ. Указы болѣе ранніе, какъ видно изъ доклада, помѣщеннаго въ началѣ книги, погибли отъ пожара Помѣстнаго приказа въ 1626 г.

5) *Уставная книга Разбойнаго Приказа*, названная *уставной*, а не *указной* въ виду того, что она является не сборникомъ дополнительныхъ указовъ къ Судебнику, а самостоятельнымъ уголовнымъ уложеніемъ, раздѣляющемся на двѣ части, изъ которой первая, по изслѣдованію Шалфѣева, [1]) представляетъ собою Раз-

[1]) *Шалфѣевъ.*—Объ уставной книгѣ Разбойнаго Приказа. Спб. 1868 г.

бойный Уставъ Іоанна IV, современный Судебнику Грознаго, съ дополнительными указами до смутнаго времени, а вторая—Разбойный Уставъ царя Михаила съ позднѣйшими добавленіями до 1649 г. Содержаніе этой книги касается уголовнаго права и процесса, равно какъ опредѣленія предметовъ вѣдомства губныхъ установленій.

Изъ перечисленныхъ книгъ особенное значеніе по отношенію къ разсматриваемому памятнику имѣютъ указныя книги Приказовъ Помѣстнаго и Холопьяго Суда и Уставная Разбойнаго. На основаніи первой составлено около 45 статей XVI главы о помѣстныхъ земляхъ, и до 18 статей XVII главы о вотчинахъ; на основаніи же второй—до 28 статей XX главы судъ о холопѣхъ". Изъ третьей заимствованы около 72 статей XXI главы о разбойныхъ и татиныхъ дѣлѣхъ". Что касается уставныхъ книгъ вѣдомства казначеевъ и Земскаго приказа, то изъ нихъ заимствовано нѣсколько статей X главы „о судѣ".

На эту же главу повліялъ и Судебникъ 1550 г., такъ какъ изъ 45 статей памятника, составленныхъ на основаніи Судебника, до 22, т. е. половина приходится на указанную главу; но если принять во вниманіе, что въ этой главѣ 287 статей, то заимствованіе изъ Судебника окажется незначительнымъ: гораздо больше вліянія на эту главу оказалъ Литовскій Статутъ, изъ котораго взято до 70 статей. Уже изъ этого чисто количественнаго сопоставленія ст. Судебника съ постановленіями Уложенія парализуется отчасти значеніе господствующаго въ литературѣ [1]) взгляда будто X глава его есть ничто иное, какъ расширенный и дополненный составителями Уложенія Судебникъ, который такъ цѣликомъ и вставленъ въ эту X главу. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что многія постановленія Судебника совершенно не встрѣчаются въ этой главѣ, а разбросаны, такъ сказать, по ключамъ въ разныхъ главахъ памятника, то еще болѣе убѣдимся въ неправильности указаннаго взгляда. Такъ, постановленія о вотчинахъ (С. Ц., ст. 85) перешли въ 17 гл. Улож.; рядъ ст. подъ заглавіемъ „о холопствѣ судъ"—помѣщенъ въ XX гл., нѣкоторыя постановленія о татьбѣ встрѣчаются въ XXI гл. Улож. и т. д. Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать тотъ выводъ, что X гл. Улож. не представляетъ собою новаго изданія Судебника, а вполнѣ самостоятельное уложеніе, при составленіи котораго кодификаторы пользовались Судебникомъ точно также, какъ и другими источ-

[1]) Пр. Сергѣевичъ.—Лекціи и изслѣдованія по ис. р. пр. 1883 г.

никами, не дѣлая ему никакого предпочтенія, не вставляя его *цѣликомъ*, какъ думаютъ, въ разсматриваемую главу.

Обращаясь послѣ этихъ указаній на количественное вліяніе разсматриваемаго источника Уложенія къ вопросу о вліяніи качественномъ, мы находимъ, что Уложеніе въ рѣдкихъ случаяхъ заимствуетъ постановленія буквально; по большей части, оно дополняетъ и видоизмѣняетъ послѣднія, причемъ, даже снова вызываетъ къ жизни нѣкоторыя давно отмѣненныя узаконенія. Но дополненія, измѣненія и реставрація постановленій происходятъ въ духѣ самаго источника, а не въ противорѣчіи съ нимъ: если Уложеніе и вноситъ что-либо новое, то это новое не нарушаетъ стройной, органически развившейся системы юридическихъ понятій, а составляетъ необходимое, требуемое условіями времени, завершеніе ея.

3. *Челобитья.* Третьимъ источникомъ Уложенія были челобитья, о чемъ мы узнаемъ не изъ предисловія, а изъ самаго текста памятника, именно: изъ 1 ст. XIII гл. (см. ниже).

На основаніи многихъ изслѣдованій, изъ которыхъ наиболѣе выдающимся является изслѣдованіе пр. Загоскина, въ настоящее время можно вполнѣ утверждать что 50 ст. размѣщенныхъ въ XI, XIII, XVII и XIX главахъ памятника, уложены подъ непосредственнымъ вліяніемъ челобитныхъ.

Постановленія XI главы „о крестьянѣхъ", находящіяся въ 13 ст., явились въ отвѣтъ на челобитье представителей служилаго класса, въ которомъ они просятъ государя уничтожить урочныя лѣта для сыска бѣглыхъ своихъ крестьянъ, запретить принимать кому бы то ни было бѣглыхъ, гарантировать исполненіе этого требованія наказаньемъ и установить пытку для тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, которые, не желая возвращаться къ прежнимъ владѣльцамъ, станутъ перемѣнять свои имена и отказываться отъ своихъ отцевъ.

Въ XIII главѣ „о Монастырскомъ Приказѣ" одна только статья, именно, первая, составлена на основаніи челобитья, что видно изъ самаго текста этой ст., гдѣ говорится, что выборные ходатайствовали объ учрежденіи Монастырскаго Приказа, что и было сдѣлано. Причина, почему всѣ классы общества высказались за учрежденіе этого приказа состояла въ томъ, что исключительная подсудность духовенства Приказу Большого Дворца причиняла всѣмъ большую волокиту въ судныхъ дѣлахъ съ нимъ и съ его людьми и крестьянами.

Въ XVII главѣ „о вотчинахъ" 42, 43 и 44 ст. вылились изъ челобитья, поданнаго выборными „ото всея земли". Эти выборные

просили о приведеніи въ дѣйствіе соборнаго приговора 1580 года, которымъ ограничивались права духовныхъ властей и монастырей въ отношеніи пріобрѣтенія вотчинъ покупкой, принятіемъ въ залогъ и „по душамъ въ вѣчный поминокъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ они ходатайствовали объ отнятіи тѣхъ вотчинъ, которыя были пріобрѣтены духовенствомъ послѣ указаннаго соборнаго приговора. Это челобитье вполнѣ уважено не было: Государь подтвердилъ указъ 1580 г., но пріобрѣтенныхъ духовенствомъ въ обходъ этого указа вотчинъ не отобралъ.

Наконецъ 34 ст. XIX главы „о посадскихъ людѣхъ“ составляетъ очень близкое повтореніе 4 челобитенъ, изъ которыхъ 3 вызвали къ жизни первыя 33 ст., а на основаніи четвертой составлена 34-ая ст. этой главы. Содержаніе трехъ челобитенъ поданныхъ выборными, отъ 30 октября и 25 ноября, намъ извѣстно (стр. 106).

Что же касается четвертой челобитной, повліявшей на уложеніе 34 ст. данной главы, то она была подана московскими тяглыми людьми, просившими Царя дозволить лицамъ, принадлежащимъ къ гостинной и суконной сотнямъ жить исключительно въ Москвѣ, а не въ другихъ городахъ.

Изъ разсмотрѣнія челобитныхъ, на основаніи которыхъ уложены приведенныя постановленія памятника, видно, что затронутые ими вопросы относятся къ числу самыхъ важныхъ, касающихся главныхъ сторонъ общественнаго быта того времени. Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ путемъ отмѣны урочныхъ лѣтъ, ограниченіе привилегій духовенства въ отношеніи подсудности и правъ его на пріобрѣтеніе земель, закрѣпленіе посадскаго населенія, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ рѣзкое отграниченіе его отъ населенія уѣзднаго, волостного—вотъ тѣ реформы, которыя несомнѣнно были созданы по желанію самого общества, выраженному въ челобитьяхъ

4. *Литовскій статутъ: его внѣшняя исторія.* Четвертымъ источникомъ Улож. былъ Литовскій Статутъ, о чемъ узнаемъ изъ помѣтъ на поляхъ уложеннаго свитка. Этотъ памятникъ литовско-русскаго законодательства по своему вліянію на постановленія нашего кодекса занимаетъ послѣ Судебниковъ и дополнительныхъ къ нимъ указовъ второе мѣсто: изъ него заимствовано до 175 ст. Въ виду такого отношенія Литовскаго Статута къ Уложенію, а съ другой стороны, въ виду несомнѣннаго сходства, многихъ постановленій Статута съ Русской Правдой, онъ имѣетъ для исторіи русскаго права одинаковое значеніе съ памятниками чисто русскаго происхожденія. Поэтому, прежде чѣмъ, приступить къ изу-

ченію Статута, какъ источника Уложенія, необходимо, хотя бы въ краткихъ чертахъ, остановиться на его внѣшней исторіи.

Появленіе сборника литовско-русскаго законодательства, носившаго сперва названіе „Книгъ правъ писанныхъ", „Права посполитаго всей земли", „Статута земскаго" и т. д., а позднѣе извѣстнаго подъ именемъ: „Литовскаго Статута первой редакціи", „Литовскаго Статута Сигизмунда I" и др., относится къ 1529 году, когда составленный спеціально назначенною для того коммиссіей изъ духовныхъ и свѣтскихъ юристовъ и разсмотрѣнный панами рады Статутъ былъ утвержденъ Сигизмундомъ на виленскомъ сеймѣ и обнародованъ для руководства при рѣшеніи дѣлъ на всей территоріи великаго княж. Литовскаго.

Статутъ этотъ состоитъ изъ 13 раздѣловъ, заключающихъ въ себѣ до 262 артикуловъ. Каждый изъ этихъ артикуловъ снабженъ особымъ заглавіемъ.

Этотъ „Первый" или „Старый Статутъ" въ теченіе XVI вѣка былъ изданъ въ дополненномъ и исправленномъ видѣ еще 2 раза. Въ 1566 году при королѣ Сигизмундѣ Августѣ появилось второе изданіе Статута, извѣстнаго подъ именемъ Волынскаго, такъ какъ примѣненіе его было обязательно для Волыни, Подоліи и прежняго Кіевскаго княжества. Волынскій Статутъ распадался на 14 раздѣловъ, дѣлящихся на артикулы, число которыхъ вдвое болѣе, чѣмъ въ Статутѣ Сигизмунда I.

Вскорѣ послѣ появленія этого новаго изданія Статута, именно, въ 1569 году. Литва, какъ извѣстно, соединилась съ Польшей. Это событіе вызвало необходимость согласовать законодательство Литвы съ законами польскими, т.-е. потребовался новый пересмотръ Статута. Для этой цѣли была организована особая коммиссія, въ составъ которой входили 11 выборныхъ отъ сейма и областныхъ сеймиковъ. Работы продолжались до 1588 года, когда Статутъ, составленный означенною коммиссіею и пересмотрѣнный другою, учрежденною въ началѣ 80-хъ годовъ для согласованія Статута съ вновь изданнымъ въ это время уставомъ судопроизводства для верховнаго суда, былъ представленъ, наконецъ, на варшавскій сеймъ и утвержденъ на этомъ послѣднемъ королемъ Сигизмундомъ III. Этотъ Статутъ, распадающійся также на 14 раздѣловъ съ большимъ противъ второго числомъ артикуловъ и статей, представляетъ собою единственный печатный памятникъ литовскаго законодательства: первые два Статута по неизвѣстнымъ причинамъ напечатаны не были.

Обращаясь къ обзору источниковъ Статута, мы остановимся исключительно на главнѣйшемъ изъ нихъ, Русской Правдѣ, ко-

торая оказала вліяніе не только на разсматриваемый кодексъ, но и на законодательные памятники Литовскаго государства, вошедшіе на ряду съ нею въ качествѣ источниковъ въ Статутъ. Замѣтимъ только, что къ числу этихъ послѣднихъ относятся: 1) партикулярные законы, издававшіеся литовскими князьями подъ названіями постановленій, уставовъ, ухваловъ привилеевъ и т. п. и содержавшіе въ себѣ опредѣленія законодательствъ иностранныхъ, а именно, римскаго, нѣмецкаго (магдебургскаго) и польскаго, равно какъ и начала древняго русскаго права, и 2) Судебникъ Казиміра Ягеллончика 1468 г., во многихъ своихъ ст. сходный съ Русской Правдой.

По вопросу о вліяніи Правды на Статутъ въ историко-юридической литературѣ имѣется спеціальное изслѣдованіе проф. Леонтовича подъ заглавіемъ „Русская Правда и Литовскій Статутъ". На основаніи данныхъ этого изслѣдованія мы и изложимъ отношеніе этихъ двухъ памятниковъ.

Прежде всего надо отмѣтить тотъ фактъ, что Русская Правда до конца XIII ст. дѣйствовала вездѣ на Руси въ значеніи сборника общихъ законовъ, дѣйствовала она, поэтому, и въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ, такъ какъ юридическій бытъ населенія этихъ областей не отличался отъ быта остального русскаго народа. Въ XIV столѣтіи въ восточной Россіи, въ Москвѣ слагаются новые порядки, наступаетъ эпоха такъ называемыхъ мѣстныхъ законовъ, отступающихъ отъ началъ Русской Правды. Отступленіе это достигаетъ наибольшаго развитія въ Судебникахъ обоихъ Іоанновъ, въ которыхъ многіе юридическіе институты Правды совершенно исчезаютъ. Съ инымъ отношеніемъ къ этому древнему русскому памятнику встрѣчаемся въ юго-западной Россіи. Въ первой половинѣ XIV ст. русскія юго-западныя области подпадаютъ подъ власть Литвы и это событіе влечетъ за собою, по справедливому замѣчанію проф. Бѣляева, удержаніе тѣсной связи законодательныхъ памятниковъ Руси Литовской съ Русской Правдой. Сѣверо-восточная Русь, говоритъ онъ, „въ своемъ юридическомъ развитіи дѣйствовала свободнѣе, чѣмъ ея юго-западная сестра; ей, побѣдоносной и независимой, не было нужды въ борьбѣ и упорномъ отстаиваніи своей старины. Совсѣмъ другое положеніе юго-западной Руси Литовской: тамъ старина являлась единственною опорою для охраненія національности, на ней только держалась нравственная самостоятельность и независимость народности: всякое нововведеніе тамъ грозило чужеземнымъ вліяніемъ. Все это сообщило законодательнымъ памятникамъ юго-западной Руси свой характеръ, отличающій ихъ строгою и какою-то

несвободною покорностью Русской Правдѣ и вообще старымъ юридическимъ обычаямъ". Отсюда, основныя правила Русской Правды, не только въ XIV, но и въ позднѣйшіе вѣка, продолжали дѣйствовать въ литовскомъ государствѣ съ тою же силою, какую они имѣли прежде во всѣхъ русскихъ областяхъ.

Вотъ причина, почему въ Литовскомъ Статутѣ, представляющимъ собою кодексъ земскаго права Литвы, мы и находимъ цѣлые ряды статей съ разительнымъ, иногда буквальнымъ сходствомъ съ постановленіями Русской Правды. Институты, правда, иначе формулируются въ Статутѣ, чѣмъ въ Русской Правдѣ, но самая сущность ихъ одинакова. Таковы раздѣлы о судѣ, опекахъ, грабежахъ, злодѣйствѣ или татьбѣ. Сходство институтовъ въ особенности замѣтно въ постановленіяхъ Статута о выловаиьи, грабежѣ (потокѣ и разграбленіи Р. Пр.), о головщинахъ, винахъ, навезкахъ (лѣчебномъ Р. Пр.), цѣнѣ (урокѣ Р. Пр.), о мужеубойствѣ, звадахъ, членовреждеиіяхъ, злодѣйствѣ (татьбѣ Р. Прав.), порчѣ межъ, границъ и разныхъ вещей, о наслѣдствѣ простыхъ людей и шляхты, объ опекѣ и вчинаніи иска, дѣцкихъ и т. д.

Можно указать на многія ст. Статута, въ которыхъ незамѣтно никакой отмѣны сравнительно съ Русской Правдой. Польское право вліяло, главнымъ образомъ, на государственное устройство Литвы и на отношенія между различными классами общества. Переходя въ чисто юридическую сферу, къ отношеніямъ уголовнаго и частнаго права и къ судопроизводству, мы замѣчаемъ въ Статутѣ присутствіе однихъ и тѣхъ же началъ, на какихъ основывается Русская Правда. Сохраненіе этихъ началъ есть главная заслуга Статута. (Леонтовичъ, стр. 13—15).

Вліяніе Статута на Уложеніе. Руководствуясь помѣтами уложеннаго свитка, изслѣдователи считали, что изъ Статута заимствовано только 56 ст. Улож., но съ появленіемъ выдающагося изслѣдованія проф. Владимірскаго-Буданова: „Отношеніе между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича" оказалось, что всѣхъ статей, заимствованныхъ изъ Статута, можно насчитать до 175.

Тщательно сличивъ оба указанные памятника, проф. Владимірскій-Будановъ пришелъ къ заключенію, что II, III, IV, V, VII, IX и XXII главы Уложенія составляютъ или буквальный переводъ, или довольно точный перифразъ Статута; причемъ, главы: II („о государской чести и какъ его государское здоровье оберегать"), III („о государевѣ дворѣ, чтобъ на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства не было"), IV („о подпищикѣхъ и которые печати поддѣлываютъ"), V („о денежныхъ мастерѣхъ,

которые учнутъ дѣлати воровскія деньги") и IX („о мытахъ, и о перевозѣхъ, и о мостѣхъ") представляютъ собою или переводъ, или точный перифразъ различныхъ артикуловъ раздѣла I Статута: „о персонѣ нашей господарской", глава VII („о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства") есть не болѣе, какъ передѣлка II Раздѣла „объ оборонѣ земской", а глава XXII („указъ за какія вины чинити смертная казнь и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе"), за исключеніемъ 2 ст., вся составлена изъ постановленій, заимствованныхъ, главнымъ образомъ, изъ XI Раздѣла Литовскаго Статута (Владим.-Будановъ—Сборникъ государ. знаній Безобразова 1877 г. ст. 7—21).

Но кромѣ этихъ главъ отдѣльныя постановленія Статута встрѣчаются, за немногими исключеніями, во всѣхъ главахъ Уложенія, изъ которыхъ X глава „о судѣ" содержитъ такихъ заимствованныхъ ст. до 70 (Влад.-Будановъ насчитываетъ ихъ только 55).

Отношеніе Уложенія къ Статуту, какъ и къ другимъ источникамъ вполнѣ свободно, такъ какъ рецепція перваго въ послѣднее является въ тоже время самостоятельнымъ творчествомъ права. Рецепція эта основана прежде всего на внѣшней свободѣ: при составленіи Уложенія никто не предписывалъ кодификаціонной коммиссіи обратиться къ Литовскому Статуту, какъ источнику для заимствованій. Далѣе, рецепція основывается на внутренней свободѣ, т.-е. на свободномъ отношеніи къ содержанію источника. Пріемы рецепціи заключаются въ заимствованіи системы кодекса, усвоеніи предметовъ (вопросовъ кодификаціи), правовыхъ положеній и формы ихъ: но заимствованіе это происходитъ съ большими измѣненіями.

Заимствуя систему Статута (см. ниже), Уложеніе не рабски слѣдуетъ ей: усвоивъ ее въ общемъ и слѣдуя ей точно пока было можно безъ нарушенія основныхъ началъ собственнаго права, Уложеніе переработываетъ, а мѣстами и совсѣмъ оставляетъ ее, гдѣ требуетъ того духъ московскаго права.

Усвоивая предметы, вопросы права, Уложеніе излагаетъ ихъ совершенно своеобразно. Возьмемъ для примѣра главу „о денежныхъ мастерѣхъ, которые учнутъ дѣлати воровскія деньги". Глава эта говоритъ о двухъ совершенно разнородныхъ преступленіяхъ: дѣланіи фальшивой монеты и подмѣси золотыхъ дѣлъ мастерами въ золотыя и серебряныя вещи неблагородныхъ металловъ. Но Уложеніе не смѣшиваетъ этихъ 2-хъ преступленій: за первое полагается квалифицированная смертная казнь — залитіе горла расплавленнымъ металломъ, за второе—сравнительно ничтожное наказаніе—битье кнутомъ. Этимъ Уложеніе вноситъ поправку въ

постановленія Статута, который, считая эти преступленія однородными, за то и другое опредѣляетъ одинаковое наказаніе — смертную казнь чрезъ сожженіе. Такимъ образомъ, Уложеніе, согласно со Статутомъ, заговорило о подмѣси неблагородныхъ металловъ въ драгоцѣнныя вещи и заговорило, притомъ, вслѣдъ за постановленіемъ о подѣлкѣ монетъ, но опредѣлило наказаніе совершенно своеобразно, слѣдовательно, оно усвоило только вопросъ.

Такую же свободу сохраняетъ Уложеніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда заимствуетъ самыя правовыя опредѣленія Статута: оно не переноситъ ихъ цѣликомъ, но видоизмѣняетъ ихъ.

Нѣсколько менѣе свободно отношеніе московскаго кодекса къ литовскому относительно формы узаконеній. Такъ, своею казуистичностью Уложеніе обязано Статуту. Даже знаменитая форма, съ которой начинается почти всякая статья Уложенія: „*А будетъ кто*“, есть переводъ столь же обыкновенной формы Статута: „*ждыбы кто*“. Но подчиняясь казуистической формѣ Статута, Уложеніе въ большинствѣ случаевъ старается отбросить фактическую оболочку съ юридическихъ понятій, благодаря чему и достигаетъ почти вездѣ сокращенія текста постановленій, взятыхъ изъ Статута (Владимірскій-Будановъ, стр. 23 и слѣд.).

4. *Стоглавъ*. Пятымъ источникомъ Уложенія былъ Стоглавъ, сборникъ постановленій церковнаго Собора 1551 г. того же наименованія, созваннаго Іоанномъ Грознымъ „для исправленія обычаевъ, которые поисшаталися“. Памятникъ этотъ, заключая въ себѣ постановленія, касающіяся церковнаго устройства и юрисдикціи, равно какъ и полиціи нравовъ, не имѣетъ значенія для исторіи гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права, не входитъ необходимымъ звеномъ въ цѣпь тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ можно прослѣдить ходъ развитія указанныхъ выше отраслей права.

Изъ помѣтъ на поляхъ Уложеннаго свитка можно заключить, что изъ Стоглава заимствованы 2 статьи. Но изъ сличенія постановленій обоихъ памятниковъ оказывается, что Стоглавъ повліялъ на составленіе 6 статей, причемъ, въ 2 статьяхъ постановленія его выписываются дословно, въ остальныхъ же 4 они принимаются въ основаніе опредѣленій Уложенія; сами же опредѣленія излагаются въ иной редакціи. Къ двумъ первымъ относятся: 1 статья VIII главы „о искупленіи плѣнныхъ“, въ которой встрѣчаемся съ буквальной выпиской изъ Стоглава мотива необходимости подобнаго выкупа, и 10 ст. XIV гл. „о крестномъ цѣлованіи“, дословно повторяющая постановленія гл. 37 и 38 Сто-

глава, въ которыхъ содержится предписаніе духовникамъ воздерживать духовныхъ дѣтей поученіями отъ преступленій вообще и отъ клятвопреступленія въ особенности, причемъ, объясняется значеніе присяги.

Къ постановленіямъ, составленнымъ на основаніи Стоглава, но въ иной редакціи, относятся: 1) опредѣленіе наказаній за оскорбленіе духовнаго лица при совершеніи имъ литургіи (I, ст. 2 и 3), взятое изъ 57 главы; 2) перечисленіе неприсутственныхъ дней (X, ст. 25), заимствованное изъ 94 главы; 3) наконецъ, запрещеніе принимать иски отъ дѣтей на родителей (XXII, ст. 6), составленное подъ вліяніемъ 36 главы Стоглава.

Уложеніе кодексъ; его значеніе. Изученіе источниковъ Уложенія и отношенія къ нимъ послѣдняго даетъ возможность рѣшить недостаточно, на нашъ взглядъ, выясненный въ литературѣ вопросъ о томъ, къ какому виду сборниковъ принадлежитъ изучаемый памятникъ: къ *сводамъ* или *кодексамъ*.

Но прежде, чѣмъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ, необходимо остановиться на понятіи кодификаціи и ея видовъ. Подъ кодификаціей разумѣется составленіе систематическихъ законодательныхъ сборниковъ. Составленіе такихъ сборниковъ можетъ быть различно въ зависимости отъ различія *въ отношеніяхъ со стороны составителей* къ матеріалу, подлежащему кодификаціи. Если составители изъ всей массы разрозненнаго законодательнаго матеріала, даннаго предшествующею жизнью, выбираютъ только тѣ законы, которые въ данный моментъ считаются дѣйствующими и, не подвергая эти законы критикѣ и обработкѣ, располагаютъ въ опредѣленной системѣ, то мы имѣемъ дѣло съ такъ называемой инкорпораціей законовъ. Результатомъ инкорпораціи являются сборники, называющіеся у насъ „*сводами*“. Если же кодификаторы при выборкѣ и систематизаціи матеріала относятся къ нему критически, изслѣдуютъ правовыя начала, данныя предшествующею жизнью, сличаютъ ихъ, приспособляютъ къ потребностямъ общества, не ограничиваясь, при этомъ, однимъ только своимъ правомъ, но справляясь съ чужеземными источниками и рецепируя изъ нихъ подходящее къ данному юридическому быту, сводятъ, наконецъ, все воспринятое къ единству основныхъ принциповъ, то мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ видомъ, который носитъ названіе кодификаціи въ собственномъ смыслѣ. Результатомъ ея являются сборники, извѣстные подъ именемъ „*кодексовъ*“ или, какъ у насъ, „*уложеній*“.

Разсматривая изучаемый нами памятникъ, мы видимъ, что въ немъ имѣются налицо всѣ тѣ признаки, которыми характери-

зуется кодексъ, или уложеніе, что это названіе придано ему не безъ основанія и вполнѣ соотвѣтствуетъ существу дѣла.

Отношеніе кодификаторовъ къ матеріалу, на основаніи котораго составился нашъ памятникъ, было, какъ мы видѣли, совершенно свободнымъ, они не искали въ немъ только дѣйствующихъ законовъ, а *„пристойныя къ государевымъ и земскимъ дѣламъ“* опредѣленія. Отсюда, исключеніе всего того, что хотя и дѣйствовало, но фактически потеряло свою жизненную силу и возобновленіе всего того, что утратилось, или было оффиціально отмѣнено, но на самомъ дѣлѣ сохраняло еще свое жизненное значеніе. Въ своихъ поискахъ за „пристойными опредѣленіями“ кодификаторы обращаются не къ одному только своему, исторически накопившемуся матеріалу, что было бы вполнѣ достаточнымъ для составленія свода: они останавливаютъ свое вниманіе и на законодательствѣ чужеземномъ, воспринимая изъ него только то, что могло войти необходимымъ звеномъ въ наше органически развившееся право, и проявляютъ въ этой репепціи такую глубину юридическаго анализа, что вносятъ даже поправки въ право, ими рецепируемое. Вслѣдствіе такой вполнѣ творческой работы составляемый сборникъ заключаетъ въ себѣ не только критически очищенный законодательный матеріалъ, но и матеріалъ, сведенный къ единству основныхъ началъ. Такимъ основнымъ, послѣдовательно проведеннымъ началомъ является въ Улож. начало государственное. Интересы государства, или, выражаясь точнѣе, интересы государевы получаютъ преобладающее значеніе: изъ нихъ все истекаетъ, ими все опредѣляется. Не говоря уже о постановленіяхъ съ характеромъ политическимъ, которыя, благодаря, именно, этому началу, и вводятся въ изучаемый памятникъ, причемъ, выдвигаются на первое мѣсто (гл. 2—9), это государственное начало оказываетъ вліяніе и на опредѣленія чисто юридическія. Такъ, въ сферѣ права уголовнаго подъ его воздѣйствіемъ слагается взглядъ на преступленіе, какъ на дѣяніе, нарушающее государевъ приказъ, что ведетъ къ значительному расширенію области самыхъ преступленій. Далѣе, если преступленіе представляетъ собою дѣяніе, посягающее на государственное начало, то и преслѣдованіе его есть дѣло, не столько частнаго вчинанія, сколько самого правительства: отсюда развитіе сыска, какъ особой формы процесса, проникающаго даже и въ судъ по нѣкоторымъ дѣламъ исковымъ (гражданскимъ). Наконецъ, въ зависимости отъ указаннаго начала принимаетъ иной видъ и судоустройство: судъ переходитъ въ руки приказныхъ людей исклю-

чительно, участіе элементовъ земскихъ, имѣвшее мѣсто въ судѣ областномъ, устраняется.

Итакъ, изъ рукъ составителей Улож. вышелъ не сводъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, *а кодексъ*. Кодексъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ духу своего времени, понятіямъ и потребностямъ своего народа, и соотвѣтствовалъ, конечно, потому, что подводилъ итогъ всему предшествующему праворазвитію.

Памятникъ этотъ, скажемъ здѣсь кстати, является важнѣйшимъ сборникомъ законодательства Московскаго государства по тому историческому значенію, которое выпало на его долю, такъ какъ, воспринявъ въ себя много началъ древняго права, какъ удѣльно-вѣчеваго, такъ и московскаго періодовъ, онъ лежалъ краеугольнымъ камнемъ въ основѣ развитія русскаго законодательства вплоть до изданія при Имп. Николаѣ I въ 1832 году нынѣ дѣйствующаго Свода Законовъ Россійской Имперіи. Этотъ же послѣдній, въ свою очередь, воспринялъ много отдѣльныхъ постановленій Уложенія, которыя, такимъ образомъ, даже до настоящаго времени продолжаютъ регулировать наши юридическія отношенія.

Система уложенія. Уложеніе заключаетъ въ себѣ 967 ст., раздѣленныхъ на 25 главъ. Относительно основанія, положеннаго въ это дѣленіе и въ послѣдовательное расположеніе главъ, т. е. относительно системы Уложенія было высказано въ литературѣ нѣсколько предположеній, которыя съ появленіемъ труда проф. Владимірскаго-Буданова: „Отношеніе между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ“ должны считаться оставленными, такъ какъ онъ вполнѣ доказалъ, что система Уложенія есть ничто иное какъ система Статута, нарушенная въ серединѣ памятника вставочными главами, а въ самомъ концѣ—дополнительными.

Статутъ въ 3 редакціи, т. е. 1588 года, установилъ довольно правильную систему права слѣдующимъ образомъ: онъ говоритъ въ Раздѣлѣ I о правахъ верховной власти; въ Разд. II и III объ обязанностяхъ и правахъ сословій, преимущественно шляхетскаго; въ Разд. IV о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, какъ гражд. такъ и уголовномъ, что, впрочемъ, и не различалось въ литовско-рус. госуд.; въ Разд. V и VI о семейныхъ правахъ и опекѣ; въ Разд. VII о правахъ обязательственныхъ; въ Разд. VIII о наслѣдствѣ въ порядкѣ завѣщательномъ; въ Разд. IX—X о правахъ вотчинныхъ, наконецъ, въ Разд. XI—XIV о правѣ уголовномъ. „Съ перваго взгляда кажется, что съ этою системою система Улож.“, по словамъ Вл.-Буд., „сходна только въ самомъ

голомъ ея остовѣ, именно: и Улож. начинаетъ съ госуд. правъ, переходитъ къ судоустройству и судопроизводству, продолжаетъ вещными правами (не говоря особо о семейныхъ, обязательственныхъ и наслѣдственныхъ) и кончаетъ уголовнымъ правомъ, (если истиннымъ концемъ Уложен. считать XXII главу). Не то, однако, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Составители Улож. рѣшились вполнѣ слѣдовать системѣ Статута и выдержали ее довольно вѣрно до X главы включительно. Но затѣмъ приступивъ къ изложенію гражданскаго права, нашли совершенную невозможность идти за Статутомъ съ полною вѣрностью его системѣ, потому что гражданскіе институты представляютъ собою именно ту область права, въ которой наиболѣе отразились оригинальныя черты московскаго права: здѣсь нельзя было не только заимствовать откуда либо постановленія (особенно по вотчинному праву), но даже и расположить законъ по чужой системѣ. Затѣмъ перешагнувъ чрезъ это препятствіе, т. е. уложивъ по своеобразной системѣ 10 главъ съ XI до XX включительно, составители опять возвращаются къ системѣ Статута, именно: оканчиваютъ Уложеніе уголовными постановленіями. Послѣднія три главы, очевидно, дополнительныя".

Такимъ образомъ, руководствуясь системой Статута, составители Уложенія раздѣлили все его содержаніе на слѣдующіе 6 отдѣловъ: I отдѣлъ, состоящій изъ одной 1-й главы, посвященъ дѣяніямъ, направленнымъ противъ вѣры и церкви „О богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ": II отдѣлъ отъ 2-й до 9-й главы включительно содержитъ въ себѣ тогдашнее государственное право; въ III отдѣлѣ, отъ 10 до 15 главы, помѣщены законы о судоустройствѣ и судопроизводствѣ; въ отдѣлѣ IV, заключающемъ въ себѣ 5 главъ (отъ 16 до 20), изложено право вещное: V отдѣлъ изъ 2 главъ (21 и 22) посвященъ уголовнымъ законамъ; VI отдѣлъ состоитъ изъ трехъ добавочныхъ главъ (23—25).

Переходя отъ этого общаго обзора системы къ подробностямъ, необходимо замѣтить, что II отдѣлъ, содержащій право государственное, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣленъ на 2 группы постановленій; причемъ, первая группа, состоящая изъ 5 главъ, содержитъ въ себѣ постановленія, направленныя на огражденіе личности и чести государя; здѣсь прежде всего ограждается: жизнь и здоровье государя (гл. II „О государской чести и какъ его государское здоровье оберегать"); честь государева двора (гл. III „О государевѣ дворѣ, чтобы на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было"); далѣе, воспрещается поддѣлка государственныхъ актовъ (гл. IV „О подпищикѣхъ и ко-

торые печати поддѣлываютъ"; поддѣлка госуд. актовъ считалась преступленіемъ противъ особы государя, какъ злоупотребленіе его именемъ); запрещается поддѣлка монеты (Гл. V „О денежныхъ мастерѣхъ, которые учнутъ дѣлати воровскія деньги",—огражденіе государевой казны); наконецъ, преслѣдуется отъѣздъ заграницу безъ проѣзжихъ грамотъ (гл. VI „О проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства"; эту главу Строевъ считаетъ находящейся не на своемъ мѣстѣ въ виду того, будто она не имѣетъ никакой связи съ предшествующими главами, но глава эта также имѣетъ въ виду политическое преступленіе. Дѣло въ томъ, что со временъ Іоанна Грознаго на самовольный отъѣздъ заграницу правительство смотрѣло, какъ на государств. измѣну, что проглядываетъ и въ словахъ Улож.: „а иной кто начнетъ на него, т.-е. на уѣхавшаго безъ проѣзжей грамоты, извѣщати, что онъ ѣздилъ безъ проѣзжіе грамоты *самовольствомъ для измѣны...*", почему и было постановлено запасаться проѣзжими грамотами, чтобы отъѣздъ былъ правительству извѣстенъ, а не производился *„воровски"*). Во второй группѣ постановленій этого II отдѣла идутъ главы о повинностяхъ подданныхъ, причемъ, въ VII главѣ („О службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства") говорится о повинности воинской и въ связи съ ней въ главѣ VIII („О искупленіи плѣнныхъ"—о налогѣ на подданныхъ для выкупа плѣнныхъ), а въ главѣ IX („О мытахъ и о перевозѣхъ и о мостѣхъ")—о повинности дорожной.

III-й отдѣлъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ состоитъ изъ 6 главъ, причемъ, X глава „О судѣ", заключающая въ себѣ почти треть всего содержанія памятника, имѣетъ значеніе общаго устава по судоустройству и судопроизводству; остальныя касаются частностей, а именно: глава XI, озаглавленная „Судъ о крестьянѣхъ", трактуетъ о судѣ по искамъ между крестьянами и о бѣглыхъ крестьянахъ; въ XII главѣ („О судѣ патріаршихъ, приказныхъ и дворовыхъ всякихъ чиновъ людей и крестьянъ") говорится о подсудности патріаршихъ людей; XIII („О монастырскомъ приказѣ") посвящена вопросу объ учрежденіи послѣдняго; въ XIV („О крестномъ цѣлованіи") излагаются постановленія о присягѣ; XV („О вершенныхъ дѣлахъ") говоритъ о вершенныхъ дѣлахъ и третейскомъ судѣ.

Въ IV отдѣлѣ о вещномъ правѣ первое мѣсто отводится праву помѣстному (гл. XVI „О помѣстныхъ земляхъ"); затѣмъ слѣдуютъ постановленія о правѣ вотчинномъ (гл. XVII „О вотчинахъ"); вслѣдъ за этимъ идутъ опредѣленія „О печатныхъ пошлинахъ" (гл. XVIII), что стоитъ въ тѣсной связи, такъ какъ

печатныя пошлины взимались отъ разныхъ грамотъ, во главѣ которыхъ стояли грамоты на владѣніе помѣстьями и вотчинными землями, почему составителямъ казалось удобнѣе всего заговорить объ этихъ пошлинахъ непосредственно за главами о тѣхъ недвижимыхъ имуществахъ, за укрѣпленіе правъ на которыя взимались эти пошлины. XIX глава, озаглавленная: „О посадскихъ людѣхъ“, говоритъ, между прочимъ, о тяглыхъ земляхъ, а глава XX („Судъ о холопѣхъ“)—о правѣ на холоповъ.

Въ V отдѣлѣ 2 главы, причемъ XXI („О разбойныхъ и татиныхъ дѣлѣхъ“), какъ намъ уже извѣстно, взята изъ Уставной книги Разбойнаго Приказа, а XXII („Указъ за какія вины кому чинити смертная казнь, и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе“)—изъ Литовскаго Статута.

Послѣдній VI отдѣлъ заключаетъ въ себѣ постановленія: „О стрѣльцахъ“ (гл. XXIII), „Указъ о атаманѣхъ и казакѣхъ“ (гл. XXIV) и „Указъ о корчмахъ (XXV). Такой разнообразный составъ свидѣтельствуетъ самъ собою о значеніи этихъ главъ, какъ дополнительныхъ.

Въ заключеніе обзора системы Уложенія надо замѣтить, что нѣкоторыя изъ указанныхъ главъ содержатъ въ себѣ постановленія, относящіяся исключительно къ какому-либо одному отдѣлу права и часто очень спеціальному, каковы, напр., главы: I „О богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ“; V—„О денежныхъ и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ“; VIII—„О искупленіи плѣнныхъ“ и т. п.: тогда какъ другія посвящены всякому праву: гражданскому, уголовному, процессу и пр., какова, напр., X глава „О судѣ“. Отсюда ясно, что для того, чтобы познакомиться съ какимъ-нибудь видомъ права по Уложенію, недостаточно остановить вниманіе на главахъ, спеціально къ этому виду права относящихся, а необходимо пересмотрѣть все Уложеніе, такъ какъ во многихъ другихъ главахъ можно встрѣтить необходимыя постановленія. Такъ, для того, чтобы познакомиться съ уголовнымъ правомъ по Улож., недостаточно ограничиться изученіемъ XXI и XXII главъ, спеціально посвященныхъ этому праву, необходимо пересмотрѣть всѣ главы, такъ какъ въ каждой изъ нихъ можно встрѣтить относящіеся сюда вопросы (Сергѣевичъ).

Кромѣ указанныхъ сочиненій, см. *Строева.*—Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго Ц. и В. К. А. М. въ 1649 г. СПБ. 1833. *Есиповичъ.* — Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 г. (Ж. М. Юс., 1859, 7). *Тихтина.*—Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 г. и новоуказныхъ статей. Одес. 1898 г. *Шмелева.*—Объ источникахъ Уложенія 1649 г. Ж. М. Нар. пр., 1900, 10.

Новоуказанныя статьи.

Понятіе и количество новоуказныхъ статей; наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ. Изданіемъ Уложенія законодательство не могло остановиться въ своемъ развитіи въ виду того, что жизнь вносила измѣненія въ сложившіяся отношенія и выдвигала новыя, требовавшія законодательнаго опредѣленія. Дѣятельность законодателя направляется на разрѣшеніе всѣхъ выдвигаемыхъ жизнью вопросовъ путемъ изданія отдѣльныхъ узаконеній въ дополненіе, измѣненіе или отмѣну тѣхъ опредѣленій, которыя даны Уложеніемъ. Этихъ отдѣльныхъ узаконеній, получившихъ въ отличіе отъ дополнительныхъ указовъ къ Царскому Судебнику названіе *Новоуказныхъ Статей*, издается значительное количество. За 50-лѣтній почти періодъ времени отъ изданія Уложенія 1649 года до единодержавнаго царствованія Петра (1696) такихъ узаконеній въ видѣ царскихъ указовъ, боярскихъ приговоровъ, грамотъ, уставовъ и наказовъ насчитывается по Полному Собранію Законовъ до 1465.

Изъ этой массы Новоуказныхъ статей наиболѣе замѣчательными являются: въ царствованіе Алексѣя Михайловича Новоторговый Уставъ 1667 г. и Новоуказныя Статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 г.; при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ Новоуказныя Статьи о помѣстьяхъ 1676,—о помѣстьяхъ и вотчинахъ 1677 гг. и Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества 1682 г.; въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей— Писцовый Наказъ 1684 г. и дополненія къ нему 1685 и 1686 гг.

Остановимся на краткомъ обзорѣ внѣшней исторіи нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ новоуказныхъ статей.

Новоторговый Уставъ 1667 г. (Полн. Собр. Зак. № 408) былъ изданъ по челобитью Московскихъ гостей, гостинной, суконной и черныхъ сотенъ людей, въ которомъ они приносили Царю Алексѣю Михайловичу жалобу на стѣсненія торговли, причиняемыя, съ одной стороны, конкурренціей иностранныхъ купцовъ, а съ другой, государевыми заповѣдями и промыслами, т.-е. государственными регаліями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они просили допустить свободу торговли и точно опредѣлить условія производства и отношенія русскихъ торговцевъ къ иностраннымъ на основаніи уставныхъ статей, составленныхъ московскими купцами и представленныхъ при челобитьѣ на усмотрѣніе Государя. Эти уставныя статьи были приняты Царемъ и Боярской Думой и по утвержденіи изданы подъ названіемъ Новоторговаго Устава.

Новоторговый Уставъ состоитъ изъ 94 статей, къ которымъ въ концѣ прибавлены еще семь за особой нумераціей и съ особымъ заглавіемъ.

Уставъ опредѣляетъ правила для архангельскихъ, новгородскихъ и псковскихъ торговцевъ въ ихъ торговлѣ съ западно-европейскими купцами, для астраханскихъ торговцевъ по отношенію къ торговлѣ съ Персіей, устанавливаетъ порядокъ торговли съ побережьемъ Чернаго моря черезъ городъ Путивль, съ Литвой и Польшей чрезъ Смоленскъ, и излагаетъ правила торговли иностранцевъ въ Россіи. Сверхъ этого, Новоторговый Уставъ учреждаетъ особый для торговаго класса Приказъ, которому во избѣжаніи волокиты отъ разнообразія подсудности предписываетъ разсматривать всѣ судныя дѣла торговцевъ: „для многихъ волокитъ во всѣхъ приказѣхъ купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ, гдѣ Великій Государь укажетъ своему Государеву боярину; который бы приказъ былъ купецкимъ людемъ во всѣхъ порубежныхъ городѣхъ и въ иныхъ государствахъ о проѣздахъ обороною и во всѣхъ городѣхъ отъ воеводскихъ налогъ защитою и управою“ (88 ст.). „А кому купецкимъ людемъ лучится побити челомъ... о своихъ обидахъ на кого ни есть на всякихъ чиновъ людей, и чтобъ всѣмъ купецкимъ людемъ давати судъ и управа на тѣхъ людей въ томъ же въ одномъ приказѣ непремѣнно...“ (89). Такимъ приказомъ, какъ показываютъ архивныя данныя, была Купецкая Палата, которую при Петрѣ Великомъ смѣнила Бурмистерская Палата, переименованная затѣмъ въ Ратушу.

Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 года. (Пол. Собр. Зак. № 441) состоитъ изъ 128 ст., раздѣленныхъ на 4 отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ, говорится о подсудности татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлъ: второй отдѣлъ, озаглавленный: „Статьи о татьбѣхъ“, содержитъ опредѣленія наказаній за кражу и правила процесса по дѣламъ о кражѣ: въ третьемъ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Статьи о разбойныхъ дѣлахъ“ и въ четвертомъ, имѣющемъ заглавіе: „Статьи о убійственныхъ дѣлахъ“, излагаются правила суда по разбою и убійству, и опредѣляются наказанія за эти преступленія.

Открывается разсматриваемый памятникъ предисловіемъ, изъ котораго видно, что засѣданіе Боярской Думы 22 января 1669 года было посвящено пересмотру 21 и 22 главы Уложенія, результатомъ чего и было изданіе изучаемыхъ статей. Какія причины вызвали необходимость пересмотра указанныхъ главъ, неизвѣстно. Неизвѣстно также, кому было поручено заготовленіе проекта са-

мыхъ статей, а что такой проектъ долженъ былъ быть составленъ, необходимо предположить, съ одной стороны, въ виду значительнаго объема памятника, матеріалъ котораго не могъ быть уложенъ въ одно засѣданіе Думы, какъ указывается въ предисловіи, а съ другой, по большей сравнительно съ упомянутыми 21 и 22 главами систематичности изложенія Новоуказанныхъ статей. Впрочемъ, принимая во вниманіе приказную практику того времени, можно съ увѣренностью сказать, что разсматриваемыя статьи были составлены Разбойнымъ Приказомъ и внесены затѣмъ на докладъ въ Боярскую Думу, гдѣ по сличеніи ихъ съ 21 и 22 главами Уложенія и были утверждены Царемъ.

Новоуказныя статьи значительно измѣняютъ уголовное право Уложенія. Такъ, прежде всего измѣняется организація суда по татебнымъ, разбойнымъ и убійственнымъ дѣламъ: выборные губные старосты подчиняются особымъ *сыщикамъ*, назначаемымъ отъ правительства; губные цѣловальники замѣняются *дьячками*, также назначаемыми правительствомъ; тюремные сторожа, выбиравшіеся по Уложенію населеніемъ, замѣняются *стрѣльцами по наряду*, или наемными сторожами. Далѣе, строгость наказаній за татьбу, разбой и убійство смягчается сравнительно съ Уложеніемъ; характеръ повальнаго обыска измѣняется: онъ превращается въ показаніе свидѣтелей, очевидцевъ факта, и перестаетъ быть выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Наконецъ, новоуказныя статьи вновь устанавливаютъ древнюю дикую виру въ размѣрѣ 4 рублей за убитаго, поднятаго на землѣ волости. Вира эта продолжала существовать вплоть до Уложенія, которымъ она была отмѣнена, а здѣсь возстановлена опять.

Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества 1682 г. (Полн. Собр. Зак. № 905) носитъ названіе „соборнаго“ потому, что является приговоромъ земскаго собора, созваннаго царемъ еще въ 1681 году для совѣщанія о лучшемъ устройствѣ ратнаго дѣла. Разсуждая относительно этого вопроса, выборные пришли къ убѣжденію о необходимости уничтожить мѣстничество, какъ вредный не только для ратнаго дѣла, но и для государственной жизни обычай. Съ этою цѣлью они подали царю челобитную, въ которой они, между прочимъ, просили, „чтобы государь для лучшаго устроенія указалъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ впредь быти межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому государь укажетъ, и ни кому впредь ни съ кѣмъ разряды и мѣста не считаться, и разрядныя случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и во всякихъ дѣлахъ помѣшки не было“. Въ отвѣтъ на это чело-

битье царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ по благословенію патріарха и всего освященнаго собора и съ согласія Боярской Думы приказалъ сжечь разрядныя книги и тѣмъ положилъ конецъ всякимъ мѣстническимъ счетамъ. Вмѣсто уничтоженныхъ разрядныхъ книгъ Царь приказалъ имѣть въ Разрядѣ и у служилыхъ людей на домахъ для памяти полную родословную книгу; мѣстничаться же впредь запретилъ подъ страхомъ конфискаціи имущества и платы безчестья обиженному. Для большаго же утвержденія разсматриваемое соборное дѣяніе было подписано Царемъ, патріархомъ и прочими членами собора.

ОТДѢЛЪ III.

Періодъ Имѣраторскій.

Законодательные памятники XVIII вѣка.

Характеръ законодательства. Формы законодательныхъ актовъ. Новоуказными статьями заканчивается законодательная дѣятельность Московской Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ заканчивается и развитіе законодательства на строго національныхъ началахъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи послѣднее принимаетъ иной характеръ: съ царствованія Петра Великаго въ него, какъ извѣстно, проникаютъ начала, заимствованныя съ Запада и совершенно чуждыя русской жизни. И если это новое законодательство развивается тѣмъ же путемъ, какимъ шло развитіе законодательства московскаго, т. е. путемъ изданія отдѣльныхъ узаконеній: то узаконенія эти появляются теперь въ совершенно новыхъ, ранѣе неизвѣстныхъ формахъ, именно: въ видѣ регламентовъ учрежденій, уставовъ и сепаратныхъ законовъ, къ которымъ принадлежатъ именные указы, инструкціи, манифесты и др. Указанныхъ узаконеній появляется въ теченіе XVIII и первой четверти XIX вѣка громадное количество. Въ одномъ Первомъ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, гдѣ напечатаны далеко не всѣ указы, за періодъ времени отъ единодержавнаго царствованія Петра Великаго до восшествія на престолъ Импер. Николая I ихъ насчитывается, исключая трактаты съ иностранными государствами, не много болѣе 29000, при чемъ регламентовъ, учрежденій, жалованныхъ грамотъ и уставовъ включено въ это число лишь 900; все остальное количество приходится на

долю сепаратныхъ указовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ узаконеній XVIII вѣка.

Регламенты и учрежденія представляютъ собою учредительные акты отдѣльныхъ органовъ государственнаго управленія, опредѣляющіе ихъ организацію, предметы вѣдомства и дѣлопроизводство. Такихъ учредительныхъ актовъ подъ именемъ регламентовъ на царствованіе Петра Великаго приходится 10. Хронологически они слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) въ 1711 г. изданъ регламентъ *Кригсъ-Комиссаріату*, учреждающій указанное установленіе для завѣдыванія содержаніемъ полковъ; 2) въ 1719 г. издаются три регламента: *а) Штатсъ-Конторъ*, опредѣляющій правила составленія штатовъ государственныхъ расходовъ; *б) Коммерцъ-Коллегіи*, завѣдывавшей торговлей и отчасти торгово-промышленнымъ сословіемъ; *в) Камеръ-Коллегіи*, управлявшей государственными доходами; 3) въ 1720 г. изданъ Генеральный регламентъ Коллегіямъ, представляющій собою учредительный актъ коллежскаго управленія; 4) въ 1721 году издаются два регламента: *а) Главному Магистрату*, опредѣляющій организацію и предметы вѣдомства этого установленія и *б) Духовный*, являющійся учредительнымъ актомъ Святѣйшаго Синода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сборникомъ церковныхъ опредѣленій, къ которымъ принадлежатъ: уставъ о церковной проповѣди, постановленія церковно-административнаго и судебнаго характера и уставъ духовныхъ училищъ; 5) въ 1722 г. изданъ первый регламентъ *Адмиралтействъ-Коллегіи* и 6) въ 1723 году, наконецъ, два послѣдніе регламента: *а) второй для Адмиралтействъ-Коллегіи* и регламентъ *Мануфактуръ-Коллегіи*. Мотивы, вызвавшіе появленіе перечисленныхъ регламентовъ, равно какъ и содержаніе ихъ, будутъ изложены ниже въ связи съ исторіей петровскихъ коллегій.

Изъ узаконеній, относящихся къ разсматриваемому типу слѣдуетъ упомянуть объ „Учрежденіи для управленія губерній“ 1775 года и о „Жаловашыхъ грамотахъ дворянству и городамъ“ 1785 года, изданныхъ Имп. Екатериной II. О содержаніи этихъ важныхъ законодательныхъ актовъ, во многихъ своихъ частяхъ неутратившихъ значенія до нашихъ дней, будетъ сказано при изложеніи исторіи мѣстныхъ установленій и нашихъ сословій въ XVIII вѣкѣ.

Уставы. Изъ *уставовъ*, подъ именемъ которыхъ разумѣется совокупность правилъ касающихся управленія какою-либо отдѣльною частью администраціи, или опредѣляющихъ какую-либо отрасль матеріальнаго права, наиболѣе важными являются:

Воинскій уставъ (Полн. Собр. Зак. № 3006), въ составленіи котораго принимали дѣятельное участіе сподвижники Петра Великаго, генералы Вейде, Брюссъ и Боинъ, окончательная же редакція принадлежала самому Царю, былъ утвержденъ имъ 30 Марта 1716 года въ Данцигѣ и изданъ Сенатомъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Источниками этого замѣчательнаго памятника служили, какъ доказалъ это пр. Бобровскій въ своемъ изслѣдованіи: „Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ", главнымъ образомъ, Воинскіе артикулы Шведскаго Короля Густава-Адольфа въ редакціи Карла XI 1683 года. Кромѣ этихъ шведскихъ артикуловъ, въ пополненіе и развитіе ихъ опредѣленій составители заимствовали матеріалъ изъ разныхъ другихъ источниковъ, именно: изъ военно-уголовныхъ законовъ датскихъ, голландскихъ и саксонскихъ, изъ комментарій на бранденбургское военное право и на имперскій военный артикулъ Леопольда I, а также изъ французскихъ ордонансовъ и регламентовъ.

По содержанію своему Воинскій уставъ представляетъ не только учредительный актъ регулярнаго войска и сводъ военныхъ и военно-уголовныхъ постановленій, но и сборникъ уголовнаго законодательства, примѣненіе котораго было обязательнымъ въ гражданскихъ судахъ по отношенію ко всѣмъ русскимъ подданнымъ. Не смотря, однако, на такое значеніе уголовныхъ законовъ Воинскаго Устава, послѣдніе далеко не были согласованы съ уголовнымъ правомъ Уложенія и новоуказныхъ статей, оставленныхъ по прежнему въ дѣйствіи.

Въ виду разнообразнаго содержанія Воинскій Уставъ съ внѣшней стороны раздѣленъ на 4 отдѣла или части. Изъ нихъ только первая носитъ названіе „Воинскаго Устава" и содержитъ опредѣленія объ организаціи войска, разныхъ воинскихъ чиновъ, военнаго суда и военной службы. Вторая часть озаглавлена „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ". Здѣсь содержится военно-уголовное и обще-уголовное уложеніе. Третья часть подъ заглавіемъ: „Краткое изображеніе воинскихъ процессовъ и судебныхъ тяжбъ", представляетъ собою военно-судебный уставъ того времени. Послѣдняя четвертая часть, озаглавленная „О экзерциціи, о пріуготовленіи къ маршу, о званіяхъ и должностяхъ полковыхъ чиновъ", трактуетъ объ указанныхъ вопросахъ. Для исторіи уголовнаго права и процесса имѣютъ важное значеніе только вторая и третья части.

Морской уставъ (Полн. Собр. Зак. № 3485), изданный Петромъ въ 1720 году, составленъ, какъ видно изъ именнаго указа объ

его изданіи, на основаніи 5 иностранныхъ морскихъ регламентовъ съ дополнительными статьями, написанными самимъ государемъ. Если изданіемъ Воинскаго Устава была завершена организація сухопутнаго войска, то съ появленіемъ Морского Устава закончилось устройство флота. Но по содержанію Морской уставъ имѣетъ, подобно Воинскому Уставу, не только характеръ свода морскихъ и уголовно-морскихъ постановленій, трактующихъ объ организаціи морскихъ силъ, о флотской службѣ, и о преступленіяхъ и проступкахъ по этой службѣ, но и значеніе сборника общихъ уголовныхъ законовъ, дополняющихъ отчасти соотвѣтствующія опредѣленія Воинскаго артикула.

По внѣшнему своему виду Морской Уставъ раздѣленъ на 5 книгъ, изъ которыхъ въ первой заключаются постановленія о правахъ и обязанностяхъ высшихъ чиновъ во флотѣ; вторая говоритъ о командѣ офицеровъ, о флагахъ, вымпелахъ, фонаряхъ и салютахъ; въ третьей—излагаются права и обязанности капитана, его помощниковъ и экипажа; четвертая содержитъ постановленія уголовно-полицейскаго характера и правила о раздачѣ провіанта экипажу, о наградахъ служащимъ на кораблѣ и о раздѣлѣ добычи; пятая,—озаглавленная: „о штрафахъ", представляетъ сборникъ уголовныхъ опредѣленій.

Уставъ о векселяхъ 1729 г. (Полн. Собр. Зак. № 5410) имѣетъ важное значеніе для исторіи нашего вексельнаго права: это первый законъ, опредѣлявшій общія правила по обращенію векселей, вошедшихъ въ употребленіе съ конца XVII вѣка въ нѣкоторыхъ торговыхъ нашихъ городахъ, гдѣ водворялись иностранные купцы. Поводомъ къ изданію разсматриваемаго устава, какъ это видно изъ указа объ его изданіи, послужила несомнѣнная польза отъ векселей какъ для казны, такъ и для купечества. Пользу эту правительство видѣло: 1) въ освобожденіи отъ расходовъ по провозу денегъ; 2) въ устраненіи путевыхъ опасностей; 3) въ прибыляхъ, доставляемыхъ векселями торгующимъ; 4) въ полученіи денегъ самимъ правительствомъ въ чужихъ краяхъ чрезъ посредство векселей; 5) въ устраненіи вывоза изъ государства золота и серебра.

Уставъ о векселяхъ иностраннаго, германскаго происхожденія, на что указываетъ уже двойной текстъ закона: русскій и нѣмецкій. Кѣмъ онъ составленъ неизвѣстно. Въ литературѣ были высказаны два предположенія, по одному изъ которыхъ уставъ этотъ составленъ знаменитымъ Остерманомъ, по другому же однимъ изъ Лейпцигскихъ профессоровъ. Послѣднее предположеніе не представляетъ ничего невѣроятнаго, особенно, если при-

нять во вниманіе ту извѣстность, какою пользовался лейпцигскій вексельный уставъ 1682 года.

По содержанію своему Уставъ о векселяхъ распадается на три главы: первая глава говоритъ „о настоящихъ Купеческихъ векселяхъ“; вторая—„о векселяхъ на казенныя деньги“, а третья содержитъ формы векселей съ толкованіемъ.

Изъ ряда другихъ уставовъ XVIII вѣка укажемъ, какъ на болѣе замѣчательные: 1) на уставъ купеческаго водоходста 1781 г.: 2) на уставъ благочинія, или полицейскій 1782 г.; 3) на уставъ народныхъ училищъ и 4) Ассигнаціоннаго Банка 1786 г.; 5) на уставъ о цензурѣ 1797 г. и 6) о банкротахъ 1800 г.

Сепаратныя узаконенія, къ числу которыхъ, какъ было уже сказано, относятся: именные указы, инструкціи, наказы, манифесты и др. представляютъ собою рядъ опредѣленій самаго разнообразнаго содержанія. Вопросы государственнаго, гражданскаго уголовнаго, процессуальнаго, финансоваго права и др. разрѣшались, по большей части, въ формѣ этихъ сепаратныхъ узаконеній. Этимъ и объясняется то громадное количество ихъ, о которомъ было упомянуто выше.

Укажемъ наиболѣе выдающіяся изъ этихъ узаконеній, не останавливаясь на ихъ содержаніи, съ которымъ намъ придется познакомиться въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ внутренней исторіи.

Въ царствованіе Петра Великаго были изданы: 1) въ 1708 г. указъ „объ учрежденіи губерній и о расписаніи къ нимъ городовъ; 2) въ 1714 г. важный для гражданскаго права „указъ о единонаслѣдіи“; 3) въ 1722 г. знаменитая „табель о рангахъ“ и двѣ инструкціи: одна генералъ-прокурору Сената а другая—оберъ-прокурору Синода; 4) въ 1723 году „Указъ о формѣ суда“; 4) въ 1724 г. „Плакатъ“, вводившій впервые паспортную систему. При Импер. Екатеринѣ I изданы: 1) въ 1726 году Указъ объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и объ ограниченіи правъ Сената; 2) въ 1727 г. „Тестаментъ“, опредѣлявшій порядокъ престолонаслѣдія. При Импер. Елизаветѣ—въ 1741 года Указъ о возстановленіи власти Сената. Въ царствованіе Петра III издается въ 1762 г. извѣстный манифестъ „о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству“ и Указъ объ „уничтоженіи Тайной Розыскной Канцеляріи“. При Имп. Екатеринѣ II изданы: 1) въ 1765 году указъ о генеральномъ размежеваніи земель; 2) въ 1775 г. манифестъ объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи; 3) въ 1781 г. указъ „о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ“. Наконецъ, въ царствованіе Александра I: 1) въ 1801 году

указъ объ уничтоженіи пытокъ; 2) въ 1803 году указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

Многочисленныя сепаратныя узаконенія измѣнили во многомъ содержаніе Соборнаго Уложенія Царя Алексѣя Михайловича и новоуказныхъ статей, считавшихся, тѣмъ не менѣе, дѣйствующими; сами же не только не были согласованы между собой, но нерѣдко противорѣчили другъ другу. И если состояніе законодательства еще въ царствованіе Петра вызывало необходимость кодификаціи, то эта необходимость становилась въ теченіе XVIII в. все настоятельнѣе. Къ обзору кодификаціонныхъ попытокъ правительства за періодъ времени отъ Петра Великаго до Имп. Николая I мы и переходимъ.

Кодификаціонныя коммиссіи XVIII и первой четверти XIX вѣка.

Кодификація при Петрѣ Великомъ. Накопленіе законодательнаго матеріала послѣ Уложенія 1649 г. въ видѣ новоуказныхъ статей, регламентовъ, уставовъ и многочисленныхъ сепаратныхъ узаконеній вызывало необходимость кодификаціи, ясно сознанную Петромъ Великимъ, который въ 1700 г. учреждаетъ „*Уложенную Палату*“, или „*Палату о Уложеніи*“ предписывая ей „снести“ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича со всѣми послѣдовавшими за нимъ узаконеніями.

Уложенная Палата, состоявшая изъ 71 члена исключительно служилаго класса: бояръ окольничихъ, стольниковъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ, и работавшая надъ составленіемъ „*Новоуложенной книги*“ до 1703, въ этотъ трехлѣтній промежутокъ времени, хотя и выполнила порученное ей дѣло, однако труды ея пропали даромъ, такъ какъ Новоуложенная книга по неизвѣстнымъ причинамъ не была санкціонирована Петромъ. Первая неудача не остановила Петра отъ попытки осуществить задуманное дѣло и въ 1714 году Именнымъ Указомъ Сенату онъ снова предписалъ составить *Сводное Уложеніе*. Учрежденная для этого коммиссія изъ дьяковъ и подъячихъ отъ каждаго приказа въ теченіе четырехъ лѣтъ успѣла составить только десять главъ Своднаго Уложенія, неимѣвшаго никакихъ послѣдствій. Въ 1718 году Петръ рѣшился оставить прежній путь составленія Своднаго Улож. и въ своей резолюціи на докладъ Юстицъ-Коллегіи повелѣлъ приступить къ переводу на русскій языкъ „шведскаго устава“, т. е. говоря иначе, *сочинить новое Уложеніе на основаніи*

иностранныхъ образцовъ. Для этой цѣли въ 1720 году составлена коммиссія изъ русскихъ и иностранцевъ. Коммиссія эта дѣйствовала безуспѣшно во все царствованіе Петра и, переживъ его, просуществовала номинально до смерти Екатерины I, ничего не сдѣлавъ и въ это царствованіе, хотя составъ ея былъ дополненъ новыми членами: „изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата—по двѣ персоны".

Кодификація послѣ Петра Великаго до Императрицы Екатерины II. Если Петръ Великій поручалъ дѣло кодификаціи исключительно лицамъ служилаго класса и приказнымъ, то во всѣ послѣдующія коммиссіи до Им. Павла входили народные представители.

Такъ, при Петрѣ II учреждается *четвертая коммиссія*, которая оффиціально называется „*коммиссіей 1728*". Въ составъ этой коммиссіи, кромѣ приказныхъ, входятъ депутаты отъ дворянства по пяти отъ каждой губерніи.

Такъ какъ правительство, въ лицѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, возвращается къ мысли *о составленіи своднаго Уложенія* на основаніи національнаго, исторически сложившагося законодательнаго матеріала, то коммиссія должна была заняться этимъ дѣломъ. Однако, вслѣдствіе замедлившейся присылки депутатовъ, коммиссія не успѣла даже приступить къ работамъ, какъ смерть Петра II прекратила ея существованіе.

Императрица Анна Іоанновна отступаетъ отъ задачъ кодификаціи прошлаго царствованія и возвращается къ мысли *сочинить Уложеніе* на основаніи русскихъ и иностранныхъ источниковъ, предписывая указомъ Сенату отъ 1 іюня 1730 года „опредѣлить къ тому дѣлу добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, выбравъ изъ шляхетства, духовныхъ и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ". Эта новая, по счету *пятая коммиссія*, извѣстная подъ именемъ „*Уложенной Коммиссіи*", дѣйствовала съ перемѣннымъ составомъ во все время царствованія Императрицы и за одиннадцатилѣтній періодъ своего существованія составила только двѣ главы Уложенія: о судѣ и о вотчинахъ, вслѣдствіе кончины Им. Анны не получившихъ законодательной санкціи. Въ 1741 году, со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, коммиссія прервала свои занятія, хотя и существовала номинально до 1744 года, когда прекращаются о ней всякія извѣстія.

Въ 1754 году учреждается новая коммиссія, которой поручается „сочинить законы ясные, всѣмъ понятные и настоящему времени приличные".

Эта *шестая коммиссія*, извѣстная подъ именемъ *„Коммиссіи сочиненія Новаго уложенія“* состояла изъ восьми лицъ и имѣла значеніе общей коммиссіи. Кромѣ этой общей коммиссіи, были учреждены губернскія при каждой губернской канцеляріи и 35 частныхъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ. На общую коммиссію было возложено составленіе Уложенія по дѣламъ: 1) судныхъ; 2) о правахъ состоянія; 3) вотчинныхъ, и 4) уголовныхъ (криминальныхъ); частныя же должны были составить проекты по отдѣльнымъ отраслямъ управленія. Черезъ годъ общая коммиссія составила двѣ части Уложенія: судную и криминальную, но утвержденія ихъ не послѣдовало и проекты были возвращены въ коммиссію для пересмотра.

Послѣ этого дѣятельность коммиссіи ослабѣваетъ до 1761 г., когда по ея ходатайству, составъ ея преобразуется: созываются депутаты отъ духовенства, дворянства и купечества—по два дворянина и одному купцу отъ каждой провинціи, и образуется, слѣдовательно, новая, по счету *седьмая, коммиссія*, которой предписывается пересмотрѣть и исправить проекты, сочиненные предшествующею коммиссіей.

Депутаты присутствовали въ коммиссіи до 1763 года, когда были распущены по домамъ, а сама коммиссія продолжала существовать до 1767 года, и отъ дѣятельности ея остались три части Уложенія: 1) „о судѣ“; 2) „о розыскныхъ дѣлахъ“; и 3) „о состояніяхъ подданныхъ вообще“. Ни одна изъ этихъ частей не получила санкціи.

Кодификаціонныя работы при Им. Екатеринѣ II. Въ 1767 г. открыла дѣйствія *восьмая коммиссія*, отличающаяся отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ, какъ своимъ составомъ, такъ и организаціей законодательныхъ работъ.

14 декабря 1766 г. Императрица издала манифестъ, которымъ учреждалась законодательная коммиссія, получившая названіе *„коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія“*, и созывались представители отъ сословій и отъ государственныхъ установленій.

Одновременно съ манифестомъ былъ изданъ „обрядъ выборовъ“, т. е. положеніе о производствѣ выборовъ. По обряду въ коммиссію созывались представители: 1) дворянъ по одному отъ каждаго уѣзда, 2) горожанъ—по одному отъ каждаго города, 3) свободныхъ крестьянъ—по одному отъ каждой провинціи. Отъ духовенства и крѣпостныхъ крестьянъ представителей не было. Кромѣ сословныхъ представителей, въ коммиссію входили депутаты отъ Сената, Синода, Коллегій и Канцелярій, по одному отъ

каждаго установленія. Всѣхъ депутатовъ явилось въ коммиссію 564; въ томъ числѣ правительственныхъ депутатовъ было 28, дворянскихъ—161, городскихъ—208, отъ крестьянъ и казаковъ 138, отъ иновѣрцевъ—34.

Цѣль созыва депутатовъ, по выраженію манифеста, состояла не только въ томъ, „чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они быть имѣютъ въ коммиссію, которой дадимъ Наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проекта новаго Уложенія къ поднесенію намъ на конфирмацію“.

Депутаты должны были явиться съ наказами отъ избирателей, въ которыхъ послѣднимъ предлагалось высказать свои нужды и пожеланія. Количество привезенныхъ наказовъ значительно превышало число депутатовъ. Такъ, дворянскихъ наказовъ насчитывается до 165, городскихъ—210, отъ остальныхъ сословій—1066. Эти депутатскіе наказы имѣютъ важное значеніе для исторіи, служа источниками познанія внутренняго быта Россіи половины XVIII ст.

На производство выборовъ дано было полгода и депутаты должны были явиться въ Москву въ половинѣ іюля. 30 іюля состоялось торжественное открытіе коммиссіи генералъ-прокуроромъ кн. Вяземскимъ, въ присутствіи Императрицы, которая вручила ему три важныхъ акта:

1) „Наказъ“, извѣстный подъ именемъ „Большого Наказа“ въ отличіе отъ наказовъ депутатскихъ; 2) обрядъ управленія Коммиссіей, и 3) „генералъ-прокурорскій наказъ при Коммиссіи, по которому и маршалу (депутатскому предводителю) поступать“.

1) *Большой Наказъ* принадлежитъ перу самой Императрицы. Объ этомъ мы узнаемъ изъ автобіографической записки Екатерины. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что, усмотрѣвъ изъ прошеній, подаваемыхъ на ея имя, желаніе всѣхъ о приведеніи законодательства въ лучшій порядокъ, Императрица вывела заключеніе, „что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ не можетъ получить поправленія инако, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ Имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать Наказъ коммиссіи уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова; но слѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія Имперіи и чтобы довести до высшей степени благополучія всякаго рода

живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно"...

Большой Наказъ представляетъ собою трактатъ, въ которомъ были собраны Императрицей главнѣйшія теоретическія положенія права и политики, выясненныя выдающимися философами XVIII вѣка. Особенное вліяніе на мысли, высказанныя въ Наказѣ, оказали Монтескье и Беккаріа, какъ признается сама Екатерина въ письмахъ къ д'Аламберу и Фридриху Великому.

Первому она пишетъ: „собираюсь послать Вамъ на разсмотрѣніе подготовляемые мною въ особой тетради матеріалы для составленія Наказа... Вы изъ нея увидите, какъ тамъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати милліоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы обидѣться тѣмъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ".

Въ письмѣ Фридриху, при которомъ Екатерина посылала ему Наказъ, она, между прочимъ, говоритъ: „во всей части моего — только распредѣленіе предметовъ по статьямъ и въ разныхъ мѣстахъ то строчка, то слово; если бы собрали все, прибавленное туда мною, я не думаю, что вышло бы свыше двухъ, трехъ листовъ. Большая часть извлечена изъ: „Духа законовъ" президента Монтескье, и изъ сочиненія: „О преступленіяхъ и наказаніяхъ" маркиза Беккаріа.

Наказъ начинается молитвою: „Господи Боже мой, вонми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людямъ твоимъ по закону святому твоему судити вправду". Состоитъ онъ, вмѣстѣ съ двумя дополненіями, изданными во время работъ коммиссіи, изъ вступленія, заключенія, названнаго окончаніемъ и 22 главъ, заключающихъ 655 ст.; изъ нихъ 20 главъ въ 526 ст. составляютъ собственно Наказъ, остальное—дополненія. По содержанію Наказъ можно раздѣлить на пять отдѣловъ изъ которыхъ: въ 1 содержится государственное право, во 2—гражданское, въ 3—уголовное, въ 4—судопроизводство и въ 5—статьи, не подходящіе по содержанію ни къ одному изъ предшествующихъ отдѣловъ.

Наказъ былъ написанъ по французски, за исключеніемъ незначительной части, написанной по русски. Первое печатное изданіе его вышло 30 іюля 1767 г. Затѣмъ въ XVIII и XIX в. появилось еще 10 оффиціальныхъ изданій. Изъ неоффиціальныхъ укажемъ на изд. Пантелѣева 1893 года. Наказъ былъ переведенъ

и изданъ на разныхъ языкахъ. Всѣхъ переводовъ можно насчитать до 13.

Цѣль Наказа быть инструкціей при составленіи новаго Уложенія. На ряду съ Наказомъ депутаты должны были руководствоваться въ своихъ работахъ всѣмъ предшествующимъ законодательствомъ и нуждами подданныхъ, заявленными въ депутатскихъ наказахъ.

2) „*Обрядъ управленія коммиссіей*“ представляетъ собою сборникъ правилъ, устанавливающихъ распорядокъ и дѣлопроизводство въ коммиссіи. Имъ учреждались: большая или общая коммиссія и три частныхъ: дирекціонная, экспедиціонная и для разбора депутатскихъ наказовъ. *Дирекціонная* коммиссія, которой дано было право открывать по мѣрѣ надобности новыя частныя коммиссіи для подготовленія проектовъ по разнымъ отраслямъ права, должна была направлять ихъ дѣятельность и наблюдать за нею. Дирекціонной коммиссіей постепенно было открыто 16 частныхъ коммиссій по пяти депутатовъ въ каждой.

Экспедиціонная коммиссія должна была слѣдить, чтобы труды коммиссій излагались „по правиламъ языка и слога“, т. е. на нее была возложена обязанность редактированія законопроектовъ.

Коммиссія для разбора депутатскихъ наказовъ обязана была разбирать послѣдніе и составлять изъ нихъ своды и выписки.

Общее управленіе всей коммиссіей и предсѣдательство на засѣданіяхъ большой коммиссіи „Обрядъ“ возлагаетъ на маршала, которому долженъ былъ помогать генералъ-прокуроръ, имѣвшій большое вліяніе на дѣла коммиссіи. Въ концѣ „Обряда“ помѣщена инструкція маршалу о предсѣдательствованіи, возбужденіи вопросовъ, порядкѣ преній, о голосованіи и т. п.

3) *Генералъ-прокурорскій наказъ* былъ инструкціей генералъ-прокурору объ обязанностяхъ его во время составленія Уложенія. Основною обязанностью генералъ-прокурора, по Наказу, было наблюденіе, „чтобы противнаго разуму, въ пунктахъ наставленія содержащемуся, коммиссіей ничего сочинено не было, и чтобъ разумъ и слова наставленія не были обращены во вредъ отечеству“. Самое же наставленіе, т. е. наказъ, представляетъ собою изложеніе о правахъ „въ научномъ отношеніи“. Здѣсь даются понятія о правѣ: божественномъ, церковномъ, естественномъ, народномъ, государственномъ, гражданскомъ, домашнемъ, или семейномъ.

Работы коммиссіи. Первые 7 засѣданій большой коммиссіи были посвящены избранію маршала, которымъ былъ избранъ А. И. Бибиковъ, чтенію Наказа Им. Екатерины и обсужденію

вопроса о поднесеніи Императрицѣ титула „премудрой, великой и матери отечества“, на что Екатерина не безъ ироніи замѣтила: „я велѣла имъ сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“.

Занятія коммиссіи начались съ 8 засѣданія чтеніемъ депутатскихъ наказовъ, на что ушло 15 засѣданій, въ которыя прочтено 12 наказовъ. Послѣ этого приступили къ чтенію законовъ о правахъ благородныхъ въ 10-ти засѣданіяхъ, а затѣмъ 36 засѣданій были посвящены чтенію законовъ о купечествѣ и 11—о лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегіяхъ. Этимъ закончились занятія коммиссіи въ Москвѣ; она была переведена въ Петербургъ, гдѣ занялась чтеніемъ законовъ о юстиціи, а затѣмъ обсужденію перваго проекта о правахъ благородныхъ, изготовленнаго частною коммиссіей, куда былъ переданъ вопросъ еще въ Москвѣ послѣ прочтенія законовъ о правахъ благородныхъ. Обсужденіе этого проекта не привело ни къ чему и послѣдній былъ снова переданъ въ частную коммиссію о родахъ государственной жителей, а большая коммиссія приступила къ чтенію законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Такъ за безплоднымъ чтеніемъ депутатскихъ наказовъ и разныхъ законовъ безъ постановки вопросовъ, безъ голосованія прошло полтора года, когда засѣданія большой коммиссіи, въ день изданія манифеста о войнѣ съ Турціей, 18 декабря 1768 г. были отсрочены, но вновь коммиссія никогда не созывалась, хотя считалась существующею еще въ 80 годахъ.

Остались частныя коммиссіи, которыя работали надъ разборомъ депутатскихъ наказовъ, чтеніемъ законовъ и выписками изъ нихъ, надъ составленіемъ плановъ проектовъ и самыхъ проектовъ до 1774 года, когда они были „отсрочены“, но въ сущности закрыты навсегда.

Итакъ грандіозная попытка Императрицы окончилась неудачей: проектъ новаго Уложенія составленъ не былъ и дѣло кодификаціи, какъ и во всѣ предшествующія коммиссіи, не подвинулось впередъ. Причины этихъ неудачъ, общія всѣмъ коммиссіямъ, кроются: 1) въ стремленіи *сочинить* Уложеніе, тогда какъ прежде всего нужно было тщательно привести въ порядокъ существовавшіе законы; 2) въ неподготовленности лицъ, участвовавшихъ въ коммиссіяхъ къ трудному и сложному дѣлу кодификаціи. Что же касается неудачи екатерининской коммиссіи, то кромѣ указанныхъ общихъ причинъ, повліяли на ходъ законодательныхъ работъ причины особенныя, къ которымъ нужно отнести необычайно трудную задачу, возложенную на коммиссію: согласовать философскія принципы Большаго Наказа съ раздробленнымъ,

разноприпцинным и противорѣчивым законодательным матеріалом предшествующаго времени, съ одной стороны, и съ нуждами, желаніями и стремленіями народа, выраженными въ депутатскихъ наказахъ, съ другой. Къ этому надо присоединить неумѣлое веденіе дѣла маршаломъ, погубившее всѣ работы большой коммиссіи.

Если послѣдняя не привела къ рѣшенію поставленной ей задачи, то тѣмъ не менѣе не осталась безъ вліянія на послѣдующее законодательство екатерининскаго времени. „Коммиссія Уложенія“ замѣчаетъ Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ, „подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣніе по всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣетъ и о комъ пещись должно. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ“.

Кодификація при Им. Павлѣ и Им. Александрѣ. Съ воцареніемъ Имп. Павла I кодификаціонныя работы были предприняты снова и указомъ 1796 г. была учреждена *9 коммиссія*, извѣстная подъ названіемъ: „*коммиссіи для составленія законовъ*“, которой предписывалось собрать существующія узаконенія и извлечь изъ нихъ три книги законовъ: уголовныхъ, гражданскихъ и дѣлъ казенныхъ. Такимъ образомъ, правительство снова возвращается къ мысли о составленіи *Своднаго уложенія*. Въ теченіе пяти лѣтъ коммиссія составила только часть уголовнаго сборника и нѣсколько главъ о судопроизводствѣ и о вотчинахъ, какъ смерть Имп. Павла прекратила ея существованіе.

Наконецъ Императоръ Александръ I учредилъ въ 1804 году 10 коммиссію, которая просуществовала до 1826 года и за этотъ 22-лѣтній періодъ прошла три стадіи. Съ 1804 по 1808 г. коммиссія работала вновь надъ *сочиненіемъ новаго Уложенія*, руководствуясь „общими теоретическими основаніями права“, но работы ея не имѣли никакихъ результатовъ. Съ 1808 по 1812 годъ въ составъ коммиссіи входитъ Сперанскій, тотъ самый Сперанскій, который въ послѣдующее царствованіе пришелъ, наконецъ, къ блестящему разрѣшенію вѣковой задачи. Въ это время Сперанскій, полагая возможнымъ достигнуть результатовъ въ порученномъ ему дѣлѣ путемъ заимствованія готоваго матеріала изъ иностранныхъ образцовъ, не справляясь совершенно съ исторически даннымъ матеріаломъ, взялъ за такой образецъ Code Napoleon и составилъ на основаніи его къ началу 1810 года первую часть проекта гражданскаго уложенія, а къ концу года вторую; обѣ части, послѣ разсмотрѣнія ихъ въ Государст. Совѣтѣ, были напечатаны для новаго пересмотра въ исправленномъ видѣ, но въ мартѣ 1812 года послѣдовало, какъ извѣстно, паденіе Спе-

ранскаго и вмѣстѣ съ нимъ раздѣлила его участь попытка, упразднивъ свое гражданско право, замѣнить его чужимъ.

Съ удаленіемъ Сперанскаго насталъ третій періодъ для коммиссіи 1804 г. Въ 1813 г. ею былъ составленъ проектъ уголовнаго, а въ 1814—торговаго уложеній, но эти уложенія утверждены не были. Государственный Совѣтъ въ 1815 г. постановилъ составить систематическій сводъ дѣйствующихъ законовъ. Коммиссія занялась этимъ дѣломъ и къ 1821 г. составила сводъ указовъ къ двумъ частямъ гражданскаго уложенія, къ части уголовнаго, и первую часть устава гражданскаго судопроизводства.

Съ половины 1821 г. Сперанскій, возвращенный изъ ссылки, снова становится во главѣ коммиссіи. Онъ считалъ необходимымъ представить всѣ выработанные проекты Государств. Совѣту, въ которомъ и началось ихъ разсмотрѣніе снова съ проекта гражданскаго уложенія. Не смотря на занятія этимъ дѣломъ въ Государств. Совѣтѣ въ теченіе цѣлаго года, проектъ не былъ принятъ послѣднимъ. Въ 1823 году Госуд. Совѣтъ разсматривалъ проектъ торговаго уложенія и, признавъ его неудачнымъ, передалъ въ коммиссію для исправленія и дополненія. Въ 1824 г. Совѣтъ занялся разсмотрѣніемъ уголовнаго уложенія; въ пять мѣсяцевъ разсмотрѣлъ первыя пять главъ, неполучившихъ утвержденія. На этомъ кодификаціонныя работы при Им. Александрѣ и окончились.

Полѣновъ.—Матеріалы для ист. рус. законод. Вып. I. Палата объ Уложеніи СПБ. 1865 г.—*Его-же.* Историческія свѣдѣнія о Екатер. ком. 1869—1875, 3 т. *Пахманъ.*—Исторія кодиф. гражд. пр. 2 т. СПБ. 1876 г. *Сергѣевичъ.*—Откуда неудачи Екатер. ком. Вѣс. Евр., 1878, № 1. *Дитятинъ.*—Екатерин. ком. 1767 г. Юр. Вѣс. 1879 г. т. I. *Латкинъ.*—Законод. коммиссіи въ XVIII в. СПБ. 1887 г. *Липинскій.*—Новыя данныя для истор. Екатер. коммиссіи. Ж. М. Нр. Пр. 1887 г.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи.

Причины изданія Свода. О причинахъ, вызвавшихъ кодификацію нашего законодательства при Им. Николаѣ I, результатомъ которой было изданіе нынѣ дѣйствующаго Свода Законовъ Россійской Имперіи, мы узнаемъ изъ рѣчи самого Императора, произнесенной имъ предъ Государственнымъ Совѣтомъ въ то достопамятное засѣданіе 19 января 1833 года, когда Совѣту были предложены на обсужденіе Полное Собраніе и Сводъ Законовъ.

„При самомъ вступленіи на престолъ", говорилъ Государь, „я счелъ долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія. Главнымъ, занявшимъ меня дѣломъ, было, естественно, правосудіе. Я еще смолоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ, или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ". Для устраненія этихъ недостатковъ и были предприняты кодификаціонныя работы.

Видя безуспѣшность изложенныхъ выше кодификаціонныхъ попытокъ своихъ предшественниковъ, Императоръ Николай, счелъ необходимымъ разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась александровская коммиссія для составленія законовъ. „Къ сожалѣнію", говорилъ Государь „представленныя свѣдѣнія удостовѣрили меня, что труды ея оставались почти совершенно безплодными. Не трудно было открыть и причину этому: недостатокъ результатовъ происходилъ, главнѣйше, отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня начать, прежде всего, *съ опредѣленія цѣли*, въ которой правительство должно направлять свои дѣйствія по части законодательства, и изъ предложенныхъ мнѣ путей я выбралъ совершенно противоположный первымъ. *Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ*, а самое дѣло, по его важности, взялъ въ непосредственное мое руководство, закрывъ прежнюю коммиссію".

Ходъ кодификаціонныхъ работъ. 1) *Указъ 31 января 1826 г.* Поставивъ указанныя выше цѣли и желая привести къ окончанію важнѣйшее въ государственной жизни дѣло, Императоръ Николай Именнымъ Указомъ Правительствующему Сенату отъ 31 января 1826 г. повелѣваетъ преобразовать бывшую коммиссію во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и принимаетъ дѣло кодификаціи законовъ въ свое непосредственное вѣдѣніе. Незадолго до этого указа, онъ поручаетъ Сперанскому изложить мысли о способахъ улучшенія нашего законодательства. Сперанскій выполнилъ возложенное на него порученіе и въ началѣ января 1826 г. представилъ двѣ записки, именно: краткое историческое обозрѣніе коммиссіи составленія законовъ и собственныя предположенія къ окончательному ихъ составленію. Въ этой послѣдней онъ предлагалъ составить: 1) Своды законовъ и 2) Уложенія, подъ которыми разумѣлъ

„систематическое изложеніе законовъ по ихъ предметамъ, устроенное такъ, чтобы а) законы общіе предшествовали частнымъ и предыдущіе всегда приготовляли бы смыслъ и разумѣніе послѣдующихъ и б) чтобы всѣ законы, по Своду недостающіе, дополнены были въ Уложеніи и обнимали бы сколь можно болѣе случаевъ". Императоръ, не отстраняя мысли о составленіи Уложенія, считалъ необходимымъ прежде всего остановиться на Сводѣ законовъ, предписавъ Второму Отдѣленію приступить къ составленію: 1) *Полнаго Собранія всѣхъ законовъ* и 2) *Свода законовъ существующихъ, съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякаго измѣненія въ ихъ существѣ.*

Во главѣ этого Второго Отдѣленія оффиціально былъ поставленъ съ званіемъ его начальника старшій членъ совѣта упраздненной коммиссіи составленія законовъ, профессоръ Балугьянскій, но въ дѣйствительности управленіе всѣмъ дѣломъ и всѣ доклады по этой части у Государя были возложены на гр. Сперанскаго, не получившаго никакого оффиціальнаго титула, такъ что имя главнаго двигателя всего предпріятія никогда и нигдѣ не появлялось въ бумагахъ.

2) *Составленіе Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи.* Сперанскій энергично принялся за осуществленіе той кодификаціонной программы, которую онъ начерталъ въ своемъ проектѣ. Первой стадіей работъ по этой программѣ являлось составленіе Полнаго Собранія Законовъ.

а) *Цѣль составленія Полнаго Собранія.* Составить такое Собраніе было необходимо въ виду того, что „усовершать законы", какъ говорится въ Предисловіи къ этому Собранію, „дополнительнымъ ихъ начертаніемъ (т.-е. составлять Уложенія) невозможно безъ точныхъ и достовѣрныхъ ихъ Сводовъ, а Сводовъ нельзя составлять безъ *полнаго* и исправнаго ихъ текста, почему Полное Собраніе и есть первый, основной камень во всемъ составѣ усовершенія законовъ". Но помимо этой главной цѣли— „усовершенія законовъ" и, ближайшимъ образомъ, составленія Свода, Собраніе законовъ даже и при Сводѣ было необходимо на основаніи слѣдующихъ соображеній, высказанныхъ Сперанскимъ въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ". Такое Собраніе было необходимо: 1) „во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, начало которыхъ относится къ происшествіямъ, давно уже протекшимъ, которыя, посему должны быть разрѣшаемы не по законамъ настоящимъ, въ Сводѣ изложеннымъ, но по законамъ, дѣйствовавшимъ во время этихъ происшествій; 2) для разрѣшенія сомнѣній, которыя могли бы представиться въ истинномъ смыслѣ

какой нибудь статьи Свода. Разумъ закона изображается въ причинахъ, на которыхъ онъ основанъ. Но причины эти не могли быть означаемы въ статьяхъ Свода; ихъ должно искать въ самыхъ источникахъ, въ самыхъ текстахъ, изъ которыхъ статьи составлены; 3) во всѣхъ тѣхъ законодательныхъ соображеніяхъ, гдѣ настоитъ вопросъ о поясненіи и дополненіи закона и гдѣ необходимо должно прежде всего пройти весь рядъ прежнихъ узаконеній, отличить тѣ изъ нихъ, которыя впослѣдствіи измѣнились, и потомъ сообразить силу ихъ въ совокупности, чтобы составить начертаніе закона *не на одномъ умозрѣніи основанное, но утвержденное на общемъ разумѣ отечественнаго законодательства*".

На ряду съ этими главными цѣлями при составленіи Полнаго Собранія преслѣдовалась и цѣль побочная, „но также немаловажная". „Извѣстно, что законы изображаютъ", говоритъ Сперанскій въ Предисловіи къ Полному Собранію, „такъ сказать, внутреннюю жизнь государства. Въ нихъ видно, какъ нравственныя и политическія силы слагались, образовывались, возрастали и измѣнялись. Слѣдовательно, исторія государства безъ познанія законовъ не можетъ имѣть ни ясности, ни достовѣрности, равно какъ съ другой стороны, законы безъ исторіи часто бываютъ невразумительны. Посему, чѣмъ благовременнѣе законы приводятся въ извѣстность, тѣмъ источники исторіи для современниковъ становятся удобнѣе, для потомства—достовѣрнѣе". Говоря иначе, Полное Собраніе должно было имѣть значеніе и для науки.

б) *Правила составленія и изданія Полнаго Собранія.* Соотвѣтственно указаннымъ цѣлямъ составленія Полнаго Собранія были опредѣлены и главныя его правила, состоящія въ слѣдующемъ:

1) Все Собраніе раздѣлено на двѣ главныя эпохи. Первая начинается Соборнымъ Уложеніемъ 1649 года и продолжается до 12 декабря 1825 года, т.-е до дня изданія Манифеста о восшествіи на престолъ Императора Николая I. Это эпоха, заключающая въ себѣ 176 лѣтъ, составляетъ *Первое Собраніе*. Началомъ ея принято Уложеніе потому, что всѣ законы и указы, прежде его состоявшіеся, признаются у насъ недѣйствительными. Изъ этихъ законовъ, важныхъ для исторіи, замѣтимъ здѣсь кстати, предполагалось составить особое Собраніе подъ именемъ „законовъ древнихъ", но предположеніе это не осуществилось. Вторая же эпоха, открывающаяся Манифестомъ 12 декабря 1825 года, должна была составить *Второе Собраніе* путемъ ежегоднаго изданія законовъ каждаго минувшаго года въ теченіе послѣдующаго. Этого послѣдняго правила придерживаются до настоящаго времени, благодаря чему мы имѣемъ теперь кромѣ Перваго еще два Полныхъ

Собранія: *Второе*, доведенное до 1 марта 1881 г., т. е. до дня вступленія на престолъ покойнаго Государя Александра III, и *Третье*, текущее, заключающее въ себѣ всѣ законодательные акты, изданные, какъ при этомъ Государѣ, такъ и въ нынѣшнее царствованіе.

2) Вторымъ правиломъ при составленіи Перваго Полнаго Собранія было установлено, чтобы въ составъ его были „вмѣщены, по порядку времени, всѣ постановленія, ко всегдашнему исполненію отъ Верховной Власти или Именемъ Ея отъ учрежденныхъ Ею мѣстъ и правительствъ происшедшія, по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, безъ всякаго изъятія“, равно какъ и безъ всякаго различія между законами и постановленіями дѣйствующими и отмѣненными.

3) Положено помѣстить въ собраніи и судебныя рѣшенія, но только тѣ изъ нихъ: *а)* сила которыхъ распространена въ самомъ ихъ изложеніи на всѣ случаи, имъ подобные, *б)* тѣ, которыя, являясь въ началѣ рѣшеніями частными, приняты были впослѣдствіи примѣромъ и образцомъ и, такимъ образомъ, сдѣлались общими, *в)* тѣ, наконецъ, въ которыхъ сдѣлано изъясненіе закона общаго, установленъ точный смыслъ его и отвергнуты толкованія, „съ разумомъ его несообразныя“.

4) Все частное, все личное, всѣ мѣры временныя и случайныя исключены изъ состава Собранія; но изъ этого правила допущено исключеніе: всѣ распоряженія по существу частныя и случайныя, но по историческому ихъ значенію важныя, сохранены въ Собраніи, „какъ памятникъ того вѣка, какъ указаніе общественныхъ его нравовъ, какъ изображеніе гражданской его жизни“.

в) Способъ составленія и изданія. На основаніи этихъ правилъ и было приступлено къ составленію и изданію Полнаго Собранія въ слѣдующемъ порядкѣ. Сперва были *произведены изысканія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ хранились подлинники узаконеній съ 1649 года и составлены реестры послѣднихъ.* Число указовъ по реестрамъ простиралось до 53239. По сравненіи и повѣркѣ этихъ реестровъ съ самымъ текстомъ открылось, что въ реестрахъ было много указовъ, означенныхъ вдвойнѣ подъ разными заглавіями и числами, много отрывковъ или статей изъ другихъ указовъ и много такихъ положеній, которыя, не составляя закона, не подлежали изданію. Всѣ эти излишки были исключены и реестры приведены въ точность и порядокъ. По окончаніи этой работы было приступлено *къ собранію самыхъ узаконеній по реестрамъ.* По

мѣрѣ поступленія, узаконенія *повѣрялись*. Повѣрка эта производилась три раза: 1) сличеніемъ списковъ съ подлинными указами; 2) ревизіей чрезъ назначенныхъ спеціально для этого чиновниковъ; 3) окончательною ревизіей другихъ чиновниковъ при составленіи связокъ для отправленія ихъ въ типографію, которая для печатанія трудовъ II отдѣленія была учреждена при немъ въ 1827 году. Составленіе Полнаго Собранія началось съ 1826 г. и продолжалось непрерывно по 1 марта 1830 года, печатаніе же было начато 21 мая 1828 и окончено къ 1 апрѣля 1830 г., т. е. въ два года.

г) Составъ и порядокъ расположенія. Полное Собраніе состоитъ: 1) изъ текста самыхъ законовъ; 2) изъ указателя; 3) изъ книги штатовъ и тарифовъ; 4) изъ книги чертежей и рисунковъ.

Текстъ законовъ Перваго Собранія заключается въ 40 объемистыхъ томахъ въ 4-ю долю листа, въ два столбца на страницѣ. Въ этихъ 40 томахъ содержится 30920 отдѣльныхъ узаконеній подъ разными названіями (уложеніе, уставы, учрежденія, наказы, жалованныя грамоты, указы, трактаты и т. д.).

При напечатаніи текста соблюдались слѣдующія главныя правила: 1) каждый законъ напечатанъ слово въ слово съ подлинникомъ и, если первоначально онъ былъ изданъ на двухъ языкахъ, то и въ Собраніи сохраняется то же двоякое изложеніе; 2) въ проектахъ съ иностранными державами, въ манифестахъ и грамотахъ пропущены титулы, такъ какъ о послѣднихъ помѣщены въ томъ же Собраніи особые манифесты; 3) означеніе мѣсяца и числа поставлено въ началѣ каждаго указа, а годъ напечатанъ на верху каждой страницы; 4) законы поставлены въ изданіи по порядку времени, при этомъ, каждый законъ, сверхъ дня и мѣсяца его утвержденія, помѣченъ особымъ номеромъ для удобнѣйшаго его пріисканія по указателю; 5) каждое узаконеніе имѣетъ свое оглавленіе, кратко означающее предметъ послѣдняго; тамъ, гдѣ въ прежнихъ указахъ такихъ оглавленій не было, они составлены вновь, другія же исправлены, если не имѣли надлежащей точности; 6) томы Собранія не могли быть уравнены: нѣкоторые содержатъ въ себѣ менѣе 100, другіе простираются до 180 печатныхъ листовъ. Это неравенство произошло, главнымъ образомъ, отъ того, что принято было общимъ правиломъ соединять въ одномъ томѣ указы, относящіеся къ одному и тому же году.

Что касается *указателя*, то онъ состоитъ изъ двухъ реестровъ: хронологическаго и алфавитнаго.

Реестръ хронологическій идетъ по порядку номеровъ и заключаетъ въ себѣ число и содержаніе каждаго закона. Онъ помѣщенъ въ 41 томѣ.

Алфавитный реестръ является словаремъ всего Собранія. Онъ содержитъ въ себѣ главныя слова и ссылки.

Главныя слова означаютъ главный предметъ узаконенія. Подъ каждымъ такимъ словомъ приводятся по порядку времени всѣ узаконенія, содержащія это слово съ означеніемъ тома и номера. Такимъ образомъ, по главному слову можно не только найти необходимый законъ, но открыть и обозрѣть весь рядъ узаконеній, относящихся къ данному предмету.

Подъ именемъ ссылокъ обозначены въ алфавитномъ указателѣ тѣ слова, которыя являются или синонимами главныхъ словъ, или же, не составляя главнаго предмета, относятся къ нему, какъ части къ цѣлому. Алфавитный реестръ помѣщенъ въ 42 томѣ.

Книги штатовъ и тарифовъ занимаютъ 3 тома: отъ 42 до 45; наконецъ, книга чертежей и рисунковъ, монетъ, вѣсовъ, мѣръ, плановъ межеванія, строеній и т. п. помѣщены въ особомъ 46 томѣ, невошедшемъ въ общую нумерацію, такъ что все Полное Собраніе обнимаетъ 45 томовъ, раздѣленныхъ на 48 частей. Здѣсь же упомянемъ кстати, что Второе Полное Собраніе, которое ко дню окончанія печатанія Перваго заключало въ себѣ 6 томовъ, впослѣдствіи разрослось до 55 томовъ; Третье же содержитъ въ себѣ по настоящее время 24 тома.

3) *Составленіе Свода Законовъ Россійской Имперіи.* По мѣрѣ того какъ Полное Собраніе возрастало, Сперанскій рѣшилъ, не дожидаясь окончанія работъ по его составленію, приступить ко второй стадіи кодификаціи, т. е. къ составленію Свода Законовъ. Съ этою цѣлью Сперанскій самъ установилъ общій планъ, или систему, систему эту распредѣлилъ между томами, томы подѣлилъ на части, книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. Самъ установилъ терминологію, далъ оглавленіе рубрикамъ. И хотя многія изъ этихъ рубрикъ впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи подробностей, измѣнились, но работавшимъ, по крайней мѣрѣ, на первый разъ была дана нѣкоторая путеводная нить, полагавшая, вмѣстѣ съ тѣмъ, границы противъ произвольныхъ забѣговъ изъ одной части въ другую.

а) Составленіе историческихъ сводовъ. На основаніи установленнаго общаго плана, опредѣлившаго главныя части всей системы, было приступлено къ составленію отдѣльныхъ на каждую

часть „историческихъ сводовъ“, съ цѣлью подготовки необходимаго матеріала для Свода общаго. Для этого по даннымъ оглавленіямъ рубрикъ каждой части пріискивались изъ наличнаго матеріала Полнаго Собранія и отмѣчались на особыхъ выпискахъ относящіяся сюда узаконенія безъ всякаго различія дѣйствующихъ отъ недѣйствующихъ. Затѣмъ, эти выписки сырого матеріала подвергались разбору, который состоялъ въ сравненіи узаконеній одного года съ узаконеніями другого. При сравненіи обращали вниманіе на три главныя обстоятельства: на отмѣну закона, его поясненіе и дополненіе. Статьи отмѣненныя были исключаемы; напротивъ, поясненія и дополненія были прилагаемы къ первоначальному узаконенію. Такъ составлялась исторія измѣненій закона по каждому предмету, почему и сборники, отсюда получавшіеся, носили названіе „*историческихъ сводовъ*“.

Эти историческіе своды, по мѣрѣ накопленія законодательнаго матеріала въ Полномъ Собраніи, сами пополнялись и, ко времени окончанія послѣдняго, представили собою готовый, очищенный матеріалъ, на основаніи котораго можно было приступить къ окончательнымъ работамъ по составленію Свода Законовъ.

б) *Правила составленія Свода.* При составленіи послѣдняго былъ принятъ за образецъ Сводъ Юстиніана во всемъ, что касается объема его содержанія, т. е. было рѣшено, что „предположенный Сводъ долженъ быть Corpus juris, общимъ составомъ законовъ, и въ этомъ понятіи долженъ обнимать всѣ части законодательства во всей ихъ совокупности“. Опредѣливъ такъ существо Свода, Сперанскій принялъ въ руководство при редактированіи законодательныхъ постановленій, или статей, правила, содержащіяся отчасти въ томъ самомъ образцѣ, который былъ избранъ для Свода—въ кодексѣ Юстиніана; но, кромѣ того, ближайшимъ образомъ, остановился на правилахъ, установленныхъ впервые англійскимъ философомъ Френсисомъ Бэкономъ (1561—1626) въ знаменитомъ его сочиненіи: „De dignitate et augmentis scientiarum“, внеся въ нихъ, однако, измѣненія и ограниченія, необходимыя по свойству нашихъ законовъ. Правила Бэкона состоятъ въ слѣдующемъ:

1) „Исключить изъ Свода всѣ законы, вышедшіе изъ употребленія. Неупотребительными положеніями считать только тѣ, которыя отмѣнены силою другихъ позднѣйшихъ узаконеній.

2) Исключить всѣ повторенія и вмѣсто многихъ постановленій, одно и то же гласящихъ, принять въ Сводѣ одно изъ нихъ, полнѣйшее.

3) Сохранить слова закона, извлекая статьи Свода изъ самаго ихъ текста, хотя бы то было самыми мелкими и дробными частями; потомъ эти мелкія части связать и соединить по порядку, ибо въ законѣ нестолько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность драгоцѣнна. Безъ этого Сводъ былъ бы книгою ученою или учебною, а не составомъ законовъ положительныхъ. Правило это положено принять въ слѣдующемъ смыслѣ: а) тѣ статьи Свода, которыя основаны на одномъ дѣйствующемъ указѣ или постановленіи, излагать тѣми самыми словами, которыя стоятъ въ текстѣ, безъ малѣйшаго ихъ измѣненія; б) тѣ статьи, которыя составлены изъ двухъ или болѣе указовъ, излагать словами указа главнаго, съ присоединеніемъ изъ другихъ тѣхъ словъ, которыя служатъ ему дополненіемъ или поясненіемъ; в) статьи, составленныя изъ соображенія многихъ указовъ, излагать по тому смыслу, какой они представляютъ въ ихъ совокупности, и притомъ, г) подъ каждою статьею излагать съ точностью тѣ указы и постановленія, изъ коихъ она составлена.

4) Законы слишкомъ многосложные и обширные должны быть сокращаемы. На этомъ основаніи въ Сводъ положено вносить изъ указовъ и постановленій только самый текстъ закона и его распоряженія.

5) Изъ законовъ противорѣчащихъ избирать тотъ, который лучше другихъ. Но, при этомъ, Сводъ переступилъ бы свои границы, если бы составители его приняли на себя судить, который изъ двухъ противорѣчащихъ законовъ, лучше. Поэтому, принять другое правило: изъ двухъ несходныхъ между собою законовъ слѣдовать позднѣйшему, не разбирая, лучше ли онъ, или хуже прежняго, ибо прежній считается отрѣшеннымъ тѣмъ самымъ, что постановленъ на его мѣсто другой.

6) По составленіи, такимъ образомъ, Свода, онъ долженъ быть утвержденъ надлежащею властью, чтобы подъ видомъ законовъ старыхъ не вкрались законы новые. Согласно съ этимъ правиломъ положено: Своды каждой части законовъ подвергать ревизіи тѣхъ самыхъ мѣстъ управленія, къ которымъ они ближе принадлежатъ.

7) Бэконъ полагаетъ составить два свода: одинъ изъ такъ называемаго въ Англіи закона общаго (common law), а другой изъ статутовъ, У насъ этого различія нѣтъ; но есть законы, дѣйствующіе, вообще, на всемъ пространствѣ Имперіи, и есть законы мѣстные, особенные, дѣйствіе которыхъ допускается только въ

нѣкоторыхъ областяхъ ея. Поэтому положено въ общемъ Сводѣ соединить всѣ законы перваго рода, а законы второго рода, разобравъ, соединить въ двухъ сводахъ особенныхъ: для губерній западныхъ и остзейскихъ" (Обозрѣніе историч. свѣдѣній о Сводѣ стр. 105– 113).

На основаніи изложенныхъ выше правилъ всѣмъ узаконеніямъ историческихъ сводовъ постепенно придавалась опредѣленная форма „законныхъ правилъ", т. е. статей Свода.

в) *Ревизія Свода.* Отдѣльныя части Свода, по мѣрѣ ихъ составленія, подвергались ревизіи комитетовъ, учрежденныхъ въ разныхъ министерствахъ и управленіяхъ. Сущность ревизіи Свода была опредѣлена двумя Высочайшими рескриптами и состояла въ томъ, что комитеты обозрѣвали Сводъ со стороны его точности и полноты, т. е. разсматривали: 1) всѣ ли дѣйствующіе въ каждой части законы представлены въ Сводѣ въ истинной ихъ силѣ, и 2) не приведено ли законовъ излишнихъ, отмѣненныхъ послѣдующими. Замѣчанія на Сводъ велѣно было комитетамъ представлять на Высочайшее усмотрѣніе. Всѣ вообще замѣчанія комитетовъ, по разсмотрѣніи ихъ Государемъ, препровождались во II Отдѣленіе, гдѣ по соображеніи ихъ съ узаконеніями и съ другими частями Свода, а также по соображеніи ихъ съ указами, послѣдовавшими вновь, или составлялись новыя статьи Свода, или же исправлялись только прежнія, просмотрѣнныя комитетами.

Ревизія Свода началась въ апрѣлѣ 1828 года и окончилась въ маѣ 1832 года.

г) *Время печатанія Свода.* Въ началѣ 1832 года первая часть Свода поступила къ печатанію; а въ концѣ того же года всѣ части, которыя подъ общимъ заглавіемъ: „*Сводъ Законовъ Россійской Имперіи*" предназначены были къ составленію одного цѣлаго, кончены печатаніемъ.

д) *Манифестъ о силѣ и дѣйствіи Свода.* 31 января 1833 года состоялся Манифестъ, которымъ установлены слѣдующія правила о силѣ его и дѣйствіи: 1) „законная сила Свода, по вступленіи его въ дѣйствіе съ 1 января 1835 года, будетъ состоять въ приложеніи и приведеніи его статей въ дѣлахъ правительственныхъ и судебныхъ; 2) всѣ законы, которые изданы послѣ 1 января 1832 года, будутъ по порядку книгъ Свода и съ указаніемъ на ихъ статьи распредѣляться въ ежегодномъ продолженіи Свода, и, такимъ образомъ, „*Сводъ законовъ, единожды устроенный, сохранится всегда въ полнотѣ его и единствѣ*"; 3) тѣ же законы, которые

при ежегодномъ продолженіи Свода не войдутъ въ составъ его, приводить по числамъ ихъ и означеніямъ непосредственно; 4) такъ какъ Сводъ Законовъ ничего не измѣняетъ въ силѣ и дѣйствіи ихъ, но приводитъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ: то какъ въ случаѣ неясности самаго закона, такъ и въ случаѣ недостатка или неполноты его, порядокъ поясненія и дополненія остается тотъ же, какой существовалъ до изданія Свода".

c) *Изданія Свода и его Продолженія.* Сводъ нѣсколько разъ переиздавался и каждое послѣдующее изданіе замѣняло собою предыдущее, получая силу дѣйствующаго законодательнаго сборника. Но все это только различныя изданія одного и того же „Свода Законовъ Россійской Имперіи, повелѣніемъ Государя Императора Николая I составленнаго", а не новые Своды. Первое изданіе, по времени его напечатанія, называется изданіемъ 1832 г. Съ этого времени Сводъ выдержалъ еще два изданія всѣхъ 15 томовъ: въ 1842 и въ 1857 г. Съ 1857 г. полнаго изданія всѣхъ томовъ Свода не было, но въ разное время переиздавались нѣкоторые томы и части его, такъ что въ настоящее время мы имѣемъ еще до 11 неполныхъ изданій.

Что же касается до законовъ, издававшихся въ промежутокъ между новыми изданіями Свода, то они помѣщались въ „*Продолженіяхъ къ Своду*", печатающихся время отъ времени по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія законодательства. Первое такое продолженіе вышло въ 1834 году, а послѣднее—въ 1913 году. Съ прошлаго царствованія стали издаваться, кромѣ обыкновенныхъ, еще „Сводныя Продолженія", въ составъ которыхъ входятъ всѣ перемѣны въ законодательствѣ со времени послѣдняго изданія Свода. Послѣднее Сводное Продолженіе издано въ 1912 г.

Система Свода Законовъ. a) *Дѣленіе Свода на разряды.* Система, положенная въ основу Свода, дана самимъ Сперанскимъ, который раздѣлилъ всѣ законы на 8 разрядовъ. При классификаціи законовъ на эти разряды, онъ исходилъ изъ той мысли, что „два союза, два порядка отношеній, необходимы въ государствѣ: союзъ государственный и союзъ гражданскій". „Гдѣ союзъ, тамъ есть права и обязанности", говоритъ Сперанскій въ Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ, „посему въ государствѣ есть права и обязанности государственныя и есть права и обязанности гражданскія. Тѣ и другія опредѣляются и охраняются законами. Отсюда, два порядка законовъ: законы государственные и законы гражданскіе.

Законы государственные суть двухъ разрядовъ: одни изъ нихъ опредѣляютъ существо союза государственнаго и правъ отъ него происходящихъ. Въ этомъ разрядѣ прежде всего представляется порядокъ, коимъ власть верховная образуется и дѣйствуетъ въ законодательствѣ и управленіи, органы сего дѣйствія суть установленія; средства суть силы государственныя, для сего дѣйствія предназначенныя. Въ составѣ тѣхъ и другихъ предполагается извѣстная степень участія подданныхъ: этимъ опредѣляется ихъ состояніе. Отсюда четыре вида законовъ государственныхъ:

1) законы основные,
2) учрежденія,
3) законы силъ государственныхъ и
4) законы о состояніяхъ.

Второй разрядъ государственныхъ законовъ составляютъ всѣ законы, которыми союзъ государственный и гражданскій и права, отъ нихъ возникающія, охраняются въ ихъ дѣйствіи мѣрами общаго государственнаго порядка. Сюда принадлежатъ:

1) законы предохранительные, т. е. уставы благочинія и
2) законы уголовные.

Законы гражданскіе также, какъ и государственные, дѣлятся на два разряда: къ первому принадлежатъ всѣ законы, которыми опредѣляются права гражданскія, т. е. во первыхъ, законы, которыми установляется порядокъ правъ и обязанностей семейственныхъ; во вторыхъ, законы, которыми установляется порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ въ имуществахъ; въ третьихъ, порядокъ дѣйствія сихъ послѣднихъ правъ въ особенномъ отношеніи ихъ къ государственному и частному кредиту, къ торговлѣ, къ промышленности и проч. Отсюда три вида гражданскихъ законовъ:

1) законы союзовъ семейственныхъ;

2) общіе законы объ имуществахъ. Эти два вида означаются, по принятому обычаю, общимъ именемъ законовъ гражданскихъ. Къ нимъ присоединяются законы межевые, которыми опредѣляется порядокъ развода границъ владѣнія;

3) особенные законы объ имуществахъ. По главной цѣли эти законы означаются законами государственнаго благоустройства, или экономіи.

Ко второму разряду гражданскихъ законовъ принадлежатъ законы, которыми охраняется дѣйствіе правъ мѣрами порядка гражданскаго. Таковы суть:

1) законы о порядкѣ взысканій по дѣламъ безспорнымъ;

2) законы судопроизводства: общаго гражданскаго и особенныхъ межеваго и торговаго;

3) законы о мѣрахъ гражданскихъ взысканій.

Въ этомъ состоятъ главныя основанія принятаго въ Сводѣ раздѣленія законовъ. Этотъ порядокъ соображенъ въ главныхъ его началахъ съ порядкомъ учебнаго раздѣленія законовъ. Отъ него встрѣчаются, впрочемъ, нѣкоторыя отступленія, обусловливаемыя практическими соображеніями. Такъ, послѣ изложенія государственныхъ законовъ перваго разряда слѣдовало бы изложить законы государственные второго разряда, т. е. уставы благочинія и законы уголовные; но такъ какъ эти законы составляютъ общее охраненіе какъ союза государственнаго, такъ и союза гражданскаго, то надлежало прежде изложить законы, опредѣляющіе союзъ гражданскій, и, слѣдовательно, послѣ перваго разряда законовъ государственныхъ перейти къ законамъ гражданскимъ. Хотя эти послѣдніе, какъ показано выше, дѣлятся также на два разряда, но второй изъ нихъ, содержащій въ себѣ законы гражданскаго охраненія правъ, такъ связанъ съ первымъ, что отдѣлить ихъ безъ важныхъ затрудненій въ практикѣ невозможно; поэтому и распредѣлены они въ Сводѣ между законами перваго разряда, имъ соотвѣтствующими. Затѣмъ весь Сводъ заключается государственными законами второго разряда, т. е. законами благочинія и уголовными".

б) Распредѣленіе разрядовъ по томамъ Свода. Всѣ указанные 8 разрядовъ размѣщены въ 15 томахъ Свода *изданія 1832 года*, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Первый разрядъ, подъ именемъ: „*учрежденій*", распредѣленъ въ 3 томахъ, причемъ:

въ I томѣ 1 части содержатся законы основные;
„ „ „ 2 части—учрежденія государственныя;
во II томѣ—учрежденія губернскія;
въ III томѣ—уставъ о службѣ гражданской.

Второй разрядъ, подъ именемъ: „*уставовъ о повинностяхъ*", заключается въ одномъ IV томѣ и содержитъ въ себѣ уставъ рекрутскій и уставъ о земскихъ повинностяхъ.

Третій разрядъ, подъ названіемъ: „*уставовъ казеннаго управленія*", состоитъ изъ 4 томовъ, изъ которыхъ:

въ V томѣ помѣщены уставы о податяхъ, пошлинахъ и питейномъ сборѣ;
въ VI томѣ—уставъ таможенный;
въ VII томѣ—уставы монетный, горный и о соли;
въ VIII томѣ—уставы лѣсной, оброчныхъ статей и арендныхъ имѣній.

Четвертый разрядъ, подъ названіемъ: „*законовъ о состояніяхъ*“, содержится въ одномъ IX томѣ, гдѣ изложены законы о сословіяхъ.

Пятый разрядъ, подъ именемъ: „*законовъ гражданскихъ и межевыхъ*“, содержится въ одномъ X томѣ, раздѣленномъ на 3 части, изъ которыхъ:

въ 1 части помѣщены законы гражд. опредѣлительные;
„ 2 „ — законы гражданскіе охранительные;
„ 3 „ — законы межевые.

Шестой разрядъ, подъ названіемъ: „*уставовъ государственнаго благоустройства*“, распредѣленъ въ 2 томахъ, изъ которыхъ:

XI томъ содержитъ въ себѣ учрежденія и уставы кредитныхъ установленій; уставы и учрежденія торговые (со включеніемъ и законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ торговымъ), постановленія о фабричной, заводской и ремесленной промышленности.

XII томъ содержитъ уставы: путей сообщенія, строительный, пожарный и постановленія о благоустройствѣ въ городахъ и селеніяхъ.

Седьмой разрядъ, подъ именемъ: „*уставовъ благочинія*“, заключается также въ 2 томахъ, причемъ,

въ XIII томѣ находятся уставы о народномъ продовольствіи, объ общественномъ призрѣніи и врачебный;

въ XIV томѣ помѣщены уставы: о паспортахъ и бѣглыхъ, о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и о содержащихся подъ стражей и о ссыльныхъ.

Восьмой разрядъ, подъ именемъ: „*законовъ уголовныхъ*“, состоитъ изъ одного XV тома и содержитъ въ себѣ законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ и законы о судопроизводствѣ по преступленіямъ.

Кромѣ этихъ 15 томовъ, имѣется еще одна книга *общаго оглавленія Свода Законовъ Россійской Имперіи* и *алфавитный указатель*, изданный въ 1834 году.

Нѣкоторые изъ этихъ 15 томовъ дѣлятся на части, части и тѣ томы, въ которыхъ нѣтъ дѣленія на части, подраздѣляются на книги, книги — на раздѣлы, раздѣлы — на главы, главы — на отдѣленія, въ которыхъ излагаются законодательныя постановленія въ видѣ *статей* за опредѣленной нумераціей. Всѣхъ статей въ Сводѣ изданія 1832 г. насчитывается до 42000. Каждое изъ указанныхъ дѣленій снабжено заглавіемъ, а подъ каждой статьей помѣщена ссылка, или цитата, содержащая указаніе на годъ, мѣсяцъ, число и номеръ, подъ которыми помѣщенъ указъ, служащій основаніемъ статьи въ Полномъ Собраніи. Это было принято не только для сообщенія статьямъ Свода большей достовѣрности, но также и для того, чтобы облегчить ихъ пониманіе. „Сіи указанія нужны", говоритъ Сперанскій въ Обозр. историч. свѣд. о Сводѣ, „какъ вѣрный путь къ разуму закона, какъ способъ къ открытію причинъ его, какъ руководство къ познанію его смысла въ случаѣ сомнѣній; они нужны, какъ лучшая система истолкованій—система, основанная не на мнѣніяхъ и выводахъ произвольныхъ, но на простомъ сличеніи двухъ формъ одного и того же закона: первообразной и производной. Они охраняютъ связь между сими двумя формами, связь столь необходимую, что безъ нея расторглось бы самое его единство". И не смотря на указанное значеніе, ссылки эти оказываются не всегда вѣрными: иногда въ Полномъ Собраніи не находится того законоположенія, которое приводится подъ статьей, равно какъ и оглавленія, данныя многочисленнымъ рубрикамъ Свода, подчасъ являются слишкомъ искусственными и несоотвѣтствующими содержанію самыхъ законоположеній.

Кромѣ цитатъ, при нѣкоторыхъ статьяхъ имѣются еще примѣчанія и приложенія. Примѣчанія, обыкновенно, помѣщаются въ текстѣ, вслѣдъ за статьями, къ которымъ относятся; приложенія же выносятся изъ текста и помѣщаются въ концѣ книги или части. При первомъ изданіи Свода было положено за правило излагать въ примѣчаніяхъ измѣненія, которыя сами по себѣ не представляютъ законодательнаго опредѣленія, а въ приложенія относить разныя формы, табели и такія изложенія подробностей, которыя „затемнили бы смыслъ главныхъ статей, прервали бы связь между ними, если бы помѣщены были среди текста". Но въ послѣдующихъ изданіяхъ Свода и въ Продолженіяхъ къ нему

это правило не соблюдалось и нерѣдко въ формѣ примѣчаній и приложеній включались въ Сводъ весьма важныя новыя узаконенія, совершенно измѣнявшія смыслъ тѣхъ статей, къ которымъ они относились.

Законоположенія, не вошедшія въ Сводъ. Не смотря на то, что Сводъ, по мысли Сперанскаго, „долженъ представлять собою общій составъ законовъ", онъ не обнимаетъ собою всѣхъ отраслей законодательства.

Такъ, въ него не вошли нѣкоторые особенные и мѣстные зак., включенные въ особые своды. Сюда относятся:

а) *Сводъ военныхъ постановленій*, 1 изданіе котораго вышло въ 1839 г. Въ 1859 г. было предпринято 2 его изданіе по той же самой системѣ, которая была придана ему Сперанскимъ при первомъ изданіи. Но въ виду реформъ Имп. Александра II въ области военнаго управленія, система, принятая въ двухъ первыхъ изданіяхъ, оказалась неудобной, почему въ 1869 году приступлено было къ 3 изданію Свода военныхъ постановленій.

б) *Сводъ морскихъ уголовныхъ постановленій*, изданный въ одномъ томѣ въ 1851 году, содержалъ, какъ показываетъ названіе, одни уголовные законы; всѣ же остальныя постановленія были присоединены къ этимъ послѣднимъ въ 1885 г. и новое изданіе получило названіе *Свода морскихъ постановленій*.

в) *Сводъ мѣстныхъ узаконеній остзейскихъ губерній*, начатый изданіемъ въ 1845 г., когда вышелъ Сводъ узаконеній о правахъ состоянія и о мѣстныхъ учрежденіяхъ, и оконченный въ 1864 г., когда былъ изданъ Сводъ законовъ гражд. для названныхъ губерній.

г) *Собраніе гражданскихъ законовъ для губерній бывшаго Царства Польскаго*, представляющее собою переводъ оставшагося и до сихъ поръ въ силѣ кодекса Наполеона, который былъ введенъ тамъ въ 1808 году.

Кромѣ этихъ узаконеній, включенныхъ въ особые сборники, въ составъ Свода Законовъ изданія 1832 г. не вошли еще нѣкоторыя другія узаконенія, помѣщенныя въ позднѣйшія его изданія. Сюда относятся: а) узаконенія, относящіяся къ государственному контролю и народному просвѣщенію, б) узаконенія, принадлежащія къ управленію нѣкоторыхъ частей вѣдомства придворнаго, в) узаконенія по управленію духовными дѣлами. Впрочемъ, законы, касающіеся духовныхъ дѣлъ Православной Церкви до сихъ поръ не включены въ Сводъ, равно какъ и не

соединены въ особый сборникъ. Они примѣняются по тексту, находящемуся въ Полномъ Собраніи.

Сперанскій.—Обозрѣніе историчес. свѣдѣній о Сводѣ Зак. СПБ. 1833 г.; 2-ое изд. Одесса. 1889 г. *Дмитріевъ.*—О заслугахъ гр. Сперанскаго по русскому законовѣд. Ж. М. Н. Пр. 1852, № 5. *Филипповъ.*—Значеніе гр. Сперанскаго въ исторіи рус. законод. первой полов. XIX в. Рус. М., 1889, № 4. *Его-жсе.* Сперанскій, какъ кодификаторъ рус. пр. Рус. М. 1892. № 10. *Карауловъ.*—Значеніе Свода Законовъ. Ж. М. Н. Пр. 1894 г. № 9.

Конецъ первой части.

Замѣченныя опечатки:

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	4 сверху	ititутъ	институтъ
15	5 „	указанныя	указныя
23	4 снизу	съ	и
51	7 „	рецензіи	рецепціи
52	7 сверху	Изяслава	Изяслава:
52	3 снизу	Ярослава	Правды Ярослава
57	11 сверху	(верви),	(верви)
90	9 „	лишенъ	лишекъ
113	7 „	ныхъ	ника
143	12 „	имѣетъ	имѣемъ

ЧАСТЬ II.

ИСТОРІЯ ИНСТИТУТОВЪ ПРАВА.

КНИГА I.

Исторія государственнаго права.

Понятіе о государствѣ, государственномъ правѣ и его отдѣлахъ. Подъ государствомъ разумѣется *народъ*, занимающій опредѣленную *территорію* и организованный въ союзъ съ *верховной властью* во главѣ. Понятіе государства, такимъ образомъ, слагается изъ трехъ элементовъ: *территоріи, народа и верховной власти.* Совокупность юридическихъ нормъ и институтовъ, опредѣляющихъ отношенія указанныхъ элементовъ, называется государственнымъ правомъ, изучаемымъ юридическою дисциплиною того же наименованія. Наука государственнаго права излагаетъ послѣднее въ двухъ отдѣлахъ, носящихъ названія: государст. устройства и государст. управленія.

Подъ госуд. устройствомъ разумѣется совокупность нормъ, опредѣляющихъ существо государственной формы, т. е. положеніе и взаимоотношеніе указанныхъ элементовъ государства; *подъ государственнымъ управленіемъ* — совокупность нормъ, опредѣляющихъ положеніе, взаимоотношеніе и дѣятельность органовъ власти, предназначенныхъ къ осуществленію государственныхъ задачъ.

Дальнѣйшее изложеніе будетъ посвящено изученію исторіи развитія государс. устройства и управленія въ Россіи по тремъ принятымъ нами періодамъ.

ОТДѢЛЪ I.

Удѣльно-вѣчевой періодъ.

ГЛАВА I.

Устройство.

Территорія.

Понятіе территоріи. Территоріей даннаго государства называется заключенное въ опредѣленныя границы пространство земной поверхности, надъ которымъ господствуетъ единая верховная власть. Отсюда вытекаютъ юридическіе признаки территоріи:

1) Территорія должна быть заключена въ опредѣленныя границы, которыя могутъ быть естественными и искусственными. Къ первымъ принадлежатъ: моря, рѣки, горы, пустыни, незанятыя пространства; ко вторымъ—границы, опредѣляемыя международными соглашеніями и обозначаемыя столбами, канавами, земляными валами и т. д.

2) Территорія находится подъ господствомъ единой верховной власти. Это господство не частно-правового (dominium), а публично-правового характера (imperium), а потому территорія недѣлима и неотчуждаема путемъ гражданскихъ сдѣлокъ и непроницаема для господства верховной власти иного государства.

Указанные признаки территоріи, признаваемые современнымъ государственнымъ правомъ и положительными законодательствами, въ исторіи развиваются постепенно.

Обращаясь послѣ этихъ общихъ замѣчаній къ исторіи развитія территоріи въ удѣльно-вѣчевой періодъ, замѣтимъ, что древняя Россія не имѣла единой государственной территоріи: она была раздѣлена на нѣсколько небольшихъ независимыхъ политическихъ міровъ, изъ которыхъ путемъ медленнаго процесса сложилось единство Русской земли. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ мы можемъ различать двѣ стадіи этого процесса: въ кіевской Руси при видимомъ единствѣ царитъ полная раздробленность территоріи; въ ростовско-суздальскомъ краѣ, куда въ XIII вѣкѣ переходитъ центръ политической жизни, при усилившемся дробленіи территоріи слагается въ дѣйствительности ея единство, завершившееся въ Московскій періодъ единодержавіемъ.

Образованіе городовыхъ земель - волостей. Въ настоящее время въ наукѣ нѣтъ болѣе сомнѣній въ томъ, что призваніе варяжскихъ князей, фактъ, который принято считать началомъ отечественной исторіи, застаетъ у славянскихъ племенъ, разселившихся по восточной равнинѣ Европы, въ бассейнахъ рѣкъ: Волхова, Западной Двины, Днѣпра, верхней Оки и Волги, готовую форму государственнаго быта въ видѣ городовыхъ областей, именуемыхъ въ лѣтописи „княженіями", „землями", а со времени призванія князей обозначаемыхъ, сверхъ того, терминомъ „волости", „власти". Наличность такихъ самостоятельныхъ городовыхъ областей вліяла на весь политическій строй кіевской Руси, она же создала своеобразныя отношенія призванныхъ князей къ территоріи. Поэтому, чтобы понять эти отношенія, предварительно надо познакомиться съ тѣмъ, какъ образовались эти городовыя области и что они собою представляли.

Начальная лѣтопись, разсказавъ о разселеніи славянскихъ племенъ въ указанныхъ выше рѣчныхъ бассейнахъ, говоритъ о „*княженіяхъ*" у полянъ, древлянъ, дреговичей, славянъ новгородскихъ, полочанъ, и тѣмъ свидѣтельствуетъ объ образованіи у восточныхъ славянъ небольшихъ міровъ, которые она называетъ также „*землями*". Границы территоріи этихъ земель-княженій, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ [1]), совпадали съ границами племенъ. Въ началѣ колонизаціоннаго движенія такое совпаденіе весьма вѣроятно, но съ теченіемъ времени племенной характеръ земель не могъ удержаться. Родственныя узы крѣпки въ кочевомъ быту. Колонизація и освоеніе незанятыхъ пространствъ, т. е. переходъ къ быту осѣдлому, измѣняя экономическія условія существованія людей, колеблятъ родовыя связи, порождаютъ общіе хозяйственные интересы и пріучаютъ отдѣльные роды даннаго племени къ совмѣстной жизни на одной территоріи на началахъ сосѣдства съ другими. Основой отношеній населенія становится связь не родовая, а территоріальная.

Занимая при разселеніи опредѣленныя мѣста, славянскія племена въ интересахъ защиты отъ внѣшнихъ нападеній строили города, т. е. укрѣпленные частоколомъ или валомъ пункты поселеній. Начальная лѣтопись упоминаетъ о постройкѣ Новгорода осѣвшимися около озера Ильменя славянами и помнитъ преданіе о возникновеніи Кіева, но она ничего не знаетъ о происхожденіи Чернигова, Переяславля, Смоленска, Любеча, Полоцка, Бѣлоозера, Ростова, Мурома, что указываетъ на давнее ихъ появленіе.

[1]) Пассекъ. — „Княжеская и докняжеская Русь", Чтенія въ Об. Ис. и др. 1870, II.

Расположенные по берегамъ рѣкъ, а многіе изъ нихъ по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки", указанные города съ измѣненіемъ экономическихъ условій быта славянскихъ племенъ и, главнымъ образомъ, съ развитіемъ торговли съ западомъ, востокомъ и, особенно, съ югомъ, сохраняя значеніе укрѣпленныхъ пунктовъ, становятся, вмѣстѣ съ тѣмъ, торговыми центрами освоенной племенами территоріи. Связью населенія такихъ городскихъ общинъ становится общій хозяйственный интересъ, а не родовыя отношенія. При такихъ условіяхъ границы племенныхъ княженій не могли удержаться. По свидѣтельству лѣтописи призваніе князей было рѣшено на Новгородскомъ вѣчѣ, въ которомъ принимали участіе славяне, кривичи и чудь. Слѣдовательно, Новгородъ, притянулъ къ себѣ кривичей, именно, ту ихъ вѣтвь, которая имѣла городъ Изборскъ (впослѣдствіи Псковъ), и финское племя—чудь. Тоже было и съ другими городами: Смоленскъ притянулъ другую часть кривичей съ вѣтвью радимичей: Черниговъ—другую вѣтвь радимичей съ частью сѣверянъ и цѣлымъ племенемъ вятичей и т. д. Поэтому, если лѣтопись даже въ моментъ призванія князей называетъ земли по племенамъ, то родовое единство ихъ предполагать нельзя: это были союзы территоріальные.

Получивъ значеніе торговыхъ центровъ для окружавшей ихъ территоріи, города, точнѣе городскія общины, пріобрѣтаютъ не только вліяніе на всѣ поселенія этой территоріи въ экономическомъ отношеніи, но и власть надъ ними: городская община въ лицѣ своего вѣча управляетъ всѣми другими общинами и вмѣстѣ съ ними образуетъ одно независимое цѣлое, называемое лѣтописью, какъ сказано выше, то „землей", то „волостью", „властью" по имени города: земля Новгородская, Смоленская, волость Черниговская и т. д. Не зная термина „государство" лѣтописецъ указанными названіями характеризуетъ разсматриваемые политическіе союзы то по одному элементу государства—территоріи, то по другому—власти, а то употребляетъ третій—народъ: новгородцы, смольняне, полочане и т. д.

Но каждое изъ этихъ названій показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ самостоятельными политическими союзами, представлявшими собою чистыя демократіи. Такихъ самостоятельныхъ земель-волостей, сложившихся къ началу X вѣка, мы можемъ насчитать 7: Новгородскую, Кіевскую, Черниговскую, Переяславскую, Смоленскую, Полоцкую, Ростовскую. Что же представляли собою эти волости? Для отвѣта на этотъ вопросъ разсмотримъ внутренній ихъ составъ.

Внутренній составъ волостей. Объемъ территоріи волости зависѣлъ отъ пространства земельныхъ владѣній города. Въ интересахъ защиты этихъ нерѣдко удаленныхъ отъ города земельныхъ владѣній съ одной стороны, и при непрерывно продолжавшейся колонизаціи съ другой, населеніе строило новые укрѣпленные пункты, не терявшіе связи съ городомъ,—пригороды. Пригороды, въ свою очередь, имѣли земельныя владѣнія, составлявшія ихъ волости. Такимъ образомъ, въ составъ земли-волости входили городъ, пригороды и волости, тянувшія къ городу и пригородамъ. Это была цѣпь подчиненныхъ старшему городу общинъ, и волость могла составлять одно цѣлое, пока соблюдались іерархическія отношенія между всѣми ея частями. Единство волости зависѣло отъ согласія всѣхъ ея городскихъ общинъ: въ противномъ случаѣ наступали междоусобія и волости грозило распаденіе.

Мы остановимся еще на отношеніяхъ города къ пригородамъ, когда будемъ изучать вѣчевые порядки, а теперь замѣтимъ, что стремленіе пригородовъ къ самостоятельности вліяло на измѣненіе территоріи волостей. Вліяла на цѣлость волости также и неопредѣленность ея границъ. Границы эти опредѣлялись мѣрою труда, приложеннаго населеніемъ къ освоенію земельныхъ пространствъ по крайне растяжимой формулѣ: „куда плугъ и соха, топоръ и коса ходили“. Если освоялись незанятыя пространства, получалось фактическое завладѣніе; при освоеніи же земель, занятыхъ ранѣе иною волостью, приведенная формула вела къ захвату, неизбѣжно вызывавшему вооруженное столкновеніе и измѣненіе границъ волости.

Чтобы предотвратить междоусобія отдѣльныхъ частей волости, грозившія ея единству съ одной стороны, и обезпечить цѣлость границъ волости отъ насильственныхъ захватовъ, съ другой, необходима была достаточно сильная правительственная власть. При невозможности создать такую правительственную власть изъ собственныхъ элементовъ по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, явилась необходимость установить такую властѣ путемъ призванія князей изъ-внѣ. Ранѣе всѣхъ другихъ волостей сдѣлалъ это Новгородъ, призвавъ въ 862 г. Рюрика съ братьями; позднѣе, въ теченіе всего т. называемаго кіевскаго періода дѣлаетъ тоже самое каждая самостоятельная волость: призываетъ или принимаетъ князя Рюриковича. Каждая земля-волость становится княженіемъ, а старшій городъ — стольнымъ, резиденціей призваннаго или принятаго князя.

Территорія волости - княженія находится по прежнему подъ политическимъ владычествомъ, imperium'омъ общины старшаго города; князь получаетъ ее въ управленіе не самъ собою, а черезъ этотъ городъ; отсюда вытекаютъ особыя отношенія призванныхъ князей къ территоріи волости.

Отношенія князей Кіевской Руси къ территоріи. Самостоятельность волостей не даетъ возможности князьямъ Кіевской Руси установить единство территоріи. Первые князья отъ Рюрика до Владиміра Св. объ этомъ даже и не заботятся. По характеру своему являясь истыми норманскими викингами, они смотрятъ на земли славянскихъ племенъ только какъ на доходную статью; если они присоединяютъ волости или покоряютъ отдѣльныя славянскія племена, то дѣлаютъ это вовсе не по соображеніямъ политическимъ, не съ цѣлью расширенія кіевскихъ владѣній, а для сбора дани, т. е. въ интересахъ личныхъ; если, далѣе, они сажаютъ по городамъ своихъ мужей, то не видно, для чего предназначаются эти мужи - посадники: для управленія ли и суда, или для контроля за исправнымъ платежомъ дани. Однако, дѣятельность этихъ князей приводитъ къ увеличенію территоріи и къ объединенію отдѣльныхъ земель; только объединеніе это является чисто внѣшнимъ: внутренній строй земель остается неизмѣннымъ. Олегъ по словесному договору съ греками 907 года требуетъ съ нихъ „уклады“ на города: „по тѣмъ бо городамъ сѣдяху великіи князи подъ Олгомъ суще“. Слѣдовательно, Олегъ не былъ единственнымъ княземъ въ Русской землѣ и политическая зависимость подвластныхъ земель сводилась къ уплатѣ дани великому князю Кіевскому. Въ концѣ X вѣка лѣтопись упоминаетъ пятерыхъ князей, которымъ соотвѣтствуютъ пять самостоятельныхъ государствъ: Ярополка Кіевскаго, Олега Древлянскаго, Владиміра Новгородскаго, Рогволда Полоцкаго и Тура Туровскаго.

Изъ этихъ князей Владиміру удается объединить сѣверныя и южныя волости подъ своею властью. Овладѣвъ Кіевомъ, онъ не стремится, какъ его предшественники, „вонъ изъ земли“, а становится первымъ осѣдлымъ княземъ, вникающимъ во внутреннія интересы волостей, заботящимся о безопасности границъ и объ установленіи „наряда“. Но и ему чуждо понятіе единодержавія, онъ не смотритъ на соединившіяся подъ его управленіемъ волости, какъ на нераздѣльное цѣлое, а допускаетъ ихъ разъединеніе. Такъ, по совѣту бояръ онъ отдѣляетъ Полоцкую волость сыну Изяславу съ матерью, какъ ея „отчину“, т. е. владѣніе, принадлежавшее ея отцу. Далѣе, Владиміръ даетъ нѣкоторымъ изъ своихъ сыновей извѣстныя намъ волости въ управленіе, повиди-

мому, въ качествѣ посадниковъ. По крайней мѣрѣ, про Ярослава лѣтопись говоритъ, что онъ, правя при отцѣ Новгородомъ, долженъ былъ уплачивать Владиміру ежегодный „урокъ“ въ 2000 гривенъ, какъ это дѣлали всѣ новгородскіе посадники. Но самъ Ярославъ склоненъ былъ смотрѣть на себя, какъ на самостоятельнаго князя новгородской волости, почему и отказался платить отцу указанный урокъ. Взглядъ этотъ, вѣроятно, былъ присущъ и другимъ сыновьямъ Владиміра, чѣмъ и объясняются усобицы, вызванныя Святополкомъ, стремившимся расширить свои владѣнія на счетъ владѣній братьевъ, усобицы, окончившіяся единовластіемъ Ярослава.

Подъ 1036 г. лѣтописецъ, упомянувъ о смерти Мстислава, прибавляетъ „по семъ же перея власть его всю Ярославъ и бысть *самовластецъ* Рустѣй земли“. Такимъ образомъ, въ послѣднія 18 лѣтъ княженія Ярослава († 1054) на Руси утверждается единовластіе. Подъ властью кіевскаго великаго князя находилась довольно обширная территорія, состоявшая изъ всѣхъ упомянутыхъ выше городовыхъ волостей, кромѣ Полоцкой. Однако, самъ Ярославъ не думаетъ упрочить это единовластіе: онъ дѣлитъ владѣнія знаменитымъ своимъ устнымъ завѣщаніемъ между пятью сыновьями, устанавливая полную ихъ политическую независимость. Чѣмъ обусловливается такое дѣленіе? Желаніемъ матеріально обезпечить каждаго изъ своихъ сыновей. А такъ какъ обезпеченіе могло быть предоставлено только путемъ раздачи наиболѣе доходныхъ волостей, таковыми же являлись знакомыя намъ древнія волости: Кіевская, Черниговская, Переяславская, Смоленская и образовавшаяся позднѣе Волынская, то эти волости и пошли въ раздѣлъ. Самостоятельность же этихъ волостей, съ одной стороны, и равенство братьевъ, съ другой, требовали политической независимости князей другъ отъ друга.

Послѣ Ярослава единовластіе, являвшееся до него политическою случайностью, а не государственнымъ началомъ, болѣе не повторяется. Объясняется это тѣмъ, что потомство Ярослава размножается все болѣе, и земля Русская передѣляется между наличными князьями. Къ половинѣ XII вѣка, къ началу запустѣнія Кіевской Руси, мы встрѣчаемъ 9 самостоятельныхъ волостей - княженій: Кіевскую, Новгородскую, Черниговскую, Смоленскую, Полоцкую, Ростовско-Суздальскую, Муромско-Рязанскую, Волынскую и Галицкую.

Завѣщаніе Ярослава, помимо дѣленія Русской земли, подтверждаетъ сложившійся путемъ обычая въ княжескомъ родѣ порядокъ преемства столовъ. Мы вернемся къ этому порядку, когда будемъ говорить объ отношеніяхъ между князьями, а теперь

замѣтимъ, что этотъ порядокъ, поддерживаемый самостоятельностью волостей и самъ ее поддерживавшій, вліялъ на отношеніе князей къ территоріи. Ни одинъ князь не былъ осѣдлымъ: князья мѣняли столы, волости мѣняли князей. Не имѣя постоянной связи съ княжествомъ, князья не заботились о расширеніи территоріи; помимо городовъ, ихъ призывавшихъ или принимавшихъ, они не могли даже образовать волости. Если происходятъ территоріальныя измѣненія волостей, то эти измѣненія стоятъ въ зависимости скорѣе отъ междуземскихъ, чѣмъ отъ междукняжескихъ отношеній.

Не связанные съ тою или иною волостью князья, тѣмъ не менѣе нерѣдко добиваются или придерживаются опредѣленной волости, считая ее своею „*отчиной*“ или „*дѣдиной*“, и выражая этимъ притязаніе на столъ волости, а не на ея территорію, какъ на собственность. Терминъ „отчина“, „дѣдина“, употребляемый въ такихъ случаяхъ, не имѣетъ частно-правового значенія; этимъ терминомъ обозначается только, что волость-княженіе есть столъ, который занималъ когда-то отецъ или дѣдъ даннаго князя. Отчиной называется каждая волость по отношенію къ дѣтямъ княжившаго въ ней князя независимо отъ того, пришлось ли имъ сѣсть на столъ отца послѣ его смерти, или нѣтъ (Сергѣевичъ).

Такое значеніе отчины было установлено на Любецкомъ съѣздѣ князей 1097 г. правиломъ: „кождо да держитъ отчину свою“, т. е. сыновья каждаго Ярославича должны владѣть тою отчиной, которою владѣлъ ихъ отецъ по Ярославову завѣщанію.

Взглядъ на волости, какъ на отчину, при дальнѣйшемъ развѣтвленіи рода Рюриковичей повелъ къ образованію мѣстныхъ княжескихъ линій, претендовавшихъ на обладаніе волостями, какъ наслѣдственнымъ достояніемъ, и усилилъ тѣмъ дробность государственной территоріи.

Однако въ началѣ XIII вѣка, когда дробленіе волостей-княженій достигло крайней степени, изъ сосѣднихъ волостей начинаютъ постепенно складываться два политическихъ тѣла: юго-западная, Галицкая и сѣверо-восточная, Ростовско-суздальская земли, послужившія зерномъ для образованія въ слѣдующемъ періодѣ двухъ государствъ: Литовско-Русскаго и Московскаго.

Оставляя въ сторонѣ Галицкую землю, замѣтимъ, что порядки, слагающіеся въ Ростовско-суздальскомъ краѣ, измѣняютъ существенно отношенія князей къ территоріи.

Отношеніе князей Ростовско-Суздальской Руси къ территоріи. Въ кіевской Руси призываемый или принимаемый волостью князь не имѣлъ, какъ мы видили, политическаго господства (imperium)

надъ территоріей волости. Это господство принадлежало общинѣ старшаго города, отъ которой князь получалъ по договору или молчаливымъ согласіемъ волость въ управленіе. Въ ростовско-суздальскомъ краѣ князь не только управляетъ населеніемъ и судитъ его, но и получаетъ власть надъ территоріей. Эта перемѣна находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что въ сѣверо-восточной Руси каждая волость постепенно дѣлается достояніемъ одной княжеской линіи. Волость дѣлится между наличными князьями, причемъ, младшія волости передаются не въ порядкѣ рожденій, а по прямой нисходящей линіи. Такой порядокъ преемства измѣняетъ юридическій характеръ владѣнія волостью: послѣдняя становится отдѣльною собственностью опредѣленнаго князя, личнымъ его достояніемъ, передаваемымъ сыну отцомъ по распоряженію послѣдняго или по обычаю. Такому измѣненію характера владѣнія соотвѣтствуютъ новыя названія княжествъ: вмѣсто названія „волость“, входитъ въ употребленіе съ XIII вѣка терминъ „вотчина“, а съ половины XIV в.—„удѣлъ“ въ значеніи частной собственности. Такимъ образомъ, власть надъ территоріей принадлежитъ теперь князю, но не въ качествѣ imperium'a а частно-правового dominium'a. Такой порядокъ могъ постепенно утвердиться, благодаря тому, что съ запустѣніемъ Кіевской Руси пало значеніе волостей. Общины главныхъ городовъ потеряли политическое могущество, призваніе и принятіе князей прекратилось. Территоріей этихъ волостей распоряжаются теперь князья Суздальской Руси. Значеніе же князя въ этой Руси иное: онъ—не временный владѣлецъ волости, а постоянный осѣдлый князь ея, устроитель города, куда стекается населеніе, покидающее юго-западныя волости. Рядомъ съ нимъ не стоитъ сильной городской общины, которая смотрѣла бы на территорію, какъ на свое достояніе. Единственной политической силой волости становится князь.

Частноправовой взглядъ князей на территорію княжества, какъ на вотчину, удѣлъ, при постоянномъ дробленіи волостей, могъ, повидимому, служить существеннымъ препятствіемъ къ объединенію Русской земли. Въ дѣйствительности же, именно, въ Ростовско-Суздальской Руси начинается объединеніе государственной территоріи. Этому содѣйствовалъ, прежде всего, указанный частно-правовой взглядъ на княжество. Князья не стремятся добыть себѣ доходной волости, не мѣняютъ ее, а становятся осѣдлыми, не покидаютъ своего княжества даже тогда, когда до нихъ доходитъ великокняжескій столъ сперва въ Кіевѣ, затѣмъ во Владимірѣ. Постоянно пребывая въ своей вотчинѣ, они заботятся объ ея расширеніи на счетъ сосѣдей. Наряду съ насильственнымъ захватомъ, какъ результатомъ усо-

бицъ, развиваются и мирныя средства увеличенія владѣній въ видѣ покупки, мѣны, даренія, полученія въ приданое, т. е. частно-правовые способы. Наиболѣе дѣятельные и ловкіе князья постепенно стягиваютъ подъ свою власть значительное количество другихъ княжествъ, получая политическое преобладаніе. Такими князьями явились князья, которымъ достался небольшой окраинный удѣлъ Суздальскаго края—Москва.

Этимъ князьямъ удается объединить раздробленную территорію Руси, чему содѣйствуетъ, на ряду съ указанными способами пріобрѣтенія владѣній, главнымъ образомъ, завѣщанія великихъ князей московскихъ, оставляющихъ, обыкновенно, старшему сыну болѣе обширный удѣлъ на „старѣйшій путь“. Но объ этихъ завѣщаніяхъ мы скажемъ въ слѣдующемъ періодѣ.

Сергѣевичъ.—Русск. Юрид. Древ. Т. I. СПБ. 1890 г.

Власть.

Власть, какъ воля государства, способная своими дѣйствіями устанавливать въ немъ опредѣленный юридическій порядокъ, осуществляется во внѣ людьми. Если власть по своему существу во всѣхъ государствахъ одинакова, то внѣшняя ея организація можетъ быть крайне различна. Отсюда различіе *государственныхъ формъ*. Власть можетъ осуществляться или однимъ, или немногими (лучшими по происхожденію, военной доблести, богатству), или всѣмъ народомъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ монархическую форму, во второмъ — аристократическую, въ третьемъ—демократическую. Всѣ эти формы носятъ названіе *чистыхъ* государственныхъ формъ. Наряду съ ними встрѣчаются *формы смѣшанныя*, въ которыхъ верховная власть осуществляется указанными элементами въ разныхъ сочетаніяхъ.

Въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи верховная власть тѣхъ политическихъ союзовъ, на которые дробилась Русская земля, была организована по типу смѣшанныхъ государственныхъ формъ: она принадлежала *народу* въ лицѣ вѣча, *князю* и его *дружинному совѣту*, получившему въ литературѣ наименованіе *княжеской думы*. И если значеніе каждаго изъ этихъ элементовъ въ томъ или другомъ политическомъ союзѣ того времени было неодинаково, какъ увидимъ ниже, однако всѣдѣ эти элементы входили въ составъ верховной власти.

Поэтому, чтобы познакомиться съ организаціей верховной власти въ изучаемый періодъ, надо остановиться на каждомъ изъ указанныхъ трехъ органовъ власти: вѣчѣ, князѣ и княжеской думѣ отдѣльно.

Вѣче.

Опредѣленіе вѣча. Древность и повсемѣстность вѣчевого строя на Руси. *Вѣче есть собраніе полноправныхъ гражданъ города для обсужденія и рѣшенія общественныхъ дѣлъ.* Вѣчевыя собранія являлись институтомъ обычнаго права съ древнѣйшихъ временъ. Начальная лѣтопись свидѣтельствуетъ объ ихъ существованіи задолго до призванія князей. Разсказывая о походѣ Хозаръ на Полянъ и о требованіи ими дани съ послѣднихъ, лѣтописецъ говоритъ: *„сдумавше* же поляне и вдаша отъ дыма мечъ". Самое призваніе князей, по лѣтописи, было рѣшено на вѣчѣ славянъ, чуди и кривичей. Во времена князей Рюриковичей участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ въ формѣ вѣча было повсемѣстнымъ явленіемъ. Помимо многочисленныхъ указаній на существованіе вѣчевыхъ собраній въ отдѣльныхъ городахъ, въ лѣтописяхъ имѣется прямое свидѣтельство отъ второй половины XII вѣка о старинномъ обычаѣ всѣхъ тогдашнихъ русскихъ волостей сходиться на вѣче: „Новгородцы бо изначала, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти (волости), яко же на думу, на вѣча сходятся..." (Суздал. 1176).

Организація вѣчевыхъ собраній. Вопросъ объ организаціи вѣчевыхъ собраній сводится къ вопросамъ о составѣ, времени, порядкѣ и мѣстѣ созыва вѣча и о порядкѣ совѣщаній и рѣшеній на немъ.

Въ *составъ* вѣча входили всѣ полноправные жители города; участіе на вѣчѣ было ихъ правомъ, а не обязанностью; поэтому здѣсь присутствовалъ тотъ, кто хотѣлъ, но онъ долженъ былъ присутствовать лично, а не черезъ представителей, такъ какъ вѣче есть *форма непосредственнаго участія народа въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ.* Полноправными считались домохозяева, главы семей. Отсюда неотдѣленные сыновья полноправными не были и, при жизни отцовъ, участвовать на вѣчѣ не могли: за нихъ думали и принимали рѣшенія отцы. Въ 1147 году Изяславъ Мстиславичъ побуждалъ кіевлянъ выступить въ походъ противъ Ольговичей; „кыяне же рекоша: ради, ... идемъ по тобѣ и *с дѣтми*, акоже хощеши" (Ипат. 1147).

Время созыва вѣча точно не опредѣлялось: вѣчевыя собранія созывались по мѣрѣ надобности.

Созывалось вѣче лицами, желавшими представить на обсужденіе народнаго собранія интересующій ихъ вопросъ. Всего чаще починъ въ дѣлѣ созыва вѣча исходилъ отъ князя. Лѣтописи нерѣдко упоминаютъ о созывѣ вѣчевыхъ собраній князьями по

разнымъ поводамъ: то для рѣшенія вопроса объ избраніи себѣ преемника, то для подтвержденія „ряда“ (договора) съ княземъ, чаще же для выясненія вопроса о военныхъ походахъ.

Въ Новгородѣ на ряду съ княземъ созывалъ вѣче посадникъ. Но вѣче могло быть созвано и гражданами, причемъ, количество созывающихъ не имѣло значенія. Бывали случаи, что вѣче созывалось по желанію одного лица. Но чтобы состоялось вѣче, важно было не то, кто созывалъ его, а то, чтобы на призывъ откликнулся народъ, чтобы онъ дѣйствительно желалъ совѣщаться о предложенномъ вопросѣ, иначе вѣче состояться не могло, если бы даже созывалъ его князь.

Обыкновеннымъ способомъ созыва вѣча былъ колокольный звонъ, отсюда техническое выраженіе лѣтописи—„звонити вѣче“ для обозначенія созыва вѣчевого собранія. Но вѣче могло быть созвано словесно, путемъ приглашенія. Такъ, князья созывали иногда вѣчевыя собранія черезъ особыхъ лицъ—биричей. Такой способъ созыва обозначается въ лѣтописяхъ выраженіями: „звати вѣче“, „вабить на вѣче“.

Что касается *мѣста* вѣчевыхъ собраній, то опредѣленнаго мѣста не было. Вѣче могло собраться на дворѣ, на площади около храма, на рынкахъ, на полѣ, какъ указано въ лѣтописи подъ 1015 г. о созывѣ вѣча Ярославомъ. Въ Кіевѣ было четыре мѣста вѣчевыхъ собраній: у св. Софіи, на Ярославовомъ дворѣ, на торговищѣ и у Туровой Божницы. Въ Новгородѣ чаще всего собирались у св. Софіи, у св. Николы, у 40 святыхъ и на Ярославовомъ дворѣ.

Такъ какъ на вѣчѣ мнѣнія иногда могли раздѣлиться, то сторонники того или другого мнѣнія сходились въ разныхъ мѣстахъ, и въ одно и тоже время, такимъ образомъ, могло происходить нѣсколько вѣчевыхъ собраній.

Продолжительность вѣча никогда не опредѣлялась: вѣче созывалось не на извѣстное время, а для рѣшенія опредѣленнаго вопроса и продолжалось, пока эти вопросы не были разрѣшены.

О *порядкѣ совѣщаній* на вѣчахъ мы располагаемъ скудными лѣтописными указаніями. Изъ нихъ видно, что совѣщанія происходили безъ соблюденія какого-либо порядка. Конечно, открывалось вѣче постановкою вопроса тѣмъ лицомъ, кто созывалъ вѣче. Обсужденіе же его протекало различно. Если вопросъ не возбуждалъ разногласій, рѣшеніе принималось скоро и было опредѣленнымъ. При разногласіи же, совѣщанія становились безпорядочными: противники крикомъ, а иногда и колокольнымъ звономъ стремились заглушить рѣчи другъ друга; примирить враждующія

мнѣнія являлось очень труднымъ, и дѣло кончалось нерѣдко побоищемъ, въ которомъ одерживало верхъ мнѣніе стороны, располагавшей большей силой.

Рѣшенія на вѣчевыхъ собраніяхъ принимались не большинствомъ голосовъ, такъ какъ принципъ коллегіальнаго рѣшенія дѣлъ не былъ извѣстенъ древности, а единогласно, что выражается въ памятникахъ словами: „однодушно“, „едиными усты“, „вси кіяне“, „весь господинъ, великій Новгородъ“ и т. д. Но единогласіе всѣхъ возможно только при отсутствіи возраженій. Если такія возраженія были на лицо, никакое рѣшеніе не было возможнымъ безъ уступокъ, которыя достигались иногда, какъ сказано выше, силою, причемъ, лица, оставшіяся въ меньшинствѣ, не всегда уступали мнѣнію большинства, и умѣли съ успѣхомъ настаивать на принятіи своего мнѣнія.

Предметы вѣдомства вѣча. Изъ лѣтописныхъ указаній можно составить опредѣленное понятіе о предметахъ вѣдомства вѣчевыхъ собраній. Сюда относятся: призваніе князей и „рядъ“, договоръ съ ними, вопросы о войнѣ и мирѣ и заключеніе договоровъ съ иноземными государствами.

Призваніе князей. На ряду съ извѣстіями о занятіи столовъ князьями, лѣтописи часто упоминаютъ объ избраніи князей на вѣчевыхъ собраніяхъ. Такъ, въ 1113 году, по смерти Святослава Изяславича, Кіевляне „совѣтъ сотвориша и позваша“ къ себѣ Владиміра Мономаха. Въ 1157 г. „сдумавши Ростовци, и Суздальци, и Володимерци вси, пояша Андрея, сына Юрьева старѣйшаго“, вопреки волѣ его отца.

Имѣя право избранія, вѣча принимали или не принимали князей, занимавшихъ столы не по избранію; такъ, въ 1096 г. Смольняне не приняли Олега Святославовича.

Праву избранія соотвѣтствовало право смѣщенія князей. Если народъ находилъ избраннаго или принятаго князя нежелательнымъ, онъ „казалъ“ ему, по постановленію вѣча, „путь чистъ“, т. е. изгонялъ. Подъ 1175 г. въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе что „смольняне выгнаша отъ себя Романовича Ярополка“.

Принимая князя, вѣча предлагали имъ различныя условія, вступали съ ними въ договоры, „ряды“. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни одного изъ древнѣйшихъ договоровъ народа съ князьями. Самые древніе изъ дошедшихъ не восходятъ далѣе второй половины XIII вѣка и всѣ принадлежатъ одному Новгороду. Въ Новгородскихъ договорахъ важнѣйшія условія, ограничивавшія власть садившихся на столъ князей, сводились къ требованію не судить суда, не выдавать грамотъ и не раздавать

волостей безъ посадника; для управленія волостями назначать исключительно мужей новгородскихъ, и не пріобрѣтать селъ въ Новгородской землѣ ни самому князю, ни его женѣ, ни его мужамъ-дружинникамъ.

Вопросы о войнѣ и мирѣ. Многочисленныя лѣтописныя свидѣтельства доказываютъ право вѣчевыхъ собраній рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ; причемъ, инициатива объявленія войны или заключенія мира нерѣдко идетъ отъ самого народа, который требуетъ того или другого отъ князя; иногда же князь предлагаетъ вѣчу выразить согласіе на помощь народа въ войнѣ, такъ какъ безъ земской помощи князьямъ приходилось или заключать нежелательный миръ, или бороться съ помощью однихъ дружинниковъ. Если вопросы о войнѣ и мирѣ могли подвергаться обсужденію и рѣшенію вѣчевыхъ собраній при князьяхъ, то при отсутствіи послѣднихъ эти вопросы составляли постоянную ихъ заботу.

Заключеніе договоровъ съ иноземными государствами. Первое извѣстіе объ участіи народа въ лицѣ, конечно, вѣча въ заключеніи международныхъ договоровъ встрѣчается, какъ намъ извѣстно (см. стр. 26), въ договорѣ Игоря съ греками 945 г. Послы заключили этотъ договоръ отъ имени „великаго князя русскаго, и отъ всякаго княжья, и *отъ всѣхъ людій русскія земли*“. Позднѣе договоры съ нѣмцами, особенно, Новгорода заключались также при участіи вѣча. Такъ, въ извѣстныхъ намъ договорахъ Новгорода съ нѣмцами 1195 и 1270 г. (см. стр. 62 и 63) въ числѣ сторонъ, заключавшихъ договоры, упоминаются со стороны русскихъ, наряду съ князьями, посадниками и тысяцкими, „вси новгородци“.

За исключеніемъ указанныхъ предметовъ вѣдомства, дѣятельность вѣча должна быть признана слабой: ни законодательство, ни судъ и управленіе, по общему правилу, вѣчу не принадлежали. Судъ и управленіе составляли основную компетенцію князей, а законодательство, при господствѣ обычнаго права, вообще не получило въ разсматриваемый періодъ значительнаго развитія и долгое время не выдѣлялось изъ сферы управленія и суда, т. е. также осуществлялось князьями, при содѣйствіи, иногда, княжеской думы.

Вѣча пригородовъ. Вѣча были не только въ главныхъ городахъ волости, но и въ пригородахъ, такъ какъ жители послѣднихъ не всегда могли участвовать на вѣчевыхъ собраніяхъ первыхъ. Въ приведенномъ выше (стр. 171) мѣстѣ лѣтописи, гдѣ говорится о томъ, что всѣ волости имѣютъ обычай сходиться на вѣче, какъ

на думу, опредѣляется отношеніе пригородныхъ вѣчъ къ вѣчу главнаго города: „на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть“. Это правило означаетъ, что рѣшенія, принятыя главнымъ городомъ, обязательны для пригородовъ. Однако, это правило имѣло силу только при мирныхъ отношеніяхъ пригородовъ къ городамъ; если же пригородъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ главнымъ городомъ, то рѣшенія ихъ вѣчевыхъ собраній нерѣдко расходились, и дѣло оканчивалось усобицами, которыя приводили даже къ отпаденію пригородовъ отъ главныхъ городовъ и къ образованію новыхъ волостей. Такъ, Псковъ отдѣлился отъ Новгорода, а Владиміръ сталъ старшимъ городомъ волости на мѣсто Ростова и Суздаля.

Политическое значеніе вѣча въ разныхъ волостяхъ. Представленный очеркъ организаціи вѣчевыхъ собраній, ихъ компетенціи и отношенія вѣча пригородовъ къ вѣчу главныхъ городовъ показываетъ, что ни въ устройствѣ, ни въ предметахъ вѣдомства вѣчевыхъ собраній, ни въ отношеніяхъ пригородовъ къ старшимъ городамъ волости не было юридической опредѣленности и устойчивости, слѣдствіемъ чего являлась зависимость политическаго значенія вѣча отъ условій мѣстныхъ или временныхъ. Тамъ, гдѣ населеніе представляло собою значительную общественную и экономическую силу, какъ это было въ Новгородѣ, а позднѣе во Псковѣ, вѣче имѣло неизмѣримо большее значеніе сравнительно съ другимъ элементомъ верховной власти—княземъ, добровольно имъ призваннымъ: тамъ же, гдѣ населеніе, частью добровольно, частью принудительно подчинилось варяжскимъ князьямъ и тѣмъ утратило нѣкоторую долю самостоятельности съ самаго начала исторической жизни, какъ это имѣло мѣсто въ волостяхъ кіевской Руси, тамъ вліяніе вѣча въ общемъ было менѣе значительнымъ, чѣмъ власть князя, хотя при князьяхъ слабыхъ его политическое значеніе усиливалось, при князьяхъ же сильныхъ, окруженныхъ большою дружиной, принижалось. Такъ, при Ярославѣ и его сыновьяхъ вѣче далеко не обладало той силой, какую оно имѣло при его внукахъ и правнукахъ.

Паденіе вѣчевого строя. Неустойчивость политическаго значенія вѣча служила главнымъ препятствіемъ къ упроченію вѣчевого строя и къ противодѣйствію тѣмъ явленіямъ внутренней и внѣшней жизни Кіевской Руси, которыя подрывали благосостояніе населенія и отвлекали его отъ занятія общественными дѣлами. Экономическій упадокъ южно-русскихъ волостей и, особенно, Кіева вслѣдствіе паденія торговли по знаменитому пути „изъ Варягъ въ Греки“ еще въ первой половинѣ XII вѣка, обѣдненіе массы сель-

скаго люда, притѣсняемаго крупными землевладѣльцами и рабовладѣльцами, непрерывныя княжескія усобицы, тяжело отражавшіяся на земщинѣ,—все это, вмѣстѣ взятое, вызывало бѣгство населенія, что привело къ запустѣнію цѣлаго ряда городовъ и волостей, а тамъ, гдѣ часть населенія оставалась, вѣчевая жизнь должна была постепенно заглохнуть.

Населеніе отливаетъ на сѣверо-востокъ, въ Ростовско-Суздальскій край, гдѣ слагаются иные политическіе порядки, далекіе отъ вѣчевого уклада: бѣглецы садятся на новыхъ мѣстахъ, подчиняясь князю „на всей его волѣ". Создаются новые города, гдѣ единственною политическою силою—становится князь, достаточно могущественный, чтобы вступить въ борьбу съ старыми вѣчевыми городами края—Ростовомъ и Суздалемъ, и сломить въ нихъ вѣчевые порядки.

Къ описаннымъ явленіямъ внутренней жизни юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ волостей, распатывавшихъ вѣчевой ихъ строй, въ половинѣ XIII вѣка присоединяется внѣшнее событіе, нанесшее послѣдній ударъ вѣчевой жизни городовъ. Нашествіе татаръ и послѣдовавшее затѣмъ монгольское иго окончательно подорвало экономическое благосостояніе населенія и повело къ измѣненію отношеній между княземъ и вѣчемъ и къ паденію вѣчевого строя. Нуждавшіеся нѣкогда для занятія того или другого стола въ поддержкѣ вѣча, князья теперь становятся въ прямую зависимость отъ хановъ, назначающихъ и смѣняющихъ ихъ по своему усмотрѣнію и свободно могутъ не считаться съ вѣчемъ.

И только тамъ, гдѣ экономическое положеніе населенія, постоянно улучшаясь, обусловливало могущество городовъ, вѣчевой строй находилъ благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія. Такъ было въ сѣверо-западныхъ нашихъ волостяхъ, особенно, въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ вѣчевой строй удержался до московскаго періода. Устойчивости этого строя содѣйствовали не только та юридическая опредѣленность въ организаціи и компетенціи вѣча, которая являлась слѣдствіемъ указанныхъ благопріятныхъ условій, но и то обстоятельство, что татарскій погромъ не коснулся этихъ областей.

Сергѣевичъ—Вѣче и князь. 1867 г. *Его же.*—Рус. Юр. Древности т. II изд. 2-ое. *Линниченко.*—Вѣче въ Кіевской области. 1881 г. *Градовскій.*—Государственный строй древней Россіи. Пол. Соб. соч. Т. I, стр. 339—381. *Костомаровъ*—Сѣверо-русскія народоправства. Полное собр. соч. кн. 3-ья. 1904 г.

Князь.

Племенные князья. Вторымъ элементомъ верховной власти въ удѣльно-вѣчевой періодъ былъ князь. Въ качествѣ органа верховной власти князь моложе вѣча: княжеская власть, какъ политическая сила, появляется только съ князьями Рюриковичами. Лѣтопись, впрочемъ, говоритъ о племенныхъ князьяхъ, она запомнила имя одного изъ нихъ, Мала древлянскаго, но политическое значеніе этихъ князей за скудостью свѣдѣній не можетъ быть установлено. Если лѣтопись говоритъ, напр., о древлянскихъ князьяхъ, что „они распасли суть деревскую землю", то она же разсказываетъ, что древляне избрали „лучшихъ мужей, иже держаху деревску землю", и ставитъ т. образомъ, князей на ряду съ этими мужами. Мы ничего не знаемъ о дѣятельности этихъ князей: тамъ, гдѣ надо было дѣйствовать, принимать рѣшенія, тамъ выступаетъ народъ. У полянъ были князья изъ рода Кія: однако, когда на землю ихъ напали Хозары и потребовали дани, таковая была установлена не княземъ, а народомъ: „сдумавше поляне и вдаше отъ дыма мечъ". Не древлянскіе князья отправляютъ посольство къ Ольгѣ; послы заявляютъ ей: „посла насъ Деревска земля". Весьма вѣроятно, что князья участвовали на вѣчахъ; о Малѣ напр., имѣется прямое лѣтописное указаніе: убіеніе кн. Игоря было рѣшено древлянами, которые это дѣло „сдумавше со княземъ своимъ Маломъ" (Лавр. 945); но о самостоятельныхъ и отдѣльныхъ отъ народа выступленіяхъ этихъ князей лѣтопись молчитъ. Что же представляли собою эти князья? У тѣхъ племенъ, у которыхъ сохранился отчасти родовой бытъ, они могли быть родовыми старѣйшинами, тамъ же, гдѣ бытъ покоился уже на территоріальной основѣ, былъ общиннымъ, князья могли выступать въ роли городскихъ охранителей, выборныхъ вождей. Эти племенные князья остаются и при первыхъ Рюриковичахъ. При заключеніи договора съ греками 907 г. Олегъ, по свидѣтельству лѣтописца, какъ мы видѣли, требуетъ съ нихъ дани на разные русскіе города: „*по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ сущѣ*"... Но постепенно эти князья замѣняются младшими членами Рюрикова дома.

Князья Рюриковичи. Въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Вѣче и Князь" пр. Сергѣевичъ говоритъ: „при равенствѣ всѣхъ слоевъ населенія, при отсутствіи почему-бы то ни было выдающихся изъ общаго уровня родовъ, которые могли бы предъявить свое право на безспорное первенство, у насъ не представлялось возможности

создать изъ своихъ собственныхъ элементовъ главу сколько-нибудь сильной правительственной власти, не возбудивъ непримиримой вражды партій. Призванія князей изъ-внѣ являлось единственнымъ средствомъ установить власть, независимую отъ внутреннихъ партій (стр. 68). Вотъ причина призванія Новгородомъ Рюрика съ братьями, являющагося родоначальникомъ династіи, члены которой призываются или принимаются затѣмъ каждою самостоятельною волостью. Въ народѣ слагается сознаніе необходимости имѣть не только независимый постоянный личный органъ для защиты земли отъ внѣшнихъ враговъ и для устройства „наряда и правды“ внутри ея, но и одинъ владѣтельный родъ, изъ котораго можно было бы призывать или принимать того или иного князя. Это народное сознаніе передалось и князьямъ Рюриковичамъ, которые смотрѣли на себя, какъ на членовъ перваго княжескаго рода, имѣющаго исключительное право княженія на Руси. Такой взглядъ присущъ уже Олегу. Подступивъ къ Кіеву, онъ заявляетъ Аскольду и Диру: „вы нѣста князя, ни рода княжа, *но азъ есмь роду княжа*“ и, указавъ на Игоря, прибавляетъ „*и се есть сынъ Рюриковъ*“.

Право призванія, какъ основное начало политическаго быта кіевской Руси, опредѣляло политическое положеніе князя и отношеніе къ нему народа. Безъ поддержки вѣча князь не могъ осуществить никакого дѣла; его политическое положеніе обусловливалось его „одиначествомъ“, т. е. единеніемъ съ народомъ и степенью довѣрія къ нему послѣдняго. Чѣмъ большимъ народнымъ довѣріемъ пользовался князь, чѣмъ большую любовь заслуживалъ онъ, тѣмъ болѣе прочнымъ было его положеніе, обширнѣе власть. Такіе князья, какъ Владиміръ Св., Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ Ростиславовичъ, Всеволодъ Юрьевичъ, постоянно жившіе въ согласіи съ народомъ, были весьма сильны. Напротивъ того при отсутствіи одиначества и довѣрія „князь и вѣче стояли другъ противъ друга“, по выраженію пр. Сергѣевича, „какъ двѣ самостоятельныя власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ Божіимъ“, т. е. войною. Но война, прибавляетъ онъ, „никогда не ведется противъ князя вообще, какъ формы государственнаго быта, она ведется противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода. Самый же принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ. Нашей исторіи вовсе неизвѣстенъ антагонизмъ князя и народа, стремленіе послѣдняго распространить свои права на счетъ правъ князя. Народъ сознаетъ свою неспособность устроиться безъ князя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей

средѣ, безъ чего не было бы возможно достиженіе цѣлей призванія" (Сергѣевичъ.—Лекціи стр. 261).

Поэтому князь являлся необходимымъ элементомъ въ составѣ государственной власти всѣхъ волостей: ни одна самостоятельная волость не могла обойтись безъ князя. Мало того. Всякій пригородъ получалъ значеніе самостоятельной волости только съ призваніемъ князя. Псковъ, напр., сталъ самостоятельнымъ, получивъ по Болотовскому договору съ Новгородомъ въ 1348 г. право имѣть особаго князя. Даже Новгородъ, о которомъ, послѣ ухода въ 880 г. Олега, лѣтопись молчитъ почти столѣтіе, не могъ обойтись безъ князя и въ 970 году послалъ посольство къ Святославу, прося дать ему князя съ угрозою: „аще не поидете къ намъ, то налѣземъ (найдемъ) князя собѣ". Это извѣстіе характерно въ двоякомъ отношеніи: 1) потребность въ княжеской власти настолько сильна, что въ случаѣ отказа со стороны великаго князя, новгородцы постараются найти князя на сторонѣ; а 2) признаніе за владѣтельнымъ домомъ Рюриковичей преимущественнаго права поставлять князей во всѣ волости Русской земли. Святославъ отпустилъ Владиміра. Съ этого момента Новгородъ становится въ принципѣ отчиною великихъ князей кіевскихъ, получающею отъ нихъ князей всякій разъ, какъ въ томъ встрѣтится необходимость. Это обстоятельство имѣло весьма важныя послѣдствія для Новгорода. Частая смѣна князей на кіевскомъ столѣ влекла за собою такую же частую смѣну и ихъ ставленниковъ—князей новгородскихъ. Поэтому, Новгородъ въ началѣ XII вѣка рѣшилъ завести, наконецъ, постояннаго князя. Случай къ этому представился. Въ 1102 г. великій князь Святополкъ на ряду съ Владиміромъ Мономахомъ рѣшили посадить, по заведенному обычаю, въ отчинѣ великаго князя—Новгородѣ своего сына на мѣсто Мстислава, сына Мономахова, посаженнаго тамъ еще въ дѣтствѣ дѣдомъ его Всеволодомъ. Новгородъ послалъ къ Святополкуословъ, которые заявили: „се мы, княже, присланы къ тобѣ и рекли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его: аще двѣ главѣ имѣетъ сынъ твой, то пошли и; сего (Мстислава) ны далъ Всеволодъ, *а вскормили есмы собѣ князь*, а ты еси шелъ отъ насъ".

Итакъ, съ призваніемъ князей въ составъ государственной власти волостей, наряду съ демократическимъ элементомъ въ лицѣ вѣча вводился другой элементъ—монархическій въ лицѣ князя. Отсюда пріобрѣталъ важное значеніе вопросъ объ организаціи княжеской власти. При конечности физическаго бытія монарха вопросъ объ организаціи власти сводится къ установленію порядка преемства стола послѣ смерти даннаго князя.

Порядокъ преемства столовъ. Государственное право знаетъ три порядка преемства власти: 1) избраніе, 2) наслѣдованіе по завѣщанію и 3) наслѣдованіе по закону (обычаю); въ послѣднемъ случаѣ преемство можетъ идти по праву родового старшинства или по праву исходящаго первородства. Какой же изъ указанныхъ порядковъ опредѣлялъ преемство столовъ между князьями Рюрикова дома. Впервые въ исторической литературѣ данъ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ С. М. Соловьевымъ. По его теоріи распредѣленіе столовъ между князьями опредѣлялось началомъ *родового старшинства*. Эта теорія была принята и подробнѣе развита пр. Ключевскимъ, который порядокъ преемства, сложившійся въ кіевской Руси называетъ *очереднымъ порядкомъ* въ отличіе отъ смѣнившаго его позднѣе *порядка удѣльнаго*.

Очередной порядокъ опредѣлялся старшинствомъ волостей и старшинствомъ лицъ. Всѣ волости представляютъ „лѣствицу“ по степени достоинства и доходности ихъ главныхъ городовъ. Старшинство послѣднихъ было установлено народнымъ сознаніемъ и мнѣніемъ самихъ князей: Кіевъ считался старшимъ. „матерью русскихъ городовъ“, какъ назвалъ его впервые Олегъ, за нимъ слѣдовалъ Черниговъ, затѣмъ Переяславль, Смоленскъ и т. д. На старшій, т. е. кіевскій столъ долженъ былъ садиться старшій братъ изъ наличныхъ Рюриковичей, на Черниговскій слѣдующій за нимъ и т. д. На каждый старшій столъ князья переходили постепенно. Послѣ смерти Кіевскаго князя его мѣсто занималъ Черниговскій; на мѣсто этого послѣдняго Переяславскій и т. д. Такимъ образомъ, каждый братъ постепенно переходилъ въ старшіе князья и достигалъ кіевскаго стола „лѣствичнымъ восхожденіемъ“, говоря словами Никоновской лѣтописи. Основаніемъ такого порядка распредѣленія столовъ послужило предсмертное изустное завѣщаніе Ярослава (1054 г.), по которому:

1) кіевское княженіе принадлежитъ старшему Ярославичу. Изяславу;

2) младшимъ Ярославичамъ въ порядкѣ старшинства даны отдѣльныя княженія: Святославу — Черниговское, Всеволоду — Переяславское, Игорю — Владиміро-Волынское, Вячеславу—Смоленское;

3) Изяславъ кіевскій по отношенію къ братьямъ становится „въ отца мѣсто“, а потому они обязаны повиноваться ему, какъ повиновались отцу;

4) ни одинъ изъ князей не можетъ „ни преступати предѣла братня, ни сгонити; аще же кто хощетъ обидѣти брата своего“, то старшій князь, Изяславъ, обязанъ помогать обиженному.

Въ этомъ завѣщаніи установлены, такимъ образомъ, порядокъ распредѣленія столовъ по старшинству волостей и самихъ князей и отношенія младшихъ братьевъ къ старшему, отношенія скорѣе нравственнаго, чѣмъ юридическаго характера. Но изъ завѣщанія не видно, какъ смотрѣлъ Ярославъ на тотъ порядокъ, котораго послѣ него будутъ придерживаться сыновья въ занятіи кіевскаго стола. Его взглядъ на этотъ порядокъ ясно видѣнъ изъ словъ, сказанныхъ имъ передъ смертью, по свидѣтельству лѣтописи, третьему сыну Всеволоду, котораго онъ любилъ больше другихъ сыновей: „аще ти подастъ Богъ *пріяти власть стола моего, по братьи своей*, съ правдою, а не съ насильемъ, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, да ляжеши идѣже азъ лягу, у гроба моего"... Изъ этихъ словъ ясно, что третій сынъ можетъ занять кіевскій столъ только послѣ братьевъ по очереди; это будетъ „правдой", т. е. правильно, иной порядокъ будетъ отрицаніемъ „правды"—насиліемъ. Отсюда понятно, что въ завѣщаніи нечего было указывать на порядокъ занятія кіевскаго стола въ дальнѣйшемъ, по очереди старшинства, такъ какъ для каждаго князя-Рюриковича такой порядокъ представлялся *нормою обычнаго права* въ ихъ взаимныхъ родовыхъ отношеніяхъ по вопросу о преемствѣ столовъ. Вотъ почему впослѣдствіи каждый князь, считавшій себя старшимъ въ родѣ, предъявлялъ свои права на кіевскій столъ.

Такова теорія „лѣствичнаго восхожденія", или очередного порядка владѣнія столами. Противъ этой теоріи выступилъ проф. Сергѣевичъ съ своей теоріей *добыванія* волостей. По мнѣнію пр. Сергѣевича, „русскія волости не составляли наслѣдственнаго владѣнія Рюриковичей. Согласно этому, княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наслѣдовались, но добывались". Въ доказательство указаннаго положенія приводится значительное количество лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Добываніе волостей было фактомъ болѣе или менѣе всеобщимъ, но все-таки только фактомъ, „насиліемъ", а не „правдой" по взглядамъ современниковъ. Такихъ фактовъ, которые препятствовали осуществленію обычнаго порядка преемства столовъ по старшинству, и постепенно разстроивали этотъ порядокъ, кромѣ „добыванія", было нѣсколько. Къ разсмотрѣнію ихъ мы и обратимся.

Условія, препятствовавшія примѣненію очередного порядка. Къ условіямъ препятствовавшимъ примѣненію на практикѣ очередного порядка преемства принадлежатъ: 1) отчинное право, 2) призваніе князей волостями, 3) тѣсно связанное съ послѣднимъ добываніе и 4) междукняжескіе договоры.

1) *Отчинное право.* На основаніи отчиннаго права, впервые оффиціально признаннаго на Любецкомъ съѣздѣ въ 1097 г. постановленіемъ князей: „кождо да держитъ отчину свою", каждый князь могъ владѣть только тѣмъ, чѣмъ владѣлъ его отецъ: это право семейное. Отсюда князья всегда добивались признанія своего отчиннаго права въ случаяхъ его нарушенія. Долголѣтняя борьба Мономаховичей и Ольговичей являлась споромъ объ отчинномъ правѣ послѣднихъ на Кіевъ. Мономаховичи указывали, что родоначальникъ Ольговичей, Святославъ Ярославичъ Черниговскій, не владѣлъ Кіевомъ по праву и, слѣдовательно, сообщить имъ отчинное право на Кіевъ не могъ. Ольговичи же поддерживали свое притязаніе ссылкой на то, что ихъ отецъ при отцѣ старшихъ Мономаховичей владѣлъ Кіевомъ, почему они и считали себя его отчичами.

Съ другой стороны, отчинное право при господствѣ очереднаго порядка преемства, не могло быть исключительнымъ: оно проявлялось въ связи съ осуществленіемъ родового права. Такъ, Владиміръ Мономахъ былъ безспорнымъ кіевскимъ отчичемъ, но могъ осуществить это право только по смерти Святополка Изяславича, когда сталъ старшимъ въ родѣ.

Наконецъ, князья, по отчинному праву, не могли имѣть притязаній на то, чѣмъ не владѣли ихъ отцы. Отсюда князья—изгои, лишенные права участія въ общемъ родовомъ распорядкѣ. Такими князьями-изгоями, устраненными отъ Кіевскаго наслѣдія, были потомки Изяслава Владиміровича Полоцкаго, Владиміра Ярославича Новгородскаго и др. Родоначальники этихъ линій не владѣли кіевскимъ столомъ, а потому и не могли сообщить отчинное право потомкамъ.

2) *Право призванія.* Право призванія князей волостями имѣло весьма важное значеніе въ исторіи преемства столовъ и было однимъ изъ существенныхъ препятствій осуществленію очереднаго порядка. По существу право призванія—начало народное—противорѣчитъ праву наслѣдственному—началу княжескому. Съ народной точки зрѣнія, каждый князь былъ княземъ призваннымъ или принятымъ: народъ одинаково не признавалъ ни права старшинства, ни права отчиннаго. Поэтому, призваніе то совпадало съ очереднымъ порядкомъ и отчиннымъ правомъ, то расходилось съ ними. Призваніе кіевлянами Владиміра Мономаха послѣ смерти Святополка Изяславича представляетъ примѣръ совпаденія, а избраніе въ 1146 г. Кіевлянами Изяслава Мстиславича помимо дяди его, Вячеслава Владиміровича—примѣръ нарушенія права старшинства. Въ 1154 году тѣже Кіевляне призвали Изяслава Давидовича

Черниговскаго, нарушивъ тѣмъ отчинное право Юрія Долгорукаго. Изяславъ уступилъ Кіевъ Юрію II, такимъ образомъ, отчинное право одержало верхъ надъ началомъ призванія. Но бывало и наоборотъ: въ 1146 г. тѣже Кіевляне призываютъ Изяслава Мстиславича вопреки тому, что цѣловали крестъ Всеволоду Ольговичу посадить, по смерти послѣдняго, брата его Игоря. Нарушеніе клятвы они объясняютъ такъ: „не хощемъ быти, аки въ задничѣ“ (т. е. въ наслѣдствѣ).

Право призванія, вліявшее на очередной порядокъ, создавало вмѣстѣ съ тѣмъ удобную почву для нарушенія его отдѣльными князьями путемъ добыванія столовъ.

3) *Добываніе.* При размноженіи княжескаго рода вѣроятность попасть на старшій столъ по очереди становилась призрачной, самые счеты старшинства запутывались, съ другой же стороны развитіе отчиннаго права создавало все больше князей-изгоевъ. При такихъ условіяхъ людей удалыхъ, отважныхъ соблазняла мысль „добыть“ (захватить) какой-нибудь столъ въ нарушеніе очередного порядка. Если такой князь отличался личными доблестями, снискавшими ему любовь народную, то при содѣйствіи народа, призывавшаго или принимавшаго такого князя, ему удавалось добыть любой столъ. Наиболѣе яркимъ представителемъ личной способности, личной удали былъ упомянутый выше Изяславъ Мстиславичъ Волынскій, руководившійся правиломъ: „не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту“.

Междукняжескіе договоры иногда совпадаютъ съ очереднымъ порядкомъ и отчиннымъ правомъ, иногда же идутъ въ разрѣзъ съ ними. Не смотря на давность обычая у князей договариваться между собою, развитіе междукняжескихъ договоровъ начинается со внуковъ Ярослава, что объясняется усиленіемъ усобицъ изъ-за обладанія волостями. Поэтому, предметомъ договоровъ были, главнымъ образомъ, волости. Междукняжескіе договоры раздѣляются на два вида: общіе, въ которыхъ принимали участіе всѣ наличные князья даннаго времени, и частные, заключавшіеся только нѣкоторыми князьями.

а) *Общихъ междукняжескихъ договоровъ* извѣстно два; они заключены на съѣздахъ Любецкомъ 1097 г. и Витичевскомъ 1100. О Любецкомъ договорѣ сказано выше (стр. 22). Постановленіе Витичевскаго съѣзда измѣнило Любецкій договоръ. Старшіе князья лишаютъ Давида Игоревича признанной за нимъ на Любецкомъ съѣздѣ Волынской отчины въ наказаніе за ослѣпленіе Василька Теребовольскаго. Такимъ образомъ, постановленіе Любецкаго съѣзда объ отнятіи вотчины за преступленіе—важнѣйшее огра-

ниченіе отчиннаго права князей, на Витичевскомъ съѣздѣ нашло себѣ осуществленіе.

б) *Частные междукняжескіе договоры.* Первымъ такимъ договоромъ было соглашеніе великаго князя Святополка и Владиміра Мономаха объ обезпеченіи волостями семействъ договаривающихся. Частные договоры имѣли иногда цѣлью заставить сильныхъ князей не обижать слабыхъ. Такъ въ 1135 г. сыновья Мстислава Великаго соединяются съ Ольговичами противъ Ярополка съ братьями съ цѣлью принудить ихъ дать волости Мстиславичамъ, а Черниговъ возвратить Ольговичамъ. Но бывали случаи, когда договоры заключались съ цѣлью нарушить очередной порядокъ. Владимірко Галицкій, напр., вступаетъ въ 1144 году въ договоръ съ Игоремъ Ольговичемъ о помощи послѣднему добыть Кіевъ по смерти брата его Всеволода.

Развитіе договорныхъ междукняжескихъ отношеній въ теченіе XII вѣка указываетъ на сильное разложеніе единства княжескаго рода.

Удѣльный порядокъ владѣнія. Разложеніе единства княжескаго рода и развитіе отчиннаго права повело къ образованію мѣстныхъ княжескихъ линій. Ко времени запустѣнія Кіевской Руси, на сѣверо-востокѣ, въ Ростовско-Суздальскомъ краѣ съ городомъ Владиміромъ, куда перешелъ центръ политической жизни, утверждается линія Всеволода Юрьевича. Въ занятіи стариаго владимірскаго стола Всеволодовичи до послѣдней четверти XIII в., въ общемъ, придерживаются очереднаго порядка. Но на ряду со старшею Владимірскою волостью, составлявшей общее достояніе Всеволодовичей и владѣемой по очередному порядку, въ Ростовско-Суздальской землѣ въ XIII в. образуются нѣсколько младшихъ волостей, въ которыхъ княжили младшіе Всеволодовичи. Эти послѣдніе получаютъ волости не по очереди старшинства, т.-е. по боковой линіи, а отъ отца къ сыну т.-е. въ прямой нисходящей, въ удѣлъ, т.-е, въ постоянное наслѣдственное владѣніе. Порядокъ удѣльный изъ младшихъ волостей распространился потомъ съ конца XIII и въ XIV в. и на старшія княженія: на старшихъ столахъ утверждались старшіе Всеволодовичи также съ правомъ удѣльнаго наслѣдованія въ нисходящемъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, очередной порядокъ, сложившійся въ Кіевской Руси и до конца XII вѣка считавшійся Ярославичами единственно правильнымъ, но вслѣдствіе изложенныхъ выше препятствій не всегда примѣнявшійся на практикѣ въ своемъ чистомъ видѣ, смѣняется въ Ростовско-Суздальскомъ краѣ другимъ — удѣльнымъ.

Характерными признаками удѣльнаго порядка, которому въ послѣднее время,—благодаря, главнымъ образомъ, трудамъ Павлова-Сильванскаго [1]),—усвояется названіе феодальнаго, являются: осѣдлость князей и право собственности на территорію удѣла.

Въ кіевской Руси вся земля Русская разсматривалась, какъ отчина княжескаго рода Рюриковичей, отдѣльные же князья были временными владѣльцами отдѣльныхъ ея волостей по очереди старшинства. Отсюда постоянное передвиженіе князей и слабая связь ихъ съ волостями. Въ Ростовско-Суздальскомъ краѣ каждая волость есть достояніе одной княжеской линіи, члены которой становятся осѣдлыми, вступаютъ въ тѣсную связь съ землей. Тамъ князь не могъ передать своей волости по личному распоряженію сыну, если она не слѣдовала ему по очереди старшинства, здѣсь князь, являясь постояннымъ собственникомъ своего удѣла, передавалъ его по личному усмотрѣнію; онъ могъ отказать ее сыновьямъ, а за отсутствіемъ ихъ, женѣ, дочерямъ, даже дальнему родственнику внѣ всякой очереди. Правя, по выраженію пр. Ключевскаго, „свободнымъ населеніемъ своихъ княжествъ, какъ государи, князья владѣли ихъ территоріями, какъ частные собственники со всѣми правами распоряженія, вытекающими изъ такой собственности“. Развиваясь изъ частно-правовыхъ началъ удѣльный порядокъ въ Московскій періодъ приводитъ, наконецъ, какъ увидимъ ниже, къ единонаслѣдію.

Предметы вѣдомства князя. Князья были призваны для огражденія внѣшней безопасности Русской земли и для „наряда и правды“, т.-е. для внутренняго управленія и суда.

Дѣятельность князей по внѣшней безопасности сводилась къ оборонѣ границъ волостей и отраженію нападеній сперва со стороны славянскихъ племенъ, позднѣе со стороны „поганыхъ“, печенѣговъ, половцевъ. Особенно воинственныя племена въ родѣ древлянъ радимичей, вятичей, не подчинившіеся добровольно Олегу, были покорены постепенно первыми князьями. Олегъ началъ покореніе съ древлянъ, именно, потому, что, по свидѣтельству лѣтописи, „поляне быша обидими древлями“, слѣдовательно, Кіевская волость страдала отъ ихъ набѣговъ. Владиміръ св. окончилъ дѣло, начатое Олегомъ, покореніемъ вятичей.

---

[1]) *Павловъ-Сильванскій.*—„О феодальныхъ отношеніяхъ въ удѣльной Руси (1907) и посмертное сочиненіе „Феодализмъ въ удѣльной Руси“; въ приложеніи къ этому сочиненію помѣщенъ г. Бороздинымъ списокъ рецензій на труды Павлова-Сильванскаго. Кромѣ того, см. рецензіи у пр. Владимірскаго-Буданова (Обзоръ 1909, стр. 282—289); Шумакова въ Юрид. библіогр. (Яросл. 1911) ст. 51; пр. Филиппова (Учебникъ ис. р. пр. 1914, ст. 187—194).

При Святославѣ пришлось защищать Кіевскую землю отъ печенѣговъ, а съ половины XI вѣка отъ нападеній половцевъ. Владиміръ Мономахъ считалъ своею главною задачей оборону Русской земли отъ этихъ кочевниковъ; къ борьбѣ съ ними онъ склонялъ на съѣздахъ другихъ князей. Въ цѣляхъ обороны границъ князья рубили города. Особенную заботу въ этомъ отношеніи проявилъ первый земскій князь, Владиміръ Св., настоящій градостроитель.

Внутренняя дѣятельность князей проявлялась въ законодательствѣ, судѣ и управленіи.

Законодательная дѣятельность, какъ было указано (стр. 8), при господствѣ обычая, находилась въ зачаточномъ состояніи. Князья, большею частью, своими уставами формулировали сложившіеся обычаи. Но встрѣчаемъ случаи ограниченія и отмѣны обычаевъ княжескими уставами. Такъ, Ярославъ ограничилъ обычай кровавой мести, а его сыновья замѣнили его выкупомъ головы убійцы.

Судъ принадлежалъ князю. Русская Правда свидѣтельствуетъ, что князья судили лично. Такъ, Правда за убійство княжаго конюшаго опредѣляетъ виру въ 80 гривенъ и прибавляетъ: „яко же уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили „Дорогобудци“. Личный судъ князя предпочитался народомъ суду его посадниковъ. Въ 1146 году Кіевляне, жалуясь на княжескихъ тіуновъ просятъ Святослава: „аще кому насъ будетъ обида, то ты прави“ (Ипат. 1146 г.).

Административная дѣятельность князей выражалась, главнымъ образомъ, въ сборѣ дани, налоговъ, пошлинъ, шедшихъ въ пользу князя или его мужей. Древнѣйшіе уставы князей опредѣляли всѣ эти сборы. Мы имѣемъ свидѣтельства объ этомъ какъ въ лѣтописи, такъ и въ Русской Правдѣ. По лѣтописи, Олегъ, напр., утвердившись въ Кіевѣ, занялся установленіемъ дани съ подвластныхъ племенъ. Ольга объѣзжала подвластныя земли „устанавливающе уставы и оброки“, т. е. сборы за пользованіе землей, „погосты“[1]), или пошлины съ торговыхъ пунктовъ.

[1]) Пр. Ключевскій, на нашъ взглядъ, даетъ удачное объясненіе слову „погостъ“. Онъ считаетъ „погосты“ „сборными торговыми пунктами“, мѣстами промышленнаго обмѣна, куда „звѣроловы и бортники сходились для гостьбы, т. е. для торговли“.

Замѣтимъ, что пошлины и пени съ разныхъ предметовъ, обыкновенно, назывались въ древности именемъ этихъ предметовъ; напр. „желѣзное“—пошлина отъ наложенія желѣза при арестѣ; „правда“ пошлина за вызовъ „правды“, т. е. свидѣтеля; „вина“—пошлина судьѣ за вину съ обвиненнаго имъ; „безчестье“—

и „дани". Въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ „урокъ Ярославль о покопахъ вирныхъ", т. е. опредѣленіе пошлинъ въ пользу вирника,—лица, собиравшаго „виры", пени за убійство, шедшія въ пользу князя, „урокъ мостниковъ", т.-е. опредѣленіе пошлинъ въ пользу лицъ, занимавшихся устройствомъ и починкой мостовъ: „урокъ городникомъ", т. е. лицамъ, рубившимъ города (ограды) и т. д.

Сергѣевичъ. — Вѣче и князь 98 — 327; Юрид. Древности стр. 119—301. II т. *Соловьевъ.*—Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома. М. 1847. *Неволинъ.*—О преемствѣ великокняжескаго Кіевскаго престола. Пол. соб. сочин. т. 6, 1851. *Градовскій*—назв. выше сочиненіе (стр. 176).

Княжеская Дума.

Понятіе о Княжеской Думѣ; ея политическое значеніе. Третьимъ элементомъ въ составѣ государственной власти каждой волости была Княжеская Дума. По опредѣленію пр. Владимірскаго-Буданова, окончательно выяснившаго политическое значеніе Княжеской или, какъ онъ называетъ, Боярской Думы, подъ послѣднею слѣдуетъ разумѣть *„постоянный совѣтъ лучшихъ людей (бояръ) каждой земли, рѣшающей (вмѣстѣ съ княземъ) высшіе земскіе вопросы.* Наименованіе „боярская дума", прибавляетъ онъ, „не встрѣчается въ древнихъ памятникахъ и образовано искусственно на основаніи сходныхъ терминовъ (бояре думающіе). Но такъ какъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ, въ особенности, въ первое время слово „княжъ мужъ" встрѣчается въ памятникахъ чаще слова „боярищъ", съ другой же стороны, этотъ совѣтъ при князѣ во многомъ отличается отъ Думы Московской, которой въ наукѣ усвоено названіе „Боярской", удобнѣе называть изучаемую Думу—Княжеской.

Въ лѣтописяхъ и Русской Правдѣ нерѣдко упоминается о совѣщаніяхъ князей съ ихъ дружинами. Въ Правдѣ, напр., говорится, что по смерти Ярослава, сыновья его: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, по совѣщанію между собою и *„съ мужами ихъ"*, замѣнили кровавую месть выкупомъ головы убійцы. Въ

пеня за „безчестье", т. е. оскорбленіе словами и т. д. Отсюда, если „погостъ" есть сборный торговый пунктъ, то думаемъ, не ошибемся, если примемъ выраженіе лѣтописи: „уставить погосты" за установленіе не административныхъ округовъ, какъ принято объяснять, а за установленіе пошлины съ „погостовъ", какъ торговыхъ мѣстъ. Установленіе административныхъ округовъ едва ли входило въ задачи княжеской дѣятельности: князья Кіевской Руси въ административномъ отношеніи пользовались готовыми бытовыми единицами, пріурочивая свою дѣятельность къ послѣднимъ.

лѣтописи про Владиміра Св. сказано, что онъ „*бѣ бо любя дружину* и съ ними (т.-е. съ мужами) *думая о строѣ земленѣмъ и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ*“. Поученіе Владиміра Мономаха въ перечнѣ занятій князя упоминаетъ думу съ дружиной [1]).

Въ литературѣ существованіе княжеской Думы, какъ установленія подвергалось сомнѣнію. Такъ, пр. Петровскій [2]) полагаетъ, что княжеская дума, совѣщанія князей съ дружиной, просто фактъ и какъ бы часто намъ лѣтопись не упоминала о немъ, все же эти совѣты останутся безъ всякаго юридическаго значенія...“ Первымъ, признавшимъ княжескую думу органомъ центральнаго *управленія*, а не основнымъ элементомъ государ. *устройства* на ряду съ вѣчемъ и княземъ, былъ проф. Сергѣевичъ, а за нимъ проф. Загоскинъ. Но проф. Сергѣевичъ впослѣдствіи также примкнулъ къ тому взгляду, по которому дума не есть *установленіе*, а „только актъ думанья, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ..... Мы имѣемъ передъ собою не учрежденіе, не думу, а думцевъ“, обращаться за совѣтомъ къ которымъ не составляло „обязанности князя, а было актомъ его доброй воли“, т. е. фактомъ, а не правомъ. Наконецъ, послѣдній изслѣдователь Боярской Думы, проф. Ключевскій, признаетъ княжескую Думу „учрежденіемъ постояннымъ, дѣйствовавшимъ ежедневно“, но отказываетъ ей въ политическомъ значеніи: „ни объ обязательномъ, ни о совѣщательномъ голосѣ думы не можетъ быть и рѣчи.... Совѣщаніе съ боярами было не *политическимъ правомъ* бояръ, или *обязанностью* князя, а *практическимъ удобствомъ* для обѣихъ сторонъ... Изъ совокупности условій вытекала для князя и практическая необходимость совѣщаться съ боярами, и возможность не принять ихъ мнѣніе въ иномъ случаѣ. Смѣшивать политическую обязательность съ практическою необходимостью значитъ утратить самое понятіе о правѣ. Обязательность — понятіе изъ области права, а необходимость — простой фактъ.

Итакъ, что же представляетъ собою совѣщаніе князей съ дружиной, дума съ мужами, фактъ или право? Если бы древность знала законы, опредѣляющіе государственное устройство и управленіе, отвѣтъ не встрѣтилъ бы затрудненій. Но при слабости государственныхъ началъ въ то далекое время всѣ отношенія опредѣлялись обычаемъ.

---

[1]) „.... тако похвалю Бога *и сѣдше думати съ дружиною*, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати....“.

[2]) С. А. Петровскій.—„О Сенатѣ“ стр. 12—15. М. 1870 г.

А мы знаемъ признаки, характеризующіе юридическій обычай (стр. 19): 1) согласное убѣжденіе въ обязательности опредѣленнаго правила или дѣйствія и 2) постоянное и однообразное его осуществленіе. Относительно обычая думы князя съ своими мужами мы имѣемъ на лицо оба эти признака.

1) Какъ у князей, такъ и у ихъ мужей-дружинниковъ живо было сознаніе обязательности совѣщаній; по взглядамъ же народа князь даже неотдѣлимъ отъ дружины. Такъ, когда кн. Мстиславъ Изяславичъ узналъ, что его братья, по оговору, подозрѣваютъ, будто онъ желаетъ захватить ихъ, онъ въ ужасѣ объявилъ объ этомъ своей дружинѣ, которая успокоила Мстислава такими, между прочимъ, словами: „а ты всякъ правъ передъ Богомъ и прѣдъ человѣкы; *тобѣ без насъ того нѣлзѣ было замыслити, ни створити*, а мы всѣ вѣдаемъ твою истиную любовь къ всѣй братьѣ (Ипат. 1170)“. Здѣсь ясно выражено сознаніе, присущее, какъ дружинникамъ, такъ и князю, что послѣдній безъ первыхъ ничего не можетъ не только совершить, но и замыслить. Въ представленіи же современниковъ князь настолько сливается со своими думцами, что за его грѣхи отвѣтственными являются послѣдніе. По словамъ Даніила Заточника, писателя XII вѣка, „князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь велика стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ“.

2) Но дѣло не ограничивалось однимъ сознаніемъ обязательности совѣщаній: послѣднія осуществлялись на практикѣ постоянно; уклоненія отъ нихъ считалось нарушеніемъ обязательнаго обычая, не только осуждавшимся со стороны общественнаго мнѣнія, но и связаннымъ съ невыгодными для князя послѣдствіями. Въ лѣтописяхъ, какъ сказано выше, мы имѣемъ безчисленный рядъ свѣдѣній о совѣщаніяхъ князей со своими мужами-боярами по разнымъ вопросамъ. Тѣ немногіе случаи, когда князь не обращался за совѣтомъ къ дружинѣ, какъ, напр., Владиміръ Галицкій, который „думы не любяшетъ съ мужьями своими“, или совѣщался не съ мужами, старшими дружинниками, а съ другими лицами, подобно Всеволоду Ярославичу, который „нача любити смыслъ уныхъ (юныхъ), совѣтъ творя съ ними“, всѣ такіе случаи подвергаются осужденію со стороны лѣтописца, обыкновенно, выражающаго своими взглядами современное ему общественное мнѣніе. Но уклоненіе со стороны князя отъ обязанности совѣщаться съ мужами могло, какъ мы сказали, весьма неблагопріятно отразиться на положеніи князя. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является поведеніе дорогобуж-

скаго князя Владиміра Мстиславича. Въ 1169 году онъ вздумалъ напасть на кіевскаго князя Мстислава Изяславича и о своемъ намѣреніи повѣдалъ тремъ своимъ мужамъ [1]). „И рекоша ему дружина его: *о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не вѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали*". За то, что рѣшеніе было принято безъ вѣдома дружины, послѣдняя отказываетъ въ помощи князю. Князь, однако, возмнилъ, что можетъ обойтись и безъ своихъ мужей и, указавъ „на дѣтскихъ", т. е. на младшихъ дружинниковъ, сказалъ: „*а се будутъ мои бояре*". Съ этими „дѣтскими" онъ и отправился на соединеніе со своими союзниками Берендичами (усмиренными кочевниками, жившими на границѣ кіевской земли). Берендичи, увидѣвъ князя одного, встрѣтили его такими, между прочимъ, словами: „... се ѣздитъ одинъ и *безъ мужей своихъ*, а насъ прельстивъ"... и начаше въ нѣ пущати стрѣлы и ударища князя двѣма стрѣлама". Отсутствіе мужей при князѣ, такимъ образомъ, было достаточно для Берендичей, чтобы счесть князя льстецомъ и встрѣтить его, какъ врага. Рѣшимость Владиміра дѣйствовать безъ своихъ совѣтниковъ-мужей, такимъ образомъ, привела его къ гибели.

Приводимые факты свидѣтельствуютъ, что совѣщанія князей съ дружиной признавались *обязательными*, составляя для мужей, бояръ право, а для князей — обязанность, и что постоянное осуществленіе этой обязанности возводило эти совѣщанія на степень необходимаго государственнаго *установленія*. Поэтому, нельзя не согласиться съ правильностью положенія пр. Владимірскаго-Буданова, по которому княжеская дума „есть органическая часть *государственнаго устройства* древней Руси, а не додатокъ лишь къ княжеской власти, или *органъ управленія* въ рукахъ князей", т. е. говоря иначе, княжеская дума—такой же необходимый элементъ въ составѣ государственной власти каждой волости, какъ вѣче и князь. Если вѣче было элементомъ демократическимъ въ составѣ государственной власти, а князь — монархическимъ, то княжеская дума представляла собою элементъ аристократическій, такъ какъ совѣтниками князя были *лучшіе люди* земли, княжіе мужи—бояре.

Составъ Княжеской Думы. Въ составъ Думы входили въ X вѣкѣ: 1) старшіе дружинники князя—княжіе мужи, бояре, и 2) „старцы градскіе, или земскіе бояре". Начиная же съ XI вѣка, когда указанные два высшихъ разряда свободнаго населенія слились въ одинъ разрядъ бояръ служилыхъ, или княжескихъ, Дума

[1]) „... и посла къ Рагуйлови Добрыничю, и къ Михалеви, и къ Завидови"...

состояла исключительно изъ нихъ. Каждый боярин былъ непремѣннымъ членомъ Думы, почему лѣтопись и именуетъ бояръ „боярами думающими“.

Кромѣ этого постояннаго состава думы, въ ней принимали иногда участіе представители высшаго духовенства: епископы и игумены. Такъ, въ 1159 г., когда умеръ въ Черниговѣ, кіевскій митрополитъ Константинъ, приказавъ предъ смертью не хоронить его, а бросить его тѣло „псомъ на расхытанье“, князь Святославъ, „сдумавъ съ мужи своими и съ *епископомъ*“, нарушили этотъ приказъ и похоронили митрополита въ Черниговѣ.

Итакъ, обычными думцами князей были только княжіе мужи, бояре. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ они всегда принимали участіе въ засѣданіяхъ думы. Послѣдніе составлялись только изъ наличныхъ въ данный моментъ совѣтниковъ. Поэтому число участниковъ въ каждомъ совѣщаніи могло быть различно. Изъ Русской Правды мы знаемъ, что отмѣна мести Ярославичами принята при участіи 3 мужей; постановленіе Владиміра Мономаха о процентахъ состоялось по рѣшенію Думы, состоявшей изъ 6 мужей.

Предметы вѣдомства княжеской Думы. Къ предметамъ вѣдомства Думы относились важнѣйшіе земскіе вопросы, поэтому ея компетенція не совпадала съ компетенціей князя. Судъ, напр., составлялъ исключительное дѣло князя и его людей, но никогда не осуществлялся Думой. Если нѣкоторые княжіе мужи, бояре выступали иногда въ роли судей, то судъ ихъ въ этихъ немногихъ случаяхъ долженъ разсматриваться, какъ третейскій.

Прецедентомъ, установившимъ, по нашему мнѣнію, компетенцію Думы, была практика совѣщаній при Владимірѣ Св. Лѣтопись сохранила намъ драгоцѣнное свидѣтельство о предметахъ совѣщанія Владиміра Св. „съ болярами и старцами градскими“: онъ думалъ съ ними „о *строѣ земленѣмъ, о ратѣхъ и объ уставѣ земленѣмъ*, т. е. Дума 1) принимала участіе въ принятіи мѣръ по устройствѣ общества въ смыслѣ духовнаго и матеріальнаго благосостоянія; 2) обсуждала вопросы о войнѣ и мирѣ 3) участвовала въ указной, законодательной дѣятельности князей по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ.

1) Къ предметамъ вѣдомства Думы *по благоустройству общества* относились прежде всего вопросы *религіозные*. Такъ рѣшеніе вопроса о перемѣнѣ вѣры и о принятіи Христіанства состоялось по совѣщанію Владиміра Св. „съ боляры и старцы градскими“. Но церковные уставы, за исключеніемъ устава Всеволода Гавріила Новгородскаго издаются безъ участія Думы; это объясняется тѣмъ,

что въ нихъ рѣшались собственно 2 вопроса: 1) о десятинѣ въ пользу церкви отъ доходовъ княжескихъ, что составляло личное дѣло, личное усердіе князя, 2) о судахъ церковныхъ и о „мѣрилахъ торговыхъ“ на основаніи византійскихъ источниковъ, въ которыхъ были компетентны не свѣтскіе совѣтники князя, а представители духовенства, съ которыми и совѣщаются въ этомъ случаѣ князья, да и то не всегда. Владиміръ Св., напр., изданіе устава „сгадалъ со своею княгинею Анною и съ своими дѣтьми“, а Ярославъ „сгадалъ“ его „съ митрополитомъ съ Ларіономъ“. Что же касается изданія церковнаго устава (1125—1136) новгородскаго князя Всеволода-Гавріила, состоявшагося по совѣщанію князя „съ владыкою, и съ своею княгинею, *и съ боляры, и со десятью сотчкыми (сотскими) и съ старостами*“, то это объясняется тѣмъ, что въ своемъ уставѣ Всеволодъ отступаетъ отъ устава Владиміра Св. по вопросу о наблюденіи за правильностью мѣръ и вѣсовъ и о пошлинахъ торговыхъ. Онъ возлагаетъ такое наблюденіе и даетъ пошлины не исключительно епископу, какъ было раньше, а также „старостѣ Иваньскому и всему Новгороду“, т. е. дѣло касалось земскихъ властей, почему и потребовалось обсужденіе вопроса съ боярами, т. е. съ Думой, въ составъ которой были приглашены еще и сотскіе со старостами.

Къ „строю земленому“ относились и вопросы матеріальнаго благосостоянія общества, а потому они входили также въ компетенцію Думы. Облегченіе положенія несостоятельныхъ должниковъ, напр., путемъ установленія большей опредѣленности во взиманіи %% рѣшено было Владиміромъ Мономахомъ по совѣщанію съ Думой.

2) *Ратное дѣло, вопросы о войнѣ и мирѣ* были основными предметами вѣдомства княжеской Думы. Да оно и понятно. Князья были призваны для охраны земли отъ внѣшнихъ нападеній. Они являлись съ дружинами, помощниками князя въ ратномъ дѣлѣ по свободному договору, какъ товарищи, братья названные, служившіе князю и отходившіе отъ него по усмотрѣнію. Поэтому, ни одинъ походъ не могъ состояться безъ одобренія мужей княжихъ, и лѣтописи часто упоминаютъ объ участіи княжеской Думы въ рѣшеніи ратныхъ предпріятій князей.

3) *Участіе въ уставной (законодательной) дѣятельности князей.* Указанія на такое участіе Думы встрѣчаемъ въ Русской Правдѣ. Кромѣ упомянутыхъ случаевъ рѣшенія Думой совмѣстно съ князьями вопросовъ объ отмѣнѣ кровавой мести и изданія устава о процентахъ, Русская Правда приводитъ еще случай установленія нѣкоторыхъ законовъ сыновьями Ярослава о размѣрѣ виръ и о порядкѣ суда по совѣщанію съ мужами.

Но не надо думать, что уставная дѣятельность всегда осуществлялась князьями при участіи Думы: вопросы, менѣе важные или касавшіеся исключительно интересовъ князя, получали законодательное опредѣленіе безъ ея участія. Такъ, по Русской Правдѣ, установленіе Ярославомъ смертной казни раба, не считавшагося тогда субъектомъ права, а вещью, за ударъ, нанесенный свободному человѣку, и замѣна Ярославичами казни болѣе легкими наказаніями, или опредѣленіе Ярославомъ размѣра доходовъ вирниковъ состоялись безъ участія княжеской Думы.

Съ теченіемъ времени къ перечисленнымъ предметамъ вѣдомства Думы, слагавшимся со временъ Владиміра Св., присоединяются еще нѣкоторые. Такъ, *междукняжескіе договоры* заключаются иногда при участіи Думы: „порядъ положимъ о Рустѣй земли предъ мужи отецъ нашихъ“ говорилъ Владиміръ Мономахъ Олегу Черниговскому; Дума, далѣе, участвуетъ съ вѣчемъ *въ призваніи князей и въ заключеніи съ ними „ряда“, договора:* въ 1169 г. Мстиславъ Изяславичъ взялъ „рядъ“ съ братьею, съ *дружиною* и съ Кіяны“.

Сергѣевичъ.—Вѣче и князь 359—362. Его же Юрид. Др. II 337—349; 418—467. *Владимірскій-Будановъ*—„Новыя изслѣдованія о Боярской Думѣ.—Сбор. Госуд. зн.“ Т. VIII, стр. 104—121. *Петровскій.* — „О Сенатѣ въ царств. Петра В.“ М. 1875 г. (стр. 12—15). *Загоскинъ* — „Исторія пр. Москов. Госуд. Т. II, Вып. I „Дума Боярская“. Каз. 1879. *Ключевскій.* — „Боярская Дума древней Руси“. М. 1909. Изд. 4-ое.

Населеніе.

Дѣленіе населенія на свободныхъ и рабовъ; классы свободнаго населенія. Наше древнее право, подобно праву всѣхъ другихъ народовъ, знаетъ дѣленіе населенія на *свободныхъ* и рабовъ, или *несвободныхъ*. *Свободное* населеніе каждой волости состоитъ изъ трехъ классовъ: *бояръ, горожанъ и смердовъ*. Въ лѣтописи отъ первой четверти XIII вѣка мы имѣемъ свидѣтельство, въ которомъ ясно обозначены указанные три класса: разсказавъ о нападеніи кн. Даніила и Василька на нѣкоторые города, лѣтописецъ замѣчаетъ: „вся земля поплѣнена бысть: бояринъ боярина плѣниша, смердъ-смерда, градъ-града“, якоже не остатися ни единой веси не плѣненѣ“...

Дѣленіе населенія на классы имѣетъ своимъ основаніемъ фактическія, а не юридическія условія и покоится: 1) на различіи занятій (военные, промышленники и торговцы, земледѣльцы; 2)

на различіи имущественнаго достатка (богатые и бѣдные; 3) на различіи самаго имущества (землевладѣльцы, домовладѣльцы, капиталисты); 4) на различіи участія въ экономическомъ производствѣ (предприниматели, рабочіе) и т. д.

Различіе классовъ, какъ явленіе фактическое, не находится подъ воздѣйствіемъ государственнаго законодательства, съ точки зрѣнія котораго всѣ классы общества могутъ представлять однородную массу гражданъ, т.-е. быть *юридически равноправными* относительно пользованія правами, отбыванія повинностей, равенства передъ судомъ и т. д. Этимъ признакомъ классы отличаются отъ *сословій*. Подъ сословіями разумѣются *отдѣльныя группы населенія, между которыми установлены наслѣдственныя различія въ правахъ и обязанностяхъ самимъ закономъ*. Сословія, такимъ образомъ, по самому существу, являются *институтомъ государственнымъ*, представляющимъ собою явленіе сравнительно позднее въ исторіи государственнаго права всѣхъ народовъ.

У насъ *сословія* образуются только во второй половинѣ XVIII вѣка изъ „*чиновъ*“ московскаго государства, въ которые перешли *классы* удѣльно-вѣчевого періода, незнавшаго дѣленія населенія на сословія.

Эти классы подраздѣлялись въ свою очередь, какъ увидимъ ниже, на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, и въ основѣ этого дѣленія лежало различіе по роду занятій и по имущественному достатку.

Свободное населеніе.

Бояре. Классъ бояръ образовался изъ двухъ группъ: 1) изъ лучшихъ людей каждой волости и 2) изъ старшихъ членовъ княжеской дружины—*княжихъ мужей*.

1) *Лучшихъ людей* волости принято въ литературѣ называть, въ отличіе отъ *бояръ княжескихъ*, *земскими боярами*. Такого термина въ памятникахъ не встрѣчается. Въ лѣтописи бояре земскіе именуются различно: „нарочитыми мужами“, „лучшими мужами“ „старѣйшинами града“, „старцами градскими“.

Послѣдній терминъ встрѣчается очень часто въ лѣтописи при описаніи дѣятельности Владиміра св. О происхожденіи этихъ „старцевъ градскихъ“ въ доисторическое время и ихъ значеніи въ X вѣкѣ въ литературѣ дѣлаются различныя предположенія. Одни видятъ въ нихъ родовладыкъ, другіе считаютъ ихъ крупными землевладѣльцами, третьи—торговой аристократіей и т. д. Но какъ бы ни понимать происхожденіе этихъ старцевъ, оче-

видно, что мы имѣемъ дѣло съ высшимъ классомъ до-княжескаго общества, положеніе котораго при князьяхъ опиралось на его отношенія къ населенію, а не къ князю: это—*земскіе* бояре, а не *княжіе мужи*.

Кромѣ указанныхъ наименованій, земскіе бояре носили еще названіе „*огнищанъ*“. Относительно этого термина въ научной литературѣ встрѣчаются также различныя толкованія, но болѣе правильнымъ изъ нихъ надо признать то [1]), по которому терминъ „огнищанинъ“, происходя отъ слова „огнище“, т.-е. очагъ, домъ, дворъ въ широкомъ смыслѣ всѣхъ этихъ понятій, означалъ первоначально всякаго землевладѣльца—собственника, хозяина своего очага, а затѣмъ сталъ обозначать только крупныхъ землевладѣльцевъ,—*огнищанъ по преимуществу*, образовавшихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшій классъ земскаго общества древней Руси.

Значеніе земскихъ бояръ и ихъ участіе въ политической жизни волостей было велико. Особенно сильнаго вліянія земскіе бояре достигли въ Новгородѣ; земскіе бояре здѣсь часто призывали князей и, наоборотъ, добивались ихъ изгнанія, если князья имъ не нравились.

Съ XI вѣка земскіе бояре сливаются съ боярскими княжескими, образуя одинъ классъ, извѣстный подъ общимъ именемъ „бояръ“, „княжихъ мужей“. Объясняется это тѣмъ, что земскіе бояре, поступали на службу къ князьямъ, которые старались привлекать ихъ въ среду своихъ княжихъ мужей; эти же послѣдніе, осѣвшись, сдѣлались мѣстными землевладѣльцами-огнищанами.

2) *Дружина*. Съ князьями въ составѣ древняго общества появляется новый классъ, постоянно состоящій при нихъ—*дружина*. Слово дружина означаетъ, собственно, всякое товарищество, основанное на договорѣ; напр., общество, обязавшееся круговою порукою по уплатѣ виры, т.-е. пени князю за убійство, совершенное членомъ этого общества, называется въ Русс. Правдѣ дружиной. И княжеская дружина, состоявшая изъ соратниковъ и совѣтниковъ князя и его слугъ, также представляла товарищество, основанное на договорѣ.

Соратники и совѣтники князя составляли *старшую дружину*; слуги же—*младшую*. Это дѣленіе ясно видно изъ многихъ мѣстъ лѣтописи, гдѣ встрѣчаются разныя названія той и другой. Такъ, старшая дружина именуется „лучшей“, „большей“, „старѣйшей“, „передней“; младшая же—„молодью“, „молодшей“. Въ составъ

---

[1]) См. *Мрочекъ-Дроздовскій*.—Изслѣд. о Рус. Правдѣ; приложенія ко 2-му выпуску 1886 г. Объясненіе слова „огнищанинъ“; прил. VIII, ст. 117—135.

старшей входили бояре, или мужи; а младшей—отроки, дѣтскіе, гриди.

а) *Старшая дружина. Бояре*, или *мужи*, въ качествѣ членовъ княжеской дружины, назывались *княжими*, въ отличіе отъ земскихъ бояръ и мужей; причемъ, въ древнѣйшее время старшіе дружинники чаще именовались *княжими мужами*, но съ конца XI вѣка это названіе постепенно вытѣсняется словомъ *бояре*.

Отношенія дружины къ князю опредѣлялись свободнымъ договоромъ. Поэтому, какъ поступленіе въ дружину князя, такъ и оставленіе князя дружинникомъ, всецѣло зависѣло отъ послѣдняго. Основнымъ началомъ отношеній дружиннаго товарищества, этого братства названнаго была, конечно, тѣсная связь мужей съ княземъ, въ особенности въ началѣ изучаемаго періода, когда при подвижности князей связь съ землею была слаба. Отсюда дружинники раздѣляютъ судьбу князя, всегда готовые сложить за него голову. Такъ, когда Изяславъ былъ изгнанъ изъ Кіева, за нимъ послѣдовала дружина, оставя все свое недвижимое и движимое имущество. Изяславъ, цѣня ихъ самопожертвованіе, говоритъ имъ: „вы есте по мнѣ изъ Руские земли вышли, *своихъ селъ и своихъ жизній (движимаго имущества) лишився*, а язъ паки своея отчины и дѣдины не могу перезрѣти, но любо голову свою сложю, *паки ли отчину* свою налѣзу *и вашу всю жизнь*“. (Ипат. 1150). Но если дружинникъ былъ недоволенъ княземъ, онъ всегда могъ покинуть и перейти къ другому князю, даже врагу перваго, и такой переходъ не считался измѣной, а добровольнымъ прекращеніемъ добровольно признанныхъ отношеній. Въ 1146 г. Святославъ Ольговичъ, узнавъ о приближеніи своего врага, Изяслава Кіевскаго, бѣжалъ изъ своей волости, „дружина же его они по немъ идоша, а друзіи осташа его“, конечно, съ цѣлью перейти на службу къ Изяславу. Князья, политическое значеніе которыхъ въ глазахъ народа опредѣлялось количественнымъ и качественнымъ составомъ дружины, въ свою очередь, дорожили добрыми отношеніями къ дружинникамъ, привлекая ихъ не только уступчивостью, но и щедростью, ничего для нихъ не жалѣя. Про Святослава Ростиславича, напр., лѣтопись говоритъ: „не сбираше злата и сребра, на даваше дружинѣ“.

Если вся дружина въ цѣломъ своемъ составѣ являлась войскомъ князя, то старшіе дружинники, бояре были начальниками княжескихъ отрядовъ и входили въ составъ княжеской Думы въ качествѣ непремѣнныхъ и постоянныхъ, какъ мы видѣли, совѣтниковъ князя.

При этомъ, значеніе того или иного боярина, какъ въ дружинѣ князя, такъ и въ думѣ обусловливалось его личной и имущественной мощью. Его вліяніе на князя и дружину увеличивалось, если за нимъ стояла сила въ лицѣ его собственной дружины. Лѣтопись нерѣдко указываетъ на такія боярскія дружины, называя ихъ отроками, чадью. дружиной, домомъ, дворомъ. Такъ, напр., у воеводы кн. Игоря, Свѣнельда были свои отроки, съ которыми онъ собиралъ дань съ древлянъ. У Ратибора, дружинника Владиміра Мономаха, также—собственная дружина, которая совѣщается съ княземъ: „и начаша думати дружина Ратибора со княземъ Владимеромъ“.

Но могущественное положеніе бояръ зависѣло не только отъ наличности при нихъ собственныхъ дружинъ. но и отъ имущественнаго ихъ достатка: всѣ они богатые люди. Источникомъ богатства служила военная добыча, особенно, въ то время, когда дружины не были связаны еще съ землею вслѣдствіе подвижности ихъ братьевъ - названныхъ, князей. Но съ теченіемъ времени, особенно, въ волостяхъ князей-изгоевъ, не участвовавшихъ въ родовомъ владѣніи Кіевомъ, а потому плотнѣе осѣвшихся на мѣстахъ, источникомъ богатства бояръ становятся недвижимости, называемыя въ памятникахъ домами и селами. Существованіе домовладѣнія и землевладѣнія дружинниковъ уже въ XII вѣкѣ доказывается прямыми свидѣтельствами лѣтописи; такъ, подъ 1146 г.: „разграбиша Кіяне *домы* дружины Игоревы и Всеволожѣ, и *села, и скоты*. Въ 1150 г. „Изяславъ рече“, какъ было упомянуто выше, „дружинѣ своей: вы есте по мнѣ изъ Рускыя земли вышли, *своихъ селъ и своихъ жизній лишився*“...

Не смотря, однако, на свое вліяніе и властное положеніе въ въ обществѣ, усилившееся со времени сліянія княжихъ мужей съ земскими боярами— огнищанами, бояре являлись только *высшимъ классомъ* общества и не имѣли никакихъ *сословныхъ привилегій*. Если въ Русской Правдѣ въ сферѣ личныхъ правъ „огнищане“, т. е. бояре, княжіе мужи ограждаются двойною вирою въ 80 гривенъ при убійствѣ, то это объясняется не привилегіей бояръ, а тѣмъ, что князь, какъ братъ названный, получаетъ въ этомъ случаѣ, сверхъ виры въ 40 гривенъ, еще головничество, т. е. частное вознагражденіе за убійство брата - дружинника, подобно всякому родственнику; причемъ, размѣръ этого головничества равнялся тогда вирѣ. Если, далѣе, Русская Правда назначаетъ высшую продажу (пеню въ пользу князя за личныя и имущественныя правонарушенія) „за муку“, т. е. за самоуправство, учиненное надъ бояриномъ, то здѣсь имѣется въ виду не самъ

потерпѣвшій, а князь, которому въ силу побратимства съ боярином наносится обида; самъ же потерпѣвшій „отъ муки“ получаетъ частное вознагражденіе въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ получалъ его въ данномъ случаѣ смердъ, именно: одну гривну.

б) *Младшая дружина* состояла изъ гридей, отроковъ, дѣтскихъ.

Гриди (един. ч. *гридинъ*), *гридьба*—древнѣйшее наименованіе младшей дружины, замѣненное позднѣе терминами „отроки“, „дѣтскіе“; это слово происходитъ отъ слова „гридница“ [1]), что значитъ комната. Слѣдовательно, „гриди“—лица, находившіяся при комнатахъ князя для услугъ. Но не смотря на это, гриди—не холопы княжескіе, а свободные люди.

Отроки—это слуги князя, исполняющіе разныя обязанности какъ по домашнему хозяйству, такъ и во время княжескихъ походовъ и путешествій; такъ, въ поученіи Владиміра Мономаха сказано: „куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти *отрокомъ* ни своимъ, ни чюжимъ ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не клясти васъ начнутъ“.

Дѣтскіе по своему положенію выше отроковъ; по крайней мѣрѣ, въ памятникахъ о нихъ не говорится, какъ о домашнихъ слугахъ князя, а какъ о военной при немъ силѣ. Такъ, дѣтскіе состоятъ при Андреѣ Боголюбскомъ въ Луцкой битвѣ 1149 г. Далѣе, на дѣтскихъ возлагаются нѣкоторыя судебныя порученія; по Русской Правдѣ, напр., они производятъ раздѣлъ наслѣдства по приговору князя. Нѣкоторые изъ дѣтскихъ назначались даже посадниками. Подъ 1176 г. въ лѣтописи встрѣчаемъ такое извѣстіе: „сѣдящема Ростиславичема въ княженіи земля Ростовскы раздавали бяста посадничества Русскымъ дѣтскимъ“.

Отношенія князя къ младшимъ дружинникамъ, въ мирное время являвшимся слугами при дворѣ князя, а во время войны входившимъ въ составъ княжескихъ отрядовъ, не были отношеніями хозяина къ прислугѣ, а старшаго къ младшимъ. Такія отношенія были совершенно въ духѣ дружиннаго строя, такъ какъ младшіе дружинники были въ большинствѣ людьми свободными и также, какъ и старшіе, пользовались правомъ перехода.

Горожане—*„люди градскіе“* — составляли все, исключая бояръ, свободное населеніе, жившее по преимуществу въ городскихъ общинахъ. Люди градскіе, называвшіеся иначе „людьми“ [2]), „му-

---

[1]) См. *Мрочекъ-Дроздовскаго,* названное сочин. Приложеніе II, стр. 25—31.

[2]) См. объясненіе слова: „людіе“ у пр. *Мрочекъ-Дроздовскаго*, назв. сочин. Прилож. V, стр. 79—85.

жами“ [1]), не представляли собою отдѣльнаго класса, занятаго какой-нибудь одной профессіей: въ ихъ составѣ можно различать нѣсколько группъ.

1) *Гости* и *купцы*. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ торговлей могъ заниматься и дѣйствительно занимался всякій желающій— отъ князя и его дружины до смерда. Но въ поселеніяхъ, именуемыхъ погостами, и въ каждомъ городѣ, въ особенности, расположенномъ по знаменитому пути „изъ Варягъ въ Греки“, издавна образовался классъ людей, занимавшихся торговлей, какъ спеціальной профессіей, и называвшихся *гостями* и *купцами*. О нихъ упоминаютъ уже договоры Олега и Игоря съ греками; объ нихъ говоритъ и Русская Правда.

Гость означалъ первоначально *пришлеца*, *иноземца*, затѣмъ гость сталъ означать *иноземнаго* и *иногороднаго купца*. Въ такомъ значеніи терминъ гость употребляется въ Р. Правдѣ; „аще кто многымъ долженъ будетъ, а пришедъ *гость изъ иного города* или *чужеземецъ*, а не вѣдая запустить зань товаръ“.. Въ Р. Правдѣ встрѣчается еще терминъ *гостьба* въ значеніи торговли; „аще кто купецъ купцю дастъ въ *куплю* куны или въ *гостьбу*“... Но здѣсь рядомъ съ *гостьбою* стоитъ *купля* также въ значеніи торговли, и ею одинаково занимаются купцы. Если гость—купецъ иноземный или иногородній, то различіе между гостьбою и куплей состоитъ въ томъ, что первая представляетъ собою торговлю внѣшнюю, отъѣзжую, тогда какъ купля—торговлю внутреннюю; отсюда купецъ, лицо занимающееся мѣстнымъ торгомъ, по преимуществу, хотя ему не возбранялось вести и торгъ отъѣзжій; въ послѣднемъ случаѣ по отношенію къ иногороднему обществу онъ становился гостемъ.

Купцы въ разсматриваемый періодъ торговали, большею частью, компаніями, образованіе которыхъ вызывалось тѣми опасностями, какія приходилось испытывать купцамъ въ пути. Заниматься гостьбой въ одиночку было совершенно невозможно; необходимо было организовывать торговыя караваны, которые были или сами вооружены, или же сопровождались вооруженными отрядами. Наиболѣе извѣстными купеческими компаніями въ то время были *гречники*, *соленики* и *залозники*. *Гречниками* назывались компаніи, торговавшія съ Греціей; *солениками*, торговцы съ Крымомъ, названіе которыхъ произошло отъ главнаго предмета вывоза оттуда — соли; *залозниками* — торговцы съ Азіей черезъ Кавказъ, получившіе названіе отъ пути торговыхъ сношеній, который на-

[1]) Ibidem. Приложеніе VII, о словѣ: „мужъ“ стр. 94—116.

зывался *залознымъ*, или *желѣзнымъ*. Но и простая купля, т. е. внутренняя торговля велась иногда компаніями, такъ въ XII в. кн. Всеволодомъ была учреждена компанія купцовъ при построенной имъ церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ.

Гости и купцы занимали почетное положеніе; они упоминаются въ составѣ посольствъ; такъ, еще въ договорѣ Игоря съ Греками 945 въ числѣ пословъ упоминаются гости и купцы.

Но особенное развитіе и вліятельное положеніе занялъ классъ купцовъ въ Новгородѣ. Наиболѣе зажиточные изъ новгородскихъ купцовъ съ XIV в. получили постоянное оффиціальное названіе „житыхъ людей". По своему положенію житьи люди стояли непосредственно за боярами. Новгородскіе купцы владѣли земельною собственностью, что видно изъ Новгородской Судной Грамоты, не дѣлающій никакого различія между боярином и купцомъ въ отношеніи землевладѣнія: „а позовутъ боярина, и житьего, и купца въ его землѣ, или въ женнѣ, ино ему отвѣчать.... въ свое мѣсто и въ женне" (18).

2) Низшій разрядъ градскихъ людей составляли *городскіе молодшіе*, или *городскіе черные люди*. Нѣкоторые изъ нихъ занимались мелкою торговлей; другіе же были ремесленниками, раздѣлявшимися на земскихъ и княжескихъ. Земскими ремесленниками считались тѣ, которые владѣли опредѣленною долей городской общинной земли и несли со своихъ ремеслъ земское черное тягло. Къ княжимъ же ремеслеппикамъ относились тѣ, которые своимъ ремесломъ служили князю, жили особыми слободами на княжей землѣ и не несли тягла.

3) *Церковные люди*. Наше представленіе о свободномъ населеніи удѣльновѣчевого періода не было бы полнымъ, если бы мы не упомянули объ особомъ классѣ общества, отдѣльныя группы котораго жили, по преимуществу, въ городахъ. Это—*люди церковные*, въ составъ которыхъ входили: а) священно-и церковнослужители, т. е. духовенство; б) лица, призрѣваемыя церковью; в) лица, поступавшія подъ опеку церкви—изгои.

а) *Духовенство* представляло собою классъ, рѣзко отличавшійся отъ свѣтскихъ классовъ древняго общества. Юридическое положеніе высшей іерархіи въ лицѣ митрополита, поставляемаго константинопольскимъ патріархомъ, и епископовъ совсѣмъ не было опредѣлено; низшее же духовенство, начиная съ игуменовъ, въ силу устава Владиміра Св. (стр. 43), было изъято отъ подчиненія свѣтской власти и поставлено подъ исключительную зависимость епископской юрисдикціи. Но особая подсудность духовенства не была привилегіей; она вызывалась особеннымъ положе-

ніемъ священно-и церковно-служителей, а потому духовенство не представляло въ это время сословія, тѣмъ болѣе, что духовное званіе не было наслѣдственнымъ. Въ клиръ могъ поступить всякій желающій и, если церковныя должности занимались, большею частью, сыновьями клириковъ, то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, а не правомъ: въ первобытныхъ обществахъ занятіе отца, въ особенности, занятіе, связанное съ духовнымъ саномъ и требующее грамотности и начитанности въ Св. Писаніи, естественно переходитъ къ сыну.

б) *Лица, призрѣваемыя церковью*, составляли довольно обширную и разнообразную группу свободнаго населенія. Сюда, по уставу Владиміра Св., причислялись: 1) бѣдныя вдовы, получавшія содержанія отъ церкви; 2) увѣчные; 3) лѣкаря; 4) лица, получившія чудесное исцѣленіе; 5) рабы, отпущенные на волю по духовному завѣщанію; 6) лица, сложившія съ себя иноческій санъ.

Находясь подъ покровительствомъ церкви, всѣ указанные разряды „церковныхъ людей“ по всѣмъ дѣламъ подлежали церковному суду.

в) *Изгои*[1]), т. е. лица поступавшія подъ опеку церкви, представляли собою, по вѣрному опредѣленію проф. Соловьева, „*людей почему-либо не могущихъ остаться въ прежнемъ своемъ состояніи и не примкнувшихъ еще ни къ какому новому*“. Такое положеніе изгоевъ дѣлало ихъ матеріально необезпеченными, а потому и нуждавшимися въ покровительствѣ. Церковный уставъ Всеволода (см. прим. на стр. 43) причисляетъ къ изгоямъ слѣдующихъ лицъ: 1) *попова сына, незнающаго грамоты;* 2) *холопа, откупившагося на волю*; 3) *несостоятельнаго купца*. Всѣ эти лица находились въ очень печальномъ положеніи. За исключеніемъ выкупившагося холопа, которому хотя и трудно, но тѣмъ не менѣе возможно было примкнуть съ теченіемъ времени къ другому состоянію, двумъ другимъ указаннымъ разрядамъ изгоевъ переходъ въ иное состояніе былъ совершенно недоступенъ. Церковь приходила такимъ обездоленнымъ на помощь и брала подъ свое покровительство. Но причисленные къ церкви изгои не переходили въ разрядъ зависимыхъ, или несвободныхъ; они оставались въ средѣ свободнаго населенія. Это видно изъ Рус. Правды, которая за убійство изгоя назначаетъ такую же виру въ 40 гривенъ, какая полагалась за убійство всякаго свободнаго человѣка.

Упомянутый уставъ Всеволода, кромѣ указанныхъ видовъ изгоевъ знаетъ еще четвертый: „*а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ, аще князь осиротѣетъ.*

[1]) *Мрочекъ-Дроздовскій*; назв. сочин.; прилож. IV, стр. 40—78.

Но осиротѣвшій князь, какъ видно изъ приведенной цитаты, не причислялся къ „людямъ церковнымъ“: этотъ видъ изгойства „прилагался къ князьямъ“, т. е. князья брали его на свое попеченіе. Исторія междукняжескихъ отношеній представляетъ много примѣровъ охраны княжескимъ родомъ князей-изгоевъ, подъ которыми, какъ сказано выше (стр. 182), надо разумѣть князей, терявшихъ право на столъ, если отцы ихъ не успѣли достигнуть этого стола по очереди старшинства. Такое преждевременное осиротѣніе лишало князя возможности перейти изъ младшаго въ старшій рядъ князей-родичей, исключало его изъ числа полноправныхъ членовъ княжескаго рода, заставляя смотрѣть изъ чужихъ рукъ.

Смерды [1]) составляли свободное сельское населеніе. Слово „смердъ“ въ памятникахъ употребляется въ широкомъ и тѣсномъ смыслѣ. Въ широкомъ смыслѣ, „смердъ“—всякій свободный человѣкъ, исключая князей и духовенство. Такъ, въ акад. спис. Рус. Правды въ ст., устанавливающей пеню за кражу коня говорится: „а за *княжь* конь.... 3 гривнѣ, а за *смердьй*.... 2 гр.; въ позднѣйшихъ же спискахъ слово „*смердій*“ замѣнено словомъ „*иной*“: „а будетъ былъ (украденъ) *княжь* конь, то платити зань три гривны, а за *иныхъ* по 2 гривны“. Сопоставляя эти выраженія Правды видимъ, что смердъ противополагается князю, какъ всякій „иной“, т. е. свободный человѣкъ. Въ тѣсномъ же смыслѣ слово „смердъ“ означало земледѣльца, „А сего чему не помыслите“, говорилъ Владиміръ Мономахъ на Долобскомъ съѣздѣ 1103 г. союзникамъ, „оже то начнеть *орати (пахать) смердъ*, и пріѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлою, а *лошадь* его поиметь, а въ *село его* ѣхавъ, иметь жену его, и дѣти его, и *все его имѣнье*.

Какъ свободный человѣкъ, смердъ обладаетъ личными и имущественными правами. По Рус. Правдѣ „за муку“, т. е. наказаніе смерда „безъ княжа слова“, т. е. безъ суда князя уплачивается смерду за обиду 3 гривны. Изъ приведеннаго выше лѣтописнаго свидѣтельства видно, что у смерда есть собственность: онъ имѣетъ лошадь, пашню, село [2]), т. е. усадьбу, имѣнье, или движимость. Воздѣлывая землю, составлявшую главную основу княжескаго дохода, смерды, какъ свободные землевладѣльцы, уплачиваютъ *дань* князю, являются „черными, податными людьми“,

---

[1]) Пр. *Мрочекъ-Дроздовскій*, назв. соч., приложеніе XIV: „О словѣ „смердъ“, стр. 204—217.

[2]) Слово село въ то время означало усадьбу; современное понятіе села выражалось терминами: „міръ“, „весь“.

тяглецами. Такъ, въ 1229 г. кн. Михаилъ, занявъ Новгородскій столъ „*вда свободу смердамъ на 5 лѣтъ данiй не платити*“. Въ виду такого значенія смердовъ, какъ податныхъ людей, князья считаютъ своею обязанностью заботиться о смердахъ, „блюсти ихъ“. Неисполненіе этой обязанности было поставлено, между прочимъ, новгородцами въ вину кн. Всеволоду-Гавріилу, изгнанному изъ Новгорода въ 1136 г. Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи говорилъ о себѣ: „тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти“.

Являясь въ качествѣ главной податной силы, смерды составляли массу земскаго ополченія, образуя пѣшее войско. Въ 1245 г. кн. Ростиславъ, занявъ Перемышль, „собравше *смерди* многи, *пѣшьцъ*“... Таково юридическое и общественное положеніе смердовъ.

Что касается ихъ экономическаго положенія, то изъ памятниковъ періода видно только, что смерды были или земледѣльцами-собственниками, или поселянами на землѣ частныхъ владѣльцевъ на условіяхъ, о которыхъ скажемъ ниже. Могли ли смерды селиться на общинныхъ земляхъ, объ этомъ никакихъ свидѣтельствъ въ памятникахъ не имѣемъ; а для изучаемаго періода, по нашему крайнему разумѣнію, едва ли можемъ имѣть: община—явленіе производное; для ея образованія необходимъ извѣстный личный субстратъ; смерды собственники и являлись таковымъ: обзаводясь „селомъ“ и пашней смердъ вступалъ въ отношенія сосѣдства къ другимъ такимъ же смердамъ-собственникамъ; возникали общіе хозяйственные и другіе интересы, которые заставляли сосѣдей рѣшать вопросы *сообща*, имѣть *общіе* органы для приведенія рѣшеній въ исполненіе, и образованіе *общины* становилось совершимся фактомъ. Такимъ образомъ, собственниками земли были смерды, а не общины.

Но хозяйственное положеніе смердовъ-землевладѣльцевъ не было обезпечено. Такъ въ памятникахъ XII вѣка смердъ представляется уже человѣкомъ экономически маломощнымъ, бѣднымъ, „худымъ“, какъ называетъ его Владиміръ Мономахъ, ставя себѣ въ заслугу защиту смердовъ отъ обидъ со стороны сильныхъ. Развитіе крупнаго боярскаго землевладѣнія, эксплоатируемаго даровымъ трудомъ холоповъ, рабовъ, ставило смердовъ, мелкихъ собственниковъ въ невозможность конкурировать съ огнищанами и вело ихъ къ обѣдненію, а затѣмъ и обезземеленью: имъ выгоднѣе было селиться на земляхъ сильныхъ владѣльцевъ, чѣмъ держать за собою свои „села“.

Отсюда образованіе особаго вида смердовъ-арендаторовъ и закуповъ.

Изорники, огородники, кочетники Пск. Судн. Грамоты. Объ арендаторахъ мы имѣемъ драгоцѣнныя свѣдѣнія въ Псковской Судной Грамотѣ. Она говоритъ объ *изорникахъ*, арендовавшихъ пашни (изорати—пахать); *огородникахъ*, снимавшихъ огороды, и *кочетникахъ*, т. е. *рыболовахъ* (отъ „кочетъ"—уключина), съемщикахъ *исадовъ*, или рыбныхъ ловель. Всѣ они были лично свободными и пользовались правомъ отрóка, т. е. отказа отъ аренды, но въ интересахъ, какъ самого арендатора, такъ и землевладѣльца, пользовавшагося также правомъ отказа отъ аренды, законъ устанавливалъ одинъ срокъ въ году — Филиппово заговѣнье, или 14 ноября. Благодаря этому, срокъ аренды былъ годичнымъ; арендная плата взималась натурой, причемъ *изорникъ* уплачивалъ $^1/_4$ уражая, а *кочетники* и *огородники* половину добытыхъ продуктовъ, почему и назывались еще „*половниками*". Но при отрóкѣ изорникъ обязанъ былъ уплачивать половину урожая, чѣмъ затруднялся, конечно, самый отказъ.

Такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, указанные съемщики земли и угодій были люди малоимущіе, бѣдные, то, садясь на чужую землю, они нуждались въ инвентарѣ, который и давался имъ въ ссуду землевладѣльцемъ. Ссуда давалась зерномъ, вершами, иногда деньгами и называлась „*покрутой*". Покрута осложняла расчеты съемщиковъ съ землевладѣльцами и оказывала вліяніе на прекращеніе аренды. Строгія правила взысканія покруты, установленныя грамотой, о чемъ скажемъ при изложеніи исторіи гражданскаго права, вели къ тому, что задолжавшіе изорники фактически очень рѣдко могли осуществить право отказа отъ аренды. Отсюда появленіе „*старыхъ изорниковъ*", оказавшихся, по вѣрному замѣчанію пр. Дьяконова, „первымъ элементомъ въ составѣ сельскаго населенія, навсегда утратившимъ свободу перехода".

Закупы. Псковская грамота, зная арендаторовъ, ни слова не говоритъ о закупахъ, постановленія о которыхъ встрѣчаются въ Русской Правдѣ. Это наводитъ на мысль, что молчаніе Псковской Грамоты обусловливается или совершеннымъ отсутствіемъ института закупничества въ сѣверо-западныхъ нашихъ волостяхъ, или дѣйствіемъ тамъ Русской Правды, какъ общерусскаго уложенія. Какъ бы то ни было, но институтъ закупничества отличается отъ разсмотрѣннаго нами изорничества.

Закупъ, не арендаторъ, а наемный работникъ, батракъ, работавшій или на пашнѣ (ольѣ), откуда и названіе *рольный закупъ*, или во дворѣ хозяина, *закупъ дворовый*. Если изорникъ свободный человѣкъ, то свобода закупа, какъ батрака, получавшаго, обыкно-

венно, „купу“, т. е. плату впередъ, взаживъ, что называется „милостью“, значительно ограничивалась. Какъ свободный, закупъ имѣлъ личныя и имущественныя права. Его личность ограждалась отъ посягательствъ господина. Такъ, если господинъ билъ его „безъ вины“, то долженъ былъ вознаградить его, какъ всякаго свободнаго; если онъ посягалъ на свободу закупа и продавалъ его въ холопство, то послѣдній получалъ „свободу во всѣхъ кунахъ“, т. е. освобождался отъ обязанности уплатить или отработать взятую впередъ плату, а господинъ платилъ 12 гривенъ продажи. При уменьшеніи причитающейся закупу заработанной платы („увередить цѣну“), при отдачѣ хозяиномъ закупа въ обезпеченіе своего долга кредитору („принять на закупѣ кунъ) при посягательствѣ на „отарицу“, т. е. имущество закупа, хозяинъ обязанъ не только возмѣстить ущербъ, причиненный закупу, но и уплатить уголовный штрафъ въ видѣ продажи. Послѣднее постановленіе свидѣтельствуетъ, что закупъ могъ имѣть свое имущество, причемъ, ему, какъ свободному человѣку, законъ предоставлялъ право иска на хозяина и, если онъ шелъ явно, т. е. съ вѣдома господина искать денегъ или жаловаться князю и судьямъ на обиды со стороны хозяина, онъ за это не только не обращался въ рабство, но его искъ разсматривался судомъ. Наоборотъ, бѣгство закупа вело къ обращенію его въ „обель“, т. е. въ полнаго холопа. Съ изорникомъ ничего подобнаго не могло быть: при бѣгствѣ вслѣдствіе желанія не платить долговъ землевладѣльцу, онъ терялъ право перехода, но лично оставался свободнымъ.

Итакъ, de jure закупъ свободный человѣкъ, но экономически онъ находится въ полной зависимости отъ хозяина. Зависимость эта обусловливалась полученіемъ „милости“, т. е. заработной платы взаживъ, причемъ иногда ролейный закупъ снабжался инвентаремъ въ видѣ коня, плуга, бороны, хлѣба въ зернѣ, но это было не ссуда, а „*придатокъ*“ къ „купѣ“, т. е. платѣ. Милость закупъ долженъ былъ возвратить работой, за придатокъ же отвѣчалъ уплатой его стоимости въ случаѣ „пагубы“ по своей винѣ. Если мы прибавимъ къ этому, что закупъ живетъ при хозяйствѣ или въ домѣ господина среди челяди послѣдняго, то мы поймемъ вліяніе такой зависимости на общественное положеніе закупа, приводившее къ ограниченію его свободы. Такъ, господину принадлежитъ право наказывать закупа „про дѣло“; въ случаѣ преступленія со стороны закупа, главнымъ образомъ, кражи чужихъ вещей, отвѣтственность падала на господина, что давало ему право обратить закупа въ своего холопа или продать его въ рабство. Находясь,

такимъ образомъ, во власти хозяина, закупъ былъ ограниченъ въ очень важномъ для свободнаго правѣ быть свидѣтелемъ на судѣ. Рус. Правда допускаетъ на судъ закуповъ въ качествѣ свидѣтелей только въ малыхъ тяжбахъ, да и то „по нуждѣ“, т. е. когда не было другихъ доказательствъ.

Что касается юридической природы обязательствъ, въ какія вступалъ закупъ къ хозяину, то въ литературѣ предмета до сихъ поръ нѣтъ единогласнаго рѣшенія. Мы остановимся еще на этомъ вопросѣ при изложеніи исторіи гражданскаго права. Здѣсь необходимо было выяснить общественное положеніе закупа, и изъ всего сказаннаго ясно, что закупъ свободный человѣкъ, но свобода его, по справедливому замѣчанію проф. Филиппова, „какъ человѣка безземельнаго и мало обезпеченнаго экономически, всегда висѣла на волоскѣ“. Среди смердовъ это былъ классъ, стоявшій на рубежѣ между свободнымъ населеніемъ и холопствомъ.

Несвободное населеніе.

Холопы. Несвободное населеніе составляли *холопы*, *рабы*, несчитавшіеся субъектами, а объектами правъ—имуществомъ. Такъ, за убійство холопа безъ вины съ его стороны взыскивается, по Рус. Правдѣ, не вира, какъ за убійство свободнаго, а продажа, т. е. пеня, шедшая въ пользу князя, между прочимъ за имущественныя правонарушенія; кромѣ того, въ пользу хозяина убитаго холопа полагается „урокъ“, т. е. вознагражденіе за имущественный ущербъ: „а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть: но оже будетъ *безъ вины* убиенъ, то за холопъ *урокъ* платится или за робу, а князю 12 гривенъ *продажъ*. (Тр. 116). За вину же со стороны холопа, послѣдняго можно было убить безнаказанно. Такимъ образомъ, холопство представляетъ собою институтъ гражданскаго, а не государственнаго права; если, тѣмъ не менѣе, институтъ этотъ излагается въ исторіи государственнаго права, то такое изложеніе вводится въ этотъ отдѣлъ права для полноты представленія о населеніи съ соціальной, а не политической точки зрѣнія.

Наименованія холоповъ. Несвободное населеніе обозначалось въ древности различными терминами: *холопъ* для обозначенія несвободнаго мужчины, *роба* (отъ глагола *робить* въ значеніи работать) — несвободной женщины; *челядь* (ед. челядинъ)=*чадь*, что означало домочадцевъ; *обель*, или *обельный холопъ*, въ значеніи круглый, полный; *дьрнь*, *одьрень*, *дерноватый* въ смыслѣ крѣпкій своему господину, вѣчный (отъ слова: „дернъ“; при покупкѣ земли передавался покупателю кусокъ дерна, чѣмъ символизиро-

валось укрѣпленіе права собственности за пріобрѣтателемъ; отсюда выраженіе „купить въ дернь“ стало означать вообще пріобрѣтеніе „въ прокъ“, въ собственность). Къ концу удѣльно - вѣчевого періода входитъ въ употребленіе терминъ „люди“ съ указаніемъ чьи: боярскіе, монастырскіе и т. д.

Способы установленія холопства. Холопство въ древности устанавливалось слѣдующими способами: 1) плѣномъ, 2) женитьбой на рабѣ, 3) поступленіемъ въ тіуны, или ключники, 4) несостоятельностью, 5) преступленіемъ, 6) рожденіемъ отъ несвободныхъ родителей.

1) *Плѣнъ*– самый обыкновенный и обильный источникъ холопства въ древнее время у всѣхъ народовъ. Наши лѣтописи приводятъ многочисленный рядъ свидѣтельствъ о захватѣ плѣнниковъ во время войнъ съ иноземцами и русскихъ волостей между собою. Плѣнники составляли главный предметъ торговли, что видно изъ договоровъ съ греками (стр. 28 и 29). Плѣнные могли быть обмѣниваемы, или выкупаемы, и только тѣ изъ нихъ, которыхъ некому было выкупить, поступали въ холопы, наполняя ряды челяди въ имѣніяхъ землевладѣльцевъ—огнищанъ.

2) *Женитьба свободнаго на рабѣ* вела, по Рус. Правдѣ, къ обращенію его въ холопа только въ томъ случаѣ, если онъ не заключалъ договора съ хозяиномъ рабы. Договоръ могъ обезпечивать не только свободу женившагося на рабѣ, но касаться и другихъ отношеній, напр., выкупа самой рабы, свободы будущихъ дѣтей и т. п. Такое заключеніе можно вывести изъ словъ Правды: „*поіметь ли съ рядомъ, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стоить*“. (Тр. 142).

3) *Поступленіе свободнаго въ тіуны, или ключники* вело къ холопству также только въ томъ случаѣ, если онъ не заключалъ договора съ хозяиномъ: „тивуньство безъ ряду или привяжетъ ключь къ собѣ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будеть рядилъ на томъ и стоить“ (Тр. 142).

4) *Несостоятельность* являлась способомъ установленія холопства только тогда, когда она была, примѣняясь къ современной терминологіи, неосторожной: „ниже пропиеться или пробпеться (проиграется), а въ безумьи чюжь товаръ испортить, то како любо тѣмъ, чий товаръ: *ждуть ли ему*, а своя імъ воля, продадять ли, а своя имъ воля“. (Троиц. 67). Такимъ образомъ, несостоятельность не была безусловнымъ способомъ установленія холопства: все зависѣло отъ усмотрѣнія кредиторовъ, которые могли дать несостоятельному разсрочку въ уплатѣ долга. Впрочемъ, такое послѣдствіе вытекало изъ несостоятельности только въ томъ случаѣ, если кре-

диторами были свои купцы, „домашніе“, какъ называетъ ихъ Правда, если же при задолженности многимъ своимъ, купецъ бралъ еще и у иногороднаго или иноземнаго гостя товаръ въ долгъ и оказывался неисправнымъ, то при искѣ на него со стороны кредиторовъ Правда предписываетъ: вести и на торгъ, продати же....“ (Тр. 68), т. е. въ этомъ случаѣ несостоятельность вела къ безусловному порабощенію.

5) *Преступленіе* служило источникомъ холопства, по Рус. Пр., только для закупа въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если онъ тайно убѣгалъ отъ хозяина, желая уклониться отъ уплаты полученной „милости“, и 2) если онъ, укравъ что-либо, скрывался отъ преслѣдованія. Въ первомъ случаѣ закупъ обращался въ обельнаго холопа, во второмъ—становился обельнымъ холопомъ господина въ случаѣ возмѣщенія послѣднимъ имущественнаго ущерба, причиненнаго закупомъ—татемъ третьему лицу; если же хозяинъ отказывался отъ такого возмѣщенія, закупъ подлежалъ продажѣ въ рабство. (Тр. 84, 85, 86).

6) *Рожденіе отъ несвободныхъ родителей* было настолько естественнымъ способомъ установленія холопства, что Правда говоритъ о немъ мимоходомъ, именно: въ статьѣ о вознагражденіи опекуна, перечисляя предметы, подлежащіе возврату опекаемымъ, Правда упоминаетъ „отъ челяди плодъ или отъ скота“, т. е. рожденные отъ холоповъ считаются собственностью хозяина, какъ и приплодъ отъ скота.

Кромѣ приведенныхъ способовъ установленія холопства, надо упомянуть *о продажѣ свободнымъ себя въ рабство*. Вѣроятно, такой способъ практиковался, но постановленій о немъ мы не встрѣчаемъ. Русская Правда ни слова не говоритъ о самопродажѣ. Въ ней мы находимъ, впрочемъ, слѣдующее постановленіе: „оже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставить, а ногату дасть *передъ самымъ холопомъ*“; но это постановленіе говоритъ о покупкѣ холопа, а не о самопродажѣ. Здѣсь устанавливаются условія, при которыхъ договоръ купли-продажи холопа считается правильнымъ и ведетъ къ безспорному переходу на покупателя права собственности на раба, какъ на „обельнаго холопа“. Условія эти слѣдующія: купля—продажа должна состояться передъ свидѣтелями и задатокъ въ размѣрѣ ногаты (монета=$^1/_{20}$ части гривны кунъ) долженъ быть врученъ въ присутствіи самого холопа. Цѣна раба опредѣляется соглашеніемъ, но не должна быть ниже полугривны [1]).

[1]) Насъ не должно смущать то обстоятельство что разсматриваемое постановленіе о покупкѣ холопа помѣщено въ статьѣ, перечисляющей три способа

Способъ прекращенія холопства—одинъ: освобожденіе отъ рабства. Въ Русской Правдѣ встрѣчается указаніе на одинъ только случай освобожденія, именно: *освобожденіе рабы-наложницы и дѣтей, прижитыхъ ею отъ хозяина, по смерти послѣдняго.* Такое освобожденіе обезпечивало участь незаконнорожденныхъ взамѣнъ имущественнаго ихъ обезпеченія, такъ какъ они не участвовали въ наслѣдованіи по закону послѣ своего естественнаго отца. Но по церковному уставу Всеволода Новгородскаго „*робичичи*“, т.-е. прижитые отъ рабы, получали не только свободу съ матерью, но уже и нѣкоторое имущественное обезпеченіе: „конь, да доспѣхи и покрутъ, по разсмотрѣнію живота“.

Кромѣ случая, предусмотрѣннаго указанными памятниками, въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами 1195 г. встрѣчается постановленіе: „оже кто робу поверьжетъ насильемъ, а не соромитъ, то за обиду гривна; *паки-ли соромитъ, собѣ свободна*“, т.-е. изнасилованіе рабы ведетъ къ уплатѣ ей гривны за обиду; растлѣніе же—*къ освобожденію ея отъ рабства.*

Но, кромѣ указанныхъ случаевъ, были несомнѣнно извѣстны въ это время и другіе, самые обыкновенные случаи прекращенія рабства—отпускъ на волю по усмотрѣнію господина и выкупъ изъ холопства. О существованіи ихъ мы можемъ заключить, какъ изъ церковнаго устава св. Владиміра, гдѣ въ числѣ церковныхъ людей помѣщенъ „задушный человѣкъ“, т. е. отпущенный по завѣщанію, такъ и изъ церковнаго устава Всеволода Новгородскаго, гдѣ въ числѣ изгоевъ, какъ мы видѣли, упоминается „холопъ изъ холопьства выкупиться“.

Юридическое положеніе холоповъ можетъ быть представлено съ значительною ясностью на основаніи постановленій Русской Правды. Разсматривая холоповъ, какъ имущество хозяевъ, Правда ограждаетъ право собственности послѣднихъ на своихъ рабовъ отъ правонарушеній со стороны третьихъ лицъ и не обезпечива-

---

установленія холопства: 1) покупку раба; 2) женитьбу на рабѣ, и 3) тіунство безъ ряда (Тр. 142). Мы встрѣчаемся здѣсь съ очень обыкновеннымъ явленіемъ въ древнихъ памятникахъ: стремленіемъ составителя систематизировать матеріалъ и неумѣніемъ справиться съ этой задачей. Разсматриваемая статья служитъ доказательствомъ высказаннаго положенія: она начинается заявленіемъ: „холопство обѣльное трое“, и этимъ какъ бы указываетъ, что, кромѣ приведенныхъ способовъ, иныхъ не существуетъ, а между тѣмъ, въ другихъ ст. сама же Правда говоритъ о всѣхъ изученныхъ нами способахъ установленія рабства, за исключеніемъ плѣна. Далѣе, не замѣчая разницы между первоначальными источниками рабства и закрѣпленіемъ холопа за пріобрѣтателемъ при покупкѣ, составитель помѣщаетъ столь различныя постановленія подъ одною рубрикой.

ѣть интересовъ самихъ холоповъ. Поэтому, Правда прежде всего предоставляетъ хозяину право искать пропавшаго раба. Съ этою цѣлью хозяинъ долженъ сдѣлать „закличь на торгу“, т.-е. объявить о пропажѣ и всякій нашедшій долженъ былъ въ теченіе 3 дней привести его къ хозяину; въ противномъ случаѣ хозяинъ могъ взять его у всякаго, хотя бы и добросовѣстнаго владѣльца, причемъ, послѣдній уплачивалъ „продажу“ за укрывательство (Тр. 38). Холопъ могъ пропасть не только черезъ побѣгъ, но и путемъ похищенія насильственнаго или по уговору. За похищеніе виновные уплачиваютъ 12 гривенъ продажи, кромѣ возмѣщенія убытковъ господина. За покупку холопа, завѣдомо краденаго, покупатель несетъ такую же отвѣтственность; если же онъ докажетъ свое незнаніе о томъ, что холопъ краденый, онъ долженъ возвратить холопа хозяину, но получаетъ право иска противъ продавца.

Не признавая холопа субъектомъ правъ, Правда не подвергаетъ его уголовной отвѣтственности за дѣйствія, направленныя противъ третьихъ лицъ: за его дѣйствія отвѣчаетъ хозяинъ подобно тому, какъ онъ отвѣчаетъ за вредъ, причиненный кому-либо его домашнимъ животнымъ. Поэтому, „аже будутъ холопи татие...; ихъ же князь *продажею* не казнить, зана суть несвободни; то *двоичи платить* ко истьцю за обиду“ (Тр. 57). Холопы, слѣдовательно, не подлежатъ уголовному штрафу, а частному вознагражденію, уплачиваемому не ими, а хозяиномъ, („платить“) и, притомъ, въ случаѣ кражи—вдвое противъ цѣны украденнаго. Впрочемъ, хозяинъ могъ отказаться отъ уплаты вознагражденія и выдать холопа потерпѣвшему отъ кражи, Тоже самое предоставляется Правдой хозяину, если холопъ обманомъ, подъ видомъ свободнаго, бралъ у кого-либо деньги для торговли или взаймы (Тр. 154, 149). Такой выборъ между уплатой ущерба и выдачею холопа потерпѣвшему, предоставляемый хозяину, можетъ быть объясненъ тѣмъ, что иногда цѣна украденаго или добытаго обманомъ превышала цѣну самого холопа и хозяину было выгоднѣе „*лишитися его*“. Но если господинъ заставлялъ холопа торговать и тотъ должалъ, то господинъ не могъ его выдать, а долженъ былъ уплатить долги: „аже пустить холопъ въ торгъ, а одолжаетъ, то выкупати его господину и не лишитись его“. Въ этомъ случаѣ холопъ являлся довѣреннымъ хозяина и отвѣтственность за дѣйствія падала на вѣрителя.

Разсмотрѣнныя постановленія Правды свидѣтельствуютъ, что рабы представляли собою довольно цѣнное имущество. Въ древнее время это имущество служило главнымъ объек-

томъ торговли, давая значительный доходъ рабовладѣльцамъ. Еще Святославъ мотивировалъ свое желаніе переселиться въ Переяславецъ на Дунаѣ тѣмъ, „что то есть середа въ земли его, яко ту вся благая сходятся“ и, между прочимъ, „изъ Руси скора (мѣха) и воскъ, медъ и *челядь*“. Цѣна раба въ то время, судя по договорамъ съ греками (стр. 30), была высокой: по договору Олега въ 20, по договору Игоря, отъ 5 до 10 золотниковъ. По Рус. Правдѣ, за убійство тіуновъ огницныхъ взимается 80 гривенъ, конюховъ, поваровъ—40 гр., тіуновъ сельскихъ, „ремественниковъ“, дядекъ и кормилицъ 12 гр., за „рядовича“, т.-е. обыкновеннаго, рядового холопа 5 гр., за рабу—6 грив. (Тр. 13—17). Съ развитіемъ землевладѣнія рабство получило еще большее значеніе: даровой трудъ холоповъ нашелъ себѣ широкое примѣненіе въ домашнемъ хозяйствѣ; княжескія, боярскія, монастырскія села, по свидѣтельству лѣтописей, нерѣдко были сплошь населены челядью. Само собою понятно, что съ точки зрѣнія хозяйственной пользы, какъ можно усмотрѣть изъ только что приведенныхъ оцѣнокъ холоповъ Правдой, не всѣ рабы были равны.

Высшій разрядъ холоповъ составляли: тіуны [1]) (ключники), огницные (т.-е. дворовые, позднѣе дворскіе), конюшіе, сельскіе, или ратайные, какъ княжескіе, такъ и боярскіе. Заправляя важнѣйшими отраслями хозяйства, они являлись самыми близкими людьми своихъ господъ, а въ княжескомъ хозяйствѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и органами суда и финансоваго управленія, такъ какъ въ то время государственное управленіе не отличалось отъ частнаго княжескаго хозяйства. Этотъ разрядъ холоповъ по своему положенію близко подходилъ къ свободнымъ: за убійство ихъ взыскивалась вира, равная вирѣ за убійство свободнаго, а за убійство дворовыхъ и конюшихъ тіуновъ—двойная. Далѣе, не допуская вообще холоповъ къ свидѣтельству на судѣ, Правда дѣлаетъ исключеніе для изучаемаго разряда рабовъ: „а послушества на холопа не складають, но оже не будетъ свободнаго, то по нужи сложити на боярска тивуна; а на инѣхъ не складывати (Тр. 89). Изъ Правды, наконецъ, видно, что рабы могли имѣть свое имущество; послѣднее, по всей вѣроятности, принадлежало представителямъ этого высшаго разряда холоповъ. Обладая имуществомъ, холопы могли, конечно, вступать въ сдѣлки съ третьими лицами. И если Правда, въ интересахъ господъ, объявляетъ, напр., договоръ займа съ холопами недѣйствительнымъ: „вѣдая ли (т.-е. за-

[1]) О тіунахъ см. у пр. *Мрочекъ-Дроздовскаго*, наз. соч., Пр. XV стр. 223—244.

вѣдомо зная, что занимающій принадлежитъ къ холопамъ) будетъ далъ, а кунъ ему липнитися", то такая угроза на практикѣ, вѣроятно, не имѣла значенія: холопы пользовались кредитомъ и съ ними вступали въ договоръ займа даже иностранцы. Въ виду этого, по всей вѣроятности, Мстиславова Правда 1229 г. (ст. 64) отступаетъ отъ началъ Рус. Правды: „аже латининъ *дастъ княжю холопу въ заемъ, или боярскому человѣку*, а оумретъ не заплативъ, *а кто имѣетъ его остатокъ*, тому платити Немчиноу". Это постановленіе не только свидѣтельствуетъ о дѣйствительности договора займа, заключеннаго холопомъ съ иностранцемъ, но и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у рабовъ могло быть имущество (остатокъ), поступавшее послѣ ихъ смерти наслѣдникамъ.

Однако имущество раба не было свободно отъ притязаній хозяина, какъ его личность не была ограждена отъ произвола послѣдняго. Противъ этого произвола въ христіанское время должна была выступить Церковь, для которой всѣ равны: „нѣсть.. ни рабъ, ни свободь,—но всяческая и во всѣхъ Христосъ". И церковь дѣйствительно выступала противъ убійства рабовъ и жестокаго съ ними обращенія, боролась съ торговлей холопами и, въ особенности, съ продажей ихъ „поганымъ", одобряла и поощряла освобожденіе рабовъ, оказывала содѣйствіе холопамъ, желавшимъ выкупиться на волю, брала выкупившихся, какъ, изгоевъ, подъ свою опеку. Но всѣ эти стремленія Церкви не имѣли большого практическаго значенія: юридическихъ нормъ, облегчавшихъ и улучшавшихъ положеніе холоповъ, за исключеніемъ приведенныхъ случаевъ отпущенія на свободу, въ изучаемый періодъ (стр. 209) не встрѣчаемъ.

Сергѣевичъ Рус. Юр. др. т. I 94—306. *Пръсняковъ*—„Княжое право". *Чичеринъ*—Опыты по исторіи русскаго права.

Кромѣ этихъ общихъ сочин., въ частности:

1) О боярахъ—*Мстиславскій*—Огнищанинъ и княжъ мужъ М. 1861 г. *Загоскинъ*, Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до Петровской Руси. 1876 г. гл. I. *Мрочекъ-Дроздовскій*. О древне-русской дружинѣ по былинамъ. *Павловъ-Сильванскій*.— Государевы служилые люди 1898 г. гл. I и II. *Ключевскій*. Боярская Дума древней Руси, 1909 г. гл. I и II.

2) О гостяхъ и купцахъ—*Бѣляевъ*—Разсказы изъ русской исторіи. Т. II Ис. Новгор. Вел., 1866.—*Аристовъ*—Промышленность древней Руси. *Довнаръ Запольскій*—Исторія русс. нар. хозяйства, 1911 г.

3) О церковныхъ людяхъ. *Неволинъ*.—О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго т. 6. 1859 г. стр. 376.

4) Объ изгояхъ.—*Калачевъ*—О значеніи изгоевъ и состояніи изгойства въ древней Руси.—Арх. Ис.-Юр. свѣд. кн. I 1850 г. *Аксаковъ*—Родовое или общественное явленіе были изгои? Соб. соч. I.

5) О смердахъ—*Бѣляевъ*.—Крестьяне на Руси, 1860. гл. I. *Его же*—О наслѣдствѣ безъ завѣщанія стр. 26. *Лешковъ*.—О Русс. Пр. въ отношеніи къ благоустройству. Вр. Об. Ис. и Др. Рос. XX. *Дювернуа*.—Источники права и судъ въ древней Россіи 1866. *Лаппо-Данилевскій*.—Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи 1905.

6) О закупахъ—*Неволинъ* Пол. собр. соч. 1857, т. 3. *Мейеръ*. Древнее русское право залога. Юр. сб. 1855 г. *Ясинскій*.—Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русск. права.—Сбор. ст., посвящен. В. Буданову 1904 г. *Яковкинъ*.—Закупы Рус. Правды Ж. М. Нр. Пр. 1913 IV и V.

7) О холопахъ—*Ключевскій*—Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи. Рус. М. 1886 № 5 и 7. *Щаповъ* Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей 1859 г.

ГЛАВА II.

Управленіе.

Органы управленія.

Органы княжескаго управленія. Главою правительственной власти въ каждой волости являлся князь. Князья были призваны „судить и володѣть,“ т.-е. управлять. Судъ и управленіе были, слѣдовательно, *личнымъ дѣломъ* князя. Однако, не смотря на несложность задачъ управленія, князь лично не могъ осуществить всѣ эти задачи въ цѣлой волости; онъ нуждался въ помощникахъ и не только въ тѣхъ пунктахъ поселеній волости, гдѣ самъ онъ не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія, но и въ своей резиденціи, стольномъ городѣ, который часто приходилось ему покидать, отправляясь въ объѣздъ своей территоріи для *личнаго* производства суда и сбора доходовъ.

Помощниками князя *на мѣстахъ* были *посадники*; но ихъ нельзя разсматривать, какъ представителей *мѣстнаго управленія*, такъ какъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ не возникло еще отличія центральныхъ органовъ отъ мѣстныхъ, высшихъ инстанцій отъ нисшихъ. Посадникъ былъ только помощникомъ князя, присутствіе котораго въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ посадникъ, прекращало дѣятельность послѣдняго.

Въ стольномъ же городѣ при князѣ, равно какъ при посадникахъ, ближайшими помощниками въ судѣ и хозяйствѣ являлись *тіуны*, а для сбора доходовъ назначались особыя лица, о которыхъ скажемъ при обзорѣ финансоваго управленія.

Посадники. Посадники появляются вмѣстѣ съ первыми князьями. Уже Рюрикъ раздалъ волости своимъ мужамъ, поручая имъ „городы рубати“. Олегъ, отправившись изъ Новгорода на югъ, попутно взялъ Смоленскъ и Любечъ и „посади“ въ нихъ „мужи свои“. И впослѣдствіи занятіе чужой волости сопровождалось назначеніемъ въ городъ волости княжескаго посадника. Такъ, въ 1096 г. Олегъ Святославичъ „перея всю землю Муромску и Ростовьску и посажа посадникы по городомъ“. Съ другой стороны, добровольное присоединеніе какой-либо волости къ княжеству выражалось въ просьбѣ дать посадника. При приближеніи въ 1147 г. Глѣба Юрьевича къ Курску „послаша куряне къ князю и пояша у него посадникъ къ собѣ; и посади своего у нихъ посадника“.

Посадниками назначались, обыкновенно, представители старшей княжеской дружины—княжіе мужи, иногда воеводы; въ Новгородъ же, большею частью—сыновья великихъ князей кіевскихъ.

Посадникъ въ своемъ городѣ и волости дѣлалъ то-же, что князь въ своей резиденціи, т.-е. былъ въ одно и тоже время администраторомъ и судьей, представителемъ военной и гражданской власти, такъ какъ изучаемому періоду исторіи нашего права не было совершенно извѣстно понятіе о раздѣленіи функцій власти.

Посадники за свою дѣятельность получали въ свою пользу часть собираемыхъ судебныхъ и торговыхъ пошлинъ и кормы съ населенія натурою.

Новгородскіе посадники. Особенное значеніе пріобрѣлъ посадникъ въ Новгородѣ. Положеніе новгородскаго посадника и отношеніе его къ князю до XIII ст. было такимъ же, какъ и въ другихъ волостяхъ. Но съ XIII в. должность новгородскаго посадника становится выборной, независимой отъ князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивается право князя назначать единолично посадниковъ въ новгородскія волости: князь назначаетъ этихъ посадниковъ съ совѣта новгородскаго посадника и, при томъ, исключительно изъ среды новгородскихъ гражданъ. Съ этого времени помощники князя перестаютъ именоваться посадниками, а называются *намѣстниками*, управлявшими и судившими, подобно самимъ новгородскимъ князьямъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ новгородскимъ посадникомъ.

Новгородскіе посадники избирались на неопредѣленное время вѣчемъ изъ могущественныхъ и богатыхъ фамилій и, благодаря избранію, становились постоянными исполнительными органами народной воли. Посадникъ, занимавшій въ данное время должность, носилъ названіе *„степеннаго“*, а прежніе—*„старыхъ“*. Старые посадники имѣли большое вліяніе на общественныя дѣла Новгорода, но не потому, что они были раньше степенными посадниками, а вслѣдствіе принадлежности своей къ богатѣйшимъ и знатнѣйшимъ боярскимъ фамиліямъ, стоявшимъ, обыкновенно, во главѣ сильныхъ партій.

Къ предметамъ вѣдомства степеннаго посадника относились: 1) сношенія съ иноземцами и князьями: ни одна договорная грамота не могла быть написана безъ участія посадника; 2) предводительствованіе новгородскимъ войскомъ; 3) заботы объ укрѣпленіи Новгорода и его пригородовъ; 4) созывъ вѣча и руководство вѣчевыми совѣщаніями; 5) защита новгородцевъ отъ притѣсненій со стороны князя: послѣдній безъ посадника не имѣлъ права никого ни арестовывать, ни судить.

Тіуны. Князь, какъ и посадникъ, не всегда могли судить лично; поэтому, нерѣдко они поручали отправленіе правосудія своимъ слугамъ—тіунамъ. Мы видѣли, что подъ словомъ „тіунъ“ разумѣлся прежде всего высшій разрядъ холоповъ (стр. 211), заправлявшій важнѣйшими отраслями княжескаго хозяйства, но такъ какъ послѣднее въ то время не отдѣлялось отъ государственнаго управленія, интересы частноправовые сливались съ интересами государственными, то слово „тіунъ“ означало еще и судью. Населеніе мирилось съ судомъ тіунскимъ, замѣнявшимъ по необходимости судъ княжескій, только до тѣхъ поръ, пока тіуны не допускали злоупотребленій. Но если тіуны начинали „чинить людямъ тяготы продажами“, т.-е. судебными штрафами, населеніе возмущалось и требовало личнаго княжескаго суда, являвшагося въ глазахъ народа судомъ праведнымъ, „княжой правдой“. Выше было указано (стр. 186), что въ 1146 г. Кіевляне, жалуясь на злоупотребленія княжескихъ тіуновъ, просили Святослава судить ихъ лично.

Кромѣ производства суда, на тіуновъ возлагались и другія обязанности. Въ Рус. Правдѣ упоминаются тіуны огнищные и конюшіе. „Огнищный тіунъ“, называвшійся иначе „дворьскимъ“, завѣдывалъ дворомъ княжескимъ, а, слѣдовательно, всею младшею дружиной. Съ половины XII вѣка огнищный тіунъ—не холопъ: онъ назначается изъ бояръ. Изъ обязанностей дворскаго тіуна образовалась въ московское время важная должность дворецкаго.

„Тіунъ конюшій“ вѣдаетъ княжеское коневодство, составлявшее не только отрасль княжескаго хозяйства, но и важную область государственнаго управленія, такъ какъ княжескіе кони служили для военныхъ надобностей. Еще Владиміръ, по совѣту епископовъ и старцевъ градскихъ, возобновилъ взамѣнъ смертной казни разбойниковъ, взиманіе съ нихъ виръ, такъ какъ эти денежные штрафы шли на пріобрѣтеніе оружія и коней: „оже вира, то на оружьи и на коньхъ буди“. Изъ обязанностей конюшаго тіуна образовался важный чинъ конюшаго при дворѣ московскихъ государей.

Органы земскаго управленія. На ряду съ органами управленія княжескаго мы встрѣчаемся въ удѣльно-вѣчевой періодъ съ органами управленія земскаго, которые по своему происхожденію древнѣе первыхъ: они появились еще въ до-княжеское время. Такими органами были тысяцкіе, сотскіе и десятскіе. Ихъ названіе произошло отъ дѣленія волостей на сотни. Первоначально такое подраздѣленіе было чисто военнаго характера: народное ополченіе дѣлилось на десятки, сотни, тысячи; воеводами тысячи были *тысяцкіе*, предводителями части ополченія—сотскіе и десятскіе. Но позднѣе всѣ эти должностями лица становятся, сверхъ того, и органами гражданскаго управленія.

Тысяцкій, какъ воевода земскаго ополченія, первоначально противопоставлялся посадникамъ и тысяцкимъ княжескимъ. Позднѣе тысяцкій назначается княземъ изъ мѣстныхъ бояръ, но по прежнему остается воеводою земскихъ силъ и въ этомъ качествѣ стоитъ въ зависимости отъ вѣча. Если князь предпринималъ походъ, неугодный вѣчу, то тысяцкій съ земскимъ ополченіемъ въ такомъ походѣ участія не принималъ. Такъ, въ 1147 г. кіевскій тысяцкій Лазарь не участвуетъ въ походѣ Изяслава Мстиславовича въ союзѣ съ Ольговичами противъ Юрія Долгорукаго, такъ какъ походъ этотъ не былъ одобренъ Кіевскимъ вѣчемъ.

Значеніе тысяцкаго, какъ княжаго мужа, съ одной стороны, и воеводы земскаго ополченія, съ другой, было очень велико: онъ могъ вліять какъ на земщину, такъ и на самихъ князей. Но особенное положеніе занималъ новгородскій тысяцкій.

Новгородскій тысяцкій, подобно посаднику сперва назначался княземъ, но съ XIII вѣка, когда должность посадника стала выборной, и тысяцкіе дѣлаются выборными. Ихъ выбираетъ вѣче изъ среды тѣхъ же знатныхъ фамилій новгородскихъ бояръ, изъ которыхъ избирались посадники.

По своему положенію новгородскій тысяцкій былъ ниже посадника: онъ былъ начальникомъ и представителемъ интересовъ

черныхъ людей, посадникъ же былъ земскимъначальникомъ всего Новгорода. Тысяцкій, занимавшій въ данное время должность, назывался, подобно посаднику, *степеннымъ*, прежніе же тысяцкіе—*старыми*. Степенный тысяцкій предводительствовалъ ополченіемъ, состоявшимъ изъ черныхъ людей, заботился о постройкѣ укрѣпленій, замѣнялъ посадника на вѣчѣ, вѣдалъ судъ по торговымъ дѣламъ и, по всей вѣроятности, судилъ черныхъ людей.

Сотскіе и десятскіе подчинялись тысяцкому, какъ предварителю ополченія. Но съ развитіемъ военной дѣятельности князей военное значеніе сотскихъ и десятскихъ постепенно падало и они превратились, затѣмъ, въ должностныхъ выборныхъ лицъ, завѣдывавшихъ раскладкою податей и надзоромъ за отбываніемъ со стороны населенія натуральныхъ повинностей. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сотскіе и десятскіе присутствовали на судѣ князя или ихъ тіуновъ въ качествѣ довѣренныхъ лицъ общины.

Предметы управленія.

Задачи управленія въ древности были несложны: онѣ сводились къ защитѣ земли отъ внѣшнихъ нападеній, къ отправленію правосудія и къ изысканію средствъ для покрытія необходимыхъ расходовъ. Отсюда, судъ, войско и финансы являлись почти единственными предметами управленія. О судѣ въ удѣльно-вѣчевой періодъ мы будемъ говорить при изложеніи исторіи процессуальнаго права; здѣсь же изложимъ въ краткихъ чертахъ военное и финансовое управленіе.

Военное управленіе. Войско каждой волости состояло изъ княжеской дружины и народнаго ополченія.

Княжеская дружина слагалась изъ дружины самого князя и изъ дружинъ его мужей, бояръ, такъ какъ послѣдніе, какъ мы видѣли (стр. 197), имѣли свои дружины. Мы видѣли, далѣе, что княжеская дружина состояла изъ старшей и младшей дружины. Находясь неотлучно при князѣ, дружина представляла собою *постоянное* войско, причемъ, младшіе дружинники, живя при княжескомъ дворѣ, назывались дворянами, или, „дворомъ“ и выступали иногда въ качествѣ самостоятельнаго войска. Такъ, когда въ 1245 г. новгородцы, отразивъ вмѣстѣ съ Александромъ Невскимъ литовцевъ, ушли, „князь погонися по нихъ (литовцевъ) *съ своимъ дворомъ*“...

Народное ополченіе состояло изъ всѣхъ слоевъ населенія, но это не значитъ, что въ каждомъ походѣ всѣ эти слои принимали участіе; встрѣчаемся съ походами, гдѣ участвуютъ всѣ, отъ бо-

яръ до смердовъ, но бывали походы, въ которыхъ народное ополченіе состояло только изъ купцовъ или только изъ смердовъ. Такое различіе въ составѣ народнаго ополченія обусловливалось рѣшеніями вѣча или личнымъ желаніемъ охотниковъ. Вѣче иногда постановляло принять участіе въ данной войнѣ поголовно, иногда же призывало только часть населенія. Народное ополченіе, въ отличіе отъ княжеской дружины, *не было постояннымъ войскомъ*: оно призывалось на случай войны, съ окончаніемъ которой распускалось.

Таковъ составъ войска каждой волости. Для обозначенія, какъ княжеской дружины, такъ и народнаго ополченія употреблялось слово „полкъ“. Полки, составлявшіе княжескую дружину, назывались по именамъ князей, полки, состоявшіе изъ народнаго ополченія,—по именамъ городовъ; такъ подъ 1153 г. встрѣчаемъ такое извѣстіе: „И поиде Изяславъ Мстиславовичъ. на Галичъ и *Вячеславль полкъ* поя съ собой, Изяславъ Давыдовичъ пусти съ нимъ *свой полкъ*, и сынъ его Мстиславъ приде съ *Переяславскимъ полкомъ*. Городовые полки назывались еще *тысячами*.

Управленіе войскомъ принадлежало князю, помощниками котораго были воеводы и тысяцкіе. Подъ словомъ „*воевода*“ разумѣлся военачальникъ, предводительствовавшій военною силою волости, независимо отъ состава этой силы; словомъ же „*тысяцкій*“ обозначался начальникъ городовыхъ полковъ, или тысячъ. О тысяцкихъ было сказано выше; здѣсь остановимся на воеводахъ.

Воеводы назначались княземъ только на опредѣленный походъ, съ окончаніемъ котораго ихъ полномочія прекращались. Такъ, въ 1043 г. Ярославъ назначаетъ особаго воеводу для похода на Грековъ. Воеводамъ поручалось начальствованіе или всѣмъ войскомъ, или его частью, причемъ, какъ княжескою дружиною, такъ и ополченіемъ, составленнымъ изъ охотниковъ. Въ разсматриваемый періодъ въ воеводы, обыкновенно, назначались княжіе мужи, бояре: „лѣпшіе мужи остались бяху: Лазарь воевода съ полкомъ Рюриковымъ и Борисъ Захарьевичъ съ полкомъ своего княжича Володимера и Сдѣславъ Жирославичъ съ Мстиславлимъ полкомъ“... (Ипат. 1180).

Что касается содержанія войска, то постояннымъ содержаніемъ пользовалась только младшая дружина князя, получавшая продовольствіе натурою отъ княжескаго двора, что при значительномъ количественномъ составѣ этой дружины могло затруднять княжеское хозяйство, почему въ мирное время дружинники, обыкновенно, распредѣлялись по городамъ на кормленіе. Осталь-

ное войско, не получая постояннаго содержанія, кормилось на счетъ военной добычи. Отсюда взглядъ на войну, какъ на источникъ обогащенія. Такой взглядъ приводилъ къ тому, что не одна война не обходилась безъ грабежа, разоренія непріятельской страны. Поэтому каждая волость, не имѣвшая возможности сопротивляться наступающему врагу, нерѣдко стремится заключить скорѣе миръ на границѣ, чтобы не допустить вторженія, неизбѣжно сопровождавшагося опустошеніемъ. Такъ, Полочане, напр., узнавъ о походѣ противъ нихъ Новгородцевъ и Смольнянъ, рѣшаютъ такъ: „не можемъ стати противу Новгородцемъ и Смолняномъ; *аще пустимъ ихъ въ свою землю, то и миръ хотя съ ними будетъ, а зла много сдѣлаютъ намъ и землю нашу пусту сотворятъ, поидемъ къ нимъ на рубежъ*“. Право на военную добычу принадлежало всѣмъ разрядамъ войска: какъ княжеской дружинѣ, такъ и народному ополченію, при этомъ, каждый воинъ пріобрѣталъ то, чѣмъ завладѣвалъ: овладѣніе, такимъ образомъ, считалось правомѣрнымъ способомъ установленія права собственности для пріобрѣтателя. (Сергѣевичъ. Лекціи, 1883; стр. 400—416).

Финансовое управленіе. На необходимыя расходы по управленію, т.-е. на содержаніе войска, на отправленіе правосудія, нужны были средства. Отсюда—финансовое управленіе, главною задачею котораго было опредѣленіе источниковъ княжескаго дохода, который первоначально совершенно сливался съ средствами государства. Князь получалъ доходъ въ свою пользу, но изъ этого дохода удѣлялъ средства на покрытіе государственныхъ расходовъ. Источниками дохода были: 1) дань; 2) пени и пошлины, и 3) повинности.

1) *Дань.* Слово „дань“ въ широкомъ смыслѣ означало все, что *дается* въ пользу князя; въ тѣсномъ же смыслѣ подъ словомъ „дань“ разумѣется подать. Первоначально дань—результатъ войны: побѣжденный въ цѣляхъ замиренія побѣдителя соглашается уплачивать ему дань: „поча Олегъ воевати Древляне и, примучивъ и, имаше на нихъ дань“. Дань въ этомъ случаѣ источникъ дохода временный: она уплачивается до тѣхъ поръ, пока побѣжденный не въ силахъ освободиться отъ ига побѣдителя. Позднѣе дань становится постоянною, внутреннею податью, прямымъ налогомъ, взимаемымъ съ двора, т.-е. дома, или рала, т.-е. съ сохи, иначе говоря, дань шла съ извѣстнаго участка земли. Способомъ взиманія дани первоначально было „полюдье“ — объѣздъ княземъ территоріи для выполненія задачъ управленія, въ частности для сбора доходовъ. Но съ XI вѣка князья посылаютъ для этого особыхъ сборщиковъ—данниковъ.

2) *Пени и пошлины.* Пени, или уголовные штрафы, взимались въ видѣ виръ и продажъ. Вира—денежная пеня за убійство свободныхъ людей. Размѣръ виръ по Рус. Правдѣ былъ различный: обыкновенная вира въ 40 гривенъ за убійство каждаго свободнаго мужа; двойная въ 80 гривенъ за убійство княжаго мужа; полувирье въ 20 гр. за убійсто женщины. Сборъ виръ возлагался на особыхъ лицъ, называвшихся вирниками, которые должны были отправлять свои обязанности по недѣлямъ и получали съ общины кормъ натурою. Подъ продажами разумѣлись денежныя пени, взимавшіяся за всякія преступленія, какъ личныя, кромѣ убійства, такъ и имущественныя.

Пошлины, или сборы за услуги, оказываемыя должностными лицами были довольно многочисленны. Сюда относятся пошлины судебныя и торговыя. О судебныхъ пошлинахъ узнаемъ изъ Рус. Правды. Такъ съ поземельныхъ тяжбъ взыскивалось 30 кунъ, а метельнику (межевщику) 12 кунъ, а со всѣхъ другихъ гражданскихъ дѣлъ, „кому помогутъ“ по 4 куны. По дѣламъ объ убійствѣ, при вирѣ въ 40 гривенъ устанавливается пошлина судьѣ въ 8 гривенъ, при двойной же—въ 16 гривенъ. При испытаніи желѣзомъ брали пошлину, называвшуюся „желѣзное“, подъ которой впослѣдствіи, когда этотъ видъ ордалій вышелъ изъ употребленія, стали разумѣть пошлину за арестъ, такъ какъ арестованнаго заковывали въ желѣзо. По Рус. Правдѣ за арестъ „емецъ,“ т.-е. должностное лицо, на котораго возлагалась поимка преступниковъ, получалъ отъ 12 гривенъ—70 кунъ, (Яр. Ярослав. ст. 23).

Къ пошлинамъ торговымъ относились: 1) мытъ, 2) вѣсчее, 3) гостиное. *Мытъ* первоначально взимался за услуги торговцамъ при перевозкѣ товара или при упорядоченіи торговли на торгахъ при посредствѣ особыхъ должностныхъ лицъ—мытниковъ. Впослѣдствіи мытъ превратился въ налогъ за торговлю. Впрочемъ, съ покореніемъ Руси татарами торговыя пошлины получили общее названіе „тамги“, а подъ мытомъ стали разумѣть однѣ проѣзжія пошлины.

Вѣсчее за взвѣшиваніе и *померное* за измѣреніе взимались за пользованіе провѣренными вѣсами и мѣрами, наблюденіе за которыми было поручено церковными уставами церкви, но потомъ взято въ вѣдѣніе государства.

Гостиное была пошлина, взимавшаяся съ иноземныхъ и съ иногородныхъ купцовъ за пользованіе гостиными дворами, куда складывались привозимые ими товары.

3) *Повинности* натурою и деньгами шли въ пользу князя и разныхъ должностныхъ лицъ. Такъ для цѣлей военныхъ съ древнѣйшихъ временъ былъ установленъ *повозъ*, состоявшій въ доставленіи средствъ передвиженія для князя, дружинъ, данниковъ, гонцовъ; 2) *постройка и починка мостовъ*; 3) *постройка и поправка укрѣпленій*; въ связи съ этими двумя повинностями стояла обязанность общинъ давать кормъ мостникамъ и городникамъ, должностнымъ лицамъ, назначеннымъ для надзора за постройкой.

Съ покореніемъ Руси татарами податная организація осложняется введеніемъ *татарской дани*, или *числа*. Названіе этой дани числомъ произошло отъ переписи и исчисленія всего населенія Руси, для чего присылались особые ханскіе чиновники—численники.

Сначала эту дань собирали сами татары черезъ особо назначенныхъ сборщиковъ, десятниковъ, сотниковъ, тысящниковъ и темниковъ, или же черезъ баскаковъ. Послѣдніе были откупщиками: уплативъ цѣликомъ причитающееся число хану, они получали право сбирать его въ свою пользу. Такъ какъ баскаки допускали значительныя злоупотребленія при сборѣ числа, то русскіе князья стремились сосредоточить сборъ татарской дани въ своихъ рукахъ. Московскимъ князьямъ удалось добиться права сбора этой дани, которую они сами уже отвозили въ Орду. Съ этихъ поръ дань эта получаетъ названіе „ордынскаго выхода“.

Сергѣевичъ.—Вѣче и князь. *Чичеринъ.*—Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. М. 1856 г. стр. 2. *Пръсняковъ.*—Княжое право въ древней Руси 1909 г. *Павловъ-Сильванскій.*—Феодализмъ въ удѣльн. Руси. *Гагемейстеръ.*—Розысканія о финансахъ древней Руси 1833 г. *Кури.*—О прямыхъ налогахъ въ древней Руси 1865 г.

ОТДѢЛЪ II.

Московскій періодъ.

ГЛАВА I.

Устройство.

Территорія.

Образованіе территоріи Литовско-Русскаго государства. Вмѣсто многочисленныхъ волостей, на которыя дѣлилась древняя Русь, въ московскій періодъ мы встрѣчаемъ два обширныхъ государства: Литовско-Русское и Московское. Хронологически Литовско-Русское государство возникаетъ ранѣе московскаго: за пятьдесятъ приблизительно лѣтъ до окончательнаго выдѣленія изъ состава Владимірскаго княженія удѣльнаго княжества московскаго при Даніилѣ, родоначальникѣ московской княжеской линіи, объединившаяся въ одно княжество Литва уже присоединяетъ къ себѣ нѣкоторыя русскія земли. Поэтому, прежде, чѣмъ говорить объ установленіи единодержавія въ Московскомъ Государствѣ, остановимся на краткомъ обзорѣ образованія территоріи Литовско-Русскаго княжества.

Около половины XIII в. литовскія племена, разбитыя на мелкіе политическія міры, объединяются подъ властью литовскаго князя Миндовга въ одно великое княжество Литовское.

Въ 1248 г. Миндовгъ захватываетъ такъ называемую Черную Русь, т.-е. область правыхъ притоковъ Нѣмана съ главнымъ городомъ Новгородкомъ, который становится княжеской резиденціей. Такимъ образомъ, великое княжество Литовское съ момента своего возникновенія является государствомъ не просто литовскимъ, а литовско-русскимъ, что значительно облегчаетъ ему расширеніе территоріи на счетъ западно-русскихъ волостей, изъ которыхъ прежде всего подпало подъ власть Литвы древнее княжество Полоцкое. При в. князѣ литовскомъ Витенѣ присоединился къ Литвѣ Полоцкъ въ 1307 г., а за нимъ въ 20 годахъ XIV в. при Гедиминѣ обособившіеся отъ Полоцка въ самостоятельныя княженія Витебскъ и Минскъ.

Въ XIV же вѣкѣ въ составъ вел. кн. Литовскаго вошли: Кіевская земля, затѣмъ Черниго-Сѣверская и, наконецъ, Волынь.

Послѣдняя въ это время не имѣла уже того могущества, какимъ она пользовалась въ XIII вѣкѣ, являясь тогда соперницею Литвы въ дѣлѣ объединенія юго-западныхъ русскихъ волостей. Волынскій князь Романъ въ концѣ XII вѣка соединилъ эту волость съ землею Галицкою, образовавъ сильное государство, которое при сынѣ и преемникѣ Романа, знаменитомъ Даніилѣ Галицкомъ, увеличилось въ половинѣ XIII вѣка присоединеніемъ Кіевской волости и, тѣмъ готово было превратиться въ западно-русское государство. Однако не Галицко-Волынской землѣ пришлось стать центромъ, около котораго сгруппировались западныя и юго-западныя русскія волости, а великому княж. Литовскому. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что въ 1283 году Галицко-Волынскую землю постигъ страшный татарскій погромъ, отъ котораго она не могла долго оправиться; Литовское же княжество тѣмъ временемъ успѣло вырасти въ такую политическую силу, противостоять которой Галицко-Волынской землѣ было не подъ силу и она въ 2-й полов. XIV в. была подѣлена между Литвой и Польшей. Въ 1349 г. Польскій король Казиміръ окончательно овладѣлъ землею Галицкой и въ 1366 г. по договору съ литовскими князьями уступилъ имъ Волынь.

Въ началѣ XV вѣка подпала подъ власть Литвы и Смоленская волость, ставшая въ нѣкоторую зависимость къ первой еще при Гедиминѣ. Въ послѣдней четверти XIV в. смоленскій князь Юрій долженъ былъ признать себя вассаломъ короля Польскаго и вел. кн. Литовскаго Ягайла, что послужило началомъ окончательнаго присоединенія Смоленской земли къ территоріи в. кн. Литовскаго, совершившагося при Витовтѣ въ 1405 г.

Присоединеніе всѣхъ указанныхъ русскихъ земель и волостей къ Литвѣ шло не столько путемъ завоеванія, сколько, путемъ добровольнаго подчиненія многихъ изъ нихъ в. кн. Литовскому. Такое отношеніе русскихъ волостей къ Литовскому княжеству обусловливалось тѣмъ, что съ паденіемъ Кіева утратился политическій центръ, вокругъ котораго группировались всѣ древнія русскія земли. Между тѣмъ въ XIII и XIV в. волости западной Руси особенно нуждались въ политическомъ единеніи въ виду натиска на нихъ враговъ въ лицѣ татаръ, нѣмецкихъ рыцарей, Польши и Московскаго княжества. Вновь возникшее кн. Литовское, съ самаго начала своего ставшее, какъ сказано выше, Литовско-русскимъ государствомъ, явилось именно такимъ центромъ, къ которому выгодно и удобно было примкнуть за-

падно-русскимъ землямъ. Объединеніе ихъ вокругъ Литвы, по справедливому замѣчанію пр. Любавскаго, „было въ сущности возстановленіемъ разрушеннаго политическаго единства Кіевской эпохи, нахожденіемъ утраченнаго политическаго средоточія. Разница была лишь въ томъ, что это средоточіе теперь помѣстилось на р. Виліи, а не на Днѣпрѣ“. Такимъ средоточіемъ сталъ городъ Вильна, со времени Гедимина сдѣлавшійся резиденціей в. князя Литовскаго.

Закончивъ въ XV в. объединеніе западно-русскихъ волостей, Литовско-русское государство полтора вѣка пользовалось политическою самостоятельностью и стало лицомъ къ лицу съ Москвою, къ половинѣ XVI в. объединившею подъ своею властью всю сѣверо-восточную Русь и отнявшею въ началѣ этого вѣка Смоленскъ и Чернигово-Сѣверскую землю у самой Литвы. Между этими двумя государствами неизбѣжно должна была возникнуть борьба тѣмъ болѣе, что Москва стремилась къ объединенію „всея Руси“, но Люблинская унія 1569 года, соединившая Литву съ Польшей въ одну Рѣчь Посполитую, положила предѣлъ самобытному существованію Литвы, и Москвѣ пришлось вскорѣ вступить въ борьбу за самое существованіе уже съ этою Рѣчью Посполитой. Борьба эта, какъ извѣстно, окончилась торжествомъ Москвы.

Образованіе территоріи и установленіе единодержавія въ Московскомъ государствѣ. Удѣльный порядокъ наслѣдованія князьями волостей (стр. 169 и 184), сложившійся въ Ростовско-Суздальской Руси, привелъ въ XIII в. къ раздробленію территоріи на множество мелкихъ княжествъ, продолжавшемуся и въ XIV ст. Но въ это время дробленіе уже не представлялось опаснымъ для осуществленія политики объединенія, съ которой выступили и которую стали удачно проводить, при содѣйствіи всѣхъ классовъ населенія и, главнымъ образомъ, бояръ, московскіе князья вскорѣ послѣ образованія самостоятельнаго московскаго княжества. Измельчаніе княжествъ, обезсиливая ихъ, давало возможность присоединять эти княжества къ своимъ владѣніямъ сильнымъ князьямъ, а таковыми становятся князья московскіе, получающіе отъ хановъ съ Іоанна Калиты ярлыки на великое княженіе владимірское, а съ тѣмъ вмѣстѣ и политическое преобладаніе. Про Семена Гордаго, напр., въ лѣтописи говорится, что при утвержденіи его въ Ордѣ великимъ княземъ, „всѣ князи рускіе подъ руцѣ его даны“.

Присоединеніе удѣловъ, называвшееся на московскомъ языкѣ „примысломъ“, коснулось, прежде всего, тѣхъ княжествъ, на которыя распалась Суздальская земля. Начиная съ перваго москов-

скаго князя Даніила, получившаго въ 1302 г. по завѣщанію своего племянника Переяславль-Залѣсскій, и кончая вел. к. Василіемъ Димитріевичемъ, завладѣвшимъ въ 1390 г. всѣмъ Суздальско-Нижегородскимъ княжествомъ въ составѣ Суздаля, Нижняго и Городца, въ теченіе XIV в. всѣ почти удѣлы Ростовско-Суздальской Руси, за исключеніемъ в. княж. Тверского, достигшаго полнаго обособленія и самостоятельности, составили территорію Московскаго княжества, которое величиною и населенностью превышало кн. Тверское, Рязанское и Псковъ.

Съ установленіемъ государственнаго единства въ Суздальской землѣ единодержавіе распространяется въ слѣдующіе полтора вѣка на сѣверо-русскія волости. При Іоаннѣ III въ 1472 году покорена Новгородская колонія—Пермь, а въ 1478 г. теряетъ свою политическую независимость и самъ Новгородъ: въ 1489 г. присоединяется къ в. княж. Московскому другая обширная Новгородская колонія—Вятка. Въ 1486 г. Іоаннъ III занимаетъ Тверь и по завѣщанію Рязанскаго князя получаетъ значительный удѣлъ на Рязани, которая, благодаря этому, фактически подпадаетъ подъ сильное вліяніе московскаго князя, сохраняя формально тѣнь независимости, прекратившейся при Василіи III присоединеніемъ безъ всякой борьбы остальныхъ удѣловъ княжества. При этомъ князѣ также безъ борьбы лишается своей независимости въ 1510 г. Псковъ, а въ 1514 г. Василій III отнимаетъ у Литвы Смоленскъ и присоединяетъ удѣлы Черниговскихъ и Сѣверскихъ князей, перешедшихъ еще при его отцѣ отъ Литовскаго князя на службу къ Московскому.

Присоединеніе указанныхъ выше удѣльныхъ княжествъ и самостоятельныхъ волостей къ Москвѣ совершалось различными способами. При установившемся, подъ вліяніемъ удѣльнаго порядка владѣнія, вотчинномъ взглядѣ на территорію, примыслы производились, большею частью, частно-правовыми средствами: завѣщаніемъ, дареніемъ, куплей. Даніилъ, какъ было сказано выше, получилъ по завѣщанію Переяславль. Въ 1465 г. Михаилъ Верейскій подарилъ Іоанну III Звенигородъ, Плѣснь и Сохну, въ 1482 г. уступилъ Бѣлоозеро, а въ 1486 году завѣщалъ всѣ остальныя свои вотчины, обойдя своего сына Василія. Іоаннъ же III купилъ въ 1475 г. у ростовскихъ князей половину Ростова.

Но наряду съ частноправовыми способами, владѣнія пріобрѣтались завоеваніемъ, а то и простымъ захватомъ. Новгородъ, Пермь, Вятка, Тверь, Смоленскъ были завоеваны, а Коломна, Можайскъ, Галицкое, Суздальско-Нижегородское княженія и др. захвачены безъ войны. Примышляли московскіе князья и такіе

удѣлы, о которыхъ въ завѣщаніяхъ мѣстныхъ князей не было упомянуто. Такъ, Іоаннъ III въ 1472 г. присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ значительный удѣлъ своего брата Юрія, не распорядившагося въ своемъ завѣщаніи о городахъ и волостяхъ своего княженія.

Примышляя владѣнія иныхъ князей и тѣмъ увеличивая территорію своего княжества, московскіе князья, слѣдуя удѣльному порядку наслѣдованія, въ своихъ завѣщаніяхъ раздѣляютъ свои примыслы между наличными членами своей семьи. Казалось бы, что такой порядокъ могъ привести лишь къ уничтоженію самостоятельныхъ волостей и независимыхъ княжескихъ линій, на мѣсто которыхъ стала бы одна линія—Московскихъ Даниловичей, а не къ установленію единодержавія, такъ какъ дробленіе территоріи не прекращалось. Однако этого не случилось. Параллельно увеличенію территоріи шло, несмотря на ея раздѣлъ, укрѣпленіе единодержавія, могущественнымъ средствомъ къ достиженію котораго явились, какъ было сказано выше (стр. 170), именно, завѣщанія великихъ князей.

Начиная съ Іоанна Калиты, князья въ своихъ завѣщаніяхъ оставляютъ старшему сыну большой удѣлъ сравнительно съ младшими „на старѣйшій путь“. Это обстоятельство ставило младшихъ въ зависимость отъ старшаго князя. Зависимость эта возросла съ того момента, когда великое княженіе стали завѣщать безраздѣльно старшему. Дѣло въ томъ, что первые князья съ Іоанна Калиты, получая ярлыкъ на великое княженіе владимірское, не распоряжались имъ въ своихъ завѣщаніяхъ, такъ какъ такое распоряженіе принадлежало ханамъ. Димитрій Донской, нанесшій ударъ могуществу татаръ на Куликовомъ полѣ, счелъ себя вправѣ распорядиться и великимъ княженіемъ. Онъ завѣщаетъ послѣднее безъ раздѣла одному старшему сыну, Василію, и устанавливаетъ принципъ недѣлимости великаго княженія правиломъ, по которому при бездѣтной кончинѣ старшаго сына оно переходитъ безраздѣльно къ слѣдующему. Еще большія ограниченія младшихъ князей вводятся завѣщаніемъ Іоанна III, по которому всѣ удѣлы братьевъ, умершихъ бездѣтными, присоединяются къ владѣніямъ великаго князя. Наконецъ, Іоаннъ Грозный, оставляя младшему сыну Ѳеодору значительный удѣлъ, оговаривается въ своемъ завѣщаніи: „а удѣлъ сына моего, Ѳеодора, смужъ (т. е. старшему сыну Ивану) къ великому государству“, и тѣмъ объявляетъ неотчуждаемость удѣловъ отъ государства: удѣльный князь можетъ пользоваться удѣломъ, но не распоряжаться имъ.

Итакъ, подобно другимъ актамъ дѣятельности московскихъ князей, проводившихъ новые порядки подъ покровомъ старины и пошлины, завѣщанія, удовлетворяя требованіямъ стараго удѣльнаго порядка, сдѣлались проводникомъ новыхъ государственныхъ началъ, приведшихъ къ установленію единодержавія и единонаслѣдія.

Внѣшній ростъ территоріи Московскаго государства. Юридическое основаніе присоединенія Малороссіи. Въ половинѣ XVI в. Московское государство достигло на сѣверѣ и востокѣ историческихъ границъ, т.-е. объединило, какъ мы видѣли, всѣ земли сѣверо-восточной Руси. Стремленіе Москвы къ объединенію „всея Руси“ на югѣ и западѣ встрѣтило отпоръ со стороны Литвы, подошедшей къ этому времени границами къ Московскому государству. Такимъ образомъ, внутренній ростъ Москвы закончился; дальнѣйшія пріобрѣтенія будутъ означать расширеніе территоріи на счетъ иноземныхъ сосѣдей. Такое расширеніе начинается при Іоаннѣ Грозномъ присоединеніемъ громадныхъ пространствъ на востокѣ. Въ 1552 г. покоряется царство Казанское, въ 1556 г.—Астрахань, въ 1582 г.—Сибирь, въ 1586 г. присоединяется Башкирія. Наступившее вскорѣ смутное время отвлекло вниманіе Москвы на западъ, гдѣ въ теченіе первой половины XVII ст. послѣдней пришлось въ борьбѣ со Швеціей и Польшей потерять нѣкоторыя области, но во второй половинѣ вѣка вознаградить себя за эти потери присоединеніемъ Малороссіи.

Въ отвѣтъ на неоднократныя просьбы малороссійской казацкой старшины о принятіи Московскими государями Малороссіи въ подданство, на земскомъ Соборѣ 1 октября 1653 г. было рѣшено отправить посольство для окончательныхъ переговоровъ о присоединеніи. На радѣ 8 янв. 1654 г. гетманъ Богданъ Хмѣльницкій поставилъ вопросъ о присоединеніи къ Москвѣ, что и было принято. Въ мартѣ того же года вмѣстѣ съ московскимъ посольствомъ прибыли въ Москву послы Богдана Хмѣльницкаго за жалованною грамотой, по которой Малороссіи была дарована широкая автономія: право выбора гетмана, право самоуправленія и международныхъ сношеній; сверхъ того, подтверждены всѣ дарованныя прежде королями права и привилегіи. Мирное присоединеніе Малороссіи вызвало борьбу съ Польшей, только черезъ 13 лѣтъ признавшей по Андрусовскому перемирію 1667 г. это присоединеніе.

Всѣ пріобрѣтенія иностранныхъ земель, какъ и примыслы русскихъ волостей съ юридической точки зрѣнія представляли собою т. наз. инкорпорацію, т. е. присоединенныя области входили

въ составъ территоріи на положеніи провинцій безъ сохраненія какихъ либо особенностей ихъ строя или порядковъ управленія. Присоединеніе Малороссіи носило иной характеръ. За ней сохранялось особое устройство, войско, особое законодательство, право сношеній съ иностранными государствами.

Такое соединеніе имѣетъ своимъ юридическимъ основаніемъ не инкорпорацію, а унію. Различаютъ два вида уній: личную и реальную. Личной уніей называется случайное и временное соединеніе государствъ въ силу занятія однимъ и тѣмъ же монархомъ престоловъ этихъ государствъ. Реальной же уніей называется соединеніе государствъ, основанное на общемъ законѣ о престолонаслѣдіи, по которому монархъ одного государства является всегда монархомъ другого.

Такъ какъ въ жалованной грамотѣ, дарованной ц. Алексѣемъ Михаиловичемъ запорожскому войску, было сказано, что войско это „вѣру (присягу) намъ великому государю и нашимъ государскимъ дѣтямъ и наслѣдникамъ на *вѣчное подданство* учинило", то присоединеніе Малороссіи надо отнести къ реальной уніи. Но въ слѣдующемъ періодѣ Малороссія постепенно инкорпорируется.

Пр. Любавскій.— Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно, М. 1910. *Пр. Сергѣевичъ.* Какъ и изъ чего возникла территорія Московскаго государства. Новь, 1886 г. Ян. кн. 2 и фев. кн. 1. *Его-же.*—Рус. Юридич. Древ. т. I 1890, 47—80. *Пр. Грушевскій.*—Очеркъ исторіи украинс. народа. Спб. 1906 г. гл. XVI и сл.

Власть.

Изъ трехъ элементовъ верховной власти удѣльно-вѣчевого періода въ Ростовско-Суздальской Руси и, въ частности, въ Московскомъ княжествѣ беретъ рѣшительный перевѣсъ элементъ монархическій въ лицѣ государя, носящаго титулъ сперва великаго князя, а затѣмъ царя Московскаго и „всея Руси". Другіе два элемента не исчезаютъ совершенно въ московскій періодъ; они становятся лишь въ подчиненное положеніе къ элементу монархическому, измѣняясь, къ тому же, по формѣ: вмѣсто вѣча, какъ формы непосредственнаго участія народа въ дѣлахъ государственныхъ, довольно рано исчезнувшаго въ московскомъ княжествѣ, появляются представительныя установленія—земскіе соборы; мѣсто же княжеской Думы, состоявшей изъ дружинниковъ, на-

ходившихся въ свободныхъ договорныхъ отношеніяхъ съ княземъ, заступаетъ Дума Боярская, въ которую входятъ высшіе *чины* служилаго класса.

Государь.

Существо власти московскихъ государей; ея развитіе; попытка ея ограниченія. Титулъ *великаго князя*, утвердившійся за Московскими князьями съ Іоанна Калиты, который получилъ ханскій ярлыкъ на великое княженіе владимірское, со времени Іоанна Грознаго замѣняется титуломъ *царя* (сокращ. тит. цезаря), что указываетъ на власть монарха, какъ власть *самодержавную*, содержащую въ себѣ неограниченную полноту правъ. Основного закона, который опредѣлялъ бы точно эту неограниченную полноту правъ государя, въ московскій періодъ мы не встрѣчаемъ: самодержавіе развивалось постепенно и утверждалось путемъ обычая.

Условія, содѣйствовавшія развитію власти московскихъ государей, достаточно извѣстны, чтобы нужно было останавливаться подробно на ихъ выясненіи. Напомнимъ вкратцѣ эти условія. Одни изъ нихъ являются внутренними, вытекавшими изъ государственнаго быта сѣверо-восточной Руси перваго періода; другія—внѣшними, привнесенными тѣми событіями, которыя имѣли мѣсто частью въ удѣльно-вѣчевую, частью въ московскую эпоху.

Къ условіямъ внутреннимъ относятся: 1) *вотчинное полновластіе* сперва надъ территоріей княжества, а затѣмъ и надъ населеніемъ, вытекавшее изъ извѣстнаго намъ удѣльнаго порядка владѣнія; 2) сложившееся подъ вліяніемъ послѣдняго стремленіе къ *собиранію Руси*, которое настойчиво проводилось, какъ мы видѣли, московскими князьями не только въ цѣляхъ увеличенія владѣній, но и для пріобрѣтенія политическаго преобладанія надъ всѣми другими князьями; отсюда междукняжескіе договоры, которыми московскіе князья низводятъ другихъ великихъ князей на степень младшихъ, а князей удѣльныхъ совершенно подчиняютъ своей волѣ; 3) *пользованіе властью хановъ* для закрѣпленія создавшагося первенствующаго положенія путемъ добыванія разныхъ преимуществъ, какъ напр., права на великокняженіе, права исключительнаго сношенія съ Ордой, права сбора ордынскаго выхода и т. п.; 4) *содѣйствіе общества въ лицѣ бояръ и духовенства* въ созданіи могущества московскихъ государей и поддержка послѣднихъ въ рѣдкія, но грозныя минуты княжескихъ усобицъ, возникавшихъ изъ-за притязаній дядей, которые оспаривали великокняжескій столъ у племянниковъ на основаніи отжившаго порядка на-

слѣдованія по очереди старшинства (при Иванѣ Ивановичѣ, Димитріи Донскомъ и Василіи Темномъ); 5) *перенесеніе въ Москву митрополичьей каѳедры*, придавшее господствующее значеніе князю, въ резиденціи котораго проживалъ митрополитъ, пользовавшійся въ народѣ громаднымъ авторитетомъ, какъ единственная сила объединявшая въ нравственномъ и церковно-административномъ отношеніи всю древнюю Русь; 6) *ученіе духовенства о божественномъ происхожденіи власти*, устранявшее понятіе о княжеской власти, какъ о власти свѣтской, и развивавшее идею самодержавія и неограниченности власти царя московскаго, какъ Божія помазанника на землѣ; 7) *измѣненіе въ положеніи дружинниковъ*, вызванное установленіемъ единодержавія, при которомъ прекратились свободныя договорныя отношенія между ними и государемъ московскимъ, такъ какъ прекратилось право отъѣзда, и возникли отношенія подданническія, которыя должны были сломить ихъ значеніе, какъ политической силы, если не ограничивавшей, то значительно стѣснявшей удѣльнаго князя.

Внѣшними условіями вліявшими на утвержденіе самодержавной власти московскихъ государей, являются: 1) *татарское иго*, 2) *Флорентійская унія*, 3) *паденіе Византіи*.

1) *Татарскій погромъ* показалъ и князьямъ, и народу весь вредъ разобщенія и необходимость объединенія около одного центра, чтобы дать дружный отпоръ врагу. Съ паденіемъ Кіева еще до татарскаго нашествія не стало такого центра. На мѣсто утраченнаго средоточія не могла стать ни одна самостоятельная волость, такъ какъ погромъ, уничтоживъ многіе города, нанесъ ударъ политическому значенію городскихъ общинъ; въ Ростово-Суздальскомъ краѣ единственною политическою силою становится князь. Разсмотрѣнныя внутреннія условія вліяли на возвышеніе власти князя московскаго, являвшагося тѣмъ, именно, средоточіемъ, къ которому потянули сѣверо-восточныя волости, увеличивая личныя и матеріальныя средства, необходимыя для борьбы съ „погаными“. Ко времени Димитрія Донского сила московскаго князя стала настолько значительной, что онъ могъ помѣриться съ татарскою ратью, и нанесъ на Куликовомъ полѣ такой ударъ могуществу хановъ, отъ котораго они не могли уже оправиться. И хотя послѣ этого татарское иго существовало еще цѣлое столѣтіе, однако оно потеряло свою остроту и, постепенно падая, было, наконецъ, безъ особаго затрудненія уничтожено въ 1480 г. Іоанномъ III, что дало ему возможность принять титулъ „самодержца“ въ смыслѣ независимости московскаго государя отъ какой-бы то ни было внѣшней власти.

2) *Флорентійская унія* была вторымъ внѣшнимъ событіемъ, повліявшимъ на возвышеніе власти московскихъ князей, такъ какъ послужила для нихъ благопріятнымъ поводомъ покончить съ тягостною для нихъ церковною зависимостью отъ Византіи.

Въ первой половинѣ XV вѣка Византія, тѣснимая турками, ищетъ военной помощи у папы. Послѣдній соглашается помочь императорамъ подъ условіемъ соединенія церквей. На флорентійскій соборъ, созванный по поводу нестроенія въ нѣдрахъ католической церкви, приглашаются восточные іерархи, въ числѣ которыхъ принимаетъ участіе, безъ всякихъ на то полномочій отъ московскаго правительства, и русскій митрополитъ Исидоръ, ставленникъ константинопольскаго патріарха. На соборѣ, между прочимъ, ставится и принимается предложеніе папы объ уніи между западной и восточной церквами. Поступокъ Исидора, осужденный московскимъ обществомъ, приводитъ къ его низложенію и выбору новаго митрополита русскимъ духовенствомъ по приказу в. князя Василія Темнаго, объявившаго себя защитникомъ истинной христіанской, православной вѣры. Намѣченный кандидатомъ митрополитъ Іона былъ поставленъ сонмомъ русскихъ іерарховъ, и русская церковь стала автокефальной. Съ этого момента за московскимъ государемъ утверждается навсегда право выбора кандидатовъ сперва на митрополичью, а затѣмъ на патріаршую каѳедры.

3) *Паденіе Византіи* повело къ образованію политической теоріи, по которой великій князь московскій и всея Руси призванъ занять во вселенной положеніе византійскаго императора. Теорія эта была окончательно формулирована въ посланіи старца Псковскаго Елезарова монастыря, Филофея. Онъ проводилъ мысль, что древній Римъ палъ отъ ереси, второй Римъ, Царьградъ—отъ меча поганыхъ, теперь возсіялъ третій Римъ—Москва, а четвертому не быть. Въ русскомъ государствѣ соединились такимъ образомъ, всѣ прежнія царства и московскій государь есть „браздодержатель св. Божіихъ престолъ вселенской церкви“. И какъ Московская Успенская церковь есть одна во всей вселенной, такъ и московскій государь—единственный во всей поднебесной христіанскій, православный царь. Москвѣ, слѣдовательно, усвояется названіе третьяго Рима, а московскимъ государямъ титулы царя и самодержца.

Такъ, изложенныя условія, содѣйствовавшія возвышенію власти московскаго государя, порождали въ публичистической литературѣ того времени политическія теоріи, которыя не могли остаться безъ вліянія на взгляды самихъ государей на существо ихъ самодержавной власти. Мы видѣли, что Іоаннъ III понималъ

самодержавіе въ смыслѣ независимости монарха отъ какой бы то ни было внѣшней власти. Его внукъ, Іоаннъ Грозный, въ разгарѣ своей кровавой борьбы со строптивымъ боярствомъ стремится дать понятію самодержавія иное содержаніе. Онъ понимаетъ его, какъ неограниченность правъ въ дѣлахъ внутренняго управленія ни отъ кого на землѣ независящаго и не въ чьихъ совѣтахъ ненуждающагося монарха. „Самодержавства нашего починъ“, говоритъ онъ въ письмѣ къ кн. Курбскому, „отъ св. Владиміра; мы родились и выросли на царствѣ; своимъ обладаемъ, а не чужое похитили; русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствы, а не бояре и вельможи. *Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?* Имѣю нужду въ милости Божіей,... *наставленія* человѣческаго *не требую*“.

Приведенный взглядъ на существо власти, равно какъ и многіе другіе историческіе факты показываютъ, что къ XVI с. московскіе государи достигли такой полноты власти, которая, по свидѣтельству иностранцевъ, превосходила власть всѣхъ государей въ свѣтѣ. Но по справедливому замѣчанію пр. Ключевскаго: „московскій государь имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ не потому, что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть и порядкомъ, а потому что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицами. Порядокъ этотъ часто давалъ московскимъ государямъ въ руки выгодныя обстоятельства, поэтому они не любили ломать его или круто повертывать въ свою сторону“... (Боярск. Дума, изд. 4; стр. 250).

Благодаря такому отношенію московскихъ государей къ сложившемуся правительственному порядку, имъ приходилось выдерживать борьбу съ старинными притязаніями боярства, которое позднѣе подъ вліяніемъ прекращенія династіи Рюриковичей и смутъ междуцарствія пыталось, если не ограничить верховную власть государей, то юридически, путемъ договоровъ съ ними, закрѣпить за собою то положеніе, какое раньше принадлежало ему въ дѣйствительности, но не было обставлено никакими гарантіями. Запись, взятая съ Василія Шуйскаго боярами при избраніи его на престолъ, свидѣтельствуетъ о такой попыткѣ. Этою записью, скрѣпленной крестнымъ цѣлованіемъ, Шуйскій обязывался: 1) никого не казнить, „*не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими*“; 2) не отнимать имѣнія у невиновныхъ родственниковъ преступника; 3) не полагаться на доносы, „а сыскивати всякими сыски“. Этимъ актомъ боярство желало: 1) оградить себя отъ по-

вторенія разгрома, постигшаго ихъ при Грозномъ, а 2) закрѣпить за собою de jure то, что de facto и такъ ему принадлежало.

И только при новой династіи Романовыхъ власть достигла той полноты правъ, которая свойственна самодержавной монархіи, т. е. монархъ сталъ единственнымъ носителемъ верховной власти, единственнымъ источникомъ закона, верховнымъ правителемъ и судьей.

Что касается, впрочемъ непосредственнаго проявленія правъ правительственныхъ и судебныхъ, то оно было весьма ограничено. Правительственная власть московскихъ государей выражалась, главнымъ образомъ, въ назначеніи на должности и разнаго рода пожалованіяхъ, а власть судебная—въ разборѣ дѣлъ, восходившихъ къ государю или по докладу судей за невозможностью ихъ рѣшить, или же по жалобамъ на судей. Сверхъ того, государь судилъ лицъ, пожалованныхъ несудимыми и тарханными грамотами (стр. 81). Но и непосредственный судъ государи, обыкновенно, поручали или дѣтямъ, или особо довѣреннымъ лицамъ. Такимъ образомъ, единственною непосредственною властью московскихъ государей являлась власть законодательная, въ которой принимали извѣстную долю участія Боярская Дума и Земскіе Соборы, какъ установленія вспомогательныя при монархѣ.

Порядокъ престолонаслѣдія. Изъ указанныхъ въ своемъ мѣстѣ порядковъ преемства престола (стр. 180) въ московскій періодъ *избраніе* государя на царство народомъ имѣло мѣсто: 1) при прекращеніи династіи Рюриковичей, 2) въ короткій промежутокъ смуты и 3) въ концѣ XVII в., при Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ. Два другіе порядка: завѣщательный и наслѣдственный по обычаю, дѣйствуютъ одновременно, причемъ, наслѣдованіе по родовому старшинству уступаетъ мѣсто преемству въ порядкѣ нисходящаго первородства. Послѣднее столкновеніе этихъ двухъ системъ наслѣдственнаго преемства произошло при Василіи Темномъ, у котораго оспаривалъ московскій столъ дядя его Юрій Дмитріевичъ Суздальскій, и окончилось торжествомъ удѣльнаго порядка, т. е преемства по нисходящему первородству. Но это послѣднее начало не было общепризнаннымъ: оно проводилось князьями въ жизнь путемъ духовныхъ завѣщаній, да и то не всегда. Въ своихъ духовныхъ грамотахъ они завѣщаютъ свои княженія нисходящимъ, и старшему, т. е. первородному сыну, оставляютъ, какъ мы видѣли, большій удѣлъ „на старѣйшій путь“. Но усиливая вотчинное преобладаніе старшаго сына надъ младшими, князья вовсе не считали себя связанными правами первородныхъ. „По воззрѣнію московскихъ князей“, говоритъ пр.

Сергѣевичъ, „если престолъ и переходитъ отъ отца къ сыну, то не въ силу самостоятельнаго права сына на престолъ, а въ силу воли отца“. Такъ, в. кн. Іоаннъ III назначилъ сперва своимъ преемникомъ внука Димитрія отъ умершаго старшаго сына Ивана, строго слѣдуя началу первородства, но затѣмъ отставилъ внука и призналъ наслѣдникомъ вмѣсто него сына своего Василія. Назначеніе на престолъ *волею родителей* признается и самими государями, вступающими на престолъ. Въ своихъ оповѣщеніяхъ народу о восшествіи на престолъ, они, обыкновенно, указываютъ на назначеніе ихъ предшественникомъ. Такъ, Ѳеодоръ Іоановичъ указываетъ; „отецъ мой, умирая, *благословилъ меня и велѣлъ* сѣсть на царство“; въ грамотѣ Алексѣя Михаиловича читаемъ: „учинилися мы..... на всѣхъ великихъ государствахъ великаго царствія *по приказу отца нашего*....“. Тоже самое говорится и въ грамотѣ Ѳеодора Алексѣевича: „а отходя отъ сего свѣта, отецъ нашъ, блаженныя памяти В. государь Алексѣй Мих., скиптродержавство свое *пожаловалъ, приказалъ* свое царствіе, великій престолъ, сыну своему.....“.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать выводъ, что въ московскій періодъ слагается путемъ обычая порядокъ преемства престола по завѣщанію съ выборомъ наслѣдника *изъ нисходящихъ* по усмотрѣнію завѣщателя, но съ предпочтеніемъ, большею частью, первороднаго.

Дьяконовъ. — Власть московскихъ государей. Спб. 1888. *Савва.*— Московскіе цари и византійскіе василевсы. Хар. 1901 г. *Милюковъ.* — Очерки по исторіи русской культуры. Ч. III в. I. 1901 г. *Загоскинъ.*—Исторія права Московск. государства. Т. I. Казань. 1877 г.

Боярская Дума.

Измѣненіе политическаго значенія и организаціи Княжеской Думы въ Московскую эпоху. Если Княжеская Дума была необходимымъ элементомъ въ составѣ государственной власти каждой волости, являясь органическою частью государственнаго устройства древней Руси (стр. 190), то Боярская Дума московскаго періода становится постепенно вспомогательнымъ установленіемъ при самодержавной власти, черезъ которую, по выраженію пр. Владимірскаго-Буданова, „послѣдняя осуществляла себя въ частныхъ явленіяхъ государственной жизни“.

Въ теченіе всего XIV и XV вѣка до конца княженія Іоанна III Дума сохраняетъ еще то значеніе, какое принадлежало ей въ

удѣльно-вѣчевой періодъ. Успѣхи московскаго единодержавія въ значительной мѣрѣ объясняются содѣйствіемъ бояръ. Помня услуги послѣднихъ, в. к. Димитрій Донской въ своемъ наставленіи дѣтямъ совѣтуетъ: „бояре своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служенія ихъ, *безъ воли ихъ ничтоже творите*“. Даже при Іоаннѣ III, когда власть в. князя достигла значительной высоты, всѣ важнѣйшіе акты государственной дѣятельности совершаются при непосредственномъ участіи и съ согласія бояръ. Но если политическое значеніе Думы даже при Іоаннѣ III остается прежнимъ, то это не значитъ, что въ ея организаціи не произошло за 2 вѣка никакихъ перемѣнъ. Составъ Думы измѣнился. Княжеская Дума состояла изъ всѣхъ старшихъ дружинниковъ-бояръ, какъ высшаго класса земскаго общества, принадлежность къ которому обусловливалась доблестью и богатствомъ. Боярство на Москвѣ становится высшимъ придворнымъ чиномъ, жалуемымъ съ первой половины XV в. государемъ, и только лица пожалованные чиномъ *боярина* получаютъ право засѣдать въ Думѣ и подавать совѣты государю по всѣмъ вопросамъ государственнаго управленія. Наряду съ такими боярами получаютъ затѣмъ доступъ въ Думу лица, пожалованные чиномъ окольничаго, занимавшаго второе мѣсто въ іерархической лѣствицѣ придворныхъ чиновъ. Такимъ образомъ, кругъ совѣтниковъ князя значительно съуживается: въ Думѣ засѣдаютъ только придворные чины первыхъ двухъ ранговъ; огромное число прежнихъ бояръ и князей теряютъ возможность вліять своими совѣтами на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Съ Василія III политическое значеніе Боярской Думы измѣняется. Воспитанный въ духѣ традицій византійскаго имперіализма, докончившій дѣло объединенія сѣверо-восточной Руси присоединеніемъ къ Москвѣ послѣднихъ самостоятельныхъ волостей, Василій III сознавалъ силу своей власти лучше своихъ предшественниковъ и склоненъ былъ смотрѣть на участіе служилыхъ людей въ Думѣ не какъ на право, а какъ на обязанность послѣднихъ, а самую Думу считать установленіемъ вспомогательнымъ, призваннымъ облегчать правительственныя заботы государя. Такой взглядъ на Думу объясняется измѣненіемъ характера отношеній между князьями и дружинниками. Изъ вольныхъ слугъ князя, связанныхъ съ нимъ договоромъ и пользующихся правомъ отъѣзда, не только бояре, но и князья поглощенныхъ Москвою волостей и удѣловъ, постепенно закрѣпощаются на службу государству, становятся служилыми людьми, подданными государя, получающими землевладѣніе за свою службу. Служба

эта стала обязательной, такъ какъ не могла прекратиться отъѣздомъ, который въ первой половинѣ XVI в. уже считается преступленіемъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ значеніе представителей служилаго класса, какъ совѣтниковъ государя должно было умалиться: не нуждаясь болѣе въ содѣйствіи бояръ для укрѣпленія своей власти, Василій III не всегда даже обращается къ Думѣ, предпочитая рѣшать дѣла „самъ третей у постели“, въ самыхъ же засѣданіяхъ Думы не допускаетъ, „встрѣчъ“, т. е. противорѣчія своимъ мнѣніямъ. Такое отношеніе къ совѣтникамъ, привыкшимъ смотрѣть на участіе въ Думѣ, какъ на неотъемлемое право, въ особенности же, къ удѣльнымъ князьямъ, которые, по мѣткому выраженію пр. Ключевскаго, „правили прежде Русскою землей по частямъ и по одиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москву, правятъ всею землею и всѣ вмѣстѣ“ не могло не вызвать оппозиціи. Мы знаемъ, къ чему привела эта оппозиція при Грозномъ. Притязанія боярства, съ особенною силою сказавшіяся въ малолѣтство Іоанна, дѣйствія „избранной рады“, пытавшейся „снять власть“ съ царя, по признанію самого Грознаго, поведеніе бояръ во время его болѣзни, затронувшее династическіе интересы и близкое къ измѣнѣ,—все это вызвало открытую кровавую борьбу съ боярами. Преслѣдуя послѣднихъ, Грозный не оставляетъ Думы безъ вниманія. Въ противовѣсъ родовитому притязательному боярству онъ вводитъ въ составъ ея людей худородныхъ, чуждыхъ аристократическимъ тенденціямъ и приверженныхъ самодержавію. Но такъ какъ людей незнатнаго происхожденія нельзя было, по понятіямъ того времени, возводить въ чинъ боярина или окольничаго, то для нихъ создается третій придворный чинъ *думнаго дворянина*, пожалованный которымъ получаетъ право засѣдать въ Думѣ.

Но составъ Думы обновляется при Грозномъ и еще однимъ элементомъ, также далекимъ отъ боярскихъ традицій — дьяками, занявшими еще съ конца XV в. видное положеніе въ центральномъ управленіи, въ качествѣ лицъ, которымъ поручались въ завѣдываніе разные отрасли управленія. Въ XVI вѣкѣ дьяки являются правителями приказовъ, въ цѣляхъ единенія съ которыми Думы, дьяки нѣкоторыхъ изъ нихъ вводятся въ послѣднюю съ правомъ голоса. Думные дворяне и дьяки получили общее названіе *думныхъ людей*.

Съ введеніемъ демократическаго элемента въ составъ Думы въ лицѣ думныхъ людей и, въ особенности, думныхъ дьяковъ, про которыхъ Курбскій говорилъ, что они избираются „отъ поповичевъ или отъ простого всенародства“, политическое значеніе Бояр-

ской Думы, какъ представительницы аристократическаго элемента въ составѣ государственной власти, должно было пасть, и она заняла положеніе вспомогательнаго установленія при государѣ, окончательно утвердившееся за нею въ XVII вѣкѣ. Но если Дума утратила политическое значеніе по отношенію къ монарху, тѣмъ не менѣе во все послѣдующее время она оставалась органомъ верховнаго управленія, нераздѣльно дѣйствовавшимъ съ царемъ и оказывавшимъ огромное вліяніе на ходъ государственной жизни.

Составъ Боярской Думы окончательно сложился во второй половинѣ XVI в. Въ нее входили: 1) *Государь, дѣти и родственники царя.* Въ предисловіи къ Судебнику 1497 г. говорится, что „уложилъ князь вел. Иванъ Васильевичъ всея Руси съ *дѣтми* своими и съ бояры о судѣ“... Въ Судебникѣ Грознаго читаемъ: Царь и вел. князь Иванъ Васил. всеа Руси *съ своею братьею* и съ бояры сесь Судебникъ уложилъ“.

2) *Бояре* съ превращеніемъ боярства въ придворный чинъ, жалуемый по усмотрѣнію государя, въ отличіе отъ бояръ въ древнемъ значеніи людей лучшихъ, старѣйшихъ, получаютъ наименованіе *бояръ введеныхъ*, т. е. придворныхъ бояръ, всегда состоящихъ при государѣ въ качествѣ членовъ Думы.

3) *Окольничіе*, спеціальная обязанность которыхъ, какъ показываетъ названіе, находиться около государя, представляли собою второй придворный чинъ, входившій въ составъ Думы. Какъ находящіеся около государя, окольничіе вездѣ ему сопутствуютъ, въ особенности, при его выходахъ и путешествіяхъ; во время послѣднихъ наблюдаютъ за исправностью дорогъ и мостовъ по пути слѣдованія царя, устраиваютъ станы, нанимаютъ дворы для свиты. По связи этой послѣдней обязанности съ отводомъ помѣщеній для пріѣзжавшихъ иностранныхъ пословъ и ихъ свиты, на окольничихъ возлагается „объявленіе“, или представленіе этихъ пословъ государю. Затѣмъ, окольничіе назначались на должность военачальниковъ, приказныхъ и областныхъ судей. По Судебникамъ судебная ихъ дѣятельность сводилась къ наблюденію за ходомъ „поля“, т. е. судебнаго поединка, пошлины отъ котораго шли въ ихъ пользу.

4) Думные люди, къ числу которыхъ принадлежали *думные дворяне* и *думные дьяки.*

а) *Думные дворяне*, какъ было выше сказано, вводятся въ Думу при Іоаннѣ Грозномъ. Въ литературѣ существуетъ взглядъ, по которому думные дворяне появляются ранѣе Грознаго: уже при Василіѣ III извѣстны „дѣти боярскіе, которые живутъ въ Думѣ“. Когда терминъ „дѣти боярскіе“ былъ замѣненъ терминомъ

„дворяне“, тогда въ памятникахъ стали упоминаться „дворяне, которые въ думѣ у государя съ бояры“, или просто „думные дворяне“. Однако присутствіе дѣтей боярскихъ въ Думѣ ранѣе второй половины XVI в. не колеблетъ того мнѣнія, по которому думные дворяне, какъ члены Думы изъ людей худородныхъ вводятся Грознымъ въ противовѣсъ родовитому боярству, не колеблетъ потому, что изъ памятниковъ, говорящихъ о дѣтяхъ боярскихъ не видно, были ли они членами Думы, хотя и „жили“ въ послѣдней. „Жить“ по терминологіи того времени значитъ „находиться“, „присутствовать“, но изъ того, что дѣти боярскіе присутствовали въ Думѣ не слѣдуетъ, что они имѣли право голоса на совѣщаніяхъ; они могли находиться тамъ, подобно младшимъ дружинникамъ—древнимъ гридямъ, для исполненія разныхъ порученій. Проф. Сергѣевичъ говоритъ о сынѣ боярскомъ Берсенѣ-Беклемишевѣ, *какъ о членѣ думы*, который возражалъ в. кн. Василію и получилъ отъ послѣдняго суровое замѣчаніе; „поиди, смердѣ, прочь, ненадобенъ ми еси“. Намъ кажется, что этотъ примѣръ подтверждаетъ высказанную мысль, что дѣти боярскіе членами думы не состояли: потому то и получилъ Берсень суровое замѣчаніе, что выступать съ своимъ мнѣніемъ, какъ сынъ боярскій, онъ не имѣлъ права. Итакъ, дѣти боярскіе не составляли думнаго чина; такой чинъ появляется въ лицѣ думныхъ дворянъ при Іоаннѣ Грозномъ въ указанныхъ выше цѣляхъ.

б) *Думные дьяки*. При Іоаннѣ Грозномъ, какъ было сказано выше, вводятся въ составъ членовъ Думы дьяки четырехъ важнѣйшихъ приказовъ: Посольскаго, Разряднаго, Помѣстнаго и Казанскаго Дворца. Дьяки этихъ приказовъ получили названіе *думныхъ* въ отличіе отъ дьяковъ остальныхъ приказовъ, называвшихся *рядовыми*. Впослѣдствіи число думныхъ дьяковъ увеличивается.

Таковъ обыкновенный составъ Думы, въ который входили лица, засѣдавшіе въ ней по самому своему званію: бояре, окольничіе и думные люди (думные дворяне и думные дьяки). Но кромѣ обыкновенныхъ членовъ, къ участію въ засѣданіяхъ Думы по важнѣйшимъ дѣламъ приглашались *члены почетные* въ лицѣ высшихъ представителей Церкви: митрополитъ, а впослѣдствіи патріархъ—одинъ или съ нѣкоторыми іерархами, а въ особо важныхъ случаяхъ—со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ.

Въ оффиціальныхъ памятникахъ того времени мы не встрѣчаемъ наименованія: „Боярская Дума“. Названіе это придано этому установленію учеными. Говоря о засѣданіяхъ Думы, источники выражаются описательно: *„царь указалъ и бояре приговорили“;* или

„по указу царя бояре приговорили“, разумѣя подъ терминомъ *„бояре“* не одинъ высшій чинъ въ составѣ Думы, а всѣ указанные выше четыре думныхъ чина.

Предметы вѣдомства Думы. Нормъ, которыя опредѣляли бы точно кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Думы, въ памятникахъ Московскаго періода мы не находимъ. Объясняется это тѣмъ, что компетенція Думы не могла быть ограничена какимъ-нибудь опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ, такъ какъ, представляя собою органъ, черезъ который самодержавная власть государя проявляла себя въ частныхъ явленіяхъ государственной жизни, Дума должна была обсуждать и рѣшать всякое дѣло, которое поступало на разсмотрѣніе государя и по его волѣ передавалось на обсужденіе Думы. Но государь — единственный источникъ закона, единый верховный правитель и судья, а потому и Дума располагаетъ правами власти законодательной, правительственной и судебной. Впрочемъ, *правительственныя функціи* осуществлялись, большею частью, центральными установленіями — Приказами, за Думой оставались только дѣла по международнымъ сношеніямъ, высшія военныя мѣропріятія и надзоръ за центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ. Главными предметами вѣдомства Думы, такимъ образомъ, были законодательство и судъ.

Дѣятельность законодательная. Законодательной иниціативы Дума не имѣла. Дѣла подвергались обсужденію въ Думѣ или по приказу государя, или „по докладу“ ихъ Приказами, или же, наконецъ по челобитьямъ выборныхъ Собора, цѣлыхъ общественныхъ классовъ, а то и частныхъ лицъ. Самое разсмотрѣніе и обсужденіе возбужденныхъ вопросовъ происходило или въ присутствіи царя или безъ него. Въ первомъ случаѣ состоявшееся законодательное опредѣленіе получало санкцію, выражавшуюся формулой: „царь указалъ и бояре приговорили; во второмъ — формулой: „по указу царя бояре приговорили“.

Дѣятельность судебная проявлялась въ двухъ формахъ: для однихъ дѣлъ Дума являлась первою инстанціей, для другихъ— второю, высшею.

Какъ *первая инстанція* Дума судила дѣла политическія, мѣстническія и преступленія по должности. Какъ *высшая инстанція* Дума разсматривала дѣла *„по докладу“* изъ Приказовъ, когда послѣднимъ рѣшить ихъ почему-либо „было не мощно“ и по *апелляціямъ*, т. е. по жалобамъ сторонъ на неправильное рѣшеніе дѣлъ судьями.

На основаніи ст. 2 гл. X. Уложенія 1649 г., которая предписываетъ „бояромъ, окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти

въ палатѣ и... всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ", можно заключить, что судныя дѣла рѣшались Думою въ полномъ составѣ. Но въ виду неудобства рѣшать судныя дѣла въ пленарномъ засѣданіи было учреждено особое установленіе при Думѣ — Расправная Палата.

Расправная Палата. Время учрежденія Расправной Палаты съ точностью неизвѣстно. Проф. Сергѣевичъ относитъ ея учрежденіе ко времени Іоанна Грознаго, причемъ, эта судная комиссія вѣдала не только судъ, но и управленіе. Однако о Расправной палатѣ, какъ особомъ судебномъ установленіи при Думѣ, памятники начинаютъ упоминать только съ 1681 года, что даетъ пр. Загоскину поводъ къ утвержденію, что „лишь съ послѣдней четверти XVII вѣка возникаетъ при Думѣ особое отдѣленіе съ опредѣленнымъ личнымъ составомъ и извѣстной организаціей для вѣданія расправныхъ (т. е. судныхъ) дѣлъ, переносимыхъ на разсмотрѣніе Думы изъ отдѣльныхъ приказовъ". Образованіе такой постоянной коммиссіи пр. Загоскинъ объясняетъ частыми отлучками государя изъ столицы. Въ виду того, что бояре и думные люди должны были сопровождать государя въ его „походахъ", для управленія и суда на время отсутствія государя изъ состава Думы выдѣлялась т. наз. „коммисія для вѣданія Москвы", обратившаяся затѣмъ изъ временной въ постоянную. Ставъ постоянной, коммиссія во время пребыванія государя въ столицѣ, вѣдала только расправныя (судныя) дѣла, получивъ названіе Расправной Палаты, а въ случаѣ царскихъ походовъ на нее возлагалась еще и вѣданіе Москвы.

Загоскинъ. Боярская Дума. Ис. пр. Мос. г. т. II 1879. *Ключевскій* — Боярская Дума 1909, из. 4. *Сергѣевичъ* Юр. Др. т. II, из. 2. 1909, стр. 350—480. *Лихачевъ*—Разрядные дьяки XVI в. Спб. 1888, гл. II. *Его же.* Думное дворянство въ Боярской Думѣ XVI в. Спб. 1896 г. *Богоявленскій.* - Расправная Палата. Сбор., посвященный Ключевскому.

Земскіе Соборы.

Понятіе, виды и количество Земскихъ Соборовъ. *Земскій Соборъ есть представительное собраніе всѣхъ чиновъ московскаго государства, созывавшихся правительствомъ или для избранія монарха, или для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ.*

Изъ этого опредѣленія видно, что Земскіе Соборы были двухъ видовъ: *избирательные* и *совѣщательные*. Къ первымъ относятся:

1) Соборъ 1598 г., избравшій на царство Бориса Годунова; 2) Соборъ 1613 г., на которомъ былъ избранъ Михаилъ Ѳедоровичъ, родоначальникъ новой династіи Романовыхъ, и 3) Соборъ 1645 г., который былъ созванъ, по свидѣтельству Котошихина, „*мало времени минувши*“ по смерти Михаила, и на немъ „на царство обрали сына его“. Но царь Алексѣй вступилъ на престолъ тотчасъ послѣ кончины его отца; слѣдовательно, Соборъ не избралъ его на царство, а только подтвердилъ, такъ сказать, совершившійся фактъ вступленія на престолъ *).

Избирательные Соборы были установленіями чрезвычайными, обладавшими вмѣстѣ съ боярской Думой верховною властью въ безгосударное время: ихъ дѣятельность являлась временной, а положеніе—исключительнымъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи рѣчь будетъ идти о Земскихъ Соборахъ совѣщательныхъ, дѣйствовавшихъ при наличности основного элемента верховной власти московскаго государства—монарха, и дополнявшихъ собою дѣятельность Боярской Думы.

Ровно столѣтіе, съ половины XVI до половины XVII вѣка, стояли при монархѣ Земскіе Соборы, занимая при немъ такое же, какъ и Боярская Дума, положеніе вспомогательнаго установленія, черезъ которое самодержавная власть монарха проявляла себя въ важнѣйшихъ случаяхъ государственной жизни. Разница лишь въ томъ, что Дума стояла при Царѣ постоянно, а Соборы—временно, до рѣшенія тѣхъ вопросовъ, для обсужденія которыхъ они призывались. И лишь избирательный Соборъ 1613 г. не только превратился съ избраніемъ Михаила въ Соборъ совѣщательный, но въ первые годы царствованія послѣдняго дѣйствовалъ постоянно, раздѣляя труды по управленію съ молодымъ Монархомъ до возвращенія въ 1619 г. изъ польскаго плѣна его отца, Филарета Никитича, ставшаго въ санѣ патріарха сопровителемъ своего царственнаго сына.

Совѣщательныхъ Соборовъ можно насчитать 9. Въ литературѣ вопроса до послѣдняго времени господствовалъ взглядъ,

*) Собранія: 1584 г., избравшее Ѳеодора Іоанновича, 1606 г., избравшее Василія Шуйскаго, не были Соборами въ собственномъ смыслѣ, а засѣданіями Думы, составъ которой былъ дополненъ въ первомъ случаѣ только одними „дворянами отъ всѣхъ градовъ Московскаго государства“, а во второмъ—гражданами одной Москвы. Что касается двухъ соборовъ 1682 г.: 27 апрѣля для избранія Петра, и 26 мая—для совмѣстнаго избранія Іоанна и Петра Алексѣевичей, то и они также не могутъ считаться Соборами, такъ какъ состояли изъ случайныхъ представителей, а не изъ выборныхъ „ото всея земли“, такъ какъ выборовъ для этихъ Соборовъ не было.

что первымъ земскимъ соборомъ былъ Соборъ, созванный въ 1550 г. Іоанномъ Грознымъ. Но изслѣдованія проф. Платонова *) привели его къ отрицанію самаго факта существованія этого Собора. Если въ такомъ рѣшительномъ видѣ мнѣніе пр. Платонова и не можетъ быть принято, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать вмѣстѣ съ пр. Ключевскимъ, что „этотъ соборъ надобно считать пока потеряннымъ фактомъ въ исторіи устройства соборнаго представительства XVI в.“.

1) Первымъ исторически достовѣрнымъ Соборомъ, такимъ образомъ, надо признать Соборъ 1566 г., т. наз. Ливонскій, такъ какъ онъ былъ созванъ для рѣшенія вопроса о продолженіи войны съ Литвою за Ливонію. Поставленнаго вопроса Соборъ не рѣшилъ, какъ видно изъ сохранившагося соборнаго акта за подписью присутствовавшихъ на немъ членовъ.

2) Второй Соборъ 1613—1619 г., избравшій Михаила, сталъ, какъ сказано, постояннымъ совѣтомъ „всея земли“ для помощи Царю въ возстановленіи порядка въ Русской землѣ. Въ 1615 г. произведены были новые выборы и началась вторая сессія этого Собора.

3) Третій Соборъ 1621—1622 г. о войнѣ съ Польшей въ союзѣ съ турками, шведами и крымскими татарами.

4) Четвертый Соборъ былъ созванъ въ 1632 г. для рѣшенія вопроса о сборѣ „пятой деньги“ (20% съ имущества) на новую войну съ Польшей; онъ засѣдалъ до 1634 г.

5) Пятый Соборъ 1637 г. состоялся по вопросу о сборѣ ратныхъ людей въ виду ожидавшагося нашествія Крымскаго хана.

6) Шестой Соборъ, так. наз. Азовскій, былъ созванъ въ 1642 г. для рѣшенія вопроса о войнѣ съ турками изъ-за Азова. На этомъ соборѣ выборные въ своихъ „сказкахъ“ попутно указывали царю на крайнее разореніе и бѣдность, а также на притѣсненія отъ приказныхъ людей.

7) Седьмой Соборъ, созванный ц. Алексѣемъ Михаиловичемъ въ 1648 году, занялся, какъ мы знаемъ, составленіемъ Соборнаго Уложенія.

8) Восьмой Соборъ 1650 г. обсуждалъ мѣры противъ Псковскаго мятежа.

9) Девятый Соборъ 1653 г. былъ созванъ по поводу присоединенія Малороссіи.

*) *Платоновъ.*—Рѣчи Грознаго на Зем. С. 1550. Ж. М. Н. Пр. 1900 № 3. *Его же.* Къ исторіи московскихъ Земскихъ Соб. 1905 г.

Этотъ соборъ былъ послѣднимъ. Собранія выборныхъ, имѣвшія мѣсто въ 1660 о причинахъ дороговизны хлѣба въ Москвѣ, въ 1676 г.—о торговлѣ съ Персіей шелкомъ и 1682 г.—о пересмотрѣ ратнаго устава и объ уничтоженіи мѣстничества, были совѣщаніями правительства со свѣдущими людьми, а не соборами въ собственномъ смыслѣ.

Составъ Земскихъ Соборовъ и организація выборовъ. Въ составъ Собора подъ предсѣдательствомъ Царя, или лица, имъ уполномоченнаго, входили Боярская Дума и народные представители. Боярская Дума въ полномъ составѣ представляла, т. сказать, *невыборную* палату, остальные разряды, или „чины“ московскаго государства призывались *по выборамъ*.

Выборы стали производиться только въ XVII в.; на Соборахъ XVI ст. мы еще не видимъ выборнаго представительства. Изученіе состава Собора 1566 года привело пр. Ключевскаго къ выводу, что представительство на этомъ Соборѣ *столичныхъ* служилыхъ торговыхъ и посадскихъ людей было представительствомъ по государственному и общественному положенію, а отнюдь не по довѣрію и выбору избирателей. Самый же Соборъ явился совѣщаніемъ правительства съ собственными агентами и представлялъ всю землю, поскольку послѣдняя могла быть представлена столицей“.

Производство выборовъ. Съ XVII ст. выборы производились по царскимъ грамотамъ о созывѣ собора и о выборѣ представителей, разсылавшимся мѣстнымъ воеводамъ; въ грамотахъ указывалось, обыкновенно, число выборныхъ, срокъ прибытія ихъ въ Москву, а иногда и цѣль созыва собора.

Въ выборахъ принимали участіе: разные разряды служилыхъ людей; люди торговые, какъ то: гости, гостиная и суконная сотня, люди черныхъ сотенъ, слободъ и посадовъ; уѣздные крестьяне.

Правительство требовало, чтобы выборы производились самимъ населеніемъ безъ участія мѣстныхъ областныхъ правителей; но такъ какъ воеводы обязаны были высылать требуемое число выборныхъ, то иногда они распоряжались выборами сами. Каждый чинъ избиралъ изъ своей среды, за исключеніемъ того случая, когда избирателей было мало. Выборные получали отъ избирателей актъ, удостовѣрявшій избраніе, такъ наз. „выборъ за руками“, который вмѣстѣ съ выборными препровождался въ Москву для провѣрки ихъ полномочій. Избиратели могли дать выборнымъ наказы, въ которыхъ указывали правительству на свои нужды; кромѣ того, должны были обезпечить выборныхъ средствами продовольствія, „запасами“ на все время соборной сессіи.

Порядокъ занятій на Соборахъ. Соборъ открывался *рѣчью*, которую или произносилъ самъ Царь, или читалъ кто-либо по его порученію. Въ этой рѣчи излагались поводы созыва Собора, ставились вопросы для обсужденія и приводились данныя, необходимыя для ихъ рѣшенія, а иногда сообщалось и желательное рѣшеніе.

Письменные экземпляры рѣчи, называвшіеся „письменнымъ извѣщеніемъ“ раздавались затѣмъ на руки выборнымъ каждаго чина.

Совѣщанія происходили обыкновенно по чинамъ безъ ограниченій во времени. Иногда Соборъ для обсужденія предложеннаго вопроса дѣлился не по чинамъ, а по невыборной и выборной палатамъ, т. е. Боярская Дума и Освященный Соборъ совѣщались отдѣльно отъ выборныхъ представителей.

Мнѣніе, или приговоръ каждаго чина устный или письменный въ видѣ „сказки“, представлялся государю. Но каждому члену собора предоставлялось право подавать особое мнѣніе.

Рѣшеніе Собора окончательно изображалось въ особомъ соборномъ актѣ, въ которомъ записывался весь ходъ соборованія; впрочемъ, не всегда съ одинаковою полнотой. Рѣшенія Соборовъ касались всѣхъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми обращался къ нимъ Царь. Поэтому, компетенція Соборовъ не была опредѣлена: она сводилась, большею частью, къ обсужденію и рѣшенію вопросовъ внѣшней политики, законодательства и финансовъ.

Причины исчезновенія Земскихъ Соборовъ. Несомнѣнно, что земскіе Соборы пользовались авторитетомъ въ глазахъ самихъ государей, которыя считали необходимымъ для приданія силы своимъ распоряженіямъ ссылаться на то, что тѣ или другія мѣры принимаются ими „по всей земли приговору“; несомнѣнно, далѣе, что Соборы были полезны, какъ установленія, черезъ которыя власть, непосредственно сближаясь съ народомъ, получала возможность узнавать нужды и желанія послѣдняго; несомнѣнно, наконецъ, что путемъ челобитій выборные „ото всея земли“ вліяли и на политику государей, и на законодательство. И не смотря на такое значеніе Соборовъ и на ихъ безспорныя заслуги передъ государствомъ, съ 1653 г. они болѣе не созываются. Какіе же причины вызвали ихъ исчезновеніе? Вопросъ этотъ рѣшается въ историко-юридической литературѣ различно. Такъ, пр. Чичеринъ полагаетъ, что Земскіе Соборы исчезли „вслѣдствіе внутренняго ничтожества. Кратковременная роль ихъ была кончена: они не могли болѣе дать правительству ни помощи, ни совѣта“. Но этотъ крайній взглядъ встрѣтилъ справедливое возраженіе со стороны

пр. Сергѣевича, который замѣчаетъ, что „выборные люди стояли въ уровень съ ихъ высокимъ призваніемъ и хорошо понимали потребности своего времени; они безъ всякой розни соединились у престола избраннаго ими государя и не жалѣли ни жизни, ни имущества для спасенія отечества. Одной патріотической дѣятельности земскихъ соборовъ начала XVII в. уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностью". Пр. Загоскинъ объясняетъ исчезновеніе Соборовъ тѣмъ, что усилившееся самодержавіе не нуждалось болѣе въ этомъ институтѣ. Пр. Влад.—Будановъ полагаетъ, что причина прекращенія созыва Соборовъ заключается въ реформаторскомъ направленіи дѣятельности правительства, въ которой оно не надѣялось найти сочувствія и поддержки населенія. Но приведенныя мнѣнія проф. Загоскина и Влад.—Буданова не рѣшаютъ вопроса съ тою ясностью и опредѣленностью, какихъ требуетъ его важность. Ближе подошелъ къ рѣшенію вопроса пр. Сергѣевичъ, видѣвшій причину прекращенія созыва Соборовъ „въ стороннихъ вліяніяхъ, которымъ было выгодно представить соборы, какъ учрежденіе безполезное... Изъ того, что мы знаемъ о дѣяніяхъ Собора 1642 г. и изъ челобитныхъ Собора 1649 г.", говоритъ онъ „дѣятельность выборныхъ должна была не нравиться боярамъ, окольничимъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ едва ли не всего болѣе—духовнымъ властямъ. Высшіе чины и духовныя власти имѣли слишкомъ много причинъ, чтобы удерживать Алексѣя Михаиловича отъ созванія выборныхъ людей... Этимъ вліяніемъ и слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что соборы исчезли изъ нашей государственной практики". Однако, указанная причина является чисто внѣшней; она одна не могла вызвать исчезновеніе Соборовъ, въ дѣятельности которыхъ московскіе государи всегда находили поддержку своимъ начинаніямъ, а потому едва ли подъ силу было высшимъ чинамъ сломить установленіе, само по себѣ жизнеспособное: они могли вліять на болѣе или менѣе продолжительную отскрочку созыва Соборовъ, но не могли уничтожить ихъ совершенно.

Причина паденія соборовъ, на нашъ взглядъ, лежитъ глубже: *она коренится во внутреннихъ условіяхъ жизни московскаго общества половины XVII в.* Въ 1653 г. появляется печатная Кормчая патріарха Никона, предпринявшаго исправленіе Кормчей своего предшественника, патріарха Іосифа; около этого же времени производится имъ исправленіе богослужебныхъ книгъ. Дѣятельность Никона въ этомъ направленіи привела, какъ извѣстно, къ расколу. Общество, которое не относилось безразлично къ религіознымъ и церковнымъ вопросамъ и съ верхнихъ слоевъ до нижнихъ

было проникнуто церковностью, раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря: приверженцевъ церковной старины и новаторовъ. Не было прихода, общины, нерѣдко даже семьи, гдѣ бы не было церковной распри. Нѣкоторые предразсудки, поддержанные Стоглавымъ Соборомъ 1550 г., глубоко проникли въ религіозное сознаніе общества. За двуперстое сложеніе креста, за двоеніе аллилуія, за хожденіе посолонь, за старинную богослужебную книгу и старую Іосифовскую Кормчую, за цѣлость, наконецъ, бороды люди готовы были лишиться свободы, идти въ ссылку, претерпѣть муки, сложить свою голову. Имена протопопа Аввакума, Никиты Пустосвята, боярыни Морозовой облекались ореоломъ мученичества, а приверженцы Никона, поборники церковныхъ новшествъ, разсматривались, какъ поганое антихристово сѣмя, малѣйшаго общенія съ которымъ необходимо избѣгать, чтобы не оскверниться. Время ли было собирать соборы всѣхъ чиновъ московскаго государства? Можно ли при такомъ настроеніи общества ожидать правильнаго хода выборовъ представителей и спокойнаго обсужденія ими „великихъ государевыхъ и земскихъ дѣлъ“? Отвѣтъ долженъ быть отрицательнымъ. И московское правительство, видя невозможность нормальной дѣятельности соборовъ, вынуждено было отказаться отъ мысли созывать ихъ. Распря, обостряясь, продолжается до конца вѣка, когда великій реформаторъ беретъ окончательно въ руки бразды правленія, воспринимаетъ идеи западно-европейскаго абсолютизма, и участію общества въ государственныхъ дѣлахъ не остается мѣста.

Изъ обширной литературы земскихъ соборовъ укажу слѣд. сочин.: *Чичеринъ*.—О народномъ представительствѣ 1866 г. *Сергѣевичъ*.—Земскіе Соборы въ Московс. госуд. Сб. Госуд. Зн. 1875 г. т. II. *Влад.-Будановъ*. Критика на это сочин. Кіев. Ун. Изв. 1875 г. *Загоскинъ*.—Ис. пр. Моск. Госуд. т. I 1877 г. *Даткинъ*.—Земскіе Соборы древней Руси. 1885 г. *Ключевскій*.—Составъ представительства на Земскихъ Соборахъ. Рус. М. 1890, 91, 92. г. № 1.

Населеніе.

Чины Московскаго государства. Классы удѣльно-вѣчевой Руси смѣняются чинами московскаго государства. Подъ словомъ „*чинъ*“ въ обширномъ смыслѣ*) разумѣлся на Москвѣ разрядъ лицъ,

*) Въ тѣсномъ смыслѣ подъ словомъ „чинъ“ разумѣлась извѣстная *степень*, соотвѣтствовавшая первоначально опредѣленной *должности* по придворной, военной и всякой другой не черной государственной службы. Но эти степени не

несшій опредѣленное *тягло* въ пользу государства и получавшій за это особыя права. Различіе между чинами обусловливалось не правами, независимо отъ обязанностей, какъ это свойственно сословному дѣленію, а обязанностями въ отношеніи къ государству. Свободныя отношенія населенія къ власти замѣняются отношеніями подданническими, классы удѣльной эпохи *закрѣпощаются* и это закрѣпощеніе выражается въ системѣ *тяглъ*: одни чины, несутъ тягло служебное, другіе—податное; одни обязаны личною службою государству; другіе—уплатою денегъ въ его пользу. Отсюда 2 разряда свободнаго населенія: люди служилые и люди тяглые. Каждый изъ этихъ разрядовъ подраздѣляется на нѣсколько группъ.

Свободное населеніе.

Служилые люди.

Измѣненіе дружины въ Москвѣ. Дружина удѣльно-вѣчевого періода претворяется въ служилыхъ людей и самое имя дружины исчезаетъ изъ памятниковъ московскаго времени. Служилые люди, также какъ прежняя дружина, дѣлятся на двѣ степени: старшую и младшую.

Старшая степень, взамѣнъ прежняго термина „бояре", получаетъ въ XV вѣкѣ наименованіе *„дѣтей боярскихъ"*, такъ какъ названіе „боринъ" теряетъ прежнее значеніе. Этимъ словомъ обозначается теперь не классъ лучшихъ нарочитыхъ людей, а *высшій придворный чинъ*, жалуемый государемъ. Съ обращеніемъ боярства въ чинъ, „дѣтьми боярскими", стали именоваться потомки бояръ, непожалованные еще боярствомъ. Поэтому, среди дѣтей боярскихъ встрѣчаются представители знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій, находившіеся нерѣдко въ родствѣ съ великими князьями.

Въ теченіе столѣтія наименованіе старшей степени „боярскими дѣтьми" удерживается въ терминологіи памятниковъ, но съ половины XVI в. это наименованіе вытѣсняется терминомъ „дворяне"; а названіе „дѣти боярскіе" начинаетъ обозначать младшую степень служилыхъ людей.

Младшая степень, прежніе отроки, дѣтскіе, получаетъ съ теченіемъ времени наименованіе *дворянъ* и *вольныхъ слугъ* въ отличіе

представляли той послѣдовательности, которая была установлена Петромъ I по Табели о рангахъ для прохожденія службы съ низшихъ до высшихъ чиновъ: это не болѣе, какъ отдѣльные разряды служилыхъ людей.

отъ слугъ невольныхъ или „слугъ подъ дворскимъ“. Дворяне въ первоначальномъ значеніи слова суть *дворные слуги*, т. е. слуги въ княжескомъ управленіи, которое, какъ сказано выше (стр. 211) сливалось съ частнымъ хозяйствомъ князя. При Иванѣ Грозномъ служилое положеніе дворянъ сравнивается съ положеніемъ бояръ и дѣтей боярскихъ по ихъ вотчинамъ, помѣстьямъ и денежному жалованью.

Всѣ разряды служилыхъ людей получаютъ общее имя дворянъ и новую организацію.

Организація и служба дворянъ. Средоточіемъ государственной службы (придворной, военной и гражданской) была Москва, а въ Москвѣ—царскій дворъ, большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ которому обусловливалось различіе въ служилыхъ чинахъ.

Высшими чинами были чины придворные: *бояре*, *окольничіе* и *думные люди*, т. е. извѣстные уже намъ члены Боярской Думы; за ними или низшіе придворные чины: стольники, стряпчіе, крайчіе и т. п.

За ними слѣдуютъ *московскіе дворяне*, т. е. старинные московскіе служилые роды, обладавшіе отчинами или помѣстьями въ Московскомъ уѣздѣ. По землевладѣнію московскіе дворяне дѣлились на 3 статьи; къ первой принадлежали дворяне, обладавшіе наименьшимъ помѣстнымъ или вотчиннымъ окладомъ въ 200 четей; ко второй—въ 150 и къ третьей—въ 100 четей.

За московскими дворянами идутъ *жильцы*, вотчинники и помѣщики не Московскаго, а иныхъ городскихъ уѣздовъ. Какъ лучшіе мѣстные служилые люди они посылались въ Москву для отбыванія государевой службы въ теченіе трехъ, четырехъ или шести мѣсяцевъ.

Слѣдующую ступень занимали *городовые дворяне*, дѣлившіеся на три статьи: къ первой принадлежали *выборные дворяне*, (изъ нихъ избирались, въ свою очередь, *жильцы*); ко второй *дворовые* (удѣльно-княжескіе); и къ третьей—*собственно городовые*. Городовые дворяне представляли собою самый многочисленный разрядъ служилыхъ людей.

Низшимъ разрядомъ служилыхъ людей съ XVI в., какъ сказано выше, являются *дѣти боярскіе*. Въ придворной службѣ они являлись прислугою (конюхи, повара, ключники и т. п.), въ военной службѣ на нихъ возлагались „сторожи“ въ пограничныхъ мѣстахъ; въ гражданской они занимали должности приставовъ, земскихъ и губныхъ старостъ.

Переходною ступенью отъ военнаго служилаго класса къ

тяглому населенію были стрѣльцы, пушкари, затинщики, казаки, драгуны, рейтары и солдаты.

Служба дворянства обусловливалась землевладѣніемъ, какъ вотчиннымъ, такъ и помѣстнымъ. Помѣстья и вотчины передавались по наслѣдству подъ условіемъ обязательной службы наслѣдниковъ, кто-бы они ни были: сыновья, братья, племянники и т. д.

Обязанность личной службы для каждаго дворянина въ эпоху Судебниковъ начиналась съ 15 лѣтъ, а со времени Уложенія съ 18-ти и продолжалась до смерти или отставки за старостью и неспособностью къ службѣ. Сыновья дворянъ, достигшіе указаннаго возраста, назывались „*новиками*“. При поступленіи на службу новики получали, или какъ тогда говорили, „*верстались*“ помѣстьями „*по ихъ отчеству*“, т. е. сообразно съ помѣстьями ихъ отцовъ; а если отцовъ уже не было въ живыхъ, то ихъ помѣстья „справлялись“ за новиками. Въ дополненіе къ помѣстьямъ, а иногда взамѣнъ ихъ, выдавалось служилымъ людямъ денежное жалованье.

Опредѣленіе размѣра служилой повинности. Размѣръ службы съ помѣстій и вотчинъ до половины XVI вѣка не былъ опредѣленъ. При Іоаннѣ Грозномъ размѣръ этотъ впервые опредѣляется съ точностью. По указу 1556 г. каждый помѣщикъ и вотчинникъ долженъ съ каждыхъ 100 четей пахатной земли выставить одного коннаго воина въ полномъ доспѣхѣ, „а въ дальней походъ о дву коней“. Если, при этомъ, дворянинъ являлся на службу лично, то онъ получалъ прибавку къ помѣстью или назначеніе на кормленіе, а приводимые имъ люди содержались на счетъ казны; въ противномъ случаѣ, никакихъ прибавокъ дворяне не получали, а выставленные ими люди должны были содержаться на ихъ счетъ. Такъ какъ указанный размѣръ оказался довольно отяготительнымъ для дворянъ, то указомъ 1604 г. Борисъ Годуновъ сократилъ повинность, возложивъ обязанность выставлять конныхъ и оружныхъ людей только на дворянъ, не являвшихся на службу вслѣдствіе старости, болѣзни и др. законныхъ причинъ. Если такой дворянинъ не могъ замѣстить себя сыномъ или родственникомъ, то онъ обязанъ былъ выставить коннаго и оружнаго воина не со 100, а съ 200 четей. Кромѣ того, указъ предписываетъ малоземельнымъ дворянамъ, т. е. имѣющимъ менѣе 200 четей, складываться и высылать ратника по жребію.

Но и указъ Бориса не удержался: въ 1633 г. былъ установленъ новый размѣръ. Единицею обложенія было принято среднее число изъ 100 и 200 четей, т. е. 150. За остатки же отъ

этого числа, или за т. наз. „перехожія чети“, предписано взимать деньгами по расчету: „за человѣка по 15 рублей“, т. е. по 1 рублю за каждыя 10 четей земли (воинъ = 150 четямъ).

Организація надзора за отбываніемъ служилой повинности. При многочисленности разрядовъ служилыхъ людей и при сложности отбыванія повинности съ землевладѣнія, необходимъ былъ надзоръ за тѣмъ, чтобы служилые не уклонялись отъ службы, или какъ тогда говорилось „не были въ нѣтѣхъ“.

Надзоръ этотъ находился въ рукахъ Разряднаго приказа, который производилъ *смотры*, или *разборы* для приведенія въ извѣстность всѣхъ наличныхъ служилыхъ людей. Смотры эти производились ежегодно и на основаніи данныхъ, собранныхъ на этихъ смотрахъ, въ Разрядѣ составлялись списки, называвшіеся *смотрѣнными*. На основаніи послѣднихъ составлялись *боярскія книги*, изъ которыхъ дѣлались ежегодные перечни именъ и службъ безъ обозначенія окладовъ, или т. наз. *боярскіе списки*. Какъ въ боярскія книги, такъ и въ списки включались высшіе чины до московскихъ дворянъ включительно; жильцамъ велись особые *жилецкіе списки*. Что касается городовыхъ дворянъ то разборы ихъ производились отдѣльно. На основаніи данныхъ разбора составлялись городовые списки, называвшіеся *десятнями*, такъ какъ городъ съ его уѣздамъ въ смыслѣ опредѣленной военно-служилой единицы назывался *десяткомъ*.

Тяглые люди.

Финансовая служба государству, т. е. уплата податей, носила названіе *тягла* въ собственномъ смыслѣ. *Тягло* было возложено на городскія (посадскія) общины и на общины волостныя. Отсюда юридическое различіе посадскихъ людей и крестьянъ. Разсмотримъ эти чины отдѣльно.

Посадскіе люди.

Дѣленіе посадскихъ людей на разряды. Посадскіе люди, представляя собою коренное населеніе городовъ, какъ торгово-промышленныхъ центровъ, дѣлились на два разряда: *московскихъ* и *иногородникъ* посадскихъ. Тѣ и другіе въ свою очередь подраздѣлялись на группы. Такъ *московскіе посадскіе* подраздѣлялись на *гостей, гостинную и суконную сотни, торговыхъ людей черныхъ сотенъ* и *дѣлоевъ*, или *ремесленниковъ; иногородніе же*—на статьи.

Гости представляли собою высшій слой московскаго посадскаго населенія. Являясь оптовыми торговцами, ведшими отъ-

ѣзжій торгъ—заграничный и иногородній, гости, по свидѣтельству Котошихина, были *чиномъ*, жалуемымъ государемъ. Жаловалъ государь этимъ чиномъ крупныхъ капиталистовъ изъ гостиной и суконной сотенъ и изъ посадскихъ людей, дѣлавшихъ обороты на сумму отъ 200 тысячъ до милліона въ годъ на наши деньги. Такихъ капиталистовъ, пожалованныхъ „гостинымъ именемъ“ въ половинѣ XVII в. было около 30 человѣкъ. Какъ опредѣленный чинъ, гости несли царскую службу въ качествѣ „вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ у соболиные казны, и въ таможняхъ, и на кружечныхъ дворахъ“. Слѣдовательно, по своему общественному положенію гости представляли какъ-бы особый разрядъ служилыхъ людей, почему и пользовались особыми правами. Такъ, состоя на царской службѣ, они могли продолжать вести свой торгъ и „промышлять всякими промыслами“, пріобрѣтать куплею и брать въ залогъ вотчины; имъ дозволялось „вольно“, т. е. безпошлинно курить вино, варить пиво и держать его „про свой расходъ“. Въ Судебникѣ 1550 г. плата за ихъ безчестье опредѣлена въ 50 руб., въ десять разъ больше безчестья средняго торговаго человѣка (ст. 26).

Гостиная и суконная сотни — второй разрядъ московскаго посадскаго населенія. Это также оптовые торговцы изъ посадскихъ, зачисленные въ сотни, которыя, по словамъ Котошихина, *устроены для того*: на Москвѣ и въ городѣхъ бываютъ у сборовъ царскіе казны *съ гостми въ товарищахъ*, въ цѣловальникахъ“, т. е. представители этихъ сотенъ назначались въ товарищи гостей по финансовой службѣ. По своимъ правамъ они приравнивались гостямъ за исключеніемъ права пріобрѣтенія крестьянъ, т. е. населенныхъ имѣній: „*а крестьянъ*“, замѣчаетъ Котошихинъ, „*купити и держати имъ заказано*“. Гостиная и суконная сотни, вѣроятно, были установлены правительствомъ въ интересахъ фиска; впервые о нихъ упоминается въ грамотахъ Ѳеодора Іоанновича.

Черныя сотни. Остальная масса московскаго посадскаго населенія называлась торговыми людьми черныхъ сотенъ, или иначе людьми *тяглыми* въ собственномъ смыслѣ. Они вели только мѣстный торгъ, владѣли сообща посадскою землею, имѣли своихъ выборныхъ старостъ и цѣловальниковъ, несли сообща подати, которыя взимались, какъ тогда говорилось, „съ животовъ и промысловъ“ и съ ихъ тяглыхъ дворовъ, а также сообща отбывали разныя повинности, что и было ихъ *тяглом*ъ. Повинности посадскихъ, судя по сказкѣ тяглыхъ людей на Соборѣ 1642 г. сводились къ обязанностямъ выставлять *даточныхъ людей*, *подводы подъ орудія*, *припасы царскимъ гонцамъ* и т. п.; содержать крѣпостную стражу

(поворотныя деньги), чинить городскія укрѣпленія *(городовое дѣло)*; содержать въ исправности укрѣпленія земляныя *(земляное дѣло)*; *стоять* погодно на земскомъ дворѣ *въ извозчикахъ* съ лошадями *„для ради пожарнаго времени“*.

Дѣлюи. Къ черными сотнямъ причислялись, кромѣ торговцевъ, всякаго рода ремесленники, *„дѣловые люди“* (дѣлюи). Дѣлюи были двухъ разрядовъ: *вольные* и *государевы*, или *казенные*.

Вольные дѣлюи тянули въ одно тягло съ черными сотнями посадскихъ. *Государевы* же дѣлюи въ черномъ общинномъ тяглѣ не участвовали: они жили отдѣльными слободами, составляли особыя общины. Государевы дѣлюи несли службу своимъ ремесломъ государеву двору: въ случаѣ же отсутствія дворцовыхъ работъ, они платили въ казну оброкъ, равный цѣнѣ обыкновенной ихъ годичной работы.

Иногородніе посадскіе, какъ и московскіе, сидѣли на городскихъ общинныхъ земляхъ и несли сообща указанное выше тягло. Иногородніе посадскіе дѣлились на три статьи: *лучшихъ*, *среднихъ* и *молодшихъ*. Различіе между этими статьями обусловливалось капиталомъ, служившимъ основаніемъ при раскладкѣ податей и повинностей.

Обособленіе посадскаго населенія отъ сельскаго. Первоначально на Москвѣ посадскіе люди, какъ и въ старину, не выдѣлялись изъ остальной массы населенія. Торговля и городскіе промыслы не составляли исключительнаго занятія посадскихъ; въ составъ посадскихъ входили лица, занимавшіяся земледѣліемъ. Съ другой стороны, уѣздные, волостные люди, т. е. крестьяне занимались торговлею и разными промыслами. Въ эпоху Судебниковъ мы встрѣчаемъ попытку обособить посадскихъ людей отъ уѣздныхъ: Стоглавъ предписываетъ перезывать на опустѣлые слободскіе монастырскіе и владѣльческіе дворы только крестьянъ и казаковъ, а не тяглыхъ посадскихъ. Но болѣе существенныя мѣры къ обособленію городского населенія отъ сельскаго предпринимаются лишь съ половины XVII вѣка. Такъ по указу 1648 г., повторенному въ Уложеніи, посады и слободы въ Москвѣ и въ городахъ были очищены отъ частно-владѣльческаго населенія: частно-владѣльческія слободы, по челобитью самихъ посадскихъ, взяты „за государя въ тягло“, а владѣльцы вознаграждены изъ другихъ земель. Далѣе, Новоторговый уставъ 1667 г. изъялъ купцовъ изъ вѣдомства воеводъ и поставилъ ихъ по торговымъ дѣламъ подъ вѣдѣніе таможенныхъ головъ. Слѣдовательно, создалось особое вѣдомство и возникла мысль объ особомъ Купеческомъ приказѣ, осуществившаяся лишь въ 1699 г. учрежденіемъ Бурмистерской

палаты. Наконецъ, въ 1681 г. введена *стрѣлецкая подать*, взимавшаяся съ городовъ и слободъ; уѣздные же крестьяне обложены *ямскими* и *полоняничными деньгами*, т. е. вмѣсто прежней общности податей явилось различіе въ нихъ между городами и волостями (Мроч.-Дроздовскій. Ис. рус. пр., стр. 156—157).

Параллельно обособленію городского населенія отъ уѣзднаго, волостного шло закрѣпощеніе посадскихъ. Первоначально существовала свобода перехода для всѣхъ тяглыхъ. Уложеніе 1649 г., по челобитью самихъ посадскихъ, запрещаетъ послѣднимъ переходить изъ города въ городъ. Всѣ перешедшіе возвращаются на мѣсто прежняго жительства. Отсюда создается обязанность принадлежать къ тому посаду, гдѣ посадскій записанъ въ тягло, что въ послѣдующемъ періодѣ привело къ созданію городского сословія.

Крестьяне.

Наименованія сельскаго населенія въ московскій періодъ. Свободное сельское населеніе—смерды удѣльновѣчевой эпохи получаетъ названіе „*христіанъ*“ или „*крестьянъ*“. Первоначально этимъ словомъ обозначалось все вообще населеніе въ отличіе отъ татаръ—нехристіанъ. Но съ конца XIV вѣка терминъ „*христіане*“, „*крестьяне*“ примѣняется исключительно къ сельскому населенію. Сельское населеніе, подобно городскому состоитъ изъ тяглыхъ людей, называвшихся *письменными* и *численными людьми*, т. е. людьми переписанными и исчисленными для уплаты податей. Въ XIV и XV ст. юридическое и фактическое положеніе всѣхъ численныхъ людей, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, было одинаково; различіе сводилось лишь къ тому, что городскіе люди сидѣли всегда на государевыхъ черныхъ земляхъ, тогда какъ крестьяне садились или на тяглыя волостныя земли, или же на земли частныхъ владѣльцевъ. Отсюда два разряда крестьянъ, неодинаковыхъ по своему положенію и дальнѣйшей судьбѣ: *крестьяне черныхъ волостей* и *крестьяне частновладѣльческіе*. Первые назывались *государевыми*, *тяглыми*, *черными*, *волостными*; вторые носили названіе по имени владѣльцевъ земли, на которой сидѣли: *властелинскіе* (духовныхъ властей), *монастырскіе*, *церковные*, *вотчинниковы*, *помѣщичьи* и т. п. Сами крестьяне въ обращеніи къ государю называли себя „спротами“, а по своему хозяйственному положенію именовались: *выпными*, *половниками*, *серебрениками*, *бобылями*, *подсусѣдниками*, *захребетниками* и др.

Крестьяне черныхъ волостей. Крестьяне садились на землю черныхъ волостей, обыкновенно, на такихъ же условіяхъ, какъ и на

землю частныхъ землевладѣльцевъ, по особымъ договорамъ, называвшимся „порядными записями“, на которыхъ остановимся ниже. Садившійся крестьянинъ получалъ въ пользованіе податной участокъ, „выть“, съ котораго обязывался нести „со крестьяны вмѣстѣ“ черное тягло. Земля принадлежала на правѣ собственности тяглой общинѣ, разныя угодья общинной земли (выгоны, лѣса, луга) находились въ общемъ владѣніи и пользованіи всѣхъ членовъ общины, а усадьбы и пашни—*въ наслѣдственномъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ, „вытчиковъ“*. Впрочемъ, иногда участокъ, большею частью, пустой, необработанный сдавался общиной новому поселенцу въ аренду, причемъ, послѣдній не входилъ въ составъ членовъ общины, а уплачивалъ лишь оброкъ.

Что касается *личныхъ правъ* крестьянъ черныхъ волостей, то въ общемъ они не были ограничены, за исключеніемъ права перехода, наравнѣ съ слугами невольными, изъ одного удѣла въ другой. Переходъ изъ одной черной волости въ другую въ одномъ и томъ же княжествѣ, а по уничтоженіи удѣловъ—въ цѣломъ государствѣ не былъ ограниченъ: Судебники дозволяютъ „отказыватися христіаномъ изъ волости въ волость“. Но переходъ тяглыхъ людей на частно-владѣльческія земли былъ запрещенъ довольно рано: въ концѣ XIII въ началѣ XIV вѣка.

Къ *обязанностямъ* крестьянина общинника относилось участіе въ тяглѣ, т.-е. уплата податей и отбываніе лежавшихъ на общинѣ повинностей. Подать налагалась правительствомъ на общину, послѣдняя же сама разверстывала ее между своими членами сообразно имущественному благосостоянію каждаго, или какъ тогда говорилось, каждый „тянулъ въ общинные разрубы и разметы по своимъ животомъ и промысломъ“. Повинности крестьянъ были въ общемъ тѣже, что и посадскихъ.

Кромѣ „*вытчиковъ*“, т. е. полноправныхъ членовъ общины, въ послѣдней встрѣчаемъ: 1) *бобылей*, имѣвшихъ лишь усадьбу, а не пашню, и 2) *подсусѣдниковъ, захребетниковъ, казаковъ*, или батраковъ, совершенно не имѣвшихъ тяглаго участка, а жившихъ во дворѣ отдѣльныхъ членовъ общины и обрабатывавшихъ по найму ихъ земли. Лично всѣ эти разряды „безвытныхъ“ людей были свободны и пользовались правомъ перехода даже на частновладѣльческія земли, что, какъ мы видѣли „вытчикамъ“ не дозволялось.

Крестьяне частновладѣльческіе. Крестьяне садились на земли разныхъ владѣльцевъ, какъ сказано выше, по особымъ договорамъ, называвшимся „*порядными записями*“, которыя входятъ въ практику и вытѣсняютъ словесные договоры съ XVI в. Испол-

неніе условій „порядной“ обезпечивается *поручительствомъ* и *неустойкой*, *„зарядомъ“*. Поручительство въ исправности исполненія принимаемыхъ новымъ поселенцемъ условій давали прежніе крестьяне той вотчины, на землѣ которой селился крестьянинъ.

Важнѣйшими условіями рядной записи были: 1) условія, касавшіяся *обработки земли*; крестьянинъ могъ сѣсть на необработанный или на готовый участокъ. Въ первомъ случаѣ онъ обязанъ былъ возвести необходимыя постройки, расчистить поля и луга, распахать пашню и т. п.; за это поселенецъ получалъ *льготу*: въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ (2, 3, 4 и болѣе) освобождался какъ отъ уплаты оброка и издѣльныхъ повинностей въ пользу землевладѣльца, такъ и отъ платежа государственныхъ податей. При занятіи обработаннаго участка на крестьянина возлагалась обязанность: „пашню пахать и земли не запереложить, т. е. не запустошить, не запустить.

2) Вторымъ условіемъ была *уплата оброка и исполненіе издѣльныхъ повинностей*. Подъ оброкомъ разумѣлась ежегодная арендная плата, уплачиваемая крестьяниномъ землевладѣльцу за занятый участокъ. Уплата оброка производилась, большею частью, натурою (хлѣбный оброкъ): или въ видѣ части урожая, или въ опредѣленномъ по условію количествѣ хлѣба съ выти; но иногда хлѣбный оброкъ переводится на деньги (оброкъ денежный). Хлѣбный или денежный оброкъ дополнялся иногда поборами разныхъ продуктовъ (сыра, яицъ, масла, мяса, куръ и т. п.); однако эти поборы понижали размѣръ оброка. Кромѣ оброка, крестьяне исполняли для землевладѣльца извѣстныя издѣльныя повинности, „издѣліе“, „боярское дѣло“, „барщину“. Издѣльныя повинности были весьма разнообразны, причемъ, виды и размѣръ ихъ опредѣлялись землевладѣльцемъ. Чтобы составить себѣ понятіе, въ чемъ заключалась барщина, приведемъ свидѣтельство древнѣйшаго документа московской эпохи: грамоты митр. Кипріана Константиновскому монастырю отъ 1391 г., по которой крестьяне: „церковь наряжали, дворъ тынили, хоромы ставили, пашню пахали на монастырь изгономъ, убирали хлѣбъ и сѣно, прудили пруды, сады оплетали, на неводъ ходили, хлѣбы пекли, пиво варили, ленъ пряли“. Если такова была барщина въ концѣ XIV в., то въ XVI разнообразіе издѣлія настолько увеличилось, что въ рядныхъ записяхъ, за невозможностью перечисленія, о немъ упоминается въ общихъ выраженіяхъ: „всякое издѣліе намъ монастырское дѣлати, какъ и прочіе крестьяне“.

Но уплачивая оброкъ и исполняя барщину, частновладѣльческій крестьянинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанъ былъ „тянуть го-

сударское всякое тягло съ волостью вмѣстѣ", т. е. онъ не былъ освобожденъ отъ государственныхъ податей и повинностей. При переходѣ крестьянина возникалъ вопросъ, кто долженъ платить подать съ оставленнаго засѣяннаго участка: перешедшій ли крестьянинъ, или землевладѣлецъ. По Цар. Судебнику уплата податей за „рожь въ землѣ", т. е. за озимый посѣвъ, падаетъ на крестьянина.

3) Третьимъ условіемъ рядной было установленіе „*пожилого*", т. е. платы крестьяниномъ за пользованіе постройками (дворомъ) при переходѣ. Въ виду крайняго разнообразія платы и возникавшихъ на практикѣ недоразумѣній, Судебникъ 1497 г. установилъ общій размѣръ „пожилого". Стоимость крестьянскаго двора опредѣлена въ „полѣхъ", т. е. мѣстахъ безлѣсныхъ, въ рубль, а въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ—въ полтину. Крестьянинъ, просидѣвшій на землѣ владѣльца 4 года, при переходѣ уплачивалъ стоимость двора полностью, а проживший меньшее количество времени платилъ по расчету, т. е. за 1 годъ—$^1/_4$; за 2—$^1/_2$, за 3 года $^3/_4$ двора.

4) Слѣдующимъ условіемъ рядной, оказавшимъ большое вліяніе на судьбу крестьянъ, было условіе „*о подмогѣ, или ссудѣ*", т. е. помощи хлѣбомъ (сѣменами), скотомъ, деньгами, дававшимися владѣльцемъ крестьянину, т. сказать, для обзаведенія. Крестьянинъ при переходѣ своемъ съ земли обязывался возвратить хозяину взятое „серебро", какъ называлась подмога, или ссуда деньгами. Положеніе крестьянъ, получившихъ подмогу или ссуду и называвшихся серебренниками, было тяжелымъ, такъ какъ переходъ для нихъ становился фактически невозможнымъ вслѣдствіе невозможности уплаты серебра. А крестьянинъ, фактически не воспользовавшійся правомъ перехода, становился „истариннымъ" крестьяниномъ и терялъ это право навсегда. Въ XV и XVI в. встрѣчается не мало такихъ старинныхъ, т. е. прикрѣпленныхъ крестьянъ, къ XVII вѣку составившихъ самый многочисленный разрядъ крестьянства.

Право перехода крестьянъ и его условія. Въ эпоху Судебниковъ, какъ и въ удѣльно-вѣчевой періодъ, крестьяне пользовались правомъ свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому. Срокъ такого перехода первоначально опредѣлялся рядными записями и пріурочивался, то къ Рождеству, то на Великъ день (къ Пасхѣ), то къ Николину дню вешнему, то къ Юрьеву дню осеннему (26 ноября). Послѣдній срокъ чаще всего встрѣчался на практикѣ, въ виду чего и былъ установленъ Судебниками, какъ единственный въ году, причемъ „христіанскій отказъ" могъ

состояться за недѣлю до и спустя недѣлю послѣ Юрьева дня. При отказѣ, крестьянинъ долженъ былъ покончить всѣ свои счеты съ владѣльцемъ, т. е. уплатить „пожилое“, подмогу или ссуду, равно какъ и всѣ государевы подати. При значительномъ размѣрѣ тѣхъ и другихъ крестьянину трудно было „отказаться“: приходилось или не пользоваться вовсе правомъ перехода (что вело къ причисленію его въ разрядъ старинныхъ крестьянъ, или старожильцевъ, утратившихъ фактически право перехода), или быть „*вывезеннымъ*“ другимъ владѣльцемъ, который „отказывался“ за переходящаго, уплачивая за него прежнему владѣльцу какъ пожилое, такъ и другіе долги; въ этомъ случаѣ крестьянинъ съ переходомъ не освобождался отъ задолженности, а мѣнялъ только своего кредитора. Но какъ отказъ, такъ и вывозъ считались правильными только тогда, когда совершались въ срокъ и съ уплатой всѣхъ долговъ. Уходъ же не въ срокъ или тайный вывозъ безъ расчета съ хозяиномъ, обращали крестьянина въ „выбѣжавшаго“, какъ тогда говорилось, т. е. бѣглаго, котораго дозволялось отыскивать и возвращать къ прежнему владѣльцу.

Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ. Познакомившись съ условіями, на которыхъ крестьяне садились на земли частныхъ владѣльцевъ и на которыхъ основывалось право ихъ перехода съ однихъ земель на другія, остановимся на одномъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ вопросовъ нашей исторіографіи,—на вопросѣ о прикрѣпленіи крестьянъ.

Послѣ Судебниковъ первымъ общимъ указомъ о крестьянахъ былъ указъ Ѳеодора Іоанновича 24 ноября 1597 года, толкуемый изслѣдователями различно. Этимъ указомъ предписывалось: 1) на крестьянъ, выбѣжавшихъ изъ за помѣщиковъ и вотчинниковъ за 5 лѣтъ до 1597 г. „давати судъ и сыскивати накрѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ“; 2) если крестьяне выбѣжали изъ за владѣльцевъ за время отъ 6 до 10 „и больше“ лѣтъ до указа 1597 г., а владѣльцы ихъ въ теченіе этого времени не отыскивали, то „на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ, суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не возити“. Первая часть указа была истолкована историкомъ Татищевымъ, а за нимъ Карамзинымъ и другими въ томъ смыслѣ, что за 5 лѣтъ до 1597 года, т. е. въ 1592 г. былъ изданъ указъ, до насъ недошедшій, который отмѣнилъ правило Судебниковъ о свободѣ перехода въ Юрьевъ день, и *крестьяне были прикрѣплены къ землѣ*. Однако, слѣдующая часть указа исклю-

чаетъ возможность такого толкованія. Пр. Погодинъ впервые указалъ на то, что указъ 1597 г. устанавливаетъ лишь пятилѣтнюю давность по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ и что въ 1592 г. никакого общаго указа о прикрѣпленіи издано не было: „вникнуть въ развитіи крѣпостного права можно лишь обстоятельства"; „основателя крѣпостного права у насъ не было". Такъ сложились два совершенно противоположныхъ взгляда на указъ 1597 г. По одному взгляду, этому указу въ 1592 г. предшествовалъ указъ, прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ, по другому — оффиціальнаго прикрѣпленія никогда не было: крѣпостное право сложилось фактически, главнымъ образомъ, въ силу задолженности, какъ указалъ на это еще Сперанскій.

Второй взглядъ въ настоящее время раздѣляется большинствомъ ученыхъ. Разработкѣ его посвящены труды пр. Ключевскаго и Дьяконова. Крестьянская задолженность, какъ мы видѣли, служила препятствіемъ для крестьянъ въ осуществленіи ими права свободнаго перехода на практикѣ. Вслѣдствіе задолженности учащались крестьянскіе побѣги и запутывались иски о бѣглыхъ; правительство законами объ исковой давности старалось ослабить и упорядочить иски и споры изъ-за бѣглыхъ. Судебникъ Царскій дозволялъ крестьянину продаваться въ холопство, лишая тѣмъ казну плательщика: указы 1602 и 1606 г. установили правило по которому запрещенъ былъ переходъ крестьянъ въ холопство. „Такъ", замѣчаетъ пр. Ключевскій, „крестьянинъ, числясь по закону вольнымъ со своимъ устарѣлымъ правомъ выхода, на дѣлѣ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ: не могъ уйти ни съ отказомъ, ни безъ отказа, не могъ по своей волѣ ни перемѣнить владѣльца посредствомъ вывоза, ни даже перемѣнить званія посредствомъ отказа отъ своей свободы".

Но какъ-бы то ни было затрудненіе крестьянскаго выхода въ теченіе всего XVI и первой половины XVII вѣка было фактическимъ, окончательное его запрещеніе и, слѣдовательно, юридическое установленіе крѣпостной неволи состоялось путемъ отмѣны исковой давности, или т. называемыхъ „урочныхъ лѣтъ" Уложеніемъ 1649 г. (стр. 115). До тѣхъ поръ, пока существовали „урочные", или „срочные годы" для сыска бѣглыхъ крестьянъ (по указу 1597 г. въ 5, по указу 1642 г.—15 лѣтъ) крестьянинъ, успѣвшій скрыться отъ своего прежняго владѣльца въ теченіе этого срока, не подлежалъ возвращенію. Съ отмѣною урочныхъ лѣтъ крестьянинъ вѣчно долженъ былъ сидѣть на землѣ даннаго владѣльца, при уходѣ всегда могъ быть возвращенъ къ нему и, слѣдовательно, его зависимость превратилась въ постоянную, что

повело въ концѣ XVII вѣка къ ухудшенію положенія крестьянъ и постепенному сліянію свободнаго крестьянства съ холопствомъ.

Несвободное населеніе.

Полные холопы. Полные холопы, по актамъ пріобрѣтенія, именовались въ московское время купленными, вымѣненными, духовными, или отказными, приданными и т. п.

Источники полнаго или обѣльнаго холопства въ это время сократились. Такъ, 1) плѣнъ съ объединеніемъ московскаго государства остался, какъ источникъ холопства, только для плѣнныхъ отъ международныхъ войнъ, причемъ, холопство такихъ плѣнныхъ носило временный характеръ—до смерти господина; 2) преступленіе не вело болѣе къ холопству: за преступленіе законъ сталъ налагать уголовныя наказанія; 3) несостоятельность вела не къ холопству, а къ „отдачѣ головою до искупа“, т. е. до отработки долга.

Рожденіе отъ холопа и бракъ съ рабой остались по прежнему источниками обѣльнаго холопства. Установленіе добровольнаго рабства также подверглось существеннымъ ограниченіямъ. Царскій Судебникъ запретилъ: 1) продажу холопомъ „сына, который родился у него до холопства“; 2) самопродажу служилыхъ людей и ихъ дѣтей, равно какъ несостоятельныхъ должниковъ. Поступленіе въ ключники или тіуны оставалось источникомъ холопства и въ этомъ періодѣ, но съ нѣкоторыми измѣненіями, установленными Судебниками. По Судебнику 1550 года тіунство безъ полной и докладной грамоты не влекло за собой холопства. Холопство по городскому ключу совершенно уничтожено, а по ключу сельскому возникало, по Судебнику 1497 г., „съ докладомъ и безъ докладу, а по Судебнику 1550 г.—только по докладу.

Способы прекращенія холопства. Если въ удѣльно-вѣчевой періодъ прекращеніе холопства зависѣло отъ усмотрѣнія хозяина, то въ московское время устанавливаются способы прекращенія самимъ закономъ, независимо отъ воли господина. Къ способамъ прекращенія холопства по закону относятся: 1) освобожденіе холопа, котораго господинъ, не желая содержать въ голодное время, прогонялъ со двора (Улож. XX, 41, 42); 2) освобожденіе мужчины или дѣвицы, если по достиженіи первымъ 20 лѣтъ, а второй — 18, господинъ не дозволялъ имъ вступать въ бракъ, или препятствовалъ выходу замужъ вдовѣ по прошествіи 2 лѣтъ послѣ смерти мужа (Ук. 1607 г.); 3) освобожденіе холопа, принявшаго христіанство, если господинъ оставался некрещеннымъ (Улож.

XX, 71); 4) бѣгство холопа изъ плѣна; 5) измѣна господина, какъ напр., самовольный отъѣздъ въ другое государство (Улож. XX, 33).

Юридическое положеніе холоповъ. Перечисленные выше способы прекращенія холопства по закону показываютъ, что московскимъ правительствомъ принимаются мѣры къ огражденію холоповъ отъ произвола господъ съ цѣлью смягчить тяжелое положеніе рабовъ. Эти мѣры въ значительной степени обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію церкви, проповѣдь которой требовала проведенія указанныхъ мѣръ и ея требованія не остались безъ успѣха.

Что касается *имущественныхъ правъ* холоповъ, то источники XIV и XV ст. не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что холопы могли имѣть имущество не только движимое, но и недвижимое съ правомъ распоряженія, правомъ иска и отвѣта на судѣ противъ третьихъ лицъ, но не противъ господина, который можетъ и отобрать имущество, принадлежащее ихъ холопамъ. Такимъ образомъ, какъ и прежде, имущество рабовъ не свободно отъ притязаній ихъ хозяевъ. Къ этому надо прибавить, что Уложеніе 1649 г., не ограничивая произвола господъ надъ имуществомъ холоповъ, запрещаетъ послѣднимъ покупать и держать за собою въ залогѣ вотчины (XVII, 41), а также пріобрѣтать по городамъ тяглые дворы, лавки, погреба, амбары и т. п. (XIX, 15).

Личныя права признаются въ московское время въ большей степени, чѣмъ прежде. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабъ разсматривается какъ личность; за нѣкоторыми изъ нихъ признается честь, за оскорбленіе которой по Судебнику 1550 г. назначается плата безчестья. Такъ „боярскому человѣку доброму безчестія пять рублевъ, опричь тіуновъ и доводчиковъ. А тіуну боярскому, или доводчику и праветчику безчестія противъ его доходу. А боярскому человѣку молодчему безчестія рубль“.

Если иски на господъ вообще не допускались, то Уложеніе знаетъ одно исключеніе въ пользу женщины или дѣвицы, съ которою хозяинъ приживаетъ дѣтей: Уложеніе предписываетъ иски ихъ разсматривать на Патріаршемъ дворѣ.

По Уложенію, далѣе, рабы допускаются къ свидѣтельству во всѣхъ дѣлахъ безъ исключенія: „а будетъ гдѣ доведется въ обыску, или въ допросѣ спрашивать *боярскихъ людей*, и ихъ *во всякихъ дѣлѣхъ* допрашивати по государеву крестному цѣлованію“ (X, 173).

Наконецъ, Улож. признаетъ рабовъ субъектами преступленій. Такъ за корчемство, напр., рабы подвергаются торговой казни XXV, 6). Бѣгство холопа, не составлявшее прежде преступленія,

теперь считается таковымъ: Уложеніе подвергаетъ бѣглаго холопа битью „кнутомъ на козлѣ нещадно“ (XX, 22).

Кабальное холопство. Наряду съ полнымъ холопствомъ въ памятникахъ московскаго времени упоминается новый видъ *холопства „по служилой кабалѣ“*, или *кабальное*. Слово „кабала“, заимствованное отъ татаръ, арабскаго происхожденія. Въ татарскихъ документахъ это слово употребляется въ значеніи заемной расписки.

Кабальными холопами считались тѣ, въ кабалѣ которыхъ упоминалось о займѣ опредѣленнаго количества денегъ съ обязательствомъ служить заимодавцу *за проценты*. Съ уплатой долга кабальные холопы должны бы становиться свободными, между тѣмъ на практикѣ они оставались зависимыми до смерти заимодавца. Поэтому, указомъ 1597 г., подтверждавшимъ недошедшій до насъ указъ 1586 г., положеніе, сложившееся *на практикѣ*, было узаконено, и кабальное холопство не могло прекратиться уплатою долга, получать который кредитору было запрещено; прекращалось оно лишь смертью послѣдняго. Такимъ образомъ, поступленіе въ кабальные холопы, представляя съ внѣшней стороны обезпеченіе договора займа свободой должника, по существу своему, въ разсматриваемое время приняло видъ личнаго найма, такъ какъ прекращеніе этого договора не зависѣло уже, какъ прежде, отъ уплаты по займу.

Согласно съ постановленіями Судебника 1550 года и дополнительными указами какъ XVI, такъ начала XVII в., вступать въ услуженіе на правахъ кабальнаго холопа могли, по Уложенію 1649 г., лишь вольные люди (XX, 7), къ числу которыхъ принадлежали всѣ неслужившіе на государевой службѣ, нетянувшіе тягла, непринадлежавшіе къ частновладѣльческимъ крестьянамъ и холопамъ. Отсюда, служилые люди, „служилыхъ отцевъ“ дѣти, тяглые посадскіе, крестьяне, бобыли и холопы не могли давать на себя служилыхъ кабалъ (XX, 7). Вольные люди могли вступать въ кабальные холопы только по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста (XX, 20).

Возникало кабальное холопство по собственному желанію вольнаго человѣка, дававшаго на себя служилую кабалу, которую, по Судебнику, должны были скрѣплять бояре своею печатью, а дьяки подписью, по Уложенію же,—писать площадные подьячіе. При этомъ, Судебникъ запрещаетъ давать кабалы съ условіемъ служить за ростъ по суммѣ займа болѣе 15 рублей (78); Уложеніе значительно понижаетъ сумму займа по служилой кабалѣ предписывая площаднымъ подьячимъ писать служилыя кабалы на

одного человѣка только „*въ трехъ рубляхъ*, а больше и меньше не писати“ (XX, 19). Выдавать служилую кабалу можно было только на имя одного лица; кабала, взятая на одного холопа двумя лицами, освобождала послѣдняго отъ холопства (XX, 47). Служилая кабала являлась для записки въ Холопій Приказъ, если выдавалась на Москвѣ (XX, 78),—воеводамъ, приказнымъ людямъ и губнымъ старостамъ, если выдавалась въ городахъ, причемъ, кабальныя записныя книги изъ городовъ должны были ежегодно присылаться за подписью воеводъ, приказныхъ и губныхъ старостъ въ Москву въ Холопій Приказъ (XX, 72 и 73), такъ что всѣ дѣла о кабальномъ холопствѣ сосредоточивались въ этомъ послѣднемъ.

Иногда кабальное холопство возникало недобровольно, именно, когда вольные люди бьютъ челомъ кому въ холопство добровольно и, „бивъ челомъ, учнутъ жити у тѣхъ людей безкабально болѣе *трехъ мѣсяцевъ*, и на тѣхъ людей кабалы давати и по неволѣ, хотя они къ нимъ итти въ холопы и не похотятъ“ (XX, 16).

Если вольный человѣкъ былъ женатъ, то со вступленіемъ его въ кабальные холопы, жена, на основаніи общаго правила: „по холопѣ—раба“, становилась кабальной (XX, 31, 85). Что касается дѣтей, то рожденныя до вступленія въ кабальное холопство отца, записывались въ кабальные по его усмотрѣнію, причемъ, Уложеніе требуетъ только, чтобы совершеннолѣтнія, т. е. достигшія 15 лѣтъ дѣти, записывались въ кабалу въ ихъ присутствіи, недорослей же отецъ могъ писать и заочно (XX, 110); дѣти же, рожденныя отъ кабальнаго, считались сами кабальными (XX, 83).

Положеніе кабальныхъ отличалось отъ положенія полныхъ холоповъ. Кабальныхъ холоповъ нельзя было дарить, завѣщать (XX, 63), давать въ приданое, продавать, словомъ, *отчуждать*, въ виду того, что служилая кабала была отношеніемъ чисто личнымъ, не допускавшимъ отчужденія.

Прекращалось кабальное холопство съ кончиною того лица, которому холопъ служилъ по кабалѣ (XX, 63); это самый обыкновенный способъ. Кромѣ этого, Уложеніе указываетъ еще нѣсколько случаевъ изъ которыхъ одни зависятъ отъ воли господина, другіе предписаны закономъ.

Къ первымъ относятся: 1) прекращеніе кабальнаго холопства путемъ отпускной хозяина, выдававшейся послѣднимъ при жизни (XX, 11), и 2) прекращеніе холопства для кабальныхъ холоповъ сыновей господина на основаніи его духовной (XX, 106).

По предписанію закона кабальное холопство прекращалось въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) при измѣнѣ со стороны господина государю (XX, 33); 2) при возвращеніи холопа, взятаго въ плѣнъ (XX, 34); 3) при ссылкѣ хозяиномъ холопа со двора въ голодное время (XX, 41); 4) при отчужденіи кабальныхъ господиномъ въ качествѣ полныхъ холоповъ (XX, 61); 5) при принятіи православія некрещенымъ кабальнымъ, служившимъ также некрещеному (XX, 71).

Укрѣпленіе правъ на холоповъ; докладные холопы. Московское право вырабатываетъ точныя формы укрѣпленія правъ холоповъ. На практикѣ, съ развитіемъ грамотности, еще задолго до Судебника 1497 г. стали писать на продающихся въ холопство *полныя грамоты*. Если такія грамоты составлялись при участіи намѣстниковъ и дьяковъ, передъ которыми „ставили“ продающихся, то грамоты назывались „*докладными*“, такъ какъ предъявленіе властямъ продающихся въ холопство для удостовѣренія правильности сдѣлки называлось „*докладомъ*“. По имени двухъ видовъ грамотъ и холоповъ называли „*полными*“ и „*докладными*“. Съ другой стороны, когда въ XVII в. было регулировано закономъ *кабальное холопство*, указами 1586 и 1597 г. были установлены правила для составленія служилыхъ кабалъ. Въ Москвѣ ихъ писали съ доклада Приказу Холопьяго суда, а по городамъ — съ вѣдома приказныхъ людей. Такъ возникъ новый видъ служилыхъ кабалъ, получившихъ названіе, какъ и кабальные холопы, на которыхъ они были писаны, „*докладныхъ*“.

Изъ сказаннаго ясно, что выраженіе *докладной холопъ* примѣнялось въ эпоху Судебниковъ только къ полнымъ холопамъ, а съ 1586 стало примѣняться для обозначенія также и кабальныхъ холоповъ; слѣдовательно, *докладное холопство* не было *особымъ видомъ* рабства, а лишь *особымъ способомъ укрѣпленія* правъ на полныхъ и кабальныхъ, хотя памятники всегда упоминаютъ эти три термина: полные, кабальные и докладные холопы—рядомъ.

Кромѣ общихъ курсовъ, отдѣльныя сочиненія по исторіи служилыхъ людей: *Сергѣевичъ*—Юрид. Др. I. 331–521. *Ключевскій*—Боярская Дума. *Загоскинъ*.—Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія. *Рождественскій*.—Служилое землевладѣніе въ Московскомъ Государствѣ. *Яблочковъ*.—Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. *Павловъ-Сильванскій*. — Государевы служилые люди.

О посадскихъ людяхъ: *Плошинскій*.—Городское или среднее состояніе русскаго народа въ историческомъ развитіи отъ начала Руси до новѣйшихъ временъ. *Соловьевъ*.—Московскіе купцы. *Пригара*. — Опытъ истор. изслѣд. состоянія город. обывателей въ

восточной Россіи. *Чечулинъ.*—Города Москов. государ. въ XVI в. *Лаппо-Данилевскій.*—Организація прямого обложенія въ московс. госуд.

О крестьянахъ и холопахъ: *Чичеринъ.*—Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в. *Бѣляевъ.*—Крестьяне на Руси. *Энгельманъ.*—Исторія крѣпостного права въ Россіи. *Кизеветтеръ.*—Исторія крѣпостного права въ Россіи. *Ключевскій.* — Происхожденіе крѣпост. права въ Россіи. *Дьяконовъ.*—Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія. *Его же.*—Очерки изъ исторіи сельск. насел. въ Москов. государствѣ. *Милюковъ.* — Крестьяне (ст. въ Энц. слов. Брокгауза). *Дебольскій.*—Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ. *Павловъ-Сильванскій.*—Люди кабальные и докладные. *Рожковъ.*—Сельское хозяйство Мос. Руси въ XVI в. *Лаппо-Данилевскій.*—Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Мос. Госуд. XVI—XVII в. *Его же.*—Записная книга крѣпост. актамъ XVI—XVII в.

ГЛАВА II.

Управленіе.

Центральное управленіе.

Исторія развитія центральнаго управленія. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ, какъ мы видѣли, не существовало различія между центральными и мѣстными органами управленія. Въ московскомъ княжествѣ до половины XV в. сохраняется прежняя система управленія: князь управляетъ *лично* при помощи органовъ вотчиннаго, дворцоваго управленія: дворскаго, казначеевъ и дьяковъ, и только для дѣлъ судныхъ устанавливается въ самой Москвѣ должность *намѣстниковъ*, получившихъ названіе *третниковъ*, такъ какъ управленіе Москвою по духовной Калиты было предоставлено въ общее владѣніе трехъ его сыновей. Третникъ в. князя назывался „большимъ намѣстникомъ".

Время съ половины XV до пол. XVI ст. представляетъ переходную эпоху отъ *личнаго* управленія князя къ организаціи центральныхъ установленій. Постепенное объединеніе удѣловъ и самостоятельныхъ волостей московскимъ княжествомъ вызывало необходимость сильной *центральной власти*. Съ расширеніемъ территоріи, въ Москвѣ сосредоточивается масса дѣлъ, какъ по управленію, такъ и по суду. Осуществлять всѣ эти дѣла московскій князь лично не могъ. Поэтому, оставляя за собою только извѣстный кругъ дѣлъ, завѣдываніе всѣми другими дѣлами изъ центра, изъ Москвы онъ поручаетъ, или, какъ тогда говорилось

„*приказываетъ*“ довѣреннымъ лицамъ: боярамъ, окольничимъ и др. Развивается система личныхъ порученій, которая приводитъ къ образованію особыхъ центральныхъ установленій, именуемыхъ избами, дворами, палатами, четями, или четвертями, позднѣе— приказами.

Съ половины XVI вѣка до реформъ Петра слагается, развивается и падаетъ дѣятельность *приказовъ*, какъ органовъ центральнаго управленія. Личное порученіе, „приказъ“ могъ быть приведенъ въ исполненіе бояриномъ при несложности предмета порученія. Если послѣдній обнималъ многосложныя дѣла, исполненіе „приказа“ вызывало потребность въ помощникахъ, которые и прилавались довѣренному лицу для совѣта и письмоводства. Такъ, постепенно около довѣреннаго боярина слагается *установленіе*, состоящее изъ его товарищей и канцеляріи. Каждому такому установленію усвояется названіе „*приказа*“, но не въ смыслѣ *порученія*, а въ значеніи *установленія*. Хотя это слово въ памятникахъ встрѣчается впервые въ указанномъ значеніи въ началѣ XVII в., однако образованіе системы приказнаго управленія должно быть отнесено къ царствованію Грознаго, полное развитіе ко времени первыхъ Романовыхъ, а упрощеніе и упадокъ къ концу XVII вѣка.

Составъ, кругъ вѣдомства и степень власти приказовъ. Такъ какъ приказы возникали безъ всякаго общаго учрежденія, путемъ отдѣльныхъ порученій, то по составу, они не представляли никакого единообразія. Были приказы, въ составъ которыхъ входили бояринъ съ однимъ или нѣсколькими товарищами и канцелярія изъ дьяковъ, т. е. секретарей и подъячихъ; были и такіе, которые состояли изъ одного боярина съ дьякомъ; были, наконецъ и такіе, гдѣ находился одинъ дьякъ съ подъячими. Канцелярія дѣлилась иногда на столы, или „повытья“. Сверхъ того, при приказахъ находились пристава для исполненія разныхъ порученій, получившіе названіе „недѣльщиковъ“ такъ какъ они отправляли свои обязанности по недѣлямъ.

Хотя въ составъ нѣкоторыхъ приказовъ входили нѣсколько „судей“, какъ назывались, обыкновенно, члены приказовъ, однако приказное управленіе было не коллегіальнымъ, а *единоличнымъ*: всѣ дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію и рѣшенію приказа, рѣшались однимъ главнымъ „судьей“, а товарищи его пользовались лишь *совѣщательнымъ* голосомъ въ значеніи его помощниковъ.

Что касается *круга вѣдомства* приказовъ, то какъ установленія *административныя*, они вѣдали всѣ отрасли управленія; но такъ какъ въ первыя два періода нашей исторіи не были еще

раздѣлены функціи власти административной и судебной, то приказы были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и установленіями *судебными*. Отсюда почти каждый приказъ, *управляя* извѣстнымъ родомъ дѣлъ, въ то-же время производилъ судъ надъ подчиненными ему лицами и по дѣламъ, ему подвѣмственнымъ. Впрочемъ, были приказы, какъ увидимъ ниже, *исключительно судебные*. Предметы вѣдомства отдѣльныхъ приказовъ не были точно опредѣлены: нерѣдко *однородныя* дѣла, какъ, напр., судебныя, вѣдались въ *разныхъ приказахъ*, тогда какъ дѣла *разнородныя* подлежали вѣдѣнію *одного* приказа. Такая неопредѣленность и спутанность предметовъ вѣдомства приказовъ объясняется тѣмъ, что приказы слагались постепенно и ихъ компетенція обусловливалась не общими основаніями, а временнымъ удобствомъ.

Виды приказовъ. Въ половинѣ XVII вѣка, во время наибольшаго развитія системы приказного управленія, всѣхъ приказовъ, по вычисленію Котошихина, было 42. За исключеніемъ приказовъ *собственно судебныхъ*, всѣ остальные были административными (точнѣе — административно-судебными). Между ними и были подѣлены всѣ задачи управленія, причемъ одни изъ нихъ вѣдали *извѣстныя дѣла* на всемъ пространствѣ территоріи московскаго государства въ качествѣ *центральныхъ установленій*; другіе, управляли всѣми дѣлами только *опредѣленной области* государства; находясь въ Москвѣ, такіе приказы имѣли значеніе *областныхъ установленій*.

Центральные приказы вѣдали или дѣла *иноземныя*, или дѣла *внутреннія*.

Приказы вѣдавшіе дѣла внутренняго управленія могутъ быть раздѣлены на 4 группы: 1) придворные; 2) военные; 3) финансовые; 4) полицейскіе.

На основаніи сказаннаго можно составить нижеслѣдующую схему приказовъ:

А. Приказы административные:

I. Центральные:

1) *Приказы, вѣдавшіе дѣла иноземные*: Посольскій, Полоняничный и Панскій.

2) *Приказы, вѣдавшіе дѣла внутренняго управленія*:

а) *придворные*, которые можно въ свою очередь подраздѣлить на двѣ группы: *аа) приказы, состоявшіе при особѣ государя*; къ нимъ относятся Разрядный, Челобитенный и Тайный; *бб) приказы дворцовые:* приказы Большого Дворца, Конюшенный, Постельничный Казенный и др.;

б) *военные*: кромѣ указаннаго выше Разряднаго, Иноземный, Рейтарскій, Стрѣлецкій, Пушкарскій, Оружейный, Бронный;

в) *финансовые*: приказъ Большого Прихода, Большой Казны, Помѣстный, Печатный, Новая Четверть и Счетный;

г) *полицейскіе*: Житный, Ямской, два приказа Печатнаго дѣла, Каменный, Аптекарскій и Земскій.

II. Областные:

Къ этимъ приказамъ относятся: 1) Новгородская, или Нижегородская Четверть, оставшаяся самостоятельнымъ приказомъ до конца XVII в. 2) Устюжская, Галицкая и Владимірская четверти, въ половинѣ XVII в. подчиненныя Посольскому приказу: 3) Костромская четверть, подчиненная сперва Приказу Большого Дворца, а затѣмъ Стрѣлецкому; 4) приказы, возникавшіе по мѣрѣ присоединенія чужеземныхъ областей къ Москвѣ, а именно Приказы: Казанскаго Дворца, Смоленскій, Сибирскій, Литовскій, Лифляндскій и Малороссійскій.

Б. Приказы судебные:

Къ чисто судебнымъ приказамъ надо отнести: 1) нѣсколько *судныхъ приказовъ*. Въ XVI в. возникаетъ *Судный приказъ*; въ концѣ этого вѣка образуются особые судные приказы: *Рязанскій*, *Владимірскій* и *Димитровскій*; тогда вѣдомство упомянутаго Суднаго ограничивается Москвой и ея уѣздомъ и этотъ приказъ получаетъ названіе *Московскаго*. Черезъ столѣтіе Рязанскій и Димитровскій приказы исчезаютъ, а Владимірскій соединяется съ Московскимъ.

2) Разбойный, или Сыскной приказъ, вѣдавшій уголовный судъ.

3) Приказъ Холопьяго Суда.

Остановимся на обзорѣ предметовъ вѣдомства нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ изъ указанныхъ приказовъ въ порядкѣ схемы.

Предметы вѣдомства нѣкоторыхъ приказовъ.

1) *Посольскій приказъ* вѣдалъ сношенія съ иностранными государствами, почту, содержимую на откупу иностранцами, и неслужилыхъ иностранцевъ. Кромѣ того, въ его завѣдываніи было нѣсколько городовъ, доходы съ которыхъ шли на его содержаніе.

2) *Разрядный приказъ*, или просто *Разрядъ*, представлявшій до конца XVI вѣка всю канцелярію Государя и Боярской Думы, съ конца вѣка обратился въ одно изъ отдѣленій личной канцеляріи государя. Въ этомъ качествѣ на Разрядѣ лежала обязанность принимать, записывать въ особыя книги и объявлять государевы указы. Но кромѣ этой обязанности, въ Разрядѣ было

сосредоточено управленіе служилыми людьми, такъ что онъ являлся однимъ изъ военныхъ приказовъ. По военному управленію на немъ лежала обязанность производить сборы и смотры служилыхъ людей, составлять ихъ списки, разбирать мѣстническія дѣла, назначать на низшія должности и увольнять отъ нихъ, завѣдывать постройкою и содержаніемъ крѣпостей, управлять пограничными „украйными“ городами. Иногда Разрядный приказъ вѣдалъ дѣла, не стоявшія ни въ какой связи съ его главнымъ вѣдомствомъ; напр., надзоръ за продажею печенаго хлѣба на московскихъ рынкахъ.

Кромѣ того, Разрядъ вѣдалъ *судъ надъ своими подъячими*, что составляло его привилегію.

3) *Челобитный приказъ*, составляя второе отдѣленіе государевой канцеляріи, былъ предназначенъ для пріема и разбора челобитныхъ, подаваемыхъ на имя государя и объявленія рѣшеній по такимъ челобитнымъ. Кромѣ того, *суду* этого приказа подлежали всѣ *приказные служители* другихъ приказовъ, кромѣ подъячихъ Разряда.

4) *Тайный Приказъ* составлялъ секретное отдѣленіе государевой канцеляріи, гдѣ сосредоточивался надзоръ за дѣйствіями нашихъ пословъ и воеводъ, а также контроль приказной службы. Въ этомъ же приказѣ производились слѣдствія по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ, вѣдалось гранатное дѣло, царская лѣтняя потѣха (т. е. охота соколами и кречетами на птицъ и зайцевъ) и всякія дѣла, какія государю угодно было взять подъ свой непосредственный надзоръ.

5) *Приказъ Большого Дворца* вѣдалъ дѣла, составлявшія вѣдомство дворецкаго въ удѣльную эпоху. Здѣсь вѣдались судомъ и данью всѣ дворцовые города, волости и села. Къ этому приказу было приписано нѣсколько мелкихъ приказовъ, которые завѣдывали разными частями хозяйства, изготовляли и хранили съѣстные припасы для государева стола и для „подачи“ нѣкоторымъ служилымъ людямъ, получавшимъ кушанья съ царскаго стола. Къ такимъ приказамъ относились: *Житный дворъ*, хранившій и расходовавшій запасы зернового хлѣба; *Хлѣбный дворъ*, гдѣ пекли хлѣбы, калачи, пироги; *Кормовой дворъ*, приготовлявшій кушанья для царскаго стола и для „подачи“; *Сытенный, или Сытный дворъ*, гдѣ дѣлали всякаго рода напитки.

Къ этому главному вѣдомству Приказа Большого Дворца присоединялось побочное: до учрежденія въ 1649 г. Монастырскаго Приказа въ Большомъ Дворцѣ былъ сосредоточенъ высшій

гражданскій судъ надъ духовенствомъ до архимандритовъ и надъ всѣми церковными людьми.

6) *Приказъ Большой Казны* вѣдалъ государственные доходы и расходы вообще; 7) *Приказу Большаго Прихода* были подвѣдомственны сборы съ торговли, мѣръ и вѣсовъ въ Москвѣ съ ея уѣздомъ; 8) *Новая Четверть* вѣдала сперва питейные сборы, а впослѣдствіи дѣла по корчемству и недозволенной торговлѣ табакомъ.

9) *Помѣстный приказъ* вѣдалъ раздачею и переходомъ помѣстій и вотчинъ, и судомъ по земельнымъ тяжбамъ. Кромѣ того, Помѣстному приказу былъ порученъ судъ надъ духовенствомъ, начиная съ архимандритовъ, надъ служилыми людьми духовнаго вѣдомства и крестьянами духовныхъ вотчинъ, бывшихъ въ епархіи патріарха.

10) *Земскій приказъ* занималъ особое положеніе: онъ былъ не центральнымъ государственнымъ, а мѣстнымъ Московскимъ установленіемъ, такъ какъ онъ вѣдалъ только управленіе города Москвы и ея уѣзда. Его вѣдомство было очень обширно: ему принадлежали судъ гражданскій и уголовный и полиція, а именно: дѣла по предупрежденію и пресѣченію преступленій, по охраненію города отъ огня. Въ его вѣдѣніи состояли городскіе ярыжки (пожарные) и рѣшоточные сторожа. Онъ наблюдалъ за чистотою и порядкомъ на улицахъ, за народными развлеченіями, разрѣшалъ и запрещалъ игрища и т. п.

Неволинъ.—Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна IV до Петра В. *Димитріевъ.*—Исторія судебныхъ инстанцій. *Милюковъ.* — Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I. *Вернеръ.*—О времени и причинахъ образованія московскихъ приказовъ. *Шумаковъ.*—Къ исторіи московскихъ приказовъ. *Веселовскій.*—Приказный строй управленія московскаго государства.

Мѣстное управленіе.

Административное дѣленіе Московскаго государства. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ, какъ мы знаемъ (стр. 165), территорія Руси раздѣлялась на *городовыя области, или волости.* Дробленіе многихъ волостей въ силу образованія мѣстныхъ княжескихъ линій удѣльнаго порядка наслѣдованія князьями столовъ привело къ *удѣламъ.* Какъ волости, такъ и удѣлы состояли *изъ городовъ съ волостями, тянувшими къ нимъ.* Объединеніе Московскимъ княжествомъ земель и удѣловъ ставило *въ непосредственную* связь съ

Москвой, въ сущности, присоединенные города съ тянувшими къ нимъ волостями, получившими на Москвѣ названіе *уѣздовъ*. Такъ образовалась первая крупная единица административнаго дѣленія территоріи — *уѣздъ съ городомъ*, составлявшимъ его административный центръ, зависившій отъ Москвы. Слово *уѣздъ* означаетъ, по замѣчанію пр. Соловьева: „все, что приписано, примежевано къ извѣстному мѣсту, что къ нему *„уѣхано“*, или *„заѣхано“*. Въ этомъ смыслѣ всѣ окружающія городъ земли, приписанныя къ нему въ цѣляхъ судебныхъ и податныхъ, „тянувшія къ нему“, какъ тогда говорилось, „судомъ и данью“, составляли его *уѣздъ*, ставшій на мѣсто прежней волости, какъ части волости—княжества. Позднѣе уѣзды выдѣляются въ особыя административныя единицы, отличныя отъ городовъ, къ которымъ они были приписаны, что стояло въ зависимости отъ постепеннаго обособленія городскихъ посадскихъ людей, отъ „черныхъ волостныхъ“, или „уѣздныхъ“ людей.

Города подраздѣлялись на *сотни* и *слободы*, а уѣзды на *станы*, дѣлившіеся въ свою очередь на *волости*, которыя такимъ образомъ, получили значеніе, сохранившееся за ними до нашихъ дней.

Слово *станъ* (отъ глагола становиться, останавливаться) означало первоначально *мѣсто, гдѣ останавливались* тіуны и другія должностныя лица при объѣздѣ подвѣдомственныхъ имъ земель уѣзда; затѣмъ слово *станъ* стало употребляться для обозначенія совокупности волостей, на которыя простиралась власть даннаго должностного лица и которыя „потянули судомъ и данью“ къ этому стану, какъ мѣсту его стоянки.

Представленное дѣленіе было *общимъ* административнымъ дѣленіемъ территоріи московскаго государства. Кромѣ того, московское государство знаетъ еще *дѣленія спеціальныя:*

1) Рядомъ съ дѣленіемъ на уѣзды встрѣчаемся съ прежнимъ дѣленіемъ на земли и съ новымъ, установленнымъ для присоединенныхъ нерусскихъ областей—царствъ: земля Двинская, Новгородская, Вятская, Царство Казанское, Астраханское.

2) Нѣкоторыя изъ указанныхъ земель дѣлятся на *трети* и *четверти*, а землѣ Новгородской оставляется старое ея дѣленіе на *пятины*, подѣленныя, по московски, на *уѣзды*.

3) Для цѣлей военныхъ введено дѣленіе на *разряды*, представлявшіе собою *совокупность городовъ съ общимъ центромъ*, куда въ военное время собирались служилые люди даннаго разряда.

4) Для судебныхъ цѣлей, первоначально для преслѣдованія, главнымъ образомъ, разбойниковъ создается дѣленіе на *губы*

Губы сперва были частью волости, а затѣмъ совпали съ дѣленіемъ на города съ уѣздами.

Органы приказнаго управленія. Въ московскій періодъ послѣдовательно смѣнились двѣ системы *правительственнаго* управленія: система *намѣстническаго* и *волостельскаго* управленія, называемая *системой кормленія*, и система *приказно-воеводскаго* управленія.

1) *Намѣстники* и *волостели*. Съ XIV до половины XVI в. представителями мѣстнаго *правительственнаго*, или *приказнаго* управленія являлись въ городахъ—*намѣстники*, а въ волостяхъ—*волостели*. Помощниками тѣхъ и другихъ были *тіуны*, *праветчики* и *доводчики* изъ ихъ холоповъ.

Какъ намѣстники и волостели, такъ и ихъ люди, за управленіе получали содержаніе съ населенія натурою, что называлось *кормомъ*, а сами намѣстники и волостели *кормленщиками*. Размѣръ корма опредѣлялся сперва, какъ мы знаемъ, уставными грамотами (стр. 78), дававшимися отдѣльнымъ мѣстностямъ, а затѣмъ, какъ видно изъ Судебника 1550 г., вообще по книгамъ, которыя велись въ приказахъ. За отправленіе правосудія пошлины и пени шли также въ пользу областныхъ правителей.

Намѣстники и волостели были совершенно независимы другъ отъ друга; каждый изъ нихъ въ отдѣльности непосредственно подчинялся сперва князю, а со времени образованія приказовъ—этимъ послѣднимъ.

Намѣстниками *назначались*, или какъ тогда говорилось, „*жаловались* кормленіемъ“, большею частью, бояре, иногда дѣти боярскіе. Срокъ назначенія не опредѣлялся, но за исключеніемъ немногихъ случаевъ, назначеніе, по общему правилу, было *краткосрочнымъ*, не превышая *трехъ лѣтъ*.

Предметы вѣдомства намѣстниковъ и волостелей не во всемъ совпадали. Намѣстники, смѣнивъ посадниковъ, обладали такою же компетенціей, т.-е. были въ одно и то же время властью военною и гражданскою, являлись управителями и судьями. Подобно намѣстникамъ волостели также отправляли судебныя функціи, причемъ, компетенція ихъ распространялась, обыкновенно, и на дѣла о разбояхъ и „душегубствѣ“. Иногда они устранялись отъ суда по этимъ дѣламъ, передававшимся всецѣло намѣстникамъ, но и въ этомъ случаѣ они не подчинялись послѣднимъ, а только были ограничены въ объемѣ своей дѣятельности. Военное управленіе находилось исключительно въ рукахъ намѣстниковъ и волостели не имѣли къ нему никакого отношенія. Это объясняется тѣмъ, что въ то время только города, какъ укрѣпленныя мѣста, были центрами военнаго управленія, а такъ какъ городами управляли

намѣстники, то военная власть и сосредоточивалась въ ихъ рукахъ. Что касается судебныхъ функцій самихъ намѣстниковъ, то въ этомъ отношеніи Судебники различаютъ: *„намѣстниковъ съ боярскимъ судомъ“* и *„намѣстниковъ безъ боярскаго суда“*. Первые могли выдавать полныя, докладныя и отпускныя холопьи грамоты, т.-е. рѣшать дѣла, употребляя современную терминологію, въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства по вопросамъ объ укрѣпленіи правъ на холоповъ и ихъ освобожденіи, равно какъ и дѣла уголовныя, *„безъ доклада“ въ Московскіе приказы*; вторые должны были рѣшать указанныя дѣла не иначе, какъ *„съ доклада“ въ Москву*.

На судѣ намѣстниковъ и волостей присутствовали выборные отъ общества: *старосты* и *цѣловальники* (т.-е. лица, принимавшія передъ вступленіемъ въ должность присягу), а для письмоводства выбирались *земскіе дьяки* или *дьячки*. До времени Іоанна Грознаго на судѣ областныхъ судей присутствовали обыкновенно *„добрые люди“* въ видѣ понятыхъ для каждаго дѣла особо, съ Іоанна IV эти добрые люди превращаются въ „судныхъ мужей“, т.-е. постоянныхъ засѣдателей—присяжныхъ: это и есть *цѣловальники*.

При намѣстникѣ былъ дьякъ; но онъ не занимался письмоводствомъ на судѣ; для огражденія сторонъ отъ злоупотребленій со стороны судей, „судные списки“, т.-е. протоколы судоговоренія записывались *земскимъ дьякомъ*, а намѣстничій дьякъ писалъ только точные съ нихъ копіи, которыя отдавались на храненіе судьямъ мужамъ. Къ судному списку прикладывали руки дворскій, или староста и цѣловальники, а къ копіи намѣстники—свои печати. Введеніе земскаго элемента въ составъ мѣстнаго суда вызвано было стремленіемъ правительства обезпечить общество отъ произвола областныхъ правителей.

Власть намѣстниковъ и волостелей простиралась только на тяглыхъ, черныхъ людей. Населеніе частновладѣльческихъ, такъ называемыхъ „обѣленныхъ“ земель судилось, за исключеніемъ дѣлъ о душегубствѣ и разбоѣ, своими владѣльцами, которые въ свою очередь были подсудны непосредственно государю въ силу несудимыхъ и тарханныхъ грамотъ (стр. 81).

Воеводы. Въ началѣ XVII вѣка намѣстниковъ и волостелей замѣняютъ *воеводы*. Отличіе воеводъ отъ намѣстниковъ сводилось, главнымъ образомъ, къ тому, что послѣдніе были *кормленщиками*, получавшими кормъ и всѣ пошлины въ свою пользу, тогда какъ воеводы, ни корма, который de jure уничтожается, ни пошлинъ не получаютъ: доходы отъ суда идутъ въ казну. „Намѣстникъ“, по выраженію пр. Чичерина, *„правитъ на себя*, воевода—*на царя“*.

Такое положеніе областныхъ правителей отражается и на составѣ управленія: при намѣстникѣ помощниками состояли его холопы, челядь; при воеводѣ—должностныя лица, какъ и онъ самъ—должностное лицо.

Впрочемъ, кормъ отмѣненный de jure, долго еще живетъ de facto, такъ какъ добровольныя приношенія воеводамъ на практикѣ были въ употребленіи, о чемъ знало само правительство, и въ приказахъ была даже извѣстна степень доходности того или другого города; этимъ и объясняется отсутствіе жалованья за воеводство. Но какъ бы то ни было, въ идеѣ между этими двумя системами правительственнаго управленія проводится различіе; намѣстникъ—кормленщикъ, воевода—правитель; частно-правовой взглядъ на управленіе смѣняется взглядомъ публично-правовымъ. Этотъ взглядъ приводилъ и къ другому отличію воеводскаго управленія отъ намѣстничьяго. Намѣстники управляли *черными, тяглыми людьми*, съ которыхъ и взимали свои доходы; воеводы, какъ правители, управляли *всѣмъ населеніемъ* города съ его уѣздомъ и тѣмъ приводили всѣ классы областного общества въ большую связь съ центромъ, съ Москвой.

Составъ воеводскаго управленія различался по городамъ: въ большихъ—при воеводѣ были товарищи; въ малыхъ—по одному воеводѣ. Канцелярію составляли дьяки съ подъячими. Изъ всѣхъ этихъ лицъ составляется установленіе, называемое въ большихъ городахъ *приказною палатой*, а въ прочихъ—*съѣзжею* или *приказною избой*.

Воеводы *назначались* государемъ или по непосредственному усмотрѣнію послѣдняго, или по просьбѣ населенія, указывавшаго желательнаго кандидата. Срокъ „пожалованія“ воеводствомъ былъ очень кратковременнымъ:—годъ, два,

Кругъ вѣдомства воеводъ опредѣлялся *наказами*, которые давались имъ при отправленіи на мѣсто назначенія. По наказамъ воеводамъ предоставлялось:

1) производство ревизіи управленія предшественника;

2) завѣдываніе крѣпостями, гарнизонами, учетъ служилыхъ людей, посылка ежегодно въ Разрядный приказъ свѣдѣній о состояніи войскъ;

3) полиція благосостоянія и безопасности, какъ напр.; поимка бѣглыхъ, мѣры противъ пожаровъ, охраненіе общественной нравственности, преслѣдованіе раскола и суевѣрныхъ языческихъ обрядовъ и т. п.

4) Судъ по дѣламъ гражданскимъ въ малыхъ городахъ—до 20 р., а въ большихъ, гдѣ при воеводѣ были дьяки,—до 10000 р.,

но съ обязательствомъ въ искахъ на сумму отъ одной тысячи и и выше восходить на докладъ въ Московскіе приказы. Уголовная юрисдикція воеводъ была ограничена властью губныхъ старостъ.

Воеводы за свои дѣйствія подлежали *отвѣтственности*. Неправильность, допущенная въ ежегодныхъ отчетахъ приказу, неисполненіе государева указа и жалобы мѣстныхъ жителей на притѣсненіе служили поводомъ привлеченія воеводъ къ суду, по которому на нихъ возлагалась государемъ „опала“ и, сверхъ того, они обязаны были платить частное вознагражденіе потерпѣвшимъ отъ ихъ злоупотребленій.

Приказные люди. Около воеводъ состоялъ цѣлый рядъ подчиненныхъ имъ органовъ мѣстнаго *приказнаго* управленія. Таковы были: 1) разные начальники отдѣльныхъ частей войскъ: а) *осадные* головы, т.-е. начальники мѣстныхъ крѣпостей; б) *головы острожные*, завѣдывавшіе „острогами“, т.-е. внѣшними фортами крѣпостей; в) *засѣчные головы*, наблюдавшіе за сторожевыми постами и засѣками; г) *головы стрѣлецкіе, пушкарскіе, казачьи;* 2) разные полицейскія власти: а) *объѣзжіе головы*, т.-е. начальники полицейскихъ объѣздовъ, на обязанности которыхъ лежало. между прочимъ, для предупрежденія пожаровъ, опечатываніе печей въ домахъ весною и распечатываніе ихъ осенью; б) *рѣшоточные прикащики*, наблюдавшіе за уличными рѣшетками, запиравшимися на ночь и за стражей при нихъ; в) *головы житничные*, завѣдывавшіе народнымъ продовольствіемъ; г) *головы ямскіе*, слѣдившіе за состояніемъ „ямъ“, т.-е. почтовыхъ станцій.

Органы земскаго самоуправленія. Въ половинѣ XVI в. частью наряду съ органами мѣстнаго правительственнаго управленія, частью взамѣнъ ихъ, вводятся органы *выборные* отъ земщины.

Наряду съ намѣстниками и волостелями появляются въ 30-хъ годахъ XVI вѣка *губныя установленія;* взамѣнъ же областныхъ правителей съ 1556 г.—*установленія земскія.*

1) *Губныя установленія*, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ (стр. 79), учреждались правительствомъ по просьбѣ самого населенія, ходатайствовавшаго „промежъ себя лихихъ людей, разбойниковъ, обыскивать и казнить смертью“.

Въ *составъ* губныхъ установленій входили: 1) *губный голова*, или староста, избираемый изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ всѣмъ населеніемъ *губы*, какъ спеціальнаго округа; 2) *старосты, десятскіе и лучшіе люди, цѣловальники*, 3) *губный дьякъ*. Всѣ эти лица составляли *губную избу*.

Компетенція губныхъ установленій простиралась первоначально только на поимку разбойниковъ и судъ надъ ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они вѣдали и другія преступленія связанныя съ разбоемъ: убійство, поджоги съ цѣлью грабежа, пристанодержательство разбойниковъ, храненіе и сбытъ награбленнаго. Но съ XVII вѣка компетенція губныхъ установленій значительно расширяется: они вѣдаютъ, кромѣ дѣлъ разбойныхъ, дѣла о всякаго рода убійствѣ, поджогѣ, татьбѣ, насиліи надъ женщинами, совращеніи изъ православія и т. п.; на нихъ же возлагается завѣдываніе тюрьмами.

Отношеніе губныхъ установленій къ органамъ правительственнымъ и положеніе ихъ въ системѣ областного управленія мѣнялось съ измѣненіемъ первыхъ. При намѣстникахъ они ограничивали компетенцію послѣднихъ по дѣламъ уголовнымъ; сами же являлись установленіями исключительно судебными. При отмѣнѣ намѣстничьяго управленія, финансовыя и административныя функціи намѣстниковъ перешли къ губнымъ старостамъ. Съ введеніемъ воеводъ дѣятельность губныхъ установленій не прекращается; они только ставятся подъ контроль этихъ областныхъ правителей безъ права вмѣшательства со стороны послѣднихъ въ ихъ дѣятельность. Но съ теченіемъ времени воевода становится начальникомъ губныхъ установленій, а губные староста его помощниками. Вообще губный институтъ ко второй половинѣ XVII в. настолько проникается приказнымъ началомъ, что правительство считаетъ лишнимъ имѣть въ уѣздахъ одновременно обѣ системы управленія, а потому въ 1661 г. отмѣняетъ повсемѣстно воеводъ, поручивъ все управленіе губнымъ старостамъ, въ 1679 г. возвращается къ воеводскому управленію, отмѣнивъ совсѣмъ губныя установленія; но съ 1684 г. обѣ системы возстанавливаются на прежнихъ началахъ, что продолжается до реформъ Петра В., когда губныя установленія были упразднены.

2) *Земскія установленія.* Въ половинѣ XVI в. взамѣнъ намѣстниковъ и волостелей повсемѣстно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пограничныхъ, городовъ учреждаются органы земскаго самоуправленія. Сперва отдѣльными грамотами (стр. 80), а затѣмъ общимъ указомъ 1556 г. Іоаннъ Грозный предписываетъ взамѣнъ кормленщиковъ „во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити“. Власть органовъ земскаго самоуправленія простиралась, большею частью, на волость, хотя встрѣчаются земскія учрежденія, дѣйствующія въ предѣлахъ цѣлаго уѣзда. Мѣстности, получившія земскія установленія обязаны были, вмѣсто намѣстничьяго корма, уплачивать ежегодно опредѣленный оброкъ, доставлявшійся въ Москву.

Въ составъ земскихъ установленій входили: 1) *излюбленные головы, или старосты*, избираемые посадскими людьми и черными волостными крестьянами; 2) *лучшіе люди, цѣловальники*, именуемые также *земскими судьями, волостными судейками*; 3) *земскій дьякъ*. Всѣ эти лица вмѣстѣ составляли установленіе, называвшееся *земскою избою*. Кругъ лицъ, подвѣдомственныхъ органамъ земскаго самоуправленія, ограничивался только тяглыми людьми, какъ посадскими, такъ и крестьянами.

Предметы вѣдомства земскихъ установленій относились ко всѣмъ отраслямъ управленія: полиціи, финансамъ, суду.

Для осуществленія полицейскихъ функцій земскіе органы пользовались прежними выборными каждой общины: сотскими и пятидесятскими.

Въ финансовомъ отношеніи земскіе органы завѣдывали раскладкою и сборомъ податей, отправленіемъ со стороны населенія повинностей. При этомъ отвѣтственность за правильность сборовъ была возложена правительствомъ не только на выборныя власти, но и на самихъ избирателей.

Что касается суда, то по дѣламъ уголовнымъ земскимъ властямъ предоставлялось окончательное рѣшеніе дѣлъ, даже ведущихъ къ смертной казни, но только тамъ, гдѣ не было губныхъ учрежденій; тамъ же гдѣ имѣлись послѣднія, земскіе судьи или лишались права судить губныя дѣла, или принимали участіе въ судѣ губныхъ старостъ. Гражданскіе иски были подсудны земскимъ судьямъ и волостнымъ судейкамъ съ окончательнымъ рѣшеніемъ только въ дѣлахъ крестьянъ и посадскихъ между собою; тяжбы ихъ съ посторонними переносились въ Москву.

Въ XVII вѣкѣ, при воеводахъ, земскія установленія остаются; но полицейская дѣятельность ихъ подчиняется надзору воеводы, какъ начальнику полиціи. Что же касается финансовой и судебной ихъ функцій, то въ этомъ отношеніи они были свободны отъ контроля и вмѣшательства воеводъ, которымъ строго запрещалось „въ денежные ихъ сборы и въ мірскія дѣла вступати и воли у нихъ въ ихъ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ отъимати“.

Чичеринъ. — Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. М. 1856 г. *Градовскій.*—Исторія мѣстнаго управленія Спб. 1868 г. *Дьяконовъ.*—Дополнительныя свѣдѣнія о московскихъ реформахъ въ половинѣ XVI в. Ж. М. Н. Пр. 1892, 4. *Готье.*—Замосковный край М. 1906 г. *Богословскій.*—Земское самоуправленіе на рус. Сѣверѣ въ XVII в. М. 1909 г. *Его же.*—Кредитъ въ мелкомъ хозяйствѣ XVII в. (Сбор., посвящ. Ключевскому). *Кизеветтеръ.*—Мѣстное самоуправленіе въ Россіи въ IX—XIX ст. М. 1909 г.

ОТДѢЛЪ III.

Періодъ Императорскій.

ГЛАВА I.

Устройство.

Территорія.

Территорія русскаго государства въ періодъ Имперіи продолжаетъ расширяться на западъ, югъ и востокъ, достигая къ царствованію Имп. Александра III пространства, равнаго $^1/_6$ части земного шара. Изъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ за $2^1/_2$ вѣка, мы остановимся только на тѣхъ, которыя имѣютъ политическое и юридическое значеніе. Таковы: 1) пріобрѣтенія по Ништадскому миру 1721 г.; 2) три раздѣла Польши при Им. Екатеринѣ II; 3) присоединеніе Финляндіи; 4) присоединеніе герцогс. Варшавскаго.

Пріобрѣтенія по Ништадскому миру 1721 г. По Ништадскому миру, закончившему войну Петра I со Швеціей, Россія пріобрѣла Ингерманландію (Петербургскую губ.), часть Кареліи, Лифляндію, Эстляндію и часть Финляндіи (нынѣшнюю Выборгскую губернію). Эти пріобрѣтенія имѣли важное политическое значеніе для Россіи: она вышла изъ того изолированнаго положенія, въ которомъ находилась въ московскій періодъ по отношенію къ западно-европейскимъ государствамъ. Ставъ твердою ногою на Балтійскомъ морѣ, Россія получила возможность вліять на ходъ общеевропейскихъ дѣлъ. Сознавая огромную важность указанныхъ пріобрѣтеній, Петръ Великій пріобрѣтаетъ титулъ Императора, усвояя Московскому царству названіе Россійской Имперіи.

Раздѣлы Польши при Им. Екатеринѣ II. Не менѣе важный результатъ въ политическомъ отношеніи былъ достигнутъ Россіей тремя раздѣлами Польши: окончилась многовѣковая борьба Литвы съ Москвой, и обѣ половины Руси слились въ одно общерусское государство. Такъ первый раздѣлъ Польши 1772 г. отдалъ въ руки Россіи сѣверную и восточную часть Бѣлоруссіи (губ. Витебскую и Могилевскую); по второму раздѣлу 1793 г. къ Россіи отошла остальная часть Бѣлоруссіи (губ. Минская) и югозападный край (губ. Волынская и Подольская); послѣ третьяго раздѣла

въ 1795 г. была присоединена Литва (губ. Виленская, Ковенская и Гродненская). Такимъ образомъ, невозсоединенной осталась доставшаяся Австріи Червонная Русь, или Галиція, нынѣ оккупированная русскими войсками.

Присоединеніе Финляндіи. По Фридрихсгамскому мирному договору въ 1809 г. присоединена завоеванная силою русскаго оружія Финляндія, которой Им. Александръ далъ широкую автономію. Въ литературѣ государственнаго права существуетъ большое разногласіе по вопросу о юридическихъ основаніяхъ, на которыхъ состоялось присоединеніе Финляндіи къ Россіи. Одни, главнымъ образомъ, финляндскіе ученые и публицисты признаютъ Княжество состоящимъ *въ реальной уніи* съ Россіей, другіе, не только русскіе, но и западно-европейскіе государствовѣды считаютъ Финляндію *инкорпорированной*, на основѣ полнаго подчиненія, *провинціей* съ широкою автономіей.

Это мнѣніе должно быть признано единственно правильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Финляндія, до завоеванія Россіей, не была самостоятельнымъ государствомъ, *а шведскою провинціей*, отъ которой, по Фридрихсгамскому договору, шведскій король отказался „отнынѣ и навсегда“ въ пользу русскаго Императора, его преемниковъ и Русской Имперіи; въ силу этого въ 4-ой ст. договора установлено, „что губерніи сіи со всѣми жителями, а равно ихъ принадлежности, права и выгоды будутъ состоять *въ собственномъ и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и ей всегда принадлежать*“, иначе Финляндія поступала въ обладаніе Россіи, какъ провинція, т. е. присоединялась навсегда на началахъ *инкорпораціи*. 2) Этому положенію не противорѣчитъ манифестъ Им. Александра I, утверждавшій права и привилегіи финляндскихъ сословій и дававшій широкую автономію Финляндіи, такъ какъ законодательнымъ актомъ любой провинціи государства можетъ быть дана автономія, но такой актъ не будетъ имѣть значенія международнаго договора съ этою провинціей, а долженъ разсматриваться, какъ актъ государственнаго характера. И если Финляндія получила свой сеймъ, свой сенатъ, свое войско, свою монетную систему и таможенныя установленія, то, тѣмъ не менѣе она не переставала и не перестаетъ оставаться провинціей нераздѣльно связанной съ Россійской Имперіей.

Присоединеніе герцогства Варшавскаго. По постановленію Вѣнскаго конгресса 1815 г. герцогство Варшавское, подъ именемъ Царства Польскаго, было присоединено къ Россіи съ тѣмъ, что оно „будетъ всегда въ *неразрывной съ Россіей связи и во владѣніи* Его В. Импер. Всероссійскаго. Такимъ образомъ, и Польша при-

соединялась также на началахъ инкорпораціи и также, какъ Финляндія, получила автономію на основаніи особаго законодательнаго акта, извѣстнаго подъ именемъ „хартіи государственныхъ установленій“, дарованной 27 ноября 1815 г. Им. Александромъ I. По этому акту Царство Польское получало особаго намѣстника, свой сеймъ, состоявшій изъ сената и палаты депутатовъ, свой Государственный Совѣтъ изъ пяти министровъ подъ предсѣдательствомъ Намѣстника. Возстаніе 1830 г. повело къ отмѣнѣ „хартіи“ и умаленію автономіи; послѣ же возстанія 1863 г. послѣдняя была совершенно уничтожена.

Ф. деръ-Остенъ-Сакенъ. — Госуд.-правовое положеніе Финл. В. Княж. въ Р. Государ. *Бореніусъ.*—Сбор. актовъ В. К. Финл. *Латкинъ.*—Рецензія на Бореніуса. Ис. Вѣст. за 1890 г. № 9. *Еленевъ.*—Улож. о Финляндс. государс. *Латкинъ.*—Рецензія на Еленева. Ис. В. 1893, № 8. *Абовъ.*—Финляндія въ рус. государ. правѣ. *Коркуновъ.*—Финляндское В. Кн. *Берендтсъ.*—Къ вопросу о правовомъ положеніи Финляндіи.

Власть.

Законодательныя опредѣленія и теоретическое обоснованіе власти монарха. По существу верховная власть монарха въ періодъ Имперіи ничѣмъ не отличается отъ власти Московскихъ государей, въ особенности, эпохи первыхъ Романовыхъ. И если въ московское время мы не встрѣчаемъ законодательныхъ опредѣленій власти, то это объясняется исключительно не любовью законодателей къ общимъ отвлеченнымъ опредѣленіямъ, а не тѣмъ, что въ это время не сложилось опредѣленныхъ воззрѣній на существо верховной власти.

Впервые царская власть получила опредѣленіе въ законодательныхъ актахъ Петра Великаго, именно: въ *Воинскомъ уставѣ 1716 г.* и въ *Духовномъ регламентѣ 1721 г.*

Въ толкованіи на 20 артикулъ Воинскаго Устава Петръ В. даетъ слѣдующее опредѣленіе власти монарха: *Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять*“. Это обширное опредѣленіе заимствовано Петромъ В. почти буквально изъ шведскаго права, а именно, изъ рѣшеній риксдага 1693 г., гдѣ, между прочимъ, говорится: „король есть самодержавно всѣмъ повелѣвающій суверенный монархъ,

который ни передъ кѣмъ не отвѣтственъ за свои дѣйстія, но имѣетъ власть и силу по своему желанію и, какъ христіанскій король, царствовать и править своимъ государствомъ [1]). Короче, но категоричнѣе опредѣляется власть въ Духовномъ регламентѣ, который гласитъ: „*монарховъ власть есть самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ*“. Это послѣднее опредѣленіе, при кодификаціи нашего законодательства во времена Николая I, перешло съ нѣкоторыми дополненіями въ Основные Законы, (Т. I. Св. Зак. 1832 г.), первая ст. которыхъ опредѣляла: „Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться его верховной власти не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ“.

Но Петръ В. не удовольствовался законодательнымъ опредѣленіемъ власти; онъ желалъ дать теоретическое обоснованіе этому опредѣленію, что и было выполнено въ научно-философскомъ трактатѣ, написанномъ по порученію Петра Ѳеофаномъ Прокоповичемъ подъ заглавіемъ: „*Правда воли монаршей въ опредѣленіи наслѣдника державы своей*“, и опубликованномъ въ 1722 г.

Основная цѣль „Правды“ оправдать порядокъ престолонаслѣдія, учрежденный *уставомъ о наслѣдіи престола 5 февр. 1722 г.* Но попутно Ѳеофанъ Прокоповичъ останавливается на обоснованіи неограниченности монархической власти вообще.

Авторъ „Правды“ въ теоретическихъ своихъ построеніяхъ пользуется, съ одной стороны, ученіями представителей господствовавшей въ XVII и XVIII ст. въ западной Европѣ *школы естественнаго права* въ лицѣ Гуго Гроція, Гоббса и Пуффендорфа, съ другой же,—положеніями Св. Писанія. Авторъ „Правды“, воспринявъ развитую указанными мыслителями теорію договорнаго происхожденія монархической власти, полагаетъ что русскіе подданные заключили между собою договоръ, въ силу котораго „единожды воли своея совлекшися“ за себя и своихъ потомковъ, отдали себя подъ власть государя и его наслѣдниковъ на вѣчныя времена; но съ другой стороны, авторъ „Правды“, опираясь на Св. Писаніе, признаетъ и богоустановленность власти, заявляя, что „всякій государь, наслѣдіемъ или избраніемъ скипетръ получившій, отъ Бога оный пріемлетъ, Богомъ бо цари царствуютъ....., владѣетъ Вышній царствомъ человѣчьимъ и ему - же восхощетъ, дастъ его“.

Эти, повидимому, взаимно исключающія теоріи о договорномъ происхожденіи власти и объ ея богоустановленности авторъ

---

[1]) *Милюковъ.*—Государс. хозяйство въ Россіи и реформа Петра В.

старается согласовать, устанавливая положеніе, по которому „*народное согласіе* всегда и вездѣ есть слѣдствіе *премудродѣйствующаго усмотрѣнія Божія*“. Въ какой бы формѣ правительства не проявлялась *воля народная*, она всегда, „*Божіимъ мановеніемъ движима*, дѣйствуетъ, понеже ясно учитъ Св. Писаніе, что нѣсть власть, аще не отъ Бога“. Отсюда вся „долженства (обязанности) подданныхъ къ государю и государя къ добру общему зависятъ не отъ воли народной, а отъ воли Божьей“.

Законодательное опредѣленіе власти и теоретическое ея обоснованіе получили полное подтвержденіе на практикѣ: власть монарха въ рукахъ Петра Великаго проявляла на дѣлѣ всю полноту истиннаго самодержавія.

Попытки ограниченія самодержавія. При Петрѣ Вел., во всемъ проявлявшемъ свою личность и иниціативу, не могло возникнуть никакихъ попытокъ къ ограниченію самодержавія, не смотря на затаенное недовольство поборниковъ старинныхъ московскихъ традицій, помнившихъ свое прежнее правящее значеніе въ государствѣ. Но со смертью великаго преобразователя, представители стараго родовитаго боярства дѣлаютъ первую попытку при Им. Екатеринѣ I ограничить власть Государыни. Вскорѣ послѣ избранія Им. Екатерины I около нея становится Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденіе котораго, по мнѣнію дипломатическихъ представителей, акредитованныхъ при русскомъ Дворѣ, являлось первымъ шагомъ къ перемѣнѣ формы правленія. Представляя собою de jure установленіе съ совѣщательными функціями, de facto Совѣтъ пріобрѣтаетъ громадное вліяніе на всѣ отрасли управленія, какъ въ царствованіе самой Екатерины, такъ, въ особенности, при малолѣтнемъ Петрѣ II, когда Совѣтъ въ силу „Тестамента“ Екатерины, въ качествѣ регента, обладалъ „полною властью правительствующаго самодержавнаго государя“. Привыкнувъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ къ безконтрольному управленію государствомъ, члены Совѣта, или верховники, какъ ихъ тогда называли, послѣ смерти Петра II, открыто поставили вопросъ о необходимости, „себѣ полегчить“, „себѣ воли прибавить“, чтобы не быть самодержавству“. Съ этою цѣлью верховники избрали на престолъ герцогиню курляндскую, дочь царя Ивана Алексѣевича, Анну Ивановну, которая вынуждена была принять и подписать въ Митавѣ, до пріѣзда въ Москву, предложенныя ей верховниками кондиціи. Пункты кондицій ограничивали власть государыни исключительно въ пользу Совѣта. Безъ его согласія государыня не имѣла права объявлять войны, заключать мира, устанавливать новыя налоги и производить расходы. Она не могла своею властью

никого производить въ чины выше полковника, жаловать придворныя званія, вотчины, деревни, отнимать безъ суда у дворянъ жизнь, имущество и честь. Принимая участіе во всѣхъ отрасляхъ управленія, императрица совершенно устранялась отъ управленія арміей, начальство надъ которой всецѣло отходило къ Совѣту. Кромѣ того, государыня обязывалась: содержать и распространять православіе и въ супружество во всю жизнь не вступать.

Замыселъ верховниковъ ограничить власть, какъ извѣстно, потерпѣлъ неудачу. Какъ народъ, такъ въ особенности шляхетство были недовольны олигархическими притязаніями верховниковъ, а потому послѣдніе не встрѣтили поддержки, и Анна Ивановна, при вступленіи своемъ въ Москву, уничтожила ограничительные пункты и провозгласила себя самодержавной императрицей.

Съ тѣхъ поръ въ XVIII ст. попытокъ ограничить власть государя болѣе не встрѣчаемъ. Тѣмъ не менѣе, мысль о желательности участія въ управленіи общества не теряется и, начиная съ царствованія Анны Іоанновны, время отъ времени появляются планы реорганизаціи государственнаго устройства на началахъ представительства.

Проекты государственнаго устройства на началахъ представительства появляются при Аннѣ Ивановнѣ, Екатеринѣ II и Александрѣ I. Нѣкоторые изъ этихъ проектовъ стремились привлечь къ участію въ управленіи государствомъ исключительно *представителей отъ дворянъ*. Таковы: „Генеральный проектъ“ знаменитаго кабинетъ-министра *Волынскаго;* „Законъ государственнаго устройства“ *Татищева;* „Уставъ верховному правительству“ *Панина;* „Путешествіе въ землю Офирскую“ *Щербатова.* Другіе же проекты предлагали коренныя преобразованія государственнаго устройства на *началѣ народнаго представительства.* Таковы: „Проектъ объ учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской Имперіи“ *проф. Десницкаго;* „Планъ всеобщаго государственнаго образованія“ (или „проектъ уложенія государственныхъ законовъ“) *Сперанскаго;* „Государственная уставная грамота“ *Новосильцева;* „Проектъ конституціи „декабриста *Никиты Муравьева* и „Русская правда; Наказъ Временному Верховному правленію“ декабриста *Пестеля**).

Изъ всѣхъ перечисленныхъ проектовъ мы остановимся на „*Планѣ всеобщаго государственнаго образованія*“ Сперанскаго, частью

---

*) Подробности см. въ Учебникѣ ист. рус. права, пр. Филиппова; изд. 1914 г. стр. 617—626.

потому, что высказанныя въ немъ мысли принадлежатъ не только Сперанскому, но и самому Им. Александру, мечтавшему въ первую половину своего царствованія ввести конституціонное устройство, частью потому, что изъ всѣхъ проектовъ только „Планъ“ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ осуществился, какъ увидимъ ниже, на практикѣ.

„Планъ всеобщаго государственнаго образованія“, по признанію Сперанскаго, былъ написанъ „послѣ тѣснаго его знакомства съ образомъ мыслей государя“ и являлся „систематическимъ расположеніемъ идей, занимавшихъ государя съ 1801 г.“. Въ основу „Плана“ положена теорія Монтескье о раздѣленіи властей. „Три силы“, говоритъ Сперанскій, „движутъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, исполнительная и судная; начало и источникъ ихъ въ народѣ“.

Законодательная власть принадлежитъ Государю и Государственной Думѣ. Государь обладаетъ правомъ иниціативы и санкціи законовъ; Дума ихъ обсуждаетъ.

Организація Госуд. Думы довольно сложна. Въ каждой волости учреждается *волостная дума*, созываемая разъ въ три года и состоящая изъ представителей, избираемыхъ владѣльцами недвижимыхъ имуществъ и выборныхъ старшинъ, посылаемыхъ по одному отъ пятисотъ казенныхъ крестьянъ. Функціи волостной думы сводятся къ избранію членовъ окружной думы и волостного правленія, въ провѣркѣ финансовыхъ операцій послѣдняго и въ представленіи окружной думѣ объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ.

Второю ступенью представительства является *окружная* (*уѣздная*, *дума*) состоящая изъ депутатовъ отъ волостныхъ думъ. Она избираетъ изъ своей среды депутатовъ въ губернскую думу, членовъ окружнаго суда и окружнаго совѣта, разсматриваетъ финансовые отчеты окружного начальства и дѣлаетъ представленія губернской думѣ объ общественныхъ нуждахъ.

Слѣдующею ступенью представительства является *губернская дума*, состоящая изъ депутатовъ отъ окружныхъ думъ. Она избираетъ изъ своей среды депутатовъ въ Государ. Думу и членовъ губернскаго суда и губернскаго совѣта, разсматриваетъ финансовые отчеты губернскаго начальства и дѣлаетъ представленія Государствен. Думѣ объ общегубернскихъ нуждахъ.

Во главѣ государства стоитъ *Государственная дума*, собирающаяся ежегодно въ сентябрѣ въ силу закона; продолжительность сессіи зависитъ отъ количества дѣлъ. Функціи Думы состоятъ въ

обсужденіи законовъ, почему ни одинъ законопроектъ не можетъ получить силы безъ ея участія.

Исполнительная власть, сосредоточиваясь въ рукахъ Государя, осуществляется Государственнымъ Совѣтомъ и Министрами, отвѣтственными передъ Думой, которая имѣетъ право контроля надъ ними и можетъ предавать ихъ суду за незакономѣрность ихъ дѣйствій. Мѣстные органы администраціи въ лицѣ начальниковъ губерній, уѣздовъ и волостей также ограничены совѣщательными установленіями, построенными на представительномъ началѣ (губернскими и окружными совѣтами и волостными правленіями).

Судебная власть осуществляется мѣстными судами: окружнымъ, губернскимъ и Сенатомъ, какъ верховнымъ судилищемъ, состоящимъ изъ сенаторовъ, избираемыхъ Госуд. Думой.

Проектъ былъ одобренъ Им. Александромъ, но вслѣдствіе измѣненія воззрѣній Императора и паденія Сперанскаго не получилъ санкціи. Изъ всего проекта осуществились съ нѣкоторыми измѣненіями учрежденіе Государс. Совѣта въ 1810 г. и реорганизація перваго учрежденія Министерствъ въ 1811 г.

„Итоги XVIII вѣка въ Россіи. Введеніе въ Рус. исторію XIX в. М. 1910 г.“. *Корсаковъ*.—Воцареніе Импер. Анны, 1880 г. *Загоскинъ*.—Верховники и шляхество 1730 г. Каз. 1881 г. *Филипповъ*.—Исторія Сената въ пр. Верх. Т. Совѣта и Кабинета. Ч. I Сенатъ въ прав. В. Т. Сов. Юрьев. 1895 г. *Его же*.—Къ вопросу о Верхов. Т. Совѣтѣ. *Милюковъ*.—„Верховники и шляхетство“. Изъ истор. русск. интеллигенціи. 1902 г. *Щегловъ*.—Госуд. Сов. въ Россіи. 1892 и 1895 гг. *Семевскій*.—„Изъ исторіи обществен. теченій въ XVIII в. Ист. Обоз. 1897 т. *Якушкинъ*.—Госуд. власть и проекты госуд. реформы въ Россіи Спб. 1906 г. *Сыромятниковъ*.—Политич. доктрина наказа Пестеля. Сбор., посвящ. Ключевскому М. 1909 г. ч. II.

Преемство престола. Въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемся со всѣми извѣстными намъ видами преемства престола, изъ которыхъ ни одинъ не является преобладающимъ вплоть до конца этого вѣка, когда рѣшительный перевѣсъ получаетъ наслѣдованіе по закону.

Уставъ о престолонаслѣдіи 5 февраля 1722 года. Первымъ законодательнымъ актомъ, посвященнымъ вопросу о преемствѣ престола въ Россіи, является уставъ о престолонаслѣдіи, изданный Петромъ Великимъ 5 февраля 1722 года.

Устранивъ въ 1718 г. своего сына Алексѣя отъ престола, Петръ въ упомянутомъ уставѣ отвергъ „*старый обычай, что большему сыну наслѣдство давали* и установилъ: „*дабы сіе было всегда*

въ волѣ Правительствующаго Государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ"... (П. С. З. № 3893).

Изъ приведенныхъ словъ видно, что Петръ Вел, въ вопросѣ о престолонаслѣдіи изъ двухъ порядковъ преемства—наслѣдованія по праву первородства и по завѣщанію,—сложившихся еще въ московскій періодъ нашей исторіи и дѣйствовавшихъ, какъ мы видѣли, въ совокупности и одновременно, рѣшилъ предпочесть послѣдній. Ближайшимъ практическимъ поводомъ къ такому рѣшенію было поведеніе его сына, царевича Алексѣя Петровича.

Относя образъ дѣйствій царевича, не желавшаго смотрѣть „ни на какое отеческое наказаніе", на счетъ сознанія имъ своихъ правъ, какъ законнаго и, притомъ, *единственнаго* въ то время наслѣдника, Петръ пришелъ къ заключенію, что наслѣдованіе по праву первородства неудобно по соображеніямъ государственной пользы, и отвергъ его какъ „обычай недобрый". Не излагая этихъ соображеній въ уставѣ, онъ поручилъ изложить ихъ псковскому архіепископу Ѳеофану Прокоповичу, что тотъ и исполнилъ въ упомянутомъ выше философскомъ трактатѣ подъ заглавіемъ: „Правда воли монаршей въ опредѣленіи наслѣдника державы своей". Здѣсь представлены двоякаго рода доводы, имѣющіе цѣлью доказать справедливость завѣщательной системы престолонаслѣдія. Одни изъ этихъ доводовъ вытекаютъ изъ разсужденія о родительской власти вообще, другіе—изъ разсужденія о власти родителей-государей въ частности.

1) Объясняя отношенія между родителями и дѣтьми, авторъ „Правды" исходитъ изъ той идеи, что отношенія эти строятся на естественномъ между ними договорѣ, по которому отецъ назначаетъ сына наслѣдникомъ потому, что сынъ ему покоренъ и впредь будетъ хорошъ. „Правда" доказываетъ это и библейскою исторіей, и римскимъ правомъ.

2) Разсуждая, далѣе, о власти родителей-государей завѣщать престолъ, авторъ взвѣшиваетъ достоинство двухъ видовъ престолонаслѣдія—избирательнаго и наслѣдственнаго; онъ считаетъ оба вида неудобными съ точки зрѣнія государственной пользы, но находитъ возможнымъ устранить неудобства наслѣдственной монархіи тѣмъ, что наслѣдованіе должно быть сдѣлано не безусловнымъ, что государю должно быть предоставлено право назначать себѣ преемника.

Въ заключеніе „Правда" разрѣшаетъ тотъ случай, когда государь не оставилъ завѣщанія. Кто долженъ быть тогда госуда-

ремъ? Долженъ быть, отвѣчаетъ „Правда“, тотъ изъ сыновей умершаго государя, который былъ къ нему наиболѣе близокъ и былъ имъ наиболѣе любимъ. Въ этомъ случаѣ народъ, хотя и избираетъ государя, но избираетъ его не совершенно свободно: онъ долженъ руководствоваться симпатіями и антипатіями умершаго къ сыновьямъ, не обращая вниманія на то, хорошій или дурной сынъ былъ любимцемъ отца. Если же нельзя опредѣлить, кого изъ сыновей больше любилъ государь, то долженъ быть избранъ наиболѣе подобный отцу по характеру и направленію мыслей. Если умершій оставилъ одного только сына, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ остановиться на его избраніи, такъ какъ имперія наслѣдственная. *Такихъ же правилъ должно придерживаться и тогда, когда послѣ умершаго безъ завѣщанія государя останутся только дочери* (П. С. З. № 4870).

Избраніе Екатерины I. Издавъ разсмотрѣнный законъ, Петръ не примѣнилъ его на практикѣ: онъ умеръ, не назначивъ себѣ наслѣдника. Кого же нужно было выбрать на престолъ? По смыслу словъ „Правды воли монаршей“ на престолъ должна была вступить одна изъ дочерей Петра, не оставившаго сыновей. Но придворная партія во главѣ съ Меньшиковымъ нашла болѣе удобнымъ, конечно, въ своихъ личныхъ интересахъ, возвести на престолъ Екатерину I. Слѣдовательно, постановленія устава о престолонаслѣдіи были обойдены, хотя въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Императрицы и утверждалось, что она избрана по силѣ указа 5 февраля 1722 года, такъ какъ въ 1724 г. Петръ удостоилъ ее коронованіемъ, а въ этомъ будто бы и выразилась воля Государя на назначеніе ее своей преемницей. Но коронація эта не могла сообщить Екатеринѣ правъ на власть, она сообщала ей, подобно коронаціямъ государынь въ западно-европейскихъ государствахъ, по обычаямъ которыхъ и совершена была Петромъ, только права на почетъ супруга.

Тестаментъ 7-го мая 1727 года. Законъ Петра, не примѣненный имъ самимъ и нарушенный вступленіемъ на престолъ Екатерины, былъ существенно измѣненъ ея тестаментомъ, вскрытымъ 7-го мая 1727 года. Содержаніе этого важнаго акта, состоящаго изъ 16 пунктовъ, разнообразно. Постановленія, касающіяся разсматриваемаго нами вопроса, выражены слѣдующимъ образомъ:

1) „Хотя по материнской любви нашей, дочери наши, Герцогиня Гольштинская, Анна Петровна, и Цесаревна Елисавета Петровна могли бы быть преимущественно назначены нашими преемницами, но принимая въ уваженіе, что лицу мужского пола удобнѣе перенесть тягость управленія столь обширнымъ государ-

ствомъ, *мы назначаемъ себѣ преемникомъ Вел. Кн. Петра Алексѣевича*; царствовать ему съ такою же властью, какая намъ присвоена.

2) Ежели Вел. Кн. скончается безъ наслѣдниковъ, то послѣ него вступаетъ на престолъ Герц. Гольшт. *Анна Петровна*, потомъ Цесар. *Елизавета Петровна* и, наконецъ, В. Кн. *Наталія Алексѣевна* (сестра Петра II) *съ ихъ потомствами*, такъ однако, чтобы *мужеское колѣно имѣло преимущество предъ женскимъ*; если же не останется никого изъ потомковъ фамиліи нашей, то наслѣдовать престолъ долженъ ближайшій и старѣйшій родственникъ нынѣ царствующей въ Россіи фамиліи мужескаго пола (разумѣется линія Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго); *но ни одна изъ царствующихъ уже гдѣ-либо особъ или неисповѣдующихъ Грекороссійскаго Закона не можетъ быть на престолѣ россійскомъ*".

Въ концѣ акта постановлено: „все сіе имѣетъ тотчасъ по смерти нашей публиковано, присягою утверждено и твердо содержано быть, а кто тому противенъ будетъ, яко измѣнникъ наказанъ быть имѣетъ" (П. С. № 5070).

Тестаментомъ этимъ законъ Петра впервые получалъ осуществленіе: наслѣдникъ былъ назначенъ волею царствующей Императрицы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дѣйствительности, онъ совершенно отмѣнялся, такъ какъ тестаментъ допускаетъ субституцію. Являясь съ точки зрѣнія Екатерины завѣщаніемъ, актъ этотъ для преемниковъ становился закономъ, въ которомъ разъ навсегда устанавливался опредѣленный порядокъ преемства не только въ предѣлахъ семьи Петра Великаго, но даже во всей династіи, чѣмъ, конечно, волѣ послѣдующихъ государей не оставлялось никакого простора. Мало того, здѣсь провозглашался принципъ предпочтенія мужского пола предъ женскимъ и вводились важныя условія, препятствовавшія вступленію на русскій престолъ, именно: иностранное вѣроисповѣданіе и царствованіе на другомъ престолѣ. Все это впослѣдствіи вошло съ нѣкоторыми измѣненіями въ законъ Императора Павла I 1797 года.

Тестаментъ 1727 года представляетъ собою, такимъ образомъ, первую попытку формулировать законодательнымъ путемъ порядокъ *преемства престола по закону* и, тѣмъ, положить предѣлъ шаткости вопроса о престолонаслѣдіи. Но ему, какъ и уставу Петра Великаго, не суждено было осуществиться вполнѣ, ибо Петру II наслѣдовала не Елизавета Петровна, единственная тогда наслѣдница по Тестаменту, а Герцогиня Курляндская Анна Іоанновна, и престолъ, слѣдовательно, былъ отнятъ у рода Петра Великаго.

Избраніе Анны Іоанновны. Анна Іоанновна была избрана на царство, какъ мы видѣли, всемогущимъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, учрежденнымъ еще Имп. Екатериной I въ 1726 году. Члены этого Совѣта, такъ называемые верховники, возымѣли мысль избрать новую Государыню съ тѣмъ, чтобы ограничить въ свою пользу самодержавіе и тѣмъ de jure править государствомъ также безконтрольно, какъ правили они имъ de facto въ предшествующія два царствованія. Съ этою цѣлью они, не боясь „яко измѣнники наказаны быть", обошли законъ Екатерины и обратились къ боковой линіи царствующей династіи, къ линіи Царя Іоанна Алексѣевича, причемъ, избрали на престолъ не старшую дочь послѣдняго, Екатерину Мекленбургскую, супругъ которой могъ вмѣшаться въ дѣла государственныя и помѣшать ихъ планамъ, а младшую—Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, какъ личность наиболѣе подходящую, по ихъ мнѣнію, для осуществленія ихъ олигархическихъ притязаній.

Уставъ о регентствѣ 16-го октября 1740 года. Новая Императрица поспѣшила подтвердить силу указа 1722 года, но съ тѣмъ, чтобы въ своемъ уставѣ о регентствѣ его нарушить. Въ самомъ дѣлѣ, по происками Бирона Анна Іоанновна манифестомъ 5-го октября 1740 года назначила наслѣдникомъ престола двоюроднаго внука отъ брака родной племянницы своей Анны Леопольдовны съ Герцогомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ, малолѣтняго Іоанна III Антоновича, и тѣмъ осуществила указъ Петра о престолонаслѣдіи, но 16 октября уставомъ о регентствѣ существенно измѣнила послѣдній, допустивъ, подобно Екатеринѣ I, субституцію. Такъ, уставъ этотъ, между прочимъ, узаконяетъ „въ случаѣ, если Іоаннъ Антоновичъ скончастся до совершеннолѣтія и послѣ него не будетъ законныхъ наслѣдниковъ, преемниками его должны быть родные его братья, рожденные отъ Принцессы Анны... Но если случится, что и братья Іоанна Антоновича скончаются, не оставя по себѣ законныхъ наслѣдниковъ, то для постояннаго блага Россійской Имперіи регентъ съ первѣйшими сановниками государства долженъ избрать наслѣдника престола".

Уставъ представляетъ собою, такимъ образомъ, вторичную попытку ввести преемство престола по закону. Мотивомъ изданія этого закона было, наряду съ желаніемъ Бирона захватить власть въ качествѣ регента въ свои руки, желаніе самой Императрицы упрочить русскій престолъ за членами новой, призванной случайно линіи Царя Іоанна Алексѣевича.

Вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны. По смерти Анны Іоанновны, въ силу устава о регентствѣ воцарился Іоаннъ

Антоновичъ, но царствованіе его было кратковременнымъ—13 съ небольшимъ мѣсяцевъ. Однако и въ это краткое время произошли 2 переворота: 9 ноября 1740 года былъ свергнутъ и сосланъ регентъ Бирономъ и регентство перешло въ руки матери малолѣтняго Императора, а въ ночь на 25-е ноября 1741 года, по повелѣнію второй дочери Петра Великаго, Елизаветы Петровны, дѣйствовавшей, главнымъ образомъ, при помощи лейбъ-гвардейскихъ полковъ, Анна Леопольдовна вмѣстѣ съ малюткой—Императоромъ была арестована и на другой день манифестъ о восшествіи на престолъ Импер. Елизаветы уже читался народу. Въ немъ указывалось, что Императрица вступила на престолъ *„по законному праву, по близости крови къ ея родителямъ: Гос. Имп. Петру Великому и Гос. Имп. Екатеринѣ Алексѣевнѣ“*.

28-го ноября былъ опубликованъ второй манифестъ, въ которомъ прежде всего объясняется, что, по тестаменту Екатерины I, единственною законною наслѣдницею престола по смерти Петра II была Елизавета, такъ какъ Анна Петровна скончалась ранѣе Императора, а сынъ ея не былъ православнаго исповѣданія и, слѣдовательно, не могъ въ силу этого же тестамента, вступить на престолъ. Такимъ образомъ, съ юридической точки зрѣнія воцареніе Елизаветы не представляетъ собою узурпаціи: ея права на престолъ были несомнѣнны на основаніи закона 1727 года, который вслѣдствіе движенія верховниковъ и „недоброжелательными и коварными происками“, какъ говорится въ манифестѣ, Остермана, скрывшаго по смерти Петра духовную Екатерины, не былъ приведенъ въ исполненіе (П. С. З. № 8476).

Вступленіе на престолъ Петра III. Импер. Елизавета Петровна въ 1742 г. издала манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола племянника ея Петра, Герцога Гольштинскаго, *„яко по крови къ намъ ближайшаго“*. При этомъ объявлено, что наслѣдникъ принялъ „благочестивую вѣру греческаго исповѣданія“.

Этимъ манифестомъ признавалось, такимъ образомъ, одновременное дѣйствіе обоихъ началъ—наслѣдованія престола по кровной близости и по волѣ правящаго государя, и, слѣдовательно, старинный порядокъ преемства, сложившійся въ московскій періодъ, готовъ былъ возстановиться.

Царствованіе Петра было очень кратковременно: онъ былъ низвергнутъ, какъ извѣстно, своею супругою Екатериною, которая и вступила на престолъ 28-го іюня 1762 года. По формѣ новаго клятвеннаго обѣщанія подданные присягали ей „и сыну ея, Великому Князю Павлу Петровичу, *законному* всероссійскаго пре-

стола наслѣднику". Имп. Павелъ I вступилъ на престолъ въ 1697 году безъ назначенія и безъ избранія.

Актъ о престолонаслѣдіи 5-го апрѣля 1797 года. Изъ представленныхъ историческихъ данныхъ видно, что со смерти Петра Великаго и до воцаренія Павла I включительно, т.-е., въ теченіе 71 года, престолъ россійскій послѣдовательно занимали восемь царствующихъ особъ, изъ которыхъ Имп. Екатерина I и Анна Іоанновна были избраны на престолъ, Имп. Петръ II и Іоаннъ Антоновичъ—назначены волею царствующихъ монархинь, Им. Елизавета и Имп. Павелъ I вступили на престолъ по закону. Петръ III получилъ корону и по назначенію, и по праву первородства, наконецъ, Имп. Екатерина II воцарилась въ силу узурпаціи. Такимъ образомъ, всѣ начала преемства смѣняли другъ друга въ XVIII вѣкѣ, но ни одно изъ нихъ не было преобладающимъ. Объясняется это, конечно, не тѣмъ, что въ 1722 году Петръ Великій издалъ свой уставъ о престолонаслѣдіи, въ которомъ давалъ рѣшительный перевѣсъ началу завѣщательному и который породилъ будто бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, много смутъ и переворотовъ. Законъ этотъ вовсе не имѣетъ того значенія, которое ему приписываютъ: его, какъ мы видѣли, то отмѣняли, то игнорировали, то подтверждали, но никогда не исполняли въ томъ видѣ, какъ это было предписано Петромъ (тестаментъ Екатерины I, уставъ о регентствѣ Анны Іоанновны). Неопредѣленность системы преемства престола, равно какъ и тѣ смуты и перевороты, которые мы видимъ въ XVIII вѣкѣ, зависили отъ иныхъ совершенно причинъ.

Первой и, несмотря на свою случайность, главной, на нашъ взглядъ, причиной является крайній недостатокъ мужского элемента въ Императорской фамиліи за этотъ періодъ времени. Это обстоятельство вело за собой другую причину, вносившую въ интересующій насъ вопросъ много неожиданностей — разумѣю господство временщиковъ и борьбу партій. Какъ отдѣльныя случайныя личности, такъ и цѣлыя партіи стремились къ одному: къ захвату въ свои руки власти, а потому вопросъ о томъ, кто будетъ на престолѣ, для нихъ былъ самымъ важнымъ. Къ этому присоединялись еще и чисто династическіе интересы, побуждавшіе издавать законы о преемствѣ въ родѣ тестамента Екатерины, устава Анны Іоанновны, или же прибѣгать къ дворцовымъ переворотамъ, какъ это сдѣлала Елизавета.

Такая шаткость и неопредѣленность важнѣйшаго въ государственной жизни вопроса сильно тревожила Великаго Князя Павла Петровича, который, желая положить этому конецъ, за

восемь лѣтъ до своего вступленія на престолъ, именно, 4 января 1788 года, составилъ вмѣстѣ со своею супругою Вел. Кн. Маріей Ѳеодоровной духовное завѣщаніе. Въ этомъ завѣщаніи между прочимъ, говорится, *„что надлежитъ издать законъ, кому, именно быть государемъ“*. Закономъ этимъ и явилось самое завѣщаніе, изданное подъ именемъ: „Акта о престолонаслѣдіи“ въ день коронаціи Императора Павла I 5 апрѣля 1797 года и, послѣ торжественнаго провозглашенія его, положенное для храненія на престолъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

Въ актѣ этомъ, получившемъ силу основного государственнаго закона, изложены слѣдующіе мотивы, вызвавшіе его составленіе:

1) „дабы государство не было безъ наслѣдника“;

2) „дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ“;

3) „дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать“;

4) „дабы сохранить право родовъ въ наслѣдствѣ, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій изъ рода въ родъ“.

Такимъ образомъ, актъ о престолонаслѣдіи представляетъ третью вполнѣ осуществившуюся попытку утвердить въ Россіи, какъ государствѣ монархическомъ, свойственную этой формѣ правленія систему преемства престола по закону. Система эта основана въ актѣ на слѣдующихъ началахъ:

1) въ нисходящемъ потомствѣ Имп. Павла I престолъ переходитъ *по закону*; въ силу этого будущіе наслѣдники должны обязаться свято соблюдать актъ о престолонаслѣдіи при своемъ вступленіи на престолъ и муропомазаніи;

2) къ наслѣдованію престола допускаются оба пола, но съ предпочтеніемъ мужчинъ и мужскихъ поколѣній;

3) престолъ переходитъ по праву первородства (jus primogeniturae) и по праву заступленія (jus representationis);

4) право на престолъ обусловливается исповѣданіемъ православной вѣры (П. С. З. № 17910).

Актъ 5 апрѣля 1797 года былъ дополненъ при Имп. Александрѣ I и Николаѣ I нѣкоторыми постановленіями. Такъ, въ 1820 году было издано постановленіе объ устраненіи отъ наслѣдованія престола дѣтей, происшедшихъ отъ брака лица Императорской фамиліи съ лицомъ, непринадлежащимъ ни къ какому владѣтельному дому; а въ 1825 году вышло постановленіе о свободѣ отреченія отъ престола, въ силу котораго каждое лицо, имѣющее непосредственное право на наслѣдованіе престола, можетъ отъ него отречься, но при соблюденіи двухъ условій:

1) отреченіе можетъ имѣть мѣсто, если за симъ не предстоитъ никакихъ затрудненій въ наслѣдованіи престола; 2) когда отреченіе послѣдовало, было обнародовано и обращено этимъ въ законъ, оно признается невозвратнымъ.

Съ указанными дополненіями актъ Императора Павла I представляетъ собою дѣйствующій по настоящее время законъ о престолонаслѣдіи.

Корсаковъ. — Воцареніе Имп. Анны. 1880 г. *Зайцевъ.*— Къ вопросу о порядкѣ престолонаслѣдія въ Россіи.

Населеніе.

Дворянство.

Служилые люди московскаго государства, разбившіеся на разные разряды: бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, московскихъ и городовыхъ дворянъ и т. п. получаютъ въ XVIII вѣкѣ существенное измѣненіе въ своемъ политическомъ положеніи. Измѣненіе это выразилось: 1) въ образованіи изъ служилыхъ людей (за исключеніемъ дѣтей боярскихъ) особаго въ государствѣ благороднаго сословія, „шляхетства"; 2) въ обязательной и, притомъ, постоянной для шляхетства государственной службѣ и въ обязательной ихъ научной подготовкѣ къ ней; 3) въ освобожденіи всего сословія отъ обязательной службы и въ превращеніи его чрезъ это въ сословіе привилегированное; 4) въ организаціи изъ этого привилегированнаго сословія уѣздныхъ и губернскихъ обществъ съ правомъ участія въ мѣстномъ управленіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и разсмотримъ всѣ эти вопросы.

Образованіе шляхетства, или дворянства. Время и способъ образованія шляхетства нельзя опредѣлить въ точности, такъ какъ общаго узаконенія объ этомъ не было издано. Извѣстно только, что Петръ Великій не жаловалъ никому прежнихъ московскихъ чиновъ и въ одномъ изъ указовъ 1712 года, говоря о служиломъ классѣ, впервые назвалъ его in corpore „шляхетствомъ", а прежнее названіе „дворянинъ" примѣнилъ къ каждому отдѣльному члену сословія (П. С. З. № 2467). Это названіе, заимствованное изъ Польши, сдѣлалось общеупотребительнымъ вплоть до изданія при Имп. Петрѣ III манифеста 18 февраля 1762 года: „о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству", въ которомъ термины „шляхетство", „шляхтичъ" исчезаютъ и замѣняются прежними выраженіями: „дворянство", „дворянинъ". Въ составъ шля-

хетства вошли разряды служилаго класса московскаго государства, за исключеніемъ дѣтей боярскихъ, изъ которыхъ составился классъ „однодворцевъ“, примыкавшій къ состоянію казенныхъ крестьянъ. Но кромѣ чиновъ служилаго класса, доступъ въ шляхетство былъ открытъ Петромъ всякому, который въ силу своихъ способностей оказывалъ пользу государству своей службой. Этотъ доступъ былъ предоставленъ знаменитою *Табелью о рангахъ*, изданною Петромъ 24 января 1722 года и сохранившею силу въ главныхъ своихъ основаніяхъ до настоящаго времени.

Табель о рангахъ раздѣляетъ службу на военную, гражданскую и придворную. До этого времени, какъ извѣстно, всѣ эти три рода службы были смѣшаны между собою и поручались часто однимъ и тѣмъ же лицамъ. Военную службу Петръ Великій поставилъ выше другихъ родовъ службы, причемъ, раздѣлилъ ее на сухопутную, гвардейскую, артиллерійскую и морскую. Морскую службу, въ свою очередь, онъ поставилъ выше другихъ родовъ военной службы.

Всѣ эти виды службы состоятъ изъ опредѣленныхъ чиновъ, или должностей, расписанныхъ на 14 классовъ или ранговъ, изъ которыхъ первый является самымъ высшимъ, четырнадцатый— самымъ низшимъ. Каждому рангу соотвѣтствуютъ извѣстныя права и преимущества.

По буквальному смыслу Табели о рангахъ, чины и классы означали не номинальныя степени или почетные титулы, созданные позднѣйшимъ законодательствомъ о чинахъ, а самыя мѣста, т. е. военныя и гражданскія должности. Чинъ обусловливался должностью и обозначался настоящимъ органически связаннымъ съ нею именемъ: чинъ, по идеѣ Петра Великаго, какъ внѣшній почетный титулъ, помимо должности, не имѣлъ никакого значенія. Такъ, напр., коллежскій совѣтникъ, коллежскій секретарь, коллежскій регистраторъ былъ дѣйствительно совѣтникомъ, секретаремъ и регистраторомъ въ коллегіяхъ. Производство въ гражданскіе чины или, правильнѣе сказать, въ должности было предоставлено Сенату, который въ высшіе чины баллотировалъ, а въ низшіе просто „сказывалъ“.

Въ позднѣйшее время, начиная съ царствованія Анны Іоанновны, распоряженія правительства о чинахъ уклонились отъ первоначальной ихъ идеи: чины начали получать самостоятельное значеніе внѣшнихъ почетныхъ титуловъ, независимо отъ должностей. Затѣмъ, въ концѣ царствованія Елизаветы впервые опредѣлены и сроки для производства въ чины.

Въ силу постановленій Табели о рангахъ, всякій, происходящій не изъ дворянъ, но дослужившійся на военной службѣ до перваго оберъ-офицерскаго чина, или получившій на гражданской и придворной службѣ восемь первыхъ ранговъ, со всѣми своими законными дѣтьми, рожденными по производствѣ его въ указанные чины, „въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтенъ быть имѣетъ, хотя бы онъ и низкой породы былъ“. Такъ установился главнѣйшій способъ пріобрѣтенія *лучшаго стараго дворянства съ потомствомъ*, получившаго, поэтому, въ нашемъ законодательствѣ названіе *потомственнаго*. Чинъ фендрика, а позднѣе—прапорщика или корнета на военной службѣ и коллежскаго ассесора на гражданской давалъ права этого потомственнаго дворянства.

Что же касается прочихъ чиновъ, т. е. отъ 14 до 7 включительно на гражданской и придворной службахъ, то о нихъ въ Табели о рангахъ постановлено: „прочіе же чины, какъ гражданскіе, такъ и придворные, которые въ рангахъ не изъ дворянъ, *оныхъ дѣти не суть дворяне*“. Эти чины сообщали, слѣдовательно, дворянство только лицу, ихъ получившему, и не распространяли послѣднее на его дѣтей, почему дворянство это и стало называться *личнымъ* (терминъ, установленный Имп. Екатериной II).

Наряду съ выслугой Табель установила и другой способъ пріобрѣтенія дворянства—*пожалованіемъ монарха.*

Такимъ образомъ, изъ этихъ постановленій видно, что Табель устраняла впредь назначеніе на государственныя должности по степени родовитости, „по породѣ“, какъ это было установлено въ московскій періодъ, и ставила на первый планъ заслуги государству. Въ этомъ смыслѣ ей принадлежитъ важная историческая роль: *она дала ходъ людямъ таланта и служебной пригодности, независимо отъ ихъ происхожденія.* Поэтому справедливо мнѣніе, что Табель по духу своему была установленіемъ демократическимъ, ибо чрезъ лѣстницу въ 14 ступеней давала возможность послѣднему плебею дойти до положенія перваго вельможи государства, чего прежде достичь было невозможно.

Слѣдствіемъ же такой возможности явилось то, что въ ряды шляхетства постоянно приходили новыя силы изъ народа, и оно, при всемъ своемъ стремленіи, не могло замкнуться въ особую самовосполняющуюся и недоступную для другихъ касту.

Табель вступила въ борьбу съ породою и на первый планъ поставила выслугу. Но позднѣе произошло нѣкоторое отступленіе отъ этого порядка: при вопросѣ о выслугѣ обращалось вниманіе и на происхожденіе. Именно, при Импер. Екатеринѣ было поста-

новлено производить въ оберъ-офицерскій чинъ дворянъ предпочтительно передъ недворянами; 8 классъ въ гражданской службѣ давался также первымъ предпочтительно передъ послѣдними. При Павлѣ I и Александрѣ Благословенномъ эти привилегіи усиливаются, причемъ, постановляется общимъ правиломъ не производить въ офицеры недворянъ. (П. С. З. № 3980).

Установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ и пожалованіемъ, Табель о рангахъ свела въ одну общественную группу людей знатнаго происхожденія и богатаго состоянія и потомство мелкихъ и небогатыхъ чиновниковъ и офицеровъ, образовала сословіе—шляхетство, которому сообщила нѣкоторыя преимущества, отличавшія его отъ другихъ общественныхъ группъ.

Обязанности шляхетства. Но всѣ преимущества, которыя были связаны съ чинами по Табели, давались шляхетству за дѣйствительную службу. Слѣдовательно, Петръ, образуя шляхетское сословіе, оставляетъ за нимъ прежній служилый характеръ. Если на Москвѣ каждому праву служилаго соотвѣтствовала обязанность нести служебное тягло, то и при Петрѣ Великомъ въ оправданіе своихъ правъ можно было привести ту же самую обязанность служебнаго тягла, которое стало тяжелѣе въ виду того, что Петръ Великій преобразовалъ войско, ввелъ постоянную армію, которая прежде всего должна была комплектоваться служилымъ сословіемъ, дворянствомъ. И эту обязанность дворянъ служить Петръ усиливаетъ еще тѣмъ, что требуетъ *прохожденія всей военной службы, начиная съ солдатъ*, причемъ, постановляетъ, что никто не можетъ быть произведенъ въ офицеры, не показавъ своего знанія солдатской службы. Вмѣстѣ съ этимъ Петръ Великій выдѣляетъ изъ прочихъ видовъ службы службу гражданскую, „штатскую“, сообщаетъ ей самостоятельное государственное значеніе, котораго она на Москвѣ не имѣла, и привлекаетъ шляхетство къ ея отбыванію. За уклоненіе отъ службы назначаются штрафы, тѣлесныя наказанія, конфискація имущества, наконецъ—лишеніе правъ или шельмованіе, наказаніе, введенное впервые Воинскимъ Уставомъ Петра. Если военная служба для служилыхъ людей XVII вѣка была, хотя и обязательной, но не постоянной, отправлявшейся только лишь тогда, когда призывались они царскимъ указомъ къ ратному дѣлу, къ ополченію, то служба шляхетства сдѣлалась постоянной, въ ней надлежало находиться на лицо въ теченіе всей жизни, какъ потому, что самое войско обратилось въ постоянное, такъ равно и по той причинѣ, что отставка допускалась только за старостью, ранами, увѣчьемъ и неизлѣчимыми болѣзнями. Такой же постоянной признается и служба гражданская.

Само собою понятно, что при такомъ усиленіи служебной повинности, чтобы заставить дворянъ служить, нуженъ былъ за ними надзоръ, нужны были списки ихъ, по которымъ бы можно было ихъ вызывать на службу. Такой надзоръ за дворянами былъ порученъ сначала Разряду, или Разрядному Приказу на прежнихъ основаніяхъ; по учрежденіи Сената списки дворянъ и всѣ дѣла по службѣ ихъ перешли въ Сенатъ: канцелярія Сената производила дворянамъ смотры, но по значительному количеству дѣлъ и для лучшаго вѣдѣнія дворянъ нужно было особое правительственное мѣсто, которое бы только и занималось одними дѣлами о службѣ дворянъ; 1722 году Петръ Великій далъ такой указъ Сенату: „надлежитъ быть при Сенатѣ Герольдмейстеру или иному какому чину, кто бы дворянъ вѣдалъ и всегда представлялъ къ дѣламъ, когда спросятъ“.

Герольдмейстеръ производилъ дворянству смотры, которые при Петрѣ были очень часты. На смотрахъ этихъ слѣдовала перепись всѣмъ недорослямъ и, затѣмъ, одни изъ нихъ опредѣлялись на военную службу, другіе зачислялись въ гражданскую, третьи записывались въ школы, а тѣ, которыхъ находили нужнымъ по какимъ-либо причинамъ освободить, отпускались домой до востребованія.

Кромѣ службы, какъ главной повинности дворянства, Петръ налагаетъ на него еще другую, неизвѣстную прежде обязанность— учиться. Съ этою цѣлью было основано много школъ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ губерніяхъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ; лучшихъ изъ учениковъ стали отправлять за границу для изученія разныхъ наукъ; для контроля за добросовѣстнымъ исполненіемъ этой обязанности были введены экзамены, а для пресѣченія возможности уклониться отъ ученія приняты разныя мѣры, въ родѣ запрещенія жениться лицамъ, неимѣющимъ свидѣтельствъ отъ учителей въ знаніи „цифири и геометріи“, штрафованія родителей за необученіе дѣтей и т. п.

Таковы требованія Петра Великаго, предъявлявшіяся имъ къ шляхетству. Послѣ Петра эти требованія мало по малу слабѣютъ, пока, наконецъ, не исчезаютъ совершенно.

Такъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, хотя мѣры къ распространенію просвѣщенія среди дворянства, а слѣдовательно, и къ обязательному обученію, были усилены установленіемъ цѣлаго ряда экзаменовъ, но образовательный, такъ сказать, цензъ сокращалъ срокъ прохожденія военной службы въ нижнихъ чинахъ. Указъ 1737 г. устанавливалъ четыре срока экзаменовъ: въ 7, 12, 16 и 20 лѣтъ „По достиженіи же 20 лѣтъ“, говоритъ указъ, „недорослямъ

явиться въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ кому способнѣе, въ Герольдіи, для опредѣленія ихъ въ военную службу и смотрѣть, чтобы тѣ, которые въ наукахъ болѣе другихъ предуспѣли, *прежде другихъ въ чины произведены были*“ (II. С. Зак. № 7170).

На ряду съ этимъ указомъ, усиливавшимъ образовательный цензъ и смягчавшимъ военную службу, значительное облегченіе въ эту послѣднюю внесено манифестомъ, который былъ изданъ немного раньше приведеннаго указа, именно 31 декабря 1736 года, и „для лучшей государственной пользы и содержанія шляхетскихъ домовъ и деревень“ узаконялъ слѣдующій порядокъ:

1) „кто имѣетъ двухъ и болѣе сыновей, можетъ оставить одного дома для содержанія экономіи.

2) „Такъ какъ срокъ службы не опредѣленъ и отставляются весьма старые и дряхлые, которые, пріѣхавъ въ свои домы, экономію домашнюю, какъ надлежитъ смотрѣть уже въ состояніи не находятся, и для того всѣмъ шляхтичамъ отъ 7 до 20 лѣтъ возраста ихъ быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ военную службу, и всякій долженъ служить въ воинской службѣ *отъ 20 лѣтъ возраста своего 25 лѣтъ*, а по прошествіи 25 лѣтъ, хотя кто и годенъ еще служить, отставлять съ повышеніемъ чина; но кто добровольно пожелаетъ служить, такимъ давать на ихъ волю“.

3) „Кто же изъ шляхтичей за ранами неспособенъ служить, такихъ отставлять до срока“ (II. С. Зак. № 7142).

Эти два указа и, въ особенности, послѣдній, превращавшій службу изъ постоянной въ срочную, являются первымъ шагомъ на пути освобожденія дворянства отъ обременительнаго для него служебнаго тягла, второй и окончательный былъ сдѣланъ Петромъ III.

Освобожденіе шляхетства отъ обязательной службы и образованіе изъ него привилегированнаго сословія дворянъ. 18 февраля 1762 года Импер. Петръ III издаетъ важный для дворянства манифестъ „*о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству*“, объявляя: „отнынѣ впредь на вѣчныя времена и въ потомственные роды жалуемъ всему Россійскому благородному дворянству вольность и свободу, кои могутъ службу продолжать, какъ въ нашей имперіи, такъ и въ прочихъ Европейскихъ союзныхъ намъ державъ на основаніи слѣдующаго узаконенія:

1) „всѣ находящіеся въ разныхъ нашихъ службахъ дворяне могутъ оную продолжать, сколь долго пожелаютъ, но военные во время кампаніи и за 3 мѣсяца до ея открытія не дерзаютъ

просить увольненія отъ службы, но могутъ просить по окончаніи кампаніи;

2) кто-жъ, будучи уволенъ изъ нашей службы, пожелаетъ отъѣхать въ другія Европейскія государства, такимъ давать нашей иностранной коллегіи надлежащіе паспорты безпрепятственно съ таковымъ обязательствомъ, что когда нужда потребуетъ, чтобъ находящіеся дворяне внѣ государства нашего явились въ своемъ отечествѣ.

За перечисленныя права манифестъ требовалъ только, чтобы взамѣнъ этого, „никто не дерзалъ воспитывать дѣтей своихъ безъ обученія“ (П. Соб. 3. № 11444).

Итакъ, манифестъ 18 февраля 1762 года освобождалъ дворянство отъ обязательной службы и, тѣмъ, изъ тяглаго чина, какимъ оно было не только въ московскій періодъ, но и въ первую половину XVIII вѣка, обращалъ его въ сословіе привилегированное. Правда, при Петрѣ Великомъ положеніе шляхетства значительно измѣнилось сравнительно съ положеніемъ его въ предшествующее время, но права и преимущества, которыми дворяне стали при немъ пользоваться и которыя постепенно увеличивались, обусловливались исключительно ихъ службою. Служба эта теперь стала необязательной, тягло было снято, а права и преимущества оставлены неприкосновенными: появилось сословіе, надѣленное только правами и не несущее никакихъ обязанностей.

Но актъ Имп. Петра III, освобождая дворянство отъ обязательной службы, ни словомъ не упомянулъ о тѣхъ правахъ и преимуществахъ, которыми дворянство пользовалось прежде за свою службу; поэтому, чтобы довершить созданіе привилегированнаго состоянія, необходимо было подтвердить всѣ эти права и преимущества, что и было сдѣлано Императрицей Екатериной II.

Съ этою цѣлью Императрица, вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, организовала коммиссію, которой и поручила разсмотрѣть актъ 18 февраля 1762 года „*для приведенія его содержанія въ лучшее совершенство*“. Результатомъ трудовъ этой коммиссіи, принявшей, по всей вѣроятности, во вниманіе всѣ тѣ заявленія, которыя были сдѣланы депутатами другой, учрежденной въ 1767 г., коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, явилась „*Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства*“, изданная 21 апрѣля 1785 года.

Жалованная грамота представляетъ собою сводъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя въ разное время были предоставлены дворянству верховной властью, или прямо истекали изъ его преобладающаго положенія; до изданія ея не было системы законовъ,

опредѣляющихъ права и преимущества дворянства: послѣднія предоставлялись ему мало-по-малу отдѣльными постановленіями. Грамота собрала всѣ эти постановленія въ одно цѣлое, дополнивъ ихъ нѣкоторыми новыми.

Къ числу новыхъ относится опредѣленіе дворянскаго достоинства: „дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное“.

Опредѣливъ понятіе дворянства, грамота вслѣдъ за этимъ узаконяетъ, что дворянское достоинство должно пребывать „на вѣки неотъемлемо, *наслѣдственно* и *потомственно* тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются, и слѣдственно: дворянинъ сообщаетъ дворянское достоинство женѣ и дѣтямъ“ (ст. 2, 3, 4). Неотъемлемость же дворянскаго достоинства обезпечивалась тѣмъ, что дворянинъ не могъ быть лишенъ послѣдняго, „буде самъ себя не лишилъ онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ“. Но и при совершеніи преступленія дворянинъ могъ быть лишенъ достоинства, чести, жизни и имѣнія не иначе какъ по суду и, притомъ, по суду „своими равными“, а самое „дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе, и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, не могло вершиться безъ внесенія въ Сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества“ (ст. 8—13). Этимъ устанавливалась неприкосновенность дворянскаго достоинства и защита дворянскихъ правъ судомъ, неизвѣстныя предшествующему законодательству.

По принципу неприкосновенности дворянскаго достоинства противорѣчили тѣлесныя наказанія, позорящія честь благороднаго, и грамота постановляетъ: „*тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго*“ (ст. 15). Свобода отъ тѣлесныхъ наказаній являлась также новымъ, неизвѣстнымъ прежде преимуществомъ дворянства, такъ какъ ни служилые люди московскаго государства, ни шляхетство XVIII вѣка до жалованной грамоты отъ тѣлеснаго наказанія избавлены не были.

Провозгласивъ указанные новые принципы: неприкосновенность дворянскаго достоинства и свободу отъ тѣлесныхъ наказаній, грамота переходитъ, затѣмъ, къ подтвержденію всѣхъ тѣхъ личныхъ правъ и преимуществъ, которыя были предоставлены дворянству разными узаконеніями и, прежде всего, даетъ полную и безусловную силу постановленіямъ манифеста 18 февраля 1762 г., именно, подтверждаетъ на вѣчныя времена въ потомственные роды рос-

сійскому дворянству: а) вольность и свободу; б) дозволеніе находиться на государственной службѣ, продолжать ее и просить отъ нея увольненія по установленнымъ на то правиламъ, и в) право выѣзжать въ чужіе края и вступать въ службу прочихъ европейскихъ, союзныхъ Россіи, державъ (ст. 17—20).

Далѣе, грамота подтверждаетъ право благородныхъ—потомственныхъ дворянъ—на поземельную собственность, населенную крестьянами, предоставивъ имъ покупать деревни (ст. 26). Вмѣстѣ съ этимъ подтверждалось право свободнаго распоряженія своими имѣніями, дарованное шляхетству еще Импер. Анной Іоанновной въ 1730 году въ отмѣну устава Петра Великаго о единонаслѣдіи, стѣснявшаго, какъ извѣстно, право распоряженія. Впрочемъ, жалованная грамота предоставляла свободу распоряжаться только благопріобрѣтенными имуществами и ограничивала право распоряженія имѣніями родовыми (ст. 22). На ряду съ свободой распоряженія подтверждалась и свобода пользованія всѣмъ находящимся не только на поверхности земли (лѣсами, „произрастаніями"), но и въ ея нѣдрахъ (металлами, минералами и пр.), свобода, дарованная самой Имп. Екатериной еще въ 1782 г. въ отмѣну тѣхъ ограниченій, которыя были установлены со временъ Петра Великаго (ст. 33 и 34).

Затѣмъ, грамота подтверждаетъ прежнее право дворянъ продавать оптомъ произведенія своихъ деревенскихъ хозяйствъ, расширяя это право тѣмъ, что допускаетъ отправлять продукты производства оптомъ заграницу. Кромѣ того, грамота дозволяетъ дворянамъ имѣть фабрики и заводы по деревнямъ и заводить въ своихъ вотчинахъ торги и ярмарки (ст. 27—29 и 32). Но этимъ право торговли въ собственномъ смыслѣ дворянамъ не предоставлялось, такъ какъ занятіе торговлей считалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ благороднаго.

Наконецъ, жалованная грамота признала свободу дворянъ отъ личныхъ податей, которая принадлежала имъ и прежде въ силу отбыванія ими служебнаго тягла. Но съ отмѣной обязательной службы свобода эта получила значеніе сословной привилегіи, основанной на достоинствѣ дворянскаго званія. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ личныхъ податей, грамота постановляетъ: „по деревнямъ помѣщичій домъ имѣетъ быть свободенъ отъ постоя" (ст. 35, 36).

Такимъ образомъ, неприкосновенность дворянскаго достоинства, свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, свобода отъ службы, право поземельной собственности и торговли продуктами деревенскаго хозяйства, свобода отъ личныхъ податей и постойной повинности—

вотъ тѣ „*личныя преимущества*“, которыя закрѣпила жалованная грамота за дворянами. (П. С. Зак. № 16187).

Организація дворянства. Наряду съ этими личными правами и преимуществами, грамота сообщила дворянскому сословію ту организацію, которая въ своихъ основныхъ чертахъ сохранилась до настоящаго времени.

Служилые люди московской Руси не имѣли сословной организаціи. Впервые встрѣчаемся съ попытками составить изъ дворянъ уѣздное общество, надѣленное правомъ выбора изъ своей среды должностныхъ лицъ для участія въ мѣстномъ управленіи, только въ XVIII в. Именно, Петръ Великій установилъ нѣкоторыя выборныя должности изъ дворянъ въ области мѣстнаго управленія Для примѣненія излюбленнаго имъ коллегіальнаго начала къ губернскому управленію, Петръ ввелъ выборныхъ изъ дворянъ. Они получили названіе *ландратовъ*, т. е. *земскихъ совѣтниковъ*, и вѣдали вмѣстѣ съ губернаторами всякія дѣла. Съ введеніемъ подушной подати, была учреждена для сбора ея новая должность— *земскихъ коммиссаровъ*, которые также выбирались дворянами изъ своей среды и, кромѣ сбора подушной подати, вѣдали расквартированіе войскъ и наблюдали за благоустройствомъ и безопасностью въ уѣздѣ.

Завершеніе сословной организаціи дано жалованною грамотою 1785 года. Въ силу этой грамоты дворянство *каждой губерніи* составляетъ отдѣльное дворянское общество. Органомъ этого общества является въ каждой губерніи свое *дворянское губернское собраніе*, соединяющее всѣхъ мѣстныхъ дворянамъ въ одно цѣлое — въ корпорацію. Собраніе это созывается одинъ разъ въ три года, какъ для выбора разныхъ должностныхъ лицъ для участія въ мѣстномъ управленіи и судѣ, такъ и для выслушанія предложеній начальника губерніи (ст. 37 и 38). Въ собраніи этомъ можетъ присутствовать каждый дворянинъ, достигшій 25 лѣтняго возраста, но подавать голосъ, быть избираемымъ въ должности и, вообще, пользоваться корпоративными правами въ составѣ дворянскаго общества можетъ только тогда, когда имѣетъ помѣстье и получилъ въ военной или гражданской службѣ оберъ-офицерскій чинъ (ст. 63 — 64). Дворянскому губернскому собранію предоставлено важное право чрезъ посредство особыхъ депутатовъ дѣлать представленія о своихъ нуждахъ и приносить жалобы непосредственно Имп. Величеству (ст. 43 и 48). Дворянское губернское собраніе ни по какому дѣлу не можетъ быть потребовано къ суду, ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражѣ и имѣетъ право исключать изъ своего собранія посредствомъ баллотированія дворянина, „ко-

торый опороченъ судомъ, или котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы онъ и судимъ не былъ, пока не оправдается" (ст. 56, 57 и 65).

Дворянское общество разсматривается, какъ юридическое лицо, которое можетъ имѣть свою собственность: домъ, капиталы, составляемые, „добровольными складами", училища; предъявлять иски черезъ особыхъ стряпчихъ и т. п. (ст. 56, 57 и 65).

Во главѣ дворянъ поставленъ избираемый ими предводитель дворянства. Предводители дворянства впервые возникли по поводу избранія депутатовъ въ законодательную коммиссію 1767 года, когда было предписано избрать особыхъ предводителей для руководства выборами. Эти предводители дворянства потомъ остались навсегда, причемъ, къ уѣзднымъ были присоединены губернскіе.

Для попеченія о дворянскихъ вдовахъ и сиротахъ, дворяне получили особое учрежденіе—дворянскую опеку (ст. 59—61), а для веденія дворянскихъ книгъ—депутатскія собранія изъ дворянъ, которымъ предоставлено разбирать права на дворянское званіе и вносить дворянъ въ дворянскія книги (ст. 67). Грамота точно опредѣлила, кто принадлежитъ къ членамъ дворянскаго общества. Членами дворянскаго общества, по грамотѣ, считаются лица, занесенныя въ дворянскую родословную книгу (ст. 70). Въ эту книгу, по разсмотрѣніи доказательствъ на дворянство, точно опредѣленныхъ грамотой согласно съ табелью о рангахъ (ст. 91 и 92), вносятся рѣшеніемъ депутатскаго собранія лица дворянскаго званія. Родославная книга дворянства дѣлится на 6 частей; въ каждую изъ этихъ частей вносятся дворяне по различію способовъ пріобрѣтенія дворянства. Въ первую часть вносятся роды дѣйствительнаго дворянства, т. е. лица, пожалованныя дворянствомъ монархомъ; во вторую—военные дворяне, т. е. лица, заслужившія дворянство на военной службѣ; въ третью—8-классные дворяне, иначе лица, получившія дворянство на гражданской службѣ; въ четвертую—иностранные дворянскіе роды; въ пятую—титулами отличенные роды (князья, графы, бароны и т. п.), и, наконецъ, въ шестую—древніе благородные дворянскіе роды, т. е. тѣ роды, которые произошли отъ старинныхъ фамилій служилыхъ людей, „коихъ доказательства дворянскаго достоинства за 100 лѣтъ и выше восходятъ".

Таковы личныя и корпоративныя права дворянства, получившія впервые точную формулировку въ жалованной грамотѣ 1785 г., если не создавшей, то утвердившей окончательно то привилегированное положеніе благодаря которому дворянство, „яко

главный въ государствѣ членъ", рѣзко обособилось отъ всѣхъ другихъ общественныхъ группъ.

Въ царствованіе Импер. Павла нѣкоторыя положенія грамоты были отмѣнены. Такъ, возстановлено, напр., тѣлесное наказаніе, отмѣнено право коллективныхъ петицій и жалобъ на Высочайшее имя, запрещено дворянамъ собираться въ губернскія собранія, участвовать въ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ и друг. Но отмѣны эти въ исторіи развитія дворянскихъ правъ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ Императоръ Александръ 1801 года подтвердилъ жалованную грамоту, и съ тѣхъ поръ права и преимущества дворянства оставались безъ существенныхъ измѣненій до реформъ Имп. Александра II, а многіе изъ нихъ, въ особенности корпоративныя, перешагнули и черезъ эти послѣднія, и до сихъ поръ остаются въ томъ видѣ, какъ были установлены грамотой.

Романовичъ-Славатинскій. — „Дворянство въ Россіи отъ нач. XVIII в. до отмѣны кр. права" СПБ. 1870 г. *Дитятинъ*— „Къ исторіи жалованн. грамотъ дворянству и городамъ 1785 г." *Павловъ-Сильванскій.*—„Государевы служилые люди. Происхожденіе рус. дворянства" СПБ. 1898 г.

Городскіе обыватели.

Законодательство Петра Великаго. Во второй половинѣ XVII вѣка правительство, какъ мы видѣли, предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью обособить городское населеніе отъ сельскаго (стр. 252). Окончательное же обособленіе происходитъ лишь при Петрѣ Великомъ.

Въ дѣятельности Преобразователя по отношенію къ устройству состоянія городскихъ обывателей можно различить два періода. Сначала Петръ Великій стремится къ тому, чтобы, оградивъ торговыхъ и посадскихъ людей отъ притѣсненій со стороны воеводъ и другихъ приказныхъ, устранить причину недоборовъ съ нихъ государевыхъ податей. Исключительное преслѣдованіе фискальныхъ интересовъ и приводитъ къ учрежденію въ 1699 г. городскихъ установленій съ выборнымъ составомъ въ видѣ Земскихъ Избъ и Бурмистерской Палаты, въ первый же годъ своего существованія переименованной въ Ратушу. (П. С. Зак. № 1674)

Бурмистерская Палата была сдѣлана центральнымъ установленіемъ всего городского самоуправленія Россіи, мѣстными

же установленіями явились Земскія Избы, замѣнившія по отношенію къ управленію горожанами воеводъ.

Земскія Избы состояли изъ выборныхъ, называвшихся земскими бурмистрами. Число послѣднихъ не опредѣлено закономъ, а предоставлено на волю избирателей. На обязанности земскихъ бурмистровъ лежали: сборъ и доставка въ Москву въ опредѣленные сроки всѣхъ доходовъ, собиравшихся раньше съ горожанъ и чернослободцевъ въ Приказную Избу, и судъ во всѣхъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ купеческихъ людей и чернослободцевъ.

Центральный органъ самоуправленія торговыхъ и посадскихъ людей, Бурмистерская Палата, или Ратуша, была устроена на тѣхъ же началахъ, какъ и Земскія Избы. Указомъ 1699 г. предоставлялось гостямъ, гостинной сотнѣ и всѣмъ другимъ московскимъ сотнямъ и слободамъ выбирать „межъ себя погодно въ бурмистры изъ гостей и изъ гостинныя сотни и изо всѣхъ сотенъ и слободъ добрыхъ и правдивыхъ людей, кого они межъ себя и по сколку человѣкъ похотятъ“.

Въ качествѣ высшей инстанціи и центральнаго учрежденія на Бурмистерскую Палату, или Ратушу, возлагался надзоръ за производствамъ податныхъ и промысловыхъ сборовъ, шедшихъ въ казну отъ городскихъ и уѣздныхъ общинъ и за современною доставкою ихъ въ Москву. Въ качествѣ судебной инстанціи, Бурмистерская Палата вѣдала тѣ дѣла, которыя; 1) не входили въ кругъ вѣдомства земскихъ бурмистровъ; 2) не могли быть по чему-либо рѣшены ими, и 3) переходили въ Палату аппеляціоннымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ратуша имѣла значеніе для Москвы мѣстнаго установленія на тѣхъ же основаніяхъ какъ въ другихъ городахъ Земскія Избы.

Надзоръ за Палатой былъ предоставленъ Приказу Большой Казны, куда московскіе бурмистры вносили остаточныя суммы и, отслуживъ свой годичный срокъ, предъявляли перечневые списки приходо-расходныхъ книгъ.

Таковъ составъ и предметы вѣдомства учрежденныхъ Петромъ Великимъ Бурмистерской Палаты и Земскихъ Избъ.

Учрежденіе указанныхъ установленій, однако, не отдѣлило еще окончательно городского населенія отъ сельскаго, т. к. Петръ, возлагая на органовъ самоуправленія посадскихъ людей, въ качествѣ главной обязанности, бездоимочное взиманіе податей и пошлинъ, предоставилъ право выбирать такихъ же бурмистровъ и чернымъ крестьянамъ уѣзда съ тѣмъ, чтобы они уплачивали „всякіе окладные повсягодные сборы въ казну противъ преж-

няго оклада вдвое". Эти сборы предписано было высылать въ Москву, гдѣ „принимать отъ нихъ тѣ доходы указано было гостямъ и торговымъ выборнымъ людямъ", т. е. Бурмистерской Палатѣ. Эта же послѣдняя, равно какъ и Земскія Избы не принесли со своей стороны никакой пользы въ дѣлѣ объединенія и развитія торгово-промышленнаго сословія. Напротивъ, дѣйствуя въ интересахъ фикса, учрежденія эти проникись тѣми же тенденціями, которыя господствовали въ управленіи приказномъ, т. е. говоря иначе, выборные бурмистры стали также злоупотреблять предоставленною имъ властью въ свою пользу, какъ прежде злоупотребляли ею воеводы и разныхъ чиновъ приказные, почему кромѣ лишней тяготы, ничего не доставляли торговымъ и промышленнымъ людямъ. Отсюда непрочность новыхъ учрежденій, возвращеніе правительства къ прежнему приказному началу. Такъ, въ первые годы XVIII ст. многія дѣла, подвѣдомственныя Бурмистерской Палатѣ, или Ратушѣ, и Земскимъ Избамъ передаются разнымъ приказамъ, а сама Ратуша теряетъ значеніе центральнаго установленія и переходитъ въ установленіе исключительное мѣстное.

Окончательное обособленіе городского населенія отъ сельскаго происходитъ *во второй періодъ* преобразовательной дѣятельности Петра, когда задачей его внутренней политики становится возбужденіе промышленной производительности и поднятіе торговли въ странѣ. Предпринимаемыя въ это время мѣры направлены на то, чтобы *„купечество и мануфактуры размножать"*. Благодаря этимъ мѣрамъ городское населеніе получаетъ общую для всей имперіи организацію, заботы которой сосредоточиваются не только на сборѣ государевыхъ доходовъ, но и на развитіи въ городахъ промышленности, торговли и на удовлетвореніи нуждъ купечества.

Преобразованія въ указанномъ направленіи начинаются со времени учрежденія коллегій. Въ 1719 году былъ изданъ регламентъ Коммерцъ-Коллегіи, по которому главная обязанность послѣдней состояла въ томъ, чтобы смотрѣть за торговымъ мореходствомъ и за купечествомъ. Съ этой цѣлью Коммерцъ-Коллегіи, выражаясь словами регламента, „подлежитъ все, что купечество споспѣшествовать и въ доброе состояніе привести можетъ, не токмо въ довольномъ смотрѣніи имѣть, но и трудиться, чтобъ такое сокровище утрачено не было" (П. С. З. № 3318).

Чтобы „сокровище это утрачено не было" еще въ 1718 году была высказана мысль о необходимости ввести возможно лучшую организацію городского управленія. Въ этомъ году иностранцемъ

Фикомъ былъ поданъ государю меморіалъ объ устройствѣ городскихъ Магистратовъ. Въ этомъ меморіалѣ онъ предлагаетъ Петру Великому: „Магистраты городскіе учредить и добрыми регулами снабдить; сіе есть едино изъ потребнѣйшихъ дѣйствъ, чего всѣмъ коллегіямъ, а наипаче Коммерцъ-Коллегіи желать довлѣетъ, ибо безъ сего желанный порядокъ и добрые плоды получить не можно". На это Петръ положилъ резолюцію: „учинить сіе на основаніи рижскаго и ревельскаго регламента по всѣмъ городамъ".

Дѣло устройства городскихъ магистратовъ возложено было въ 1721 г. на Гл. Магистратъ, учрежденный въ Петербургѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Московская Ратуша утратила значеніе центральнаго учрежденія, посадскіе люди и чернослободцы не имѣли особой высшей судебной инстанціи по гражданскимъ дѣламъ. Задавшись цѣлью „мануфактуры и купечество размножить", Петръ нашелъ нужнымъ изъять совершенно городское населеніе отъ подсудности приказнымъ судьямъ не только въ гражданскихъ, но и въ уголовныхъ дѣлахъ и снова „собрать разсыпанную храмину" подъ вѣдомство одного общаго учрежденія (П. С. З. № 3708).

Съ этою цѣлью Петръ издаетъ въ 1721 г. регламентъ Главному Магистрату, поручая ему: „1) во всѣхъ городахъ порядочный Магистратъ учинить; 2) оный добрыми уставами и учрежденіями снабдить; 3) смотрѣть, чтобъ было правосудіе; 4) добрую полицію учредить; 5) купечество и мануфактуры размножить". (гл. II). Для успѣшнаго исполненія этихъ обязанностей Главный Магистратъ долженъ былъ собрать подробныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ городовъ и на основаніи полученныхъ свѣдѣній раздѣлить всѣ города на 5 разрядовъ, изъ которыхъ въ первый должны быть отнесены всѣ главные города, равно какъ и такіе, въ которыхъ имѣется отъ 2 до 3 тыс. и выше дворовъ; во второй—такіе, въ которыхъ отъ 1000 до 1500 дворовъ и выше; въ третій—тѣ, въ которыхъ—отъ 500 до 1000 дворовъ; въ четвертый—небольшіе города, гдѣ имѣется отъ 250 дворовъ и выше и, наконецъ, въ пятый—всѣ малые города и слободы, гдѣ какія обрѣтаются" (гл. III и V). Этимъ постановленіемъ регламента создавалось формальное понятіе города: *всякое поселеніе, попавшее въ списокъ городовъ, стало de jure съ этого времени городомъ.*

Раздѣливъ, такимъ образомъ, города, Главный Магистратъ долженъ былъ чрезъ посредство губернаторовъ и воеводъ устроить въ главнѣйшихъ изъ нихъ Магистраты, „къ чему выбирать во всѣхъ городахъ изъ гостей и изъ гостинной сотни и изъ гостинныхъ дѣтей и изъ гражданъ первостатейныхъ, добрыхъ, пожи-

точныхъ и умныхъ людей", въ прочихъ же городахъ полагалось быть только бурмистрамъ. Число магистратскихъ членовъ должно было соразмѣряться съ раздѣленіемъ городовъ на разряды (гл. VI).

Вѣдѣнію Магистратовъ подлежатъ только граждане. А къ гражданамъ регламентъ относитъ лицъ, занимающихся *торговлею, промыслами, ремеслами и работами*. Поэтому, „жители городовъ разныхъ чиновъ (изъ которыхъ каждый особливое состояніе имѣетъ), а именно шляхетство, священство, церковники и иностранцы между гражданами не числятся". Граждане въ указанномъ сословномъ смыслѣ дѣлятся на 2 группы. Къ первой принадлежали такъ называемые *регулярные, или настоящіе* граждане, представлявшіе собою купцовъ двухъ гильдій, изъ которыхъ первую составляли банкиры, знатные купцы, „которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги и которые разными товарами въ рядахъ торгуютъ", доктора, аптекари, лѣкари, шкиперы купеческихъ кораблей, художники и „симъ подобные, изъ которыхъ первой гильдіи или первостатейные состоятъ и отъ другого подлаго гражданства привилегіями и преимуществы суть отмѣнны"; во вторую же гильдію причислялись тѣ, которые „мелочными товарами и харчевными всякими припасы торгуютъ, также рукомесленные рѣщики, токари, столяры, портные, сапожники и симъ подобные". Вторую группу составляли *нерегулярные граждане*, „всѣ подлые люди, обрѣтающіеся въ наймахъ и въ черныхъ работахъ, которые нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не счисляются".

Ремесленники, входя въ составъ гильдіи, въ то же время по однородности мастерства подраздѣляются на отдѣльныя общества или цехи: „каждое художество и ремесло свои особливыя цунфты (цехи), или собранія ремесленныхъ людей и надъ оными алдермановъ (старшинъ) по величеству города и по числу художниковъ имѣетъ". Алдерманы выбираются изъ мастеровъ. Сущность цехового устройства заключалась въ томъ, что только лица, записанныя въ цехи, имѣли право заниматься ремеслами. Всякій мастеръ, имѣющій право заниматься извѣстнымъ ремесломъ, получалъ особую печать, которую обязанъ былъ выставлять на своихъ произведеніяхъ. Кромѣ того, на всякомъ произведеніи ставилась печать цехового старшины и только тогда произведенія мастера могли быть объектами продажи на рынкахъ. Чтобы сдѣлаться мастеромъ, необходимо было сдать въ цехѣ соотвѣтствующій экзаменъ, а для успѣшнаго ознакомленія съ мастерствомъ мастеровые должны были извѣстное время учиться у мастера.

Обязанности Магистратовъ судебно-полицейскаго характера. Они вѣдали всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей судомъ и

расправою по всѣмъ, даже уголовнымъ дѣламъ подъ надзоромъ Главнаго Магистрата. Городскіе Магистраты не могли привести въ исполненіе смертнаго приговора, не представивъ его предварительно на конфирмацію Главнаго Магистрата. Остальныя дѣла рѣшались и приводились ими въ исполненіе безъ всякаго утвержденія со стороны Главнаго Магистрата и только переносились въ послѣдній по аппелляціи (гл. IX).

Что касается до полицейскихъ функцій Магистратовъ, то имъ принадлежала какъ полиція безопасности, такъ и полиція благосостоянія, причемъ, регламентъ предписываетъ, чтобы Главный Магистратъ, „усмотря, что полезное къ установленію полиціи или добрыхъ гражданскихъ порядковъ къ исправленію", представлялъ свои соображенія „для апробаціи" въ Сенатъ (гл. X).

Во главѣ всей этой городской организаціи, однообразной повсей Имперіи, былъ поставленъ Главный Магистратъ, состоявшій изъ назначенныхъ Императоромъ оберъ-президента, президента, выборныхъ бурмистровъ и ратсгеровъ, изъ которыхъ половина должна была быть замѣщена иностранцами, достаточно знакомыми съ русскимъ языкомъ. При Магистратѣ „для смотрѣнія за тѣмъ, чтобы онъ свою должность хранилъ", находился особый прокуроръ. Главный Магистратъ подчинялся Сенату: оберъ-президентъ доноситъ ему о купеческихъ дѣлахъ, а Магистратъ ежегодно представляетъ „доношеніе" о состояніи городовъ.

Такова организація городского сословія на основаніи регламента Главному Магистрату. Созданіе сословія регулярныхъ гражданъ, раздѣленныхъ на гильдіи и цехи по образцу государствъ западной Европы, установленіе Магистратовъ съ Главнымъ Магистратомъ во главѣ и учрежденіе Коммерцъ-Коллегіи—вотъ мѣры, имѣвшія цѣлью „купечество и мануфактуры размножить и купецкихъ и ремесленныхъ тяглыхъ людей, яко разсыпанную храмину, паки собрать".

Состояніе городскихъ обывателей при преемникахъ Петра Великаго до Импер. Екатерины II. Но устройство состоянія городскихъ обывателей и органовъ его управленія, созданное Петромъ, осталось неизмѣннымъ только до его смерти. Съ воцареніемъ Импер. Екатерины I открывается цѣлый рядъ мѣръ, извращающихъ смыслъ и сущность Петровскихъ преобразованій. Такъ, вскорѣ послѣ смерти Петра, сборъ разныхъ доходовъ былъ возложенъ на отвѣтственность Магистратовъ. Это прямо противорѣчило планамъ Петра Великаго, который избавилъ Магистраты отъ всякой отвѣтственности по сборамъ. Возлагая отвѣтственность по сбору доходовъ на Магистраты, Имп. Екатерина I возвратилась къ преж-

нему взгляду на городскія установленія, какъ на установленія, созданныя для цѣлей фискальныхъ.

Въ 1727 г. самые Магистраты были подчинены надзору воеводъ и губернаторовъ „для лучшаго охраненія посадскихъ". Главный Магистратъ, съ подчиненіемъ городовыхъ Магистратовъ воеводамъ и губернаторамъ, потерялъ прежнее свое значеніе и при Петрѣ II былъ упраздненъ, а для производства суда надъ Петербургскимъ купечествомъ опредѣлено устроить Ратушу. Наконецъ, наказомъ губернаторамъ и воеводамъ 1728 года было опредѣлено городовые Магистраты замѣнить Ратушами.

Наряду съ измѣненіями въ организаціи городскихъ установленій, въ этомъ же году былъ изданъ указъ, по которому гостямъ и гостинной сотнѣ велѣно состоять въ подушномъ окладѣ наравнѣ съ прочими посадскими людьми и производить между собою раскладку подушнаго оклада посредствомъ выборныхъ сборщиковъ и, такимъ образомъ, мысль Петра о томъ, что „первостатейные граждане должны быть отмѣнны отъ подлаго гражданства привилегіями и преимуществами", была оставлена.

Указанныя измѣненія являются наиболѣе существенными въ ряду тѣхъ многочисленныхъ законодательныхъ мѣръ, которыя принимались правительствомъ въ отмѣну нововведеній Петра Великаго вплоть до вступленія на престолъ Имп. Елизаветы, которая повелѣла открыть въ Петербургѣ Главный Магистратъ, а въ прочихъ городахъ Магистраты на прежнихъ основаніяхъ и этимъ возвратилась къ политикѣ Петра въ дѣлѣ устройства состоянія городскихъ обывателей. Но полной реформѣ въ духѣ Петра Великаго города вновь подверглись лишь въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Законодательство Императрицы Екатерины II. Екатерина II въ своей преобразовательной дѣятельности относительно организаціи городского сословія шла по стопамъ Петра Великаго. Дѣятельность эта начинается съ момента восшествія ея на престолъ и завершается изданіемъ 21 апрѣля 1785 года, т. е. въ одинъ день съ изданіемъ жалованной грамоты дворянству, „*грамоты на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи*" (П. С. Зак. № 16188). Не останавливаясь на тѣхъ постановленіяхъ Имп. Екатерины II, которыя издавались въ промежутокъ времени отъ ея воцаренія до изданія Жалованной грамоты городамъ, такъ какъ постановленія эти цѣликомъ вошли въ грамоту, остановимся на изученіи этой послѣдней.

Все существенное въ грамотѣ на права и вольности городамъ Россійской Имперіи покоится на тѣхъ же основныхъ началахъ, которыя даны были Петромъ, Екатерина развиваетъ только

подробности и частности. Если Петръ Великій желалъ поднять города чрезъ лучшую организацію торговаго сословія, которую онъ заимствовалъ съ Запада, то Екатерина задалась цѣлью провести самую идею западно-европейскаго средняго сословія. Еще въ „Наказѣ", данномъ коммиссіи для составленія проекта новаго Уложенія, она высказала мысль о томъ, что средняго рода люди должны имѣть свои собственныя преимущества и не должны смѣшиваться ни съ высшими, ни съ низшими разрядами. „Въ городахъ живутъ", говорится въ Наказѣ, „мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, художествахъ, въ торговлѣ и наукахъ". Такое же понятіе о мѣщанскомъ сословіи, или средняго рода людяхъ, даетъ и Жалованная грамота 1785 года. Принадлежность къ этому сословію закрѣпляется внесеніемъ въ городскую обывательскую книгу раздѣленную, подобно дворянской родословной книгѣ, на 6 частей, изъ которыхъ *въ первую* записывались настоящіе городскіе обыватели, такъ называемые *дѣйствительные граждане*, а дѣйствительными гражданами названы домовладѣльцы; *во вторую* вносились *купцы*, записанные въ гильдіи, которыхъ было установлено три; *въ третью* часть городской обывательской книги вносились *цеховые ремесленники*; *въ четвертую — иностранные и иногородные гости*, которые желали производить торговлю въ данномъ городѣ, *въ пятую—именитые граждане; въ шестую—посадскіе*. Само собою понятно, что нѣкоторыя лица могли быть внесены въ нѣсколько частей городской обывательской книги.

Указанные шесть разрядовъ и составляютъ вмѣстѣ сословіе *городскихъ обывателей въ спеціальномъ смыслѣ* этого слова, торгово-промышленный классъ, прежнихъ регулярныхъ гражданъ по регламенту Главнаго Магистрата. Въ отличіе отъ нихъ Грамота называетъ *городскихъ обывателей въ широкомъ смыслѣ слова*, городскихъ обывателей вообще, къ которымъ относятся лица, живущія въ городѣ, *но не составляющія средняго рода людей*.

Каждому изъ перечисленныхъ шести разрядовъ городскихъ обывателей были предоставлены особыя права.

Такъ, 1) гильдейское купечество отличалось отъ всѣхъ другихъ разрядовъ преимуществами по торговлѣ (ст. 104, 110, 116) и избавлялось отъ подушной подати (ст. 93), а купцы первыхъ двухъ гильдій, сверхъ того, и отъ тѣлесныхъ наказаній (ст. 107 и 113).

2) Лица записавшіяся въ цехи, не получали отъ этого особыхъ правъ состоянія. Они причислялись, или къ посадскимъ, если не объявляли капитала, или къ купечеству, если капиталъ былъ ими объявленъ. Но имъ принадлежало исключительное право на производство ремеслъ: только цеховой мастеръ пользовался

правомъ открыть ремесленное заведеніе, имѣть опредѣленное количество подмастерій и учениковъ (ст. 133 пун. 58). Что касается самаго цехового устройства, то оно получаетъ въ грамотѣ еще большее развитіе сравнительно съ тѣмъ, которое было введено Петромъ. Екатерина II вводитъ полное цеховое самоуправленіе. Во главѣ этого самоуправленія стоятъ ремесленный голова, управы или цехи, и ремесленный сходъ. Ремесленный голова избирается ежегодно всѣми цехами города (ст. 123 пун. 11); на обязанности ремесленнаго головы лежитъ попеченіе о нуждахъ цеховъ, представительство ремесленнаго общества съ правомъ голоса въ шестигласной Думѣ, разрѣшеніе споровъ между управами (цехами) разныхъ ремеслъ (ст. 123, пун. 12—17). Управы, или цехи составляются изъ мастеровъ одинаковаго ремесла, но только тогда, когда въ городѣ одного и того же ремесла находится не менѣе пяти мастеровъ (ст. 123 3 и 4); изъ своей среды цеховые мастера ежегодно избираютъ управнаго старшину и двухъ старшинскихъ товарищей, которые и завѣдуютъ всѣми дѣлами цеха (9—25). Ремесленный сходъ собирается каждые четыре мѣсяца по приглашенію управнаго старшины и старшинскихъ товарищей для обсужденія дѣлъ даннаго цеха (ст. 123, пун. 21).

3) Именитое гражданство пользовалось нѣкоторыми правами дворянскаго состоянія, наприм., свободой отъ податей и отъ тѣлѣсныхъ наказаній (ст. 135), различными правами по торговлѣ безъ записки въ гильдіи и т. п. Къ именитымъ гражданамъ по жалованной грамотѣ причислялись: 1) тѣ, которые безпорочно прошли городскую службу и были выбраны вторично; 2) ученые, которые могутъ предъявить академическіе или университетскіе аттестаты; 3) художники трехъ художествъ, именно архитекторы, живописцы, скульпторы и композиторы, которые состоятъ членами академіи, или имѣютъ академическія свидѣтельства о своемъ знаніи или искусствѣ; 4) всякаго званія и состоянія капиталисты, которые объявятъ за собою капиталъ отъ 50000 рублей и болѣе; 5) банкиры, переводящіе деньги, которые для сего званія объявятъ за собою капиталъ отъ 100000 до 200000 рублей; 6) тѣ, которые торгуютъ оптомъ и не имѣютъ лавокъ; 7) кораблехозяева, отправляющіе за море собственные корабли.

Это именитое гражданство было уничтожено манифестомъ Импер. Александра I въ 1807 г., которымъ создано *первостатейное* купечество, но при Импер. Николаѣ, возвратившемся въ мысли Екатерины II, учреждено *почетное гражданство* закономъ 10 апрѣля 1832 года, который остался безъ существенныхъ измѣненій до настоящаго времени.

4) Лица, необъявившія капитала, неприписавшіяся къ цеху и непосвятившія себя занятію науками, художествомъ и мореплаваніемъ, составляли однообразную массу *посадскихъ*, впослѣдствіи *мѣщанъ* въ тѣсномъ значеніи слова, въ томъ значеніи, въ которомъ названіе это употребляется и до настоящаго времени. Посадское или мѣщанское общество каждаго города было вполнѣ тяглою единицею. Посадскіе не были изъяты отъ податей и повинностей и не пользовались никакими преимуществами, исключая правъ на нѣкоторые мелкіе промыслы и торги (ст. 141, 142 и 144).

Городское самоуправленіе. Кромѣ перечисленныхъ личныхъ правъ и преимуществъ, всѣ эти шесть разрядовъ городскихъ обывателей въ собственномъ смыслѣ пользуются и правами корпоративными.

Только они представляютъ опредѣленное „градское общество", надѣленное правомъ собираться для совѣщаній „по приказанію и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора" (ст. 29, 30). Въ составъ собранія градскаго общества съ правомъ голоса могутъ входить только городскіе обыватели, достигшіе 25 лѣтняго возраста, владѣющіе капиталомъ, приносящимъ болѣе 50 рублей ассигнаціями ежегоднаго дохода и неопороченные по суду; всѣ остальные члены городского общества (т. е., „безкапитальные" и недостигшіе 25 лѣтняго возраста), хотя и могутъ присутствовать въ собраніи, но правомъ голоса не пользуются, равно какъ не могутъ быть избраны въ должности, замѣщаемыя по выбору городского общества (ст. 50—52). Предметомъ совѣщаній собранія градскаго общества служили: 1) выборъ должностныхъ лицъ, какъ то городского головы, членовъ сословно-судебныхъ учрежденій; 2) выслушиваніе предложеній генералъ-губернатора или губернатора и отвѣтъ на эти предложенія, 3) представленіе о своихъ общественныхъ пользахъ и нуждахъ; 4) чтеніе городовой обывательской книги (ст. 30—38, 74).

Городское общество является вполнѣ юридическимъ лицомъ, пользующимся „мирно и вѣчно, на основаніи законовъ, землею со всѣми ея принадлежностями, всякаго рода недвижимостью" (ст. 2), общественной казной, составляемой добровольными складками и употребляемой на нужды города по общему согласію (ст. 42), и наконецъ, разными доходами.

Для осуществленія возложенной на городское общество задачи—вѣдать свои городскія пользы и нужды,—ему было предоставлено образовать изъ своей среды особыя установленія, которыхъ Жалованная грамота создаетъ два: это такъ называемыя Думы—Общая и Шестигласная.

1) *Общая Дума* состоитъ подъ предсѣдательствомъ городского головы изъ такъ называемыхъ гласныхъ отъ всѣхъ шести разрядовъ, на которые дѣлится городское общество.

Городской голова избирается цѣлымъ обществомъ. Этотъ органъ, подобно уѣздному предводителю дворянства, появился впервые въ 1766 году, когда предписано было избрать городского голову въ каждомъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Имперіи для руководства при выборѣ депутатовъ отъ городовъ въ Коммиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія. Съ этихъ поръ это должностное лицо существуетъ непрерывно до изданія Жалованной грамоты, по которой оно входитъ въ составъ обоихъ разсматриваемыхъ нами учрежденій въ качествѣ ихъ предсѣдателя.

Гласные отъ шести разрядовъ городскихъ обывателей избирались слѣдующимъ образомъ: каждый разрядъ избираетъ отдѣльно, причемъ, дѣйствительные граждане производятъ выборы по участкамъ, на которые въ полицейскомъ отношеніи разбивается городъ, купцы—по гильдіямъ, ремесленники—по цехамъ, иногородные и иностранные — по національностямъ,—„каждый народъ особо“, именитые граждане — „по семи названіямъ“, на которыя дѣлитъ ихъ грамота, если каждое изъ нихъ состоитъ не менѣе какъ изъ пяти человѣкъ, и, наконецъ, посадскіе — по частямъ города, въ которыхъ живутъ. Такимъ образомъ, каждый изъ разрядовъ обывателей избираетъ въ Общую Думу по нѣсколько представителей. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ Общей Думѣ каждый изъ нихъ имѣлъ свой голосъ. Дума, въ сущности, состояла изъ шести голосовъ: всѣ представители отъ каждаго разряда обывателей составляли „одинъ голосъ“. Мало того, каждый разрядъ совѣщался въ Думѣ отдѣльно отъ другого, такъ что члены послѣдней представляли не интересы цѣлаго города, а интересы только своего разряда (ст. 159—163).

Общая Дума по задачамъ, на нее возложеннымъ, представляла собою установленіе распорядительное, и собиралась не постоянно, а періодически: разъ въ три года или, „когда нужда и польза городская потребуетъ“.

2) Для постояннаго же завѣдыванія городскими дѣлами, въ качествѣ установленія исполнительнаго по отношенію къ Общей Думѣ, „полагается *Шестигласная Дума*, избираемая Общею изъ среды ея гласныхъ“. Въ составъ Шестигласной Думы подъ предсѣдательствомъ городского головы входили гласные Общей Думы по одному отъ каждаго изъ шести разрядовъ городскихъ обывателей, откуда установленіе это и получило свое названіе. Шести-

гласная Дума обязана собираться не менѣе одного раза въ недѣлю (ст. 164—166, 174 и 175).

Объемъ компетенціи Общей Думы являлся несравненно болѣе узкимъ, чѣмъ вѣдомство сословныхъ установленій временъ Петра Великаго: такъ, дѣла судебныя поручены не ей, а Магистратамъ; дѣла благочинія — полиціи; сборъ чисто государственныхъ доходовъ — Казенной Палатѣ; ей подлежитъ только „вѣдѣніе городского хозяйства и всего того, что служитъ къ пользѣ и нуждѣ города". Если къ этому прибавить, что контроль правительства надъ самымъ собраніемъ городского общества, былъ очень широкъ (собраніе составляется съ дозволенія губернатора, о всѣхъ доходахъ и расходахъ оно обязано давать отчетъ губернатору и Казенной Палатѣ), то станетъ понятно, что городскія установленія по жалованной грамотѣ 1785 года, въ противоположность Петровскимъ, пользовались весьма малой долей самостоятельности.

Городскія установленія послѣ Имп. Екатерины. Таковы постановленія Жалованной грамоты 1785 г., довершившія начатое Петромъ Великимъ устройство состоянія городскихъ обывателей и его общественныхъ установленій. Но не успѣла еще грамота привиться, какъ слѣдуетъ, въ жизни, не успѣли еще повсемѣстно начать отправленіе своихъ функцій новыя городовыя установленія, какъ преемникъ Екатерины II, Имп. Павелъ I, отмѣнилъ грамоту, преимущественно, въ той ея части, которая была посвящена организаціи городского самоуправленія. Найдя городовыя установленія Жалованной грамоты слишкомъ „великими" по составу, а потому и составляющими „тягость" для городского общества, Имп. Павелъ I повелѣлъ упразднить новыя установленія сперва въ Петербургѣ, а затѣмъ и во всѣхъ городахъ Имперіи. Но съ восшествіемъ на престолъ Имп. Александра I снова были призваны къ жизни упраздненныя установленія. Въ 1801 г., т. е., въ одинъ день съ возстановленіемъ Жалованной грамоты дворянству, былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, объявлялось, что Государь „призналъ за благо, въ пользу и ободреніе промысловъ, рукодѣлій и торговли, утвердить и возстановить городовое положеніе и грамоту, городамъ данную, во всей ея силѣ и пространствѣ"... Съ этого времени грамота на права и выгоды городамъ продолжала дѣйствовать съ небольшими измѣненіями, произведенными въ сороковыхъ годахъ XIX в., вплоть до 1870 года, когда было издано новое городовое Положеніе, реорганизовавшее городское самоуправленіе на началахъ не сословныхъ, какъ это было установлено Им. Екатериной II, а всесословныхъ; но отдѣльныя постановленія грамоты о личныхъ правахъ разныхъ разрядовъ го-

родскихъ обывателей и ихъ сословной организаціи остались безъ измѣненій и до нашихъ дней.

Плошинскій.—„Городское или среднее состояніе русск. народа въ его историчес. развитіи. *Пригара.*—Опытъ историческаго изслѣдованія состоянія городскихъ обывателей. — *Дитятинъ.* — „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи.“—*Кизеветтеръ.*— Посадская община въ Россіи въ XVIII в.

Сельскіе обыватели.

Въ XVIII вѣкѣ сельскіе обыватели, носившіе общее наименованіе крестьянъ, распадались на нѣсколько разрядовъ. Одни изъ этихъ разрядовъ являлись наслѣдіемъ Московской Руси, другіе появились въ петербургскій періодъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: а) крестьяне крѣпостные, состоявшіе въ зависимости отъ частныхъ владѣльцевъ и составлявшіе самый обширный по количеству разрядъ сельскихъ обывателей, б) крестьяне черносошные, и, наконецъ, в) дворцовые. Ко вторымъ могутъ быть отнесены: а) однодворцы, б) крестьяне экономическіе, в) крестьяне поссессіонные и г) удѣльные. Разсмотримъ всѣ указанные разряды крестьянъ въ отдѣльности.

Крестьяне крѣпостные. *Законодательство Петра Великаго.* Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ, состоявшееся, какъ сказано выше, въ силу отмѣны Уложеніемъ 1649 г. „урочныхъ лѣтъ“ для сыска и возвращенія бѣглыхъ крестьянъ на прежнія мѣста ихъ жительства, имѣло своимъ послѣдствіемъ постепенное развитіе крѣпостной зависимости, достигшей на практикѣ къ началу XVIII вѣка такой степени, что, несмотря на различіе, проводимое въ законѣ между крестьянами и холопами, въ жизни было уже трудно установить между ними границу. Полное же сліяніе этихъ двухъ столь различныхъ прежде группъ населенія, а, слѣдовательно, и ухудшеніе юридическаго положенія прикрѣпленныхъ, послѣдовало въ XVIII вѣкѣ, хотя законовъ, *устанавливающихъ прямо* крѣпостное состояніе, издано и не было. Состояніе это возникло косвеннымъ образомъ изъ различныхъ узаконеній, преслѣдовавшихъ финансовыя и государственныя цѣли. Первыми изъ такихъ узаконеній, оказавшихъ рѣшительное вліяніе на усиленіе крѣпостного права въ количественномъ и качественномъ отношеніи были указы Петра Великаго о ревизіи.

Петръ Великій организовалъ постоянную армію, на содержаніе которой потребовалось значительное усиленіе государствен-

ныхъ доходовъ. Между тѣмъ, финансовая система московскаго государства не обезпечивала интересовъ казны, главнымъ образомъ, потому, что объектомъ податного обложенія служили тогда земли и дворы тяглыхъ людей. А такъ какъ не всѣ лица были расписаны по тяглымъ, то многія не платили податей и не несли государственныхъ повинностей. Не платили податей холопы, какъ несвободные, составлявшіе частную собственность владѣльцевъ; не несли никакихъ повинностей и государевы вольные гулящіе люди, неимѣвшіе опредѣленныхъ занятій. Желая привлечь и эти разряды лицъ къ платежу податей и замѣнить всѣ разнообразные платежи и повинности одной общей, Петръ Великій принялъ объектомъ обложенія не имущество, а личность, душу плательщика, и ввелъ *подушную подать*. Для того, чтобы разложить эту подать и опредѣлить точно цифру государственнаго дохода, необходимо было познакомиться съ численностью населенія, для чего и предпринято было производство ревизіи или народной переписи. По поводу этого было издано нѣсколько указовъ, изъ которыхъ указъ 22 января 1719 года предписывалъ считать при ревизіи какъ крестьянъ и бобылей, такъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, устроенныхъ пашнею, т. е. какъ людей, только *прикрѣпленныхъ*, такъ *наемниковъ* и *полныхъ холоповъ*, лишь бы владѣлецъ отвелъ имъ землю (П. С. З. № 3287). При переписи, слѣдовательно, холопы были занесены въ одинъ разрядъ съ крестьянами. Такимъ образомъ, ревизія возвысила, съ одной стороны, состояніе холоповъ, помѣстила ихъ въ число людей, несущихъ тягло въ пользу государства, и тѣмъ *уничтожила существованіе полнаго рабства* въ Россіи, но, съ другой стороны, она приравняла крестьянъ къ холопамъ, уничтожила юридическое различіе между обоими разрядами и тѣмъ содѣйствовала *усиленію помѣщичьей власти*.

Вмѣстѣ съ развитіемъ крѣпостного права въ количественномъ отношеніи усиливалась и самая зависимость крестьянъ на практикѣ, хотя de jure послѣдніе во времена Петра пользовались нѣкоторыми правами и преимуществами.

Въ виду того, что въ подушный окладъ на ряду съ крестьянами были положены и холопы, неимѣвшіе никакой собственности, а потому неспособные платить подать, обязанность уплачивать эту послѣднюю за своихъ людей вообще возложена была на самихъ владѣльцевъ, какъ это видно изъ одной инструкціи 1722 г., гдѣ предписано: „объявить дворянамъ, чтобы платили со всякой души мужска пола крестьянъ, и дворовыхъ, и дѣловыхъ, и всякаго званія людей, какіе у нихъ въ деревняхъ обрѣтаются по осьми гривенъ съ персоны...“ (П. С. З. № 3901). Это повело къ тому,

что владѣльцы стали взыскивать съ крестьянъ подушную подать не только за нихъ самихъ, но и за холоповъ, съ которыхъ взять было нечего, что, въ свою очередь, вызвало массу злоупотребленій со стороны владѣльцевъ.

Противъ злоупотребленій помѣщичьей власти Петръ Великій сильно возставалъ и предпринималъ цѣлый рядъ мѣръ къ ея ограниченію и облегченію участи крѣпостныхъ. Такъ, для огражденія крестьянъ отъ непосильныхъ поборовъ и истязаній со стороны владѣльцевъ, онъ предписалъ воеводамъ отдавать помѣщиковъ, виновныхъ въ разореніи и угнетеніи крестьянъ, *„до исправленія подъ началъ“*, а управленіе имѣніемъ поручать близкимъ его родственникамъ; далѣе, онъ предоставилъ дворовымъ людямъ право *поступать въ военную службу* и безъ согласія господина—право, въ виду злоупотребленій помѣщичьей власти, очень важное для крестьянъ; разрѣшилъ крестьянамъ, которые вели торговлю на извѣстную сумму, *приписываться къ городамъ* даже и вопреки желанію ихъ помѣщиковъ, причемъ, послѣдніе не могли брать съ нихъ оброка болѣе, чѣмъ съ остальныхъ крестьянъ; уничтожилъ право помѣщиковъ *ставить за себя на правежъ своихъ крѣпостныхъ*, наконецъ, обратилъ вниманіе на сильно развитую въ то время торговлю людьми, *запретивъ продажу крѣпостныхъ безъ земли въ раздробь*, отдѣльно отъ семействъ—дѣтей отъ родителей, родителей отъ дѣтей,—допустивъ продажу безъ земли въ крайнихъ случаяхъ, но не иначе, какъ цѣлыми семьями.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ при преемникахъ Петра Великаго. При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго мы не встрѣчаемся съ постановленіями, стремящимися ограничить все болѣе и болѣе развивающуюся фактически власть помѣщиковъ. Крѣпостное право въ это время и распространяется, и усиливается. Численность крѣпостныхъ увеличивается посредствомъ приписки по ревизіямъ. При Петрѣ II отмѣнено прежнее кабальное холопство указомъ 1729 года, въ которомъ предписывалось всѣхъ кабальныхъ людей, равно какъ и малолѣтнихъ дѣтей ихъ писать въ подушной окладъ за тѣми помѣщиками, за которыми они живутъ по кабаламъ“ (П. С. З. № 5392). Вслѣдъ за кабальными людьми подверглись той же участи вольные государевы люди. Они по указу Петра Великаго въ 1722 году потеряли свое прежнее значеніе и должны были идти или въ солдаты, или за негодностью къ военной службѣ записаться къ кому либо въ дворовые люди; но это распоряженіе не совсѣмъ еще было приведено въ исполненіе, почему встрѣчались вольные гулящіе люди даже и послѣ Петра. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія

только что приведеннаго указа о кабальныхъ холопахъ послѣдовало распоряженіе, чтобы вольные гуляющіе люди или поступали въ военную службу, или за негодностью записывались за кого-либо *въ подушный окладъ*, въ противномъ случаѣ они подлежали ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Этими двумя указами многочисленные разряды кабальныхъ и гулящихъ людей слиты съ крѣпостными и о нихъ не упоминается уже болѣе въ указахъ (П. С. З. № 5441). Далѣе, при Импер. Елизаветѣ велѣно было писать въ подушной окладъ малолѣтнихъ неизвѣстнаго происхожденія, незаконнорожденныхъ и подкидышей: первыхъ—за желающими, вторыхъ—за тѣми, кому они подкинуты.

Рядомъ съ распространеніемъ крѣпостного права ухудшается и положеніе крестьянъ тѣмъ, что въ 1727 году въ отмѣну постановленія Петра Великаго дворовымъ запрещается поступать въ военную службу безъ дозволенія помѣщика, Имп. Елизавета не только подтвердила это постановленіе, но и приказала подвергать суровому наказанію крѣпостныхъ, самовольно подавшихъ прошеніе о принятіи ихъ въ военную службу (П. С. З. № 8577). При Аннѣ Іоанновнѣ разрѣшено было покупать крѣпостныхъ въ раздробь и ставить за себя въ рекруты. При Елизаветѣ Петровнѣ помѣщикамъ было предоставлено важное право ссылать крестьянъ въ Сибирь на поселеніе безъ суда. Мѣра эта, вызванная стремленіемъ правительства колонизовать Сибирь, укрѣпила, конечно, власть помѣщиковъ. Указъ Сената 1760 года дозволилъ помѣщикамъ ссылать въ Сибирь нерадивыхъ крестьянъ, воровъ и пьяницъ, женатыхъ съ женами, а если захотятъ помѣщики, то и съ дѣтьми; при этомъ, правительство въ цѣляхъ административныхъ поощряло подобнаго рода ссылки тѣмъ, что давало за ссыльнаго рекрутскую квитанцію въ зачетъ, а если помѣщикъ ссылалъ крестьянина съ дѣтьми, то получалъ за послѣднихъ денежное вознагражденіе, смотря по ихъ возрасту (П. С. № 11666). Помѣщики не замедлили воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, но не столько въ видахъ колонизаціи Сибири, сколько въ личныхъ интересахъ. Они стали ссылать крѣпостныхъ, неспособныхъ къ работѣ: увѣчныхъ, больныхъ, стариковъ и, получивъ за нихъ рекрутскую квитанцію, освобождались отъ обязанности выставлять рекрута. При этомъ, они дробили семьи и ссылали крѣпостныхъ не только безъ дѣтей, но даже и безъ женъ.

Таково положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ первую половину XVIII вѣка. Какъ ни тяжело было это положеніе, но до тѣхъ поръ, пока были закрѣпощены всѣ сословія, пока всѣ они несли государственное тягло, закрѣпленіе крестьянъ за помѣщиками не

казалось особенной аномаліей. Дворянство пользовалось правомъ владѣть крѣпостными крестьянами на томъ основаніи, что само было обязано нести служебное тягло: оно было такимъ же крѣпостнымъ сословіемъ относительно государства, какимъ относительно его были крестьяне. Въ кратковременное царствованіе Импер. Петра III послѣдовала важная мѣра по отношенію къ дворянамъ: обязательность службы, какъ мы видѣли, была отмѣнена, и имъ было оставлено на собственное благоусмотрѣніе служить, или не служить. Съ измѣненіемъ положенія дворянства измѣнялось и положеніе крестьянъ. Мотивъ прикрѣпленія послѣднихъ былъ чисто государственнаго характера—доставить служилому классу для исправнаго отбыванія ими своей повинности постоянныхъ работниковъ; помѣщикъ освобожденъ теперь отъ службы: крестьянину не было основанія на него работать. Такимъ образомъ, логическимъ послѣдствіемъ освобожденія дворянства отъ обязательной службы должно было быть освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Но этого не случилось. Мѣра Петра III не была распространена на крестьянъ. Напротивъ, въ этомъ же 1762 году было издано одно частное постановленіе, ограничивавшее право крестьянъ *причисляться къ посадамъ для торговли.*

Законодательныя мѣры по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ Императрицы Екатерины II. Ничего не сдѣлала въ этомъ направленіи и Импер. Екатерина II, не смотря на знакомство свое съ просвѣтительными идеями современныхъ ей западно-европейскихъ философовъ; наоборотъ, своими мѣрами по отношенію къ крестьянамъ она содѣйствовала распространенію крѣпостного права и ухудшенію положенія крѣпостныхъ.

При Екатеринѣ крѣпостное право распространяется на Малороссію. Хотя въ этой послѣдней крѣпостное право и существовало, какъ наслѣдіе отъ Польши, подъ владычествомъ которой Малороссія находилась, какъ извѣстно, долгое время, однако до Импер. Екатерины II тамъ оставались еще вольные посполитые крестьяне, пользовавшіеся правомъ перехода отъ одного землевладѣльца къ другому.

Въ 1783 г. Екатерина II издаетъ указъ совершенно запрещавшій посполитымъ переходы съ мѣста на мѣсто въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской и Новгородъ-Сѣверской, вслѣдствіе чего малороссійскіе крестьяне сдѣлались такими же крѣпостными, какъ и ихъ собратья въ Великороссіи (П. С. З. № 15540).

Наряду съ распространеніемъ крѣпостной зависимости на всю Малороссію, шло расширеніе крѣпостного права путемъ по-

жалованія разнымъ лицамъ государственныхъ населенныхъ земель. Этотъ способъ возникъ раньше царствованія Екатерины, но при ней онъ практиковался въ обширныхъ размѣрахъ. Всего въ ея царствованіе было роздано до 800 тысячъ душъ государственныхъ крестьянъ въ частное владѣніе.

Такимъ образомъ, Им. Екатерина II болѣе всѣхъ другихъ государей увеличила фактическій объемъ крѣпостного состоянія, хотя съ другой стороны, она запретила въ 1780 году всякому свободному человѣку записываться въ крѣпостные.

Изъ мѣръ Имп. Екатерины II, содѣйствовавшихъ ухудшенію положенія крѣпостныхъ крестьянъ, надо отмѣтить слѣдующія. Въ 1765 году былъ изданъ указъ, которымъ предоставлялось помѣщикамъ право ссылать крестьянъ за дерзости не только въ Сибирь на поселеніе, какъ это было установлено при Им. Елизаветѣ, а на каторгу и также безъ всякаго суда. Въ слѣдующемъ же 1766 году подтвержденъ указъ Им. Елизаветы, предоставлявшій право ссылать крестьянъ и дворовыхъ людей въ Сибирь на поселеніе „за продерзости“. Въ 1767 году было отнято у крестьянъ единственное средство оградить себя отъ произвола помѣщичьей власти—право подавать челобитныя на помѣщиковъ: за подачу жалобъ виновные подлежатъ ссылкѣ въ каторжные работы.

Характеристика крѣпостного состоянія при Екатеринѣ II. Описанныя мѣры, въ связи съ постановленіями предшествующихъ царствованій относительно крестьянъ, привели къ тому, что крѣпостное право достигло высшей степени своего развитія. Въ это время крѣпостное состояніе de jure характеризуется слѣдующими чертами: крѣпостные люди состоятъ въ вѣчной зависимости у помѣщика-дворянина и обязаны безпрекословнымъ повиновеніемъ своему владѣльцу во всемъ, что не противорѣчитъ общимъ государственнымъ законамъ. Личныхъ правъ крестьяне никакихъ не имѣютъ: имъ не дозволяется самовольно переходить отъ одного владѣльца къ другому или поступать въ другое состояніе, а также переселяться на другія земли безъ воли помѣщика; они не могутъ вступать въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было безъ дозволенія помѣщика (но послѣдній, по закону, не можетъ принуждать ихъ къ браку); имущественныхъ правъ крестьяне также лишены: недвижимыхъ имуществъ пріобрѣтать они не могутъ совершенно, а движимое ихъ имущество не обезпечено отъ притязаній помѣщика. Не имѣя личныхъ и имущественныхъ правъ, крестьяне несутъ однѣ лишь обязанности и не только въ пользу помѣщика, но и по отношенію къ государству, уплачивая подушную подать, отбывая рекрутскую и иныя повинности.

Владѣльцу принадлежитъ право хозяйственнаго пользованія крѣпостными, въ силу чего онъ можетъ налагать на нихъ всякія работы, взимать оброкъ, требовать отбыванія личныхъ повинностей, причемъ, опредѣленіе количества рабочихъ дней, размѣра оброка и повинностей предоставлено полной и безграничной волѣ помѣщика. Мало того, осуществляя свое право пользованія, помѣщикъ можетъ переводить крестьянина во дворъ, а дворовыхъ людей на пашню, переселять крестьянъ съ одной земли на другую, впрочемъ, не иначе, какъ съ дозволенія земскаго суда; можетъ передавать свою власть надъ крѣпостными кому угодно, какъ по арендному контракту на землю, такъ и въ силу передачи по найму отдѣльныхъ крестьянъ безъ земли во временное пользованіе.

Далѣе, владѣльцу принадлежитъ право распоряженія крѣпостными, т. е. онъ можетъ продавать и мѣнять ихъ, какъ на людей, такъ и на другіе предметы, и, притомъ, съ землею и безъ земли, цѣлыми деревнями, семействами и по одиночкѣ.

Наконецъ, помѣщику принадлежитъ судебно-полицейская власть надъ крѣпостными: всѣ взаимные споры и иски крѣпостныхъ людей между собою разбираются и судятся владѣльцемъ окончательно. Для удержанія крестьянъ въ повиновеніи помѣщикъ можетъ наказывать ихъ по своему усмотрѣнію, но безъ увѣчья и безъ опасности для жизни; однако, по уголовнымъ дѣламъ крѣпостные люди подсудны наравнѣ со всѣми другими подданными общимъ государственнымъ учрежденіямъ. Помѣщику предоставляется право отдавать крѣпостныхъ въ рекруты, ссылать въ Сибирь на поселеніе и въ каторжную работу, отдавать въ смирительные дома на срокъ, опредѣляемый по его желанію, при этомъ, подавать жалобы на жестокое обращеніе помѣщика крѣпостнымъ воспрещается подъ угрозой вѣчной каторжной работы.

Таково положеніе крѣпостныхъ de jure. Но въ жизни положеніе это было еще тягостнѣе, такъ какъ и тѣ немногія ограниченія власти, которыя указаны выше, на практикѣ не существовали. Такъ, законъ запрещалъ помѣщику принуждать крѣпостныхъ къ браку, запрещалъ переселять крестьянъ съ одной земли на другую безъ позволенія начальства, запрещалъ увѣчить и убивать при осуществленіи помѣщикомъ своихъ карательныхъ функцій; всѣ эти запрещенія, какъ извѣстно, игнорировались: помѣщикъ дѣлалъ, что хотѣлъ, съ крестьяниномъ, и послѣдній не имѣлъ никакихъ законныхъ средствъ обороны отъ злоупотребленій помѣщикомъ своей властью.

Мѣры, направленныя къ облегченію положенія крѣпостныхъ. Такое бѣдственное положеніе крестьянъ не могло, конечно, оста-

ваться долго незамѣченнымъ. Имп. Павелъ манифестомъ, изданнымъ въ день коронаціи 5 апрѣля 1797 года, впервые положилъ нѣкоторую границу власти помѣщика надъ трудомъ крестьянина. Манифестъ предписывалъ, чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ къ работѣ по праздникамъ, да и въ будни пользовались только трехдневною работою въ недѣлю, а другіе три дня недѣли оставляли крестьянину для работъ по его крестьянскому хозяйству (П. С. З. № 17909). Конечно, исполненіе этого закона обусловливалось бдительнымъ надзоромъ со стороны правительства и правомъ жалобъ со стороны крестьянъ. Но ни то, ни другое условіе не было, однако, обезпечено еще, какъ слѣдуетъ. На другой годъ былъ изданъ новый указъ, запрещавшій продавать въ Малороссіи крестьянъ безъ земли (П. С. З. № 18706).

Имп. Александръ I указомъ 1802 года пріостановилъ ссылку крѣпостныхъ на поселеніе по желанію помѣщиковъ „впредь до повелѣнія“ (П. С. З. № 20119), а въ 1811 году именнымъ повелѣніемъ было разъяснено, что ссылка крѣпостныхъ на поселеніе производится не по просьбѣ или желанію помѣщика, а по закону; при этомъ, для ссылки на поселеніе по приговору судебныхъ мѣстъ крѣпостной долженъ совершить не какой нибудь маловажный проступокъ, а преступленіе, въ родѣ кражи на сумму болѣе 100 рублей, пристонодержательства и т. п. (П. С. З. № 24707). Впрочемъ, указанныя постановленія были измѣнены въ 1822 году, когда снова было предоставлено помѣщикамъ ссылать своихъ людей, но только тѣхъ изъ нихъ, „коихъ помѣщики за пьянство и другіе продерзостные проступки, причиняющіе имъ безпокойства, имѣть при себѣ не пожелаютъ, а къ военной службѣ такіе люди окажутся негодными“ (П. С. З. № 28954).

За указомъ, пріостанавливавшимъ ссылку крѣпостныхъ, былъ изданъ указъ, въ силу котораго отъ помѣщиковъ было отнято право отдавать крѣпостныхъ въ каторжную работу (П. С. З. № 23530).

Въ 1817 году послѣдовалъ указъ, возстановившій законъ Петра Великаго о назначеніи опекъ для управленія имѣніями тѣхъ помѣщиковъ, которые не обезпечатъ продовольствія крестьянъ или будутъ уличены въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами (П. С. З. № 27266).

Мѣры къ освобожденію крестьянъ при Имп. Александрѣ I и Николаѣ I. Наряду съ перечисленными мѣрами при Александрѣ I былъ изданъ извѣстный законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ,— первое изъ освободительныхъ постановленій. Поводомъ къ изданію этого закона послужила записка, поданная Государю графомъ

Румянцевымъ, сыномъ знаменитаго фельдмаршала. Въ этой запискѣ онъ предлагалъ дозволить помѣщикамъ освобождать цѣлыя селенія, „утверждая крѣпостнымъ порядкомъ участки или угодья за каждымъ крестьяниномъ особливо, или же всю дачу за обществомъ на условіяхъ, согласныхъ съ государственными узаконеніями и обоюдною пользою“. Такое дозволеніе, по словамъ Румянцева, поведетъ къ постепенному уничтоженію самаго рабства, которое „иное ли что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе“ и поведетъ потому, что „многіе помѣщики находятъ выгоднымъ для себя давать свободу крестьянамъ за извѣстную плату“. Государь, разсмотрѣвъ записку, поручилъ Румянцеву составить проектъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Проектъ этотъ вскорѣ былъ поданъ Румянцевымъ и, по разсмотрѣніи его въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ утвержденъ Государемъ 20 февраля 1803 года. Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ дозволялъ, какъ самому Румянцеву, такъ и тѣмъ помѣщикамъ, которые по собственному желанію послѣдуютъ его примѣру, освобождать крѣпостныхъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) крестьяне могутъ отпускаться на волю по одиночкѣ, и цѣлыми селеніями съ утвержденіемъ за ними участковъ земли или цѣлой дачи; 2) условія, заключаемыя по этому поводу между помѣщикомъ и отпускаемыми на волю крѣпостными, подлежатъ утвержденію Государя, которому представляются чрезъ губернскаго предводителя дворянства и министра внутреннихъ дѣлъ; 3) крестьянинъ, или цѣлое селеніе, неисполнившее принятыхъ на себя обязательствъ, возвращаются по прежнему во владѣніе помѣщика съ землею и семействами; 4) отпущенные на волю могутъ причислиться къ другимъ сословіямъ; если же этого не пожелаютъ, могутъ оставаться земледѣльцами на собственныхъ земляхъ и составляютъ „особенное состояніе *свободныхъ хлѣбопашцевъ*“; 5) пріобрѣтя землю въ собственность, свободные хлѣбопашцы получаютъ право распоряженія ею, т. е. могутъ продавать, закладывать и завѣщать, однакоже не раздробляя участковъ менѣе 8 десятинъ (П. С. З. № 20620).

На другой день послѣ изданія указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ были изданы правила въ руководство министру внутреннихъ дѣлъ при разсмотрѣніи условій между помѣщиками и крестьянами. На основаніи этихъ правилъ условія могли быть трехъ родовъ:

или 1) помѣщикъ даетъ крестьянамъ *личную свободу* съ утвержденіемъ за ними земли въ собственность за опредѣленную въ условіи сумму, которая вносится *при самомъ совершеніи отпускной*;

или 2) *при увольненіи плата разсрочивается въ года* и назна-

чается число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ крестьяне обязаны исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности;

или 3) крестьяне, *оставаясь крѣпкими землѣ*, заключаютъ съ помѣщиками условія, на основаніи которыхъ, *владѣя его землею*, они обязываются на извѣстное число лѣтъ, по жизнь его или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить оброкъ деньгами или продуктами (Полн. Собран. Зак. № 20625).

Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, несмотря на заявленіе Румянцева, что помѣщики находятъ выгоднымъ для себя освобождать крестьянъ, слабо привился въ жизни: число освобожденныхъ было не велико не только въ царствованіе Импер. Александра Благословеннаго, но и при восшествіи на престолъ Александра II, т. е. чрезъ 50 лѣтъ послѣ изданія; именно, въ это время насчитывалось свободныхъ хлѣбопашцевъ до 115835 душъ.

Но если помѣщики слабо воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ, то нельзя, тѣмъ не менѣе, не признать важнаго значенія за этимъ закономъ, такъ какъ онъ ставилъ помѣщикамъ преграды къ освобожденію крестьянъ *безъ земли*, что имѣло благотворное вліяніе на судьбу освобожденныхъ.

За разсмотрѣнной мѣрой къ освобожденію крестьянъ послѣдовала и другая въ томъ же направленіи. Въ 1816 г. были освобождены крѣпостные въ Остзейскомъ краѣ, но освобожденіе это состоялось *безъ земли*; крестьяне получили только личную свободу. Освободивъ крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, Императоръ хотѣлъ распространить эту мѣру и на всю Россію и съ этою цѣлью поручилъ сперва графу Канкрину, а затѣмъ Аракчееву составить проектъ освобожденія. По проекту *Канкрина*, крестьяне должны были *выкупить у помѣщиковъ назначенную имъ землю въ теченіе 60 лѣтъ*. Проектъ же *Аракчеева* состоялъ въ томъ, что *правительство* должно было *выкупить крестьянъ съ землею въ казну* по соглашенію съ помѣщиками, на что ежегодно правительство должно ассигновывать только по пяти милліоновъ рублей, и, такимъ образомъ, операція выкупа могла окончиться лишь чрезъ очень продолжительное время. Оба эти проекта остались безъ движенія

Въ царствованіе Императора Николая I, сторонника постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права, мысль объ освобожденіи крестьянъ не была оставлена; напротивъ, несмотря на полное несочувствіе своихъ сотрудниковъ, на что не разъ жаловался самъ Императоръ, онъ тѣмъ не менѣе учреждалъ негласные комитеты для обсужденія „дѣла, которое“, какъ онъ самъ выражался, „почиталъ должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи“. И дѣйствительно, эти многочисленные комитеты при-

готовили обширный матеріалъ, которымъ впослѣдствіи, въ царствованіе Импер. Александра II воспользовались при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса; но прямого практическаго значенія для того дѣла, для котораго они учреждались, комитеты эти при Имп. Николаѣ I не имѣли, за исключеніемъ одного изъ нихъ, обсуждавшаго проектъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, *графа Киселева* объ уничтоженіи затрудненій выхода изъ крѣпостного состоянія. На основаніи этого проекта, принятаго комитетомъ и разсмотрѣннаго въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ изданъ 2 апрѣля 1842 года извѣстный *указъ объ обязанныхъ крестьянахъ*. Указъ этотъ дозволялъ помѣщикамъ по собственному ихъ усмотрѣнію освобождать крѣпостныхъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) земля остается въ собственности помѣщиковъ; 2) крестьяне получаютъ только личную свободу; 3) помѣщики надѣляютъ крестьянъ опредѣленными участками изъ своей земли, за что крестьяне обязаны отбывать повинности, устанавливаемыя особыми между ними договорами; причемъ, повинности эти могутъ быть опредѣлены въ видѣ денежнаго оброка, обработки помѣщичьей земли, уплаты натурой и т. п.

Крестьяне, получившіе на такихъ условіяхъ личную свободу, считаются по отношенію къ помѣщикамъ въ силу пользованія ихъ землей *крестьянами обязанными*.

Но и эта мѣра, подобно разсмотрѣнному указу о свободныхъ хлѣбопашцахъ, отъ котораго она невыгодно отличалась тѣмъ, что допускала *освобожденіе безъ земли*, практическихъ результатовъ не имѣла: на основаніи этого указа до реформъ Императора Александра II было освобождено помѣщиками около 25000 душъ.

Такимъ образомъ, первыя освободительныя попытки, въ основу которыхъ былъ положенъ принципъ *добровольнаго освобожденія крестьянъ со стороны помѣщиковъ*, оказались неудачными. Необходимо было отмѣнить крѣпостное право принудительно, даровавъ крестьянамъ не только личную свободу, но и надѣливъ ихъ землей. Эта задача, какъ извѣстно, была окончательно рѣшена знаменитымъ Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости 19 Февраля 1861 года.

Государственные черносошные крестьяне. Этотъ разрядъ крестьянъ, представляя остатокъ черносошныхъ московскаго государства, сохранился въ XVIII вѣкѣ, какъ въ нѣкоторыхъ, преимущественно, сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири. Такая отдаленность черносошныхъ отъ государства и служила главною причиною того, что они не были закрѣпощены и удержали независимость; земля, на которой они сидѣли, частью на-

ходилась въ общинномъ ихъ владѣніи, частью же принадлежала нѣкоторымъ изъ нихъ на правѣ частной собственности, въ силу котораго они могли распоряжаться ею, т. е. дарить, завѣщать, закладывать, продавать и т. п. Эта свобода распоряженія имѣла своимъ послѣдствіемъ обезземеленіе черносошныхъ, продававшихъ свои земли лицамъ другихъ сословій, и появленіе среди этихъ крестьянъ особаго разряда—половниковъ, которые, послѣ продажи своихъ участковъ, садились на земляхъ новыхъ владѣльцевъ „изъ-полу“; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ за пользованіе землей, сверхъ половины урожая, половники обязаны были еще личными услугами и натуральными повинностями въ пользу землевладѣльцевъ.

Желая прекратить продажу черносошныхъ земель и связанный съ этимъ переходъ крестьянъ въ разрядъ половниковъ, правительство съ половины XVIII вѣка принимаетъ ограничительныя мѣры. Такъ, Имп. Елизавета межевою инструкціею 1754 года запретила продавать крестьянскіе участки лицамъ, не положеннымъ въ подушный окладъ, и предписала отобрать ранѣе проданныя земли. Императрица же Екатерина II пошла въ этомъ направленіи еще дальше. Межевою инструкціей 1766 года она запретила продажу черносошныхъ участковъ не только лицамъ, другихъ сословій, но и между крестьянами. Сверхъ этого, межевая инструкція лишила вообще черносошныхъ права распоряженія своими участками и воспретила переходъ по наслѣдству тѣхъ земель, съ которыхъ крестьяне обязаны были платить подушную подать.

Дворцовые крестьяне. Дворцовыми крестьянами въ обширномъ смыслѣ слова назывались нѣсколько разрядовъ крестьянъ; сюда относятся: 1) крестьяне государевы, поселенные въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ лично государямъ и другимъ членамъ царской фамиліи; 2) крестьяне конюшенные, издавна существовавшіе въ московскомъ государствѣ и уже съ XVI вѣка вѣдавшіеся особымъ Конюшеннымъ приказомъ; 3) дворцовые въ тѣсномъ смыслѣ слова, представлявшіе собою остатокъ московскихъ дворцовыхъ, доходы съ которыхъ шли на содержаніе двора.

Эта послѣдняя группа дворцовыхъ крестьянъ была самою многочисленною и не смѣшивалась съ другими перечисленными выше группами. Подобно крѣпостнымъ, дворцовые въ тѣсномъ смыслѣ крестьяне или несли исключительно натуральные повинности, или же состояли на денежномъ оброкѣ; причемъ, между отдѣльными селеніями размѣръ какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ повинностей былъ крайне различенъ: чѣмъ ближе эти

селенія расположены были къ Москвѣ, тѣмъ и повинностей на дворцовыхъ крестьянахъ лежало больше. Что касается пользованія землей, то послѣднее было предоставлено дворцовымъ на правахъ какъ общиннаго землевладѣнія, такъ и частной собственности. Участки, принадлежавшіе имъ на правѣ собственности, могли свободно отчуждаться до изданія межевой инструкціи 1766 г., когда воспрещены были, какъ сказано выше, крестьянамъ продажа и залогъ земель.

Въ царствованіе Императора Павла I Учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи 5 Апрѣля 1797 года нѣкоторыя дворцовыя имѣнія были *даны въ удѣлъ* на содержаніе членовъ Императорскаго Дома, откуда они и получили названіе *удѣльныхъ*. Удѣльныя имѣнія запрещено было продавать и промѣнивать; они могли переходить только по наслѣдству, причемъ, по пресѣченія того поколѣнія, которому они были даны, имѣнія эти должны были возвращаться въ общій составъ удѣльныхъ имѣній. Дворцовые крестьяне, поселенные въ этихъ имѣніяхъ были переименованы въ удѣльныхъ и управленіе ими было поручено особому установленію—департаменту удѣловъ.

Однодворцы были потомками московскихъ служилыхъ людей низшихъ чиновъ, каковы поселенные на окраинахъ государства пушкари, драгуны и др. По ревизіи 1719 года къ сельскимъ обывателямъ были причислены и однодворцы и, сверхъ того, въ разрядъ однодворцевъ вошли мелкопомѣстные неслужилые бывшіе боярскіе дѣти. Однодворцы, какъ показываетъ самое названіе, пользовались землей на основаніи подворнаго, участковаго землевладѣнія, общинное владѣніе землей имъ не было извѣстно. До 1727 года однодворцамъ было предоставлено право свободнаго распоряженія своими землями, въ этомъ же году продажа послѣднихъ была запрещена. Но такъ какъ запрещеніе это не соблюдалось и много однодворческихъ земель перешло въ руки лицъ другихъ сословій, то Императрица Екатерина II межевою инструкціею 1766 года подтвердила упомянутый указъ 1727 года. Впрочемъ, къ этому времени во многихъ мѣстахъ сами однодворцы, желая предотвратить дальнѣйшее отчужденіе земельныхъ участниковъ, перешли на общинное землевладѣніе.

Крестьяне экономическіе. Крестьянами экономическими съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка стали называться крестьяне *духовныхъ вотчинъ*, т. е. церквей, соборовъ, монастырей и архіерейскихъ домовъ. Эти крестьяне духовныхъ вотчинъ составляли самый многочисленный послѣ крѣпостныхъ разрядъ сельскихъ обывателей: по третьей ревизіи, произведенной въ началѣ царствованія Императрицы

Екатерины II ихъ насчитывалось 12, 4% всѣхъ сельскихъ обывателей. Положеніе этихъ крестьянъ въ сущности ничѣмъ не отличалось отъ положенія крѣпостныхъ частныхъ владѣльцевъ; они также могутъ быть раздѣлены на оброчныхъ и барщинныхъ. Барщинные исполняли разныя земледѣльческія работы на поляхъ и огородахъ, косили сѣно, возили лѣсъ, приготовляли кирпичъ, воздвигали постройки, несли подводную и исполняли многія другія повинности; въ замѣнъ же нѣкоторыхъ повинностей натурой съ нихъ взыскивались разные денежные сборы. Оброчные, уплачивая подесятинный оброкъ, размѣръ котораго опредѣлялся въ разныхъ вотчинахъ различно, исполняли, сверхъ этого, разныя повинности и давали всевозможные предметы натурою (хлѣбъ, сѣно, дрова, уголья, съѣстныя припасы и т. п.) или соотвѣтственное количество денегъ, Всѣ указанныя повинности были очень тяжелы для крестьянъ, вслѣдствіе чего нерѣдко возникли среди нихъ волненія и приносились правительству жалобы на духовное начальство. Эти жалобы побудили правительство измѣнить положеніе крестьянъ духовныхъ вотчинъ. 16 Февраля 1762 года Петръ III именнымъ указомъ предписалъ: 1) учредить въ Москвѣ подъ вѣдомствомъ Сената Коллегію Экономіи и управленіе крестьянами, изъявъ изъ духовнаго вѣдомства, передать въ вѣдѣніе послѣдней; 2) съ крестьянъ духовныхъ вотчинъ, сверхъ подушнаго оклада, взимать рублевый оброкъ, а на содержаніе монастырей и церквей отпускать деньги, опредѣленныя по штату, и 3) землю, обрабатываемую крестьянами на своихъ владѣльцевъ, отдать этимъ крестьянамъ. Указъ этотъ возбудилъ неудовольствіе духовенства, почему Екатерина II, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, поспѣшила его отмѣнить, возвративъ синодальныя, архіерейскія, монастырскія и церковныя имѣнія по прежнему въ управленіе духовныхъ властей и уничтоживъ Коллегію Экономіи. Однако, не смотря на такія мѣры, Екатерина II не думала на этомъ остановиться; въ концѣ 1762 года она учредила особую коммиссію изъ трехъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ лицъ для разсмотрѣнія вопроса о церковныхъ имѣніяхъ. На основаніи доклада этой коммиссіи былъ изданъ въ 1763 году указъ о возстановленіи Коллегіи Экономіи, въ завѣдываніе которой передавалась половина всѣхъ духовныхъ вотчинъ, другая же половина оставлялась въ непосредственномъ вѣдѣніи духовенства. Этотъ указъ вызвалъ сильныя волненія среди крестьянъ, что и побудило Императрицу окончательно отобрать духовныя вотчины. Знаменитымъ указомъ 26 Февраля 1764 года всѣ церковныя имущества были секуляризованы и перешли въ исключительное завѣдываніе

Коллегіи Экономіи. Крестьяне, переименованные теперь въ крестьянъ экономическихъ, получили право собственности на земли и сѣнокосы, „какіе на дома архіерейскіе и монастыри пахали и косили“, а въ 1786 году, когда Коллегія Экономіи была упразднена, во всемъ были сравнены съ крестьянами казенными, или государственными.

Крестьяне посессіонные. Этотъ разрядъ крестьянъ возникаетъ со временъ Петра Великаго. Въ своихъ заботахъ о развитіи промышленности фабричной и заводской Петръ Вел. указомъ 1721 года разрѣшилъ какъ дворянамъ, такъ и купцамъ „для размноженія заводовъ покупать населенныя имѣнія, дабы тѣ имѣнія всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно“. Крестьяне, посселенные на приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ имѣніяхъ, и получили въ концѣ XVIII вѣка названіе посессіонныхъ, отъ слова „поссессія“, подъ которой разумѣлось пособіе, дававшееся фабрикамъ и заводамъ отъ казны въ видѣ земель, лѣсовъ, крестьянъ и т. п. Кромѣ покупки, разрядъ посессіонныхъ возникалъ и иными способами. Такъ, правительство само иногда учреждало заводы и фабрики, въ которыхъ работа отправлялась крѣпостнымъ трудомъ, а затѣмъ такіе заводы дарило вмѣстѣ съ приписанными къ нимъ крестьянами частнымъ лицамъ. Кромѣ того, къ состоянію посессіонныхъ причислялись бѣглые крестьяне, работавшіе на фабрикахъ; по общему правилу, бѣглые подлежали возврату ихъ помѣщикамъ, но для заводчиковъ и фабрикантовъ сдѣлано было исключеніе: они пользовались правомъ приписывать бѣглыхъ къ своимъ заводамъ и фабрикамъ. Въ разрядъ посессіонныхъ, далѣе, приписывались нерѣдко незаконнорожденные и непомнящіе родства. Наконецъ, указомъ 1753 года дозволялось причислять къ посессіоннымъ праздно-шатающихся, способныхъ къ работѣ. Благодаря указаннымъ способамъ возникновенія, разрядъ посессіонныхъ являлся довольно значительнымъ по количеству. Положеніе этихъ крестьянъ было очень тяжелое, не смотря на то, что на обязанности Берг- и Мануфактуръ Коллегій, которымъ было поручено управленіе посессіонными, лежалъ надзоръ за тѣмъ, чтобы „фабриканты порядочно содержали мастеровыхъ“. Разрядъ этихъ крестьянъ, стоявшихъ на рубежѣ между казенными и крѣпостными, просуществовалъ до освобожденія при Им. Александрѣ II.

Бѣляевъ.—Крестьяне на Руси. *Семевскій*: 1) Крестьяне при Екатеринѣ II; 2) Казенные крестьяне при Екатеринѣ II; Рус. Ст. Т. XXIV 1879 г.; 3) Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII в. Вѣст. Евр. 1878 кн. 5 и 6; 4) Крестьяне духов. вотчинъ во вт. пол. XVIII в.; Рус. М. 1882 г. к. 9 и 10; *Исторія удѣловъ за 100 лѣтіе. Клочковъ* Маниф. 1797 г. о трехдневной барщинѣ.

ГЛАВА II.

Управленіе.

Высшія установленія.

Правительствующій Сенатъ.

Въ исторіи Сената можно различать нѣсколько эпохъ, изъ которыхъ первая обнимаетъ собою время отъ первоначальнаго его учрежденія Петромъ В. до образованія Верховнаго Тайнаго Совѣта при Имп. Екатеринѣ I (1711—1726); вторая заключаетъ въ себѣ всѣ послѣдующія царствованія, когда во главѣ управленія стояли сперва Верховный Тайный Совѣтъ, а затѣмъ, Кабинетъ (1726—1741); третья совпадаетъ съ царствованіемъ Имп. Елизаветы Петровны (1741—1762), четвертая обнимаетъ собою царствованіе Имп. Екатерины II и Им. Павла I (1762—1801) и наконецъ, пятая открывается со временъ Александра I.

Сенатъ при Петрѣ Великомъ. Сенатъ въ своемъ развитіи при Петрѣ В. прошелъ три стадіи: а) отъ 1711 до 1718 года, т. е. до времени учрежденія коллегій; б) 1718 до 1722 года, т. е. до учрежденія должности генералъ-прокурора, и в) отъ 1722 года до конца царствованія Петра Великаго.

а) *Сенатъ въ первое время своего существованія.* Въ началѣ XVIII вѣка (именно, въ промежутокъ времени отъ 1700 до 1704 года) Петръ В, упразднилъ безъ всякаго на то указа Боярскую Думу, но совѣщанія съ боярами въ такъ наз. Ближней Канцеляріи, которая сама по себѣ была не болѣе, какъ личною канцеляріею Царя, продолжались. Бояре-министры, какъ называли ихъ теперь, должны были съѣзжаться въ Канцелярію „на консилію“ по мѣрѣ надобности для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Во время своихъ отлучекъ Петръ поручалъ этимъ боярамъ-министрамъ, съѣзжавшимся на консилію, правленіе за него государствомъ, но видя медленность и нерѣшительность въ ихъ дѣйствіяхъ, отсутствіе инициативы въ рѣшеніи дѣлъ, частую неявку нѣкоторыхъ изъ нихъ на засѣданіе, рѣшилъ замѣнить эти „консиліи“ въ Ближней Канцеляріи установленіемъ прочнымъ, опредѣленнымъ и постоянно дѣйствующимъ.

Такимъ установленіемъ и былъ *Сенатъ*, указъ объ учрежденіи котораго вышелъ въ одинъ день съ объявленіемъ манифеста о войнѣ съ Турціей т. е. 22 февраля 1711 г. „Опредѣлили быть

для отлучекъ нашихъ", говорится въ этомъ указѣ, „Правительствующій Сенатъ для управленія" (слѣдуетъ перечень лицъ, назначенныхъ сенаторами—числомъ 9. П. С. З. № 2321). Чрезъ нѣсколько дней изданъ новый указъ, опредѣлявшій власть Сената: „Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ опредѣлили Управительный Сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря" (П. С. З. № 2328). Тогда же Сенатъ получилъ отъ Государя и первую инструкцію, „что по отбытіи Его дѣлать". Здѣсь предписывалось Сенату: „Судъ имѣть нелицепріятный и неправедныхъ судей наказывать"; наблюдать за производствомъ государс. расходовъ; собирать деньги, „понеже деньги суть артерію войны"; заняться вопросами финансоваго и торговаго характера (П. С. З. № 2330).

Разумѣется, инструкція эта не исчерпывала всѣхъ предметовъ вѣдомста Сената, она указывала только на тѣ дѣла, которыми Сенатъ долженъ былъ заняться немедленно по отъѣздѣ Государя. Кругъ вѣдомства Сената выходилъ далеко за предѣлы указаннаго инструкціей: въ его рукахъ была не только вся правительственная и судебная дѣятельность, но и власть законодательная, и надзоръ за дѣйствіями всѣхъ установленій въ государствѣ. Въ это первое время своего существованія Сенатъ является регентомъ государства, „онъ собирается", какъ сказано въ указѣ, *„вмѣсто собственой Его Величества персоны"*.

Для осуществленія нѣкоторыхъ своихъ функцій Сенатъ нуждался въ помощникахъ. Такъ, онъ былъ поставленъ въ непосредственное отношеніе къ управленію не только центральному, но и мѣстному; между нимъ и учрежденными въ 1708 году губеніями не было посредствующихъ инстанцій. Всѣ представленія изъ губерній поступали прямо въ Сенатъ. Для установленія правильныхъ сношеній между губерніями и Сенатомъ, при послѣднемъ поставлены *два коммиссара отъ губерній*. Они обязаны принимать отъ Сената указы, пересылать ихъ губернаторамъ и сообщать Сенату о всѣхъ дѣлахъ своихъ губерній.

Для облегченія возложенной на Сенатъ задачи надзора за всѣми дѣйствіями правительственныхъ органовъ, за исполненіемъ ими указовъ, за нелицепріятнымъ отправленіемъ правосудія, за правильнымъ сборомъ казенныхъ доходовъ, за неутѣсненіемъ народа, Петръ учреждаетъ фискаловъ, съ оберъ-фискаломъ во главѣ, состоящимъ при Сенатѣ и имѣющимъ цѣлую цѣпь подчиненныхъ себѣ фискаловъ въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ. На фи-

скаловъ, по указу 1711 года, возложена обязанность „надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ Сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличать, и буде уличитъ кого, то пополовина штрафа въ казну, а другая ему, фискалу; буде же и не уличитъ, отнюдь фискалу въ вину не ставить, ниже досадовать подъ жестокимъ наказаніемъ и разореніемъ всего имѣнія“ (П. С. З. № 2331). Впрочемъ, впослѣдствіи за неправильной доносъ на фискаловъ возложена отвѣтственность.

Для завѣдыванія служилымъ сословіемъ, при Сенатѣ учреждается особый разрядный столъ, куда переходятъ всѣ дѣла, сосредоточивавшіяся до этого времени въ Разрядномъ Приказѣ, который упраздняется.

Наконецъ, для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ учреждается канцелярія, состоящая подъ управленіемъ оберъ-секретаря изъ дьяковъ и подъячихъ трехъ статей.

Съ такою организаціей, властью, предметами вѣдомства и установленіями, при немъ состоящими, вступаетъ Сенатъ въ жизнь въ качествѣ временнаго учрежденія, созданнаго для управленія государствомъ лишь при отсутствіи государя; но затѣмъ, онъ переходитъ въ установленіе постоянное, хотя и не остается при одномъ и томъ же устройствѣ, данномъ ему первоначально, а измѣняется въ зависимости отъ требованій времени. Первое преобразованіе Сената наступаетъ въ 1718 году.

б) *Сенатъ со времени учрежденій коллегій 1718—1722*). Въ этомъ году Петръ В. упраздняетъ приказы и замѣняетъ ихъ коллегіями съ систематическимъ распредѣленіемъ между ними всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Это обстоятельство повліяло на устройство и предметы вѣдомства Сената. Сенатъ составляется теперь изъ президентовъ коллегій и становится учрежденіемъ съ періодическими засѣданіями, когда съѣдутся президенты для обсужденія дѣлъ, а съѣзжаться они обязаны тогда, когда „кому въ коллегіи такое дѣло случиться, что ему одному того учинить невозможно“ (П. С. З. № 3264). Всѣ же текущія административныя задачи, „учинить которыя возможно“, отходятъ отъ Сената къ коллегіямъ.

Между Сенатомъ и мѣстными установленіями становятся теперь посредствующія инстанціи—коллегіи, по отношенію къ которымъ въ дѣлѣ управленія Сенатъ получаетъ значеніе высшей инстанціи съ правомъ надзора за ихъ дѣятельностью, которую направляетъ и объединяетъ. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ непосред-

ственныхъ сношеній съ мѣстными властями, съуживаются и судебныя функціи Сената, такъ какъ всѣ дѣла судебныя переѣхали къ Юстицъ-Коллегіи, переносъ дѣлъ изъ которой въ Сенатъ допускался только тогда, когда челобитныя о томъ подпишетъ самъ Государь (П. С. З. № 3261).

Съ измѣненіемъ отношеній между Сенатомъ и областными установленіями должно было измѣниться и положеніе коммиссаровъ отъ губерній и, дѣйствительно, хотя они и остаются при Сенатѣ, но вся ихъ дѣятельность теперь ограничивается лишь передачею корреспонденціи между Сенатомъ, коллегіями и разными канцеляріями, съ одной стороны, и губернаторами и воеводами провинцій съ другой.

Далѣе, происходитъ измѣненіе и въ составѣ фискаловъ: оберъ-фискалъ изъ государственнаго фискала становится фискаломъ при Юстицъ-Коллегіи, а государственнымъ долженъ былъ сдѣлаться генералъ-фискалъ при Сенатѣ, но до 1723 года таковой назначенъ не былъ, а въ замѣну оберъ-фискала учреждено помѣсячное дежурство въ Сенатѣ штабъ-офицеровъ гвардіи. При каждой коллегіи теперь долженъ былъ находиться свой фискалъ.

Итакъ, съ учрежденіемъ коллегій вносится въ Сенатъ перемѣна въ личномъ составѣ и организаціи, перемѣна въ отношеніяхъ къ другимъ установленіямъ, перемѣна въ судебномъ его значеніи, вмѣстѣ съ этимъ, измѣняется и его канцелярія, гдѣ, вмѣсто прежнихъ дьяковъ и подъячихъ, подъ начальствомъ оберъ-секретаря явились секретари, нотаріусы, актуаріусы, регистраторы и проч. Но нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій просуществовали недолго. Въ 1722 году Сенатъ вступилъ въ третью и послѣднюю стадію своего образованія при Петрѣ.

в) *Сенатъ со времени учрежденія генералъ-прокурора (1722—1726).* 12 января 1722 года издается указъ, измѣняющій снова составъ Сената и устанавливающій при немъ нѣсколько новыхъ должностей.

По устройству 1718 года Сенатъ состоялъ, какъ мы видѣли, изъ президентовъ коллегій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлся учрежденіемъ, контролирующимъ эти послѣднія. Само собою разумѣется, что контролировать коллегіи и рѣшать дѣла по апелляціямъ на нихъ Сенатъ не могъ, такъ какъ членами контролирующаго учрежденія состояли тѣ же лица, которыя стояли во главѣ установленій, подлежащихъ контролю. Находя подобное устройство неудобнымъ и сознавая въ указѣ, что „сіе сначала не смотря учинено было, ибо необходимо, чтобы члены Сената, смотрѣли надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ, а нынѣ сами будучи въ оныхъ.

какъ могутъ сами себя судить", Петръ назначаетъ сенаторами другихъ сановниковъ государства; изъ президентовъ же коллегій оставляетъ въ немъ только президентовъ Военной, Адмиралтейской, Иностранной и Бергъ Коллегій. Такою перемѣною въ составѣ все гражданское управленіе было теперь дѣйствительно подчиненно Сенату и, чтобы усилить его контролирующую власть, Государь велѣлъ „Ревизіонъ Коллегіи быть въ Сенатѣ, понеже дѣло едино есть, что и Сенатъ дѣлаетъ", т. е. уничтожилъ ту коллегію, которая, какъ показываетъ самое названіе, была учреждена для ревизіи, надзора и, главнымъ образомъ, для контроля финансоваго управленія.

Создавая указомъ 12 января 1722 года изъ Сената высшее надзирающее учрежденіе, Петръ незадолго до этого отнимаетъ у него право издавать указы, что либо вновь устанавливающіе. На одномъ докладѣ Императоръ собственноручно написалъ, что *„если какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, то не должно ни въ Синодъ, ни въ Сенатъ безъ подписанія нашей руки чинить"*. Но отнимая законодательную власть, Петръ однако предоставляетъ Сенату широкое участіе въ дѣлѣ законодательства чрезъ дозволеніе всегда, когда онъ найдетъ въ какомъ-либо законѣ темноту, противорѣчіе, или, наконецъ, просто отсутствіе на что либо закона—составлять проекты и представлять ихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Государя.

Этими указами Сенатъ обращался въ учрежденіе независимое по составу отъ коллегій и надѣлялся обширнымъ правомъ надзора за всѣмъ управленіемъ и правомъ участія въ законодательной иниціативѣ.

На ряду съ этими перемѣнами въ составѣ и власти Сената указомъ 12 января 1722 года было учреждено, какъ сказано выше, нѣсколько новыхъ должностныхъ лицъ. Таковы должности экзекутора, герольдмейстера, ген.-рекетмейстера и ген.-прокурора.

На обязанности *экзекутора* лежалъ надзоръ за своевременнымъ отправленіемъ и исполненіемъ указовъ Сената.

Значеніе должности *герольдмейстера* и предметы его вѣдомства были указаны уже выше, при изученіи обязанностей дворянства.

Что касается должности *рекетмейстера*, то въ ней сосредоточивается надзоръ Сената за отправленіемъ правосудія. Еще при первоначальномъ образованіи Сената ему поручалось, какъ мы видѣли, „судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать". Отправленіе этого „нелицемѣрнаго суда" и надзоръ за правосудіемъ возложены были на установленіе, унаслѣдованное отъ Боярской Думы, — Расправную Палату, которая, состоя при

Сенатѣ, имѣла свой особый составъ. Ея разсмотрѣнію, какъ высшей судебной инстанціи, подлежали всѣ вообще дѣла, за исключеніемъ наиболѣе важныхъ, разрѣшавшихся самимъ Сенатомъ. Съ учрежденіемъ коллегій, послѣднею инстанціею по судебнымъ дѣламъ для всей территоріи государства была объявлена Юстицъ-Коллегія и въ ея вѣдѣніе переданы всѣ дѣла Расправной Палаты. Но на рѣшеніе Юстицъ-Коллегіи дозволенно было жаловаться въ Сенатъ, однако не непосредственно, а чрезъ оберъ-секретаря Сената, на котораго возложены пріемъ челобитныхъ и докладъ ихъ Государю; въ Сенатъ, какъ было сказано выше, поступали только челобитныя, подписанныя Государемъ. Но такъ какъ сенатскій оберъ-секретарь былъ занятъ и другими дѣлами по канцеляріи, то Петръ рѣшилъ для пріема челобитныхъ учредить особую должность: эта должность и есть *генералъ-рекетмейстеръ*.

Генералъ-рекетмейстеру (названіе, данное разсматриваемой должности въ 1722 году) поручается пріемъ жалобъ на коллегіи, причемъ, если жалобы касаются волокиты, то онъ обязанъ понуждать ихъ къ скорѣйшему рѣшенію, если же жалобы поданы на неправое рѣшеніе—долженъ перенести дѣло въ Сенатъ. При этомъ, онъ докладывалъ жалобы сперва Императору и, по его надписи, требовалъ дѣло изъ коллегій для доклада Сенату. Кромѣ того, къ генералъ-рекетмейстеру направляются и иностранцы, незнакомые съ судебными порядками Россіи, и онъ обязанъ давать имъ нужныя разъясненія. Надѣленный такими обязанностями генералъ-рекетмейстеръ является отвѣтственнымъ за злоупотребленія предъ Сенатомъ, куда дозволяется „бить на него челомъ, буде для какой страсти онъ челобитень принимать не будетъ и тѣмъ учинитъ челобитчикамъ волокиты и убытки“.

Генералъ-рекетмейстеръ облегчилъ занятія Сената по надзору за скорымъ въ указное время рѣшеніемъ дѣлъ и получилъ важное значеніе, какъ блюститель скораго правосудія.

Но самою важною должностью при Сенатѣ за это время была должность *генералъ-прокурора*, вызванная необходимостью контроля и надзора за дѣятельностью Сената, не всегда удовлетворявшею Петра Великаго. Учрежденные при первоначальномъ образованіи Сената фискалы являлись органами тайнаго надзора за всѣми установленіями и, состоя при Сенатѣ, подчиняясь ему, были, такъ сказать, средствомъ сенатскаго надзора въ губерніяхъ и другихъ мѣстахъ управленія. Открытый надзоръ за правильнымъ отправленіемъ дѣлъ въ Сенатѣ фискаламъ порученъ не былъ. Для такого надзора была создана прокуратура. Но она появилась не вдругъ, а вырабатывалась постепенно. Въ 1715 году

была учреждена должность генералъ-ревизора, или надзирателя указовъ, постоянно присутствующаго въ засѣданіяхъ Сената и наблюдающаго за исполненіемъ его указовъ. Должность генералъ-ревизора существовала недолго,—до 1718 года, а въ 1720 ея функціи были переданы оберъ-секретарю, на котораго, сверхъ прямыхъ его обязанностей по канцеляріи Сената, возложены какъ наблюденіе за порядкомъ въ засѣданіяхъ сенаторовъ, „чтобъ суетныхъ разговоровъ, криковъ и прочаго не было",—такъ и надзоръ за правильностью и законностью всѣхъ дѣйствій Сената (П. С. З. № 3264). Но чрезъ годъ оберъ-секретарь былъ освобожденъ отъ должности надзирателя за Сенатомъ, такъ какъ Петръ, намѣреваясь поручить надзоръ генералъ-фискалу, призываетъ на время къ осуществленію его обязанностей по отношенію къ Сенату штабъ-офицеровъ гвардіи, „понеже государственнаго фискала вскорѣ еще выбрать не можемъ" (П. С. З, № 3721). Однако, Петръ не поручаетъ надзора за Сенатомъ генералъ-фискалу, а создаетъ для надзора за всѣми вообще установленіями Имперіи въ 1720 г. должность генералъ-прокурора съ подчиненными ему прокурорами, государственнаго же фискала назначаетъ только въ 1723 году.

Генералъ-прокуроръ со своимъ помощникомъ въ лицѣ оберъ-прокурора состоитъ при Сенатѣ; при коллегіяхъ и надворныхъ судахъ состоятъ подчиненные ему прокуроры.

Генералъ-прокуроръ обязанъ постоянно присутствовать на сенатскихъ засѣданіяхъ и наблюдать за правильнымъ, по порядку, докладомъ дѣлъ, за спокойнымъ, безъ шума и брани, обсужденіемъ ихъ сенаторами и за согласнымъ съ законами рѣшеніемъ ихъ. Если сенаторы допускали въ засѣданіи излишніе разговоры и брань, то для прекращенія этого генералъ-прокуроръ пользуется тѣми же средствами, какіе были прежде предоставлены оберъ-секретарю и офицерамъ гвардіи, т. е. назначаетъ по песочнымъ часамъ срокъ для обсужденія вопроса, сдерживаетъ порывы пылкихъ сенаторовъ, штрафуетъ ихъ за брань, а въ важныхъ случаяхъ доноситъ Государю. Если же сенаторы дѣлали постановленіе, противное регламентамъ, уложенію и именнымъ указамъ, то генералъ-прокуроръ своимъ veto могъ остановить исполненіе такого постановленія и доложить его Императорскому Величеству.

Наблюдая за внѣшнимъ порядкомъ въ сенатскихъ засѣданіяхъ и за законностью дѣйствій Сената, генералъ-прокуроръ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникомъ канцеляріи Сената и, въ этомъ качествѣ, обязанъ наблюдать за тѣмъ, *„чтобы въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, а самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись"*. Какъ только указъ былъ подписанъ сенаторами,

прокуроръ чрезъ подчиненныхъ ему органовъ или съ особыми нарочными разсылалъ указы по коллегіямъ, записывая въ имѣвшуюся въ канцеляріи книгу время его посылки и время исполненія. Если указы Сената проходятъ черезъ руки генералъ-прокурора, то, съ другой стороны, и всѣ рапорты и доношенія мѣстъ, подчиненныхъ Сенату, поступаютъ въ послѣдній чрезъ канцелярію, а, слѣдовательно, чрезъ начальника ея, генералъ-прокурора.

Начальство надъ канцеляріей и широкій надзоръ за Сенатомъ сдѣлали изъ генералъ-прокурора могущественную должность, умалившую власть сенатскаго присутствія; но умаленіе власти послѣдняго не должно смѣшивать съ ограниченіемъ власти самого Сената; учрежденіе генералъ-прокуратуры не ограничило этой власти; напротивъ, чрезъ эту должность Сенатъ сталъ въ непосредственную и постоянную связь съ монархомъ и получилъ лучшія средства надзора за всѣми учрежденіями и лицами. Генералъ-прокуроръ, это „*око государево*“, по выраженію Петра Великаго, „*и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ*“, чрезъ подчиненныхъ ему прокуроровъ при коллегіяхъ и надворныхъ судахъ, обращаетъ вниманіе Сената на всѣ упущенія въ администраціи и судѣ, представляетъ ему всякія отношенія прокуроровъ, по которымъ Сенатъ дѣлаетъ свои опредѣленія. Призванный „накрѣпко смотрѣть, дабы Сенатъ должность свою хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ поступалъ истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени“, генералъ-прокуроръ отнялъ у Сената возможность злоупотреблять своею властью, но не лишилъ его того значенія, которое принадлежало ему во все царствованіе Петра Великаго, какъ органу верховнаго управленія и надзора.

Въ заключеніе обзора Сената при Петрѣ надо замѣтить, что первоначально Сенатъ былъ учрежденъ въ Москвѣ, гдѣ съ перемѣщеніемъ его въ 1714 году въ Петербургъ устраивается канцелярія сенатскаго правленія, исполнявшая различныя порученія Сената. Въ 1722 году Петръ учреждаетъ въ Москвѣ по конторѣ отъ каждой коллегіи и надъ ними сенатскую контору.

Такова исторія Сената въ царствованіе Петра Великаго. Не смотря на всѣ измѣненія, происшедшія въ этотъ 14-лѣтній періодъ его первоначальнаго существованія, Правительствующій Сенатъ былъ въ дѣйствительности таковымъ, т. е. *органомъ верховнаго управленія*, направлявшимъ дѣятельность всѣхъ административныхъ и судебныхъ установленій Имперіи и сосредоточивавшимъ въ себѣ надзоръ за ихъ дѣйствіями. Могущественный помощникъ Императора, его „высокоповѣренный“, Сенатъ наиболѣе всего, по мнѣнію Петра Великаго, соотвѣтствовалъ требованіямъ

законной монархіи, гдѣ воля монарха должно выражаться чрезъ коллегію, „дабы не клеветали“, какъ онъ выражался „непокоривые человѣцы, что се или оное силою паче или по прихотямъ своимъ, нежели судомъ или истиною заповѣдаетъ монархъ“.

Но со смертью Петра эта первенствующая коллегія была вытѣснена изъ области управленія верховнаго и принуждена уступить свое мѣсто инымъ установленіямъ.

Сенатъ при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Им. Екатерина I, находя, что сенаторы, обремененные массою разныхъ дѣлъ, не имѣютъ возможности надлежащимъ образомъ заниматься важнѣйшими государственными вопросами, указомъ 8 февраля 1726 года учреждаетъ Совѣтъ при своей Особѣ изъ шести лицъ подъ непосредственнымъ своимъ предсѣдательствомъ, получившій названіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ облегченіе Императрицѣ государственнаго управленія, этому Совѣту поручается рѣшеніе всѣхъ важныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ; въ виду этого предписывается, чтобы никакіе указы не издавались до тѣхъ поръ, „пока они въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись“ и чтобы всѣ важнѣйшія дѣла, требующія высочайшаго разрѣшенія, представлялись въ Совѣтъ.

Неопредѣленность круга предоставленной Верховному Тайному Совѣту дѣятельности открыла послѣднему широкій просторъ къ постепенному захвату въ свои руки всѣхъ отраслей государственнаго управленія и къ лишенію Сената того значенія, которымъ онъ пользовался, какъ правительствующее установленіе.

Сенатъ занялъ теперь второстепенное мѣсто, сообразно чему измѣнилось и самое его названіе: ему велѣно именоваться не „Правительствующимъ“, а „Высокимъ“. Впрочемъ, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ установленіямъ Имперіи Сенатъ и теперь остался высшимъ установленіемъ; только съ Коллегіями Военной, Адмиралтейской и Иностранныхъ Дѣлъ онъ поставленъ наравнѣ. Эти послѣднія, а съ ними вмѣстѣ и Сенатъ, подчинены непосредственно Верховному Тайному Совѣту; на ихъ рѣшенія предписано аппелировать въ Совѣтъ. Вмѣстѣ съ этимъ, Сенатъ перестаетъ быть органомъ надзора: послѣдній переходитъ къ Верховному Тайному Совѣту, который слѣдитъ за всѣми установленіями, не исключая Сената, обязаннаго представлять свои отчеты Совѣту Судебныя функціи Сената также съуживаются: важнѣйшія уголовныя дѣла, по которымъ преступники приговариваются къ смертной казни или политической смерти, вносятся на разсмотрѣніе Совѣта.

Съ измѣненіемъ значенія и власти Сената происходятъ значительныя измѣненія и во внутреннемъ его устройствѣ: Ревизіонъ-Коллегія снова отдѣляется отъ Сената и подчиняется Верховному Тайному Совѣту; должность генералъ-рекетмейстера упраздняется, а его дѣла передаются оберъ-прокурору. Наконецъ, должность генералъ-прокурора фактически уничтожается, такъ какъ бывшій тогда генералъ-прокуроръ Ягужинскій получилъ иное назначеніе и на его мѣсто никто не былъ назначенъ.

Въ описанномъ положеніи находился Сенатъ въ теченіе двухъ царствованій—Им. Екатерины I и Им. Петра II; съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны положеніе это улучшается, но не надолго.

Сенатъ въ правленіе Кабинета. За свои дѣйствія при избраніи на престолъ Импер. Анны Іоанновны Верх. Т. Совѣтъ, какъ извѣстно, былъ упраздненъ и въ отвѣтъ на просьбу шляхетства указомъ 4 Марта 1730 года возстановленъ Правительствующій Сенатъ. Желая обезпечить за послѣднимъ его прежнее значеніе, Императрица даетъ ему новую организацію: въ составъ Сената входятъ теперь 21 сенаторъ; для освобожденія же Сената изъ подъ вліянія канцеляріи онъ дѣлится впервые на 5 департаментовъ, состоящихъ изъ 4 или 5 сенаторовъ. Департаменты эти самостоятельнаго значенія не имѣютъ: они обсуждаютъ дѣла только предварительно, подготовляя ихъ тѣмъ къ слушанію въ общемъ собраніи всего Сената.

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ Сената возстановляются и упраздненныя должности генералъ-рекетмейстера и генералъ-прокурора на прежнихъ основаніяхъ.

Такимъ образомъ, Сенату предстояло, повидимому, занять то же первенствующее положеніе, въ какомъ онъ находился при Петрѣ Великомъ, и снова взять въ свои руки все управленіе государствомъ. Но чрезъ полтора года эта роль переходитъ къ новому установленію.

Указомъ 13 ноября 1731 года учреждается при Особѣ Государыни совѣтъ подъ именемъ Кабинета Министровъ „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ къ нашему всемилостивѣйшему разрѣшенію подлежащихъ".

Кабинетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ Императрицы изъ трехъ сановниковъ, получившихъ названіе кабинетъ-министровъ. Въ рукахъ этого установленія сосредоточиваются различныя дѣла, но, главнымъ образомъ, дѣла управленія финансоваго; ему же порученъ надзоръ за всѣми установленіями Имперіи. Отнимая у Сената управленіе важнѣйшими государственными

дѣлами, подчиняя его своему надзору и контролю. Кабинетъ лишаетъ его права издавать указы, присвоивая это право себѣ въ силу того постановленія, по которому указъ, подписанный тремя кабинетъ-министрами, получаетъ значеніе равное указу самой Государыни. Сенатъ снова, слѣдовательно, низводится на степень такого же второстепеннаго установленія, какимъ онъ былъ въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, и въ этомъ подчиненномъ положеніи остается до вступленія на престолъ Имп. Елизаветы.

Сенатъ при Императрицѣ Елизаветѣ. Импер. Елизавета вскорѣ послѣ своего воцаренія, именно, 12 декабря 1741 года издаетъ указъ, которымъ Сенатъ возстановляется снова на Петровскихъ началахъ. Возстановленный Сенатъ переводится снова въ Москву, а въ Петербургѣ оставляется Сенатская Контора. Въ составъ Сената входятъ теперь 14 членовъ. Изъ указа видно, что ему поручено управленіе только *внутренними* дѣлами; для управленія же важнѣйшими внѣшними дѣлами была учреждена этимъ же указомъ 12 декабря 1741 года Конференція при Высочайшемъ Дворѣ, которая поставлена въ равное положеніе съ Сенатомъ (П. С. З. № 8480).

Въ области отмежеваннаго Сенату внутренняго управленія, ему принадлежалъ обширный кругъ вѣдомства. Важнѣйшія финансовыя дѣла, военная администрація, дѣла внутренней безопасности, заботы о народномъ благосостояніи, мѣры для содѣйствія развитію торговли и промышленности, попеченіе о народномъ образованіи, дѣла, касающіяся Малороссіи, иностранныхъ переселенцевъ, внутренняго благоустройства—все это сосредоточивалось въ рукахъ Правительствующаго Сената. Далѣе, ему, по-прежнему, принадлежала высшая судебная власть: онъ былъ послѣдней аппеляціонной инстанціей по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ.

Наконецъ, всѣ части управленія и всѣ присутственыя мѣста Имперіи находились не только подъ его надзоромъ и строгимъ контролемъ, но и въ полной отъ него зависимости: даже духовное вѣдомство во главѣ съ Синодомъ было поставлено въ нѣкоторую зависимость отъ Сената: оберъ-прокуроръ Синода не имѣлъ права дѣлать непосредственныхъ докладовъ Императрицѣ; всѣ его доклады поступали сперва къ генералъ-прокурору Сената и чрезъ него уже восходили на докладъ Государынѣ. При такихъ обширныхъ полномочіяхъ значеніе Сената увеличивалось еще и тѣмъ, что онъ въ большинствѣ случаевъ присвоивалъ себѣ роль законодателя. Такъ, своею властью онъ пріостановилъ смертную

казнь, смягчилъ тѣлесныя наказанія, принималъ чрезвычайныя мѣры при народныхъ бѣдствіяхъ.

Чтобы понять всю силу и значеніе Сената при Елизаветѣ, достаточно привести ту характеристику послѣдняго, которую сдѣлала впослѣдствіи Екатерины II въ своемъ „секретнѣйшемъ наставленіи“ генералъ-прокурору кн. Вяземскому. „Сенатъ“, говоритъ она, „установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ; а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ... Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и ко мнѣ“.

Такимъ образомъ, Сенатъ въ теченіе 20-лѣтняго царствованія Импер. Елизаветы Петровны былъ не только „правительствующимъ“, но и „управительнымъ“ въ полномъ значеніи этого слова; онъ не только *направлялъ и контролировалъ* дѣятельность другихъ государственныхъ органовъ, но и *управлялъ* лично дѣлами государства; передъ нимъ смолкли всѣ другія государственныя установленія, стали простыми помощниками въ области личнаго его управленія, послушными проводниками его воли: Сенатъ былъ все во всемъ. Правда, къ концу царствованія Елизаветы Конференція при Высочайшемъ Дворѣ получаетъ право рѣшать важнѣйшія внутреннія дѣла; въ это время за подписью ея членовъ издаются Высочайшіе указы. Не смотря, однако, на такое расширеніе круга вѣдомства Конференціи, установленіе это не получило той власти и значенія, которыя принадлежали когда-то Верховному Тайному Совѣту и Кабинету. Императрица продолжала смотрѣть на Сенатъ, какъ на „*первое* государственное мѣсто по своей должности и по данной ему власти“, и, слѣдовательно, порученіе Конференціи нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ съузило нѣсколько объемъ компетенціи Сената, но не нанесло никакого ущерба его положенію среди другихъ государственныхъ установленій. Конференція была упразднена Импер. Петромъ III и дѣла ея переведены въ Иностранную Коллегію и Сенатъ.

Сенатъ при Импер. Екатеринѣ II и Импер. Павлѣ I. Съ воцареніемъ Имп. Екатерины II положеніе Сената снова измѣняется. Время ея царствованія есть время частныхъ преобразованій разсматриваемаго нами учрежденія, преобразованій, лишившихъ Сенатъ его политическаго значенія и оставившихъ за нимъ лишь судебныя и правительственныя функціи, изъ которыхъ послѣднія de

facto становятся незначительными и, слѣдовательно, Сенатъ сохранятъ значеніе только судебнаго установленія, да органа надзора за точнымъ исполненіемъ законовъ. Но de jure въ теченіе всего своего царствованія Екатерина II признавала и подтверждала значеніе Сената, какъ высшаго правительственнаго и судебнаго установленія Имперіи.

Черезъ полтора года по восшествіи Имп. Екатерины на престолъ послѣдовало снова измѣненіе въ устройствѣ Сената. Считая необходимымъ ускорить теченіе дѣлъ въ Сенатѣ, гдѣ царствовала „ужасная", по выраженію Императрицы, „медлительность во всѣхъ дѣлахъ", Екатерина издаетъ въ 1763 года манифестъ, которымъ для устраненія недостатковъ сенатскаго дѣлопроизводства съ одной стороны, и для освобожденія Сената изъ подъ вліянія канцеляріи съ другой, раздѣляетъ его на 6 департаментовъ, изъ коихъ четыре открыты въ Петербургѣ, куда переводится теперь Сенатъ, а два—въ Москвѣ—вмѣсто бывшей Сенатской конторы. Каждый изъ этихъ департаментовъ, признанныхъ „въ равной силѣ и достоинствѣ", становятся отдѣльною самостоятельною частью Сената, отдѣльнымъ самостоятельнымъ присутствіемъ, построеннымъ на коллегіальнымъ началѣ.

При первомъ департаментѣ состоялъ генералъ-прокуроръ и наблюдалъ за правильнымъ производствомъ дѣлъ какъ въ этомъ департаментѣ, такъ и въ общемъ собраніи Сената. Въ прочихъ департаментахъ надзоръ порученъ былъ оберъ-прокурорамъ. Генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроры были, по прежнему, главными начальниками Сенатской Канцеляріи: генералъ-прокуроръ былъ начальникомъ канцеляріи всѣхъ департаментовъ, каждый оберъ-прокуроръ—начальникомъ канцеляріи своего департамента.

Въ 1765 году составъ Сената дополненъ учрежденіемъ при немъ межевой экспедиціи на правахъ департамента для управленія административными и судебными вопросами по межеванію, переименованной въ 1794 году въ межевой департаментъ.

Дѣленіе Сената на департаменты при Импер. Екатеринѣ II рѣзко отличается отъ такового же дѣленія при Импер. Аннѣ Іоанновнѣ. Тогда департаменты самостоятельнаго значеніе не имѣли: они подготовляли только дѣла, имъ порученныя, къ слушанію въ общемъ собраніи; Сенатъ продолжалъ оставаться единымъ и цѣльнымъ установленіемъ. Теперь эта цѣлостность нарушена. Общее собраніе, правда, существуетъ, но оно получаетъ совершенно иное назначеніе. Послѣдней инстанціей, окончательно рѣшающей дѣла, входящія въ кругъ его вѣдомства, является теперь отдѣльный департаментъ; общее собраніе дѣйствуетъ не постоянно,

а лишь тогда, когда необходимо будетъ установить единогласное рѣшеніе въ департаментѣ или согласить мнѣнія сенаторовъ съ мнѣніемъ генералъ или оберъ-прокуроровъ.

Компетенція Сената ограничивается дѣлами правительственными и судебными, отъ участія въ законодательствѣ онъ устраняется. Но въ 1774 году наносится ударъ и правительственному значенію Сената. Въ этомъ году точно опредѣляется должность генералъ-прокурора, обязанности его существенно измѣняются. Онъ перестаетъ быть только „окомъ государевымъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ", къ нему отходятъ чисто административныя функціи, благодаря чему онъ становится первымъ министромъ относительно многихъ частей управленія (Полн. Собр. Зак. № 13192). По замѣчанію Сперанскаго, генералъ-прокуроръ въ это время соединялъ въ лицѣ своемъ „званія министра юстиціи, финансовъ, государственнаго казначея и государственнаго контролера и по всѣмъ симъ частямъ непосредственно подносилъ доклады Императрицѣ". Естественно, что тѣ же самыя функціи Сената, которыя теперь поручены генералъ-прокурору, умаляются: между нимъ и верховною властью появляется посредникъ, по отношенію къ которому Сенатъ попадаетъ въ подчиненное положеніе. Генералъ-прокуроръ становится теперь надъ всѣми департаментами, а въ первомъ его обязанности вручаются, какъ и въ другихъ, оберъ-прокурору.

Наряду съ измѣненіемъ должности генералъ-прокурора изъ органа контролирующаго въ административный и сосредоточіемъ въ его рукахъ нѣкоторыхъ частей управленія, развивается система личныхъ порученій разныхъ дѣлъ лицамъ, довѣреннымъ отъ Императрицы и ей непосредственно подчиненнымъ. Нѣкоторыя части управленія, какъ напр., межеваніе, полиція, народное образованіе были поручены отдѣльнымъ лицамъ, независимымъ ни отъ Сената, ни отъ коллегій. Это, конечно, еще болѣе ограничило дѣятельность Сената въ сферѣ управленія.

Наконецъ, новое учрежденіе для управленія губерній 1775 г. также повліяло на правительственное значеніе Сената. Во главѣ мѣстныхъ установленій была поставлена сильная должность государева намѣстника (генералъ-губернатора). И по закону, и de facto намѣстникамъ предоставлены значительныя полномочія. Хотя законъ и дѣлалъ ихъ подвѣдомственными Сенату, но контроль послѣдняго имѣлъ номинальное значеніе, въ дѣйствительности же намѣстники сносились съ верховною властью непосредственно. Мало того, учрежденіе о губерніяхъ уничтожило прежнія коллегіи, перенесло ихъ изъ центра въ губерніи подъ названіемъ палатъ,

правленій и т. п. Вслѣдствіе этого сенатскіе департаменты должны были естественнымъ образомъ превратиться въ коллегіи, а такъ какъ во главѣ ихъ стоялъ генералъ-прокуроръ, то вѣрнѣе, въ коллегіальныя министерства.

Такимъ образомъ, фактически Сенатъ въ своей власти былъ значительно сломленъ. Восторжествовало личное начало въ управленіи и, притомъ, какъ въ центрѣ, такъ и въ области. Всѣ задачи центральнаго управленія предоставлены генералъ-прокурору и особымъ довѣреннымъ лицамъ. Задачи управленія мѣстнаго переданы установленіямъ губернскимъ подъ контролемъ намѣстниковъ. За Сенатомъ остается значеніе *высшаго судебнаго установленія* и *„хранилища законовъ“*.

Импер. Павелъ I держался по отношенію къ Сенату политики своей матери. Должность генералъ-прокурора при немъ еще болѣе усиливается. Къ прежнихъ функціямъ генералъ-прокурора присоединяется завѣдываніе ассигнаціоннымъ банкомъ, тайною экспедиціей, комиссіей для сочиненія уложенія и всѣми экспедиціями, учрежденными при Сенатѣ. Сенатъ былъ окончательно устраненъ черезъ это отъ правительственной дѣятельности.

Сенатъ при Императорѣ Александрѣ I. Со вступленіемъ на престолъ Имп. Александра I казалось, что Сенату будетъ возвращено все имъ утраченное, что снова, подобно временамъ Елизаветы, онъ будетъ возстановленъ въ своей прежней силѣ и значеніи. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ словъ знаменитаго указа 1801 г., въ которыхъ Императоръ выразилъ желаніе возстановить Сенатъ „на прежнюю степень, ему приличную и для управленія мѣсть, ему подвластныхъ, толико нужную“. Но къ осуществленію этого намѣренія представились немаловажныя затрудненія, главнымъ образомъ, потому, что послѣ многочисленныхъ измѣненій Сената, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе XVIII вѣка, трудно было найти самый путь къ „возстановленію его правъ“. Къ этому присоединились организаторскія стремленія какъ самого Императора, такъ въ особенности стоявшей около него молодой партіи, стремленія, направленныя на проведеніе въ жизнь теоріи о раздѣленіи властей. Въ планѣ всеобщаго преобразованія Сенату, по мнѣнію этихъ новаторовъ, оставалось развѣ лишь мѣсто въ качествѣ судебнаго установленія.

Въ 1802 году появляется первое учрежденіе министерствъ; съ этимъ вмѣстѣ издается и новое учрежденіе Сената. По этому учрежденію Сенатъ признается верховнымъ мѣстомъ въ Имперіи, которому, какъ хранителю законовъ, поручено наблюденіе за правосудіемъ и за точнымъ исполненіемъ законовъ. Власть Сената огра-

ничивается единою властью Императорскаго Величества; указы его предписано исполнять, какъ указы самого Государя, и только послѣдній или его указъ можетъ остановить исполненіе указа сенатскаго. Далѣе, Сенату поручено обнародованіе всѣхъ законовъ и предоставлено извѣстное участіе въ законодательной власти: ему дано право представлять Государю о такомъ законѣ, который, по мнѣнію Сената, сопряженъ съ великими неудобствами въ исполненіи или полонъ неясности и противорѣчій съ другими законами. (П. С. З. № 30405).

Если учрежденіе Сената опредѣляло его власть и значеніе, то учрежденіе министерствъ касалось, между прочимъ, отношеній послѣднихъ къ Сенату: министры обязаны отчетностью предъ Сенатомъ, которому предоставленъ надзоръ за ихъ дѣятельностью и возложена обязанность доносить Императорскому Величеству о всѣхъ упущеніяхъ съ ихъ стороны (П. С. З. № 20706). Но эти постановленія объ отчетности министровъ не имѣли практическаго значенія.

Организація Сената снова подвергается измѣненіямъ. Для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ къ шести екатерининскимъ департаментамъ присоединены два новые департамента въ Петербургѣ и одинъ въ Москвѣ. Присутствіе каждаго департамента составляется изъ сенаторовъ въ числѣ трехъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ изъ себя предсѣдателя. При каждомъ департаментѣ, по прежнему, состоитъ оберъ-прокуроръ.

Общее собраніе не получило особаго предсѣдателя: „единое лицо Императорскаго Величества“, по учрежденію 1802 года, „засѣдаетъ въ Сенатѣ.“

Министры входятъ въ общее собраніе Сената въ качествѣ его членовъ ex officio; съ должностью же министра Юстиціи соединяется званіе генералъ-прокурора.

Указанныя существенныя основанія, на которыхъ покоится учрежденіе Правительствующаго Сената, сохранились до настоящаго времени, исключая, впрочемъ, приведеннаго выше распредѣленія дѣлъ по департаментамъ и числа послѣднихъ.

Изъ представленнаго историческаго очерка видно, что въ теченіе XVIII и первой четверти XIX вѣка подъ названіемъ Сената разумѣлись совершенно различныя установленія, непосредственно смѣнявшія другъ друга.

Ивановъ.—Сенатъ при Петрѣ В. Ж. М. Юс. 1859, I. *Градовскій.* — Высшая администрація и генералъ-прокуроры. Спб. 1866 г. *Петровскій.*—О Сенатѣ при Петрѣ В. М. 1875. *Соловьевъ.*—

Сенатъ въ началѣ царств. Им. Екатерины II. Древн. и нов. Рос. 1885 г., т. I. *Иконниковъ.* — Сенатъ при Екатер. В., Рус. Ар. 1888, к. I. *Филипповъ*: 1) Ист. Сен. въ правленіе В. Тайн. С. и Кабинета. Ч. I С. въ прав. В. Т. Сов. Юрьевъ. 1895 г.; 2) Кабинетъ минис. и Пр. Сен. въ ихъ взаим. отнош. (1731—1741) Сб. пр. т. VII; 3) Правит. олигархія послѣ Петра В. Рус. М. 1896, I, VIII, IX; 4) Новыя данныя о Кабинетѣ Мин. Им. Ан. Іоан. Рус. М. 1901. I, IV, XII; 5) Каб. мин. и его срав. съ В. Т. Сов. Юр. 1898 г.; 6) Докладъ Им. Елиз. Петр. о возстанов. власти С. Ж. М. Нар. Пр. 1899; 7) Ист. Пр. Сен. за двѣсти лѣтъ 1711—1911 г., весь первый томъ; въ остальныхъ 4 томахъ—монографіи по истор. Сената въ послѣд. за Ан. Іоан. царствованія: Пѣснякова, Чечулина, бар. Нольде, Поліевктова, Берендса, Гагена и др. *Грибовскій.*—Высшій судъ и надзоръ въ пер. пол. царс. Екатерины II. Спб. 1901.

Святѣйшій правительствующій Синодъ.

Учрежденіе Синода и мотивы церковной реформы. Вступивъ на путь реформъ въ области сперва мѣстнаго, а затѣмъ и центральнаго управленія, Петръ В. не ограничился преобразованіями установленій государственныхъ, а призналъ необходимымъ внести существенное измѣненіе и въ управленіе церковью, выразившееся въ замѣнѣ патріарха духовной коллегіей — Синодомъ. Реформа, впрочемъ, была произведена не сразу: отмѣна патріаршества и, съ тѣмъ вмѣстѣ, измѣненіе отношеній государства къ церкви, сложившихся въ удѣльно-вѣчевой и московскій періоды, требовали подготовки общества, привыкшаго къ иной формѣ церковнаго управленія.

Поэтому, послѣ смерти патріарха Адріана въ 1700 г. Петръ В., долгое время не назначалъ ему преемника, а поручилъ управленіе церковью рязанскому митрополиту Стефану Яворскому съ титуломъ „мѣстоблюстителя патріаршаго престола". Двадцать лѣтъ управлялъ Стефанъ Яворскій церковью въ этомъ качествѣ, а между тѣмъ у Петра В. зрѣла мысль объ уничтоженіи формы единоличнаго управленія церковью и впервые оффиціально высказана имъ въ 1718 г. Въ это время Петръ преобразовываетъ государственное управленіе на началахъ коллегіальныхъ и, считая церковное управленіе отраслью управленія государственнаго, въ резолюціи на докладные пункты Стефана Яворскаго замѣчаетъ: „для лучшаго впредь управленія, мнится, быть удобно *духовной коллегіи*". Черезъ три года, т. е. въ 1721 г. дѣйствительно учреждается духовная коллегія, вскорѣ, впрочемъ, переименованная въ *Синодъ*

по просьбѣ іерарховъ, которые указывали, что названіе „коллегія“ звучитъ слишкомъ неканонически и ставитъ Синодъ на одну линію съ свѣтскими коллегіями, тогда какъ по своему положенію высшаго установленія церковнаго управленія Синодъ можетъ быть поставленъ наравнѣ съ Сенатомъ, какъ высшимъ органомъ государственнаго управленія. Въ виду этого въ одной изъ своихъ резолюцій Петръ постановилъ: „понеже въ духовныхъ дѣлахъ Синодъ *такую же власть имѣетъ, какъ Сенатъ въ мірскихъ*, того ради респектъ и послушаніе равное отдавать“. На основаніи этой резолюціи Синодъ получилъ одинаковый съ Сенатомъ титулъ „Правительствующаго“.

Мотивы церковной реформы, т. е. замѣны патріаршества синодальнымъ управленіемъ, высказаны въ указѣ объ учрежденіи Синода и въ предисловіи къ знаменитому Духовному регламенту 1721 г., учредительному акту Синода, написанному извѣстнымъ намъ псковскимъ архіепис. Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Въ указѣ, между прочимъ, говорится: „для исправленія духовнаго чина нѣтъ лучшаго способа, какъ соборное правительство, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти (не безпристрастія) бываетъ, къ тому же духовная власть не есть наслѣдственная, а того ради и больше не брегутъ“. Духовный же регламентъ замѣчаетъ, что „отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ *единаго правителя духовнаго*“, ибо простой народъ не вѣдаетъ, чѣмъ отличается власть духовная отъ самодержавной, „но великого высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть *вторый Государь, самодержцу равносильный, или и больше его*, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство“. Иначе говоря, Петръ смотрѣлъ на церковь съ патріархомъ во главѣ, какъ на status in statu. Этотъ взглядъ находилъ себѣ оправданіе въ той оппозиціи, которую нерѣдко приходилось встрѣчать Петру со стороны духовенства въ своихъ преобразованіяхъ и которая представлялась ему недопустимой въ интересахъ государственныхъ. Съ точки зрѣнія этихъ интересовъ онъ считалъ старое начало *двоевластія*, существованіе двухъ „чиновъ“: свѣтскаго и духовнаго, неудобнымъ и отъ установившихся отношеній государства къ церкви на началахъ византійскихъ перешелъ къ т. наз. системѣ государственной церковности, по которой верховная государственная власть въ сферѣ церковнаго управленія, какъ вѣтви государственнаго управленія, проявляетъ себя черезъ особое установленіе, отъ нея зависящее. Такимъ государственнымъ установленіемъ и былъ Синодъ.

Каноническое признаніе Синода. Какъ государственное установленіе, Синодъ, конечно, могъ быть учрежденъ волею государя, но какъ органъ русской церкви, являющейся частью церкви вселенской, онъ нуждался въ каноническомъ признаніи со стороны послѣдней въ лицѣ восточныхъ патріарховъ, по сношенію съ которыми было учреждено въ Россіи патріаршество, а потому безъ ихъ участія не могло быть и уничтожено. Вслѣдствіе этого, Петръ обращается съ просьбою къ Константинопольскому патріарху Іереміи III признать, по совѣщанію съ остальными патріархами, учрежденный имъ Синодъ *за высшее церковное правительство* въ Россіи. Въ 1723 г. Іеремія прислалъ Синоду подписанную всѣми восточными патріархами утвердительную грамоту, которая признавала послѣдній равнымъ по своей власти 4-мъ вселенскимъ патріархамъ съ титуломъ „святѣйшаго".

Составъ и предметы вѣдомства Синода по Духовному регламенту. По регламенту первоначальный составъ Св. Прав. Синода былъ слѣдующій: президентъ, два вице-президента, четыре совѣтника и четыре ассесора; въ немъ были представители какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства: архіереи, игумены, протопопы.

Съ введеніемъ въ 1722 г. прокуратуры въ Сенатѣ и всѣ коллегіи, эта система надзора примѣнена и къ Синоду. Указомъ этого же года Петръ предписалъ „въ Синодъ выбрать изъ офицеровъ человѣка добраго, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать и быть ему оберъ-прокуроромъ". Вскорѣ послѣ того въ Синодъ былъ назначенъ оберъ-прокуроръ и ему дана инструкція, по которой оберъ-прокуроръ при Синодѣ— то же, что генералъ-прокуроръ при Сенатѣ: „око государево и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ"; ему дана власть останавливать незаконныя рѣшенія и доносить о нихъ государю.

Что касается предметовъ вѣдомства, то по регламенту Синоду поручены: 1) наблюденіе за чистотою вѣры; 2) искорененіе ересей; 3) наблюденіе за церковнымъ управленіемъ; 4) попеченіе о религіозномъ просвѣщеніи народа; 5) поставленіе пастырей церкви; 6) судъ по дѣламъ духовнымъ; 7) дѣла брачныя; 8) положеніе о матеріальномъ благосостояніи церкви (П. С. З. № 3718).

Перемѣны въ положеніи и устройствѣ Синода послѣ Петра В. Если при Петрѣ Синодъ по своему положенію былъ сравненъ съ Сенатомъ, то во время прав. В. Т. Совѣта и Кабинета также, какъ и Сенатъ, онъ былъ умаленъ въ своемъ правительственномъ значеніи. При Екатеринѣ I онъ раздѣляется на два независимыхъ другъ отъ друга департамента: духовный и свѣтскій; оба подчинены В. Тайному Совѣту; вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтскіе титулы

членовъ были оставлены: президентъ переименованъ въ „первенствующаго“, а остальные члены, не архіереи—въ „присутствующихъ“. Въ правленіе Елизаветы Синодъ, подобно Сенату, возстановленъ въ своемъ прежнемъ положеніи и существовалъ въ такомъ видѣ до 1817 года, когда было учреждено министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, къ которому перешли дѣла, подвѣдомственные Синоду. Это такъ наз. „двуединое“ министерство въ 1824 г. было упразднено и Синоду указано дѣйствовать на прежнихъ основаніяхъ. При Екатеринѣ II составъ Синода измѣненъ: въ немъ положено быть членами: 3 архіереямъ, 2 архимандритамъ и 1 протопопу.

Самаринъ.—Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Т. V 1880. *Голубевъ.*—Ист. очеркъ Синода до 1740 г. 1886 г. *Образцовъ.*—Первый годъ синодальнаго управленія Ж. М. Н. Пр. 1868 г. т. CXL. *Востоковъ.*—Св. Синодъ при Имп. Петрѣ I. Ж. М. Н. Пр. 1875 г.. № 7, 8, 12. *Барсовъ.*—Св. Синодъ въ его прошломъ. СПБ. 1896 г. *Верховскій.*—Очеркъ по ист. русс. церкви въ XVIII и XIX ст. 1912.

Органы центральнаго управленія.

Коллегіи. *Коллегіи при Петрѣ Великомъ.* Органами центральнаго управленія въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, были Приказы. Характерною особенностью системы приказнаго управленія, какъ мы видѣли, являлось *личное начало.* Начало это вытекало изъ отношеній государя къ лицамъ, стоящимъ во главѣ приказовъ и имъ подобныхъ установленій, а отношенія эти покоились на довѣріи: кому были довѣрены, „приказаны“ государемъ извѣстныя дѣла, тотъ и вѣдалъ ихъ, пока пользовался довѣріемъ. Къ этимъ дѣламъ могли прибавиться, по довѣрію, другія дѣла, но могли быть отняты и переданы другому лицу. Отсюда происходила измѣнчивость состава, большая запутанность и непостоянство въ компетенціи приказовъ, отсюда непрочность и самыхъ установленій.

Такая шаткость въ составѣ, распредѣленіи дѣлъ и даже существованіи приказовъ совершенно противорѣчила взглядамъ Петра В. на государство и государственное управленіе. Поэтому, Петръ съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія приступаетъ къ преобразованіямъ въ этой области. Сперва онъ ограничивается реорганизаціей приказовъ, стремясь внести большую стройность въ распредѣленіе между ними предметовъ вѣдомства. Съ этою

цѣлью онъ соединяетъ приказы съ однороднымъ кругомъ дѣлъ въ одинъ приказъ, возстановляетъ упраздненные приказы, напр., Монастырскій, нѣкоторые учреждаетъ вновь, каковы: Адмиралтейскій, Преображенскій и др.

Но проникнувшись подъ вліяніемъ Лейбница тою мыслію, что „правленіе соборное въ государствѣ монаршескомъ есть наилучшее“, онъ отказывается отъ системы управленія приказнаго и задумываетъ обширный планъ преобразованія всего центральнаго управленія на началахъ коллегіальныхъ. Для осуществленія этого плана прежде всего необходимо было познакомиться съ коллегіальными установленіями Запада съ тѣмъ, чтобы произвести реформу по лучшимъ образцамъ. И Петръ долго изучаетъ вопросъ, собираетъ справки, посылаетъ русскихъ заграницу для ознакомленія съ устройствомъ коллегій въ разныхъ государствахъ, выписываетъ иностранцевъ „въ правостяхъ искусныхъ“ и знакомыхъ съ коллегіальнымъ устройствомъ. Такъ, онъ вызываетъ изъ Австріи, изъ каждой коллегіи по одному человѣку, преимущественно, чеховъ и моравовъ, какъ лицъ славянскаго происхожденія, а слѣдовательно, способныхъ лучше и скорѣе усвоить русскій языкъ, приглашаетъ плѣнныхъ шведовъ, состоявшихъ на службѣ въ коллегіяхъ. Придя, наконецъ, къ убѣжденію, что шведскія коллегіи являются наилучшими и болѣе другихъ удобными къ примѣненію въ Россіи, Петръ 11 декабря 1717 года назначаетъ президентовъ будущихъ коллегій, совѣтниковъ и ассесоровъ, а въ 1718 году приказываетъ имъ сочинить регламенты, или, говоря иначе, уставы по каждому вѣдомству на основаніи шведскихъ законовъ, но съ измѣненіемъ ихъ началъ примѣнительно къ положенію Россіи. (П. С. З. № 3197).

Составленіе регламентовъ замедлилось и Петръ, не дожидаясь ихъ появленія, въ концѣ этого же 1718 года издалъ указъ отъ открытіи 9 коллегій: именно,—1) чужестранныхъ (иностранныхъ) дѣлъ, 2) воинской, 3) адмиралтейской, или морской, 4) камеръ,—для завѣдыванія доходами, 5) юстицъ, или судебной, 6) ревизіонъ—гдѣ сосредоточивался надзоръ за госуд. доходами и расходами, 7) коммерцъ, вѣдавшей торговлю; 8) штатсъ-конторъ для завѣдыванія расходами; 9) бергъ—и—мануфактуръ, имѣвшей попеченіе о горной, фабричной и заводской промышленности. Перечисленнымъ коллегіямъ было предложено управляться въ 1719 году еще „старымъ манеромъ, понеже новымъ манеромъ еще не управились, а съ 1720 начать новымъ“ (П. С. З. № 3255); но лишь въ этомъ году, т. е. съ изданія генеральнаго регламента коллегіямъ, новыя установленія организованы вполнѣ. Къ пер-

вымъ 9 коллегіямъ были прибавлены еще 2: въ 1720 г.—Главный Магистратъ, а въ 1721—Вотчинная.

Генеральный регламентъ коллегіямъ (П. С. № 3534), состоящій изъ 55 главъ, представляетъ собою общій наказъ всѣмъ коллегіямъ для руководства въ ихъ дѣятельности. Здѣсь прежде всего указывастся цѣль, для которой вводятся коллегіи: онѣ вводятся „для порядочнѣйшаго управленія государственныхъ дѣлъ, для исправнаго опредѣленія и исчисленія приходовъ... и для прочихъ государственныхъ нуждъ“. Здѣсь же указывается и значеніе коллегій, какъ установленій, наиболѣе удобныхъ для монархіи. Преимущества же коллегіальнаго управленія передъ единоличнымъ, дѣлавшія, по мнѣнію Петра, коллегіи наилучшими для монархіи установленіями, изложены въ Духовномъ регламентѣ, учредительномъ актѣ Св. Синода. Преимущества эти слѣдующія:

1) истина выясняется лучше при обсужденіи вопроса въ коллегіи, чѣмъ при разсмотрѣніи дѣла однимъ лицомъ;

2) сила и значеніе опредѣленія, принятаго въ коллегіи является большей, чѣмъ сила повелѣнія единоличнаго, такъ какъ „приговоръ соборный“ пользуется большимъ довѣріемъ;

3) въ коллегіи дѣла рѣшаются безъ остановокъ, тогда какъ при единоличномъ управленіи такія остановки весьма часты „за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнью“;

4) въ коллегіи „не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду“;

5) коллегія независимѣе въ своихъ дѣйствіяхъ въ виду того, что въ ней нѣтъ мѣста личнымъ счетамъ, тогда какъ „единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится“;

6) коллегія, наконецъ, является самой лучшей школой, подготовляющей опытныхъ администраторовъ (П. С. З. № 3718).

За указаніемъ цѣли и значенія коллегій генеральный регламентъ переходитъ къ опредѣленію состава коллегій и степени ихъ власти.

Каждая коллегія состояла изъ присутствія и канцеляріи и имѣла, кромѣ того, въ Москвѣ особую контору (иногда нѣсколько). Присутствіе коллегій составляли, подъ предсѣдательствомъ опредѣляемаго по назначенію государя, Президента, Вицепрезидентъ, четыре, а иногда пять Совѣтниковъ и четыре Ассесора, (въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ—пять); Совѣтники и Ассесоры опредѣлялись и утверждались Сенатомъ. При назначеніи должно-

стныхъ лицъ коллегіи строго наблюдалось, чтобъ въ ея присутствіи не засѣдали родственники.

Президентъ былъ первымъ лицомъ въ коллегіи, наблюдавшимъ за скоростью дѣлопроизводства, а главнымъ образомъ, за точнымъ и немедленнымъ исполненіемъ именныхъ и сенатскихъ указовъ. Но, какъ предсѣдатель присутствія, построеннаго на коллегіальномъ началѣ, президентъ не былъ начальникомъ надъ прочими должностными лицами, а первымъ между равными, и безъ согласія членовъ коллегіи не могъ ничего постановить, „понеже коллегіи устроены для того, дабы каждая съ совѣту и приговору всѣхъ свои дѣла дѣлала". Въ этомъ, по объясненію Петра Великаго и заключается существенное отличіе коллегій отъ старыхъ приказовъ: „коллегіи, т. е. собранія многихъ персонъ", говоритъ онъ въ одномъ указѣ, „въ которыхъ президенты, или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли; въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ ничего учинить" (П. С. № 3261). Вице-президентъ былъ помощникомъ президента по исполненію особыхъ его обязанностей. Прочіе члены, сверхъ присутствованія въ засѣданіяхъ коллегій, имѣли ближайшій надзоръ за дѣлопроизводствомъ и отвѣчали каждый за ввѣренную ему часть.

Канцелярія состояла подъ начальствомъ Секретаря изъ Нотаріуса, Актуаріуса, Переводчика, Регистратора и прочихъ низшихъ чиновниковъ. Подъ наблюденіемъ Секретаря производилось все письмоводство коллегіи, всѣ важныя бумаги составлялъ онъ самъ, прочія могъ „между канцелярскими служителями по должности каждаго распредѣлять".

Что касается до степени власти коллегій и ихъ положенія среди другихъ государственныхъ установленій, то какъ органы второстепенные, онѣ стояли въ зависимости и подъ контролемъ Сената: отъ послѣдняго онѣ получали указы, сами же сносились съ нимъ рапортами и доношеніями; по отношенію же къ прочимъ мѣстамъ и лицамъ онѣ являлись высшими центральными установленіями: предписывали всѣмъ установленіямъ указами, а отъ нихъ получали доношенія и рапорты. Но если коллегіи въ указѣ Сената усматривали что-либо противное государственнымъ интересамъ, или указамъ Императорскаго Величества, то должны были, не исполняя указа, представить о томъ Сенату; если же Сенатъ подтверждалъ свой прежній указъ, коллегіи уже немедленно должны были исполнить его, но донести, вмѣстѣ съ тѣмъ, о томъ Государю, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строжайшей отвѣтственности. Между собою всѣ коллегіи считались равными.

Каждая коллегія имѣла право суда надъ своими чиновниками въ преступленіяхъ по должности, но въ случаѣ какихъ либо „тяжкихъ дѣлъ“ судъ надъ всѣми чиновниками принадлежалъ Юстицъ-Коллегіи.

Устроивъ на такихъ началахъ коллегіи, Петръ не оставилъ ихъ дѣятельность безъ надзора. Система надзора была двоякая: чрезъ генералъ-прокурора—явный надзоръ и чрезъ фискаловъ—надзоръ тайный. Съ учрежденіемъ генералъ-прокурора и подвѣдомственныхъ ему прокуроровъ эти лица получили право присутствовать въ засѣданіяхъ коллегій и могли требовать для просмотра относящіяся къ дѣлу бумаги. Тайный надзоръ производился фискалами, которые, какъ извѣстно, были учреждены при всѣхъ коллегіяхъ.

Таковы новыя учрежденія коллежскаго управленія, въ которомъ Петръ Великій видѣлъ залогъ законности управленія, большей независимости установленій, при полной обезпеченности интересовъ государственной власти опредѣленнымъ надзоромъ за дѣйствіями самихъ коллегій.

Хотя съ учрежденіемъ коллегій вводилось болѣе, чѣмъ прежде правильности и порядка въ распредѣленіе дѣлъ между отдѣльными установленіями, однако при Петрѣ судъ и управленіе не были еще совершенно отдѣлены. Почти всѣ коллегіи не только управляли данными дѣлами, но и производили судъ надъ тѣми людьми, которыхъ онѣ вѣдали. Такимъ образомъ, хотя система приказовъ нѣсколько упрощена въ системѣ коллегій, однако, остается еще весьма сложною.

Коллегіи при Имп. Екатеринѣ II. При преемникахъ Петра до Екатерины II не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ коллегіальномъ управленіи, хотя частичныя измѣненія и производились; именно: отдѣльныя коллегіи то закрывались, то раздѣлялись. Изъ этихъ частичныхъ измѣненій заслуживаетъ упоминанія слѣдующее измѣненіе въ составѣ коллегій: въ 1726 году число членовъ въ послѣднихъ уменьшилось до шести человѣкъ, именно, число совѣтниковъ и ассесоровъ уменьшено въ каждой коллегіи до двухъ. Но изъ этихъ шести человѣкъ присутствовала только половина, другая же половина считалась въ отпуску, чередуясь погодно. Но какъ это, такъ и другія преобразованія не имѣли никакого значенія для исторіи развитія или паденія коллегіальной системы. Коренное измѣненіе происходитъ лишь въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Въ 1775 году издается „Учрежденіе для управленія губерній Россійской Имперіи“, которымъ реорганизуется совершенно

мѣстное управленіе. Въ губерніяхъ вводятся различныя правленія, палаты и т. п. установленія съ коллегіальнымъ составомъ. Эти правленія и палаты суть ничто иное, какъ коллегіи, перенесенныя изъ центра въ губерніи. Общей цѣлью учрежденія о губерніяхъ является, такимъ образомъ, децентрализація и коллегіи мало-по-малу упраздняются. Впрочемъ, до 1779 года мы не видимъ еще уничтоженія коллегій они продолжаютъ существовать, но лишь для окончанія накопившихся въ нихъ дѣлъ. Въ этомъ году закрывается Мануфактуръ-Коллегія, такъ какъ, по мнѣнію Императрицы, „собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе“ и, слѣдовательно, дѣятельность Мануфактуръ-Коллегіи является излишней: достаточно надзора за фабриками, заводами и ремеслами и надзоръ этотъ поручается губернскому начальству. Въ 1781 году упраздняется сперва Ревизіонъ, а затѣмъ и Штатсъ-Конторъ Коллегія. Дѣла Ревизіонъ-Коллегіи входятъ въ кругъ вѣдомства Казенной Палаты въ губерніи. Въ вѣдѣніе этой послѣдней поступили, сверхъ того, 1) горныя дѣла, и Бергъ-Коллегія въ 1783 году была закрыта, и 2) дѣла предоставленныя прежде Камеръ-Коллегіи, которая упразднена въ 1785 году. Послѣдними коллегіями подлежавшими закрытію, были Юстицъ и Вотчинная. Они прекратили свое существованіе въ 1786 году: Юстицъ-Коллегія перенесена въ губерніи въ видѣ уголовныхъ и гражданскихъ Палатъ, а дѣла Вотчинной Коллегіи сданы въ архивъ, получившій названіе Государственнаго Архива Вотчинныхъ Дѣлъ.

Остальныя коллегіи, т. е. Иностранныхъ Дѣлъ, Военная, Адмиралтейская и Коммерціи остаются до учрежденія при Им. Александрѣ I министерствъ. Къ нимъ присоединяется вновь образованная Медицинская Коллегія.

Система коллегіальнаго управленія въ центрѣ, такимъ образомъ, пала и къ концу царствованія Екатерины II восторжествовало личное начало: во главѣ разныхъ частей управленія становятся довѣренныя отъ верховной власти лица, передъ ней одной отвѣтственныя, т. е. иначе *министры*, но это названіе не употребляется. Им. Павелъ, хотя и возстанавливаетъ коллегіи, однако при немъ личное начало еще болѣе усиливается: съ одной стороны, каждая коллегія подчиняется особому директору, ставшему между нею и государемъ, а съ другой, отдѣльныя отрасли управленія попрежнему передаются въ вѣдѣніе лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ императора. Несогласованность этого единоличнаго, или министерскаго начала съ возстановленной коллегіальной системой внесла крайнюю запутанность въ управленіе.

Выходомъ изъ создавшагося положенія явилась замѣна коллегіальнаго начала въ центральномъ управленіи единоличнымъ путемъ учрежденія Им. Александромъ I министерствъ въ 1802 г. предварительно, въ видѣ, т. сказать опыта, а во 1811 г. по плану Сперанскаго окончательно.

Министерства. Въ манифестѣ 1802 года объ учрежденіи министерствъ слѣдующимъ образомъ объясняется цѣль реформы: „Мы заблагоразсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части сообразно естественной ихъ связи между собою и для благоуспѣшнаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами *министровъ*, постановивъ имъ главныя правила, коими они могутъ руководствоваться въ исполненіи всего того, что будетъ требовать отъ нихъ должность и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему". Въ основаніе учрежденія министерствъ былъ положенъ проектъ Новосильцева, разсмотрѣнный въ „неоффиціальномъ комитетѣ". Было установлено собственно одно министерство, раздѣленное на 8 отдѣленій, получившихъ также названіе министерствъ. Министры были членами Сената и состояли подъ его контролемъ, который выражался въ подачѣ ежегодныхъ отчетовъ Государю, подлежавшихъ предварительному разсмотрѣнію Сената. Коллегіи не были пока упразднены, а были *расписаны* по отдѣльнымъ министерствамъ, не входя, однако, въ ихъ составъ въ видѣ департаментовъ, на которые министерства перваго учрежденія еще не были раздѣлены. Такимъ образомъ, министерства 1802 г. были переходной ступенью отъ коллегіальной системы къ личному началу; представляя собою коллегіальныя министерства, они заключали въ своемъ устройствѣ внутреннее противорѣчіе, что вызывало необходимость поправокъ. Такъ въ 1803 г., по плану Сперанскаго, было преобразовано министерство внутреннихъ дѣлъ: коллегіальныя части этого министерства были упразднены и оно раздѣлено на департаменты. По примѣру этого министерства были уничтожены затѣмъ коллегіи и при другихъ министерствахъ.

Съ дальнѣйшими преобразованіями встрѣчаемся лишь при новомъ учрежденіи Министерствъ. Еще въ 1810 г. было произведено иное распредѣленіе дѣлъ между министерствами: новое же учрежденіе вышло въ 1811 г., черезъ годъ послѣ учрежденія Государственнаго Совѣта, членами котораго ex officio сдѣланы министры, получившіе право законодательной инціативы. Въ основаніе учрежденія министерствъ 1811 г., и по нынѣ сохраняющаго, въ общемъ, значеніе дѣйствующаго закона, положены два начала: 1) что „министерства не суть учрежденія, отличныя отъ Сената,

но суть сами сенатъ", и 2) что между управленіемъ высшимъ и подчиненнымъ не можетъ быть никакихъ посредствующихъ инстанцій. Но первое начало приняло въ Сводѣ законовъ ту условную форму, что министры присутствуютъ въ Сенатѣ. Что касается контроля Сената, то въ учрежденіи о немъ не говорится: министры непосредственно подчинены Государю, отъ котораго зависитъ и возбужденіе вопросовъ объ ихъ отвѣтственности. Всѣ донесенія, возбуждающія отвѣтственность, непосредственно представляются Государю, по усмотрѣнію котораго дѣло вносится на разсмотрѣніе Государс. Совѣта.

Варадиновъ.—Ис. Минис. внутрен. дѣлъ 8 т. 1858—1863 г. „Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Мин. подъ ред. *Куломзина* 5 т. 1902 г. Въ этомъ же году къ столѣтію перваго учрежденія минис. изданы истории. обзоры отдѣльн. министерствъ.

Органы мѣстнаго управленія.

Областныя установленія по законодательству Петра Великаго. *Административное дѣленіе перваго учрежденія губерній.* Въ началѣ своего царствованія Петръ Великій оставилъ мѣстное управленіе Россіи въ прежнемъ положеніи: по прежнему воеводы съ „товарищи" чинили судъ по дѣламъ гражданскимъ, по прежнему они вѣдали полицію и финансы, на прежнемъ основаніи губные старосты судили дѣла уголовныя. Только торгово-промышленный классъ въ 1699 году, какъ было указано при изученіи состоянія городскихъ обывателей, получилъ особую организацію и былъ изъятъ изъ-подъ власти воеводъ; да въ 1702 году уничтожены губные старосты и уголовный судъ переданъ въ руки воеводъ, съ которыми приказано „вѣдать всякія дѣла выборнымъ дворянамъ, получившимъ впослѣдствіи названіе ландратовъ, или земскихъ совѣтниковъ. Этимъ пока и ограничились измѣненія, введенныя въ областное управленіе; все остальное оставалось по старому до 1708 года, поворотнаго въ исторіи нашихъ мѣстныхъ установленій.

Организація арміи на новыхъ началахъ, созданіе флота, война со Швеціей вызывали большія издержки, требовали новыхъ налоговъ, и Петру Великому необходима была сильная власть на мѣстахъ, которая являясь лично отвѣтственной предъ верховной властью, собирала бы эти налоги и расходывала ихъ на мѣстѣ по указанію, равно какъ, осуществляя различныя порученія, могла бы дѣйствовать быстрѣе и энергичнѣе приказовъ

и воеводъ. Но чтобы создать такую власть, необходимо было прежде всего покончить съ разнообразіемъ областныхъ единицъ, развивавшихся исторически, разнообразіемъ, вносившимъ въ сферу областного управленія много неопредѣленности, мѣшавшимъ правильнымъ сношеніямъ центральной власти съ мѣстными установленіями и затруднявшимъ надзоръ за ихъ дѣйствіями. Итакъ, потребность въ сильной, энергичной и отвѣтственной власти на мѣстахъ и необходимость для ея созданія измѣнить прежнюю бытовую область въ искуственную, пріуроченную къ цѣлямъ правительства, вотъ главныя причины, приведшія къ административному раздѣленію Россіи на новыхъ началахъ и къ реформамъ мѣстныхъ установленій.

Въ дѣятельности Петра въ этомъ отношеніи можно различить два періода. Первый начинается съ 1708 года и представляетъ собою переходную эпоху въ сферѣ областного управленія, когда приводятся постепенно въ порядокъ начала, выработанныя въ теченіе XVII вѣка; второй открывается въ 1719 году, когда созданная въ первый періодъ система управленія видоизмѣняется.

18 декабря 1708 года былъ изданъ именной указъ, въ которомъ говорится, что „Великій Государь указалъ въ своемъ Великомъ государствѣ для всенародной пользы учинити 8 *губерній* и къ нимъ расписать города". (П. С. З. № 2218). Однимъ изъ основаній приписки того или другого города къ назначенному центру послужила большая или меньшая близость перваго къ послѣднему, отсюда неравномѣрность въ количествѣ городовъ по губерніямъ, неравномѣрность послѣднихъ по пространству и механическое соединеніе мѣстностей, не имѣвшихъ ничего общаго между собою ни въ историческомъ, ни въ этнографическомъ отношеніи. Дальнѣйшимъ подраздѣленіемъ губерніи являлся *уѣздъ*, подчиненный въ административномъ отношеніи приписанному къ губерніи городу, такъ что каждый городъ имѣетъ свой районъ, причемъ губернскій городъ, кромѣ значенія общаго центра для всей области, имѣетъ значеніе центра частнаго по отношенію къ своему спеціальному району (уѣзду). Въ виду того, что нѣкоторыя губерніи были очень велики по объему, между губерніей и уѣздомъ необходима была посредствующая единица, и такой единицей явилась *провинція*, образовавшаяся въ эту первую эпоху, по всей вѣроятности, административнымъ порядкомъ, такъ какъ законодательнымъ путемъ дѣленіе губерній на провинціи состоялось только въ 1719 году. Наконецъ, въ 1710 года введено новое областное дѣленіе, по значенію равное уѣзду: это такъ называемыя *доли*, изъ которыхъ каждая имѣла

5536 дворовъ. Это раздѣленіе губерній на доли имѣло сперва характеръ дѣленія спеціальнаго, установленнаго для цѣлей военныхъ (наборъ рекрутовъ) и финансовыхъ (сборъ податей), но впослѣдствіи изъ него думали сдѣлать общее дѣленіе.

Органы мѣстнаго управленія перваго учрежденія губерній. Во главѣ губерній стояли правители, назначавшіеся, большею частью, именными указами и называвшіеся вообще губернаторами, а въ частности или генералъ-губернаторами, если управляли губерніями, бывшими на военномъ положеніи (С.-Петербургской и Азовской), или вице-губернаторами, каковы начальники Архангелогородской губерніи. Но эти названія ничего не прибавляли и не убавляли въ ихъ власти: генералъ-губернаторы и вице-губернаторы были начальниками своихъ губерній съ такой же степенью власти, съ какой во всѣхъ другихъ были губернаторы.

А власть эта была всеобъемлющей, въ особенности со времени учрежденія Сената. Какъ въ рукахъ Сената было все по отношенію къ общегосударственному управленію, такъ и въ рукахъ губернатора, представителя Сената въ области, сосредоточивалось все относительно мѣстнаго управленія. Онъ былъ и судьей, и администраторомъ, и въ этомъ послѣднемъ качествѣ вѣдалъ всѣ дѣла по военному и финансовому управленію, имѣлъ попеченіе о различныхъ сторонахъ народнаго благосостоянія, осуществлялъ функціи по полиціи безопасности. Центральная власть сносилась, за немногими исключеніями, непосредственно съ губернаторомъ; передъ нею онъ былъ отвѣтственъ по всѣмъ вопросамъ областного управленія. Это ставило въ зависимость отъ губернатора прочихъ областныхъ правителей, хотя отношенія его къ этимъ послѣднимъ были въ эту эпоху въ общемъ неопредѣленны. Такъ, эти правители иногда сносились съ центральною властью непосредственно, равномѣрно, и отъ нея непосредственно же получали указы и, слѣдовательно, разсматривались ею, какъ власти, равныя губернатору. Впрочемъ, съ учрежденіемъ Сената, когда централизація дѣлаетъ замѣтные успѣхи, эта неопредѣленность въ отношеніяхъ власти губернской и уѣздной мало-по-малу исчезаетъ: губернатору все болѣе и болѣе подчиняются не только общественныя установленія, но и второстепенные областные правители.

Къ числу этихъ правителей, управлявшихъ извѣстною частью губерніи—уѣздомъ, провинціей, долей,—принадлежали *вице-губернаторы, оберъ коменданты, коменданты, ландраты и ландрихтеры.*

Вице-губернаторы, какъ второстепенные правители, являлись или помощниками губернатора, или же второстепенными правителями въ собственномъ смыслѣ, управлявшими провинціей или

уѣздомъ на общемъ съ губернаторами основаніи. Впрочемъ, вице-губернаторы существовали не во всѣхъ губерніяхъ, а тамъ, гдѣ они были, они чаще являлись въ качествѣ помощниковъ губернатора.

Оберъ-коменданты и коменданты были начальниками: первые — большею частью, провинцій, вторые — уѣздовъ и командирами мѣстныхъ гарнизоновъ. Оберъ-коменданты были, конечно, старшими, хотя отношенія между этими должностями выяснены въ указахъ вообще недостаточно. Какъ начальники гарнизоновъ, эти областные правители являлись, главнымъ образомъ, военными администраторами, какъ чиновники гражданскаго управленія, они несли общія правительственныя обязанности, т. е. были администраторами и судьями ввѣренной имъ части губерніи.

Ландраты, или земскіе совѣтники, представляли собою выборныхъ изъ дворянъ чиновниковъ, утверждавшихся въ должности правительствомъ, а иногда и прямо имъ назначавшихся. Выше было сказано, что уничтоживъ губныя учрежденія, Петръ Великій передалъ дѣла послѣднихъ воеводамъ, которые должны были вѣдать ихъ при участіи выборныхъ изъ дворянъ. При учрежденіи губерній въ 1708 г. земскій элементъ былъ забытъ въ мѣстномъ управленіи и вновь организованъ лишь по указу 1713 года по образцамъ нѣмецкимъ. Стремясь о введеніи повсюду коллегіальныхъ формъ съ цѣлью ограничить единоличный произволъ правителей, Петръ повелѣлъ этимъ указомъ учинить *ландратовъ* въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8, и составить изъ нихъ ландратскій совѣтъ для обсужденія всѣхъ вопросовъ по областному управленію вмѣстѣ съ губернаторомъ, который долженъ быть въ этомъ совѣтѣ „не яко властитель, но яко президентъ“, пользуясь лишь по отношенію къ остальнымъ членамъ преимуществомъ двухъ голосовъ (П. С. З. № 2673). Но, являясь на первыхъ порахъ губернаторскими совѣтниками, ландраты скоро стали правителями тѣхъ долей, на которыя подѣлены были въ 1710 году уѣзды. Именно, въ 1715 году оберъ-коменданты и коменданты уничтожены и замѣнены ландратами, изъ которыхъ каждый правилъ въ провинціи и уѣздѣ своею „долей на общемъ основаніи, т. е. былъ судьей и администраторомъ и въ качествѣ такового подлежалъ надзору губернатора; земскій элементъ перешелъ, такимъ образомъ, въ бюрократическій.

Ландрихтеры, или земскіе судьи, были также, какъ и ландраты, чиновниками или по назначенію, или по выбору общества. Должность эта, заимствованная изъ Швеціи, являлась, какъ показываетъ

названіе, судебной по преимуществу, но не исключительно, такъ какъ въ этотъ періодъ полнаго еще смѣшенія судебныхъ и административныхъ функцій ландрихтерамъ поручались разныя дѣла, предоставлялись различныя полномочія. Такъ, напр., ландрихтеры управляли иногда провинціями на общемъ основаніи, иногда же на нихъ возлагались такія спеціальныя порученія, какъ проводы губернскихъ партій рабочихъ на тульскіе заводы (П. С. З. № 2806).

Областныя установленія въ кругѣ ввѣренныхъ имъ задачъ дѣйствовали подъ верховнымъ надзоромъ Сената. Для этой цѣли при немъ состояли коммиссары отъ губерній для сношенія съ послѣдними Сената, и оберъ-фискалъ, подъ начальствомъ котораго должны были осуществлять функціи тайнаго надзора на мѣстахъ провинціалъ-фискалы и городовые фискалы, назначавшіеся изъ мѣстныхъ служилыхъ людей или избиравшіеся изъ купцовъ. О всѣхъ этихъ органахъ было сказано въ своемъ мѣстѣ.

Такова система мѣстнаго управленія перваго періода учрежденія губерній. Это не болѣе, какъ попытка измѣнить бытовую область въ административную, замѣнить областныя установленія XVII вѣка губернскимъ управленіемъ, попытка во многомъ неудачная, породившая на первыхъ порахъ лишь одинъ хаосъ и неопредѣленность. Предстояла еще большая работа, чтобы устранить этотъ хаосъ и неопредѣленность, превратить чисто механическую связь, въ которую были поставлены различныя по объему и значенію областныя единицы, въ стройную систему управленія. Отсюда понятны тѣ частичныя измѣненія и поправки, которыя совершаются то въ силу закона, то путемъ одной лишь практики въ теченіе всего разсмотрѣннаго періода, пока новыя областныя начала не выразились въ учрежденіи 1719 года, открывающаго второй періодъ въ исторіи петровскихъ областныхъ установленій.

Административное дѣленіе и органы управленія второго учрежденія губерній 1719 года. 29 мая 1719 года издается указъ, которымъ устанавливается новое дѣленіе Россіи на 11 губерній. Между губерніей и уѣздомъ оффиціально ставится посредствующая единица—провинція. По объему и названію провинціи отчасти напоминаютъ наши нынѣшнія губерніи. Такъ, напр., въ С.-Петербургской губерніи, между прочимъ, встрѣчаются такія провинціи: С.-Петербургская, Выборгская, Новгородская, Псковская, Тверская, Ярославская; въ Московской — Московская, Костромская, Владимірская, Тульская, Калужская и т. д. (П. С. З. № 3380).

Указанное раздѣленіе на губерніи совпало съ реформами въ центральномъ управленіи. Это обстоятельство не могло не повліять и на систему областного управленія. Нѣкоторыя должности

совершенно упраздняются или замѣняются новыми; правительство съ учрежденіемъ коллегій, между которыми безъ остатка распредѣляются всѣ дѣла управленія, стремится и въ области возможно правильнѣе распредѣлить дѣла, для чего судъ и финансовое управленіе выдѣляются изъ вѣдомства администраціи; это вызываетъ необходимость въ созданіи новыхъ должностей.

Во главѣ губерніи по прежнему остаются *губернаторы*, *генералъ-губернаторы* и *вице-губернаторы*. Но власть этихъ главныхъ начальниковъ, за немногими исключеніями, измѣняется. Изъ полныхъ хозяевъ губерній, непосредственныхъ представителей Сената, они низводятся на степень подчиненныхъ органовъ, дѣйствующихъ по предписаніяхъ изъ центральныхъ мѣстъ—коллегій, которыя становятся между областью и Сенатомъ.

Для общаго управленія провинціями создается новая должность *воеводъ*. Воеводы въ силу инструкціи, изданной въ этомъ же 1719 году, завѣдуютъ всѣми отраслями провинціальнаго управленія (П. С. З. № 3294). Осуществляя самыя разнообразныя обязанности, воеводы, какъ правители извѣстныхъ частей губерніи, находились, конечно, подъ надзоромъ губернатора, но объ отношеніяхъ этихъ двухъ должностей въ законѣ не говорится ничего. Воеводской инструкціей обязанъ былъ по закону (П. С. З. № 3386) руководствоваться и губернаторъ, т. е. онъ наравнѣ съ воеводой несъ однѣ и тѣ же обязанности. Но на практикѣ губернаторъ долженъ былъ въ силу вещей сдѣлаться органомъ, *направляющимъ и контролирующимъ*, какъ глава губерніи, *воевода же сталъ нормальнымъ типомъ управителя*, вѣдавшаго подъ начальствомъ губернатора всѣ вопросы мѣстной администраціи.

Къ спеціальнымъ должностямъ, учрежденнымъ въ губерніи по вѣдомству финансовому, относятся *камериры*, или надзиратели сборовъ, и *рентмейстеры*, или казначеи.

Камериръ, непосредственно подчиненный Камеръ-Коллегіи, вѣдалъ всѣ доходы и наблюдалъ за своевременнымъ и правильнымъ ихъ сборомъ.

Рентмейстеръ, поставленный подъ непосредственную власть Штатсъ-Конторъ-Коллегіи, завѣдывалъ пріемомъ, храненіемъ и отпускомъ денегъ, велъ приходо-расходныя книги и смотрѣлъ за всѣми провіантскими магазинами. Рентмейстеры назначались и въ провинціи, гдѣ, исполняя прямыя свои обязанности, слѣдили, сверхъ того, подобно камерирамъ, за правильнымъ поступленіемъ доходовъ, отдавая отчеты по этимъ вопросамъ непосредственно камерирамъ. Для сбора же податей въ уѣздахъ назначались земскіе коммиссары.

Земскіе коммиссары, существовавшіе уже съ 1715 года также для сбора податей, выбирались изъ среды дворянъ, и по вопросамъ финансоваго управленія поставлены теперь въ зависимость отъ камериpовъ. Но съ уничтоженіемъ въ 1719 году ландратовъ, земскіе коммиссары, кромѣ функцій финансовыхъ, несутъ обязанности по общему управленію въ уѣздѣ. Для помощи въ осуществленіи этихъ обязанностей при земскомъ коммиссарѣ состоятъ нижніе коммиссары, мостовые надзиратели и нѣсколько другихъ низшихъ служителей, смотря по величинѣ уѣзда.

За дѣйствіями всѣхъ перечисленныхъ должностей слѣдятъ, по прежнему, фискалы.

Такъ видоизмѣнилась система губернскаго управленія эпохи перваго учрежденія губерній. Если здѣсь видно развитіе началъ, положенныхъ въ основу областного управленія, и внесеніе въ него большей стройности, то съ другой стороны, умноженіе должностей, которыя считаются теперь сотнями и тысячами, не могло не отозваться тяжело на обществѣ, поставленномъ подъ сильную административную опеку. Правда, должности эти организуются на началахъ государственныхъ: новые областные правители являются чиновниками, обязанными управлять ввѣренной имъ частью въ интересахъ государства, а не для своихъ корыстныхъ цѣлей; самая служба перестаетъ быть доходною статьей, какъ это было при системѣ воеводскаго управленія XVII вѣка: она становится обязанностью, за добросовѣстное исполненіе которой чиновникъ получаетъ опредѣленное жалованье; однако, самая идея службы, какъ обязанности, осуществляемой въ интересахъ исключительно государственныхъ, туго прививается въ жизни; старинное начало кормленія еще жило въ сознаніи органовъ администраціи и злоупотребленія, хищничество, взятки, не смотря на строгій надзоръ и жестокое преслѣдованіе, стали проявляться съ большей силой, чѣмъ прежде.

Поэтому, вскорѣ система петровскаго мѣстнаго управленія измѣняется. Въ 1727 году издается указъ, которымъ отмѣняются многія установленія Петра. Мотивомъ такой отмѣны являлось убѣжденіе что „увеличеніе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не токмо служить къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной“. Камериры, земскіе коммиссары, рентмейстеры все это упраздняется, и, такимъ образомъ, вся власть предоставляется губернаторамъ и воеводамъ. Воеводы стали разбирать всѣ судебные дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, воеводы стали завѣдывать сборами податей и пошлинъ, воеводы стали управлять дѣлами полицейскими, губернаторъ же, какъ и прежде,

являлся главою губернскаго управленія, ограничиваясь лишь властью Императора, Сената и коллегій. Такая система оставалась почти безъ всякихъ измѣненій въ теченіе полустолѣтія, до самаго изданія *учрежденія для управленія губерній* 1775 года Императрицею Екатериною II.

Областныя установленія по законодательству Екатерины II. Исходя изъ того убѣжденія, „что цѣлое не можетъ быть хорошо, если отдѣльныя его части будутъ не въ исправленіи", Екатерина II считала необходимымъ произвести коренную реформу въ областномъ управленіи, что и осуществила своимъ знаменитымъ „Учрежденіемъ для управленія губерній Всероссійскія Имперіи", изданнымъ 7 ноября 1775 года. Этимъ „Учрежденіемъ" создана та система областного управленія, которая съ небольшими измѣненіями существовала до реформъ Александра II, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, именно, по отношенію къ губернскимъ правительственнымъ установленіямъ продолжаетъ существовать до настоящаго времени. Основнымъ принципомъ, на которомъ покоится „Учрежденіе", является децентрализація сосредоточеніе всей силы государственнаго управленія въ центрѣ признано несостоятельнымъ для исправленія частей", столь важнаго въ интересахъ „совершенства цѣлаго".

Во введеніи къ Учрежденію подробно излагаются мотивы, вызвавшіе необходимость реформы. Мотивы эти состоятъ въ слѣдующемъ: „по великой обширности губерній, оныя недостаточно снабжены, какъ правительствами, такъ и надобными къ управленію людьми, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, или казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ или полиціею, и, сверхъ того, еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются... Происходящее отъ того неустройство весьма ощутительно: съ одной стороны, *медленность*, *упущенія*, *волокита* суть естественныя послѣдствія таковаго неудобнаго и недостаточнаго положенія.., съ другой стороны, отъ медлительнаго производства возрастаютъ *своевольства* и *ябеда* обще съ другими пороками".

Для устраненія указанныхъ недостатковъ управленія были приняты слѣдующія мѣры: 1) Имперія раздѣлена на губерніи меньшія по объему, чѣмъ прежнія. Предполагалось, что губернія, „дабы порядочно могла быть управляема", должна имѣть отъ 300 до 400 тысячъ жителей; каждая губернія раздѣлена на *уѣзды* такъ, чтобы въ послѣднемъ было отъ 20 до 30000 душъ. Такихъ губерній образовано теперь 40; 2) Всѣ судебныя и административныя дѣла раздѣлены между отдѣльными установленіями,

дѣйствующими на основаніи законовъ болѣе или менѣе самостоятельно. Съ этою цѣлью *коллегіи упраздняются* и *переносятся* изъ столицы въ губернію подъ именемъ *палатъ*. 3) Личный составъ мѣстной администраціи оживленъ множествомъ выборныхъ должностей отъ сословій.

Переходя къ обзору тѣхъ многочисленныхъ органовъ управленія, которые созданы Учрежденіемъ, надо имѣть въ виду, что три главныя функціи государственной дѣятельности: полиція, финансы, судъ были раздѣлены въ губерніи. О судѣ мы скажемъ въ отдѣлѣ процессуальнаго права; здѣсь остановимся на изложеніи органовъ полицейскаго и финансоваго управленія.

1) *Полицейскія установленія*. Во главѣ губерніи стоитъ государевъ намѣстникъ, или генералъ-губернаторъ (ст. 2), назначаемый непосредственно Императорскимъ Величествомъ (ст. 59). Намѣстникъ получилъ двоякое значеніе: одно общее, какъ органъ государственнаго надзора по всѣмъ частямъ управленія, другое— частное, какъ главный начальникъ полиціи. Въ качествѣ органа государственнаго надзора, намѣстникъ долженъ былъ: „строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ и людей о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія и должностей, но безъ суда да не накажетъ никого: преступниковъ законовъ и должностей да отошлетъ, куда по указаніямъ слѣдуетъ для суда, *ибо государевъ намѣстникъ не есть судья*, но оберегатель Импер. Величества изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и Государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ...“ (ст. 81 и 82). Но объявляя, что генералъ-губернаторъ не есть судья, Учрежденіе о губерніяхъ ставитъ, однако, и дѣятельность судебныхъ мѣстъ подъ его контроль, именно: „государевъ намѣстникъ долженствуетъ вступаться за всякаго, кого по дѣламъ волочатъ, и принуждать судебныя мѣста своего намѣстничества рѣшить такое то дѣло, но отнюдь не мѣшается въ производство онаго, ибо онъ есть, повторяетъ Учрежденіе, „яко хозяинъ своей губерніи, а не судья“ (ст. 85). „Но еслибъ въ судебномъ мѣстѣ опредѣлено было, что несправедливо, то государевъ намѣстникъ можетъ остановить исполненіе и доносить Сенату, а о времени нетерпящихъ дѣлахъ и Импер. Величеству. Сіе наипаче касается до дѣлъ уголовныхъ въ присужденіи къ отнятію у кого жизни или чести, и по такимъ дѣламъ исполненіе и вовсе быть не должно, не донося генералъ-губернатору“ (ст. 86).

Въ качествѣ главнаго начальника полиціи, намѣстникъ обязанъ „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безпутство,

мотовство, тиранство и жестокости (ст. 84), предупреждать могущій быть въ его намѣстничествѣ всякій недостатокъ въ нужныхъ для жизни припасахъ, какъ то въ хлѣбѣ, въ соли и пр.“ (ст. 87).

Наконецъ, на намѣстника возлагаются нѣкоторыя обязанности по финансовому и военному управленію: „точность сборовъ и сохраненіе въ томъ порядка безотяготительнаго принадлежитъ до попеченія генералъ-губернатора и отдача рекрутъ должна быть подъ его рачительнымъ присмотромъ“ (ст. 88).

При изданіи Учрежденія 1775 г. предполагалось назначить намѣстниковъ въ каждую губернію и, такимъ образомъ, отождествить послѣднюю съ намѣстничествомъ, но при введеніи его въ дѣйствіе Императрица отступила отъ этого плана. Въ расписаніи намѣстничествъ, составленномъ въ 1781 году (П. С. З. № 15171), назначено ихъ не 40, а только 17, причемъ, нѣкоторыя губерніи совсѣмъ не получили намѣстника, другія были соединены, большею частью, по двѣ, но встрѣчаются намѣстничества изъ одной губерніи (Московское и Рижское) и одно намѣстничество въ 4 губерніи (отданное Потемкину). Это обстоятельство придало особый характеръ должности намѣстника: *изъ нормальнаго типа высшей должности въ системѣ мѣстныхъ установленій*, какъ это предполагалось Учрежденіемъ, намѣстникъ сталъ *органомъ чрезвычайнымъ*: связь между намѣстниками и прочими губернскими, или намѣстническими установленіями была порвана.

Для управленія и полиціи учреждено *намѣстническое*, или *губернское правленіе*, въ составъ котораго входятъ подъ предсѣдательствомъ намѣстника, правитель намѣстничества, или губернаторъ съ двумя совѣтниками.

Губернское правленіе, по опредѣленію Учрежд., „есть мѣсто, которое управляетъ въ силу законовъ именемъ Имп. Величества всею губерніею, обнародываетъ и объявляетъ повсюду въ подчиненныхъ ему областяхъ законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія Имп. Велич. и выходящія изъ Сената и изъ прочихъ государ. мѣстъ, на то власть имѣющихъ“ (ст. 95). На губернское правленіе возложено наблюденіе за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ закона, принятіе полицейскихъ мѣръ къ прекращенію всякаго безпорядка и всякихъ беззаконныхъ дѣйствій и др. Хотя губернское правленіе и состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ, но въ сущности оно устроено на началахъ бюрократическихъ, такъ какъ имѣетъ лишь совѣщательный голосъ при особѣ намѣстника, который пользуется голосомъ рѣшающимъ.

Губернатору Учрежденіемъ дано такое значеніе, какое въ настоящее время принадлежитъ вице-губернатору, т. е. втораго предсѣдателя правленія, исправляющаго должность намѣстника

въ случаѣ его отсутствія. Это обстоятельство имѣло важное послѣдствіе при введеніи въ дѣйствіе Учрежденія. Намѣстники, какъ сказано выше, были назначены не во всѣ губерніи, и губернаторы фактически стали *дѣйствительными правителями послѣднихъ*, получивъ то значеніе въ составѣ губернскаго правленія, какое остается за ними до сихъ поръ.

Губернскому правленію, какъ высшему органу полиціи, былъ предоставленъ надзоръ за всѣми полицейскими установленіями губерніи.

А такими установленіями являлись въ уѣздѣ—*нижній земскій судъ съ земскимъ исправникомъ*, или *капитаномъ* во главѣ, а въ городахъ—*городничій* или *комендантъ*. Совѣщательнымъ органомъ при городничемъ была *Управа благочинія, введенная уставомъ благочинія 1782 г.* Городъ въ полицейскомъ отношеніи раздѣленъ на части и кварталы съ *частными приставами* и *квартальными надзирателями*.

2) *Финансовыя установленія.* Финансовое управленіе въ губерніи было поручено *Казенной палатѣ*, которая, по опредѣленію Учрежд., „ничто иное есть, какъ соединенный департаментъ Камеръ и Ревизіонъ Коллегій, которому поручаются въ смотрѣніе домостроительныя и казенныя дѣла той губерніи“ (ст. 118). Казенная Палата состоитъ подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора изъ директора экономіи, одного совѣтника, двухъ ассессоровъ и одного губернскаго казначея (ст. 117). Предметами вѣдомства казенной палаты были дѣла по составленію вѣдомостей о числѣ народонаселенія, по приходу и расходу казенныхъ суммъ, по ревизіи счетовъ, по завѣдыванію различными доходными статьями казны (винными откупами, подрядами), по завѣдыванію публичными зданіями и ихъ содержаніемъ (ст. 118). Въ уѣздѣ казенная палата имѣла свой особый органъ въ лицѣ *уѣзднаго казначея*; который завѣдывалъ пріемомъ, храненіемъ и выдачей казенныхъ суммъ (ст. 134—137).

Лохвицкій.—Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія, 1864. *Градовскій.*—Начала рус. госуд. права. Т. III. Органы мѣстнаго управленія 1883. *Мрочекъ-Дроздовскій.*—Областное упр. Россіи XVIII в. Ч. I. 1876 г. *Милюковъ.*—Государств. хозяйства Россіи (Спб. 1892 г.). *Богословскій.*—Областная реформа Петра В. Провинція 1719—27 гг. 1902. *Филипповъ.*—Рецензія на указ. сочин. Богословскаго Отч. о XLVI присужд. наградъ гр. Уварова 1906 г. *Бичиновъ.*—Губернаторы. 1905 г. *Григорьевъ.*—Реформа мѣстнаго управленія, при Екатеринѣ II. 1910. *Готье.*—Исторія областного управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II. Т. I. Реформа 1727 г. 1913.

Конецъ первой книги.

БИБЛІОТЕКА ... ПРОФЕССОРА ...